

Институт славяноведения РАН

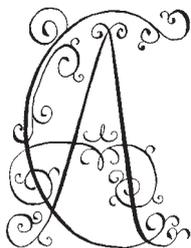
Славянский Альманах

3-4 · 2022

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2022

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2022. — Вып. 3–4 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2022. — 512 с.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2022 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, языкознания, этнолингвистики, литературоведения и истории науки. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Индрик», 2022

Slavic Almanac 2022. Issues 3–4 /
Nikiforov K. V., Editor-in-Chief — Moscow: Indrik, 2022. — 512 p.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731

This issue of “Slavic Almanac” (3–4, 2022) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, etnolinguistics, literary studies and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
Institute of Slavic Studies RAS
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year
Circulation: 500 copies
Published since 1997

© Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2022
© Authors, 2022
© Publishing house “Indrik”, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ
Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия
Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия
Димич Л., Белградский университет, Белград, Сербия
Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия
Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ
Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия
Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония
Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Радева В., Софийский университет, София, Болгария
Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения
Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Макарцев М. М., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia
Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan
Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria
Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia
Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria
Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia
Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy
Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

---

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kirilina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kochegarov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Makartsev M. M., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

История

- Носов Б. В. (Москва).* Российская гарантия государственного устройства шляхетской Речи Посполитой и политика России в Польше в начале восстания Барской конфедерации (1768 год) 12
- Фролова М. М. (Москва).* Развенчивая мифы историографии. Русские и румыны при овладении Раховом (9 ноября 1877 г.) 56
- Сорожкина Ю. О. (Москва).* Характер модернизационных процессов на Балканах на примере Белграда (1878–1914 гг.) 79
- Кирилина Л. А. (Москва).* Словенцы и правительство Э. Тааффе (1879–1893) 93
- Киреева Е. С. (Москва).* Аннексионный кризис 1908 г. как поворотный момент во внешней политике Сербии 114
- Марчуков А. В. (Москва).* Социально-этические последствия немецкой и румынской оккупации (на примере южных и восточных областей УССР) 128

Лингвистика и этнолингвистика

- Ващенко Д. Ю. (Москва).* Словацкие и венгерские наречия группы «скоро» по корпусным данным 152
- Масальская М. М., Остапчук О. А. (Москва).* Женские имена в урбанонимии славянских столиц (на примере Москвы, Варшавы и Софии) 171
- Агапкина Т. А. (Москва).* Карпатоукраинская *скуса* – от слова к персонажу 190
- Плотникова А. А. (Москва).* Об одном мифологическом мотиве у градищанских хорватов в сопоставлении с соседними традициями южных и западных славян 209
- Гура А. В. (Москва).* Народная демонология Подлясья (по материалам собственных записей) 225

- Климова К. А., Никитина И. О. (Москва).* Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции 249

История науки

- Кирикова О. А. (Санкт-Петербург).* Панегирики первых профессоров Петербургской академии наук и их учеников 261
- Робинсон М. А. (Москва).* Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве (после его переезда в Петроград) 279

История культуры

- Рагозин Г. С. (Архангельск).* «Средневековье на службе Империи»: образы чешской, венгерской и польской истории в сочинениях Франца Грильпарцера (1825–1830 гг.) 335
- Задорожнюк Э. Г. (Москва).* Н. С. Лесков, чехи и славянский мир ... 356
- Семакина Т. Р. (Москва).* Непонятая литература, подозрительные пьесы и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических противоречиях в польско-советских культурных контактах на рубеже 1920–1930-х гг. 381

Публикации

- Дронов М. Ю. (Москва).* Штрихи к портрету участника Венгерского похода 1849 г. А. Л. Верниковского 394
- Ганин А. В. (Москва).* «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки». Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. 403
- Стыкалин А. С. (Москва).* Чехословакия весны 1970 г. глазами советской писательской делегации 430

Обзоры и рецензии

- Никифоров К. В. (Москва).* Сербия на пути к полной независимости 448
- Старкова В. В. (Москва).* Иван Цанкар сто лет спустя: сборник статей, посвященный 100-летию юбилею со дня смерти «рыцаря словенского слова» 455

<i>Борисёнок Ю. А. (Москва)</i> . Смоленский вариант белорусизации 1920-х гг.	463
<i>Чжэн Янтун (Харбин, Москва)</i> . Концептуальная лексика сербской народной культуры	479

Хроника

<i>Дронов М. Ю. (Москва)</i> . Международная научно-практическая конференция «Христианские ценности и межкультурное взаимодействие»	488
<i>Пилипенко Г. П., Узенева Е. С., Шалаева Т. В. (Москва)</i> . V Международная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»	492

Contents

History

<i>Nosov B. V. (Moscow)</i> . The Russian guarantee of the statehood of the szlachta-controlled Polish–Lithuanian Commonwealth and the Russian policy in Poland at the beginning of the uprising of the Bar Confederation (1768)	12
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . Debunking the myths of historiography. Russians and Romanians at the capture of Rahovo (November 9, 1877)	56
<i>Sorozhkina Yu. O. (Moscow)</i> . The nature of modernization processes in the Balkans on the example of Belgrade (1878–1914)	79
<i>Kirilina L. A. (Moscow)</i> . The Slovenes and the government of E. Taaffe (1879–1893)	93
<i>Kireeva E. S. (Moscow)</i> . The Annexation crisis of 1908 as a turning point for Serbia’s foreign policy	114
<i>Marchukov A. V. (Moscow)</i> . Socio-ethical consequences of the German and Romanian occupation (on the example of the southern and eastern regions of the USSR)	128

Linguistics and ethnolinguistics

<i>Vashchenko D. Yu. (Moscow)</i> . Slovak and Hungarian adverbs of the “soon” group according to corpus data	152
<i>Masalskaya M. M., Ostapchuk O. A. (Moscow)</i> . Female names in the urban onomasticon of Slavic capitals (on the example of Moscow, Warsaw, and Sofia)	171
<i>Agapkina T. A. (Moscow)</i> . Carpatho-Ukrainian <i>skusa</i> – from word to character	190
<i>Plotnikova A. A. (Moscow)</i> . On one mythological motif among the Burgenland Croats in comparison with the neighboring traditions of the South and the West Slavs	209
<i>Gura A. V. (Moscow)</i> . Folk demonology of Podlasie (based on own materials)	225

- Klimova K. A., Nikitina I. O. (Moscow)*. The traditional culture and the language of the “Russian Greeks” in Sochi: A review of an ethnolinguistic expedition 249

History of science

- Kirikova O. A. (St. Petersburg)*. Panegyrics of the first professors of the Petersburg Academy of Sciences and their students 261
- Robinson M. A. (Moscow)*. V. N. Peretz as an academic advisor after moving to Petrograd and his students in Kiev 279

History of culture

- Ragozin G. S. (Arkhangelsk)*. “The Middle Ages on Imperial service”: Czech, Hungarian and Polish historical images in works by Franz Grillparzer, 1825–1830 335
- Zadorozhnyuk E. G. (Moscow)*. N. S. Leskov, Czechs and the Slavic world 356
- Semakina T. R. (Moscow)*. Incomprehensible literature, suspicious plays, and omnipotent censorship: On the issue of ideological contradictions in Polish-Soviet cultural contacts at the turn of the 1920s–1930s 381

Publications

- Dronov M. Yu. (Moscow)*. Touches to the portrait of the participant of the Hungarian campaign of 1849 A. L. Vernikovskiy 394
- Ganin A. V. (Moscow)*. “He changed his orientation depending on the political situation.” Denikin intelligence about the General staff officers who served in the Ukrainian troops. 1919 403
- Stykalin A. S. (Moscow)*. Czechoslovakia in the spring of 1970 viewed by the Soviet writers’ delegation 430

Reviews

- Nikiforov K. V. (Moscow)*. Serbia on its way towards full independence .. 448
- Starkova V. V. (Moscow)*. Ivan Cankar one hundred years later: A collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the death of the “knight of the Slovenian word” 455

- Borisenok Yu. A. (Moscow)*. The Smolensk variant of Belarusianization in the 1920s 463
- Zheng Yangtong (Harbin, Moscow)*. A conceptual vocabulary of Serbian folk culture 479

Chronicles

- Dronov M. Yu. (Moscow)*. The International scientific and practical conference “Christian values and intercultural interaction” 488
- Pilipenko G. P., Uzeneva E. S., Shalaeva T. V. (Moscow)*. The 5th International Conference “Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology” 492

УДК 94(100) "18"

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.01

Б. В. Носов

**Российская гарантия государственного устройства
шляхетской Речи Посполитой
и политика России в Польше в начале восстания
Барской конфедерации (1768 год)**

Носов Борис Владимирович
Доктор исторических наук, заведующий отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: bnossov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4253-1259

Цитирование

Носов Б. В. Российская гарантия государственного устройства шляхетской Речи Посполитой и политика России в Польше в начале восстания Барской конфедерации (1768 год) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 12–55. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.01

Статья поступила в редакцию 15.08.2022.

Аннотация

В статье рассматривается политика России в Польше в XVIII в., направленная на установление зависимости шляхетской республики от Петербурга. Эта политика реализовывалась и в начальный период восстания Барской конфедерации, вспыхнувшего после ратификации сеймом в феврале 1768 г. российско-польского трактата о гарантии государственного устройства шляхетской республики и уравнения в сословных и политических правах католической и диссидентской (протестантов и православных) шляхты. На основе материалов Архива внешней политики Российской империи автор рассматривает попытки русского посла в Варшаве Н. В. Репнина заручиться поддержкой польского короля и магнатских группировок (в первую очередь «фамилии» Чарторыйских) для созыва нового сейма, который должен был объявить конфедерацию незаконной. Провал попыток созыва сейма и начало русско-турецкой войны 1768–1774 гг. предопределили неудачу политики Петербурга добиться разрешения возникшего кризиса посредством компромисса с магнатскими верхами. Вместе с тем политические усилия России в период подготовки осеннего сейма 1768 г. объективно способствовали стабилизации польской государственности и в определенной мере – ее политической модернизации.

Ключевые слова

Политический строй Речи Посполитой, политика России в Польше в XVIII в., привилегии польской шляхты, польские реформы, сейм, Барская конфедерация.

Отмеченное в Польше в 2018 г. 250-летие со времени начала восстания Барской конфедерации (1768–1772 гг.) стало заметным событием в научной и общественной жизни, что, как представляется, послужило стимулом и для российских исследователей обратиться к этой теме¹. Барская конфедерация сыграла существенную роль в российской политике в отношении Речи Посполитой в конце 1760-х – начале 1770-х годов. При этом в российской историографии, в сравнении с другими проблемами российско-польских отношений в царствование Екатерины II, Барской конфедерации уделено относительно немного места. В трудах российских историков борьба с конфедератами затрагивалась исключительно как второстепенная проблема либо в связи с русско-турецкой войной 1768–1774 гг., либо в связи с крестьянским восстанием на Правобережной Украине, получившим в русской и польской историографии название Колиивщина. Примечательно, что даже в «Истории России...» С. М. Соловьева эти три проблемы, представляющие собой очевидную совокупность, рассмотрены по отдельности. А сама история Барской конфедерации как таковая (при том, что уделено ей совсем немного внимания) описана практически на полях 27 тома в третьей главе, охватывавшей период 1766–1768 гг. и озаглавленной «Борьба с Польшею за диссидентов»².

Практически одновременно с трудами Соловьева, с 1866 по 1874 гг., вышли в свет 5 томов монографии А. Н. Петрова «Война России с Турцией и Польскими конфедератами. 1769–1774»³. Его исследование, как и труды Соловьева, стало также откликом, с одной стороны, на польское Январское восстание 1863 г., а с другой – на столетие

¹ Совместно российскими и польскими исследователями на основе материалов сибирских архивов был издан труд: *Данильчик А., Крих А. А., Мулина С. А.* Барские конфедераты в Западной Сибири: Биографический словарь. СПб., 2019.

² *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга XIV. История России с древнейших времен. М., 1994. Т. 27–28. С. 219 и далее. См. также: *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.

³ *Петров А. Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1769–1774. СПб., 1866–1874. Т. 1–5.

русско-турецкой войны, положившей начало Восточному вопросу, роковому для всей истории международных отношений последней трети XVIII и всего XIX в. в Европе. В целом подход Петрова к описанию войны с барскими конфедератами мало чем отличался от концепции Соловьева, за исключением одной существенной особенности, а именно, его намного более обстоятельного обращения к франкоязычным источникам, восходящим, применительно к истории Барской конфедерации, к французской дипломатии и к лагерю конфедератов, в первую очередь к «Истории...» Клода Рюльера⁴.

Думается, что выработанные Соловьевым, ставшие классическими и многократно повторенные последующими исследователями концепция и структура изложения истории противостояния России и барских конфедератов были обусловлены современной описываемым событиям политической тенденцией, отраженной в исторических источниках XVIII в. российского происхождения, следовавших за официальной позицией правительства Екатерины II. В дальнейшем эта точка зрения была воспринята российской историографией XIX – начала XX вв.

Согласно указанной концепции истории русско-польских отношений XVIII в., движение барских конфедератов представляло собой не более чем действия разбойничьих шаек мелкой шляхты, бесчинствовавших в охваченной анархией шляхетской республике. Именно так с самого начала, по указанию шефа русской внешней политики Н. И. Панина, российской пропаганде надлежало представлять Барскую конфедерацию как в Речи Посполитой и в России, так и при европейских дворах⁵. То, что подавляющее большинство барских конфедератов представляло собой «сборища» мелкой «незаможной» шляхты, не раз подчеркивал и игравший в то время ключевую роль в русско-польских отношениях российский посол в Речи Посполитой Н. В. Репнин, пренебрежительно указывая, что это люди, «ни кола, ни двора не имеющие, кроме имени дворянского». Примечательно, что аналогичного мнения придерживался и выступавший на стороне

⁴ *Rulhière C. C. Histoire de l'anarchie de Pologne, et du démembrement de cette république. Paris, 1807. Vol. 1–4.*

⁵ Рескрипт Екатерины II Н. В. Репнину. 28 марта (8 апреля) 1768 г. // Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). СПб., 1893. Т. 87. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 5. 1768–1769 г. С. 67–68; Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 31 марта (11 апреля) 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 101–103.

конфедератов, направленный к ним представитель секретной дипломатии Людовика XV Клод Рюльер. Он писал, что «мирные жители страны, землевладельцы» называли конфедератов «разбойниками»⁶. Отзыв Рюльера, сравнившего конфедератов с разбойниками, находит подтверждение в свидетельствах шляхтичей-диссидентов, бежавших от произвола конфедератов в Курляндию⁷.

В польской исторической литературе изучение Барской конфедерации имеет богатейшую публицистическую и историографическую традицию⁸, однако и там политике России уделено немного внимания. В классической для польской историографии монографии Владыслава Конопчиньского автор следующим образом охарактеризовал политику Екатерины II: «Коль скоро на долю России к выгоде для Пруссии выпала роль насильника в отношении Речи Посполитой, то Репнин исполнил ее до конца. В то время как по стране подобно мифической гидре отрастали новые головы конфедерации, – самой Речи Посполитой грозила смертью надвигавшаяся с Запада война»⁹. Не характеризуя труд Конопчиньского в целом, отметим только, что выдающийся польский историк опирался и на материалы российских архивов, однако, уделив главное внимание истории собственно Барской конфедерации и внутреннему положению в Речи Посполитой, он, по понятным причинам, оставил проблемы русской политики на втором плане. В рамках этой общей концепции, не рассматривая стратегию и тактику Петербурга в деталях, вслед за Конопчиньским обращались к истории Барской конфедерации и последующие польские исследователи, сосредоточив внимание на самом движении, на его социальной

⁶ *Rulhière C. C. Histoire de l'anarchie de Pologne... Vol. 3. P. 22.*

⁷ К. Симолин – Н. И. Панину. 30 августа (10 сентября) 1768 г. – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 63. Сношения с Курляндией. Оп. 63/7. Д. 222. Л. 43–46. Перевод см.: Там же. Л. 47–51.

⁸ См.: *Grabski A. F. Dzieje historiografii. Poznań 2003; Grabski A. F. Orientacje polskiej myśli historycznej. Studia i rozważania. Warszawa, 1972; Grabski A. F. Myśl historyczna polskiego oświecenia. Warszawa, 1976; Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970; Wierzbicki A. Historiografia polska doby romantyzmu. Wrocław, 1999.*

См. также: *Konopczyński W. Konfederacja barska. Warszawa, 1991. Т. 1–2; Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1986. Т. 2; Michalski J. Dyplomacja Polski w latach 1764–1795 // Historia dyplomacji polskiej. Warszawa, 1982. Т. 2. S. 483–692; Michalski J. Schyłek konfederacji barskiej. Wrocław, 1970.*

⁹ *Konopczyński W. Konfederacja barska. Т. 1. S. 143.*

природе, политической и идейной эволюции, а также на внутривоспольской борьбе в среде конфедератов.

Об оценках Барской конфедерации в новейшей польской историографии свидетельствуют принадлежащие перу в том числе и ведущих польских историков научно-популярные очерки, приуроченные к 250-летию со дня провозглашения восстания. Одно перечисление поднятых тем¹⁰ указывает на то, что история конфедератской войны была всесторонне рассмотрена в указанных публикациях. Однако центральный вопрос: «Шляхетский рокош или национальное восстание?», поставленный редактором журнала «Говорят века» Т. Богуном, был оставлен авторами практически без ответа. «Последнее время, – по словам редактора, – о конфедерации охотно говорят как о первом польском национальном восстании. Однозначно она стала проявлением первого ряда старого анархического польского республиканизма. Часть прежних польских конфедератов в дальнейшем осталась на позициях измены (королю Станиславу Августу и шляхетской республике. – Б. Н.), однако другие решились на сотрудничество с королевским лагерем. Это стало уже осознанным проявлением отхода от анархической традиции польского сарматизма»¹¹.

Причиной и поводом к восстанию конфедератов стал протест большинства польской шляхты против постановлений сейма 1767 г. об уравнении в сословных и политических правах католической польской

10 См.: *Adamski L.* Zapomniane powstanie // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 8; [*Bohun T., Butterwick-Pawlikowski R., Kopczyński M., Ugniewski P.*] Rokosz; czy powstanie? O konfederacji barskiej z profesorami Richardem Butterwickem-Pawlikowskim i Piotrem Ugniewskim rozmawiają prof. Michał Kopczyński i Tomasz Bohun // *Ibid.* S. 9–13; *Kosińska U.* Jak i dla czego Rzeczpospolita przestała być podmiotem polityki międzynarodowej w XVIII wieku // *Ibid.* S. 14–17; *Dukwicz D.* Rzeczpospolita w polityce Rosji w dobie konfederacji // *Ibid.* S. 18–21; *Zielińska Z.* Stanisław August wobec konfederacji barskiej // *Ibid.* S. 22–25; *Milewski D.* Portret zbiorowy liderów konfederacji // *Ibid.* S. 26–30; *Kopczyński M.* Królobójcy? // *Ibid.* S. 31–34; *Waśkiewicz A.* Rousseau i paladium szlacheckiej wolności // *Ibid.* S. 35–38; *Milewski D.* Taktyka konfederatów // *Ibid.* S. 39–43; *Bohun T.* Rosjanie przeciw konfederacji barskiej // *Ibid.* S. 44–47; *Bohun T.* Koliszczynna: bunt czy rosyjska inspiracja? // *Ibid.* S. 48–51; *Haratym A.* Pożegnanie z Rzeczpospolitą. Konfederacja orszańska // *Ibid.* S. 52–55.

11 [*Bohun T., Butterwick-Pawlikowski R., Kopczyński M., Ugniewski P.*] Rokosz; czy powstanie? S. 11. См. также: *Konfederacja barska 1768–1772* / под ред. А. Данилczyка. Warszawa, 2018.

шляхты с представителями диссидентских конфессий в составе польского рыцарства. В полной мере полновластие польской шляхты и ее практически неограниченные сословные привилегии, доведенные до высшей степени политические права и свободы, включая право *liberum veto* и право конфедерации (то есть легитимного восстания против верховной власти), были гарантированы Российской империей, что было закреплено в особом трактате между сеймом Речи Посполитой и Екатериной II. Однако режим российской гарантии, не затрагивая шляхетские свободы, формально отражал ограничение суверенитета шляхетской республики и ее зависимость от Российской империи, что вполне сознавали шляхетские верхи и правящие магнатские группировки. Таким образом, отвергая навязанное равноправие католической и иноверческой шляхты, а также установленную зависимость республики от политической воли Петербурга, конфедераты восстали под лозунгами защиты католической веры и шляхетской вольности.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение политики России в условиях режима российской «гарантии» в отношении республиканских институтов Речи Посполитой в начальный период восстания Барской конфедерации, охватывая период до объявления на исходе 1768 г. русско-турецкой войны и неудачной попытки созыва сейма в ноябре 1768 г. При этом мы опираемся на источники русского происхождения, прежде всего дипломатическую корреспонденцию русского посла в Варшаве с Петербургом, хранящуюся в Архиве внешней политики Российской империи и опубликованную в сборниках Русского исторического общества.

Значение для русской политики провозглашенной 29 февраля 1768 г. в Баре шляхетской конфедерации не сразу было осознано Н. В. Репниным, игравшим, по мнению его польских современников, фактически роль русского проконсула в Польше. Первоначально не придали ей значения и шефы Репнина в Петербурге, надеявшиеся, что «туча сия вскоре минует». Однако уже в середине марта посол изложил план борьбы с конфедератами. Ему представлялось возможным через восемь дней собрать сенатский совет и от его имени обратиться к Екатерине II как к гаранту польской конституции. Однако, замечал посол, это стало бы «нарушением традиции и законов», так как такое обращение есть прерогатива сейма. Провести же сейм без конфедерации сторонников России невозможно, так как в этом случае он будет сорван. Поэтому, писал Репнин, следует «собрать маленькую конфедерацию» в Варшаве. В любом случае, по словам посла, необходимо применить войска и сохранить

в незыблемости позиции России в Польше¹². В качестве маршала новой пророссийской конфедерации он предлагал молодого графа Францишка К. Браницкого¹³.

Депеша Репнина была написана сразу после разговора посла с королем Станиславом Августом, о чем свидетельствует приведенная в депеше точная дата созыва сенатского совета (состоялся 24 марта), а также полученные от короля и приложенные к депеше копии документов. Поэтому и изложенный послом план, возможно, был согласован с королем или даже им и предложен. Здесь же Репнин писал, что война с возникшей конфедерацией грозит вызвать большую войну с Оттоманской Портой, чего желательно бы избежать, однако, по мнению посла, лучше «их (турок. – *Б. Н.*) предупредить, нежели еще более возгордиться чрезвычайными уважениями к их прихотям»¹⁴.

Опасения Репнина вполне разделяли в Петербурге. Руководитель русской внешней политики 1760–1770-х годов Н. И. Панин предоставил послу полную свободу действий для «скорейшего разогнания мятежников» – либо по решению сенатского совета; либо по постановлению новой конфедерации и ее главы – Ф. К. Браницкого «или кого иного»; либо на основе российской декларации и в силу трактата о гарантии¹⁵. В последнем случае военные действия России против конфедератов могли бы расцениваться, с одной стороны, как неприкрытая интервенция, а с другой – как законный акт восстановления республики (*respublicae constituendi*). Однако в инструкциях Панина ничего не было сказано о возможном проведении сейма, очередной созыв которого предстоял осенью 1768 г. Это, вероятно, означало, что в Петербурге рассчитывали на разгром конфедерации не позже окончания летней военной кампании, еще до проведения сеймиков, на которых предстояло избрать послов на сейм.

В Петербурге рассчитывали, что, не дожидаясь созыва сейма, легитимное основание для разгрома Барской конфедерации даст собранный королем в марте 1768 г. сенатский совет. Донося о его ходе и решениях, Репнин сообщал, что в центре тамошней дискуссии, во-первых, был вопрос о законности Барской конфедерации: рассматривать ли «барское

12 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 5 (16) марта 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 926. Л. 1–7 об.

13 Постскрипtum к депеше от 5 (16) марта 1768 г. – Там же. Л. 10–10 об.

14 Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIV. С. 220.

15 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 31 марта (11 апреля) 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 101–103.

возмущение» как подлежащий подавлению бунт или как правомерное восстание свободной шляхты в защиту поправных прав. В первом случае сенат и король обладали полномочиями подавить выступление вооруженной силой, во втором – конфликт властей и конфедерации мог быть разрешен только на сконфедерированном сейме примирения. Во-вторых, дискуссия развернулась по вопросу о праве сенатского совета принимать решения о действиях в отношении Барской конфедерации. Коль скоро она была образована для защиты религиозных прав, рассуждали сенаторы, а упомянутые права относились к государственным материям законодательства, то, следовательно, находились они исключительно в ведении сейма, конституции (постановления) по которым принимались только при условии единогласного голосования послов сейма. Поэтому, по мнению сенаторов, и решение названных вопросов находилось в компетенции только сейма, а не сенатского совета. В-третьих, ключевым вопросом Сенатского совета стала трактовка договора о российской гарантии польской конституции. Сенаторы задались вопросом, требуется ли дополнительное обращение к России и от кого оно должно исходить (от короля, Сената, сейма или конфедерации) в случае нарушения гарантированного Россией конституционного статуса Речи Посполитой¹⁶.

В итоге сенатский совет принял компромиссное постановление «обратиться с увещанием к конфедератам», убедить их сложить оружие и подчиниться решениям сейма 1767 г., в противном случае угрожая прибегнуть к помощи России¹⁷. С этой целью для переговоров с Барской конфедерацией в начале апреля был направлен генерал Анджей Мокроновский. В случае отказа конфедератов признать постановления сейма 1767 г. и сложить оружие сенаторы высказались за признание находящихся в Речи Посполитой российских войск «помощными», то есть призванными для защиты республики в силу трактата о российской «гарантии». Таким образом, ни по одному из обсужденных вопросов сенатский совет не принял ясного и твердого постановления. Однако уже из его решения вытекало, что единственным способом разрешения кризиса оставалось формальное постановление сейма¹⁸.

16 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 15 (26) марта 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 926. Л. 41–45.

17 Propozycuja na Radę Senatu pro 24 marca roku 1768 – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 926. Л. 46–46 об.; Rezultat na propozycuję (приложения к депеше Н. В. Репнина от 15 (26) марта 1768 г.) – Там же. Л. 51–52 об.

18 *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 47.

Несмотря на компромиссный исход сенатского совета и очередную отсрочку начала решительных действий против конфедератов, Репнин, не дожидаясь инструкций из Петербурга, приказал 26 марта русским войскам двигаться к Бару, не приближаясь, однако, к турецким границам¹⁹.

В это время из лагеря конфедератов в Баре вожди движения Юзеф Пулавский и Михал Красиньский рассылали по всей стране манифесты с призывом присоединиться к конфедерации и готовить ее акт. Среди многочисленных деклараций и воззваний конфедератов этого времени, большая часть из которых не сохранилась, имеется обращение к «достойным гражданам России», написанное, вероятно, Адамом Красиньским от имени Юзефа Пулавского. Через некоего российского ротмистра оно было передано Репнину и отослано послом в Петербург. В этом обращении предлагалось, дабы россияне отвергли «насилия Репнина» и «дружественно вместе с поляками» выступили бы на защиту «своей и нашей веры стародавней». Однако значение воззвания этим не ограничивалось. Во-первых, в нем нашла отражение единая для всех магнатских группировок позиция, укоренившаяся в сознании польской шляхты, что со стороны конфедератов сопротивление постановлениям делегации сейма 1767 г. направлено не против России, а только против незаконных и насильственных действий русского посла. Во-вторых, помимо сугубо тактических соображений, в воззвании нашло отражение понимание, что объективно Россию и Польшу связывает общее историческое прошлое и общие интересы, что полный разрыв этих связей не в интересах шляхетской республики.

С самого начала борьбы с конфедератами русское правительство и Репнин настаивали, чтобы польские войска включились в военные действия против них. Это позволило бы русскому командованию представить собственные операции против отрядов конфедерации как содействие польским правительственным силам. С этой целью, в частности, российский посол добивался, дабы на сенатском совете конфедераты были объявлены «бунтовщиками» и «злодеями отечества», что давало бы формальное право и основание властям применить против них военную силу. Однако ни «фамилия» Чарторыйских, фактически руководившая военной комиссией, ни король Станислав Август не спешили с этим, ссылаясь на миссию А. Мокроновского,

19 Н. В. Репнин – П. Н. Кречетникову (приложение к депеше Н. В. Репнина от 15 (26) марта 1768 г.) – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 926. Л. 59–59 об.

которая в действительности была призвана позволить властям в Варшаве и правившим магнатским группировкам оттянуть время, чтобы в дальнейшем воспользоваться сложившейся конъюнктурой.

Репнин же, напротив, как в переговорах с польским королем и властями в Варшаве, так и в переписке с Петербургом настаивал на решительных и безотлагательных военных действиях против конфедератов. Еще в июне 1768 г., когда русские войска вели осаду Бердичева, Репнин в донесениях в Петербург выражал убеждение, что конфедерацию необходимо подавить незамедлительно, иначе кризис неизбежно приведет к войне с Турцией, ссылаясь на то, что того же мнения придерживается и российский посол в Константинополе А. М. Обресков. При этом Репнин подчеркивал, что если решающие победы не будут достигнуты до сентября 1768 г., то есть до назначенных на это время сеймиков по избранию послов на предстоящий сейм, то положение еще более ухудшится²⁰. Обращает на себя внимание, что упомянутая депеша датирована 15 июня, то есть практически за два месяца до издания королевского универсала о созыве сеймиков. Указание в депеше на время проведения сеймиков может свидетельствовать, что русский посол обсуждал эту проблему со Станиславом Августом и что проведение предстоящего сейма было одной из существенных задач русской политики в Польше, наряду со стремлением предотвратить практически неизбежное военное столкновение с Османской Портой.

Из этого исходил Репнин, определяя задачи военных действий против конфедератов. Он планировал, во-первых, обеспечить военный контроль над столицей и главными политическими центрами Литвы (Вильно и Гродно), во-вторых – разгром конфедератов в Великой Польше, в-третьих – разделить кордоном области Малой Польши и Польской Руси, где действия конфедератов носили наиболее активный характер и где столкновения с турками были весьма вероятны. И, наконец, в-четвертых – взятие главных центров Барской конфедерации – Бердичева, Бара и Кракова. Однако для решения всех этих задач имевшихся в распоряжении Репнина войск явно было недостаточно. Успешные действия русских корпусов против главных конфедератских центров не привели к желаемым результатам. В конце июня 1768 г. Репнин писал Панину: «Дела здешние час от часу приходят в пушую серьезность и вид весьма неприятный. Войска наши, рассыпанные по земле, принужден я мучить разными маршами для предупреждения

20 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 4 (15) июня 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 929. Л. 1–5.

езде возмутительств. Но иногда к тому не успевают. <...> Дела тянутся, а дерзость возмутителей и недоброжелателей возрастает. Если еще четыре или пять недель конца и искоренения сим возмутительствам наши войски не учинят, то еще столько же, по малой мере, ввести будет нужно для предупреждения сеймиков, ибо вся земля в то время запылает, если присутствие наших сил от того не воздержит»²¹.

Расположенные в Польше русские войска испытывали в борьбе с конфедератами немалые трудности, поскольку им приходилось вести боевые действия в условиях партизанской войны на значительной территории, при нехватке боеприпасов, при проблемах с тыловым обеспечением, трудностях с применением артиллерии. Разумеется, регулярные части русской армии сохраняли подавляющее превосходство над неорганизованными отрядами конфедератов. Это позволило русским войскам, поддержанным польскими коронными войсками под командованием Ф. К. Браницкого, одержать ряд побед. По данным российской Военной коллегии, с марта по август 1768 г. имели место 24 факта боевых действий между русскими войсками и силами конфедератов, в том числе четыре крупных операции. Если первую из них – занятие в апреле Люблина – можно расценить скорее как некий демонстративный акт, то последовавшие в дальнейшем осады и взятие Бердичева, Бара и Кракова представляли собой настоящие сражения. По неполным данным российской Военной коллегии, за весь период с марта по август 1768 г. конфедераты в боях с русскими войсками потеряли убитыми и ранеными 1331 чел., в плен было взято 5062 чел.²² То есть, принимая во внимание характер боевых действий, они понесли весьма значительные потери.

Проведение сеймиков имело для русской политики в Польше принципиальное значение. От возможности установления действительного российского контроля над земскими шляхетскими корпорациями как со стороны русских военных отрядов, так и пророссийски настроенных магнатских группировок, их сторонников и клиентов на местах (о чем свидетельствовал опыт радомской конфедерации 1767 г.) в решающей степени зависело формирование пророссийской конфедерации, способной противостоять барским конфедератам и объявить незаконным «барский рокош» с позиций формальной легитимности.

21 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 14 (25) июня 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 929. Л. 83–83 об.

22 См.: Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Т. 1. 1695–1800 гг. СПб., 1908.

Однако Репнин осознавал все трудности, стоявшие на пути решения этой задачи. В июне он писал Панину: «Сколь я от конфедерации, учиненной с нашей стороны, не уклоняюсь, полагая ее последним способом, понеже несет она с собой много убытков, разного образа хлопот, сконфедерованный сейм и разные государственные резолюции, до чего я всего времени убегаю дойти, но не знаю, возможно ли будет того избежать, если продолжатся возмутительства, ибо не можно будет нам иначе в сем огне руки развязать нашим партизанам и желателям спокойства республики, как дав им репрезентацию оной и власть через ту свободно действовать против возмутителей, объявляя их злодеями отечества, которое без законодательной власти никто учинить не может, а ту власть никому взять нельзя, кроме конфедерации. Сейм оную (власть. – Б. Н.) имеет, но, если он не под узлом конфедерации держаться будет»²³. Репнин, таким образом, подчеркивал, что проведение сейма «под вензелем конфедерации» представляет для русской политики существенную опасность, так как, помимо делегитимизации и уничтожения Барской конфедерации, такой сейм мог бы принять постановления, решительно противоречившие бы целям русской политики. Возможности же надежно противодействовать такого рода актам у посла практически не оставалось. Предотвратить развитие событий подобного рода можно было, согласовав с новой «русской партией» не только условие роспуска Барской конфедерации, но и компромиссную программу политических реформ, приемлемую и желательную для обеих сторон.

В заключение депеши от 14 (25) июня Репнин констатировал: «Сия есть критическая позиция, в коей я нахожусь. Прошу же Ваше сиятельство, – обращался он к Панину, – мне дать наставление, приступить ли к столь хлопотному и тяжкому делу, если иного способа не буду видеть к окончанию и искоренению здешних возмутительств, приметя при том и то, что может от сего на несколько времени здесь междоусобная война произойти, но лучше, кажется, нам в оную войти с помощью одной здешней нации, нежели одним делать, оставляя наших партизанов в недействии. Они ж инако в оную войти не могут, как через конфедерацию, которая надобно, чтоб распространилась во всей Польше. Доносил уже я выше Вашему сиятельству, что я от сего удерживаюсь, но только в самой крайности как последний способ представляю и резолюции на оное також в той крайности прошу»²⁴.

23 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 14 (25) июня 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 929. Л. 84–85 об.

24 Там же.

Реализация политических планов России в Речи Посполитой во многом зависела от положения в Литве, поскольку шляхта и магнаты Великого княжества традиционно считались более склонными к сотрудничеству с Петербургом, нежели их собратья из других провинций и земель шляхетской республики. По словам В. Конопчиньского, летом 1768 г. «политическая физиономия Литвы проявилась более выражено». Прежний радомский лагерь, расколовшийся еще в ходе сейма 1767 г., был практически раздроблен²⁵. Колебания литовских магнатов ставили под сомнение осуществимость планов задуманной Репниным конфедерации «друзей России».

Не лучше обстояло дело и в других провинциях Речи Посполитой. В середине июля 1768 г. Репнин писал Панину, что из 21 сеймика, на которых предстояло выбрать депутатов Коронного трибунала, на девяти «по недоброжелательству и своеволию съездов на оные не было». О семи сеймиках не было получено в Варшаве еще известий (четыре сеймика на востоке и юге Малой Польши и в Польской Руси, где наиболее активно действовали конфедераты, и три сеймика в Королевской Пруссии). Депутатов избрали только в Шроде (Познанское воеводство), в Радзейове (Иновроцлавское воеводство), во Львове, где собиралась шляхта Русского воеводства, и в Болимове – от Равы Русской. Два последних упомянутых успешных сеймика в Польской Руси, вероятно, были возможны в силу влияния там магната Августа Чарторыйского, воеводы русского. Наконец, по понятным причинам, ожидаемым успехом завершился сеймик Мазовецкого воеводства в Варшаве, проходивший под присмотром Репнина и расположенных в столице русских войск²⁶. В заключение посол констатировал: «Не знаю еще, каким образом сему можно будет помочь, ибо по сих пор еще пять только депутатов выбрано, а трибунальского ни одного заседания держать не можно менее семи человек. Старый же трибунал далее положенного ему срока продолжаться не может»²⁷. Приведенное высказывание Репнина свидетельствует, что посол обсуждал сложившееся положение со Станиславом Августом, ибо только в беседах с королем он, как правило, черпал сведения о нормах и особенностях польского права. Из донесения Репнина также следовало, что, несмотря на ухудшение ситуации в Речи Посполитой, русская политика по-прежнему рассматривала сохранение польской

государственности и противодействие усилению анархии как существенные для себя политические цели. Провал трибунальских сеймиков и практическая недееспособность судебной власти, функционирование которой имело для шляхты особое значение, свидетельствовали о том, что с самого начала Барской конфедерации, даже без изданного ей формального постановления о закрытии судов, Польско-Литовское государство оказалось во власти глубокого кризиса.

Исход трибунальских сеймиков оказался явно неблагоприятным как для русской политики в Речи Посполитой, так и для магнатских верхов и польского королевского двора. Несмотря на это, ни в Петербурге, ни в Варшаве не отказались от планов организовать реконфедерацию и провести очередной сейм осенью 1768 г. К депеше от 31 июля²⁸ Репнин приложил «расписание находящихся здесь войск», прикомандированных к предстоящим посольским сеймикам, при этом русский посол выразил надежду, «что возмутительства до тех пор кончены будут»²⁹. Под латинской литерой «Н» к депеше от 31 июля был приложен «Реестр сеймикам, местам, где оные держатся и сколько куда войск определяется»³⁰. В итоге, согласно реестру, для контроля за проведением посольских сеймиков было выделено: «3 полка гренадер, 18 батальонов мушкетер, 18 [отдельных] рот гренадерских, 5 полков карабинер, 4 полка гусар, 500 чугуевских и 2000 донских казаков»³¹, то есть почти все силы русских войск, имевшихся в распоряжении Репнина. По этому поводу посол писал в депеше что, «если успокоится все прежде сеймиков, то сделанное по оным расположению войск довольно будет, а если еще совсем возмутители не искоренены будут <...>, то необходимо будет еще более войск ввести нужно, а полезнее всего легкой кавалерии, да несколько самых малых пушек»³².

На следующий день, в дополнение к уже составленной депеше, Репнин написал еще одно, чрезвычайное донесение, оформленное как постскриптум от 1 августа 1768 г. Это донесение вовсе не упомянуто С. М. Соловьевым. Конопчиньский процитировал лишь его маленький фрагмент, не уделив внимания содержанию послания³³.

28 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 20 (31) июля 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 932. Л. 1–4 об.

29 Там же. Л. 3.

30 Там же. Л. 45–46 об.

31 Там же. Л. 46 об.

32 Там же. Л. 4.

33 *Konopczyński W. Konfederacja barska*. Т. 1. S. 144.

25 *Konopczyński W. Konfederacja barska*. Т. 1. S. 87–88.

26 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Постскриптум к депеше 10 (21) июля 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 931. Л. 113.

27 Там же.

Постскрипту³⁴ начинался с сообщений о дальнейшем обострении ситуации в стране несмотря на ожидаемое через 1–2 недели взятие корпусом Прозоровского осажденного Кракова. Сообщалось также, что примкнувшая к Барской конфедерации безземельная шляхта занимается «разбоем и грабежом»³⁵. Посол писал о полном упадке государственного управления шляхетской республики, особенно о катастрофическом состоянии государственных доходов. Очевидно, что эти сведения были почерпнуты Репниным из состоявшегося накануне разговора со Станиславом Августом. В итоге посол излагал свой «собственный план», который, весьма вероятно, как это бывало не раз ранее, был также согласован с польским королем или даже подсказан последним. «Чарторьские, – писал Репнин Панину, – никакого участия в настоящих возмутительствах не имеют, напротив, весьма претерпевают и разоряются от оных. Внутренне король им и они ему злодеи. Соединение их николи таково быть не может, чтобы я их не разъединил, сколь скоро то нужно будет. Силы прежней они совсем не получают, ибо королем так властвовать не будут, как прежде, да и важности нам в том уже такой нет, ибо дела наши сделаны»³⁶. Таким образом, план предполагал воссоздание той политической системы, которая уже была установлена под эгидой России в Польше в 1765–1766 гг., с тем, правда, принципиальным отличием, что российская гарантия польской конституции уже была утверждена сеймом и трактатом 1768 г., включая и уравнивание в сословных правах с католиками диссидентской шляхты. Однако изложенный план никоим образом не указывал, на какие политические выгоды для себя могли бы рассчитывать король и Чарторьские в случае его реализации, причем если для короля мотивом заинтересованности могло быть просто сохранение трона, то для его дядей предположительные выгоды были не столь очевидны. Сам же план не мог не предполагать некоего компромисса между польским двором и «фамилией», с одной стороны, и Петербургом – с другой. Целью короля и Чарторьских могло бы быть, во-первых, восстановление контроля магнатских великих родов, и прежде всего собственной «партии» над «сбросившими ярмо» (выражение Августа Чарторьского) непокорными шляхетскими корпорациями, и во-вторых,

34 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Постскрипту к депеше от 21 июля (1 августа) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 932. Л. 50–53.

35 Там же. Л. 50.

36 Там же. Л. 50 об.–51.

восстановление собственного доминирования в среде магнатских группировок. Последнее было, в свою очередь, достаточно тесно связано с планами «исправления» Речи Посполитой, к поддержке которых предположительно могла бы вновь присоединиться Россия. Именно в рамках последнего вопроса и проявлялись в наибольшей степени противоречия между Станиславом Августом и его дядями – старыми князьями Чарторьскими. В ответ на постскрипту Репнина Панин писал послу 4 (15) августа 1768 г., что Екатерина II одобрила все его действия и соображения. К предложенному же плану, который Репнин «сам себе определил» (многозначительно подчеркивал Панин), шеф русской внешней политики не находил «ничего к тому прибавить»³⁷.

Итак, ответственность за содержание, исполнение и последствия плана Репнина, за исключением неприкосновенности диссидентского дела и гарантии, и Екатерина, и Панин целиком возложили на посла. Однако есть основания предполагать, что в Петербурге были достаточно хорошо информированы о контурах задуманного компромисса Репнина, со Станиславом Августом, с одной стороны, и вождами «фамилии» – с другой.

Об этом позволяет судить обширный мемориал Репнина, направленный Панину более чем за полгода до описываемых событий, а именно в ноябре 1767 г.³⁸ Мемориал тогда же, в конце 1767 г., был передан императрице, которая наложила на него известную резолюцию. И до февраля 1769 г. он оставался в кабинете Екатерины, фигурально выражаясь, на рабочем столе императрицы, вместе с инструкцией русским войскам, прикомандированным к августовским (1768 г.) посольским сеймикам. Только в 1769 г., в изменившейся уже политической ситуации, и мемориал, и инструкция были переданы в архив Кабинета, что и объясняет и их расположение среди писем и бумаг Екатерины, и датировку и место в последующей публикации в сборниках Русского исторического общества. Упомянутый мемориал Репнина неоднократно использовался исследователями в связи с историей сейма 1767 г. Его содержание в достаточно вольном изложении приводил С. М. Соловьев³⁹, как одно из свидетельств готовности посла

37 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 4 (15) августа 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 124–127.

38 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 11 (23) декабря 1767 г. // СИРИО. Т. 87. С. 279–286.

39 Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIV. С. 203–204.

пойти навстречу уговорам Станислава Августа и согласиться на ограничение правила *liberum veto*. В связи с историей учреждения Постоянного совета ссылался на него и В. Конопчинский⁴⁰. О нем писал Н. Д. Чечулин в монографии о внешней политике России в начале царствования Екатерины II⁴¹. Однако все названные авторы обращались к «письму Репнина» достаточно фрагментарно и только по отдельным вопросам. Детально в контексте политической ситуации конца 1767 г., когда Репнин вел переговоры с делегацией сейма, рассматривал эту депешу и автор настоящей статьи в своей монографии⁴², поместив полный текст депеши в приложении⁴³. В частности, нами был приведен ряд аргументов, указывавших на то, что в депеше нашли текстуальное отражение положения, выдвинутые польским королем и направленные в Петербург как собственное мнение русского посла.

На мемориале Репнина императрица написала адресованную Панину резолюцию: «Гр. Никита Иванович, вы можете приказать ответы заготовить в силе того, на чем мы согласились, ибо лишь бы осталось нам иметь способ от либерум вотум, то для чего бы не позволить пользоваться соседям некоторым нам индифферентным порядком, который еще и нам иногда может и в пользу оборотиться»⁴⁴. Иными словами, Екатерина II дала согласие на проведение неких реформ, которые не затрагивали бы принципиальных для русской политики вопросов государственного устройства шляхетской республики, статуса сословий, численности вооруженных сил и размеров государственных доходов, а также прав и привилегий диссидентов.

Очевидно, что сформулированные в конце 1767 г. идеи сохраняли свою актуальность и в сентябре 1768 г., накануне сейма, особенно в условиях кризиса шляхетской Речи Посполитой, вызванного восстанием Барской конфедерации и недееспособностью политической системы магнатской олигархии. Репнин исходил из того, что, во-первых, «русская партия» должна состоять из сторонников укрепления польско-литовского государства и пользоваться доверием и поддержкой

40 *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917. S. 115–117.

41 *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896. С. 289.

42 *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004. С. 633–636.

43 Там же. С. 685–691.

44 СИРИО. Т. 87. С. 286.

шляхетского сословия, что послужило бы прочным фундаментом русского влияния в Польше и возможного польско-русского союза в войне с Турцией⁴⁵. Во-вторых, посол утверждал, что установленной зависимости польского короля от России недостаточно, что надо Станиславу Августу «доказать через собственное его благополучие, что он не может лучше сделать, как быть нам совершенно преданным»⁴⁶. Иными словами, Репнин исходил из согласия со Станиславом Августом по вопросу о реформаторской программе польского короля, не нарушая, однако, фундаментальных принципов русской политики в Польше. В-третьих, сама программа реформ, в принципе, хотя и частично, одобренная русским послом, включала модернизацию государственного устройства при сохранении либерум вето, введение порядка принятия сеймовых постановлений по внутренним (экономическим) вопросам «множеством голосов», за исключением случаев, предусмотренных кардинальными и государственными законами. В-четвертых, программа исходила из недопущения срыва сеймов и отказа от законодательного признания права конфедерации⁴⁷. В-пятых, Репнин практически поддержал идею создания органа исполнительной власти (Непременного совета)⁴⁸. Эта мера, с одной стороны, ограничивала бы полномочия короля и сената, а с другой – способствовала бы централизации системы власти и управления шляхетской республики обоих народов.

Итак, к концу августа 1768 г. в Варшаве Репниным были получены приведенные выше инструкции Панина от 4 (15) августа 1768 г.⁴⁹, в которых был одобрен план Станислава Августа и Репнина провести сейм «под собственным управлением» короля и примирить восставшую шляхту с властями Речи Посполитой на основе программы реформ в духе постановлений сейма 1767 г. при незыблемости российской гарантии и равноправия диссидентов.

В то время, когда панинские депеши находились на пути в Варшаву, в польской столице 12 августа королевским универсалом было объявлено о созыве сейма, который был назначен в Варшаву на 7 ноября 1768 г. Сеймики должны были пройти 26 сентября, а генеральный сеймик в Королевской Пруссии – 10 октября. О значении, придаваемом

45 Там же. С. 280.

46 Там же. С. 281.

47 Там же.

48 Там же. С. 281–282.

49 Там же. С. 124–127.

в Петербурге предстоящим выборам послов на сейм, свидетельствует «Генеральная инструкция всем российским войскам командирам, находящихся при сеймиках»⁵⁰. Ее направление в Варшаву означало, что в Петербурге принципиальные вопросы русской позиции по отношению к сейму к этому времени были разрешены. В инструкции, в частности, поручалось прикомандированным к сеймикам командирам русских воинских подразделений: «Надлежит всем (собравшимся шляхтичам) накануне держания сеймика, то есть 15 и 16 сентября (по старому стилю. – Б. Н.) <...> объявить словесно, учтиво и ласково, находящимся тут главным из шляхетства, что вы не намерены им никакого помешательства делать в держании сеймика, оставляя им всю волю в их советах и учреждениях, а только объявляете, чтобы не вздумали сие законное собрание обратить в поступок возмутительной конфедерации; что в таком случае должны будете оному воспротивиться и вооруженною рукою действовать против таких возмутителей». И далее: «Для верности по избрании послов, по сочинении лаудума и инструкции надлежит вам из канцелярии выписать копии с того лаудума и инструкции уже точно и увидите, не сделана ли при сем собрании и в тайне какая возмутительная конфедерация и с именным реестром о выбранных послах и тотчас о том подробно по команде рапортовать...». Уже из этой инструкции видно, что процедура проведения посольских сеймиков существенно отличалась от той, которая была накануне сейма 1767 г. Тогда заранее были определены маршалы сеймиков, а также представители Радомской конфедерации, которые руководили их проведением, и заранее же были составлены инструкции послам. Теперь, спустя год, осенью 1768 г., в инструкции начальникам воинских команд только глухо говорилось о неких «главных» в проведении сеймика. Иными словами, ни о каком контроле над сеймиками не было и речи, как не было и реальной возможности воспрепятствовать образованию враждебных России конфедераций. Все это свидетельствовало о том, что планы Петербурга не были согласованы ни с предводителями магнатских группировок, ни с их сторонниками и клиентами в воеводствах и землях.

Стоявшая перед Репниным задача по проведению сеймиков осложнялась еще и тем, что посол одновременно должен был управлять войсками, действовавшими против конфедератов, предотвращать

⁵⁰ Генеральная инструкция всем российским войскам командирам, находящихся при сеймиках (не позднее середины августа 1768 г.) // СИРИО. Т. 87. С. 287–288.

новые вспышки конфедератского движения, принимать меры по подавлению крестьянского восстания на Украине, контролировать ситуацию вблизи границы с Османской Портой. Репнин доносил 17 августа Панину, что, несмотря на взятие русскими войсками Бердичева и Кракова, достигнутые победы не изменяют ситуацию в ходе военных действий и положения в стране в пользу России, «а, напротив, везде ферментация продолжается», готовятся новые «возмутительства», в частности – в Белоруссии⁵¹.

Для проведения сеймиков необходимо было выяснить позицию магнатских группировок и возглавлявших их великих родов. Остатки прежнего радомского лагеря, очевидно, не могли стать уже опорой обновленной русской партии. Его недавние предводители не поддерживали контактов с Репниным. Задуманное Репниным соглашение с «фамилией» оставалось сугубо гипотетическим. Вспышки конфедератских выступлений ожидалось повсеместно, даже в относительно спокойной до недавнего времени Литве. В целом политическая ситуация в стране представлялась русскому послу безрадостной, «но лекарства я на нее, – писал Репнин, – не знаю, кроме как пушки и ружья», и констатировал: «Слава Богу, что не вдруг все загорается. Не знали бы мы здесь тогда, куда оборотиться»⁵².

Тревоги и опасения Репнина стали сбываться. На недавно еще относительно спокойных землях Великого княжества Литовского, в Вилькомире, 23 августа образовались две конфедерации (Вилькомир и Ковно) под лозунгами защиты церкви и свободы во главе со Стефаном Швейковским и Домеником Медекшей⁵³. В известной мере их выступление было спровоцировано проведенными по приказу командующего русскими войсками в Литве Г. Нуммерса превентивными арестами заговорщиков накануне сеймиков⁵⁴. При этом нелишне отметить, что если в 1767 г. подобная тактика Репнина имела успех, то уже в условиях конфедератской войны такое устрашение возымело обратное действие. Возможно, такие аресты могли запугать представителей магнатских верхов, однако в отношении рядовой, зачастую «незамощной» шляхты такого рода репрессии, очевидно, не дали ожидаемого результата.

⁵¹ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 6 (17) августа 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 933. Л. 4–5 об.

⁵² Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 20 (31) июля 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 932. Л. 3 об.–4.

⁵³ *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 94.

⁵⁴ *Ibid.* S. 89.

Таким образом, политическая и военная ситуация в Речи Посполитой, и особенно в Литве, не оставляла ни для Репнина, ни для его шефов в Петербурге иного выхода, как опереться на «фамилию» и привести в действие согласованный с королем план. С этой целью Репнин в августе 1768 г. трижды встречался с Августом Чарторыйским⁵⁵. Воевода русский тогда уклонился от обсуждения конкретных мер и плана совместных действий, настаивая на денонсации российской гарантии государственного устройства и политической системы шляхетской республики и на передаче реальной власти в руки «фамилии». О состоявшейся четвертой встрече воеводы и посла Репнин доносил Панину 31 августа⁵⁶. Упоминание этой депеши присутствует и у С. М. Соловьева, и у В. Конопчинского. Причем оба историка указали только на центральный тезис посла о безоговорочной неприемлемости со стороны России уступок по вопросу о гарантии и о статусе диссидентов⁵⁷. Однако в депеше содержались и некоторые другие немаловажные положения. Репнин писал, что «хотя Чарторыйские в мыслях и стакнулись с королем, видя сии способы кратчайшими ко усмирению всего, которое и действительно правда, но не имели они с ним в том никакого согласия, а впрочем, – добавлял русский посол, – и сам я знаю, чтоб все усмирилось – отступ от сих двух пунктов. Но дороже б сия тишина была куплена, нежели она стоит»⁵⁸.

Тем не менее, несмотря на ухудшение военно-политической ситуации, вызванное восстаниями в Литве, и безрезультатность переговоров с Чарторыйскими, Репнин продолжал подготовку к предстоящим посольским сеймикам. Об этом посол докладывал Панину в приложении к депеше от 10 сентября. В нем он извещал шефа Коллегии иностранных дел о своей переписке с Обресковым по поводу положения вблизи турецких границ и о выводе оттуда русских войск⁵⁹. В частности, в связи с предстоящим сеймом Репнин разъяснял Панину, что с точки зрения польского законодательства легитимное участие в сейме

может иметь только генеральная конфедерация, «когда все три стана, составляющие республику, то есть Король, Сенат и рыцарский стан, приступят к конфедерации. А один без другого или другой без третьего не могут никакого государственного законного предприятия сделать, ни решения учинить. Где же Король, где Сенат и большая часть рыцарского стану – все сие к барским мятежникам не приступило, следовательно, и не могут они сконфедерованными станами называться»⁶⁰. Так косвенным образом Репнин изложил свой план проведения сейма, когда бы к провозглашенной на сейме конфедерации сторонников Станислава Августа официально присоединились бы и король, и сенат.

Однако положение дел складывалось таким образом, что перспектива реализации этого плана на предстоящем сейме не только вызывала сомнения, но казалась совершенно нереальной. Переговоры Репнина с воеводой русским показали, что Чарторыйские не были уверены в достаточности собственных сил и не видели реальной возможности умиротворить страну. Поэтому они предпочитали торговаться с русским послом в расчете на укрепление позиций своей «партии» как главной политической силы в шляхетской республике, избегая обязательств продемонстрировать свою силу и влияние на деле. Проблематичной выглядела и вторая задача русской политики на предстоящем сейме: сохранить от разрушения государственные институты Речи Посполитой, подтвердив их легитимность в условиях российской гарантии, включая статус диссидентской шляхты и королевский титул Станислава Августа.

В начале сентября В. Кар доставил в Варшаву адресованные Репнину очередные инструкции Панина⁶¹. По мнению руководителя российской внешней политики, Станислав Август и Чарторыйские «согласились действовать по одинаковым правилам» и намерены добиваться уступок в диссидентском вопросе, что также следовало и из перлюстрированной корреспонденции Я. Псарского и польского короля. Однако, утверждал Панин, и в этом случае послу следует продолжать контакты с Чарторыйскими, дабы «употребить их полезными орудиями». Далее в тексте панинской депеши следовала сформулированная высоким стилем сентенция о незыблемости гарантии и установленного статуса диссидентов⁶². Эти напыщенные утверждения в сочетании

⁵⁵ *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 148–150.

⁵⁶ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 20 (31) августа 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 933. Л. 49–51.

⁵⁷ *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга XIV. С. 227; *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 150.

⁵⁸ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 20 (31) августа 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 933. Л. 49–50 об.

⁵⁹ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Приложение к депеше 30 августа (10 сентября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 934. Л. 9–11.

⁶⁰ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Приложение к депеше 30 августа (10 сентября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 934. Л. 10 об.–11.

⁶¹ Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 12 (23) августа 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 151–153.

⁶² Там же.

с указанием «возобновить сии рассуждения князьям Чарторижским» свидетельствуют о том, что письмо предназначалось непосредственно для показа вождям «фамилии». Им же была адресована и провозглашенная политическая альтернатива, что в случае согласия Чарторыйских на сотрудничество с Россией «не удалимся мы, конечно, подать им действительные опыты снисхождения нашего». В противном же случае, если конфедераты и их сторонники будут способствовать разжиганию войны с Турцией, то и Россия, заявлял Панин, вынуждена будет рассматривать Польшу как своего врага, что повлечет для страны пагубные последствия, кои императрица из человеколюбия желала бы предотвратить. Поэтому она и обращается к «князьям Чарторижским, яко первым и знатнейшим в отечестве своем людям, кои теперь спасение его и гибель в руках своих имеют, обратить и устремить при высочайшим Ея Имп. величества подкреплении и покровительстве все свои силы к благовременному освобождению самих себя и отечества своего от неотвратимой инако бездны опасностей. Я думаю, – писал в заключение Панин, – что сии уважения как у князей Чарторижских и короля, так и у других магнатов с пользою потреблены быть могут; но оставляя, однако ж, употребления оных собственному вашему на месте усмотрению»⁶³.

В ответ на это письмо Панина Репнин писал, что «хотя виды короля и князей Чарторыйских стакнулись по поводу гарантии и диссидентского дела, однако за то я могу совершенно ручаться, что они между собой никакого согласия не имели и не имеют, о чем уже я вашему сиятельству доносил от 31 августа. Впрочем, по предыдущим моим [письмам] ваше сиятельство уже видели, что сношение мое с воеводой русским перервалось без всякой, однако ж, кислоты, а впредь продолжаю быть в учтивом поведении. Если дойдет случай приведу (так в рукописи. – *Б. Н.*) в рассуждение те примечания, которые ваше сиятельство мне предписывает по поводу сих стариков, то, конечно, того сделать не упущу. Гарантию ж, диссидентское дело и генерально весь трактат в целости содержать за главный предмет себе поставлять буду»⁶⁴. По поводу полученных в тот же день других инструкций Панина Репнин доносил по пунктам: 1) «О собрании магнатов для побуждения их стараться о восстановлении покоя». – «Трудно весьма при настоящей разладице кого

63 Там же.

64 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 30 августа (10 сентября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 934. Л. 46–47.

ни есть сюда притащить». 2) «Об отмене сейма в случае надобности». – «Никто, даже король, не может отменить сейм. Хотя даже если вреда от сейма и не будет, то и пользы никакой». 3) «Об учинении строгости» для воеводы киевского Ф. С. Потоцкого. – «Без нужды к строгости не приступлю»⁶⁵.

Ответы Репнина на депеши Панина были составлены послом 10 сентября и получены в Петербурге накануне проведения сеймиков по избранию послов (депутатов) на предстоящий сейм. Судя по донесениям Репнина, главные события разворачивались на сеймиках в Литве, к которой было приковано основное внимание русского посла, направлявшего в качестве донесений в Петербург непосредственно копии своей переписки с Г. Нуммерсом⁶⁶. Рапорты последнего были датированы периодом с 27 по 30 сентября 1768 г., то есть относились непосредственно ко времени проведения литовских сеймиков. Эти донесения Репнина передавались прямо для доклада Екатерине II. Императрице непосредственно направлялись сообщения о положении в Вильно, о позиции литовских магнатов и шляхты, особенно о действиях К. Радзивилла, литовского гетмана М. Огиньского и подчиненных ему литовских войск. Екатерина ставилась в известность и о том, что сторонники Чарторыйских в Литве действовали против планов умиротворения. Особое внимание к положению в Литве, помимо всего прочего, объяснялось еще и тем, что в двусоставной Речи Посполитой государственно-правовой статус Великого княжества мог как сыграть существенную роль в пользу реализации планов Петербурга, так и оказаться на руку его политическим противникам, как это в итоге и вышло в дни созыва сейма 1768 г.

В целом об итогах посольских сеймиков Репнин сообщил в Петербург депешей от 24 сентября (6 октября) 1768 г., приложив к ней отдельный реестр. В нем были поименованы 50 сеймиков, за исключением Королевской Пруссии, где те должны были состояться 16 октября. «Прочие [сеймики], – говорилось в заключение реестра, – большей частью не держались, а от некоторых еще известия нет». Данные реестра Репнина обобщены в таблице.

65 Там же. Л. 42–43.

66 Н. В. Репнин – Г. Нуммерсу. 20 сентября (1 октября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 935. Л. 20–21 об. (В деле содержится копия, оригинал передан для доклада Екатерине II; копия включает в себя письмо Нуммерса Репнину, написанное в период от 27 до 30 сентября 1768 г.).

Таблица. Итоги посольских сеймиков осени 1768 г.

	Всего сеймиков	В том числе			Избрано послов сейма
		состоялись	сорваны	результат неизвестен	
Малая Польша	17	5	9	3	22
Великая Польша	29	12	16	1	26
Литва	3	3	?	?	6
Инфлянты	1	1	–	–	4
Итого	50	21	25	4	58

Более половины, 21 из перечисленных 50-ти, сеймиков не состоялись, причем 25 из них были просто сорваны собравшейся шляхтой. На сеймиках (согласно реестру) были избраны 50 послов, однако Репнин ничего не сообщает о полученных ими инструкциях. Оценить достигнутые результаты можно более полно, если сравнить их с итогами выборов 1767 г.⁶⁷ Тогда на сейм при Радомской конфедерации были избраны 236 послов (из них 46 – от Королевской Пруссии), то есть в 4 раза больше, чем при нынешнем голосовании, или же на сеймиках 1768 г. число послов, без учета послов от Королевской Пруссии, составило менее одной трети от числа послов на сейме 1767 г.

В Малой Польше избрано было 22 посла – против 77 в 1767 г., то есть также менее одной трети, как и по данным Репнина в целом. Обращает на себя внимание, что в таких политически значимых землях, как Краковское воеводство и Галицкая земля, было избрано полное число послов (соответственно 8 и 6). Полное число послов было также избрано от княжества Заторского (2 посла) и от Черниговского воеводства (4 посла). В то же время от Подляшского воеводства с его многочисленной шляхетской корпорацией были избраны из шести только 2 посла, представлявшие Бельскую землю. В остальных 9 воеводствах, среди них такие важные, как Люблинское, Русское и Сандомирское, выборы послов были сорваны. По понятным причинам не состоялись выборы на юге, вблизи турецких границ, где наиболее активно действовали конфедераты, – на Волыни, в Подолии и в Брацлавском воеводстве. Объяснить итоги выборов в Малой Польше только присутствием

⁶⁷ Сопоставление с итогами посольских сеймиков 1767 г. выполнено на основе данных «Приложения А» к депеше Н. В. Репнина – Н. И. Панину. 21 сентября (2 октября) 1767 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 54–61. См.: Носов Б. В. Установление российского господства... Приложение № 1. С. 663–672.

русских войск не представляется возможным. Русские войска брали штурмом Краков, занимали Люблин и Сандомир, однако итоги выборов в этих воеводствах диаметрально различались между собой.

В Великой Польше выборы послов были, с русской точки зрения, существенно менее успешными. Там было избрано 26 послов (на 4 больше, чем в Малой Польше), что также составляло примерно одну треть их возможного общего числа. Однако в важнейших великопольских воеводствах, Познанском и Калишском, которые делегировали на сейм 12 послов, выборы в сентябре 1768 г. состоялись только в поветах в Познани (2 посла) и в Калише (2 посла). Из 29 сеймиков, указанных в реестре Репнина, сорваны были 16. При этом самую серьезную неудачу сторонники проведения сейма (если таковые действительно были) потерпели в столичном Мазовецком воеводстве, в котором по традиции всегда были сильны позиции королевского двора. На сейм 1767 г. воеводство направило 20 послов, избранных на 10 сеймиках. Согласно реестру Репнина, из 10 поветов Мазовецкого воеводства послы были выбраны только в 5 поветах, в других 5 поветах сеймики были сорваны. Это произошло несмотря на близость столицы, несмотря на присутствие русских войск, несмотря на то, что в поветовых корпорациях преобладала «заможная» шляхта, несмотря на то, что во время избирательной кампании 1767 г. на этих сеймиках заправляли представители двора и «фамилии». Исход выборов 1768 г. свидетельствовал, что задача созыва сейма не находила реальной поддержки ни со стороны шляхты, ни со стороны магнатских верхов, даже среди тех, кто был близок ко двору, в первую очередь – Чарторыйских. Результаты неудачной для Станислава Августа и Репнина избирательной кампании в Великой Польше только подчеркивали итоги сеймиков Равского воеводства, где все три сеймика были сорваны.

Однако самое тяжелое поражение инициаторы проведения сейма потерпели в Литве, где из десяти воеводств Великого княжества, в которых действовало 26 поветовых сеймиков, избранием 6 послов завершились только сеймики в Ковенском, Брацлавском и Гродненском поветах. Косвенно это может свидетельствовать о том, что именно в Великом княжестве осенью 1768 г. противостояние России с ее противниками в Польше приобрело наиболее острые формы, что оно не только ограничивалось военными действиями против конфедератов, но и приобрело более широкое политическое звучание.

Таким образом, результаты посольских сеймиков не только свидетельствовали о безнадежности планов Репнина и Станислава Августа объявить на предстоящем сейме вне закона Барскую конфедерацию

и привлечь на сторону королевского двора влиятельные силы магнатов и шляхты, но они прямо поставили вопрос о возможности проведения сейма как такового. Именно эта мысль проходила красной нитью через все донесения русского посла в Петербург в октябре и в начале ноября 1768 г. При этом Репнин неизменно указывал на нарастание с приближением дня открытия сейма политической напряженности, невзирая на военные победы русских войск над отрядами конфедератов. Посол подчеркивал, что обстановка обостряется не только на турецкой границе и в ряде воеводств, но и в самой польской столице.

Вопрос о предстоящем сейме Репнин затронул в депеше от 14 октября. Он извещал Панина об исходе сеймиков в Польской Пруссии, на которые «никто из дворянства не приезжали: таким образом, сеймиков не было», и об окончательных итогах кампании по выборам депутатов посольской избы сейма. «Одним словом, – констатировал Репнин, – всех послов земских надлежит быть на сейме по положенному числу 232, а их только выбрано 70, и тако, 162 недостает. Из чего заключаю, что и те, которые выбраны, или совсем сюда на сейм не будут, или ни в какое дело вступаться не захотят, а может быть, совсем и сейма не начнут под видом малого своего числа. Хорошо, истинно, было б для того сейм иметь, чтоб на оном объявить конфедератов возмутителями и злодеями, но не смею я надеяться, чтоб до сего довести могли. Уныния и страх чрезвычайные во всех заразились по причине турков, а напротив, возмутительства продолжаютя и вновь делаются, ободряясь надеждами на Порту⁶⁸.

6 октября в Стамбуле был арестован русский посол А. М. Обресков, что означало объявление войны России⁶⁹. Начавшаяся война с турками побудила Репнина потребовать от Чарторыйских определить свою позицию по отношению к внутреннему кризису в Речи Посполитой и по отношению к России. «Решающая встреча» посла с воеводой русским 24 октября подробно описана Конопчинским⁷⁰. Август Чарторыйский заявил Репнину, что Речь Посполитая останется нейтральной в настоящей войне, что турки, по его мнению, не намерены захватывать польские земли. Это утверждение воеводы русского могло основываться на официально провозглашенной позиции

68 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Постскрипtum к письму от 3 (14) октября 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 937. Л. 40 об.–41.

69 Манифест Екатерины II об объявлении войны был обнародован 18 (29) ноября 1768 г.

70 См.: *Konopczyński W. Konfederacja barska*. Т. 1. S. 151.

Стамбула, сформулированной в адресованном Речи Посполитой меморандуме великого визиря от 28 октября 1768 г. (и в ноябре получившем хождение при европейских дворах) с требованием изгнать из республики русские войска, уничтожить в ней влияние России и свергнуть с престола Станислава Августа⁷¹. В нем декларативно провозглашалось, что иных требований к шляхеткой республике Порты не имеет. Вопрос, в какой мере подобные заявления заслуживали доверия, разумеется, не имеет ответа.

В центре беседы Августа Чарторыйского и Репнина было проведение предстоящего сейма. Князь-воевода потребовал в связи с этим отмены всех постановлений сейма 1767 г., прежде всего российской гарантии государственного строя Речи Посполитой и установленного сеймом статуса диссидентов, а также всех учреждений, инициированных Радомской конфедерацией. Особенно он настаивал на отмене *liberum veto* в вопросах введения новых податей и в других «государственных материях», что составляло существо российской гарантии. В этом случае, по словам Августа Чарторыйского, чрезвычайный сейм примирения можно было бы провести наступающей зимой⁷². Эти требования были существенно увеличены даже по сравнению с августовскими притязаниями «фамилии» и, очевидно, неприемлемы ни для Репнина, ни для его шефов в Петербурге. Расчет Чарторыйских состоял в надежде либо на капитуляцию России из страха перед начавшейся войной, либо на военное поражение империи Екатерины II, когда бы условия мира были ей продиктованы Турцией или же покровителями последней из числа великих держав. Либо Чарторыйские и их сторонники были просто не в состоянии реализовать в союзе с Россией планы умиротворения и выдвигали явно неприемлемые условия, чтобы не подвергать опасности свое политическое влияние в случае неудачи, особенно с учетом возможных превратностей грядущей войны.

В аналогичном положении оказался и король Станислав Август. Непредсказуемость развития военно-политической ситуации парализовала его волю в той же мере, как и других представителей верхушки шляхетской республики, что подталкивало их к объединению усилий для сохранения собственных позиций в виду неопределенности общего политического будущего. Политический торг Чарторыйских с Репниным открывал слабую возможность неких дальнейших шагов в реализации реформаторской программы в шляхетской республике,

71 Ibid. S. 133.

72 Ibid. S. 151.

что создавало почву для «примирения» короля и «фамилии». По словам В. Конопчиньского, обе стороны были в этом заинтересованы, поскольку король без Чарторыйских не обладал достаточным влиянием в среде шляхты и необходимой системой личных и поземельных связей для реализации этого влияния. Чарторыйские, напротив, без Станислава Августа были существенно ограничены в плане легализации своих политических действий. Ссылаясь на мемуары Станислава Любомирского, Конопчиньский полагал, что инициатива восстановления согласия короля со своими дядями исходила от последних, что Станислав Август нуждался в советах и поддержке воеводы русского и канцлера литовского. Проявлением такого согласия стало возобновление в конце октября 1768 г. заседаний королевской рады с министрами, в которой также участвовали все четыре коронных и литовских канцлера, а также Август Чарторыйский, Анджей Замоиский и Станислав Любомирский⁷³.

До конца октября Репнин ожидал «повелений» из Петербурга в связи с обострением ситуации в стране и невозможностью собрать сейм. Посол предостерегал своих шефов в связи с намерением Порты начать войну⁷⁴, что было уже очевидно в политических кругах и среди шляхты Речи Посполитой. Когда же война была объявлена, Репнин предложил занять Каменец-Подольский русскими войсками⁷⁵. Однако инструкции Панина не поспевали за развитием событий. Вероятно, еще до получения известий о первых итогах посольских сеймиков и о положении в Литве, успокоенный сентябрьскими рапортами Нуммерса о ситуации в Вильно, Н. И. Панин 2 (13) октября писал Репнину: «Теперь всего лучше, что дела в Литве приходят к концу, следовательно, и может в оной миновать и вся ваша забота о тамошнем крае. Теперь остается нам ожидать происшествий наступающего сейма, а вам либо покажет оной сколько ни есть к пресечению всех польских замешательств». Панин даже не исключал возможности вывести из Польши некоторую часть русских войск⁷⁶. Иными словами, еще в середине октября 1768 г. в Петербурге надеялись на успешный для русской политики

73 Ibid.

74 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 15 (26) октября 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 1–3 об.

75 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 18 (29) октября 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 28–30 об.

76 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 2 (13) октября 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 945. Л. 45 об.

исход сейма, на поддержку со стороны Чарторыйских, на реализацию, хотя бы в некоторой части, программы Репнина.

Однако с конца октября инструкции Панина приобретают иную тональность. В депеше от 17 (28) октября, когда в Петербурге были уже получены донесения Репнина о неудовлетворительном исходе сеймиков, руководитель русской внешней политики выражает обеспокоенность «сборищем новых лиц в Варшаве» и поручает послу принять все меры «к отвращению всяких опасностей от собственной вашей персоны, от персоны короля и от столицы польской», требует принять самые решительные меры против Радзивилла и его милиции, вплоть до штурма Несвижа. Для этого Панин в ответ на просьбу Репнина распорядился прислать из Смоленска артиллерию для усиления корпуса Нуммерса в Литве⁷⁷.

В написанном в тот же день и незамедлительно утвержденном Екатериной II постскрипту⁷⁸ Панин информирует Репнина о положении при султанском дворе, где решение о начале войны с Россией пока не принято и «одно прибытие нового визиря может точно решить настоящий кризис». Поэтому, продолжал Панин, он не видит оснований для «отмены всех прежних наставлений». В первую очередь это касалось планов проведения сейма. «Я сердечно сожалею, – писал далее Панин, – что вы отчаиваетесь от содержания сейма. В сей кризис он, сколько ни малолюден был бы, однако ж, весьма полезен для наших дел с турками», поскольку его созыв может удержать большинство шляхты от присоединения к Барской конфедерации. Если же созвать сейм и достичь поставленных целей не удастся, то Панин предлагал «что-нибудь подобное сделать сенатским советом»⁷⁹. Таким образом, были подтверждены все инструкции Репнину, относящиеся к предстоящему сейму, однако главным мотивом на этот раз стала попытка предотвратить надвигающуюся войну с Турцией. В связи с этим Панин, правда в иносказательной форме, поручает Репнину указать правящим верхам шляхетской республики, «что те, у коих хотя малая искра прямого разума остается, не могут не предусматривать всех себе крайних бедствий от турецкой войны. <...> Они [турки], конечно, по одной щедрости за них вступаться не захотят, а несумненно, нацеливают

77 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 17 (28) октября 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 169–171.

78 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. Постскриптум к депеше от 17 (28) октября 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 171–172.

79 Там же.

на какую-либо провинцию. Нам же вредного ничего не прибавится, когда мы, увидя продолжающимся такое католико-фанатическое у поляков ослепление, поступимся туркам частью из Польши, а сами удовольствуемся выгоднейшим округлением своих границ»⁸⁰. Примечательно, что в конце этой фразы Панин по сути процитировал высказывание З. Г. Чернышева 1763 г., а также высказал мысль о возможности урегулирования кризиса в русско-османских отношениях за счет Речи Посполитой. «На сих кондициях, – продолжал Панин, – турки скоро перестанут заступать за католический фанатизм <...> и уступят нам утверждение наших с республикою актов последнего сейма, ибо в оных они их существительного интереса сами оспорить не могут»⁸¹. Процитированная заключительная часть панинского постскриптума должна была предостеречь правящие верхи Речи Посполитой от грозившей Польше опасности. Вряд ли шляхта, составлявшая массовую основу барского движения, осознавала ее в достаточной мере. В правящих верхах ощущение надвигавшейся угрозы было всеобщим, однако предвидение ее возможных политических последствий отсутствовало. Правда, и в Петербурге, и при других европейских дворах хотя и полагали, что политическая система европейского континента, особенно на востоке и юго-востоке, стоит на пороге потрясений, но все же контуры грядущих перемен были скрыты от политических наблюдателей.

Новые инструкции Репнину, уже с учетом разразившейся войны с Оттоманской Портой, были направлены в начале ноября 1768 г. В депеше Панина⁸² главное внимание было сосредоточено на тактике Репнина в отношении «фамилии». Руководитель русской внешней политики предписывал послу продолжить начатые переговоры с Августом Чарторыйским, «а на каком основании, – вот моя первая идея <...>. Положение наше с турками требует теперь, чтобы Польша в рассуждении нас разделена была на две части, в которых бы одна согласно действовала с нами и представляла корпус нации, а другая, состоя из противников, служила бы нам некоторыми способами и к самому произведению войны на счет ее, сколько можно будет. Такое разделение было бы с сей стороны выгодно для содержания армий наших, а с первой – сходственно со славою и достоинством Ея Имп. величества, также и следственно с принципиями всех

80 Там же.

81 Там же.

82 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 29 октября (9 ноября) 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 185–186.

наших по сию пору дел. Можно кажется и то положить, чтобы мы могли иметь на нашей стороне и всю Польшу, ибо недоброжелателям нашим стоило бы только для наружности покрыться одною маскою, но тут бы, вместо всякого от нея облегчения нам, нашлись бы принуждены без всякой в замену пользы нести при войне и без того тягостной всю тягость штатта республики».

С этой целью, по словам Панина, можно было бы пойти навстречу высказанной А. Чарторыйским мысли об «умягчительном изъяснении общей нашей гарантии», оформив это в соответствующей декларации. При этом статус диссидентов не должен быть затронут, по другим же вопросам возможны частные уступки, при условии недопущения принципиальных изменений конституции республики⁸³. Далее Панин писал, что ожидает по поставленным вопросам мнения Репнина. Таким образом, программа русского посла, инициированная королем Станиславом Августом, не была безоговорочно отвергнута (хотя бы формально), тем более что далее Панин поручал Репнину «посмотреть и посоветовать с воеводою ли русским или кем другим, о возможности созвания вследствие новой нашей декларации чрезвычайного сейма примирения, на котором бы намерения нашего в рассуждении раздела республики на две части, достигнуть могли, с сохранением к корпусу ее всех пристойных уважений»⁸⁴. Надо отметить, что в польской историографии эта позиция Петербурга трактуется как исключительно негативная по отношению к польской государственности. В российской же историографии она была отмечена только С. М. Соловьевым, который полагал, что в этом нашло отражение всего лишь личное сочувствие Репнина Станиславу Августу.

Однако приведенное рассуждение шефа русской внешней политики только подчеркивает придаваемое в Петербурге значение предстоящему сейму. Причем если ранее Панин допускал возможность реализации своих планов «и без сейма», на что подчеркнуто указывал В. Конопчинский⁸⁵, то теперь, даже когда план созыва очередного сейма, очевидно, оказался нереализуемым, то и в этом случае идея проведения чрезвычайного сейма осталась в качестве основания русской политической тактики, даже с учетом частичных уступок в вопросе о гарантии. В заключение Панин писал о неизменности принципиальной позиции России в отношении Станислава Августа

83 Там же.

84 Там же.

85 См.: *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 153.

и твердом намерении Екатерины II «защищать бескорыстно его самого и корону его»⁸⁶.

Таким образом, тактика Петербурга в Речи Посполитой в условиях объявленной Турцией войны существенно поменялась. Русское правительство отказалось от старой «радомской» практики протектората в отношении шляхетского сословия в целом посредством поддержания выгодного для России баланса между соперничавшими магнатскими группировками. Теперь перед Репниным была поставлена задача «разделить нацию», то есть обеспечить победу или хотя бы существенный перевес сторонников России, за счет подавления оппозиции, в частности путем взыскания с последней тех или иных контрибуций. Своего рода стимулом к репрессиям в отношении барских конфедератов и их сторонников послужила известная резолюция Екатерины II на депеше Репнина от 6 ноября 1768 г.⁸⁷ Дело состояло в том, что с самого начала боевых действий против конфедератов командование русских войск, руководствуясь старым польским правом, согласно которому шляхтич не мог быть арестован без санкции суда, отпускало пленных конфедератов на свободу, взяв с них письменное обязательство (рецесс) не участвовать в войне и не присоединяться к конфедерации. Такая практика была обусловлена, с одной стороны, сословной солидарностью русского и польского дворянства, а с другой – отсутствием в Польше в распоряжении русских военных отрядов мест заключения для пленных. Разумеется, имели место исключения, когда, начиная с мая – июня 1768 г., некоторых пленных конфедератов отправляли под конвоем в Киев, однако практика рецессов получила повсеместное распространение, при том что, обретя таким способом свободу, пленные тут же вновь присоединялись к конфедерации. По этому поводу Екатерина II написала резолюцию: «На завтра сих рецессов они сделаются такими же возмутителями. А если б, схвата, да в Сибирь на поселение, чтоб уменьшилося бы число их»⁸⁸. Таким образом, репрессии против барских конфедератов были санкционированы на самом высоком уровне, а число пленных, отправленных вглубь России, в том числе и в Сибирь, с этого времени неуклонно возрастало. Однако командиры русских военных отрядов по-прежнему, из сословной ли солидарности

⁸⁶ Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 29 октября (9 ноября) 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 185–186.

⁸⁷ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Приложение к депеше от 26 октября (6 ноября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 102–103 об.

⁸⁸ Там же. Л. 102.

или из-за невозможности обеспечить конвоирование и содержание арестантов, нередко отпускали их на свободу.

К началу ноября 1768 г., накануне открытия сейма, стало уже очевидно, что его негативный исход был предопределен. Однако имеются свидетельства, что и в этой ситуации идея сотрудничества с Россией ради реализации программы реформ разделялась в польских верхах не только Репниным и Станиславом Августом. Накануне сейма в ее поддержку высказался Ф. К. Браницкий – представитель молодого поколения польской аристократии, человек и лично, и политически близкий как к королю, так и к Репнину, и вместе с тем представлявший один из могущественных магнатских родов шляхетской республики. Общая негативная оценка Браницкого в историографии сложилась в связи с его политической ролью в 1780–1790-е годы как одного из соучастников разделов Речи Посполитой. В 1768 г. коронный ловчий был еще далек от геростратовой славы, ожидавшей его в будущем, и поэтому его политические соображения периода начала Барской конфедерации не должны восприниматься априори негативно. В конце октября 1768 г. Браницкий писал Станиславу Августу о том, что в начавшейся войне с Турцией Россия способна одержать победу, и что с точки зрения подобной перспективы королю было бы выгодно разорвать старый Карловицкий договор с Портой, заключить союз с Россией, объединив польские и русские войска. Последнее открыло бы возможность увеличить польскую армию⁸⁹. Проблема польско-русского союза и увеличения численности и соответственно мощи польской армии в XVIII в. детально исследована в историографии⁹⁰, в частности в трудах Зофии Зелиньской⁹¹. В данном случае для нас важно, что даже во время войны с Барской конфедерацией этот вопрос сохранял свое значение и реальное политическое основание. Правда, в опровержение доводов Браницкого Конопчинский писал, что тот «хорошо предвидел российские победы – только в деле народа не проявил ни малейшего сочувствия, ни понимания». В подтверждение своих слов польский историк привел высказывание Репнина по поводу упомянутого меморандума Браницкого. Русский посол писал Панину, что согласен с рассуждениями

⁸⁹ *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 152.

⁹⁰ *Носов Б. В.* Планы заключения русско-польского союза в 1764 году: к обсуждению проблемы // Славяноведение. 2001. № 2. С. 45–59.

⁹¹ *Zielińska Z.* Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001; *Zielińska Z.* Polska w okowach «systemu północnego». 1763–1766. Kraków, 2012.

Браницкого, но «по другой причине: он желает умножения наших здесь войск для спасения своей земли, а я для того, чтобы здесь театр войны сделать, а не в наших границах». Отмеченная Конопчинским и прозвучавшая в словах Репнина дилемма между ролью союзника и ролью театра военных действий неизменно сопутствовала теме польско-русского союза в отношениях между Россией и Речью Посполитой⁹², однако разрешиться она могла только на практике и в зависимости от конкретных исторических условий. Потенциально же она могла существовать только в качестве альтернативы, то есть при сохранении позитивной тенденции и соответствующих шансов на благоприятный исход для шляхетской республики.

Своего рода итогом меморандума Браницкого стало согласованное на раде короля с министрами адресованное коронному ловчему как командующему коронными войсками повеление Станислава Августа о запрете совместных действий с русскими войсками под командованием А. А. Прозоровского в случае вторжения турок в пределы республики. Браницкий должен был при этом объявить о своем нейтралитете, подчеркнув, что он действует также и в отношении конфедератов, после чего отступить со своим корпусом во Львов, предложив туркам и русским польское посредничество в возможных переговорах. Там же, на раде, было принято решение укрепить Каменец-Подольский и усилить гарнизон крепости, подготовив ее к обороне как против турок, так и против русских. Все эти решения, при всей их очевидной нереалистичности и непоследовательности, свидетельствовали о том, что правящие круги Речи Посполитой во главе со Станиславом Августом и «фамилией» твердо придерживались позиции демонстративного нейтралитета, изложенной Августом Чарторыйским на «решающей встрече» с Репниным 24 октября.

Король, министры и прибывшие к началу сейма в Варшаву некоторые сенаторы утвердили выработанный Чарторыйскими план проведения сейма. Министры постановили не устраивать приуроченной к открытию сейма мессы и других торжественных церемоний. В королевский замок на заседание собралось только восемь послов, при этом Литва ни одного посла не прислала. Старший по рангу среди депутатов сейма, посол краковский неофициально уведомил короля о невозможности открытия сессии сейма, после чего послы покинули замок, не будучи даже официально встречены ни королем, ни сенаторами. Последней попыткой Станислава Августа сыграть самостоятельную

92 Носов Б. В. Установление российского господства... С. 238–266.

роль в текущей политической обстановке стало объявление сторонниками реформ из королевского лагеря во главе с королевским секретарем Яном Борхом конфедерации, однако заметного политического эффекта эта акция не возымела⁹³.

На следующий день после описанных событий Репнин доносил Панину об обстоятельствах несостоявшегося сейма и отвечал на «свое-ручный» постскрипtum шефа русской внешней политики от 17 (28) октября, в котором тот утверждал, что проведение сейма было бы полезно для формального объявления Барской конфедерации вне закона⁹⁴. Репнин утверждал, что «сейма никакой возможности не было держать, имея только человек тридцать земских послов, которые сюда приехали. Другие не только уныли, но, можно сказать, умерли от настоящих турецких обстоятельств. Сверх же того и по законам невозможно было сего сейма держать, понеже из Литвы ни один земский посол не приехал, а без того не можно было его начать. Сенатский же совет не может наместить (заместить. – Б. Н.) сейма, ибо свыше есть его власти какое-либо государственное решение принять, а в настоящих обстоятельствах, когда те же самые сенаторы и на сейме, разделяя опасность с земскими послами, не хотели, однако ж, сейма держать, дабы не отозваться решительно на счет возмутителей, опасаясь им дать сие название, каким же образом можно довести их одних в сенатском совете весь сей страх на себя взять? Ваше сиятельство сами милостиво рассудить можете, что сие исполнить я никаким образом не в силах»⁹⁵.

Описывая «уныние» и «страх», воцарившиеся в варшавских верхах в связи с началом войны, Репнин видел в этом главную причину неудачи русской политики в связи с несостоявшимся сеймом, оставляя тем самым в тени вопрос о роли и ответственности «фамилии» и короля за их бездействие. Говоря о собственном «бессилии» исполнить повеления своего двора, русский посол тем самым стремился оправдать поведение Станислава Августа.

«Об обстоятельствах турецких, – писал далее Репнин, – иного донести не имею, как только прилагаю при сем экстракт из доношений графа Браницкого, сообщенный мне из королевского кабинета»⁹⁶. В этом приложении содержался меморандум Ф. К. Браницкого

93 *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 153–155.

94 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 29 октября (9 ноября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 115–116 об.

95 Там же. Л. 115–115 об.

96 Там же. Л. 115 об.–116.

и комментарий Репнина, приведенный Конопчинским, относительно превращения территории Речи Посполитой в театр военных действий с Турцией. Однако следует отметить, что это рассуждение Репнина сделано уже после провала сейма, под влиянием очевидного нежелания и неспособности Чарторыйских пойти на сотрудничество с Россией и принять предложенный компромисс. В действительности Репнин и теперь не отвергал возможности реализации русско-польского военного союза и усиления польской армии, о чем говорилось в меморандуме Браницкого, приложенном к данной депеше. В ее заключении Репнин прямо заявлял: «Когда решитесь, Ваше сиятельство, и определите роль Польши по настоящей с турками войне, то тогда необходимо, считаю, будет сделать от Ея Императорского величества декларацию, сходную с теми видами. Заранее ж содержание оной определить не можно, не зная, как наш высочайший двор решится»⁹⁷.

Восстание Барской конфедерации стало неожиданностью для Петербурга, а его подготовка была скрыта и от российских властей, и от русских дипломатов, и от командования находившихся в Польше по приглашению Радомской конфедерации русских войск. Руководивший в Варшаве реализацией польской политики Екатерины II и командующий русскими войсками в Речи Посполитой посол (полномочный министр) Н. В. Репнин, решительно выступая за войну с конфедератами и признавая неизбежность войны с Турцией, сознавал, что установленная Россией политическая система в Речи Посполитой переживает серьезный кризис, грозящий существенными международными потрясениями. Вместе с тем он высказался за сохранение в борьбе с конфедератами политического строя и государственного устройства шляхетской республики, а следовательно, и статуса сейма как ее фундамента. Посол указывал, что итогом вспыхнувшей смуты может стать и должен стать только сейм, созыв которого предстоял осенью 1768 г. При этом позиция Репнина была обусловлена не только официальным статусом России как «гаранта польской конституции» и как протектора политической анархии шляхетской республики. Он по-прежнему оставался сторонником укрепления дееспособности шляхетского государства и с этой точки зрения разделял в определенной мере позицию короля Станислава Августа.

Таким образом, практически сразу вслед за установлением гарантии Екатерины II в отношении польской конституции система российского господства в Речи Посполитой подверглась угрозе свержения,

неуклонно нараставшей по мере расширения барского движения. Это положение практически не изменилось к осени 1768 г., несмотря на военные победы над конфедератами, одержанные русскими войсками и сохранившими верность королю Станиславу Августу частями польской армии под командованием Ф. К. Браницкого. Однако «российская гарантия», помимо правовой констатации российского протектората над шляхетской республикой, обернулась и своей другой стороной. Россия таким образом принимала на себя обязательства не только охраны королевского статуса Станислава Августа, но и, прежде всего, сохранения польской государственности и ее республиканских институтов, что, по крайней мере в этой своей части, не противоречило ни правам, ни интересам польского благородного сословия.

Вплоть до формального объявления Портой войны России Петербург и Н. В. Репнин, игравший в Речи Посполитой ключевую роль в осуществлении русской политики, выступали за активизацию действий военной и финансовой комиссий с практической целью не только сохранить королевскую корону Станислава Августа, но и мобилизовать силы правительства на борьбу с конфедератами, что, с одной стороны, способствовало легитимации военных действий русских войск, а с другой – противодействовало разрушительным действиям Барской конфедерации по отношению к польско-литовскому государству. К этой же цели были направлены меры по проведению выборов депутатов коронного и литовского трибуналов, что должно было противостоять разрушению судебной системы Речи Посполитой и захвату судов в руки конфедерации. Важнейшую роль в сохранении польской государственности имели и усилия России, направленные на восстановление властных полномочий сената и сейма. Разумеется, главным содержанием политики Петербурга было сохранение российского протектората и трактата о гарантии. Однако объективно политика России соответствовала задаче сохранения польской государственности, что могло бы составить основу совместных действий Репнина и лагеря сторонников Станислава Августа.

Разрешение возникшего кризиса было связано с созывом сейма при конфедерации. Сейм, согласно русским планам, должен был создать условия если не для ликвидации Барской конфедерации, то, по крайней мере, для ее изоляции внутри Речи Посполитой, для лишения ее поддержки со стороны большинства шляхты и со стороны магнатских верхов. С самого начала движения за спиной барских конфедератов стояли магнатские группировки, оказывавшие им временами скрытую, временами явную поддержку, без которой мобилизовать людские

⁹⁷ Там же. Л. 116 об.

и материальные ресурсы страны на поддержание шляхетского рокоша было едва ли возможно. При этом и Репнин в Варшаве, и его шефы в Петербурге сознавали, что вряд ли удастся погасить пламя конфедерации, опираясь на одну из магнатских группировок.

Это в полной мере продемонстрировало проведение посольских сеймиков. Последнее имело для русской политики в Польше принципиальное значение. От возможности установления над земскими шляхетскими корпорациями действенного российского контроля в решающей степени зависело формирование конфедерации, способной противостоять «барскому рокошу», в том числе объявив его незаконным с позиций формальной легитимности. Начавшаяся русско-турецкая война и недееспособность польских магнатских группировок, что выразилось в не состоявшемся в ноябре 1768 г. сейме, кардинально изменили политическую обстановку и заставили Петербург искать новые военно-политические решения, в частности в вопросе о русско-польском союзе. Однако вплоть до начала активных боевых действий с Турцией инерция прежнего политического курса еще сохраняла свое действие.

Вместе с тем усилия России, направленные на борьбу с Барской конфедерацией, включали отнюдь не только военные, но и политические меры, которые объективно способствовали стабилизации польской шляхетской государственности и в определенной мере содействовали ее политической модернизации.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Данильчик А., Крих А. А., Мулина С. А. Барские конфедераты в Западной Сибири: Биографический словарь. СПб.: Алетейя, 2019. 644 с.

Кареев Н. И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1888. 407 с.

Носов Б. В. Планы заключения русско-польского союза в 1764 году: к обсуждению проблемы // Славяноведение. 2001. № 2. С. 45–59.

Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М.: Индрик, 2004. 727 с.

Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. СПб.: В типографии Э. Веймара, 1866. Т. 1. Год 1769. 364 с.; СПб.: В типографии Э. Веймара, 1866. Т. 2. Год 1770. 576 с.; СПб.: Типо-

графия К. В. Трубникова, 1874. Т. 3. Год 1771. 360 с.; СПб.: Типография и литография А. Траншеля. Т. 4. 1772 и 1773 гг. 418 с.; СПб.: Типография К. В. Трубникова и В. А. Полетики, 1874. Т. 5. Год 1774. 226 с.

Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО). СПб.: Университетская типография, 1893. Т. 87. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 5. 1768–1769 г. 544 с.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIV. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1994. Т. 27–28. 638 с.

Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. СПб.: Типолиитография С.-Петербургской тюрьмы, 1908. Т. 1. 1695–1800 гг. 273 с.

Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896. 488 с.

Adamski Ł. Zapomniane powstanie // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 8. [*Bohun T., Butterwick-Pawlikowski R., Kopczyński M., Ugniewski P.*] Rokosz; czy powstanie? O konfederacji barskiej z profesorami Richardem Butterwickem-Pawlikowskim i Piotrem Ugniewskim rozmawiają prof. Michał Kopczyński i Tomasz Bohun // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 9–13.

Bohun T. Koliszczyzna: bunt czy rosyjska inspiracja? // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 48–51.

Bohun T. Rosjanie przeciw konfederacji barskiej // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 44–47.

Dukwicz D. Rzeczpospolita w polityce Rosji w dobie konfederacji // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 18–21.

Grabski A. F. Dzieje historiografii. Poznań: Wydawnictwo poznańskie, 2003. 866 s.

Grabski A. F. Myśl historyczna polskiego oświecenia. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1976. 485 s.

Grabski A. F. Orientacje polskiej myśli historycznej. Studia i rozważania. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972. 244 s.

Haratym A. Pożegnanie z Rzeczpospolitą. Konfederacja orsząską // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 52–55.

Konfederacja barska 1768–1772 / pod red. A. Danilczyka. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2018. 137 s.

Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa: Instytut wydawniczy Pax, 1986. Т. 2. 339 s.

Konopczyński W. Konfederacja barska. Warszawa: Volumem, 1991. Т. 1–2. 982 s. (Сплошная пагинация).

Konopczyński W. Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków: Akademia Umiejętności, 1917. 432 s.

- Kopczyński M. Królobójcy? // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 31–34.
- Kosińska U. Jak i dla czego Rzeczpospolita przestała być podmiotem polityki międzynarodowej w XVIII wieku // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 14–17.
- Michalski J. Dyplomacja Polski w latach 1764–1795 // *Historia dyplomacji polskiej*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1982. T. 2 / pod red. Z. Wójcika. S. 483–692.
- Michalski J. Schyłek konfederacji barskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. 205 s.
- Milewski D. Portret zbiorowy liderów konfederacji // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 26–30.
- Milewski D. Taktyka konfederatów // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 39–43.
- Rulhière C. C. Histoire de l'anarchie de Pologne, et du démembrement de cette république. Paris: H. Nicolle & Desenne, 1807. Vol. 1. LXVIII+332 p.; Vol. 2. 566 p.; Vol. 3. 470 p.; Vol. 4. 432 p.
- Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 515 s.
- Waśkiewicz A. Rousseau i paladium szlacheckiej wolności // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 35–38.
- Wierzbicki A. Historiografia polska doby romantyzmu. Wrocław: Funna, 1999. 497 s.
- Zelińska Z. Polska w okowach "systemu północnego". 1763–1766. Kraków: Arcana, 2012. 691 s.
- Zielińska Z. Stanisław August wobec konfederacji barskiej // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 22–25.
- Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa: Semper, 2001. 256 s.

References

- Adamski, Ł. "Zapomniane powstanie." *Mówią wieki*, 2018, No. 3 (698), p. 8. [Bohun, T., Butterwick-Pawlikowski, R., Kopczyński, M., Ugniewski, P.] "Rokosz; czy powstanie? O konfederacji barskiej z profesorami Richardem Butterwickem-Pawlikowskim i Piotrem Ugniewskim rozmawiają prof. Michał Kopczyński i Tomasz Bohun." *Mówią wieki*, 2018, No. 3 (698), pp. 9–13.
- Bohun, T. "Koliszczyzna: bunt czy rosyjska inspiracja?" *Mówią wieki*, 2018, No. 3 (698), pp. 48–51.
- Bohun, T. "Rosjanie przeciw konfederacji barskiej." *Mówią wieki*, 2018, No. 3 (698), pp. 44–47.

- Danił'chik, A., Krikh, A. A., Mulina, S. A. *Barskije konfederaty v Zapadnoi Sibiri: Biograficheskii slovar'*. St. Petersburg: Aleteia, 2019, 644 p.
- Dukwicz, D. "Rzeczpospolita w polityce Rosji w dobie konfederacji." *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 18–21.
- Grabski, A. F. *Dzieje historiografii*. Poznań: Wydawnictwo poznańskie, 2003, 866 p.
- Grabski, A. F. *Myśl historyczna polskiego oświecenia*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1976, 485 p.
- Grabski, A. F. *Orientacje polskiej myśli historycznej. Studia i rozważania*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972, 244 p.
- Haratym, A. "Pożegnanie z Rzeczpospolitą. Konfederacja orszańska." *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 52–55.
- Khronologicheskii ukazatel' vojennykh deistvii russkoi armii i flota, vol. 1, 1695–1800 gg.* St. Petersburg: Tipolitografiia S.-Peterburgskoi tiur'my, 1908, 273 p.
- Konfederacja barska 1768–1772*, ed by. A. Daniłczyk, Warszawa: Wzdawnictwo Neriton, 2018, 137 p.
- Konopczyński, W. *Dzieje Polski nowożytnej, vol. 2*. Warszawa: Instytut wydawniczy Pax, 1986, 339 p.
- Konopczyński, W. *Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej*. Kraków: Akademia Umiejętności, 1917, 432 p.
- Konopczyński, W. *Konfederacja barska, vol. 1–2*. Warszawa: Volumem, 1991, 982 p. (Сплошная пагинация).
- Kopczyński, M. "Królobójcy?" *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 31–34.
- Kosińska, U. "Jak i dla czego Rzeczpospolita przestała być podmiotem polityki międzynarodowej w XVIII wieku." *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 14–17.
- Michalski, J. "Dyplomacja Polski w latach 1764–1795." *Historia dyplomacji polskiej*, vol. 2, ed by Z. Wójcik, Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1982, pp. 483–692.
- Michalski, J. *Schyłek konfederacji barskiej*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970, 205 p.
- Milewski, D. "Portret zbiorowy liderów konfederacji." *Mówią wieki*, 2018, no. 3 (698), pp. 26–30.
- Milewski, D. "Taktyka konfederatów." *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 39–43.
- Nosov, B. V. "Plany zakliucheniia russko-pol'skogo soiuzu v 1764 godu: k obsuzhdeniiu problemy". *Slavianovedeniye*, 2001, No. 2, pp. 45–59.
- Nosov, B. V. *Ustanovleniye rossiiskogo gosподstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768 gg.* Moscow: Indrik, 2004, 727 p.
- Serejski, M. H. *Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970, 515 p.
- Solov'jev, S. M. *Sochineniia. Kniga no XIV. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen, vol. 27–28*. Moscow: Mysl', 1994, 638 p.

Waśkiewicz, A. "Rousseau i paladium szlacheckiej wolności." *Mówią wieki*, 2018, № 3 (698), pp. 35–38.

Wierzbicki, A. *Historiografia polska doby romantyzmu*. Wrocław: Funna, 1999, 497 p.

Zelińska, Z. *Polska w okowach „systemu północnego”. 1763–1766*. Kraków: Arcana, 2012, 691 p.

Zielińska, Z. "Stanisław August wobec konfederacji barskiej." *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), p. 22–25.

Zielińska, Z. *Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*. Warszawa: Semper, 2001, 256 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.01

B. V. Nosov

The Russian guarantee of the statehood of the szlachta-controlled Polish–Lithuanian Commonwealth and the Russian policy in Poland at the beginning of the uprising of the Bar Confederation (1768)

Boris V. Nosov

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnossov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Citation

Nosov B. V. The Russian guarantee of the statehood of the szlachta-controlled Polish–Lithuanian Commonwealth and the Russian policy in Poland at the beginning of the uprising of the Bar Confederation (1768) // Slavic Almanac. 2022. No 3–4. P. 12–55 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.01

Received: 15.08.2022.

Abstract

The article deals with the policy of Russia in Poland in the 18th century, aimed at establishing the dependence of the szlachta republic on St. Petersburg. This policy was also implemented in the initial period of the uprising of the Bar Confederation, which broke out after the ratification by the Sejm in February 1768 of the Russian-Polish treatise on the guarantee of the statehood of the gentry republic and the equalization of

the class and political rights of the Catholic and the dissident (Protestant and Orthodox) szlachta. Based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, the author considers the attempts of the Russian ambassador in Warsaw N. V. Repnin to enlist the support of the Polish king and magnate groups (primarily of the “family” of the Czartoryskis) to convene a new Sejm, which was supposed to declare the confederation illegal. The failure of attempts to convene the Sejm and the beginning of the Russian-Turkish war of 1768–1774 predetermined the failure of the policy of St. Petersburg to achieve a solution to the crisis that had arisen through a compromise with the magnate tops. At the same time, the political efforts of Russia during the preparation of the Sejm in the autumn of 1768 objectively contributed to the stabilization of the Polish statehood and, to a certain extent, its political modernization.

Keywords

Political system of the Polish–Lithuanian Commonwealth, Russian policy in Poland in the 18th century, privileges of the Polish szlachta, Polish reforms, Sejm, Bar Confederation.

УДК 327.8
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.02

М. М. Фролова

**Развенчивая мифы историографии.
Русские и румыны при овладении Раховом
(9 ноября 1877 г.)**

Фролова Марина Михайловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marinafrolova59@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Цитирование
Фролова М. М. Развенчивая мифы историографии. Русские и румыны при овладении Раховом (9 ноября 1877 г.). // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 56–78. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.02

Статья поступила в редакцию 27.04.2022.

Аннотация
Овладение г. Рахово (ныне Оряхово) в Болгарии 9 ноября 1877 г. не относится к значимым событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но в Румынии, где данная война именуется войной за независимость, оно трактуется как «важный момент операции по окружению плевенской османской группировки» и стоит в одном ряду со взятием 30 августа 1877 г. Гривицкого редута № 1. В существующей историографии широко распространено утверждение, что румынский отряд штурмом захватил Рахово. Изучение опубликованных документов, прежде всего многотомного «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», а также дневников русских офицеров – участников этой войны, позволяет продемонстрировать, как возникают фактологические ошибки и исторические мифы. В статье показано, что русско-румынским отрядом была решена тактическая задача – Рахово было освобождено от турок, и в нем разместился румынский гарнизон. Но укрепления и город не были взяты с боя, румынские войска не смогли одолеть турок в сражении, а вошли в Рахово только после того, как его оставил турецкий гарнизон. Утверждения о взятии штурмом Рахова, как и Гривицкого редута № 1, румынами

относятся к одной и той же мистификации, намеренно созданной в 1877 г. для роста популярности князя Карла в Румынии и укрепления авторитета его династии.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, румынский князь Карл, И. В. Гурко, барон Ф. Е. Мейендорф, Д. Слэничану, Рахово, Гривицкий редут № 1.

В историографии Румынии, где русско-турецкая война 1877–1878 гг. именуется войной за независимость, овладение г. Рахово (ныне Оряхово) в Болгарии 9 ноября¹ 1877 г. трактуется как «важный момент операции по окружению плевенской османской группировки, а в более широком масштабе – как важный момент русско-румынско-османской войны»². Однако оно не относится к значимым и ярким событиям той войны³. В историографии распространено утверждение, что румынский отряд штурмом захватил этот город. Изучение опубликованных источников, прежде всего многотомного «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», а также дневников русских офицеров – участников этой войны, позволяет показать, как возникают фактологические ошибки и исторические мифы.

Согласно конвенции от 4 (16) апреля 1877 г. Румыния стала союзницей Российской империи в войне против Турции. Временные трудности под Плевной (ныне Плевен) заставили главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича прибегнуть к военной помощи румын. К 30 августа под Плевной была сосредоточена румынская армия в 29 000 штыков, 3600 сабель и 108 орудий (в русских войсках находилось около 46 500 штыков, 5600 сабель при 316 орудиях)⁴. 16 августа император Александр II, тепло приняв

¹ Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

² Румыния в войне за независимость, 1877–1878. Бухарест, 1983. С. 237.

³ В некоторых общих трудах это событие, несомненно, из-за своей незначительности, даже не упоминается. См.: *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956; *Николов М., Стоянов Хр., Иванов А., Стефанов Т.* Русско-турецката освободителна война. София, 1977 и др.

⁴ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1903. Т. 5. С. 80–81.

румынского князя Карла, назначил его командующим Западным отрядом, чтобы, как писал адъютант главнокомандующего полковник Д. А. Скалон, удовлетворить «все партии румын»⁵ и их честолюбие (при этом непосредственное руководство румынскими войсками, вошедшими в отряд, было поручено генералу А. Чернату). На следующий день был издан приказ великого князя об этом назначении⁶. Но не Карл, а генерал-лейтенант П. Д. Зотов, его помощник, являлся фактическим командующим Западным отрядом. С 22 сентября в эту должность, сменив Зотова, заступил инженер-генерал Э. И. Тотлебен, который руководил блокадой Плевны от имени румынского князя.

Подошедшая русская гвардия выбила турецкие гарнизоны из Горного Дубняка (ныне Горни-Дыбник) и Телиша, тем самым кольцо блокады замкнулось. Прибытие 2-й гренадерской дивизии к Дольнему Дубняку (ныне Долни-Дыбник) 2 ноября позволило гвардии под командованием генерал-адъютанта И. В. Гурко двинуться к Орхание (ныне Ботевград), а затем она должна была направиться к Софии, чтобы не дать туркам сформировать сильное войско и прийти на выручку Осман-паше в Плевну. 28 октября была взята Враца, разъезды кавалерии контролировали всё пространство до р. Огосты. Город Рахово мог послужить «удобным пунктом сосредоточения турецких сил как из Западной Европы, так и из пунктов, занятых турецкими гарнизонами на правом берегу Дуная»⁷. 31 октября в телеграмме главнокомандующему Гурко сообщал, что его необходимо захватить для полного обеспечения тыла блокирующих войск. В это время на Дунае в Вадине и Острове стояли шесть румынских батальонов, три батареи и два полка кавалерии. Гурко предлагал придать этому отряду два полка русской кавалерии с конной батареей, и тогда «можно быть уверенным во взятии Рахово»⁸.

2 ноября Гурко телеграфировал начальнику штаба Дунайской армии генерал-адъютанту А. А. Непокойчицкому: «Покорнейше прошу настоять у румын на исполнении экспедиции против Рахово, так как там не более четырех таборов⁹ пехоты при четырех орудиях.

⁵ Скалон Д. А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. СПб., 1913. Т. 1. С. 288.

⁶ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее – СМ). СПб., 1911. Вып. 97. С. 86.

⁷ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1911. Т. 7. Ч. 1. С. 214.

⁸ СМ. СПб., 1906. Вып. 52. С. 257.

⁹ Табор (или табур) состоял из восьми рот (бейлюк) и по штату имел 774 человека.

Взятие Рахово необходимо для полного обеспечения тыла блокирующих войск»¹⁰.

Согласно предписанию Гурко, генерал-майор барон Ф. Е. Мейендорф, прежде командовавший лейб-гвардии Гусарским полком, 3 ноября был назначен начальником отряда, состоявшего из бригады рошиоров¹¹ (2 полка, 7 эскадронов, 700 чел.), 4-го уланского Харьковского полка (4 эскадрона, 450 чел.), румынской и 8-й русской конных батарей (12 орудий). Заметим, что эти части находились в прямом подчинении генерала Гурко, а не румынского генерала А. Черната. Сформированный отряд должен был содействовать при взятии Рахово румынскому отряду полковника Д. Сланичано (Слэничану) (6 батальонов пехоты – 4050 чел., 10 эскадронов каларашей¹² – 1000 чел. и 22 орудия)¹³.

Коллектив военных историков Румынии¹⁴, выпустивший в 1983 г. исследование «Румыния в войне за независимость, 1877–1878», или не знал о телеграммах Гурко, или не хотел о них упоминать, поскольку представил операцию по захвату Рахова как решение исключительно румынского командования. В книге было подчеркнуто, что главнокомандующий румынской армии 3 ноября издал приказ о переходе в наступление на Рахово¹⁵. Внимательный читатель не может не понимать, что участие в этом походе русских улан

¹⁰ СМ. СПб., 1906. Вып. 53. С. 2.

¹¹ Рошиоры – элитные кавалерийские части румынской армии, регулярная легкая кавалерия, напоминающая гусар.

¹² Каларашаи – территориальные кавалерийские формирования Румынии.

¹³ СМ. Вып. 53. С. 206. По данным адъютанта румынского князя Карла Вакареску, 3700 штыков, 1150 сабель. См.: Вакареску Т. Участие румын в кампании 1877–1878 годов (Извлечение из сочинения подполковника румынской службы Вакареску). Подполковник Гарф // Военный сборник (далее – ВС). 1889. Т. 188. № 7. С. 52.

¹⁴ Данный труд отмечен Академией наук Социалистической Республики Румынии – премия им. Николае Бэлческу. Интересен состав редакционной комиссии и авторов этой книги: генерал-полковник Ион Коман, бывший министр национальной обороны (1976–1980 гг.), член Политического исполнительного комитета Центрального комитета Румынской коммунистической партии; действующий в то время министр национальной обороны (1980–1985 гг.) генерал-полковник Константин Олтяну, профессор, доктор исторических наук; академик Штефан Паску; генерал-лейтенант И. Чаушеску; академик К. К. Джуреску, еще четыре генерал-майора, 11 полковников и д-р Д. Бериндей.

¹⁵ Румыния в войне за независимость, 1877–1878. Бухарест, 1983. С. 227.

и командование вторым отрядом русским же генерал-майором явно свидетельствовали о том, что операцию планировали две стороны. Реальная ситуация в период блокады Плевны убеждает в том, что все без исключения планы по реализации наступательных действий рассматривались, в первую очередь, главнокомандующим Дунайской армией, и им же принимались решения.

Фортификационные сооружения Рахова были хорошо известны, так как к нему дважды посылались отряды для проведения усиленной рекогносцировки – 14 сентября (отряд генерал-лейтенанта Е. Т. Крылова) и 24 октября (лейб-гвардии Уланский полк в составе трех эскадронов). Постоянно собирались сведения о численном составе турецкого гарнизона. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, передислоцированная в район с. Махалаты (ныне г. Искыр), должна была наблюдать за местностью по левому берегу р. Вид вплоть до Рахова. Так, по информации начальника штаба этой дивизии полковника В. А. Бунакова (из полевой записки, посланной 10 ноября), в городе находилось около 1000 человек при 3–4 орудиях, при этом одно было испорчено. «Болгары говорили, что раховскому гарнизону приказано небольшими партиями оставлять Рахов и спасаться кто как умеет. Справедливость догадки, что турки уменьшают число войск по пунктам Дуная, подтверждают разъезды от эскадрона лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, стоящего в Криводоле и высылающего разъезды за 30 и более верст»¹⁶. Командующий лейб-гвардии Драгунским полком полковник Г. А. Ковалевский также констатировал, что турки небольшими партиями покидали Рахово. 4 ноября драгуны захватили в плен 27 человек, пробиравшихся к Балканам. По их словам, в городе осталось 1500 человек с тремя орудиями, готовящихся уйти в Лом-Паланку¹⁷.

Господствующее расположение укреплений Рахова на возвышенности (с восточной стороны город защищался двумя редутами – большим и малым, а с запада – одним) делало задачу их овладения весьма трудной. На предварительном совещании барон Мейендорф и Сланичано договорились, что отряд последнего будет атаковать главную позицию города с восточной стороны, а на отряд Мейендорфа «возлагалось производство демонстрации¹⁸ с западной», при этом генерал

должен был начать демонстрацию раньше, чтобы привлечь внимание турок на себя. Атака Рахова должна была быть вполне подготовлена огнем артиллерии, и преимущественно шрапнельным. Напротив города, на левом берегу Дуная, в с. Бекет румынской артиллерии следовало содействовать своим огнем, поражая тыл турецких укреплений Рахова. Кроме того, из гарнизона Бекета необходимо было перевезти на понтонах и катере не менее 500 человек – для усиления отряда Мейендорфа. Ему же ставилась задача задержать турок «на их вероятном пути отступления к Видину в случае, если бы они вздумали очистить Рахово»¹⁹. Необходимо подчеркнуть, что описание событий дается прежде всего по рапорту Мейендорфа главнокомандующему от 10 ноября 1877 г. и «Журналу военных действий 4-й кавалерийской дивизии за время русско-турецкой войны 1877–78 гг.». Эти важные документы были опубликованы в «Сборнике материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», но, как ни странно, еще не введены в научный оборот.

Прибыв 6 ноября из Кнежи к Буковице (ныне Мизия), находившейся на р. Скыт, барон Мейендорф выслал два эскадрона рошиоров: один для порчи телеграфа и изучения местности по берегу Дуная, где мог произойти бой с неприятелем, вышедшим из Рахова, а другой – на рекогносцировку берегов рек Скыта и Огосты. Захваченные в плен три турка сообщили, что в Рахове находятся не 800 человек, как считалось прежде, а около 2500 при трех орудиях. Полученные сведения заставили генерала «еще более внимания обратить на свой левый фланг и в особенности на мост у р. Скыт у с. Орлица (Хырлец) как у единственной переправы на пути вероятного отступления турок»²⁰. Сланичано отправил в отряд Мейендорфа 3-й батальон 1-го полка доробанцев²¹ и батарею в составе четырех орудий. В тот же день вечером генерал-майор поставил роту доробанцев у моста на р. Скыт²², на единственном пути из Рахова к с. Козлодуй, а оттуда к Лом-Паланке и Видину. Другой переправы через Скыт не имелось, а переход реки вброд был невозможен вследствие непроходимости болот у правого берега реки²³, отмечал румынский историк, адъютант

16 СМ. СПб., 1907. Вып. 57. Ч. 1. С. 112.

17 Там же. С. 33, 52.

18 Демонстрация – военная хитрость, целью которой является отвлечение сил и внимания противника от направления главного удара путем имитации удара на второстепенном направлении.

19 СМ. Вып. 53. С. 205–206.

20 Там же. С. 207.

21 Доробанцы – румынская пехота, солдаты, отбывавшие воинскую повинность в территориальной армии в течение 6 лет.

22 СМ. Вып. 53. С. 207.

23 Вакареску Т. Участие румын в кампании 1877–1878 годов. С. 54.

князя Карла Т. Вакареску. Доробанцам приказали построить ложементы со стороны раховской и лом-паланкской дорог. Остальные три роты доробанцев и вся кавалерия с конной артиллерией стали биваком у Буковицы, имея фронт к Рахову.

7 ноября войска отряда полковника Сланичано после упорного сопротивления турок захватили малый редут, перешли в наступление против другого, но, встреченные интенсивным огнем и потеряв убитыми и ранеными почти всех своих командиров, принуждены были отступить с большими потерями в занятый ими редут. В 15:15 барон Мейендорф получил от полковника Сланичано уведомление, в котором тот просил не «демонстрировать» (т.е. не имитировать наступление), а немедленно атаковать западный редут с целью содействовать его наступлению. Генерал сделал соответствующие распоряжения. В частности, был послан приказ командиру рошиорской бригады полковнику Крециано (командовавшему отрядом левого фланга, который находился на видинской дороге) «взять от 8-й конной батареи, стоящей у Орлицкого моста на р. Скыт, взвод и одну роту доробанцев из мостового прикрытия»²⁴. Две роты доробанцев, поддерживаемые умелым и точным огнем румынской и русской батарей, ворвались в передовые ложементы, но, натолкнувшись на убийственный огонь двухъярусной обороны редута и лишившись своего командира батальона [майор Матиско (Матееску) был ранен в обе ноги], двух офицеров и около 100 чел. ранеными и убитыми, должны были отступить от турецкого редута, занятого значительными силами. Заметив, что на правом фланге огонь замолк и настало полное затишье, Мейендорф решил прекратить бой, становившийся затруднительным из-за наступавшей темноты²⁵.

В труде «Румыния в войне за независимость, 1877–1878» указывалось, что полковник Сланичану потребовал, чтобы и левый фланг, то есть отряд Мейендорфа, предпринял сильную атаку с целью отвлечения части турецких сил. Полковник В. Крециану, командир бригады рошиоров, приказал майору Матееску энергично атаковать редут. Бой продолжался до 17 час., когда основная атака на восточный редут была прекращена. В тот момент, учитывая и значительные потери – свыше 100 чел. убитыми и ранеными, капитан Меришеску получил приказ отвести воинов на исходную позицию²⁶. Таким образом, согласно вер-

24 СМ. Вып. 53. С. 209.

25 Там же. С. 209–210.

26 Румыния в войне за независимость, 1877–1878. С. 232.

сии румынских военных историков, не русский генерал осуществлял командование отрядом и сражением, а румынские офицеры.

Отряд барона Мейендорфа отошел затем на бивак к Буковице, а Сланичано отступил к Селановцам, где они простояли весь следующий день, так как густой туман препятствовал каким-либо активным действиям. Утром 8 ноября возвратился эскадрон рошиоров, посланный генералом еще 6 ноября по направлению к Лом-Паланке. Он отбил турецкий транспорт и 17 повозок с мукой, направлявшихся в Рахов²⁷.

Турецкие военачальники полковник Хамди-бей и подполковник Саиб-эфенди приняли решение скрытно оставить Рахово. В своем рапорте они указывали, что штурмовавшие Рахово войска превосходили турецкий гарнизон в три раза, а против их трех орудий действовали 18 пушек неприятеля. (Этот рапорт был приобщен к донесению видинского мютесарифа²⁸ Серри-эфенди от 24 ноября, которое впоследствии было опубликовано французским военным историком Жаном-Амедеем Ле Фором²⁹.)

В книгу «Румыния в войне за независимость 1877–1878» помещены данные о том, что в ночь на 9 ноября раховский городской голова (болгарин по национальности) известил румынское командование о том, что турецкий гарнизон намеревается покинуть город. Этой информации нет в рапорте генерала Мейендорфа. Его не успели предупредить? Румынские разъезды и аванпосты, расположенные западнее Рахова, также дали знать командованию отряда, что колонна турок численностью около 2000 чел. направляется к р. Скыт³⁰.

Около 4 час. утра 9 ноября под покровом тумана турки, покинув Рахово, попытались пройти через мост, который по приказу Мейендорфа охранял весь батальон доробанцев. Вовремя предупрежденные постами уланов, они стойко защищали эту единственную переправу, отбив три атаки. С началом перестрелки генерал-майор приказал «густой цепью спешенных улан занять впереди бивака склоны, обращенные к неприятелю». Кроме того, он отправил румынскую батарею под прикрытием рошиоров «для занятия на возвышенностях впереди моста позиции, с которой можно было бы обстреливать подступы к мосту, равно как и лес по ту сторону р. Скыта, занятый

27 СМ. Вып. 53. С. 210.

28 Мютесариф – правитель округа (санджака) в Османской империи.

29 *Le Faure A. J. Histoire de la guerre d'Orient (1877–1878)*. Paris, 1878. Vol. 2. P. 72.

30 Румыния в войне за независимость, 1877–1878. С. 234–235.

турками». Румынская батарея удачными выстрелами рассеяла неприятеля. Два орудия 8-й конной батареи, под прикрытием четырех эскадронов, а вслед за этим еще два орудия той же батареи, под прикрытием одного эскадрона рошиоров, были направлены вброд выше моста на р. Скуйт: туркам пришлось очистить лес. Около 9 час. утра все атаки на мост были отбиты, и только тогда началось преследование неприятеля. Во время отступления турок кавалерия захватила транспорт в 147 повозок, но из-за тумана и топкости местности не смогла нагнать ускользнувшего противника. Быстрота отступления объяснялась Мейендорфом тем, что турки покинули Рахово еще ночью, а нападение на мост являлось лишь демонстрацией, чтобы прикрыть свой выход. (В «Журнале» 4-й кавалерийской дивизии также отмечалось, что раховский гарнизон, атаковав в виде демонстрации батальон доробанцев, занимавших предмостное укрепление на р. Скуйт, переправился ниже моста³¹.) Они построили переправу через брод ниже по течению, набросав в воду мешки с песком, палатки, багаж. В 4 час. утра Мейендорф направил эскадрон рошиоров в Рахово узнать, не свободен ли он от противника, а также послал уведомление полковнику Сланичано о том, что турки очищают раховскую позицию, и предложил полковнику занять ее своим отрядом³².

В 12 часов отряд Сланичано одновременно с румынскими войсками, переправившимися из Бекета, и с отрядом генерала Мейендорфа вступили в Рахово³³. Болгарское население устроило теплый прием своим освободителям. В городе захватили склад провианта и фуража, в одном из редутов нашли оставленное турками орудие.

9 ноября в 17 часов генерал послал телеграмму князю Карлу, в которой сообщил о попытке турок прорваться той ночью через мост, безуспешной благодаря героической его защите доробанцами, поддержанными русско-румынской кавалерией и артиллерией. Понеся большие потери, неприятель отступил через брод на Лом-Паланку³⁴.

В своем рапорте главнокомандующему Мейендорф отметил вначале румынских, а затем русских офицеров, действовавших храбро, искусно и хладнокровно: командира рошиорской бригады Крециано (В. Крециану), капитана-артиллера Эпитеса (Хепитеса), майора Матиско (Матееску), капитана батальона доробанцев Меришеско (Меришеску),

31 См. СПб., 1898. Вып. 7. С. 93–94.

32 См. Вып. 53. С. 210–211.

33 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании 1877–1878 годов. С. 55.

34 См. Вып. 53. С. 183–184.

поручика румынского Генерального штаба Ламбрино, а также поручика-артиллера Полубояринова и исполнявшего должность начальника штаба отряда майора 5-го гусарского Александрийского полка Квитницкого³⁵. В отличие от русского генерала, не скупившегося на похвалы в адрес румынских офицеров и нижних чинов, авторы книги «Румыния в войне за независимость, 1877–1878» при описании действий разных частей отряда Мейендорфа практически не упоминали имя генерала, руководившего сражениями 7 и 9 ноября³⁶.

Главнокомандующий Дунайской армией 9 ноября получил телеграмму от князя Карла о том, что 7 ноября румыны взяли Рахово³⁷. Естественно возникает вопрос: почему указана дата 7, а не 9 ноября? 7 ноября главнокомандующему доставили три телеграммы от Карла. В первой, отправленной в 8:55, румынский князь был счастлив объявить, что Гривицкий редут № 2³⁸ находится в руках румын, о подробностях он сообщит позже. В 11:10 от Карла пришло известие, что румыны, к несчастью, заняли редут только на несколько мгновений. Турки возвратились в превосходящем числе и вынудили румын ретироваться. Карл оправдывался тем, что, получив радостную весть, сразу поспешил поделиться ею с великим князем и теперь сожалеет, что предвосхитил

35 Там же. С. 211–212.

36 См.: Румыния в войне за независимость, 1877–1878. С. 232, 235.

37 См.: *Газенкамф М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 176; *Скалон Д. А.* Мои воспоминания... С. 353.

38 30 августа 1877 г. румынским войскам была поставлена задача атаковать и захватить Гривицкий редут, а 1-й бригаде 5-й пехотной дивизии IX армейского корпуса предстояло только им содействовать. Однако именно русские полки, 17-й пехотный Архангелогородский и 18-й пехотный Вологодский, в кровопролитном сражении захватили Гривицкий редут № 1. Князь Карл объявил, что его войска в доказательство своей доблести штурмом овладеют Гривицким редутом № 2. Но все попытки, предпринятые румынами 6 сентября, 7 октября и в другие дни, оказались бесплодными. «Редуту этому, вероятно, не суждено перейти в их руки, а то-то было бы хвастовства и ликований в Бухаресте!» – писал полковник Н. Е. Бранденбург. См.: *Бранденбург Н. Е.* Из дневника артиллера // Сборник военных рассказов, составленных офицерами – участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 3. С. 44. Военный историк А. Н. Куропаткин (во время войны начальник штаба 16-й пехотной дивизии) утверждал: «Нет сомнения, что, включи генерал Тотлебен взятие Гривицкого редута № 2 в свои соображения и помоги румынам войсками IX корпуса, редут был бы взят». См.: *Куропаткин А.* Блокада Плевны // Военный сборник. 1886. № 9. С. 27.

событие. А третьей телеграммой он поздравлял великого князя со знаменательной победой русского оружия – взятием Карса, одной из наиболее сильных крепостей Азиатской Турции. «Я выражаю искренние пожелания, чтобы Бог даровал доблестной армии, которой ты командуешь, те же триумфы, в которых я буду рад принять участие со своими войсками»³⁹. Разумеется, русская армия на плевненских позициях ликовала, был фейерверк, иллюминация и музыка⁴⁰. В штабе Карла, вероятно, решили сгладить неприятное впечатление от телеграмм о «взятии Гривицкого редута № 2» и поэтому датировали овладение Раховом не 9, а 7 ноября. К тому же румыны, ревнивые к славе, рассчитывали и на то, что блеск замечательной победы в Карсе отразится и на них, возвышая значимость их успеха в Рахове.

Великий князь Николай Николаевич в телеграмме императору от 10 ноября также сообщал, что к вечеру после боя, который продолжался весь день 7 ноября, турки, видя невозможность удержаться, вышли из Рахова на мост через р. Скыт, занятый одним батальоном доробанцев. При содействии русско-румынской кавалерии доробанцы героически отразили все отчаянные попытки турок пробиться. Гарнизон Рахова бежал через брод по направлению на Лом-Паланку. Кавалерия захватила много пленных и весь провиантский и артиллерийский обоз. Преследование продолжалось с трех часов ночи до 10 утра 8 ноября⁴¹. Военный корреспондент В. В. Крестовский, рассказав о праздновании русской армией падения Карса, сообщил, что в этот же день (7 ноября) русско-румынский отряд взял придунайский город Рахово, и отметил доблесть доробанцев, лихо отражавших все попытки турок прорваться через мост на р. Скыт⁴². В известном труде под редакцией генерал-майора Зыкова также утверждается, что именно 7 ноября румыны, поддержанные русской кавалерией и артиллерией, после упорного боя взяли Рахово потеряв 18 офицеров и 216 нижних чинов убитыми и ранеными и захватив в городе огромные запасы провианта и боеприпасов. При этом отмечалось, что «румыны приписывают по обыкновению честь взятия Рахова исключительно себе; но в этом деле принимали важное участие и русская кавалерия, и артиллерия

39 См. Вып. 53. С. 131.

40 См. СПб., 1899. Вып. 15. С. 101.

41 Там же. С. 103–104.

42 *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Письма в редакцию газеты «Правительственный вестник». Изд. исправ. и доп. СПб., 1879. Т. 2. С. 293–294.

под командой барона Мейендорфа»⁴³. Подобная ошибка в дате из дореволюционной литературы перекочевала в работы и некоторых советских историков (С. И. Самойлова и коллектива авторов труда «Русско-турецкая война. 1877–1878») ⁴⁴.

В исследовании «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», так же как и в рапорте генерал-майора Мейендорфа, отмечалось, что, пока шел упорный бой у моста через р. Скыт ночью 9 ноября, вторая колонна турок устроила переправу в другом месте, и почти весь гарнизон Рахова успел благополучно уйти в Видин. Преследование конницы было безрезультатно⁴⁵.

По версии румынского историка Вакареску, 9 ноября в 3 часа утра весь гарнизон Рахова в составе 3000 человек подошел к мосту на р. Скыт и обрушился на оборонявший его батальон доробанцев. Более трех часов 600 румын сдерживали неприятеля, в пять раз его превосходившего. Не видя возможности держаться и дальше, командир батальона «решился на крайнюю меру» и перешел в наступление. Турки обратились в бегство, некоторые сумели переплыть реку, но большая их часть направилась к устью р. Скыт, где отыскался брод⁴⁶.

Болгарский историк Хр. Михова, имея в своем распоряжении телеграммы великого князя (рапорт Мейендорфа ей не был известен), труды Вакареску, Ж.-А. Ле Форэ, корреспонденции Крестовского и др., писала, что 600 храбрецов-румын более трех часов удерживали свои позиции на р. Скыт против втрое превосходившего их гарнизона Рахова, которому пришлось отступить⁴⁷. В книге «Румыния в войне за независимость, 1877–1878» отмечено, что доробанцы устояли, выдержав атаки авангардного батальона турок, а не всего гарнизона Рахова⁴⁸.

43 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции / под ред. генерал-майора Зыкова. СПб., 1881. Т. 1. С. 454.

44 *Самойлов С. И.* Освобождение Румынии от турецкой зависимости в результате русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Вопросы истории. 1959. № 2. С. 97; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 152.

45 Описание русско-турецкой войны... Т. 7. Ч. 1. С. 87.

46 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании 1877–1878 годов. С. 54–55.

47 *Михова Хр.* Приносът на румънския народ за освобождението на България от турско робство // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София, 1958. С. 212–213.

48 Румыния в войне за независимость, 1877–1878. С. 234–235.

Французский военный историк Ж.-А. Ле Фор указал, что турецкий гарнизон насчитывал менее 2000 чел. В упоминавшемся уже донесении видинского мютесарифа сообщалось, что все пути из Рахова и мост были заняты войсками противника; несмотря на интенсивную атаку моста, турецкому отряду пришлось искать переправу в другом месте. Преследуемые кавалерией неприятеля, турки не смогли перевезти через болота и оставили 24 повозки, предназначенные для транспортировки раненых, ящики с боеприпасами и архив администрации Рахова. Во время отражения штурма Рахова потери турок составляли 26 убитых и 49 раненых, а во время ночного прорыва через мост они потеряли 46 человек убитыми и 47 ранеными, что является минимальным по сравнению с потерями противника⁴⁹, заявляли турецкие военачальники. Вакареску же считал, что убыль у турок доходила до 650 чел. ранеными и убитыми и 60 чел. пленными. Потери румын были тоже немалые: 9 офицеров и 307 нижних чинов⁵⁰.

Как курьез историографии можно рассматривать заявление маркиза ван дё Вёстин дё Грамме дё Варда, бывшего капитана артиллерии и очевидца штурма Плевны 30 августа, о том, что русско-румынские войска численностью 18 000 чел. (7000 русских при 34 орудиях и 11 000 румын при 22 орудиях) три дня сражались с турецким гарнизоном в 1400 чел., чтобы взять под контроль Рахово⁵¹.

Следует подчеркнуть, что при изучении источников и литературы также возникает вопрос: через какую реку был перекинут мост, у которого состоялся бой 9 ноября. В рапорте генерал-майора Мейердорфа, Журнале 4-й кавалерийской дивизии, телеграммах главнокомандующего указана р. Скыт, поэтому она фигурирует в большинстве научных работ. В рапорте полковника Хамди-бея и подполковника Саиб-эфенди и соответственно в книге Ж.-А. Ле Фора, а также в трудах австро-венгерского ученого Ф. Каница, французского военного историка, скрывшего свое имя под псевдонимом «Тактик», болгарских историков Г. Георгиева и В. Тополова сообщалось, что доробанцы сражались у моста через р. Огосту⁵².

49 *Le Faure A. J.* Histoire de la guerre d'Orient (1877–1878). P. 74.

50 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании 1877–1878 годов. С. 55.

51 *Wæstyne de Grammez de Wardes, van de.* La guerre russo-turque, 1877–1878. Paris, 1903. P. 188.

52 *Le Faure A. J.* Histoire de la guerre d'Orient (1877–1878). P. 71, 72, 74; *Каниц Ф.* Дунавска България и Балканът. Историческо-географско-этнографски пътеписни проучвания от 1860–1879 г. София, 1997. Т. 2. С. 194; *La guerre d'Orient en 1877–1878. Étude stratégique et tactique des opérations*

В книге лейтенанта-артиллериста румынской армии П. Ст. Василиу указана важная деталь – мост через Огосту был каменный, поэтому по нему могли проходить орудия и тяжелый обоз, а крутые берега и полноводность реки из-за дождей являлись серьезным препятствием⁵³.

К сожалению, коллектив военных историков Румынии не только не попытался устранить подобное противоречие, но еще более усугубил его. Так, они пишут, что 6 ноября доробанцы заняли оборону у моста через р. Огоста в районе д. Хырлец; 7 ноября вечером после сражения доробанцы были отведены на исходную позицию у моста через р. Огоста; 8 ноября капитан Меришеску принял меры усиления обороны у моста через Скыт; к 5 час. 9 ноября авангардный батальон противника атаковал подразделение Меришеску, который устоял против четырех повторных атак⁵⁴. Еще большую неясность вносят две опубликованные иллюстрации: «Бой у моста через р. Скыт» (изображен каменный арочный мост) – из фондов Центрального военного музея в Бухаресте и «Бой у моста через р. Огоста» – из газеты «Resboiul» («Война»), № 132, 1 декабря 1877 г.⁵⁵ Но точно известно, что бой у моста был один, а у румынских историков выходит – два...

Изучение карт местности дает любопытные результаты. Оказывается, что в 1877 г. реки Огоста и Скыт текли параллельно и обе впадали в Дунай, в XX в. русло р. Огосты изменилось: от с. Хырлец река поворачивает вправо и выше с. Сараево в нее впадает р. Скыт, как более мелкая. Но старое русло Огосты хорошо видно со спутника, при этом оно частично наполнено водой. Однако на карте диспозиции румынских и русских войск во время боя у Рахова, которая была опубликована в альбоме, посвященном войне за независимость Румынии (ее составителем являлся подполковник Н. Попеску), указана лишь одна река – Огоста, а река Скыт вовсе не обозначена⁵⁶. На карте № 7, посвященной бою у Рахова, изданной в «Атласе карт, планов и схем к Описанию

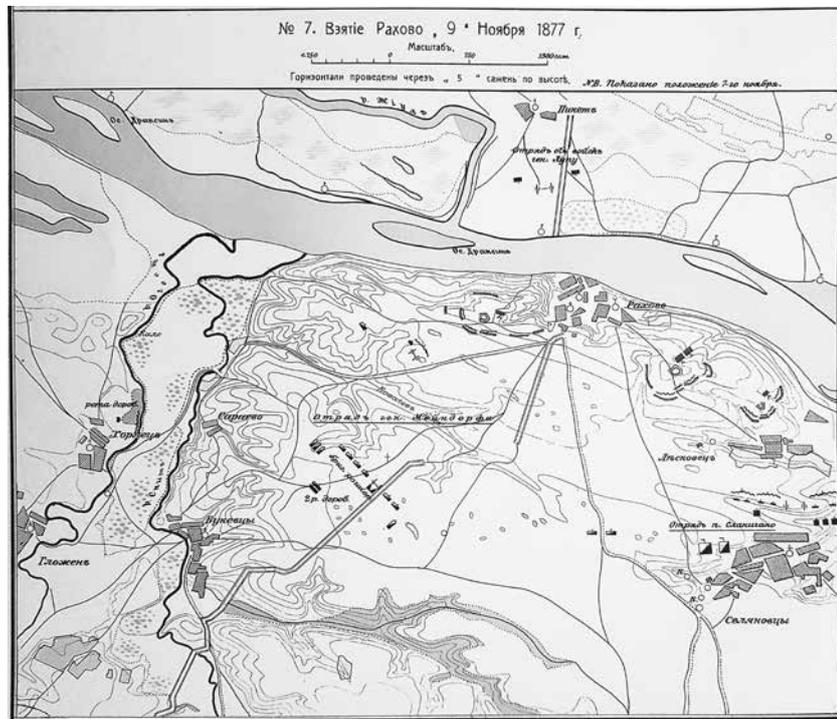
des armées russes et turgues en Europe, en Asie et sur les côtes de la Mer Noire par un tacticien, auteur de plusieurs ouvrages militaires. Paris, 1880. F. 5. P. 427–428; *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война 1877–1878 (преглед на военните действия). София, 1958. С. 276.

53 *Vassiliu P. St.* Guerre d'Orient 1877–1878. Opérations de l'armée roumaine pendant la guerre de l'indépendance. Paris, 1880. P. 112–113.

54 Румыния в войне за независимость, 1877–1878. С. 228, 232, 234, 235.

55 Там же. С. 234, 235.

56 *Popescu N.* Armata Română în războiul pentru independență 1877–1878. București, 1972. P. 85.

Карта. Взятие Рахова 9 ноября 1877 г.
(Атлас карт, планов и схем к Описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг.
на Балканском полуострове. СПб., 1911. Вып. 6. Карта № 7. Л. 2).

русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове» (Вып. 6. СПб., 1911), показан мост только на р. Скыт. По его правому берегу идет гряда возвышенностей, с которых можно было обстреливать подступы к этому мосту. Река Огоста текла по низменности. Правда, на карте также указано, что рота доробанцев 7 ноября 1877 г. занимала позиции на левом берегу р. Огосты у с. Хырлец, где нет моста. Но согласно рапорту генерал-майора Мейердорфа, эта рота должна была охранять мост, построив близ него ложементы. И это обстоятельство не позволяет однозначно утверждать, что защищался мост именно на р. Скыт как первой водной преграде на пути турецкого гарнизона. Следовательно, нужны новые источники, чтобы получить точный ответ на этот вопрос.

Военный министр России Д. А. Милютин записал в своем дневнике 9 ноября: «Румынам удалось овладеть Раховом; хотя атака их была отбита с большим для них уроном, однако ж в ночь турки сами ушли

из города, и сегодня утром румынские войска заняли его»⁵⁷.

В телеграмме Александру II от 10 ноября великий князь Николай Николаевич отмечал стратегическую значимость успеха у Рахова: «Район, занятый нами в Болгарии, на многое увеличится, и этим еще более уединится положение Османа в Плевне»⁵⁸. Но «взятие» румынами Рахова имело важное значение и для внутривосточной жизни Румынии, что следует из бесед Милютина с румынским премьер-министром И. Брэтиану, происходивших в Порадима (ныне Пордим) 4 ноября. Разговор велся о выгодах, какие Румыния может получить для себя от нынешней войны. «На днях открывается сессия румынской палаты; министерство ожидает бурных прений и затруднительных запросов со стороны оппозиции», – Брэтиану объяснял Милютину ситуацию, – «для него необходимо, чтобы вывернуться, указать палате на какие-нибудь осязательные успехи оружия, обещающие выгодные условия при замирении»⁵⁹.

10 ноября румынский князь приехал к главнокомандующему на завтрак в Богот. «Сияет, счастлив, что румынам удалось взять Рахово», – констатировал прекрасное настроение Карла полковник М. А. Газенкампф, состоявший в распоряжении главнокомандующего и ведший всё делопроизводство Дунайской армии. «Великий князь провозгласил тост за румынскую армию. Князь Карл ответил тостом за великого князя и нашу армию»⁶⁰. Ф. Каниц писал, что в Главной квартире победа была отпразднована церковной службой и торжественным банкетом, а также раздачей множества георгиевских крестов и румынских медалей «За военную храбрость» [вероятно, имеется в виду медаль «Virtute militara» («Военной доблести»)]⁶¹. Князь Карл обратился к своим войскам со следующими словами: «Храбрость румынской армии принесла новый успех, имеющий замечательное значение. Взятие Рахова будет занесено золотыми буквами в нашу летопись рядом со взятием Гривицы». В память об этих событиях, в которых румыны пролили свою кровь за независимость своей страны, князь решил учредить медаль «Aparatorilor Independentei României» («Защитникам независимости Румынии»)⁶². Свою речь Карл

57 Дневник Д. А. Милютина. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 242.

58 СМ. Вып. 15. С. 102–103.

59 Дневник Д. А. Милютина. С. 238–239.

60 Газенкампф М. А. Мой дневник... С. 176, 177.

61 Каниц Ф. Дунавска България и Балканът. С. 194.

62 Медаль «Защитникам независимости» ("Aparatorilor Independentei") учреждена указом князя Карла от 5 июня 1878 г. для награждения

закончил возгласом: «Да здравствует независимая Румыния!»), после которого «все батареи союзников в полдень произвели три залпа по турецким позициям»⁶³, – свидетельствовал лейтенант Василиу.

В письме князю Карлу от 18 ноября 1877 г. великий князь Николай Николаевич отметил: «Прошу позволения повторить по этому случаю, что я всегда был счастлив признать мужество и солидные военные качества румынской армии... Победа под Раховом полностью принадлежит румынским войскам...»⁶⁴.

В историографии часто можно встретить такие формулировки: «румыны атаковали турецкие укрепления у Рахова и взяли их штурмом»⁶⁵, «союзным румынским войскам удалось захватить Рахово»⁶⁶, румыны «взяли штурмом город Рахово»⁶⁷, «после двухдневных упорных боев – в них участвовал и русский полк улан и конная батарея – румынские войска овладели городом Рахово»⁶⁸, «удалось овладеть 8 ноября Оряхово после ожесточенных сражений с превосходящим по численности неприятелем»⁶⁹, «турецкий гарнизон был разбит, и город захвачен 7–9 ноября 1877 г.»⁷⁰. Ряд подобных утверждений можно продолжить.

Действительно, румынами была решена тактическая задача – г. Рахово был освобожден от турок, и в нем разместился румынский гарнизон. Но укрепления и город не были взяты с боя, румынские

военнослужащих, независимо от звания, принимавших непосредственное участие в военных операциях, чинов жандармерии внутри страны, гражданских лиц, оказавших значительную поддержку армии во время войны за независимость 1877–1878 гг.

63 *Vassiliu P. St. Guerre d'Orient 1877–1878*. P. 114.

64 Цит. по: Румыния в войне за независимость, 1877–1878. С. 237.

65 *Greene F. V. The Russian Army and its Campaigns in Turkey*. New York, 1879. P. 298.

66 *Фортунатов П. К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии*. М., 1950. С. 125.

67 *Христу В. Румънският народ в освободителната война 1877–1878*. София, 1957. С. 44; *История Румынии нового и новейшего времени* / В. Н. Виноградов, Е. Д. Карпещенко, Н. И. Лебедев, А. А. Язькова. М., 1964. С. 72.

68 *История Румынии. 1848–1917.* / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1971. С. 237.

69 *Трайков В. Обявяване на независимостта на Румъния и участието ѝ във войната от 1877–1878 г.* // *Исторически преглед*. 1977. Кн. 5–6. С. 65.

70 *Жечев Н. Румъния и руско-турска война 1877–1878* // *Военноисторически сборник*. 1977. № 2. С. 104.

войска не смогли одолеть турок в сражении, а вошли в Рахово только после того, как его оставил турецкий гарнизон. Данная констатация важна для анализа реалий той войны, которая в истории Румынии значится не как русско-турецкая война 1877–1878 гг., а как война за независимость Румынии.

В недавно вышедшей коллективной монографии «Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И. С. Достяна» опубликовано наше исследование «Подаренная победа»: взятие Гривицкого редута № 1 под Плевной 30 августа 1877 г., в котором на значительном корпусе источников доказывалось, что 30 августа Гривицкий редут № 1 с боя захватили именно русские полки 1-й бригады 5-й пехотной дивизии IX армейского корпуса и что румынские батальоны, несмотря на значительные потери, не смогли в тот день выполнить поставленной перед ними задачи. Однако великий князь Николай Николаевич, исходя из политических и дипломатических соображений, и главным образом, на наш взгляд, из стремления поддержать престиж румынского князя в его армии и государстве с целью упрочения княжеских властных позиций, сознательно подарил победу – захват русскими войсками Гривицкого редута № 1 – румынскому князю Карлу. Важно отметить, что в продолжение всей блокады румынские войска предпринимали неоднократные попытки самостоятельно захватить штурмом Гривицкий редут № 2, но всегда неудачно⁷¹.

На наш взгляд, утверждения о «взятии» румынами Гривицкого редута № 1 и «штурмом» Рахова относятся к одной и той же мистификации, намеренно творимой в 1877 г. для прославления и роста популярности князя Карла в Румынии, для укрепления авторитета его династии. В марксистской историографии провозглашалось боевое содружество русских с румынами во время той войны, и иного мнения не допускалось. Но пришло время, чтобы этот исторический миф, созданный в прошлом из политических и идеологических соображений, исчез, наконец, из современного научного пространства и восторжествовала ИСТИНА.

71 *Фролова М. М. «Подаренная победа»: взятие Гривицкого редута № 1 под Плевной 30 августа 1877 г.* // *Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И. С. Достяна*. М., 2021. С. 224–282.

Источники и литература

Бранденбург Н. Е. Из дневника артиллериста // Сборник военных рассказов, составленных офицерами – участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 3. С. 1–88.

Вакареску Т. Участие румын в кампании 1877–1878 годов (Извлечение из сочинения подполковника румынской службы Вакареску). Подполковник Гарф // Военный сборник. 1889. Т. 188. № 7. С. 43–65.

Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции / под ред. генерал-майора Зыкова. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1881. Т. 1. 607 с.

Газенкампф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 624 с.

Георгиев Г., Топалов В. Кратка история на освободителната война 1877–1878 (преглед на военните действия). София: Изд-во на БКП, 1958. 516 с.

Жечев Н. Румъния и руско-турска война 1877–1878 // Военноисторически сборник. 1977. № 2. С. 94–106.

История Румынии нового и новейшего времени / В. Н. Виноградов, Е. Д. Карпещенко, Н. И. Лебедев, А. А. Язькова. М.: Наука, 1964. 407 с.

История Румынии. 1848–1917 / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 1971. 668 с.

Каниц Ф. Дунавска България и Балканът. Историческо-географско-этнографски пътеписни проучвания от 1860–1879 г. София: Борина, 1997. Т. 2. 319 с.

Крестовский В. В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Письма в редакцию «Правительственный вестник». Изд. исправ. и доп. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1879. Т. 2. 671 с.

Куропаткин А. Блокада Плевны // Военный сборник. 1886. № 9. С. 5–53.

Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина. 1876–1877. М.: Типография журнала «Пограничник», 1949. Т. 2. 292 с.

Михова Хр. Приносът на румънския народ за освобождението на България от турско робство // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София: Изд-во на БКП, 1958. С. 179–229.

Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Военная типография, 1903. Т. 5. 272 с.; СПб.: Военная типография, 1911. Т. 7. Ч. 1. 519 с.

Румыния в войне за независимость, 1877–1878. Бухарест: Военное издательство, 1983. 365 с.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / под ред. И. И. Ростунова. М.: Воениздат, 1977. 263 с.

Самойлов С. И. Освобождение Румынии от турецкой зависимости в результате русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Вопросы истории. 1959. № 2. С. 84–101.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Военная типография, 1898. Вып. 7. 320 с.; СПб.: Военная типография, 1899. Вып. 15. 274 с.; СПб.: Товарищество Художественной Печати, 1906. Вып. 52. 397 с.; СПб.: Столичная скоропечатня С. Х. Золотухина, 1906. Вып. 53. 395 с.; СПб.: Столичная скоропечатня К. К. Стефанского, 1907. Вып. 57. Ч. 1. 378 с.; СПб.: Первая Женская Типография Т-ва «Печатного Станка», 1911. Вып. 97. 245 с.

Скалон Д. А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1913. Т. 1. 400 с.

Трайков В. Обявяване на независимостта на Румъния и участието ѝ във войната от 1877–1878 г. // Исторически преглед. 1977. Кн. 5–6. С. 52–67.

Фортунатов П. К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950. 180 с.

Фролова М. М. «Подаренная победа»: взятие Гривицкого редута № 1 под Плевной 30 августа 1877 г. // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И. С. Достяна. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 224–282.

Христу В. Румънският народ в освободителната война 1877–1878. София: Наука и изкуство, 1957. 67 с.

Greene F. V. The Russian Army and its Campaigns in Turkey. New York: D. Appleton and Company, 1879. 459 p.

La guerre d'Orient en 1877–1878. Étude stratégique et tactique des opérations des armées russes et turques en Europe, en Asie et sur les côtes de la Mer Noire par un tacticien, auteur de plusieurs ouvrages militaires. Paris: J. Dumaine, 1880. F. 5. 508 p.

Le Faure A. J. Histoire de la guerre d'Orient (1877–1878). Paris: Garnier Frères, 1878. Vol. 2. 462 p.

Popescu N. Armata Română în războiul pentru independență 1877–1878. București: Editura militară, 1972. 139 p.

Vassiliu P. St. Guerre d'Orient 1877–1878. Opérations de l'armée roumaine pendant la guerre de l'indépendance. Paris: Librairie militaire de J. Dumaine, 1880. 451 p.

Wæstyne de Grammez de Wardes, van de. La guerre russo-turque, 1877–1878. Paris: Ollendorff, 1903. 240 p.

References

- Dnevnik D. A. Milyutina. 1876–1877.* Moscow: Tipografiia zhurnala “Pogranichnik”, 1949, vol. 2, 292 p.
- Fortunatov, P. K. *Voina 1877–1878 gg. i osvobozhdeniye Bolgarii.* Moscow: Uchpedgiz, 1950, 180 p.
- Frolova, M. M. “«Podarennaiia pobeda»: vziatije Grivitskogo reduta № 1 pod Plevnoi 30 avgusta 1877 g.” *Slaviane i Rossiia. Rossiia: vzgliad na Balkany. XVIII–XXI vv. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia I. S. Dostian.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2021, pp. 224–282.
- Gazenkampf, M. *Moi dnevniki. 1877–1878 gg.* St Petersburg: V. Berezovskii Publ., 1908, 624 p.
- Georgiev, G., Topalov, V. *Kratka istoriia na osvoboditel'nata voina 1877–1878 (pregled na voennite deistviia).* Sofia: Izd-vo na BKP, 1958, 516 p.
- Hristu, V. *Rumŭnskiit narod v osvoboditel'nata voina 1877–1878.* Sofia: Nauka i izkustvo, 1957, 67 p.
- Istoriia Rumynii novogo i noveishego vremeni*, ed. by V. N. Vinogradov, E. D. Karpeshchenko, N. I. Lebedev, A. A. Iaz'kova. Moscow: Nauka, 1964, 407 p.
- Istoriia Rumynii. 1848–1917*, ed. by V. N. Vinogradov. Moscow: Nauka, 1971, 668 p.
- Kanic, F. *Dunavska Bŭlgariia i Balkanŭt. Istorichesko-geografsko-etnografski pŭtepisni prouchvaniia ot 1860–1879 g.* Sofia: Borina, 1997, vol. 2, 319 p.
- Mihova, Hr. “Prinosŭt na rumŭnskiia narod za osvobozhdeniето na Bŭlgariia ot tursko robstvo.” *Osvobozhdeniето na Bŭlgariia ot tursko igo. 1878–1958.* Sofia: Izd-vo na BKP, 1958, pp. 179–229.
- Opisanije russko-tureckoi voiny 1877–1878 gg. na Balkanskom poluostrrove.* St Petersburg: Voennaia tipografiia, 1903, vol. 5, 272 p.; St Petersburg: Voennaia tipografiia, 1911, vol. 7, ch. 1, 519 p.
- Rumyniia v voine za nezavisimost', 1877–1878.* Bukharest: Vojennoje izdatel'stvo, 1983, 365 p.
- Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg.*, ed. by I. I. Rostunova. Moscow: Vojenizdat, 1977, 263 p.
- Samoilov, S. I. “Osvobozhdeniye Rumynii ot turetskoi zavisimosti v rezul'tate russko-turetskoi voiny 1877–1878 godov.” *Voprosy istorii*, 1959, No. 2, pp. 84–101.
- Sbornik materialov po russko-turetskoi voine 1877–1878 gg. na Balkanskom poluostrrove.* St Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoi Pechati, 1906, vol. 52, 397 p.; St Petersburg: Stolichnaia skoropechatnia S. H. Zolotukhina, 1906, vol. 53, 395 p.; St Petersburg: Stolichnaia skoropechatnia K. K. Stefanskogo, 1907, vol. 57, part 1, 378 p.; St Petersburg: Pervaiia Zhenskaia Tipografiia T-va «Pechatnogo Stan-ka», 1911, vol. 97, 245 p.

Skalon, D. A. *Moi vospominaniia 1877–1878 gg.* St Petersburg: Tip. t-va M. O. Vol'f, 1913, vol. 1, 400 p.

Traikov, V. “Obiaviavane na nezavisimostta na Rumŭniia i uchastieto i vŭv voŭnata ot 1877–1878 g.” *Istoricheski pregled*, 1977, vol. 5–6, pp. 52–67.

Zhechev, N. “Rumŭniia i rusko-turska voina 1877–1878.” *Voennioistoricheski sbornik*, 1977, No. 2, pp. 94–106.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.02

Marina M. Frolova

**Debunking the myths of historiography.
Russians and Romanians at the capture of Rahovo
(November 9, 1877)**

Marina M. Frolova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Citation

Frolova M. M. Debunking the myths of historiography. Russians and Romanians at the capture of Rahovo (November 9, 1877) // Slavic Almanac. 2022. No 3–4. P. 56–78 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.02

Received: 27.04.2022.

Abstract

The capture of the town of Rahovo in Bulgaria (now Oryahovo) on November 9, 1877 does not belong to the significant events of the Russo-Turkish War of 1877–1878, but in the history of Romania, where this war is treated as a war for independence, it is interpreted as “an important moment of the operation to encircle the Plevna Ottoman grouping” and is on a par with the capture of Grivitsky redoubt No. 1 on August 30, 1877. There is a widespread claim in historiography that the Romanian detachment stormed Rahovo. The study of published documents, primarily the multi-volume “Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–1878 on the Balkan Peninsula”, as well as the diaries of Russian officers who participated in this war, allows us to show how factual errors

and historical myths arise. The article shows that the Russian-Romanian detachment solved a tactical problem—Rahovo was liberated from the Turks, and a Romanian garrison was located in it. But the fortifications and the city were not taken during the fight, the Romanian troops could not defeat the Turks in battle, and entered Rahovo only after the Turkish garrison had left it. The statements about the storming of Rahovo as well as Grivitsky redoubt No. 1 by Romanians refer to the same hoax, deliberately created in 1877 for the glory and growth of popularity of Prince Charles in Romania, to strengthen the authority of his dynasty.

Keywords

Russo-Turkish War of 1877–1878, commander-in-chief Grand Duke Nikolai Nikolaevich, Prince Karl of Romania, I. V. Gurko, baron B. Th. von Meyendorff, D. Slăniceanu, Rahovo, Grivitsky redoubt No. 1.

УДК 9(94)
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.03

Ю. О. Сорожкина

Характер модернизационных процессов на Балканах на примере Белграда (1878–1914 гг.)

Сорожкина Юлия Олеговна
Соискатель
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация
E-mail: yulyasorozhkina@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0410-650X

Цитирование

Сорожкина Ю. О. Характер модернизационных процессов на Балканах на примере Белграда (1878–1914 гг.) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 79–92. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.03

Статья поступила в редакцию 07.07.2022.

Аннотация

В 1878 г. Сербия окончательно стала независимым государством, что вынудило ее встать на путь модернизации и трансформировать традиционные элементы повседневности. Белград, будучи столицей молодого государства, первым подвергся всестороннему реформированию. Анализ структуры населения столицы Сербии помог определить, какие запросы могут формировать граждане к окружающему городскому пространству. Во второй половине XIX – начале XX вв. происходит усложнение социальной структуры: появляются представители сферы услуг, а также представители таких профессий, которые требуют специального образования (врачи, адвокаты, учителя и т. д.). Возникающие политическая, военная, интеллектуальная элиты приобретают отличные от типичных жителей Белграда черты и стремятся удовлетворить новые потребности в досуге.

Реагируя на запросы столичных жителей, власти Сербии и городская администрация пытались изменить облик города. Так, были предприняты меры по усовершенствованию качества и чистоты улиц, городских пространств, удалось начать формировать систему городского общественного транспорта и т. д. Новые здания в центре города строились в европейском стиле, постепенно улучшался жилищный фонд города. Власти принимали новые

законы, которые регулировали постройку частных домов, чтобы бороться с неконтролируемым строительством ненадлежащего качества. Белград как столица независимой Сербии должен был развиваться в соответствии с государственными задачами и с общими для страны представлениями о модернизации, сохраняя традиционные элементы своей повседневности и стремясь при этом к европейским инновациям.

Ключевые слова

Белград, модернизация, политические процессы, Сербия, урбанизация.

Балканы – регион, который с XIX в. становится значимым объектом международной политики. Во многом это было вызвано стремлением некоторых балканских народов развиваться самостоятельно, добившись независимости от Османской империи. В 1878 г. Сербия окончательно стала независимым государством, что открывало возможность модернизации традиционных элементов действительности. Белград, будучи столицей Сербии, должен был быстрее реагировать на смену социальных, политических и экономических условий, которая была продиктована как реалиями XIX в. в целом, так и геополитическим положением страны в частности. Именно поэтому изучение состава городского населения Белграда, его повседневной жизни может позволить приблизиться к пониманию особенностей модернизационных процессов в Сербии.

Необходимо обозначить несколько основных характеристик сербского общества во второй половине XIX в. Во-первых, Сербия в это время оставалась преимущественно аграрной страной, население которой не стремилось жить в городах, предпочитая сельскую местность. Численность населения Белграда росла, что, вероятно, во многом было вызвано его столичным статусом. Второй важной особенностью белградского (шире – сербского) общества можно назвать низкий процент беднейшего населения¹. Пауперизация вообще не была характерна для сербского общества в силу его патриархальной, задружной модели. То есть еще одной значимой особенностью можно по праву считать выраженный эгалитаризм, характерный для сербов².

¹ Ровинский П. А. Белград. Его устройство и общественная жизнь // Русские о Сербии и сербах. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. Т. I. С. 47.

² Шемякин А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек

Говоря об основных характеристиках населения Белграда, нужно также сказать о его профессиональном составе. Важные сведения предоставляет «Регистр лиц согласно их занятиям 1875–1881»³. Там мы видим большое количество людей, занятых в сфере услуг (торговцев, бакалейщиков, портных и сапожников, столяров, работников кафан⁴ и т. д.). О постепенном усложнении социальной структуры свидетельствует и тот факт, что появлялись представители таких профессий, которые требуют специального образования (адвокаты, врачи, учителя, фотографы и т. д.). При этом низкий процент составляли рабочие, поскольку Сербия продолжала оставаться преимущественно аграрной страной с незначительной долей промышленного сектора в экономике.

Многовековое вхождение Сербии в состав Османской империи препятствовало складыванию единой образовательной системы, и только после начала борьбы сербов за свою независимость появилась осознанная потребность в школьном образовании. Молодому государству необходима была собственная система школьного и профессионального образования для подготовки кадров, чтобы удовлетворять главные задачи, стоявшие перед независимым государством.

В начале 1890-х гг. в Белграде в основных школах работали 69 учителей и учительниц⁵, которые получали плату от Управления вароши⁶ Белграда. Количество педагогов за последние десятилетия возросло, хоть и незначительно. В конце столетия власть начала выступать с предложением открывать узконаправленные школы. В 1899 г. министр народного хозяйства поручил Управлению города Белграда открыть две ремесленно-торговые школы⁷. Это отвечало и нуждам государства, поскольку было необходимо создавать систему профессиональных кадров в тех секторах экономики, отсутствие

на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб., 2004. С. 14.

³ Регистар лица према занимањима 1875–1881 // Исторически архив града Београда (ИАБ). Ф. УГБ. Бр. 222. Л. 1–62.

⁴ Кафаны – традиционные сербские кофейни.

⁵ Спискови учитељица и учитеља у Београду // Живети у Београду: документа управе града Београда. Књ. 6, 1890–1940 / приређивачи М. Ристовић и др. Београд, 2008. С. 424.

⁶ Варош – небольшой город.

⁷ Отварање две занатлијско-трговачке вечерње и недељно-празничне школе // Живети у Београду... Књ. 6. С. 430.

которых в независимом государстве нового времени делало бы его неконкурентоспособным и полностью зависимым от импорта.

Система образования в Сербии была ориентирована не только на мужскую часть общества: были школы и курсы, где обучение могли проходить девушки. Женщины также могли заниматься преподавательской деятельностью, причем не только в специальных образовательных учреждениях для девочек⁸. Но все же женское образование во второй половине XIX в. оставалось в Сербии редким явлением. Даже если родители и считали возможным отправить своих дочерей получать школьное образование, то довольствовались исключительно начальными его ступенями. Можно предположить, что в социальной структуре сербского общества еще не был сформирован такой запрос, поскольку нравы общества в целом были патриархальными, и роль женщины была неразрывно связана лишь с удовлетворением нужд семьи. Особое, достаточно противоречивое отношение к получению образования – еще один яркий маркер, свидетельствующий о традиционности сербского общества второй половины XIX в.⁹

Власти Сербии понимали, что для решения государственных задач необходим штат профессиональных высокообразованных людей, поэтому еще до реорганизации системы высшего образования на территории Сербии отправляли талантливую молодежь учиться за границу за казенный счет. Университет в Белграде появился только в 1905 г., а существовавшая до этого Высшая школа («Велика школа») не могла в полной мере решать поставленные перед ней просветительские задачи. Во многом это было связано с нехваткой профессиональных кадров преподавателей.

Вторая половина XIX в. в Сербии – расцвет гражданских инициатив. Кроме Общества словесности и Общества сербского театра в Белграде появились общество сербских врачей¹⁰, сербское музыкальное общество¹¹, объединение типографских работников¹², женское

8 Кондуит листа београдских учителя // Живети у Београду... Књ. 3, 1851–1867 / приређивачи М. Ристовић и др. Београд, 2005. С. 449.

9 Шемакин А. Л. Традиционное общество... С. 42.

10 Статут Српског лекарског друштва // Живети у Београду... Књ. 4, 1868–1878 / приређивачи М. Ристовић и др. Београд, 2006. С. 384.

11 Оснивање «Српског народног певачког и свирачког друштва» // Живети у Београду... Књ. 4. С. 392.

12 Правила Дружине типографских радника // Живети у Београду... Књ. 5, 1879–1889 / приређивачи М. Ристовић и др. Београд, 2007. С. 370.

общество¹³, церковно-певческое общество «Корнелие»¹⁴ и т. д. Эти общества зачастую имели свод разработанных правил, регулирующих их деятельность, декларировали общественно полезные цели своей работы. Некоторые из обществ были организованы не столько для реализации гражданских инициатив, а как попытка защитить и отстаивать интересы своих членов. Так, объединение работников типографий выступало, скорее, как прообраз профсоюза и именно в этом качестве разрабатывало систему социальной поддержки своих членов (поддержка заболевших работников, помощь в организации похорон в случае смерти работника и т. д.). Таким образом, общества и объединения Белграда в этот период выступали наряду с органами государственной власти дополнительным регулятором социальных отношений, что опять-таки позволяет сделать вывод о качественном усложнении социальной структуры населения Белграда.

После обретения Сербией независимости разница между социальными статусами жителей становилась более заметной, однако речь все еще не могла идти о серьезном повсеместном имущественном расслоении граждан. В столице независимого государства этот процесс принимал более выраженные формы. Формирование политической, военной, интеллектуальной элит привело к появлению общественного запроса на особое проведение досуга. Привилегированные слои белградского общества стремились перенести на сербскую почву европейские развлечения – посещение театральные постановки и светских мероприятий.

Театр как особый социальный институт во второй половине XIX в. в Сербии только начинал оформляться как самостоятельное культурное явление. Было создано особое Общество сербского театра, члены которого своей целью провозглашали обеспечение «совместными силами будущности театра»¹⁵. Однако документы свидетельствуют о том, что никаких реальных действий по популяризации народного театра это общество не предпринимало, а ограничивалось решением сугубо практических вопросов по организации театральной деятельности. Но и многие из них оставались без должного внимания театральных деятелей. К такому можно отнести низкий уровень

13 Обавештење о постојању «Женског друштва» // Живети у Београду... Књ. 5. С. 381.

14 Правила Црквено-певачке дружине «Корнелије» // Живети у Београду... Књ. 5. С. 382.

15 Правила Друштва српског позоришта // Живети у Београду... Књ. 3. С. 456.

качества костюмов, отсутствие специальной подготовки актерского состава¹⁶. Возможно, все это было связано с отсутствием интереса к театру со стороны жителей сербской столицы. Этот тезис, однако, опровергают сообщения русских путешественников, которые прямо указывали: жители Белграда посещали театральные постановки и были увлечены происходящим на сцене. Так, П. А. Ровинский вспоминал, что на одной из театральных постановок, которую ему удалось посетить, зрители подпевали актерам и вместе с ними исполнили песню «Встань, встань, сербин, встань за свободу! На ноги, сербы-братья! Свобода нас зовет!»¹⁷.

Почему же, несмотря на существующий среди сербов интерес к театральным постановкам, развитие театра как культурного феномена происходило в Белграде столь медленно? Ответ на этот вопрос опять-таки кроется в системной проблеме: невозможно начинать развивать идею национального театра без сильных драматургов, сценаристов, художников по костюмам и т. д., просто опираясь на желание перенять работающие в Европе явления культуры и искусства. Попытка создать театр европейского образца разбивалась о традиционность менталитета и отсутствие непрерывной литературной традиции, которая могла бы стать содержательной базой формального становления сербского театра.

Рост общего уровня образованности, появление интеллигенции, а также общее устремление государственных органов власти скорее интегрироваться в Европу привели к заимствованию устройства светских мероприятий элитарного характера. Часть белградского общества с удовольствием начала давать балы и участвовать в них. Балы стали частью повседневной жизни привилегированных лиц особенно благодаря королеве Наталье, которая, по сообщениям современников, «как очень богатая женщина привыкла к европейской роскоши и ввела, к сожалению, много этой ненужной роскоши в нашу скромную Сербию, не знавшую прежде ничего подобного»¹⁸. С другой стороны, белградская элита достаточно быстро отказалась от прежних привычек к экономии и скромному образу жизни, и «уже все одеваются из Вены, все требуют модных нарядов»¹⁹.

¹⁶ Скальковский К. А. В стране ига и свободы. Путевые впечатления // Русские о Сербии... С. 131.

¹⁷ Ровинский П. А. Белград... С. 48.

¹⁸ Марков Е. Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии... С. 354.

¹⁹ Там же. С. 350.

Появление элиты как социальной страты в Сербии (преимущественно, конечно, в Белграде) мгновенно потребовало от нее создания особых ритуалов, которые отличали бы ее от остальных членов общества. Именно поэтому подчас искусственное создание некоторых индикаторов, показывающих принадлежность к элитарной группе, кажется логичным, хоть и не всегда целесообразным. Однако более популярным способом проведения досуга в Белграде оставалось традиционное посещение кафан, которые сохранялись, несмотря на все попытки порой искусственного превращения Сербии в государство нового типа.

Небольшие и уютные местечки, в которых люди могли собираться без всякой надобности и исключительно по собственному желанию для обсуждения насущных вопросов, деловых новостей и политических интриг, были важной частью балканского городского ландшафта. Даже русские путешественники, которые обычно ругали скромность развлечений в сербской столице, отмечали вкусный кофе и живость беседы в местных кафанах²⁰.

Г. И. Успенский отмечал, что «только здесь верней всего можно было встретить человека, которого надо видеть»²¹. А князь В. П. Мещерский указывал, что «жизнь в кофейнях, или возле кофейен, есть жизнь всех белградских жителей, с утра до вечера»²².

Существовали также «партийные» кафаны, которые были закрыты для чужаков. Так, радикалы обыкновенно заседали в «Бульваре» и в «Москве», напредняки²³ – в престижном «Гранде»; штабом либералов был «Золотой крест», а отколовшихся от Николы Пашича младорадикалов – «Касина»²⁴.

Кафаны являлись некой заменой клуба по интересам, куда люди приходили пообщаться и обменяться свежими новостями. Именно кафаны являлись сосредоточием уличной повседневной жизни типичного жителя Белграда, который не относился к элитарным слоям общества.

²⁰ Чудновский С. Л. Из давних лет. Воспоминания // Русские о Сербии... С. 121.

²¹ Успенский Г. И. Из Белграда (письма невоенного человека) // Русские о Сербии... С. 212.

²² Мещерский В. П. Правда о Сербии. Письма // Русские о Сербии... С. 139.

²³ Напредняки – члены Сербской напредняцкой (прогрессивной) партии.

²⁴ Шемякин А. Л. Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5. С. 10.

Получение Сербией автономного статуса, а затем и статуса независимого государства вынуждало Белград быстро менять свой облик, поскольку столичное положение обязывало не только создавать на своей почве особые административные учреждения, строить собственную экономику, систему образования и здравоохранения и т. д., но и кардинально изменить внешний вид. Архитектурный облик любого столичного города – визитная карточка, подчеркивающая государственную идентичность и уникальность.

Белград исторически входил в различные государственные образования, что отразилось на его внешнем виде. В середине 1870-х гг. в городе уже отчетливо выделяются две части: турецкая крепость Калемегдан с разрушенным старым городом и новая часть города, раскинувшаяся на южном склоне Врачара²⁵. Город стремительно расширялся, спускался на обе стороны к Саве и Дунаю. Городские власти не стремились отстроить город по единому плану, хотя новые улицы создавались уже с учетом регулярной планировки.

Рисуя облик Белграда второй половины XIX в., нельзя не сказать о поражавшей и восхищавшей путешественников особенности сербской столицы – большом количестве парков и садов, зелени улиц, что составляло особую часть городского ландшафта. Белград еще издали напоминал зеленый холм. Город утопал в зелени деревьев, высаженных как в специально организованных парках, так и непосредственно в самом городе.

Уже в 1880-е гг. городской ландшафт Белграда в целом претерпел существенные изменения – хоть и медленными темпами, но все же менялась (по сравнению с прошлым десятилетием) высотность и этажность города. Так, русский предприниматель А. Й. Мураневич не только отмечал живописность сербской столицы, но и указывал на высокие колокольни церквей и другие высокие постройки города, которых попросту не существовало еще несколько лет назад, а были сплошь распространены одноэтажные здания и сооружения²⁶. Однако такие изменения не затронули жилищный фонд Белграда, который и к концу 1880-х гг. включал преимущественно простые одноэтажные деревянные дома «весьма незатейливой архитектуры»²⁷.

25 Скальковский К. А. В стране ига и свободы... С. 127.

26 Мураневич А. Й. Русско-балканский торговый вопрос // Русские о Сербии... С. 282.

27 Ротер-Благојевић М. Стамбена архитектура Београда у 19. и почетком 20. века. Београд, 2006. С. 54.

Белград перенимал принятые в Европе архитектурные приемы и стили, но они долгое время использовались преимущественно при постройке государственных зданий и сооружений (например, здание Высшей школы и Народного театра). Кроме того, с учетом европейского опыта строились и дома представителей сербской политической элиты. Так, прозаик и публицист Е. Л. Марков в своих воспоминаниях отмечал, что Йован Ристич живет уже совсем по-европейски, его дом сооружен в европейском стиле²⁸. Такие заимствования прежде были совершенно немыслимы ввиду столкновения с привычной простотой сербской повседневности.

В городах того времени, особенно в столицах независимых государств, особое значение приобретает городская инфраструктура, качество и чистота улиц и публичных пространств, общественный транспорт, организация дорожного движения.

Постепенное мощение улиц было призвано улучшить их качество и придать городу более современный европейский вид. Первоначально мощение городских дорог происходило на основе запросов местного населения, которое было вынуждено доказывать необходимость благоустройства конкретных улиц. Необходимость мощения улицы в Палилуле была осознана властями лишь тогда, когда стало очевидно, что передвигаться там не могут не только повозки, но и пешеходы²⁹. Ученый-славист Т. Д. Флоринский, который путешествовал по Сербии в 1886 г., отмечал, что «после дождя на улицах непроходимая грязь»³⁰. Отчасти именно поэтому жители Врачара обратились к Управлению вароши Белграда с просьбой привести улицы в надлежащий вид³¹. Принимаемые городскими властями меры по улучшению состояния дорог и улиц не приводили к качественному изменению ситуации.

Однако в 1890-е гг. городские власти стали уделять большее внимание состоянию дорог и улиц столицы. Управление города не могло самостоятельно решить этот вопрос и начало устраивать аукционы о проведении работ по мощению дорог и тротуаров. Объявления

28 Марков Е. Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии... С. 347.

29 Калдрмисање сокака «који води од Два бела голуба к долњој пивари» // Живети у Београду... Књ. 3. С. 379.

30 Флоринский Т. Д. Путевые заметки. 1886 // Русские о Сербии... С. 277.

31 Калдрмисање Сарајевске улице и тротоара на западном Врачару // Живети у Београду... Књ. 5. С. 326.

о такого рода аукционах и торгах размещались на страницах городской прессы³².

В Белграде особенно остро стоял вопрос быстрого перемещения из одной части города в другую. Русский путешественник К. А. Скальковский указывал на недостаток гужевого транспорта в городе, свидетельствуя, что «в этой стране на тридцать тысяч жителей всего тридцать извозчиков»³³. Очевидно, такие цифры были сильно преуменьшены, однако извозчиков в столице Сербии в самом деле было немного. В 1880-е гг. в Белграде появился способ решения проблемы – омнибус. Многоместная конная повозка стала своеобразным видом общественного транспорта. Появление четко фиксированных тарифов по оплате услуг извозчиков омнибуса свидетельствует о широком распространении этого явления³⁴. В начале XX в. на смену омнибусу пришли электрические трамваи.

Пока Сербия оставалась исключительно аграрным и патриархальным обществом традиционного типа, у государства не было нужды заботиться об освещении улиц в темное время суток. Однако во второй половине XIX в. начинается процесс кардинального слома прежней действительности и создание другой повседневности, которая уже не мыслилась без современных технических достижений.

В 1895 г. городские власти начинают внедрять электрическое освещение улиц³⁵. Оно появляется в Белграде ненамного позже, чем в крупных европейских столицах. Сербские власти стремились быстро ввести европейские механизмы усовершенствования городской среды. Однако жители Белграда не сразу восприняли предлагаемые инициативы и не были готовы перейти на электрическое освещение. На страницах газеты «Београдске општинске новине» («Белградская муниципальная газета») развернулась кампания по просвещению местного населения. Авторы статей пытались развенчать мифы об электричестве и резко обрушились на слухи о том, что якобы в Америке очень частыми являются смертельные случаи,

32 Општинске лицитације // Београдске општинске новине. 1891. 27. јануара. С. 3.

33 Скальковский К. А. В стране ига и свободы... С. 127.

34 Молба за одобрење цене вожње омнибусом са коњима // Живети у Београду... Књ. 5. С. 338.

35 Улично осветљење у Кварту варошком // Живети у Београду... Књ. 6. С. 390.

вызванные использованием электрического освещения³⁶. Авторы доказывали, что, напротив, светильный газ – более опасный в эксплуатации источник освещения.

Властями Белграда двигало желание подражать европейским столицам (и даже опережать некоторые из них) и быстро вводить новые технологии в привычную повседневность. Это подтверждают и постоянные отсылки в материалах прессы к опыту иностранных государств.

Большинство современников, бывших свидетелями роста и развития Белграда, отмечали его несомненную красоту. Е. Л. Марков отмечал: «Слияние двух столь многоводных и широких рек, как Сава и Дунай, и высокий обрывистый берег, мысом выступающий над ними, – уже сами по себе представляют достаточные условия живописности. Прибавьте к этому высокие колокольни, разноцветные дома среди зеленых садов, широкую и веселую панораму окрестностей»³⁷.

Таким образом, само природное положение Белграда и геополитические условия во многом обуславливали характер процесса модернизации в сербской столице. Горожанам лишь оставалось воспользоваться природными преимуществами Белграда и на этом фундаменте строить город нового времени или же создавать его «под копиру», имея перед глазами удачные примеры – города и столицы соседних европейских государств.

Городские власти по возможности реагировали на поступающие от граждан просьбы, однако, в силу необходимости решения сразу нескольких важнейших для государства проблем, были не всегда способны качественно удовлетворить возникающие запросы.

Развитие Белграда (шире – Сербии) во второй половине XIX – начале XX вв. представляет собой «модернизацию без модерности»³⁸. Белград столкнулся с неразрешимым противоречием – сербское общество оставалось традиционным, желая при этом развиваться в духе инноваций. Именно этим сербским конфликтом можно объяснить непоследовательные европейские заимствования, которые нашли

36 Извештај комисије за осветљење вароши Београда // Београдске општинске новине. 1891. 1. јануара. С. 2.

37 Марков Е. Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии... С. 336.

38 Этот феномен точно охарактеризовала Латинка Перович. См.: Перовић Л. Модернизација без модерности // Перовић Л. Људи, догађаји и књиге. Београд, 2000. С. 146.

отражение в облике Белграда после обретения независимости. Европа была ориентиром, потому что у Сербии (в частности, у Белграда) не оставалось времени с нуля изобретать собственный уникальный путь модернизации.

Источники и литература

Исторический архив города Белграда (ИАБ).

Живети у Београду: документа управе града Београда / приређивачи М. Ристовић и др. Београд: Ист. арх. Београда, 2005. Књ. 3: 1851–1867. 650 с.

Живети у Београду: документа управе града Београда / приређивачи М. Ристовић и др. Београд: Ист. арх. Београда, 2006. Књ. 4: 1868–1878. 571 с.

Живети у Београду: документа управе града Београда / приређивачи М. Ристовић и др. Београд: Ист. арх. Београда, 2007. Књ. 5: 1879–1889. 614 с.

Живети у Београду: документа управе града Београда / приређивачи М. Ристовић и др. Београд: Ист. арх. Београда, 2008. Књ. 6: 1890–1920. 705 с.

Извештај комисије за осветљење вароши Београда // Београдске општинске новине. 1891. 1. јануара.

Општинске лицитације // Београдске општинске новине. 1891. 27. јануара.

Ротер-Благојевић М. Стамбена архитектура Београда у 19. и почетком 20. века. Београд: Орион арт, 2006. 522 с.

Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары. СПб.: Алетей, 2006. 684 с.

Шемякин А. Л. Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение, 2010. № 5. С. 3–16.

Шемякин А. Л. Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб.: Алетей, 2011. С. 66–94.

Шемякин А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб.: Алетей, 2004. С. 12–53.

References

Roter-Blagojević, M. *Stambena arhitektura Beograda u 19. i početkom 20. veka*. Beograd: Orion art, 2006, 522 p.

Russkije o Serbii i serbakh. Vol. I. Pis'ma, stat'i, memuary. St Petersburg: Aleteia, 2006, 684 p.

Shemiakin, A. L. "Osobnosti politicheskogo protsessa v Serbii glazami russkikh (posledniaia tret' XIX – nachalo XX veka)." *Slavianovedenije*, 2010, No. 5, pp. 3–16.

Shemiakin, A. L. "Russkie ochevidtsy o spetsifike politicheskogo protsessa v nezavisimoi Serbii (1878–1914)." *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh*, ed. by R. P. Grishina, A. L. Shemiakin. St Petersburg: Aleteia, 2011, pp. 66–94.

Shemiakin, A. L. "Traditsionnoje obshchestvo i vyzovy modernizatsii. Serbia poslednei treti XIX – nachala XX v. glazami russkikh." *Chelovek na Balkanakh i protsessy modernizatsii. Sindrom otiagoshchennoi nasledstvennosti (posledniaia tret' XIX – pervaiia polovina XX v.)*, ed. by R. P. Grishina. St Petersburg: Aleteia, 2004, pp. 12–53.

Živeti u Beogradu: dokumenta uprave grada Beograda. Beograd: Ist. arhiv Beograda, 2005, vol. 3: 1851–1867, 650 p.

Živeti u Beogradu: dokumenta uprave grada Beograda. Beograd: Ist. arhiv Beograda, 2006, vol. 4: 1868–1878, 571 p.

Živeti u Beogradu: dokumenta uprave grada Beograda. Beograd: Ist. arhiv Beograda, 2007, vol. 5: 1879–1889, 614 p.

Živeti u Beogradu: dokumenta uprave grada Beograda. Beograd: Ist. arhiv Beograda, 2008, vol. 6: 1890–1920, 705 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.03

Yu. O. Sorozhkina

The nature of modernization processes in the Balkans on the example of Belgrade (1878–1914)

Yuliya O. Sorozhkina

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky prospect, 27, building 4, Moscow, Russian Federation

E-mail: yulyasorozhkina@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0410-650X

Citation

Sorozhkina Yu. O. The nature of modernization processes in the Balkans on the example of Belgrade (1878–1914) // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 79–92 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.03

Received: 07.07.2022.

Abstract

In 1878, Serbia finally became an independent state, which forced it to take the path of modernization and transform the traditional elements of everyday life. Belgrade, being the capital of a young state, was the first to undergo a comprehensive reform. An analysis of the structure of the population of the Serbian capital helped to determine what requests citizens can form to the surrounding urban space. In the second half of the 19th – early 20th centuries there was a complication of the social structure: there were representatives of the service sector, as well as representatives of professions that require special education (doctors, lawyers, teachers, etc.). The emerging political, military, and intellectual elites were acquiring features that were different from the typical Belgrade residents and strived to satisfy new needs for leisure. Responding to the requests of the capital's residents, the Serbian authorities and the city administration tried to change the face of the city. Thus, measures were taken to improve the quality and cleanliness of streets and urban spaces. A system of urban public transport started shaping. New buildings in the city center were built in the European style, the housing stock of the city was gradually improved. The authorities passed new laws that regulated the construction of private houses in order to combat uncontrolled construction of inadequate quality. Belgrade, as the capital of independent Serbia, had to develop in accordance with state objectives and with the ideas of modernization that dominated the country, preserving the traditional elements of its everyday life and at the same time striving for European innovations.

Keywords

Belgrade, modernization, political processes, Serbia, urbanization.

УДК 94(41/99)

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.04

Л. А. Кирилина

Словенцы и правительство Э. Тааффе (1879–1893)

Кирилина Любовь Алексеевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5272-8077

Цитирование

Кирилина Л. А. Словенцы и правительство Э. Тааффе (1879–1893) // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 93–113. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.04

Статья поступила в редакцию 08.06.2022.

Аннотация

В статье на основе анализа материалов словенской прессы, мемуаров словенских политиков и исследований словенских историков прослеживаются особенности восприятия политики Э. Тааффе (1879–1893) словенской общественностью и оценивается влияние проведенных им реформ на социально-экономическое и национальное положение словенцев.

Правительство Тааффе, пришедшее на смену проводившим централизаторскую политику правительствам немецких либералов, осуществило ряд реформ, направленных на сглаживание социальных и национальных противоречий в Цислейтании. Большинство словенских политиков поддержали его и отказались от наиболее радикальных национальных требований. Благодаря реформам Тааффе национальное положение словенцев улучшилось: словенский язык укрепил свои позиции в школах, гимназиях, судах и провинциальных органах власти. Больше всего преимуществ получила Крайна, которая в начале 1880-х гг. была признана словенской провинцией. В ней начался бурный процесс словенизации. Либералы и консерваторы в этот период «согласия» в основном проводили общую политику, выдвигая словенские требования в рейхсрате и провинциальных собраниях. Некоторые из них были осуществлены. Вместе с тем реформы вызвали определенное обострение национальных и политических разногласий в словенских землях. Их половинчатость

вызывала недовольство у словенских либералов (прежде всего у группы радикалов). Во второй половине 1880-х гг. усилилась критика правительства в словенской либеральной прессе. Следует отметить, что в целом проводившаяся большинством словенских национальных деятелей политика поддержки правительства Тааффе была реальной и взвешенной, и в результате нее словенцы получили во время его правления довольно много национальных концессий.

Ключевые слова

Правительство Э. Тааффе, реформы, словенизация Крайны, словенские политики, словенская пресса.

Все 1870-е гг. у власти в Австро-Венгерской империи находились правительства немецких либералов, но в 1879 г. периоду их правления пришел конец. Причин их падения было много – и экономический кризис, с которым они оказались не в состоянии справиться, и их стремление к дальнейшей демократизации империи, а главным образом негативное отношение к идее оккупации Боснии и Герцеговины, которое они высказывали во время Восточного кризиса 1877–1878 гг. На смену им пришло правительство графа Э. Тааффе (1879–1893), опиравшегося в рейхсрате на коалицию немецких консерваторов и славянских политиков, так называемое «железное кольцо». Друг детства императора Франца Иосифа, Тааффе был предан имперской идее, при этом стремился к сглаживанию накопившихся в империи политических, социально-экономических и национальных противоречий. Австрийский историк К. Воцелка отмечает, что у его правительства не было программы и оно не имело «долгосрочной перспективы»¹. Упор делался на решение текущих проблем. Однако проводившаяся Тааффе политика «прагматизма и компромиссов» дала свои плоды: его правительство находилось у власти 14 лет, дольше, чем какое-либо другое правительство в Австро-Венгерской монархии². Хотя Тааффе не мог кардинально решить внутренние проблемы государства, но для улучшения ситуации сделано им было много. Как писал словенский политик Ф. Шукле, «уже тот факт, что ему удалось, вопреки

¹ *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007. С. 313.

² *Крючков И. В.* Эдуард Тааффе в политической истории дуалистической Австрии // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 160.

страстным нападкам немецкой левицы, удержаться на этом месте столько лет, является ясным доказательством его выдающихся умений и необыкновенного государственного таланта»³.

Самым крупным достижением Тааффе стало создание системы социального законодательства. Был запрещен детский труд (до 12 лет), а рабочий день детей от 12 до 16 лет сокращен до 3 часов в день, сфера применения труда женщин ограничивалась, в стране вводился 12-часовой рабочий день, воскресенье объявлялось нерабочим днем. В 1887–1888 гг. была создана система медицинского страхования рабочих от несчастных случаев и по болезни – одна из лучших в Европе. Экономическая политика Тааффе была направлена как на поддержку крупной промышленности, так и на облегчение положения крестьян и ремесленников. В 1882 г. Тааффе провел закон о снижении имущественного ценза для участия в выборах с 10 до 5 гульденов, что привело к увеличению числа избирателей с 5,9 до 7,5%.

Тааффе мыслил свое правительство как «надпартийное», чьей главной целью было «примирить между собой австрийские национальности», ввести национальное равноправие. Он являлся противником политики централизации, проводившейся предыдущими правительствами. К 1881 г. Тааффе удалил сторонников централизма из ведущих министерств и ведомств, заменил наместников в ряде провинций, оптимизировал работу органов государственной власти. Австрийским чиновникам было запрещено вмешиваться в ход выборов, их обязали занимать нейтральную позицию.

У Тааффе имелось свое видение задач национальной политики. В декабре 1880 г. он сказал чешскому депутату Карлу Адамеку: «Я уже много раз говорил, что в Австрии нельзя зажимать в угол ни один народ. Это основа моей политики. Но практическое осуществление национального равноправия нельзя понимать так, будто бы для национального развития всех народов этой половины государства следует использовать одинаковые средства и приносить одинаковые жертвы. Пожалуйста, представьте: у отца много сыновей различного возраста. Он всех любит одинаково сильно. Стол накрыт для всех, но каждому не требуется для здорового развития есть все блюда и в одинаковом количестве. Непосредственная поддержка национального развития – в первую очередь дело самих притесненных народов»⁴.

³ *Šuklje F.* Iz mojih spominov. Ljubljana, 1988. I. del. S. 204.

⁴ *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana, 2006. S. 164–165.

Как видно, премьер-министр считал, что национальные концессии должны распределяться между народами в зависимости от уровня развития и потребностей (как он их понимал) каждого из них.

Больше всего дотаций от правительства получили чехи. Стремясь обеспечить себе поддержку чешских партий, вернувшихся в рейхсрат после 15-летнего бойкота, Тааффе осуществил ряд обещанных им реформ. Так, в 1880 г. было введено обязательное параллельное использование чешского и немецкого языков административными и судебными органами Богемии, Моравии и Силезии, в 1882 г. произошел раздел Пражского университета на немецкий и чешский университеты. Оказывалось содействие развитию начального и среднего чешского образования в чешских землях. Также в конце своего правления Тааффе предоставил широкую автономию полякам.

Словенцы тоже получили немалую награду за поддержку его правительства, а в необходимости этой поддержки они не сомневались. Надеждам, что Тааффе на деле осуществит национальное равноправие, сопутствовали опасения, что, если его правительство падет, к власти вновь придут немецкие либералы, в оппозиции которым словенские политики находились все 1870-е гг. Они начали проводить политику «собираания крох», и большинство придерживалось ее весь период правления Тааффе. Для начала пришлось отказаться от наиболее радикальных национальных требований. Тааффе сформировал правительство в августе 1879 г., и если еще в марте того года словенский депутат либерал Й. Вошняк заявил в рейхсрате, что словенцы выступают за программу Объединенной Словении⁵, то уже в мае это требование опустили. Либеральная газета «Словенски народ» (“Slovenski narod”) выказала готовность при определенных условиях «официально отказаться от требования Объединенной Словении и временно удовольствоваться национальными куриями, которые должны решать все языковые и национальные вопросы»⁶. В газете консерваторов «Словенец» (“Slovenec”) эта позиция прозвучала еще четче: «Это просто ложные и тенденциозные сведения, что мы хотим уже сейчас добиваться Объединенной Словении. Об этом сейчас у нас не шло речи. Для каждого дела свое время. Для начала мы удовольствуемся национальным равноправием»⁷. На обвинения немецкой газеты «Лайбахер Тагблатт» (“Leibacher Tagblatt”), что словенцы хотят требовать от Тааффе создания «королевства Словении», «Словенски народ»

5 Slovenski narod. 05.04.1879.

6 Ibid. 22.05.1879.

7 Slovenec. 24.05.1879.

ответил вполне рационально: Объединенная Словения – «программа словенского будущего, и, возможно, не такого далекого, как думают некоторые политические филистеры. В настоящее время мы и не намерены требовать осуществления этой великой идеи, поскольку знаем, что от графа Тааффе, заявившего о своей верности конституции, мы бы в этом плане не получили того, что требуем»⁸.

Новые выборы в рейхсрат состоялись в июле 1879 г. Еще в мае «Словенски народ» выразил надежду, что Тааффе позаботится о «свободных выборах»⁹. И небезосновательно. Официальная немецкая газета «Дойче Цайтунг» (“Deutsche Zeitung”) уже 3 июня написала, что Тааффе «требует от чиновников безусловного нейтралитета» на выборах, «особенно в округах с национально смешанным населением»¹⁰. Это означало, что немецкий лагерь потерял поддержку правительства, и данное обстоятельство побудило некоторых словенцев (чиновников, местных магнатов и т. д.) присоединиться к Словенской партии¹¹. В новых условиях политические течения словенцев (старословенцы и младословенцы) в Крайне и Штирии наконец преодолели раскол и объединились во время выборов, что сразу принесло ощутимые плоды: они получили 13 депутатских мест. В Каринтии словенцы объединились с немецкими консерваторами, первый словенец, А. Эйншпилер, стал депутатом рейхсрата в 1880 г.

С приходом к власти Тааффе начали возвращаться домой словенские интеллигенты, преподаватели, ранее подвергавшиеся преследованиям со стороны немецких чиновников. Правительство выполнило ряд обещаний, данных словенцам. Больше всего национальных концессий получила Крайна, что вполне естественно, учитывая, что там преобладало словенское население (немцев было всего 8%, преимущественно в городах). Одним из первых и важнейших достижений словенцев стало назначение словенского чиновника из Горицы Андрея Винклера на должность провинциального президента Крайны. Он был провинциальным президентом 12 лет (1880–1892) и оказался единственным словенцем за все время существования Австро-Венгрии, занимавшим этот пост. Винклер был лоялен, он всегда поддерживал правительство,

8 Slovenski narod. 24.05.1879.

9 Ibid. 06.05.1879.

10 *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina 1848–1895. Ljubljana, 1966. Zv. V. S. 57.

11 *Melik V.* Slovenska politika v Taaffejevi dobi // *Melik V.* Slovenci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor, 2002. S. 522.

при этом не забывал о своем происхождении. Он много сделал для введения словенского языка в государственных учреждениях, число словенских чиновников при нем существенно увеличилось. Он требовал, чтобы чиновники не вмешивались в борьбу между партиями, а были посредниками между ними¹². «Словенец» просил Винклера, чтобы словенцы, не знающие немецкого языка, могли писать официальные бумаги по-словенски¹³. И это пожелание постепенно стало претворяться в жизнь. Появлялось все больше словенских чиновников. Винклер подрубил основы политического господства немцев в Крайне, с его приходом к власти оживилась словенская общественная жизнь, энергичнее развивали свою деятельность культурно-просветительные общества.

А главное – с этого момента начался общий процесс словенизации Крайны. Главы провинции с тех пор назначались из словенцев. С мая 1881 г. люблянская торговая палата перешла в руки словенцев. «Воздух очищается. Словенцу в словенских землях дышится легче», – прокомментировал это событие «Словенски народ»¹⁴. В 1882 г. прошли выборы в совет общины Любляны, и словенцы победили на них. Жупаном Любляны впервые был избран словенец Петер Грасселли. Это вызвало большое воодушевление у словенской общественности. И «Словенски народ», и «Словенец» восторженно писали: «Сейчас вся Любляна стала домом словенского народа!»¹⁵

Еще в августе 1879 г. словенское меньшинство крайнского провинциального собрания отправило петицию Тааффе с просьбой распустить собрание, поскольку, как показали выборы в рейхсрат, немецкое большинство в нем стало фикцией¹⁶. Немецкое большинство выразило протест¹⁷, просьбу словенцев не удовлетворили, предложив дожидаться новых выборов. Они состоялись в июне 1883 г. и принесли победу словенцам, с тех пор доминировавшим в провинциальном собрании Крайны. С 1885 г. немцы выставляли своих кандидатов в городских куриях только в Кочевье, в сельских куриях их больше не было. Согласно статистическим данным, в Крайне количество немцев снизилось с 1880 по 1890 г. с 6,1 до 5,6%, в Любляне с 21 до 17%¹⁸.

12 Slovenski narod. 08.08.1880.

13 Slovenec. 15.05.1880.

14 Slovenski narod. 21.05.1881.

15 Slovenec. 20.04.1882.

16 Slovenski narod. 20.09.1879.

17 Ibid. 24.09.1879.

18 Melik V. Slovenska politika v Taaffejevi dobi... S. 523.

В начале 1880-х гг. среди словенских либералов выделились проправительственная группа эластиков, возглавлявшаяся юристом и публицистом Франом Шукле и проводившая гибкую («эластичную») политику, то выдвигая умеренные национальные требования, то отступая от них при малейших признаках недовольства властей, и группа радикалов, настаивавших на более решительном проведении в жизнь идей национального равноправия, лидерами которой стали русофилы банкир Иван Хрибар и адвокат и писатель Иван Тавчар. В конце 1883 г. отношения между группами обострились из-за конфликтов в провинциальном собрании по поводу верификации выборов некоторых немецких депутатов и дотаций учителям на дополнительное обучение немецкому языку¹⁹. Конфронтация между радикалами и эластиком проявлялась во многих сферах общественно-политической и культурной жизни Крайны, их полемика велась и в словенской прессе. Радикалы выпускали газету «Слован» (“Slovan”, 1884–1887), Шукле стал редактором словенского приложения к официальной люблянской газете «Люблянски лист» (“Ljubljanski list”, 1884–1885).

Деятельность А. Винклера радикалы и эластики оценивали по-разному. Хрибар вспоминал, что газета «Словенски народ», находившаяся в руках радикалов, резко критиковала его деятельность. По его мнению, Винклер был почтенным человеком, однако «как словенец не имел достаточно мужества, чтобы энергичнее выступить в центральном правительстве за права словенского народа»²⁰. Шукле в своих мемуарах высказался объективнее, отмечая, что назначение Винклера провинциальным президентом стало «большим достижением для дела словенцев»²¹. А жупан Любляны Грасселли на праздновании в честь этого события сказал: «И даже если бы правительство не сделало ничего, кроме того, что отдало управление провинциальной администрацией в руки провинциального президента барона Винклера, это достаточная причина для того, чтобы мы были от всего сердца благодарны правительству»²².

В Штирии и Каринтии тоже произошел ряд позитивных перемен. Так, в 1884 г. заместителем главы провинции Штирия впервые стал

19 Prijatelj I. Med Levčevim “Ljubljanskim zvonom” in Hribar-Tavčarjevimi “Slovanom”. Učiteljska Tisk., 1930. S. 126. URL: <http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-XH5OKN9J> (дата обращения: 03.08.2022).

20 Hribar I. Moji spomini. Ljubljana, 1928. I. del. Od 1853. do 1910. leta. S. 90.

21 Šuklje F. Iz mojih spominov... S. 128.

22 Ibid.

словенец. В сельской курии в Нижней Штирии побеждали, как правило, словенцы, в городской – немцы, но число словенских избирателей выросло до 20%²³. В Каринтии словенцы оставили городскую курию немцам без борьбы. Однако существенных изменений в этих провинциях не произошло. Чиновниками по-прежнему в основном были антисловенски настроенные немцы, правда оставшиеся без правительственной поддержки. Хотя появились и чиновники-словенцы, процесс германизации там, в отличие от Крайны, продолжался. По статистике, численность словенского населения уменьшилась в Нижней Штирии с 1880 по 1890 г. с 89 до 88%, в Южной Каринтии с 68 до 65%²⁴.

Отказавшись от требования Объединенной Словении, словенские политики со всей энергией стали бороться за осуществление более насущных и реальных требований: равноправие словенского языка в школах, учреждениях, суде, общественной жизни, – и они отчасти были удовлетворены. Выдвигались также требования установить высший провинциальный суд в Любляне для Крайны, Каринтии, Штирии, Приморья, осуществить административный раздел Штирии на немецкий и словенский округа и создать отдел наместника по Нижней Штирии в Целье или Мариборе, но они не встретили поддержки правительства²⁵. Следует отметить, что наиболее энергично выступали с требованием распространить правительственные концессии на все словенские области радикалы. Нельзя удовлетворяться тем, что правительство улучшило положение словенцев в Крайне, писала их газета «Слован». Давая большие преимущества одной из областей, Тааффе разъединяет словенцев, «поддерживает сепаратистские тенденции», которые «представляют самую большую угрозу для существования» словенского народа²⁶. Радикалы (не вполне справедливо) упрекали депутатов рейхсрата и провинциального собрания Крайны, большинство из которых поддерживали эластиков, в том, что их «совсем не волнует угнетение словенцев в Штирии, Каринтии и Приморье», где словенцы находятся «под постоянной и большой угрозой», и они не выступают в их поддержку с должной решительностью²⁷. Эластики, со своей стороны, считали, что следует добиваться

23 *Melik V. Slovenska politika...* S. 523.

24 *Ibid.*

25 *Cvirn J. Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji...* S. 264.

26 *Slovan*. 06.03.1884.

27 *Ibid.* 25.09.1884.

от правительства прежде всего мер по социальной и экономической поддержке словенцев. Шукле был убежден, что экономические тяготы и обнищание – гораздо более опасный противник словенского народа, нежели все немецкие бюрократы²⁸.

Требование открытия словенского университета, которое, впрочем, поддерживали далеко не все словенские политики, также не нашло понимания у правительства. В августе 1879 г. корреспондент «Словенского народа» предложил сразу же выдвинуть это требование кабинету Тааффе, газета «Словенец» поддержала его²⁹. Ф. Шукле выступил против, считая его преждевременным, и редакция «Словенского народа» вскоре с ним согласилась, отметив, что создание университета – «вопрос будущего». Либерал Й. Вошняк вообще не считал эту проблему насущной, поскольку университет есть в Загребе и словенцы могут в нем учиться³⁰. На запросы словенцев об университете Тааффе ответил, что нужно подождать. В результате словенские депутаты не стали выдвигать это требование в рейхсрате.

Первой победой словенцев в рейхсрате стало принятие в апреле 1880 г. резолюции Вошняка о словенизации средней школы, гимназий и училищ в словенских землях. Однако воплощение ее в жизнь задержалось, отчасти из-за противодействия министра науки Конрада, ссылавшегося на то, что для словенской средней школы еще нет учебников³¹. В апреле 1881 г. Конрад издал указ о преподавании на словенском языке в подготовительном классе люблянской гимназии. Тавчар в «Словенском народе» меланхолично отметил по этому поводу: «Для нас имеет значение любая капля...»³². Только в июле 1882 г. министр разрешил ввести словенский язык как учебный для всех предметов, кроме немецкого и греческого языков, на нижней ступени гимназий в Крайне. В 1880 г. была открыта словенская нижняя ступень гимназии (первые четыре класса) в г. Крань – и это стало первым достижением словенцев при Тааффе. (Правда, уже в 1887 г. гимназия была закрыта из-за недостаточного количества учеников.) В 1887 г. открылось словенское ремесленное училище в Любляне.

В январе 1883 г. бюджетный отдел рейхсрата принял на рассмотрение резолюцию словенского депутата из Приморья Й. Тонкли

28 *Šuklje F. Iz mojih spominov...* S. 149–150.

29 *Slovenski narod*. 24.08.1879; *Slovenec*. 26.08.1879.

30 *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična...* S. 63.

31 *Ibid.* S. 69.

32 *Slovenski narod*. 13.04.1881.

о расширении действия указа Конрада на Нижнюю Штирию, Каринтию, Горицию, Истрию и Триест. Всерьез ее не восприняли, в дальнейшем словенцы неоднократно выдвигали это требование, но успеха не добились. 5.3.1884 была принята резолюция, призывавшая правительство разрешить ученикам нижней ступени гимназий в Горице, Пазине, Мариборе и Целье учиться на родном языке. Однако Конрад вновь выступил против³³. В январе 1885 г. словенцы вновь подали петицию об открытии словенских средних школ. Министр решительно отказался ввести обучение на словенском языке в Каринтии, Штирии, Приморье. При этом он сослался на опыт Крайны и охарактеризовал его как довольно плохой, поскольку университетские профессора в Вене и Граце жаловались, что студенты из Крайны недостаточно владели немецким языком³⁴. В 1887–1888 гг. словенские депутаты вновь выдвигали требования об открытии словенских параллельных классов в гимназиях Южной Штирии и Приморья³⁵. Эти проблемы тогда так и не были решены, а через несколько лет вопрос об открытии параллельных классов в гимназии в Целье стал камнем преткновения в рейхсрате и в 1895 г. немало способствовал падению правительства князя Виндишгреца.

Однако кое-что жители этих областей все же получили, хотя намного меньше, чем крайнцы. В 1883 г. в Горице открылся первый словенский детский сад, к концу 1880-х гг. в Приморье их стало несколько. Там же была создана двухлетняя женская школа и народная ссудная касса³⁶. Осенью 1883 г. каринтийцы наконец получили словенскую начальную школу (4 класса) в Рожна-Долине³⁷. И это все. Штирийским словенцам дали немного больше. В 1889 г. в начальной гимназии в Мариборе были введены параллельные немецкие и словенские классы. В 1884 г. заместителем главы провинции Штирия впервые стал словенец. Однако существенных изменений ситуации не произошло, процесс германизации в Штирии, Каринтии продолжался, численность словенского населения уменьшалась.

Что касается требований словенцев, касающихся системы правосудия, то тут дела шли неплохо. Министр юстиции чех А. Пражак

33 *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji... S. 264–265.

34 *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična... S. 89–90.

35 *Ibid.* S. 102–107.

36 *Marušič B.* Pregled politične zgodovine slovencev na Goriškem: 1848–1899. Nova Gorica, 2005. S. 301, 305.

37 *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična... S. 87.

(словенцы называли его «нашим защитником»³⁸) выпустил 6 октября 1881 г. (для Крайны) и 18 апреля 1882 г. (для Штирии) указы о том, что суды в Крайне и Граце должны вести дела со словенцами на их языке. Тавчар в «Словенском народе» охарактеризовал эти указы как «самый большой успех, которого мы достигли под властью графа Тааффе»³⁹. Однако воплощение их в жизнь столкнулось с трудностями: в феврале 1883 г. словенские депутаты пожаловались Пражаку, что чиновники игнорируют указ. 26 марта 1883 г. министр издал новый указ с требованием, чтобы суд в Граце проверил, как исполняются принятые постановления в Целье и Любляне. Наконец, 25 июня 1885 г. судейских чиновников в словенских землях обязали как можно скорее выучить словенский язык⁴⁰. А в ноябре того же года словенский язык был признан и в судах Южной Каринтии.

В экономической сфере наиболее крупным приобретением для словенцев стала денежная помощь, выделенная правительством на строительство железной дороги в Нижней Крайне и обновление железных дорог в Приморье⁴¹.

Концессий словенцы получили немало, они были важны, но решения словенского вопроса и равноправия не дали. Постепенно у ряда словенских политиков стало складываться ощущение, что их политика неправильна и они получают недостаточную награду за верность: им достаются лишь крохи с барского стола. В письме к Й. Юрчику от 12 марта 1881 г. Вошняк писал: «Я больше не дам водить себя за нос и не хочу, чтобы мы потеряли все, даже честь». 25 марта 1881 г. словенцы по его инициативе подали письменную апелляцию Тааффе о неслыханном насилии «над нашей народностью» и пригрозили, что будут голосовать против всех предложений правительства. Тааффе заявил, что не даст себя терроризировать и лучше уйдет в отставку⁴². Словенцы отступили. Однако они все чаще стали требовать от своих депутатов в рейхсрате проведения более решительной политики, критиковали правительство и его союзников в рейхсрате. Особенно энергично выступали радикалы, призывавшие словенских депутатов «никогда

38 *Sernec J.* Spomini. Ljubljana, 1927. S. 38.

39 *Slovenski narod.* 01.05.1882.

40 *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji... S. 265.

41 *Marušič B.* Pregled politične zgodovine slovencev... S. 298.

42 *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji... S. 266.

не успокаиваться, изо дня в день озадачивать правительство своими требованиями, все решительнее и бескомпромисснее настаивать на их выполнении»⁴³. Уже в марте 1884 г. газета «Слован» предложила им основать свой, пусть малочисленный, клуб⁴⁴. Некоторые словенские депутаты действительно размышляли о выходе из правительственного клуба Гогенварта (например, в 1885 и 1891 гг.), но так и не осуществили задуманного.

Критика правительства в словенской прессе началась уже в 1881 г. «Правительство графа Тааффе сделало для нас, словенцев, убого мало», – писал «Словенски народ» в сентябре 1881 г.⁴⁵ «Словенец» высказался еще жестче: «Все время говорят, что нынешнее правительство расположено к нам, но мы ничего подобного не чувствуем»⁴⁶. А в ноябре «Словенски народ» дал наказ депутатам рейхсрата не возвращаться домой из Вены без министерского указа о введении словенского языка в средние школы в словенских землях⁴⁷.

В словенской либеральной печати в середине 1880-х гг., когда большинство реформ, затрагивающих положение словенцев, уже было проведено, а новых не предвиделось, критика правительства усилилась, и лидировали в ней орган радикалов «Слован» и близкий им «Словенски народ». В 1884 г. «Слован» писал, что «...правительство графа Тааффе не хочет принимать во внимание требования нашего народа о введении равноправия»⁴⁸, «славян только для того кормят праздными обещаниями, чтобы они успокоились...»⁴⁹. В письме к своему другу и единомышленнику Д. Майарону в 1886 г. один из лидеров радикалов Хрибар высказался еще резче: политика правительства «лицемерна» и «неудачна», конечной целью ее «все еще является угнетение словенства»⁵⁰. В феврале 1885 г. в газете «Словенски народ» отмечалось: «В шестую годовщину министерства Тааффе

43 Slovan. 13.03.1884.

44 Ibid. 06.03.1884.

45 Slovenski narod. 22.09.1884.

46 Slovenec. 08.09.1881.

47 Slovenski narod. 11.11.1881.

48 Slovan. 6.03.1884.

49 Ibid. 23.10.1884.

50 Хрибар – Майарону. 05.08.1886, Любляна // Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani (далее – RZ NUK). Ms. 1492. Pešič, Fran. Zapuščina. IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hriбар I. (11, 1886–87). S. 4–5.

наши чувства <...> прохладны. Празднуем ее без воодушевления, но и без злости. <...> Тааффе нам много обещал, но мало дал»⁵¹. В сентябре, после проведения выборов в рейхсрат, указывалось, что газета не приветствует новый рейхсрат «с той полной надежд радостью, как шесть лет назад. <...> Мы не ожидаем, что [новый рейхсрат] изменит конституцию в смысле автономии...»⁵². А в 1886 г. дело дошло и до обвинений правительства: «Федерализация Австрии за 7 лет правления Тааффе не продвинулась ни на пядь: прежние правительства хотели нас германизировать, поскольку мы были в оппозиции, нынешнее за то, что мы его поддерживаем»⁵³. Вновь стала оживать идея Объединенной Словении. В одной из статей газеты говорилось: «Мы ожидали, что Тааффе сначала постепенно осуществит принцип равноправия, а затем начнет реализацию Объединенной Словении. Поскольку ни того, ни другого не произошло, настало время депутатам словенского народа принять другое решение»⁵⁴. А в 1890 г., когда позиции правительства Тааффе уже не были так устойчивы, как прежде, либеральная газета «Нова Соча» (“Nova Soča”), издававшаяся в Гориче, предложила словенским депутатам вернуться к программе Объединенной Словении и перестать выпрашивать мелкие подачки. Автор статьи с грустью констатировал, что за десять лет политики «попрошайничества» у словенцев исчезла национальная гордость, а вместе с ней и вера в свои силы»⁵⁵.

Однако среди либералов были политики, положительно и трезво оценившие реальные результаты проведенных реформ. Когда Д. Майарон в письме к Й. Вошняку посетовал, что «шестилетний срок рейхсрата закончился для нас тем, что колесо старой судьбы давит на нас по-прежнему», Вошняк вполне обоснованно ответил, что следует принимать во внимание то, чего словенцы достигли: «В каком положении были мы, словенцы, в 1879 г., когда пришло новое большинство в рейхсрат? В настолько отчаянном, что человек должен был иметь твердую веру в словенскую будущность, чтобы тогда не отчаяться. Все важнейшие властные органы и представительства Крайны, на которую опираются все словенцы, были в руках немцев <...>. А в 1885 году <...>, то есть через шесть лет, какой у нас

51 Slovenski narod. 20.02.1885.

52 Ibid. 25.09.1885.

53 Ibid. 13.08.1886.

54 Ibid. 24, 25.09.1886.

55 Ibid. 14.04.1890.

баланс: Крайное провинциальное собрание и комитет словенские, люблянское представительство словенское, провинциальный школьный совет словенский, глава провинции словенец, <...> ремесленная и торговая палаты словенские, во всех трех гимназиях в Крайне, а также в Целье директора словенцы, низшие ступени гимназий в Крайне словенские, училища по крайней мере наполовину словенские, в судах используют словенские документы, и не только в Крайне, но и в других словенских областях <...>. Крайна вновь имеет соответствующее ей лицо, словенское, и уже этим была заложена основа для того, чтобы и остальные словенцы получили такие же права»⁵⁶.

Консерваторы и эластики продолжали поддерживать политику правительства. Эластики четко обозначили свою позицию уже в первом номере газеты «Люблянски лист»: политика министерства Тааффе «соответствует насущным интересам австрийского государства», ее цель — «разрешить противоречия, воплотить в жизнь <...> равноправие всех австрийских народов и на этой основе достичь примирения разных народностей»⁵⁷.

В целом, по словам И. Тавчара, словенцам было «лучше стоять в холодной воде по колено, чем по шею»⁵⁸. Как справедливо заметил Ф. Шукле, выступая в Крайном провинциальном собрании в ноябре 1890 г., «правительство, которое придет после Тааффе, будет скорее всего намного меньше склонно к словенскому населению, чем нынешнее»⁵⁹. Через несколько десятилетий в дополнении к своим воспоминаниям Вошняк с сожалением констатировал: «Если бы в тот период, с 1879 до 1885 г., словенцы были бы представлены решительными людьми (в рейхсрате. — Л. К.), наверняка они бы много чего добились <...>. Ни раньше, ни позже мы, словенцы, не находились в такой благоприятной ситуации, но мы ее не использовали»⁶⁰.

В конце 1880-х гг. позиции правительства Тааффе пошатнулись, ему с трудом удавалось удерживать большинство в рейхсрате. После победы младочехов на выборах в провинциальное собрание в июле 1889 г. попытки достичь компромисса между немцами и чехами

56 Цит. по: *Cvirn J. Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji...* S. 268–269.

57 *Ljubljanski list*. 28. februvarija 1884. № 1. S. 1.

58 *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična...* S. 74.

59 *Melik V. Slovenska politika...* S. 524–525.

60 *Cvirn J. Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji...* S. 269.

в языковом вопросе не приводили к успеху. Выборы в рейхсрат 1891 г. нанесли серьезный удар по «железному кольцу». Младочехи отвоевали у старочехов 30 мандатов и перешли в оппозицию. В оппозиции правительству были и усилившиеся христианские социалисты. Тааффе стал сближаться с немецкими либералами, чтобы удержать влияние в рейхсрате, но у него уже не было большинства.

Все словенские депутаты остались в клубе Гогенварта и поддержали Тааффе. Словенцы продолжали борьбу и получили еще немного. В 1889 г. на низшей ступени гимназии в Мариборе были введены параллельные немецкие и словенские классы, в 1890 г. открылась словенская низшая гимназия в Любляне. В 1890 г. рейхсрат утвердил проект строительства железной дороги в Нижней Крайне (больше всего усилий к этому приложил Ф. Шукле)⁶¹. Когда 13 ноября 1891 г. министр образования Гауч в ответ на интерпелляцию словенских депутатов об ужасном положении школ Каринтии подчеркнул пользу знания немецкого языка в Австрии, даже проправительственно настроенным словенцам стало ясно, что больше они ничего не добьются⁶². В 1892 г. произошла отставка чеха Пражака с поста министра юстиции, провинциального президента Крайны Винклера отправили на пенсию.

В октябре 1893 г. Тааффе выдвинул проект достаточно радикальной избирательной реформы. В нем предлагалось отменить имущественный ценз для права голосования в городских и сельских куриях, т. е. для всех совершеннолетних мужчин, грамотных, имеющих постоянное место жительства и стабильный заработок, платящих налоги. Число избирателей при осуществлении реформы увеличилось бы с 15% мужского населения до 34%⁶³. Когда премьер-министр представил свой проект на рассмотрение рейхсрата, против него выступили большинство депутатов, в том числе и клуб Гогенварта, и правительство Тааффе было вынуждено уйти в отставку.

По справедливому замечанию И. Приятеля, при обсуждении проекта избирательной реформы проявилась «вся дезориентированность словенцев в этом вопросе»⁶⁴. Только «Словенски народ» выступил за всеобщее, равное и открытое избирательное право и призвал поддержать проект Тааффе, пока не будет предложен более радикальный⁶⁵. За этот

61 Ibid.

62 Ibid. S. 273.

63 *Šuklje F. Iz mojih spominov...* S. 251.

64 *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična...* S. 121.

65 *Slovenski narod*. 30.08.1893.

проект высказались в рейхсрате либералы А. Ферьянчич и Шукле. На заседании руководства клуба Гогенварта Шукле заявил, что согласен не со всеми деталями проекта, но «было бы большой ошибкой его отклонить», что следует передать его на доработку специальному отделу⁶⁶. Но его предложение не поддержали и решили голосовать против. Резко выступили против проекта консерватор К. Клун и его газета «Словенец». Единомышленник Клуна Ф. Повше даже пришел в ужас, представив себе, что его слуга будет иметь те же права, что и он⁶⁷.

Ф. Шукле писал в воспоминаниях, что проект Тааффе «был половинчатым, не устроившим никого», поскольку сохранялись курии землевладельцев и торговой палаты⁶⁸. Так и было, но Тааффе, стремившийся к компромиссу и согласию, не мог тогда предложить более радикальный вариант. Для того времени и тех обстоятельств в империи это был прогрессивный проект. Во всяком случае, избирательная реформа 1895 г. оказалась более умеренной по содержанию, чем та, которую Тааффе так и не удалось осуществить⁶⁹.

После падения правительства Тааффе грацкая газета «Тагеспост» с удовлетворением отметила: «Минуло время, когда чехам и словенцам давали концессии»⁷⁰. И действительно, такой поддержки своих национальных требований от последующих правительств словенцы не получили.

Реформы, проводившиеся Тааффе, без сомнения, были половинчатыми и не привели к кардинальным переменам и решению внутриполитических проблем империи. Он стремился к смягчению социальных и национальных противоречий и постепенному проведению в жизнь принципа равноправия австрийских народов. Можно согласиться с мнением российского историка И. В. Крючкова, что «многие его реформы носили прогрессивный характер и не противоречили передовым идеям конца XIX века. Он являлся прагматиком и мастером компромиссов, что следует расценивать не как недостаток, а как достоинство»⁷¹.

Национальные права словенцев в период правления Тааффе были значительно расширены. Важнейшим достижением в этот период

66 Šuklje F. Iz mojih spominov... S. 251.

67 Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična... S. 121.

68 Šuklje F. Iz mojih spominov... S. 250–251.

69 Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična... S. 52.

70 Ibid. S. 123.

71 Крючков И. В. Эдуард Тааффе... С. 163.

стала словенизация Крайны. Кое в чем улучшилось положение словенцев и в остальных областях, однако процесс германизации в Штирии и Каринтии продолжался. Как справедливо отметил словенский историк П. Водопивец, в годы правления Тааффе словенцы приобрели больше, чем за весь период их существования в Габсбургской монархии⁷². Так что взвешенная политика компромиссов и «собираения крох», проводившаяся большинством словенских патриотов в период правления Тааффе, принесла свои плоды.

Реформы Тааффе стимулировали оживление политической и общественной жизни словенцев, дали толчок их дальнейшему национальному развитию. 1880-е гг. стали плодотворными. Либералы и консерваторы в это «время согласия» проводили общую политику в рейхсрате и провинциальных собраниях. Внутрилиберальный конфликт между «эластиками» и радикалами сошел на нет во второй половине 1880-х гг. Конфликты между либералами и католиками происходили на выборах, в люблянской Словенской матице (с 1886 г. в ней преобладали либералы), в полемиках о науке и литературе. В сфере культурной жизни либеральный лагерь тогда сильно превосходил консервативно-католический, в том числе и в качестве материалов прессы⁷³. Выраженное преобладание католиков наблюдалось только в Каринтии. Однако в рамках католицизма в словенских землях уже начало зарождаться христианско-социальное движение, привлекавшее на свою сторону народные массы. Силы были примерно равны. В то время и большая часть духовенства поддерживала политику «согласия» и единую партию.

Положение изменилось после того, как в 1889 г. часть клерикалов во главе с епископом А. Махничем, ярким противником либерализма и социализма, отказалась от политики «согласия». Это стало началом окончательного раскола. В 1890 г. образовалось Католическое политическое общество, в 1891 г. в ответ на это либералы основали Словенское общество, и уже в 1894 г., вскоре после падения правительства Тааффе, были оформлены первые словенские партии.

Реформы Тааффе, направленные на сглаживание национальных противоречий, в итоге вызвали рост национализма у австрийских народов. Славяне считали, что получили слишком мало и нужно добиваться большего. Немцы полагали, что их исконные права ущемляются, и пытались утвердить свое доминирование. Среди

72 Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 104.

73 Melik V. Slovenska politika... S. 527.

словенских национальных деятелей в период правления Тааффе наиболее категоричную позицию по отношению к немцам занимали радикалы, стремившиеся к полному уничтожению их господства в словенских землях, но большинство либералов и консерваторы не желали обострения словенско-немецких противоречий. Однако в 1890-е гг. конфронтация между немецкими и славянскими националистами продолжала нарастать.

Из словенцев наиболее яркую характеристику личности Тааффе и его политики дал в воспоминаниях Ф. Шукле: «Среднего роста, с очень красным лицом, отчасти от природы, отчасти из-за обильного алкоголя, которым он не пренебрегал, черноволосый, одетый всегда более чем небрежно, с цилиндром, как у извозчика немного сдвинутым набок, полный шуток, хороших и плохих, вовсе не хороший оратор, но при этом умный и наблюдательный, все хладнокровно прощающий и большой знаток человеческой души и ее слабостей! Каждый, кто счел бы его преданным другом славян или горячим приверженцем феодально-клерикальных тенденций, сильно бы ошибся. Правда, что он терпеть не мог немецких левых. Правда, что он раздробил их экономику, поскольку знал их слишком хорошо и считал людьми, враждебными австрийскому государству и династии Габсбургов. О нем можно было сказать, что он был “верным слугой” своего господина-императора и никогда не желал быть никем иным. Большинство в рейхсрате при Тааффе никогда не держало вожжи в руках, он нами руководил, использовал нас, а часто и злоупотреблял! И мы сами поддерживали этот способ его правления, поскольку никогда не могли достичь ясной **общей** программы. Так что этот хитрый манипулятор все время договаривался то с одной, то с другой правой партией, разыгрывал один парламентский клуб против другого, агитировал и лавировал, и в конце концов достигал того, чего хотел. Можно утверждать, что австрийский император никогда не спал более спокойно, чем тогда, когда Тааффе руководил для него государственными делами в австрийской половине государства»⁷⁴.

⁷⁴ Šuklje F. Iz mojih spominov... S. 204.

Источники и литература

Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani (RZ NUK).

Воцелка К. История Австрии: культура, общество, политика. М.: Весь Мир, 2007. 497 с.

Крючков И. В. Эдуард Тааффе в политической истории дуалистической Австрии // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 158–164.

Cvirn J. Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana: Filozofska fakulteta univerze v Ljubljani, 2006. 319 s.

Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966. 364 s.

Hribar I. Moji spomini. Ljubljana: Tiskarna Merkur, 1928. I. del. Od 1853. do 1910. leta. 507 s.

Kermavner D. Prvi taktični razhod slovenskih politikov v Taaffe-Winklerjevi dobi // Sodobnost. 1963. Št. 10. S. 870–881; Št. 11. S. 1001–1013.

Ljubljanski list. 1884.

Marušič B. Pregled politične zgodovine slovencev na Goriškem: 1848–1899. Nova Gorica: Goriški muzej, 2005. 368 s.

Melik V. Slovenska politika v Taaffejevi dobi // Melik V. Slovenci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor: Založba Litera, 2002. S. 521–531.

Prijatelj I. Med Levčevim “Ljubljanskim zvonom” in Hribar-Tavčarjevim “Slovanom”. Učiteljska Tisk., 1930. URL: <http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-XH5OKN9J> (дата обращения: 03.08.2022).

Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina 1848–1895. Zv. V. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966. 468 s.

Sernec J. Spomini. Ljubljana: Komisijaska založba “Tiskovne zadruga”, 1927. 112 s.

Slovan. 1884.

Slovenec. 1879–1882.

Slovenski narod. 1879–1882, 1884–1886, 1890, 1893.

Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. Ljubljana: Slovenska matica, 1988. 312 s.

Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana: Modrijan, 2006. 630 s.

References

Cvirn, J. *Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918)*. Ljubljana: Filozofska fakulteta univerze v Ljubljani, 2006, 319 p.

Gestrin, F., Melik, V. *Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966, 364 p.

Kermavner, D. “Prvi taktični razhod slovenskih politikov v Taaffe-Winklerjevi dobi”. *Sodobnost*, 1963, No. 10, pp. 870–881; No. 11, pp. 1001–1013.

Kriuchkov, I. V. “Eduard Taaffe v politicheskoj istorii dualisticheskoj Avstrii”. *Voprosy istorii*, No. 9, 2011, pp. 158–164.

Marušič, B. *Pregled politične zgodovine slovencev na Goriškem: 1848–1899*. Nova Gorica: Goriški muzej, 2005, 368 p.

Melik, V. “Slovenska politika v Taaffejevi dobi.” Melik, V. *Slovinci 1848–1918. Razprave in članke*. Maribor: Založba Litera, 2002, pp. 521–531.

Prijatelj, I. *Med Levčevim “Ljubljanskim zvonom” in Hribar-Tavčarjevim “Slovanom.”* Učiteljska Tisk., 1930. URL: <http://www.dlib.si/?URN=URN:NB-N:SI:DOC-XH5OKN9J> (accessed: 03.08.2022).

Prijatelj, I. *Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina 1848–1895*. Vol. V. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966, 468 p.

Vodopivec, P. *Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja*. Ljubljana: Modrijan, 2006, 630 p.

Votselka, K. *Istorija Avstrii: kul'tura, obshchestvo, politika*. Moscow: Ves' Mir, 2007, 497 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.04

L. A. Kirilina

The Slovenes and the government of E. Taaffe (1879–1893)

Liubov A. Kirilina

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospekt 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5272-8077

Citation

Kirilina L. A. The Slovenes and the government of E. Taaffe (1879–1893) // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 93–113 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.04

Received: 08.06.2022.

Abstract

The article, based on the analysis of materials from the Slovenian press, memoirs of Slovenian politicians and research by Slovenian historians, traces the perception of the policy of E. Taaffe (1879–1893) by the Slovenian public and assesses the impact of his reforms on the socio-economic and national status of Slovenes.

The Taaffe government, which replaced the German liberal governments who had conducted centralizing policies, carried out a series of reforms aimed at smoothing out social and national contradictions in Cisleithania. Most Slovenian politicians supported him and abandoned the most radical national demands. Thanks to Taaffe's reforms, the national position of Slovenes improved: the Slovene language strengthened its position in schools, gymnasiums, courts and provincial authorities. Most bonuses received Carniola that in the early 1880s was recognized as a Slovenian province. It began a rapid process of Slovenianization. Liberals and conservatives during this period of “consent” mainly pursued a common policy, putting forward Slovenian demands in the Reichsrat and provincial assemblies. Some of them have been implemented. At the same time, the reforms caused a certain aggravation of national and political differences in the Slovenian lands. Their half-heartedness caused discontent among the Slovenian liberals (primarily among the group of radicals). In the second half of the 1880s, criticism of the government in the Slovenian liberal press increased. It should be noted that, in general, the policy of supporting Taaffe's government, pursued by the majority of Slovenian national figures, was real and balanced, and as a result, Slovenes received quite a lot of national concessions during his reign.

Keywords

Government of E. Taaffe, reforms, Slovenianization of the Carniola, Slovenian politicians, Slovenian press.

УДК 9(94)
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.05

Е. С. Киреева

Аннексионный кризис 1908 г. как поворотный момент во внешней политике Сербии

Киреева (Сергеенко) Екатерина Сергеевна
Старший преподаватель
Московский государственный лингвистический университет
119034, ул. Остоженка 38, Москва, Российская Федерация
E-mail: ekaterina7_91@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1035-7882

Цитирование

Киреева Е. С. Аннексионный кризис 1908 г. как поворотный момент во внешней политике Сербии // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 114–127. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.05

Статья поступила в редакцию 01.07.2022.

Аннотация

Статья посвящена одному из важнейших событий в истории Балканского региона — Аннексионному кризису 1908 г. Автор рассматривает основные вехи кризиса и детали переговорного процесса, в котором активное участие принимали Австро-Венгрия и Россия. Кроме того, в статье уделяется особое внимание тому, какое влияние аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. оказала на политику Сербского государства, которое стремилось освободить и объединить все населенные сербами земли, включая боснийские. Аннексия и ее последующее признание со стороны Османской империи и России нарушили эти планы, и в итоге приоритетом внешней политики Белграда стало присоединение Косово, к которому в Сербии стали активно готовиться именно после 1908 г. В работе также рассматривается реакция на аннексию другого заинтересованного государства, а именно Черногории, которая наряду с Сербией выступила против действий Австро-Венгрии. В Цетине также рассчитывали получить компенсацию и ждали помощи России в этом вопросе. Изучение же неопубликованных мемуаров австро-венгерского политика Леопольда Берхтольда (1863–1942), хранящихся в Государственном архиве Австрии, позволяет более детально рассмотреть позиции России и Австро-Венгрии,

которые накануне кризиса договорились о сохранении статус-кво на Балканах. В период кризиса Берхтольд был послом Двухединой монархии в Санкт-Петербурге и мог наблюдать за реакцией России на действия Вены. В работе также использованы опубликованные мемуары российского дипломата и министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

Ключевые слова

Сербия, Босния и Герцеговина, Австро-Венгрия, Аннексионный кризис 1908 г., внешняя политика Сербии, международные отношения на Балканах в начале XX в.

События Аннексионного кризиса 1908 г. были подробно рассмотрены в научных работах советских, российских и зарубежных исследователей, прежде всего в фундаментальном труде К. Б. Виноградова «Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны»¹. Однако возросшая в XXI в. академическая мобильность сделала возможным получение доступа к ранее не опубликованным документам Австрийского государственного архива (в частности, рукописи мемуаров австро-венгерского министра иностранных дел Л. Берхтольда, который в то время был послом монархии в Санкт-Петербурге), относящимся к аннексии, что, в итоге, позволило воссоздать более многомерную картину кризиса и событий вокруг него. Труды К. Б. Виноградова и других историков охватывают широкий спектр вопросов, связанных с кризисом, включая международные отношения на Балканах в конце XIX – начале XX вв., а также подготовку к присоединению Боснии и Герцеговины. Данная же статья уделяет внимание событиям 1908 г., участию России и Австро-Венгрии в урегулировании кризиса, а также тому, почему аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. стала поворотным моментом для внешнеполитического курса Сербии.

Аннексионный кризис 1908 г. в значительной степени повлиял на государства Балканского региона. Присоединение Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины не только вызвало негодование в ряде стран (включая Россию, для которой это стало прямым нарушением договоренностей между двумя империями о сохранении статус-кво на Балканах), но и оказало влияние на дальнейший ход внешней политики заинтересованных государств, и прежде всего Сербии.

¹ *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964.

Как известно, в Сербии с середины XIX в. лелеяли надежду однажды соединить все сербские земли воедино, и Босния и Герцеговина занимала важное место в списке потенциальных составляющих нового «великого» государства. До 1908 г. во многих сербских дипломатических документах эта область обозначается как важная для Сербии, а население называется «нашим элементом» (серб. «наша ствар»).

С интересом на Боснию и Герцеговину смотрели в Цетине и Вене. Австро-Венгрия считала свои притязания на Боснию и Герцеговину законными, так как согласно XXV статье Берлинского трактата 1878 г. «провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией»². Тем не менее реализовывать свое право империя Габсбургов начала спустя почти 20 лет, когда в 1906 г. у руля австро-венгерской внешней политики оказался Алоиз фон Эренталь, а пост начальника генерального штаба занял Конрад фон Хётцендорф, считавший, что будущее монархии находится на Балканах³. Российский дипломат и министр иностранных дел С. Д. Сазонов считал, что австро-венгерский министр иностранных дел Эренталь был человек «необыкновенно тщеславный, искал громких успехов как ради собственной славы, так и в целях укрепления становящегося с каждым годом все более тяжелым внутреннего положения Австро-Венгерской монархии»⁴. Аннексия боснийских и герцеговинских земель могла поспособствовать осуществлению его планов.

В итоге в начале 1907 г. в Австро-Венгрии приступили к разработке плана аннексии, составной частью которого был проект железной дороги, протянувшейся через Новипазарский санджак, от боснийского города Увац до Косовской Митровицы. О намерениях Вены получить от Порты соответствующую концессию австро-венгерский посланник в Санкт-Петербурге Л. фон Берхтольд сообщил министру иностранных дел России А. П. Извольскому 5 января 1907 г. В это время ситуация в Османской империи была чрезвычайно нестабильной, в особенности в землях Македонии, где великие державы, а прежде всего Австро-Венгрия и Россия, планировали провести реформы. Вена стремилась извлечь из процесса реформ максимальную для себя выгоду, то есть склонить Порту на свою сторону и взамен

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 193.

³ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / отв. ред. Н. С. Киняпина. М., 1978. С. 316.

⁴ Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 13.

на удобный ей проект реформ получить концессию на стратегически важную для себя Санджакскую железную дорогу, а также отстранить Россию от активного участия в процессе разработки реформ. Кроме того, султан, который боялся потерять контроль над беспокойными македонскими землями, подписал с Австро-Венгрией в 1908 г. военную конвенцию, в которой последняя обещала защищать целостность турецких европейских территорий⁵.

Однако в реальности обещания Вены не были сдержаны. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Алоиз фон Эренталь объявил об аннексии Боснии и Герцеговины 5 октября 1908 г. Любопытно, что в официальной прокламации аннексии, опубликованной британской газетой “London Weekly Times” («Лондонские еженедельные времена») 9 октября 1908 г., подчеркивалось, что, присоединяя Боснию и Герцеговину, Австро-Венгрия руководствовалась лучшими намерениями и что свершившееся событие означает для жителей этой территории избавление от насилия и гнета, которые сменяются порядком и безопасностью. Кроме того, им было обещано конституционное правительство, и благодаря этому население смогло бы высказываться о своих потребностях и пожеланиях. Завершалась прокламация словами о том, что «новый порядок вещей станет гарантом того, что цивилизация и процветание станут реальностью для этого региона»⁶.

Возмущенные действиями Дунайской монархии Сербия и Черногория практически сразу начали искать поддержки друг друга. Так, уже 12 октября 1908 г. сербская сторона, интересы которой были задеты, равно как и черногорские, выступила с меморандумом, доставленным в Цетине через сербского посланника Йована Йовановича⁷, в котором говорилось о том, «как совместно действовать в связи с аннексией и на каких компенсациях сообща настаивать»⁸. Черногорский князь Никола считал, что Сербии и Черногории следовало создать военный союз, о чем сербское правительство проинформировал его специальный посланник Янко Вукотич, прибывший в Белград 20 октября 1908 г. По плану особая роль в союзе отводилась Турции⁹. В итоге 24 октября

⁵ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 321.

⁶ London Weekly Times. 9 Oct. 1908.

⁷ Јовановић П. Црна Гора и Србија за вријеме Анексионе кризе (1908–1909) // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 566.

⁸ Хлебникова В. Б. Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916. М., 2016. С. 177.

⁹ Јовановић П. Црна Гора и Србија за вријеме Анексионе... С. 568.

между Сербией и Черногорией был подписан договор, по которому страны обязались защищать свои интересы всеми способами, в том числе военными, если это потребуется¹⁰. Отметим, что начавшиеся в тот же период переговоры с Турцией не привели к ожидаемому результату. Султан Абдул-Хамид II пообещал, что на международной конференции выступит с поддержкой сербско-черногорских требований, однако договор с двумя государствами не подписал¹¹.

Очевидно, что в сложившейся ситуации в Белграде и Цетине намеревались потребовать от Вены компенсаций. Еще до начала кризиса, в сентябре 1908 г., российский министр иностранных дел А. П. Извольский на встрече в Бухлау с австро-венгерским министром иностранных дел Алоизом фон Эренталем высказался за то, чтобы в случае аннексии Боснии и Герцеговины Сербия и Черногория их получили. Австро-Венгрии же предлагалось отказаться от Новипазарского санджака и вывести оттуда войска, и, что особенно важно, она должна была произвести частичный пересмотр государственной границы на территории Боснии в пользу Сербии и Черногории¹². К слову, по воспоминаниям Л. фон Берхтольда, Эренталь в целом одобрил предложение по санджаку, но отверг последнее требование о пересмотре границ. Он, однако, дал понять, что в случае с Сербией будет возможно «разрешение пересмотра ее южной границы (в разумных пределах)», а для Черногории допустимо было позволить «создать корпус морской полиции»¹³. Предложения Эрентала по компенсациям Сербии и Черногории застали министра иностранных дел России А. П. Извольского в пути, поэтому он, как вспоминал Берхтольд, просил своего австро-венгерского коллегу подождать его возвращения в российскую столицу, где бы он выслушал официальное мнение по данному вопросу¹⁴. Эту просьбу Австро-Венгрия, очевидно, не удовлетворила.

Уже 29 сентября 1908 г. австро-венгерский император Франц Иосиф писал германскому кайзеру Вильгельму о том, что в связи с положением дел в Османской империи Австро-Венгрия далее не может откладывать присоединение Боснии и Герцеговины. Кроме того, император обещал

10 Хлебникова В. Б. Черногория: феномен национальной... С. 177.

11 Ловановић Р. Црна Гора и Србија за вријеме Анексионе... С. 571.

12 Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 45.

13 Haus-, Hof- und Staatsarchiv; Sonderbestände. Nl. Berchtold. Typo-script d. Memoiren Berchtolds, I. B. 104.

14 Ibid.

оповестить о своих действиях Порту, а также, в качестве доказательства мирного характера своих намерений, сообщил о готовности вывести войска монархии из Новипазарского санджака (о чем Эренталь ранее просил Извольский. – Е. К.). Франц Иосиф также высказывал надежду на то, что кайзер одобрительно отнесется к действиям Вены, которые, по его словам, диктовались крайней необходимостью¹⁵. В своем ответном письме к Францу Иосифу от 14 октября 1908 г. Вильгельм отметил, что понимает причины, заставившие монархию сделать этот шаг, а также высказал предположение, что аннексия окажется «настоящим благословением» для Боснии и Герцеговины. Кроме того, кайзер с одобрением отнесся к решению о выводе войск, так как этот акт не только демонстрировал мирные намерения монархии, но и мог бы помочь Турции лучше примириться с новым положением дел в регионе¹⁶.

Реакция других государств на аннексию оказалась менее доброжелательной. В первую очередь была недовольна Сербия, которая закономерно расценила эти действия монархии как угрозу своей безопасности, а также ущемление своих национальных интересов. Как отмечалось ранее, Сербия стремилась освободить и объединить все земли, населенные сербами, в одно великое сербское государство, включая территории Боснии и Герцеговины. Это стремление было отражено в программах сербской Народной радикальной партии 1881 и 1904 гг., в которых важной целью внешней политики Сербии значилось «объединение остальных частей сербства»¹⁷. Та же мысль повторялась в программе Независимой радикальной партии 1902 г.¹⁸

В сербском обществе аннексия вызвала мощную волну протестов, начали даже создаваться пункты записи добровольцев, готовых сей же час отправиться в Боснию на защиту «сербского дела», а глава радикалов Никола Пашич верил, что будущая война будет популярна в народе¹⁹. Правительство П. Велимировича требовало

15 Die große Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914; Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes (40 vols. Berlin 1922–26), XXVI. P. 1, 97ff., No. 8978.

16 Ibid. P. 129ff., No. 9006.

17 Бурић Ж. Српске политичке странке и покрети у 19. и 20. веку. Устави, програми и статуту српских политичких странака до 1914. године. Прва књига. Београд, 2000. С. 185, 284.

18 Там же. С. 239.

19 Шемякин А. Л. Специфика политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским

предоставления Боснии и Герцеговине автономии и «раздела Новипазарского санджака между двумя сербскими королевствами» (Сербией и Черногорией. – Е. К.). Одновременно оно обратилось к России, вставшей на сторону сербов²⁰.

Чрезвычайно недовольна была Османская империя, территорию которой заняла Австро-Венгрия. Она, в частности, начала бойкот австрийских товаров. Вывод австро-венгерских войск из Новипазарского санджака, который, по мнению Вены, должен был ее смягчить, показался Турции недостаточной компенсацией, поскольку санджак и так принадлежал ей и фактически, теряя Боснию и Герцеговину, взамен она ничего не получала²¹.

В Санкт-Петербурге, как писал в своих мемуарах российский дипломат С. Д. Сазонов, министр иностранных дел А. П. Извольский пребывал «в состоянии сильного раздражения по поводу дипломатического мошенничества австро-венгерского министра иностранных дел, поддержанного Германией всем весом ее международного влияния»²². Австро-венгерский посол в Петербурге Берхтольд считал негативную реакцию России на «чисто коммерческую акцию Австро-Венгрии» неожиданной. Кроме того, по его мнению, Извольский мог бы признать аннексию в обмен на отказ Вены от Новипазарского санджака (который обсуждался на встрече в Бухлау. – Е. К.)²³.

Тем временем в Белграде коалиционный кабинет П. Велимировича и в частности лично министр иностранных дел М. Милованович, предприняли несколько шагов, которые должны были восстановить справедливость. На заседании Совета министров, созванного сразу же после аннексии, Милованович зачитал ноту протеста великим державам, в которой содержались требования Сербии о предоставлении компенсаций (каких именно, в ноте не уточнялось). Нота была разослана государствам, подписавшим Берлинский договор 1878 г. Требования по компенсациям были конкретизированы

обществом» // Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. М., 2016. С. 257–258.

20 Шемякин А. Л. Сербия // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 39.

21 Восточный вопрос во внешней политике России... С. 325.

22 Сазонов С. Д. Воспоминания... С. 10.

23 Haus-, Hof- und Staatsarchiv; Sonderbestände. Nl. Berchtold. Typoscript d. Memoiren Berchtolds, I. B. 104.

лишь к октябрю 1908 г., а именно, Сербия (и Черногория) получили бы земельный пояс вдоль по течению р. Дрины. На данном этапе Милованович подкреплял идею о территориальных компенсациях тем доводом, что они позволили бы Сербии препятствовать проникновению Австро-Венгрии вглубь Балкан²⁴.

Глава сербских радикалов Н. Пашич, тем не менее, был решительно против любых сделок. «Пусть на теле сербского народа останется живая рана!» – заявил он, желая сохранить «высокий национальный тонус сербов для будущего реванша». На закрытой сессии Скупщины, имевшей место 10 октября 1908 г., он, по сути, призывал к войне с Австро-Венгрией²⁵.

В итоге Сербия, ожидавшая поддержку великих держав и так ее и не получившая, уже к концу ноября 1908 г. начала склоняться к идее об автономии Боснии и Герцеговины в составе Османской империи, которую активно поддерживали радикалы во главе с Н. Пашичем²⁶. Однако и эти требования не имели шансов быть реализованными, так как 9 января 1909 г. Турция и Австро-Венгрия подписали договор, которым Порта официально признавала аннексию, и тем самым претензии Сербии на территориальные компенсации или автономию Боснии и Герцеговины становились беспочвенными²⁷.

Новый кабинет министров, во главе которого был Ст. Новакович (февраль – октябрь 1909), в конце февраля 1909 г. снова отправил великим державам меморандум с просьбой помочь Сербии и встать на ее сторону, но поддержки так и не последовало²⁸. Как сообщал Эренталю из Белграда министр-резидент Янош Форгач в начале марта 1909 г., в Сербии ждали решения великих держав по аннексии. Он также считал, что на Сербию следует повлиять через Россию, а именно объяснить ей, что аннексионный вопрос разрешается как материальный спор между Австро-Венгрией и Турцией²⁹.

24 Попов Р. Сербия, великие державы и вопрос о компенсациях в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. // Великие силы и Сербия пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 153, 157.

25 Шемякин А. Л. Сербия... С. 39.

26 Попов Р. Сербия, великие державы и вопрос о компенсациях... С. 160, 158.

27 Там же. С. 163.

28 Там же. С. 168.

29 Haus-, Hof- und Staatsarchiv; Sonderbestände. Nl. Berchtold. Typoscript d. Memoiren Berchtolds, I. B. 194.

Отметим, что Англия и Франция были против компенсаций для Сербии и Черногории за счет турецких территорий, однако считали допустимыми экономические уступки, к примеру, улучшение условий для сербского экспорта в районе Адриатики³⁰. В такой ситуации Сербия и Черногория могли рассчитывать только на Россию.

Окончательно надежды Сербии были разбиты, когда аннексию Боснии и Герцеговины вынужденно признала ее главная союзница Россия. Еще в конце февраля 1909 г. представитель Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге Берхтольд передал российской стороне «австро-турецкий протокол, по которому Порта признавала аннексию»³¹. Таким образом, Дунайская монархия давала понять, что вопрос об аннексии является двусторонним спором Вены и Константинополя. В это же время Турция и Австро-Венгрия договорились о выплате Веней денежной компенсации в размере 2,5 млн турецких лир³². А уже в начале марта 1909 г. Берхтольд, которому министр иностранных дел А. фон Эренталь ранее выслал соответствующие указания, составил окончательное требование Австро-Венгрии, в котором значилось, что «по заключении договора между Веней и Портой о присоединении Боснии и Герцеговины этот вопрос будет снят с обсуждения», а Сербии, в свою очередь, следует последовать совету великих держав и признать аннексию³³.

Перед Россией, как сообщал А. П. Извольский в телеграмме от 10 (23) марта 1909 г. к русским послам в Париже и в Лондоне, был поставлен выбор «между немедленным разрешением вопроса о присоединении или вторжении в Сербию австрийских войск». Позднее российский дипломат С. Д. Сазонов в своих мемуарах писал, что российское правительство выбрало второе, «принеся в жертву свое самолюбие»³⁴. Он также подчеркивал, что «тогда впервые с несомненной ясностью обнаружилась балканская политика Эренталя, направленная на полное подчинение Сербии австрийскому влиянию наперекор букве и духу международных актов и законным интересам России на Балканах»³⁵. Белграду же предлагалось согласиться

30 Восточный вопрос во внешней политике России... С. 329.

31 Haus-, Hof- und Staatsarchiv; Sonderbestände. Nl. Berchtold. Typoscript d. Memoiren Berchtolds, I. B. 193.

32 Восточный вопрос во внешней политике России... С. 332.

33 Haus-, Hof- und Staatsarchiv; Sonderbestände. Nl. Berchtold. Typoscript d. Memoiren Berchtolds, I. B. 194.

34 Сазонов С. Д. Воспоминания ... С. 16.

35 Там же. С. 10–11.

с решением великих держав, что и было сделано на заседании кабинета министров 30 марта 1909 г.³⁶

На решение России повлияло ультимативное требование Германии в марте 1909 г. санкционировать акцию Австро-Венгрии. Берлин, где знали о неготовности России к войне, дал понять, что отрицательный ответ повлечет за собой вооруженное вторжение Вены в Сербию при содействии Германии. Угроза подействовала, так как в итоге Петербург был вынужден отказаться от поддержки Белграда и посоветовать ему признать новый *status-quo*³⁷. Как писал Л. фон Берхтольд, в Белграде (где изначально аннексия вызвала бурную и воинственную реакцию. – Е. К.) уже в начале марта, благодаря влиянию российских представителей, «не хотели войны с Австро-Венгрией, а хотели остаться с соседней монархией в дружественных отношениях»³⁸.

В итоге в циркулярной ноте от 10 марта 1909 г., посланной государству, подписавшим Берлинский трактат 1878 г., Белград и вовсе отказывался от каких-либо компенсаций³⁹.

Помимо того, что аннексионный кризис и его итоги выявили зависимость сербской внешней политики от решений ее союзников из числа великих держав, формальное и, главное, одобренное другими государствами присутствие Австро-Венгрии в соседней Боснии навсегда закрывало для Сербии возможность расширить территорию за счет земель, лежавших на севере. Для Сербии, как точно отметил в своих мемуарах российский дипломат С. Д. Сазонов, «окончательное, бесповоротное поглощение Австро-Венгрией значительной части сербского племени (в Боснии и Герцеговине. – Е. К.) было не только тяжким ударом с точки зрения национального чувства, но и грозным предзнаменованием дальнейших видов венской политики по отношению к слабому сербскому соседу»⁴⁰.

В самой Сербии на ситуацию смотрели также мрачно. Еще на открытии Скупщины в декабре 1908 г. министр иностранных дел М. Милованович в своей пространной речи напомнил присутствующим о том, что недопущение Дунайской монархии в Боснию и Герцеговину

36 Попов Р. Сербия, великие державы и вопрос о компенсациях... С. 168.

37 Шемякин А. Л. Сербия... С. 39.

38 Haus-, Hof- und Staatsarchiv; Sonderbestände. Nl. Berchtold. Typoscript d. Memoiren Berchtolds, I. B. 194.

39 Попов Р. Сербия, великие державы и вопрос о компенсациях... С. 166–167.

40 Сазонов С. Д. Воспоминания ... С. 12.

означало бы закрытие для нее пути в Эгейское море и препятствовало бы ее дальнейшему проникновению на Балканы⁴¹. Свершившаяся аннексия, по его словам, мешала Сербии получить желанный выход к Адриатическому морю⁴². Он также констатировал, что своими действиями, мешавшими «объединению Сербии и Черногории», Австро-Венгрия принуждала Сербию к борьбе «не на жизнь, а на смерть»⁴³.

Двуединая монархия, потерявшая влияние в Сербии с воцарением на престоле в 1903 г. династии Карагеоргиевичей, всячески старалась воспрепятствовать планам Белграда, касавшимся европейских владений Османской империи, так как, помимо прочего, считала этот регион «зоной своего непосредственного интереса, а именно, территорией, которая могла связать оккупированную ей Боснию и Герцеговину с Вардарской долиной и Салониками»⁴⁴. Успешно аннексировав Боснию и Герцеговину, Дунайская монархия смогла укрепить свои позиции на Балканах.

Аннексия и решения, принятые великими державами по ее итогам, оказали сильное влияние на Сербское королевство, которому пришлось отказаться от реализации программы полномасштабного освобождения и объединения сербского народа. В итоге потеря возможности расширить свою территорию в северном направлении заставила Сербию активизироваться на южном направлении и сделать приоритетом освобождение Косово. Кроме того, стало очевидно, что для воплощения своих внешнеполитических замыслов Сербии придется проводить более агрессивную политику, так как Аннексионный кризис показал, что исключительно мирные, дипломатические методы, даже при поддержке России, не будут достаточными для успешного объединения сербов в одном великом государстве.

41 Попов Р. Сербия, великие державы и вопрос... С. 161.

42 Там же. С. 162.

43 Јовановић Р. Црна Гора и Србија за време Анексионе... С. 574.

44 Стојанчевић В. Сукоб Аустро-Угарске и Србије у Косовском вилајету 1900–1914. // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 553.

Источники и литература

Österreichisches Staatsarchiv, Haus-, Hof- und Staatsarchiv.

Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 160 с.

Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / отв. ред. Н. С. Киняпина. М.: Наука, 1978. 440 с.

Ђурић Ж. Српске политичке странке и покрети у 19. и 20. веку. Устави, програми и статуту српских политичких странака до 1914. године. Прва књига. Београд: Институт за политичке студије, 2000. 432 с.

Јовановић Р. Црна Гора и Србија за време Анексионе кризе (1908–1909) // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд: Српска академија наука и уметности, 1976. С. 565–576.

Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: Наука, 1985. 285 с.

Попов Р. Сербия, великие державы и вопрос о компенсациях в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд: Српска академија наука и уметности, 1976. С. 151–169.

Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск.: Харвест, 2002. 368 с.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 464 с.

Стојанчевић В. Сукоб Аустро-Угарске и Србије у Косовском вилајету 1900–1914. // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд: Српска академија наука и уметности, 1976. С. 551–563.

Хлебникова В. Б. Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 239 с.

Шемякин А. Л. Сербия // Югославия в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 13–54.

Шемякин А. Л. Специфика политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. Коллективная монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 169–260.

Die große Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914; Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes (40 vols. Berlin 1922–26), XXVI. P. 1, 97ff., No. 8978.

References

- Đurić, Ž. *Srpske političke stranke i pokreti u 19. i 20. veku. Ustavi, programi i statuti srpskih političkih stranaka do 1914. godine. Prva knjiga*. Beograd: Institut za političke studije, 2000, 432 p.
- Jovanović, R. “Crna Gora i Srbija za vrijeme Aneksione krize (1908–1909).” *Velike sile i Srbija pred Prvi svetski rat*. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 1976, pp. 565–576.
- Khlebnikova, V. B. *Chernogoriia: fenomen natsionalnoi gosudarstvennosti. 1878–1916*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2016, 239 p.
- Pisarev, Iu. A. *Velikije derzhavy i Balkany nakanune Pervoi mirovoi voiny*, ed. by T. M. Islamov, Moscow: Nauka, 1985, 285 p.
- Popov, R. “Serbiia, velikije derzhavy i vopros o kompensatsiakh v period Bosniiskogo krizisa 1908–1909 gg.” *Velike sile i Srbija pred Prvi svetski rat*. Beograd, Srpska akademija nauka i umetnosti, 1976, pp. 151–169.
- Sazonov, S. D. *Vospominaniia*. Minsk: Kharvest, 2002, 368 p.
- Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917*. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury, 1952, 464 p.
- Shemiakin, A. L. “Serbiia.” *Yugoslaviia v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii*. Moscow: Indrik, 2011, pp. 13–54.
- Shemiakin, A. L. “Spetsifika politicheskogo protsessa v nezavisimoi Serbii (1878–1918): mezhdru «natsionalnym idealom» i «grazhdanskim obtschestvom.»” *Osobennosti “novoi” yuzhnoslavianskoi gosudarstvennosti: Bolgariia, Serbiia, Chernogoriia, Korolevstvo SHS v 1878–1921*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2016, pp. 169–260.
- Stojančević, V. “Sukob Austro-Ugarske i Srbije u Kosovskom vilajetu 1900–1914.” *Velike sile i Srbija pred Prvi svetski rat*. Beograd, Srpska akademija nauka i umetnosti, 1976, pp. 551–563.
- Vinogradov, K. B. *Bosniiskii krizis 1908–1909 gg. Prolog Pervoi mirovoi voiny*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1964, 160 p.
- Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII — nachalo XX v.*, ed. by N. S. Kiniapina, Moscow: Nauka, 1978, 440 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.05

E. S. Kireeva

The Annexation crisis of 1908 as a turning point for Serbia's foreign policy

Ekaterina S. Kireeva (Sergeenko)
 Assistant professor
 Moscow State Linguistic University
 119034, Ostozhenka St. 38, Moscow, Russian Federation
 E-mail: ekaterina7_91@mail.ru
 ORCID: 0000-0003-1035-7882

Citation

Kireeva E. S. The Annexation crisis of 1908 as a turning point for Serbia's foreign policy // *Slavic almanac*. 2022. No 3–4. P. 114–127 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.05

Received: 01.07.2022.

Abstract

The article is devoted to one of the most important events in the history of the Balkan peninsula, namely the Annexation crisis of 1908. The author contemplates key points of the crisis and the details of the negotiation process, in which Austria-Hungary and Russia took active part. Besides that, special attention is dedicated to the impact of the Annexation of Bosnia and Herzegovina in 1908 on the policy of the Serbian state aimed at liberating and uniting all lands populated by Serbs, the Bosnian lands included. The Annexation and its subsequent recognition by the Ottoman Empire destroyed these plans. As a result, Serbia's course of foreign policy was revised and from that moment on Serbia had to focus on accession of another area with Serbian population — Kosovo. In addition, reactions of other concerned country, Montenegro, are dwelt upon. Together with Serbia, it opposed the actions of Austria-Hungary. Cetinje was hoping for a compensation and was waiting for Russia's support. The discovery in the State Archive of Austria of the unpublished memoir of an Austro-Hungarian politician Leopold von Berchtold (1863–1942) who was a witness to these events, enabled the author to have a closer look at the attitudes of Russia and Austria-Hungary who agreed to maintaining the status quo before the crisis. During the crisis, Berchtold was the ambassador of the Dual Monarchy in Saint Petersburg and could witness the Russia's reaction to the actions of Vienne. The article also takes into account the published memoir of the Russian diplomat and foreign Minister of the time S. D. Sazonov.

Keywords

Serbia, Bosnia and Herzegovina, Austria-Hungary, Annexation crisis of 1908, Serbia's foreign policy, international relations in the Balkans at the beginning of the 20th century.

УДК 93/94
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.06

А. В. Марчуков

**Социально-этические последствия
немецкой и румынской оккупации
(на примере южных и восточных областей УССР)**

Марчуков Андрей Владиславович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт российской истории РАН
117292, ул. Дмитрия Ульянова 19, Москва, Российская Федерация
E-mail: marchukov@mail.ru

Цитирование

Марчуков А. В. Социально-этические последствия немецкой и румынской оккупации (на примере южных и восточных областей УССР) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 128–151. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.06

Статья поступила в редакцию 21.07.2022.

Аннотация

В статье повествуется о некоторых социальных и морально-нравственных последствиях пребывания южных и восточных областей УССР под немецко-румынской оккупацией в 1941–1944 гг. Источниковой базой послужили стенограммы бесед, которые в конце 1943 – первой половине 1944 гг. вели сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР с жителями Донбасса, Одессы, Мелитополя и др. Это были люди разных возрастов, профессий, социальных групп, пережившие оккупацию или приехавшие в эти местности сразу после их освобождения. Политика немецких и румынских захватчиков и их поведение, помимо прочего, негативным образом повлияли на состояние правовой культуры, преступность, трудовые и семейные отношения, моральное состояние общества. Так, например, резко выросло такое явление, как взяточничество, которое служило, с одной стороны, средством обогащения одних, а с другой – способом выживания в бесчеловечных условиях оккупации других. Огромные масштабы приобрела спекуляция, ставшая подчас единственной возможностью выжить в условиях проводившейся захватчиками социально-экономической политики. Негативным моментом стала протитуция, легализованная оккупантами, и насаждаемые ими

моральное разложение и половая распущенность. Эти и многие другие негативные моменты потребовали от советской власти и самих людей дополнительных усилий по преодолению социально-этических последствий оккупации.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, Украина, оккупация.

Оккупация и ее восприятие

Великая Отечественная война принесла нашему народу неисчислимы страдания. Особенно тяжелые испытания выпали на долю тех, кто попал в оккупацию. Врагом были оккупированы огромные территории СССР, на которых проживали десятки миллионов человек. Власть захватчиков (немцев, румын, финнов) держалась там от нескольких месяцев до трех лет, а где-то и больше.

Говоря об оккупации и ее последствиях, чаще всего имеют в виду огромный ущерб, нанесенный народному хозяйству СССР, массовое уничтожение врагом гражданского населения и его гибель от вызванного политикой захватчиков голода, разрушения социальной сферы, здравоохранения. Политику оккупантов справедливо квалифицируют как геноцид. Моральным аспектам оккупации уделяется порой недостаточно внимания. А они влияли на социальную сферу, на жизнь отдельного человека и населения в целом, на мероприятия властей и ход восстановительных работ. О психологическом состоянии людей, переживших оккупацию, уже говорилось¹. Здесь же речь пойдет о некоторых моральных последствиях пребывания под оккупацией и о том, как они отразились на состоянии общества.

Изучение социально-этических последствий оккупации по ряду причин является непростым и предполагает наличие репрезентативных источников. Помимо прочих, большим подспорьем здесь могут служить документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, хранящиеся в Научном архиве Института российской истории РАН. Они являют собой стенограммы бесед с военнослужащими и гражданскими лицами, представителями разных

¹ *Марчуков А. В.* Радость, страх, вина, обида: психологическое состояние населения оккупированных территорий СССР во время и после оккупации (на примере юго-востока УССР, 1941–1945) // Труды Института российской истории РАН. В печати.

социальных и профессиональных групп: рабочими, инженерами, управленцами, интеллигенцией, сотрудниками органов власти (советских и даже оккупационных), партизанами и подпольщиками, людьми, пережившими оккупацию и приехавшими на освобожденные территории для восстановления хозяйства и налаживания мирной жизни. Эти интервью были взяты сотрудниками Комиссии в конце 1943 – первой половине 1944 гг. Из них можно составить впечатление о том, как люди воспринимали происходящее, что отмечали в первую очередь, что им бросалось в глаза. На основе субъективного и эмоционального восприятия происходящего конкретными людьми можно определить то главное, что отложилось в сознании и подсознании современников², и выйти обобщающий уровень.

В оккупации оказались разные регионы СССР, население которых порой заметно различалось в культурном и мировоззренческом плане, что отражалось на их восприятии происходящего. Ниже рассматривается реакция и социальное поведение населения южных и восточных областей Украинской ССР – экономически и стратегически важного, густонаселенного полиэтнического региона страны, являющего собой неотъемлемую часть русского культурно-исторического пространства.

Изменения, произошедшие за месяцы и годы немецкой и румынской оккупации, оказались настолько заметны, что не только бросались в глаза приезжавшим из тыловых районов представителям власти, хозяйственным работникам и т. д., но отмечались и самими жителями этих территорий, имевшими возможность сравнивать жизнь до оккупации, во время нее и после.

Самые яркие впечатления получали возвращающиеся из эвакуации люди (в том числе уроженцы данных мест). Имевшийся у них образ войны был сформирован государственной пропагандой и личным опытом: жизнью страны, напрягавшей все силы для разгрома захватчиков, голодавшей и холодавшей, жившей сводками с фронта и содрогавшейся от примеров чинимых врагом зверств. А вот для тех, кто оставался на оккупированной территории, все выглядело немного иначе. Зачастую оно было еще страшнее, чем об этом говорилось. Оккупация несла унижение, страх, смерть. Но можно было и выжить, причем даже не идя на сделку с совестью и не вставая на путь предательства.

² Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М., 2012. С. 38, 43, 56, 57.

Захватчики вели себя по-разному, и с ними приходилось жить долгое время бок о бок. Оттого в восприятии жителями оккупированных территорий войны имелись и нюансы.

И когда эти два насильно оторванных войной друг от друга мира вновь соединились, у приезжих порой возникало чувство диссонанса между увиденным и тем, как это, по их представлению, должно было быть. Все отличия от привычной им довоенной жизни и той жизни, которой во время войны жила страна, бросались в глаза. Так, назначенный председателем Мелитопольского горисполкома В. К. Филипповский, до войны живший и работавший в этом городе, по возвращении в Мелитополь признавался: «Я ожидал другое увидеть, получилось наоборот»³. О негативных явлениях в газетах и по радио не говорили. Но на уровне личного восприятия все было сложнее.

Необходимо подчеркнуть, что в глаза зачастую бросались именно негативные моменты. На хорошем нередко не акцентировали внимания, ведь оно воспринималось как должное, как норма. Поэтому многочисленные примеры преданности, верности, добросовестного труда, честности и порядочности, которую демонстрировали миллионы людей, переживших оккупацию, – мужчин и женщин, взрослых и детей, – как бы ускользали. О них говорили – но чаще как раз те, кто сам находился в оккупации и лично наблюдал, как по-разному могут вести себя люди в сложной ситуации. Рассказывали, как в меру возможностей сопротивлялись врагу, как старались помочь военнопленным и сохранить связь с Родиной, как радовались освобождению и прилагали все силы для скорейшего восстановления разрушенной жизни. А ведь именно это, а не отрицательные явления, и определяло морально-нравственное состояние населения освобожденных территорий.

Линия фронта поделила страну на две части, оказавшиеся в совершенно разных условиях. По одну сторону была независимость, советская власть, прежние устои жизни, только более строгие в условиях военного времени. По другую – режим, установленный оккупантами, с прямо противоположным отношением к этой земле, людям, социальным отношениям, культуре и нравственности. Иное бытие не могло не отразиться на сознании, социальных отношениях, поведении, морали.

³ Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 2. Л. 4 об.

Преступность и правонарушения

Одним из маркеров социальной ситуации в обществе и состояния морали является уровень преступности. В годы войны он заметно вырос. Борьбу с различными правонарушениями и уголовными преступлениями советские правоохранительные органы вели и в тылу, где уровень преступности тоже вырос. Но здесь, на ранее оккупированных территориях, они стали не просто следствием военного лихолетья, но и результатом политики оккупационных властей. Выжить, приспособиться к новым обстоятельствам – такой императив определял поведение людей. А он мог пониматься и выражаться по-разному: от самых высоких проявлений преданности, взаимопомощи и самопожертвования до самых низменных, подлых и преступных. Многие люди, пережившие оккупацию, были поражены масштабами предательства, поразившего общество.

Спутником военного времени, тем более на территориях, где сменялась власть и шли боевые действия, становился рост тяжких преступлений: убийств, грабежей, а также краж и мародерства. На руках оказалось много оружия, жизнь человеческая сильно «подешевела», проснулись подавляемые до этого чувства и склонности. Увеличилось количество антисоциального элемента: дезертиров, полицаяев и карателей, не сумевших уйти с немцами или оставленных ими нарочно, диверсантов, которые притягивали к себе уголовный элемент и сливались с ним. Но помимо бандитизма и уголовщины были и другие противоправные последствия войны и оккупации.

Взятничество

Первое, что обращало на себя внимание и приезжих, и местных, – это огромный рост взятничества. Он стал следствием оккупационной действительности и за проведенные в оккупации месяцы и годы превратился в привычное явление. «Немцы в свою бытность внедрили взятничество, – отмечал в конце февраля 1944 года прокурор Центрального района Сталино (впоследствии Донецк) Н. А. Фирябов. – Это развито очень сильно»⁴.

Одной из главных целей Германии и ее союзников являлось ограбление захваченных территорий и их экономическая эксплуатация. По признанию и тех, кто пережил оккупацию, и даже самих немцев, качество немецкого чиновного аппарата было низким (не

4 Там же. Оп. 12. Д. 8. Л. 1.

говоря уже о румынском). На эту работу из Рейха приезжали далеко не самые квалифицированные и высоконравственные люди. Они «все тупейший и отвратительнейший народ... Их и фронтовики презирали», – говорил об этих кадрах заведующий кафедрой Сталинского медицинского института А. В. Войнар⁵. Жажда наживы, алчность, моральная нечистоплотность стали чертой оккупационной администрации. Все это укладывалось в общее отношение захватчиков к местному населению и подогревалось нацистскими идеями о культурной и расовой неполноценности завоеванного населения, которое должно или исчезнуть, или прислуживать немецким хозяевам.

«Немцы большие хабарники (взяточники)», – говорил о представителях «высшей расы» Г. Н. Шатунов, в период оккупации работавший секретарем городской управы Мелитополя⁶. Так вели себя представители немецкой власти не только в городах, но и в сельской местности, в частности немецкие начальники сельхозпредприятий и машинно-тракторных станций, зондерфюреры. Так, в Макеевском районе за взятку они готовы были записывать хозяйствам меньшие размеры запашки, в этом случае крестьяне сдавали бы меньше зерна для отправки в Германию⁷.

Подлинным «царством взяточничества» стала румынская оккупационная зона. Оказавшиеся под румынским правлением советские граждане были потрясены распространением среди румын мздоимства. «У них все построено на взяточничестве», – говорил оперный певец Н. А. Дейнар. – Брали взятки от солдата до большого офицера»⁸. «Я не знаю и не слышал ни про одного румынского полицейского или жандармского офицера или солдата, которые бы не брали взятки в той или иной форме. Брали вещами, деньгами, у женщин – натурой», – говорил о нравах румын адвокат, юри-консульт Одесского облисполкома Я. Б. Бродский. В военном суде и прокуратуре тоже «широко практиковалось взяточничество. Лица, не бравшие взятки, были исключением»⁹. «У румын все зиждется на взятках», причем берут и дают их они «очень наглядно и очень откровенно», рассказывал о царивших на румынской железной дороге

5 Там же. Д. 12. Л. 4.

6 Там же. Оп. 11. Д. 10. Л. 3 об.

7 Там же. Оп. 12. Д. 26. Л. 2 об., 3.

8 Там же. Оп. 14. Д. 1. Л. 6.

9 Там же. Д. 7. Л. 3, 3 об.

нравах Э. М. Кириллов, отмечая, кстати, что «у немцев это не наблюдалось» (правда, и немцев в Одессе было не так много, и управляли городом они недолго)¹⁰. Взяточничество процветало во всех сферах, где присутствовали румыны¹¹.

Не отставали от немцев и румын и местные жители – сотрудники управ и прочих вспомогательных органов власти, полиции, хозяйственных организаций, а вслед за ними и простые люди. Влияние было взаимным: местные смотрели на поведение новых «хозяев», а те не пресекали и даже поощряли мздоимство местных. Причем наделенные властью взяточники не только выступали пассивным объектом, но и сами склоняли людей к даче взяток¹². «Взятки процветали везде и всюду. За взятку можно было купить все что угодно», – рассказывал о жизни в оккупированном Донбассе заместитель начальника доменного цеха Сталинского металлургического завода П. П. Гладкоскок¹³.

Взятка стала чуть ли не нормой взаимоотношений между людьми и властью. Однако в условиях оккупации она оказывалась не только преступлением или некрасивым с точки зрения морали поступком, но и средством выживания и взаимопомощи. При нехватке продуктов, лекарств, низких зарплатах, а у многих и отсутствии официального заработка взятка помогала получить необходимое и выжить. Без взятки полицейскому или официальному лицу можно было потерять возможность торговать на базаре, лишиться тележки или санок, с которыми горожане отправлялись в деревни на «менку» – обмен вещей и промышленных товаров на продукты, или самих продуктов и товаров. А «менками» занимались тысячи людей. Жители Донбасса, к примеру, отправлялись в села Запорожской, Днепропетровской, Харьковской областей, порой по дорогам тянулись целые караваны из сотен таких санок и тележек. «Менки» становились подчас единственным средством существования многих семей.

Сложившаяся система взаимоотношений между населением и представителями власти (местной и немецко-румынской), между людьми, между организациями привела к тому, что часто многие вопросы можно было решить неформально, в обход действовавших приказов и распоряжений, за деньги, продукты, вещи, натуру. За взятку можно было получить нужную справку или откупиться от угона

10 Там же. Д. 21. Л. 2, 2 об.

11 Там же. Л. 2; Д. 13. Л. 1 об.–2; Д. 16. Л. 4 об.; Д. 23. Л. 2 об.

12 Там же. Оп. 12. Д. 8. Л. 1.

13 Там же. Д. 5. Л. 2 об.

на работы в Германию и от общественных работ (например, строительства немецких оборонительных сооружений и аэродромов). Взятки помогали спасти жизнь, откупившись от ареста и тюрьмы. Так, для освобождения из-под стражи участницы краснодонской «Молодой гвардии» С. И. Иванцовой требовалось собрать 350–400 рублей и передать их полицейским¹⁴. А приговоренному к расстрелу подпольщику И. С. Крючкову переводчик отдела полевой полиции в Алмазной (тоже в Донбассе) помог устроить побег за три литра самогона и 50 яиц¹⁵. Особенно часто такие «услуги» предоставляли румыны.

Дав взятку, можно было избежать наказания за саботаж и плохую работу. «Спасало то, что как в порту, так и в других учреждениях процветало взяточничество», – объяснял ситуацию комендант здания управления Одесского порта Н. Н. Вихров¹⁶. «Кажется, единственным спасением был подкуп» наделенного какой-либо властью лица, вторила ему терапевт поликлиники № 2 города Сталино С. П. Нериявская¹⁷. «Благодарности» помогали спасти военнопленных, которых за взятку охране лагеря или начальству можно было подкормить или выкупить из плена, справить им поддельные или вполне настоящие документы. То же относилось и к спасению евреев. Имелись случаи, когда выкупом или выдачей таких документов занимались подпольщики – сами или прибегая к помощи других людей¹⁸. Так взятка становилась формой сопротивления оккупантам.

Не только сотрудники управ, контор и полицейские занимались таким «общественно-полезным» взяточничеством. Выдачей «липовых» справок о нетрудоспособности или о занятости человека на какой-либо работе занимались врачи и прочие медицинские работники¹⁹. Порой это делалось с целью спасти человека, порой с целью заработка. Тогда стоимость нужной справки (например, от угона в Германию) могла стоить дорого. На цену влияли и обстоятельства, прежде всего риск. Упоминалось, что в Мелитополе за нужную справку брали до 30 тысяч²⁰.

14 «Молодая гвардия» (г. Краснодон) – художественный образ и историческая реальность. Сборник документов и материалов. М., 2003. С. 321.

15 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 35. Л. 8, 9.

16 Там же. Оп. 14. Д. 12. Л. 1.

17 Там же. Оп. 12. Д. 16. Л. 1 об.

18 Там же. Оп. 11. Д. 10. Л. 4, 4 об.; Д. 11. Л. 9 об.

19 Там же. Оп. 12. Д. 16. Л. 1 об., 2.

20 Там же. Оп. 11. Д. 9. Л. 3 об., 4.

Взятка становилась повседневностью, а зачастую и спасением. При оккупации это позволяло худо-бедно существовать, а часто и сохранить жизнь. После освобождения инерция сознания сохранилась, и налаженную систему взаимоотношений некоторые попытались было продолжить и в новых условиях. Но теперь взятка становилась тормозом восстановления народного хозяйства, средством разложения правовой системы и морали, дискредитации государства. Она вновь рассматривалась как аморальный поступок и квалифицировалась как уголовное преступление.

Николай Фирябов приводил несколько характерных случаев попытки «отблагодарить» его самого и других представителей власти за «нужное» решение вопроса. Например, за хищение и спекуляцию был арестован заведующий магазином Конишук и его поделщики, среди которых «невзрачная» на вид женщина. Ее мать просила освободить дочь под подписку о невыезде. И прокурор пошел ей навстречу. «Она моментально лезет под пальто и достает жмут, сверток какой-то и бух мне на стол», — рассказывал Фирябов. Он вызвал следователя и помощника, сверток вскрыли, и там оказалось две тысячи рублей. Реакция была предсказуема: дочь под подписку не выпустили, а ее мать, пытавшуюся «отблагодарить» начальников, арестовали. Подобных примеров было немало. И не все представители власти и правоохранительных органов, не говоря уже о работниках коммунальной сферы, снабжения и торговли, оказывались честными и щепетильными в этом вопросе.

Взятничество в СССР было распространено, несмотря на заверения советской власти, что она покончит с этим «пережитком прошлого». С середины войны обозначился рост этого явления, так что в первые послевоенные годы даже прошла кампания по борьбе со взятничеством²¹. Однако тот разгул мздоимства, который обнаружился на освобожденных территориях и о котором говорили пережившие оккупацию, был настолько велик, что не мог остаться незамеченным даже на «привычном» фоне. «Меня поражает, почему люди так смело действуют, — удивлялся Фирябов. — Или так уже привыкли, или думают, что русские брали тогда взятки, эти тоже русские, наверное, и они берут взятки»²². По-видимому, положение дел на освобожденных территориях стало одной из причин, заставивших правоохранительные органы и власти обратить внимание на это явление и усилить борьбу с ним.

21 Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине. 1943–1953. М., 2021. С. 132, 134, 143, 156, 159.

22 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 8. Л. 1.

Подделка документов

Рука об руку со взятничеством шла подделка документов, особенно различных справок, которая приобрела размах при немцах и румынах. Тогда фальшивые паспорта, справки с биржи труда, как и настоящие, но добытые в обход закона и за деньги документы, помогали обрести свободу и спастись сотням человек. Получение таких справок и документов становилось одной из важнейших задач подпольщиков (например, мелитопольских)²³. Зачастую это доходное дело находилось в руках уголовного элемента, промышлявшего изготовлением фальшивых документов и до войны. По словам одесской подпольщицы А. К. Татариновой, «многие справки покупали», в том числе через воришек²⁴.

Продолжилась эта практика и после возвращения советской власти. Запрос на фальшивые или «нужные» документы был. Их стремились добыть те, кто сотрудничал с оккупантами, но не успел с ними уйти. Подделывали офицерские и солдатские документы, которыми пользовались преступники и дезертиры, выдававшие себя за военнослужащих, а также немецкая агентура.

Но чаще всего действовала сила обретенной привычки. Если раньше подделывали или покупали справки, чтобы не быть угнанным в Германию, то теперь это делали, чтобы уклониться от мобилизации на общественные работы по расчистке и восстановлению городов и промышленных объектов. А также на производство и добычу ископаемых. Так, только на начало 1944 года на восстановление угольной промышленности Донбасса было направлено свыше 143 тысяч юношей и девушек из освобожденных к тому времени областей УССР²⁵. «Все пугаются работы в Донбассе, хотя есть сведения, что сейчас там не так плохо, как говорят», — описывал распространенные страхи (в данном случае жителей города Лебедин Сумской области) директор местного музея Б. К. Руднев²⁶. И некоторые вставали на путь подлога. К примеру, жена одного из работников стройконторы комбината Сталинуголь Левинская выправила через родню справку о том,

23 Там же. Оп. 11. Д. 4. Л. 3 об., 4.

24 Там же. Оп. 14. Д. 34. Л. 2 об.

25 Чернега П. М. Підготовка робітничих кадрів у промисловості України в роки Другої Світової війни // Сторінки воєнної історії України. Збірник наукових статей. Київ, 2005. Вип. 9. Ч. 3. С. 172.

26 Руднев Б. К. Дневник оккупации: г. Лебедин Сумской области. Харьков, 2011. С. 66.

что работает в пошивочной мастерской, и еще одну такую же – уже от заведующей этой мастерской. Обман раскрылся, и все три женщины были осуждены к лишению свободы. Мужчин, уличенных в подделке документов, чаще судили с отправкой на фронт.

В поле зрения оказывались и медики. Так, в Сталино было осуждено трое врачей. Они выдали освобождения от мобилизации на производство 83 желающим (стоимость справки доходила до двух тысяч рублей). Получив сведения об этом (что характерно, от населения) и взяв одного из врачей с поличным, власти организовали новую медкомиссию. Из этих 83 человек негодными были признаны всего 28, тогда как остальные 55 оказались здоровыми и пригодными к труду на производстве²⁷.

Спекуляция и собственность

Большой проблемой стала спекуляция. Представители советской власти прекрасно понимали, что при немцах и румынах этим промыслом занимались десятки тысяч человек, и прожить они смогли, только покупая и перепродавая. «Ездили в деревню менять. Жили, как по этому времени называют, спекуляцией, потому что привезешь, продашь, чтобы другой раз поехать, а так менять ничего не было, – объяснял ситуацию обермастер доменного цеха завода имени Сталина Д. А. Пысев. – На базаре купишь кое-что, выменяешь, так и переворачивались»²⁸. Крутились, нередко переступая через себя. «Все нужно было доставать через всяких спекулянтов», – рассказывал профессор А. Войнар. Ученые превращались в «базарных торговков», спекулянтов, и это плохо отражалось на психологическом состоянии и самооценке многих людей, особенно представителей интеллигенции²⁹.

«Мы сейчас не препятствуем торговле, но препятствуем спекуляции», – пояснял Н. Фирябов. Ведь «люди исключительно живут тем, что купят, перепродают». Особенно было «неудобно наказывать» жен и членов семей военнослужащих. Их предупреждали, но к уголовной ответственности не привлекали. Разумеется, на злостных спекулянтов, которые нигде не работали, но у которых при обысках находили десятки тысяч рублей и большое количество разнообразных товаров, это не распространялось³⁰.

27 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 8. Л. 2–2 об.

28 Там же. Оп. 12. Д. 5. Л. 10 об.

29 Там же. Д. 12. Л. 2 об.

30 Там же. Л. 2.

Всплыл и квартирный вопрос. За время оккупации часть горожан сменила квартиры. Немцы выселяли людей из их жилья, забирая его под свои нужды или предоставляя его тем, кого считали своей опорой (например, советским гражданам немецкой национальности). Но бывало, что выселяемым они предоставляли и жилье получше. А ушлые люди и самостоятельно занимали хорошие пустующие квартиры, принадлежавшие тем, кто уехал в эвакуацию, был арестован или уничтожен немцами (например, евреям)³¹. Когда владельцы жилья стали возвращаться из эвакуации, начались споры и суды за жилплощадь. Государство вставало на сторону прежних владельцев, что не могло понравиться новым собственникам. Эвакуированные обвиняли тех, кто жил в оккупации, в предательстве, те, в свою очередь, обвиняли приезжающих в том, что они отсиживались в тылу и не представляют, каково было под оккупантами. В том случае, если вернувшиеся оказывались евреями, споры за жилплощадь приводили к росту антисемитизма. «Отношение к евреям у населения нехорошее», – свидетельствовал в этой связи прокурор Центрального района Сталино³².

Приходилось разбираться и с имуществом, главным образом государственным и общественным (отыскать личное было труднее), которое растаскивали люди в тот короткий промежуток безвластия, когда Красная армия и советская власть оставляли населенный пункт, а немцы еще туда не вступали. Это было массовым явлением, прокатившимся по всем занимаемым врагом местностям. Тащили всё: товары из магазинов и складов (особенно там, где власти не выдавали запасы), имущество и оборудование промышленных и сельскохозяйственных объектов, учреждений, больниц и поликлиник, школ, музеев. Подчас первыми, кто приступал к растаскиванию, были сами сотрудники этих учреждений, больниц или учащиеся учебных заведений. Основным контингентом мародеров и расхитителей оказались уголовники, деклассированные элементы, а также женщины и подростки, причем последние таскали, громили и портили еще и из озорства и шалости³³.

«На моих глазах разбивали аптеку и магазины и грабили, грабили всё, – вспоминал тяжелые дни начала октября 1941 г. завуч, а потом

31 Там же. Л. 2 об., 3 об.; *Власов К. П.* Война глазами харьковского подростка. Харьков, 2015. С. 12, 13.

32 Там же. Л. 2 об., 3 об.

33 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 228. Оп. 747. Д. 3. Л. 186, 248; Д. 7. Л. 369; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 12. Л. 1, 1 об.; Д. 14. Л. 1.

директор одной из мелитопольских школ Н. А. Дрюцкий. – Всякого, кто осмеливался протестовать, избивали». Многие, оправдываясь, заявляли, что «это за нашу копейку приобретено»³⁴. «Распоясались во всю силу первобытные инстинкты, и никто их не сдерживал», – отзывался о пережитом заведующий кафедрой Сталинского индустриального института В. А. Поляков³⁵. Этот «повальный грабеж» для некоторых оказался неожиданным, настолько поведение мародеров контрастировало с теми принципами, на которых все предыдущие годы велось воспитание советских граждан³⁶.

Тащили даже то, что было совершенно не нужно. «Наш сосед, – вспоминал харьковчанин К. П. Власов, – зашел в полностью опустошенный магазин, чтобы хоть что-нибудь унести, притащил домой большую гипсовую статую девушки с теннисной ракеткой в руках». Эта статуя «много лет простояла у него в квартире как символ борьбы с немецкими захватчиками»³⁷. Впрочем, разграбленные продуктовые и вещевые запасы позволили многим пережить суровое время оккупации и особенно трудные осень – зиму 1941–1942 гг.

Немцы требовали вернуть разграбленное, но в первую очередь промышленное и колхозно-совхозное имущество и товары, хотя порой, как, к примеру, в Лебедине Сумской области, грабежи какое-то время продолжались и при них³⁸. Кое-где, например в Мелитополе, немцы фотографировали сцены мародерства – для иллюстрации «дикости» и «варварства» местного населения³⁹. Но многое награбленное, особенно личное имущество, осталось у новых владельцев. Такой массовый психоз тоже оказал влияние на эрзю морального состояния какой-то части населения.

Отношение к труду

Рост преступности и иных правонарушений во многом явился следствием состояния общества, пережившего пребывание в оккупации. А именно усилившейся разболтанности и распушенности, что фиксировали приезжие и местные жители. Ослабление дисциплины имело важные в условиях войны последствия, отразившись на отношении некоторой части населения к труду.

34 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 9. Л. 1 об.

35 Там же. Оп. 12. Д. 14. Л. 1.

36 Там же. Д. 13. Л. 1, 1 об.

37 Власов К.П. Война глазами харьковского подростка. С. 20.

38 Руднев Б. К. Дневник оккупации. С. 7, 8, 10, 11.

39 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 9. Л. 1 об.

Всю войну СССР испытывал дефицит рабочей силы, особенно квалифицированных кадров. Так было в тылу, так случалось и на освобожденных территориях⁴⁰. Часть тружеников находилась в эвакуации и еще не вернулась или не могла вернуться, задействованная на новом месте работы. Другие погибли, третьи были на фронте или призывались в армию, некоторые были увезены немцами или, запуганные, ушли с ними. В Одессе, к примеру, летом 1944 года в наличии имелось лишь примерно 20 % квалифицированных трудовых кадров от довоенного уровня. Поэтому для расчистки и восстановления коммунального хозяйства и промышленных объектов и проводились трудовые мобилизации.

Мужчин, как правило, направляли на более важные объекты – предприятия угольной и металлургической промышленности, а на «менее важные» набирали подростков, женщин-домохозяек, многие из которых на производстве никогда не работали, и старых рабочих-пенсионеров. Привлекали и пленных, но те рвения не выказывали и старались скрыть свою профессию. По словам заведующего отделом машиностроительной промышленности Одесского обкома партии Н. Ф. Чернявского, мобилизации нужного эффекта не давали: кто-то из новичков осваивался быстро, но большей части овладеть непростой профессией было трудно, а женщин отвлекали семейные дела⁴¹.

Это были объективные трудности, такое было и в тылу. Но на освобожденных от врага территориях имелись и особенности, доставшиеся от оккупации. Когда одни трудились на расчистке городского хозяйства и заводов, восстанавливали и ремонтировали разрушенные здания, старались овладеть рабочей специальностью, другие предпочитали откупиться. И находили тех, кто готов был пойти навстречу и за взятку выдать справку-освобождение от работ. Так, некоторые врачи Смоляниновской больницы г. Сталино за деньги и продукты давали освобождения от работ по восстановлению больницы⁴². Прибывшие из эвакуации работники отмечали разболтанность людей, желание некоторых увильнуть от работы, что отличалось от того, с чем им приходилось иметь дело в тылу и как это было до оккупации. Уклоняющихся и дезертирующих с трудового

40 Великая Отечественная война 1944–1945 годов. М., 2013. Т. 7. Экономика и оружие войны. С. 191, 203, 204, 205.

41 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 14. Д. 42. Л. 4, 4 об.

42 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 1. Л. 6.

фронта судили (в основном, на год исправительно-трудовых работ), при повторном случае наступала уголовная ответственность⁴³.

Проводившаяся немцами политика деиндустриализации, экономического грабежа и принуждения к труду при помощи физического насилия (избиений, в том числе палками), штрафов и иных наказаний на тех предприятиях, которые им были нужны, порождали среди работников саботаж, симулирование работы и большую текучку. «Из рабочих никто не хотел работать, – рассказывал заместитель начальника доменного цеха Сталинского металлургического завода Гладкоскок, – все старались собраться где-нибудь кучкой в стороне, чтобы не работать»⁴⁴.

Чтобы не оказаться подвергнутыми наказанию, делали вид, что работают, пока немецкие начальники или верные им люди присутствовали в цехах, ставили «часовых», предупреждавших о появлении немцев и их прислужников. И работали спустя рукава или «на сторону», делая на продажу зажигалки, ведра и прочие кустарные вещи. Прогуливали, откупались или пользовались тем, что многие начальники (русские) смотрели на все это сквозь пальцы⁴⁵. «Каждый отбывал работу в виде наказания», – отзывался о труде на немцев и румын комендант здания управления Одесского порта Н. Н. Вихров. Создавали видимость для начальства, дополнял его главный механик Одесского судоремонтного завода А. С. Юрков⁴⁶. Результатом становилось падение качества производства, производительности труда и трудовой дисциплины.

Границу между «волынкой», расхлябанностью и сознательным саботажем провести было порой нелегко. Так, не желая помогать врагу, вывозившему зерно и прочие товары, грузчики и рабочие одесского порта трудились нарочито медленно, часто устраивали перекуры, перерывы, за полдня выполняли работу, на которую раньше тратили час-два, а после обеда могли и вовсе уйти, «договорившись» с румынской охраной⁴⁷. На занятых немцами территориях дело обстояло строже, но и там общей чертой было отлынивание от работы. «Народ не хотел ничего делать, – говорил А. Войнар. – По-настоящему работала только горстка предателей, а обычные рядовые обыватели

работали постольку поскольку, лишь бы отбыть. Интересы к работе не было и не могло быть. У рядовых работников было тупое чувство покорности, лишь бы прожить»⁴⁸.

Теперь же, после освобождения, это дало неожиданный, хоть и логичный эффект: люди выбились из трудового ритма. И быстро перестроиться на прежний лад было непросто. «Немцы... очень сильно повлияли на то, что не обязательно всем работать, очень много внесли лени», – указывал на причину такого отношения к труду председатель Сталинского горисполкома Ф. В. Старовойтов. Многие «привыкли два года по существу не работать, а торговать, менять, спекулировать, а теперь надо идти в шахту или на завод». И в результате «вместо того, чтобы пойти сейчас же на работу, мы вынуждены были прибегать к мобилизации, причем в административном порядке. Мы с большим трудом привлекали население трудоспособное к работе в промышленности, – жаловался он. – Многие просто разучились работать. Бывало, люди говорили: “Немцы заставляли, и вы заставляете работать”». Согласны с ним были и другие работники⁴⁹.

«В городе считалось хорошо, если... не работают на немцев, и привыкли не работать, разленились», – считал заместитель председателя Сталинского облисполкома по сельскому хозяйству В. З. Гордиенко. Крестьяне тоже не все горели желанием работать (хотя были и те, кто верил немецкой пропаганде о наделении крестьян землей и инвентарем), но в деревне уклониться от работ было труднее⁵⁰, а сельскохозяйственные товары немцам были нужнее, чем промышленные, оттого и спрос строже.

Не только лень была тому виной – не все могли сразу включиться в тот суровый темп, которым жила страна (и сами они до оккупации). «Нужно сказать, что период оккупации бесследно не прошел, – делился своими ощущениями ассистент кафедры Сталинского индустриального института Ф. И. Билак, – все-таки люди чувствуют себя неорганизованно, отвыкли от организованности»⁵¹. Они сами это понимали и стремились наверстать упущенное.

Следствием всего этого стала потеря квалификации. Коснулась она тех, кого в большей степени затронула социальная политика немецких оккупантов, – не только рабочих, чьи предприятия

43 Великая Отечественная война 1944–1945 годов. Т. 7. С. 205.

44 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 12. Д. 5. Л. 2 об.

45 Там же. Д. 3. Л. 2 об.; Д. 5. Л. 18 об., 23 об.

46 Там же. Оп. 14. Д. 12. Л. 1; Д. 10. Л. 6 об.

47 Там же. Д. 12. Л. 4 об.; Д. 10. Л. 3, 3 об.; Д. 31. Л. 7, 8.

48 Там же. Д. 12. Л. 4.

49 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 1. Л. 5 об.; Д. 5. Л. 6.

50 Там же. Р. VI. Оп. 12. Д. 25. Л. 3.

51 Там же. Оп. 11. Д. 10. Л. 3; Оп. 12. Д. 9. Л. 9 об.

простаивали или работа на них еле теплилась, но и учителей и научной интеллигенции, из-за закрытия учебных заведений вынужденных торговать или подстраиваться под установленные немцами куцые «образовательные стандарты».

Имелись и другие следствия моральной разболтанности и паде-ния трудовой дисциплины – обман, приписки, расхитительство. Например, при немцах на шахтах разбазаривался уголь. Воровством угля занимались не только работники предприятий и население, но и местные начальники и сами немцы (как на шахте имени Димитрова, о чем поведал заместитель ее начальника, а во время оккупации – партизан П. И. Белоцерковский)⁵². В тех условиях такое поведение было даже оправданно. Уголь разбирали для своих нужд, им торговали, обменивали на продукты и т. д. – выживали и лишали угля немцев (тем даже приходилось завозить на Донбасс уголь из Европы). Для сокрытия убыли использовались различные уловки и приписки. По словам заведующего шахтой № 5/6 имени Димитрова Н. И. Григоренко, «сами немцы настраивали на эту систему», занимались этим и отдельные руководители шахт. А если ворует начальство, то заниматься тем же принимаются и подчиненные⁵³.

В одесском порту царил принцип: «растаскивай, воруй, прячь и наживайся», отмечалось в докладной записке инженера Ткачевича от 12 апреля 1944 г. И не только среди румын, «было распространено хищение и среди русских рабочих»⁵⁴. Румыны, сами большие воры, занимавшиеся этим почти открыто, разрешали воровать и другим. «За это румыны никогда не ругали, – рассказывал зоотехник Одесского областного земельного управления С. П. Шох. – Только не попадайся. Попадешься, побьют, но тоже больше ничего не будет»⁵⁵.

Такая тенденция – подворовывать, заниматься приписками, в том числе чтобы скрыть недостачу, – имелась и после изгнания оккупантов, когда началось восстановление хозяйства. Потребовалось принимать разные меры – экономического, дисциплинарного и иного свойства, чтобы эту практику пресечь или привести к довоенному уровню⁵⁶.

52 Там же. Оп. 12. Д. 24. Л. 1 об.

53 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 6а. Л. 4 об.

54 Там же. Р. VI. Оп. 14. Д. 31. Л. 4 об., 7, 8.

55 Там же. Д. 24. Л. 3 об.

56 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 6а. Л. 4 об.

Семейные и сексуальные отношения

Оккупация, политика захватчиков и стремление выжить вели к ослаблению моральных запретов и норм. И если одних людей трудные условия закаляли и укрепляли в лучших качествах, то других – наоборот. Ослабление дисциплины и морально-нравственных устоев затронуло не только правовую культуру и трудовые отношения. Выражалось оно и в виде выросшей по сравнению с довоенным временем половой распущенности. Захватчики вели себя по отношению к местному населению как хозяева, стремясь удовлетворять за его счет любые свои потребности. А политика расчеловечивания попавшего под их власть населения и примитивизации уровня их развития и потребностей не могла не затронуть и сферу половых отношений

Не только прямое сексуальное насилие, но и сознательно насаждаемый или возникающий вследствие всего происходящего разврат порождали «свободу нравов», которая не обошла некоторую часть женщин и девушек. Одной из самых характерных черт этого, по мнению большинства людей, было сожительство с оккупантами⁵⁷. Так, председателя мелитопольского горисполкома В. К. Филипповского неприятно поразило то, что в его родном городе и прилегающих местностях нашлись женщины, соживавшие с немцами, получавшие от них подарки, ездившие с ними на море на пляж (многие труженики советского тыла не могли мечтать не то что о курортах, но даже об отпусках), а потом уехавшие с ними. Оказались среди таких женщин и жены коммунистов⁵⁸. Не только женщины, но и не вся молодежь, по его мнению, выдержала проверку войной.

«Свобода нравов» оборачивалась ростом венерических заболеваний, нежелательных беременностей и аборт. Все это соответствовало планам оккупантов по моральному и физическому разложению советских людей, и в первую очередь русских. Профессор медицины А. И. Чаругин, возглавлявший при немцах отдел здравоохранения Юзовской городской управы, описывал «отстраненность» захватчиков: «Немцы говорили: делайте так, как считаете нужным. Делали аборты, кто хотел, и сестры, и санитарки. Приходилось уже вмешиваться, чтобы аборты делались по медпоказаниям»⁵⁹. А еще насаждаемая «свобода

57 Марчуков А. В. «Жизнь под немцем»: сексуальное насилие в оккупированных областях Украинской ССР (1941–1943 гг.) // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 1. В печати.

58 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 2. Л. 4 об.

59 Там же. Оп. 12. Д. 13. Л. 4 об.

нравов» приводила к социальным (прижитые от немцев и румын дети, увеличение случаев оставления детей) и семейным проблемам.

Война вообще и пребывание в оккупации отразились и на состоянии семейных отношений, семьи распались, выросло количество разводов. Люди вели себя в условиях оккупации по-разному, порой это относилось даже к членам одной семьи. Случалось, одни родственники или члены семьи, например служившие в полиции или просто лояльные оккупационным властям, выдавали других – тех, кто был связан с партизанами и подпольщиками и был нелоялен к захватчикам. Стоит упомянуть судьбу молодогвардейца О. Кошевого, по одной из версий выданного полиции по доносу своего родственника⁶⁰. А нередко имело место сведение счетов.

После освобождения наступил черед возмездия. Вот всего один пример. В Мелитополе в органы власти обратилась дочь некоего Усачева и потребовала расстрелять своего отца за то, что он выдал немцам ее мужа-партизана. Чем закончилась эта история, наличествующие документы умалчивают, но важен сам факт. Присутствовала в этом деле и одна любопытная деталь, характеризующая партизанское движение и вообще тот выбор, который в те годы делал каждый человек. Муж этой женщины, выданный своим тестем, до революции был зажиточным человеком, а в гражданскую войну воевал в белой армии⁶¹. А вот теперь стал советским партизаном.

Проверку на прочность пришлось выдержать и семьям, один из членов которой (чаще муж) был в армии или эвакуации, а другой (чаще жена) в оккупации. Помимо общих причин, приводивших к распаду семей, где супруги оказались разделены расстоянием и условиями жизни, была и специфическая, а именно связь женщин с оккупантами. Когда их поведение становилось известно, мужья обращались в органы власти с просьбой дать развод, арестовать имущество и забрать у таких женщин общих детей⁶².

Дети и молодежь

Негативно отразилось пребывание в оккупации на молодежи и детях. Немцы ставили перед собой цель свести уровень образования покоренного населения к минимуму. Намеренное упрощение

60 «Молодая гвардия» (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность. С. 26, 321.

61 НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 11. Д. 2. Л. 5 об.

62 Там же. Оп. 12. Д. 8. Л. 3.

образовательных программ (по количеству изучаемых предметов и глубине изучения) и, тем более, закрытие школ и иных учебных заведений не могло не отразиться на уровне образования и качестве знаний. Где-то дети и сами не хотели идти в «немецкую» школу. Они часто понимали происходящее лучше многих взрослых, занимая антинемецкие патриотические позиции⁶³. Румыны задачу ликвидации системы образования не ставили, делая ставку на ее румынизацию и «обоснование» присоединения к Румынии захваченных ими территорий. Но несмотря на работающие школы, лицеи и вузы, уровень образования понизился и там. Румынизация шла туго, возвеличивание румынского языка и прославление румынской армии вызывали у учащихся смех⁶⁴.

Для многих детей и молодежи проведенные в оккупации месяцы и годы стали потерянным временем. Дети оказывались предоставлены самим себе, а это вело к росту беспризорности, преступности. Дети и подростки слонялись без дела, хулиганили, а то и занимались кражами, мародерством⁶⁵ (некоторые начали это делать в момент прихода немцев, а потом не могли остановиться), появились подростковые банды. Да и кое-кого из тех, кто не встал на воровской путь, улица «разбаловала». Кто-то оказывался в рядах «транспортников», таская тележки и санки с грузом для немцев, другие становились чистильщиками и носильщиками. Причем работали они именно на иноземцев. «Если наши обращались, – рассказывал А. Чаругин, – они отказывали, говорили, что делают только для немцев». Разрушение социальных устоев, медицинского обслуживания, полуголодное существование, жизнь на улице и военные условия вели к росту детского травматизма, заболеваемости, смертности, становились дети и жертвами немецкой политики геноцида⁶⁶.

Деградация системы образования, общая расхлябанность, отсутствие работы и стимула к труду, крайне примитивная, но настойчивая идеологическая обработка и насаждаемые оккупантами убогие смыслы и потребности, которыми должно было жить население оккупированных областей, не могли не сказаться на сознании людей. В том, что детвора «разбалована», а молодежь «сильно отравлена» и «развращена» немецким влиянием, были уверены многие вернувшиеся из эвакуации. Причем женщин это затронуло в большей степени, а мужчин – в меньшей⁶⁷.

63 Там же. Оп. 11. Д. 8. Л. 5; Оп. 12. Д. 9. Л. 8 об., 9.

64 Там же. Оп. 14. Д. 13. Л. 3.

65 Там же. Оп. 12. Д. 8. Л. 2.

66 Там же. Д. 13. Л. 4, 4 об.

67 Там же. Р. V. Оп. 18. Д. 6а. Л. 11; Д. 1. Л. 6.

«Среди огромного вреда, который оккупанты причинили городу, я считаю самым большим вредом – это воздействие на молодежь», – утверждал профессор Одесского университета, историк А. Г. Гаталов. Разными способами «они развратили молодежь» и имели здесь «некоторый успех»⁶⁸. Под «моральным развращением» прежде всего имели в виду эрозию коммунистических и советских ценностей. В глаза бросались и внешние отличия, например появившиеся под влиянием немецких образцов моды, прически, частная торговля, церковная жизнь и т. п. Вот и Гаталов среди морального вреда, причиненного румынами, упоминал приобщение общества, особенно детей и молодежи, к религиозной жизни, чему те уделяли большое внимание.

Впрочем, защита и поддержание своей идеологии и системы ценностей является заботой всякого государства и общества. Так что относиться к этой встревоженности с иронией или как к чему-то неправильному неверно. Но не стоит думать, что вред этот имел только идеологический характер. Так, «молодежь сильно распустилась даже в смысле элементарной дисциплины», что мешало восстановлению учебного процесса (при румынах студенты, например, посещали занятия через пень-колоду). «Молодежь приходится перевоспитывать. Это чрезвычайно трудное дело», – говорил Гаталов⁶⁹. Что-то было легко исправимо, а прически, мода, одежда, кинофильмы, аккордеоны и прочий ширпотреб получают распространение после победного мая 1945 г. по всей стране, что-то требовалось изживать немедленно, путем усиления пропаганды и просвещения.

***

Довоенное советское общество не было идеальным в плане социальных отношений, правовой культуры, трудовой и бытовой дисциплины, морали. Например, проблема текучки кадров, особенно на тяжелых производствах и в горнорудной отрасли, была высокой, проблема повышения производительности и эффективности труда являлась одной из основных проблем народного хозяйства. Было распространено взяточничество, причиной чему служили как материальные условия (бедность, низкие зарплаты, дефицит), так и состояние общественной морали и правосознания (позволявшее требовать мзду за труд и услуги и не считавшее принятие и, тем более, дачу взятки

68 Там же. Р. VI. Оп. 14. Д. 20. Л. 4, 4 об.

69 Там же.

чем-то преступным и аморальным⁷⁰). Были приписки, хулиганство и многое другое, о чем говорилось выше.

Однако война и пребывание в оккупации значительно усугубили имевшиеся в советском обществе негативные явления, заострили их, придали им более широкий размах. Что не укрылось от глаз людей. Эти последствия оккупации были не столь очевидными, как гибель людей и разрушение городов и сел. Но разрушительный эффект от них для социальной системы, межличностных отношений, морального здоровья общества, государственности тоже был велик. Тем более что они имели отложенное действие, как, скажем, проблемы семьи, отношение к труду или увлечение заграничным (впрочем, последнее стало характерно скорее для более поздних периодов советской истории).

Восстановление нормальной жизни подразумевало и излечение социо-моральных последствий оккупации, что требовало дополнительных усилий – и государства, и общества, и самих людей. И сделать это было бы невозможно, если бы не настрой подавляющей части народа: жить, учиться, работать на совесть, быть честными и верными – стране, семье, людям.

Источники и литература

Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН).
Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Великая Отечественная война 1944–1945 годов. М.: Кучково поле, 2013. Т. 7. Экономика и оружие войны. 862 с.

Власов К. П. Война глазами харьковского подростка. Харьков: Литера Нова, 2015. 116 с.

Марчуков А. В. «Жизнь под немцем»: сексуальное насилие в оккупированных областях Украинской ССР (1941–1943 гг.) // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 1. В печати.

Марчуков А. В. Радость, страх, вина, обида: психологическое состояние населения оккупированных территорий СССР во время и после оккупации (на примере юго-востока УССР, 1941–1945) // Труды института российской истории РАН. В печати.

70 Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине. С. 94, 95, 146, 147, 148.

«Молодая гвардия» (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность. Сборник документов и материалов / сост. Н. К. Петрова, И. А. Иоффе. М.: Вече, 2003. 368 с.

Руднев Б. К. Дневник оккупации: г. Лебедин Сумской области. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2011. 72 с.

Сенявская Е. С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. Курс лекций. М.: РГГУ, 2012. 332 с.

Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине. 1943–1953. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 367 с.

Чернега П. М. Підготовка робітничих кадрів у промисловості України в роки Другої Світової війни // Сторінки воєнної історії України. Збірник наукових статей. Київ: Інститут історії України, 2005. Вип. 9. Ч. 3. 395 с.

References

Cherneha, P. M. “Pidhotovka robotnychkyh kadriv u promyslovosti Ukraïny v roky Druhoi Svitovoi viiny.” *Storynki voiennoi istorii Ukraïny. Zbirnyk naukovykh statei*. Kyïv: Institut istorii Ukraïny, 2005, vol. 9, part 3, 395 p.

Khaintsen, Dzh. *Iskusstvo vziatki. Korruptsiia pri Staline. 1943–1953*. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2021, 367 p.

Marchukov, A. V. “«Zhizn' pod nemtsem»: seksual'noje nasilije v okkupirovannykh oblastiakh Ukrainskoi SSR (1941–1943 gg.)” *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki*, 2023, No. 1. In press.

Marchukov, A. V. “Radost', strakh, vina, obida: psikhologicheskoe sostoiianie naseleniia okkupirovannykh territorii SSSR vo vremia i posle okkupatsii (na primere iugo-vostoka USSR, 1941–1945).” *Trudy instituta rossiiskoi istorii RAN*. In press.

“*Molodaia gvardiia*” (g. Krasnodon) – khudozhestvennyi obraz i istoricheskaiia real'nost'. *Sbornik dokumentov i materialov*, comp. by N. K. Petrova, I. A. Ioffe. Moscow: Veche, 2003. 368 p.

Rudnev, B. K. *Dnevnik okkupatsii: g. Lebedin Sumskoi oblasti*. Khar'kov: Khar'kovskii chastnyi muzei gorodskoi usad'by, 2011, 72 p.

Seniavskaia, Je. S. *Istoriia voin Rossii KHKH veka v chelovecheskom izmenenii. Problemy vojenno-istoricheskoi antropologii i psikhologii. Kurs lektsii*. Moscow: RGGU, 2012, 332 p.

Velikaia Otechestvennaia voina 1944–1945 godov. Vol. 7. Ekonomika i oruzhiye voiny. Moscow: Kuchkovo pole, 2013, 862 p.

Vlasov, K. P. *Voina glazami khar'kovskogo podrostka*. Khar'kov: Litera Nova, 2015, 116 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.06

A. V. Marchukov

Socio-ethical consequences of the German and Romanian occupation (on the example of the southern and eastern regions of the USSR)

Andrey V. Marchukov

Candidate of History, senior researcher

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

117292, Dmitry Ulyanov str. 19, Moscow, Russian Federation

E-mail: marchukov@mail.ru

Citation

Marchukov A. V. Socio-ethical consequences of the German and Romanian occupation (on the example of the southern and eastern regions of the USSR) // Slavic almanac. 2022. No 3–4. P. 128–151 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.06

Received: 21.07.2022.

Abstract

The article dwells upon some social and moral consequences of the German-Romanian occupation in the Ukrainian SSR in 1941–1944. The source base are transcripts of conversations conducted by the staff of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the Academy of Sciences of the Soviet Union with residents of Donbass, Odessa, Melitopol, etc. at the end of 1943 – the first half of 1944. These were people of different ages, professions, social groups who had survived the occupation or had come to these areas immediately after their liberation. The policy of the German and Romanian invaders and their behavior, among other things, had negatively affected the state of legal culture, crime, labor and family relations, and the moral state of society. For example, the phenomenon of bribery had grown dramatically. For some people it was a means of enrichment, while for some others it was a way to survive the inhumane conditions of the occupation. Speculation had acquired a huge scale and had sometimes been a way to survive in the conditions of the socio-economic policy pursued by the invaders. Prostitution, legalized by the occupiers, and the moral corruption and sexual promiscuity imposed by them became a negative moment. These and many other negative aspects required from the Soviet government and from the people additional efforts to overcome the socio-ethical consequences of the occupation.

Keywords

Great Patriotic War, Ukraine, occupation.

УДК 811.16
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.01

Д. Ю. Ващенко

Словацкие и венгерские наречия группы «скоро» по корпусным данным

Ващенко Дарья Юрьевна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: daranis@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1628-3861

Цитирование:

Ващенко Д. Ю. Словацкие и венгерские наречия группы «скоро» по корпусным данным // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 152–170. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.01

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.

Аннотация

В статье рассматриваются по четыре наиболее употребительных словацких и венгерских наречия, относящихся к семантической группе «скоро». Словацкий и венгерский языки, не являясь родственными, долгое время тесно контактировали в рамках одного государства в Центральной Европе. Непосредственные заимствования из венгерского в словацкий, равно как и славизмы в венгерском, исследованы хорошо, в то время как вопрос возможных семантических параллелей в данных языках остается практически неизученным. В частности, между наречиями группы «скоро» в словацком и венгерском языках существует ряд формальных соответствий, которые сложно пересекаются с семантическими корреляциями. В работе использованы материалы национальных корпусов словацкого и венгерского языков, а также словацкий и венгерский корпусы семейства Интернет-корпусов *Aranea*. Анализируется сочетаемость наречий по данным меры ассоциации *logDice*; также привлекаются показатели взаимной сочетаемости лексем. Показано, что для словацкого и венгерского языков можно говорить об относительной семантической корреляции наречий, ориентированных на непосредственно наблюдаемые ситуации, и наречий, обозначающих рационально воспринимаемые, контролируемые ситуации. При этом в венгерском языке отдельно

выделяются наречия, которые маркируют существование некоторой ситуации, а также наречия, обозначающие быструю смену ситуаций.

Ключевые слова

Семантика, сочетаемость, ареальная типология, языковые контакты, корпусная лингвистика, словацкий язык, венгерский язык, темпоральные наречия.

Предметом анализа в статье являются темпоральные наречия с семантикой ‘скоро’, общее значение которых предполагает, что некоторая ситуация осуществится в будущем, при этом временной интервал, через который она осуществится, представляется говорящему небольшим; возможно употребление наречий в прошедшем времени в режиме нарратива: в этом случае речь идет о том, что некоторая ситуация быстро сменила предшествующую.

Словацкий и венгерский языки не являются родственными, однако контактировали на протяжении длительного времени в рамках общего государства и могут обнаруживать ряд семантических корреляций, которые прежде оставались вне исследовательского внимания. Установление семантических параллелей в рамках ареальной типологии языков Центральной Европы мы проводим на базе темпоральной лексики, которая, с одной стороны, обладает достаточно абстрактным значением, с другой стороны, обнаруживает ряды близких синонимов, различия между которыми будут определяться спецификой конкретного языка.

Нас будет интересовать, как устроена семантическая группа «скоро» в словацком и венгерском языках, где соответствующие наречия имеют ряд формальных соответствий, – на основании сочетаемости лексем мы постараемся продемонстрировать, как эти корреляции соотносятся с семантическими и насколько внутреннее строение группы в каждом из рассматриваемых языков обнаруживает сходства и различия.

1. Общая характеристика материала

Исследование базируется на корпусном материале, при этом мы будем пользоваться двумя блоками корпусов – это национальные академические корпусы словацкого и венгерского языков, а также словацкий и венгерский корпусы семейства *Aranea*, тип *Majus*, т. е. средний.

Словацкий национальный корпус (*Slovenský národný korpus*, далее SNK)¹ функционирует на базе Института словацкого языка им. Л. Штура Словацкой академии наук. Использованная здесь версия prim-9.0-public-sane была открыта в 2020 г.; объем составляет 1 621 млн словоупотреблений / 1 282 млн слов. Тексты, размещенные в SNK, были изданы после 1955 г., из них 73,96 % составляют публицистические тексты, 15,98 % – художественные, 9,15 % – специальная литература, 0,91 % – иные жанры.

Венгерский национальный корпус² (*Magyar Nemzeti Szövegtár*, далее MNSZ) поддерживается Институтом венгерского языка Венгерской академии наук. Он включает в себя 187,6 млн слов, из них 84,5 млн – это публицистические тексты, 38,2 млн – художественная литература, 25,5 млн – научные тексты, 20,9 млн – официальная документация и 18,6 млн – тексты интернет-форумов.

Следующая, не менее важная для нас, группа корпусов относится к семейству *Aranea*, которое разрабатывается в Университете Коменского в Братиславе³ на базе интернет-текстов⁴. Оба выбранных корпуса, *Araneum Slovacum Majus* и *Araneum Hungaricum Majus*, насчитывают по 1 250 млн словоупотреблений (1 039 млн слов). Все четыре корпуса обслуживаются менеджером *NoSketchEngine*. Далее мы будем указывать данные, представленные в обоих корпусных «подвидах»: академическом и *Araneum*; в случае, если коллокация обнаруживается только в одном из них, мы будем пометить это отдельно. Наречия, формирующие семантическую группу, мы отбирали на основании синонимических словарей и затем верифицировали их значение по толковым словарям.

1 Slovenský národný korpus – prim-9.0-public-sane. Bratislava, 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 22.06.2022).

2 Magyar Nemzeti Szövegtár – v2.0.5 URL: <http://clara.nytud.hu/mnsz2-dev/> (дата обращения: 22.06.2022).

3 Benko V. Aranea: Ďalšia rodina (porovnatelnej) webovej korporácie // Text, reč a dialóg. 17. medzinárodná konferencia, TSD 2014. Brno, Česká republika, 8.–20. september 2014. Zborník. LNCS 8655 / P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pálek (eds.). Springer International Publishing Switzerland, 2014. S. 57–264. URL: <http://unesco.uniba.sk/aranea/> (дата обращения: 22.06.2022).

4 Пример работы с русскоязычным корпусом *Araneum* см. в: Захаров В. П. Сочетаемость через призму корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2015. С. 667–682; Хохлова М. В. Обзор больших русскоязычных корпусов текстов // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. СПб., 2016. С. 74–77.

В словацком языке в данную группу входят, в порядке убывания частотности в Словацком национальном корпусе, следующие лексемы: *skoro* 163 756 вхождений (101,03 на миллион); *čoskoro* 79 281 (48,91 на миллион); *onedlho* 30 022 (18,52 на миллион); *o chvíľu* 33 931 (20,93 на миллион); *zkrátka* 13 766 (8,49 на миллион); *čochvíľa* 3 545 (2,19 на миллион); *zanedlho* 2 823 (1,74 на миллион) и ряд других.

В *Araneum Slovacum* показатели частотности таковы: *skoro* 147 846 (118,28 на миллион); *čoskoro* 59 773 (47,80 на миллион); *onedlho* 16 264 (13,01 на миллион); *o chvíľu* 11 837 (9,47 на миллион); *zkrátka* 4 754 (3,80 на миллион); *čochvíľa* 1 667 (1,33 на миллион); *zanedlho* 1 688 (1,35 на миллион).

Мы видим, что наиболее употребительным здесь является *skoro*; частотность *čoskoro* примерно в два раза меньше, *onedlho* и *o chvíľu* в плане употребительности сопоставимы; еще одним относительно частотным наречием в группе является *zkrátka*. В *Araneum Slovacum* отрыв *skoro* и *čoskoro* от остальных наречий выше, нежели в SNK.

В венгерском языке к этой группе относятся следующие лексемы (в порядке убывания встречаемости в Венгерском национальном корпусе): *hamarosan* (123 332), *hamar* (102 299); *mindjárt* (45 535); *nemsokára* (21 208); *rövidesen* (17 752); *rövid időn belül* (14 485); *rögvest* (3 674); *kisvártatva* (2 309); *tüstént* (2 047).

В *Araneum Hungaricum* показатели частотности венгерских наречий выглядят следующим образом: *hamar* 123 455 (102,88 на миллион); *hamarosan* 96 966 (80,80 на миллион); *mindjárt* 29 622 (24,68 на миллион); *nemsokára* 19 083 (15,90 на миллион); *rövidesen* 11 892 (9,91 на миллион); *rövid időn belül* 11 837 (9,90 на миллион); *rögvest* 4 225 (3,50 на миллион); *kisvártatva* 2 309 (2,15 на миллион); *tüstént* 1 302 (1,08 на миллион).

Здесь ситуация несколько отличается от словацкой: максимальную частотность демонстрируют сразу два, причем однокоренных, наречия – *hamar* и *hamarosan* (в MNSZ более частотно *hamarosan*, в *Araneum Hungaricum* – *hamar*), затем следуют *mindjárt*, *nemsokára* и *rövidesen*, которые имеют между собой «шаг» порядка десяти тысяч словоупотреблений.

Между словацкими и венгерскими наречиями наблюдается целая цепочка формальных корреляций. Во-первых, соотносятся *skoro* / *hamar*, *čoskoro* / *hamarosan* ‘скоро, быстро’. Первая пара наречий в обоих языках может образовывать степени сравнения (*skôr*, *hamarabb*), а также употребляться в значении ‘почти’⁵. При этом в обоих языках

5 Morfológia slovenského jazyka / L. Dvonč, G. Horák, F. Miko et al. Bratislava, 1966. S. 790.

соответственно *skoro*, *čoskoro* и *hamar*, *hamarosan* являются наиболее употребительными в рамках своей семантической группы. Далее, коррелируют наречия *onedlho*, *zanedlho* / *nemsokára* ‘не очень скоро’, букв. «через недолго, немного». Наконец, наблюдается формальный параллелизм у *zkrátka* / *rövidesen* ‘коротко’. Наречия *o chvíľu* букв. ‘через минуту’ и *mindjárt* ‘скоро, тотчас’ каких-либо соответствий в рассматриваемых языках не обнаруживают. Рассматриваются четыре словацких (*čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*, *zkrátka*) и четыре венгерских наречия (*hamarosan*, *mindjárt*, *nemsokára*, *rövidesen*). Наречия *skoro* / *hamar* в рамках данной статьи мы анализировать не будем, поскольку значительную часть словоупотреблений в корпусах представляют формы сравнительной степени от данного наречия (*skôr* / *hamarabb*), их анализ должен стать предметом отдельного исследования.

В академической «Морфологии словацкого языка» наречия со значением ‘скоро’ включаются в группу «обстоятельствственных наречий, обозначающих время, по истечении которого действие осуществляется», и входят в один синонимический ряд с наречиями контактного следования (*hned*, *vzápäti* и ряд других)⁶. В толковых словарях словацкого языка *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu* считаются полными синонимами: «*čoskoro нар.* через короткое время; за короткое время; *син.* *onedlho*, *zkrátka*; *onedlho нар.* через короткое время, *čoskoro*, *zkrátka*, *očhvíľa*, *o chvíľu*, *zanedlho*»; «*čoskoro нар.* через краткое время, *onedlho*; *onedlho нар.* через короткое время, *nezadlho*, *zkrátka*, *čoskoro*; *zkrátka нар.* *čoskoro*, *očhvíľa*, *onedlho*, *o chvíľu*»⁷. В современном академическом толковом словаре словацкого языка приведено следующее толкование: «*čoskoro нар.* в обозримое время, в короткое время, *onedlho*»⁸.

В венгерском языке наречия данной группы также рассматриваются в качестве близких синонимов. Так, академический «Толковый словарь венгерского языка» выделяет для всех трех наречий значение ‘скоро’, т. е. ‘через некоторое время’, ср. толкование *nemsokára*:

6 Ibid. S. 597.

7 Synonymický slovník slovenčiny / red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava, 2004. 998 s.

8 Krátky slovník slovenského jazyka / red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. 4. vyd. Bratislava, 2003. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 22.06.2022).

9 Slovník súčasného slovenského jazyka. 1. A–G / red. K. Buzássyová, Bratislava, 2006; 3. M–N / red. A. Jarošová. Bratislava, 2015. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 22.06.2022).

«начиная с определенного момента в прошлом или в будущем, через краткий промежуток времени; *hamarosan*». При этом у *mindjárt* и *hamarosan*, помимо указанного, выделяются также другие значения. Касательно *mindjárt* указано, что наречие обозначает: «1. Через очень короткий промежуток времени; *hamarosan*. 2. Непосредственно после указанного события»; значение *hamarosan* интерпретируется следующим образом: «1. Через очень короткий промежуток времени, *nemsokára*. 2. За короткий промежуток времени»^{10 11}.

При анализе мы учитываем данные двух видов.

Во-первых, главным критерием верификации сочетаемости для нас является корпусная сочетаемость наречий на основании мер ассоциации¹², когда учитывается не просто общее число сочетаний двух лексем, но частотность каждого компонента соотносительной пары. Сами меры ассоциации, которые носят универсальный характер для всех языков и при этом отличаются друг от друга формулой расчета, могут применяться по отдельности либо в комплексе. Наиболее эффективным, по всей вероятности, является именно комплексное применение мер ассоциации¹³: мы позволим себе здесь ограничиться всего одной, *logDice*¹⁴: данная мера уже хорошо показала себя в корпусных исследованиях.

10 Barczy G., Ország L. et al. Magyar nyelv értelmező szótára. I–VII kötet. Budapest, 1959–1962. URL: <http://mek.oszk.hu/adatbazis/magyar-nyelv-ertelmező-szótára/elolap.php> (дата обращения: 22.06.2022).

11 Исследование Tóth S. J. Aspekty slovensko-maďarskej porovnávacej morfosyntaxe. Komárno, 2017. 295 s., хотя и не содержит раздела, посвященного сопоставлению словацких и венгерских темпоральных наречий, все же приводит ряд параллельных примеров, в которых употреблены интересующие нас лексемы.

12 См. о них, например, в монографии: Stefanowitsch A. Corpus linguistics. A guide to the methodology. Berlin, 2020; на словацком материале также в обзоре: Majchráková D. Korpusový pohľad na spájateľnosť slov // Slovenská rec. 2011. Roč. 76. Č. 1–2. S. 84–90.

13 *T-score* и *MI-score* дают на нашем материале достаточно много «шумовой информации», как то энклитик и знаков препинания; *minimal sensitivity* является эффективной мерой, однако у лексем с невысокой частотностью списки коллокаций, полученные с применением данной меры, являются довольно небольшими. В целом хороший результат показывает также *MI.logf*, однако с учетом того, что в статье берутся два языка и четыре корпусные базы, мы данный параметр опустим.

14 Данная мера впервые вводится в работе: Rychlý P. A lexicographer-friendly association score // Proceedings of Recent Advances in Slavonic

Во-вторых, показатели мер ассоциации будут дополнены данными взаимной сочетаемости, когда лексемы употребляются в ближайшей окрестности друг друга. Нас будет интересовать, являются ли случаи их употребления взаимозаменяемыми либо же прослеживается тяготение лексем к определенному типу контекстов. В строке поиска также было задано расстояние от –5 до 5 токенов. Соответствующие примеры взяты только из корпусов *Aranea*, ввиду того что подобные данные Словацкого национального корпуса применительно к наречиям группы «скоро» мы уже рассматривали в одной из предшествующих статей¹⁵.

При извлечении из корпуса данных мер ассоциации во всех случаях применялось расстояние между леммами от –5 до 5, аналогичное значение мы задавали, применяя фильтр взаимной сочетаемости лексем. При составлении таблиц мер ассоциации были выбраны первые 60 коллокаций для каждого наречия¹⁶.

2. Сочетаемость словацких наречий группы «скоро» по данным мер ассоциации

Соотношение глагольной лексики с неглагольной в полученных списках различается в зависимости от конкретного наречия. Так, у *čoskoro* из 60 коллокаций 49 являются глагольными в SNK и 45 в *Araneum Slovacum*. У *onedlho* эти показатели приблизительно такие же – соответственно 48 и 46, сходная картина наблюдается у *zакrátko* – 50 и 47. У *o chvíľu* число глагольных коллокаций меньше – 34 в SNK и 37 в *Araneum Slovacum*.

2.1. Так, у словацких наречий выделяется группа коллокаций с «ментальными» глаголами. С данными глаголами теснее всего связано наречие *čoskoro*, которое сочетается: А) с глаголами, обозначающими появление некоторой информации: *zistiť* ‘установить, понять’, *dozvedieť* ‘узнать’ (второй глагол также имеет ранги 20–30 у *onedlho*), *vyriešiť* ‘решить’; В) с глаголами понимания *pochopiť* ‘понять’,

Natural Language Processing, RASLAN 2008 / eds. P. Sojka, A. Horák. Brno, 2008. P. 6–9. Она, в свою очередь, базируется на раннем труде Л. Дайса: *Dice L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species // Ecology*. 1945. Vol. 26. N. 3. P. 297–302.

¹⁵ Ващенко Д. Ю. Словацкие темпоральные наречия *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*: к вопросу о квазисинонимии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2 (3). С. 10–31.

¹⁶ Таблицы коллокаций см. в Приложении к статье.

uvedomiť ‘осознать’, *presvedčiť* (*sa*) ‘убедиться’; С) с глаголами со значением появления информации в памяти либо ее исчезновения из памяти: *predstaviť* ‘представить’, *zabudnúť* ‘забыть’, при этом глагол *spamätať* ‘вспомнить’ появляется только у *zакrátko*; D) с глаголами *dúfať* ‘надеяться’, *veriť* ‘верить’, *tešiť* (*sa*) ‘надеяться’.

Из других глаголов у словацких наречий появляется глагол *pocítiť* ‘почувствовать’, характерный для всех наречий, кроме *o chvíľu*, и глаголы *oľutovať* ‘пожалеть’, *oblúbiť* ‘полюбить’, присутствующие в списках только у *zакrátko*.

2.2. Часть словацких глаголов, являющихся коллокатами наречий группы «скоро», обладает фазовой семантикой. Глаголы *začať* (*sa*) ‘начать(ся)’ и *skončiť* (*sa*) ‘кончить(ся)’ имеют сравнительно высокие ранги у *čoskoro* и *onedlho*. Между наречиями *čoskoro* и *onedlho* распределяются глаголы, обозначающие последовательность актантов либо ситуаций: и для *čoskoro*, и для *onedlho* характерен глагол *nasledovať* ‘последовать’; точно так же для обоих наречий свойственны коллокации с *vystríedať* ‘сменять, сменить’, при этом у *onedlho* ранги глагола несколько выше.

Из глаголов, обладающих семантикой исчезновения, прекращения, *zmiznúť* ‘исчезнуть’ представлен у всех четырех наречий, однако у *o chvíľu* его ранги несколько выше, нежели у остальных (7 и 13 соответственно). Напротив, глаголы *zomrieť* ‘умереть’, *umrieť* ‘умереть’ характерны для *čoskoro*, *onedlho* и *zакrátko*, но не для *o chvíľu*. В свою очередь, глаголы *prestať* ‘перестать’, *opustiť* ‘покинуть’, *prepustiť* ‘отпустить’ появляются только у *čoskoro*, а глаголы *pominúť* ‘погибнуть’ и *stratiť* ‘утратить’ присутствуют в списках коллокаций и у *čoskoro*, и у *zакrátko*. Глагол *končiť* (*sa*) ‘кончать(ся)’ характерен только для *onedlho*, а *hynúť* ‘погибать’, *zahynúť* ‘погибнуть’, *rozpadnúť* (*sa*) ‘распасться’, *rozísť* (*sa*) ‘разойтись’ – для *zакrátko*.

2.3. Достаточно обширно представлены в списках коллокаций глаголы движения. Глаголы *prísť* ‘прийти’, *vyjsť* ‘выйти’, *odísť* ‘уйти’, *doraziť* ‘достичь цели’ и *vrátiť* (*sa*) ‘вернуться’ появляются в списках у всех словацких наречий, причем их ранги сопоставимы. *Čoskoro* эксклюзивных коллокаций в данной семантической группе не имеет. *Onedlho* тяготеет к глаголам *sťahovať* (*sa*) ‘переезжать’, *nastahovať* (*sa*) ‘вселяться, въезжать’, *prestahovať* (*sa*) ‘переезжать’, а также сочетается с *odbočiť* ‘свернуть’ (последний также имеет ранги 20–30 у *zакrátko*). *O chvíľu* имеет сильную связанность с глаголами с корнем *-beh-*: *vybehnúť* ‘выбежать’, *odbehnúť* ‘сбежать’, *pribehnúť* ‘прибежать’, *dobehnúť* ‘добежать’, *rozbehnúť* ‘побежать’, а также *vojsť* ‘войти’. Наконец,

zkrátka имеет эксклюзивные коллокации с *odbočovať* ‘сворачивать’, *odbočiť* ‘свернуть’, *odletieť* ‘улететь’, *vzdialiť (sa)* ‘удалиться’.

2.4. Обширная группа коллокаций связана с семантикой обнаружения, появления. Для всех четырех наречий свойственны сочетания с глаголами *objaviť (sa)* ‘появиться, показаться’, *zjaviť (sa)* ‘явиться’ и *ocitnúť (sa)* ‘оказаться, очутиться’. Глаголы со значением присоединения, прибавления *pribudnúť* ‘прибыть, прибавиться’, *pridať (sa)* ‘присоединиться’, *pripojiť (sa)* ‘примкнуть, присоединиться’ входят в зону сочетаемости наречий *čoskoro*, *onedlho*, *zkrátka* и отсутствуют у *o chvíľu*. Лишь у *čoskoro* и *onedlho* в верхней части списков коллокаций находятся глаголы *stať (sa)* ‘стать’ и *zmeniť (sa)* ‘изменить(ся)’, при этом у *čoskoro* их ранги выше. Только *čoskoro* сочетается с глаголами *ukázať (sa)* ‘оказаться’, *stretnúť (sa)* ‘встретить(ся)’ и *dostať* ‘получить, попасть’. Здесь же упомянем одну довольно специфическую глагольную коллокацию, характерную исключительно для *zkrátka*, а именно левосторонние сочетания с глаголом *trvať* ‘длиться’ в отрицательной форме, т. е. *netrváť* ‘не длиться’.

2.5. Из перцептивных глаголов у всех четырех наречий в верхней части списков появляются *ozvať (sa)* ‘раздаться, зазвучать, откликнуться, отозваться’ и *uvidieť* ‘увидеть’. Еще три глагола, обозначающие слуховое восприятие, присутствуют только у наречия *o chvíľu*, мы имеем в виду лексемы *začúť* ‘услышать’, *počúť* ‘услышать’, *ozývať (sa)* ‘раздаваться’.

2.6. Глаголы со значением приготовления к чему-либо, ожидания *chystať (sa)* ‘собираться, готовиться’, *čakať* ‘ждать’, *dočkať (sa)* ‘дождаться’ сочетаются с *čoskoro* и *onedlho* и отсутствуют у *o chvíľu* и *zkrátka*.

2.7. Кроме того, в списках коллокаций представлено некоторое количество частиц, характерных скорее для *o chvíľu*. Наречие сочетается с частицами *zas / zasa / zase* ‘иначе, опять’; с наречиями *späť / naspäť* ‘назад, обратно’; с пространственным наречием *dnu* ‘внутри’, а также с частицей *pravdepodobne* ‘вероятно’. Частица *však* ‘однако, же’ имеет сопоставимые ранги у *o chvíľu* и *čoskoro*. Только с *čoskoro* имеют коллокации частицы *zrejme* ‘очевидно, видимо’, *snád* ‘быть может’ и *možno* ‘возможно’.

2.8. Ряд коллокаций у наречия *zkrátka* носит «жанрово-тематический» характер, они принадлежат к жанру криминальной сводки. Сюда относятся такие глаголы, как *zadržat’* ‘задержать’, *vypatrat’* ‘выследить’, *prepustiť* ‘отпустить’, *inkasovať* ‘инкассировать’, *hliadka* ‘досмотр’, *kriminalista* ‘криминалист’ и ряд других.

3. Данные совместной встречаемости словацких наречий группы «скоро»

Ввиду того, что *onedlho* имеет в полученных списках сравнительно небольшое количество эксклюзивных коллокатов (в большинстве случаев коллокации *onedlho* дублируют *čoskoro*, но имеют более низкие ранги), для уточнения значения данного наречия рассмотрим случаи, когда *onedlho* и *čoskoro* употребляются в пределах одного контекста¹⁷.

В рамках одного контекста наречия могут быть связаны следующими отношениями:

3.1. *Čoskoro* маркирует причину, а *onedlho* – следствие:

(1) *Budova sa čoskoro začne kolaudovať a onedlho si tu začnú priestory zariaďovať aj jednotliví nájomníci* [Здание **скоро** начнет восстанавливаться, и **скоро** помещения будут заполнять конкретные арендаторы] – арендаторы приедут в торговый центр, поскольку он будет реконструирован.

(2) *Spolu so svojimi spoločníkmi, s ktorými plánoval zavraždiť Augusta, sa čoskoro dostal do väzenia a onedlho tu zomrel* [Вместе со своими сообщниками, с которыми он собирался умертвить Августа, он **вскоре** попал в заключение, где **вскоре** умер] – тот, о ком идет речь, умер, так как попал в тюрьму.

3.2. События, обозначенные *čoskoro*, предшествуют тем, что обозначены *onedlho*, причинно-следственные связи здесь отсутствуют.

(3) *Adeline a Slade sa čoskoro vzali. Slade bol onedlho na to vybratý americkou armádou, aby sa stal súčasťou experimentu, ktorý z neho mal urobiť supervojaka* [Аделин и Слейд **вскоре** поженились. **Вскоре** после этого Слейд был выбран американской армией в число участников эксперимента, который должен был сделать из него суперсолдата].

3.3. *Onedlho* обозначает побочную ситуацию, в то время как *čoskoro* – основную.

(4) *Taliancky spevák Eros Ramazzotti (celým menom Eros Luciano Walter Ramazzotti), ktorý onedlho osláví päťdesiatku, čoskoro vyráža na svoje svetové turné s názvom “NOI World Tour 2013” počas ktorého navštívi aj Slovensko* [Итальянский певец Эрос Рамазотти (полное имя Эрос Лучиано Вальтер Рамазотти), который **вскоре** отпразднует 50-летие, **вскоре** отправляется в мировое турне под названием “NOI World Tour 2013”, в рамках которого посетит также Словакию].

¹⁷ Мы приводим здесь материалы только корпуса *Araneum Slovacum* в связи с тем, что сходное исследование на базе SNK уже предпринималось нами в одной из предыдущих статей: Ващенко Д. Ю. Словацкие темпоральные наречия...

(5) *Šesťsto bodov v NHL sa dosiaľ podarilo nazbierať desiatim slovenským hokejistom a Zdeno Chára by sa čoskoro mohol stať jedennástym. Onedlho 40-ročného obrancu (nar. 18. marca 1977) delia od tejto méty už iba tri body* [Шестьсот очков в НХЛ до сих пор удавалось набрать десяти словацким хоккеистам, и Здено Хара **вскоре** может стать одиннадцатым. Защитника, которому **скоро** исполнится 40 лет (р. 18 марта 1977 г.), отделяют от этой черты всего три очка].

(6) *Ešte pred dvoma rokmi by neuverila, keby jej niekto povedal, že sa to stane. Že sa to blíži a že je vôbec možné aby ona, ktorá má všetko, bola onedlho v takejto situácii. Čoskoro jej kroky nebudú také rázne a rozhodné* [Еще два года назад она не могла себе представить, что так выйдет. Что это приближается, и как это возможно, чтобы она, у которой все есть, **вскоре** оказалась в такой ситуации. **Скоро** ее шаги не будут такими четкими и решительными] – *čoskoro* называет некоторые внешние проявления нежелательных перемен, в то время как контекст *onedlho* предполагает их интерпретацию субъектом ситуации.

(7) *Už to onedlho bude ľudkovia! Čoskoro vám odhalíme náš nový produkt v plnej kráse* [Вскоре это будут настоящие люди! **Скоро** мы раскроем вам наш новый продукт во всей красе] – перемены являются позитивными, высказывание с *čoskoro* называет конкретный продукт, а высказывание с *onedlho* свидетельствует о том, что он понравится целевой аудитории.

(8) *Ide o ropovod Adria, ktorý spája Slovensko s Maďarskom. Jeho modernizácia by sa mala onedlho definitívne ukončiť. Už čoskoro by sme sa tak mohli dočkať, ako sa na ňom slávnostne strihá páska* [Речь идет о нефтепроводе Адрия, который связывает Словакию с Венгрией. Его модернизация **вскоре** должна быть окончательно завершена. Уже **скоро** мы дождемся торжественного перерезания ленточки] – *čoskoro* обозначает «первые моменты» желательной ситуации, а *onedlho* называет саму ситуацию.

4. Сочетаемость венгерских наречий по данным мер ассоциации

4.1. Чрезвычайно широко представлены в списках венгерских коллокаций глаголы движения, к которым тяготеет в первую очередь *nemsokára*. Высокие ранги у данного наречия имеют большинство приставочных глагольных дериватов от *jön* ‘идти’: *megjön* ‘прийти’, *eljön* ‘уйти’, *kijön* ‘выйти’, *hazajön* ‘прийти, вернуться домой’, *visszajön* ‘прийти, вернуться обратно’. Сам бесприставочный *jön* является коллокатом наречий *nemsokára* и *mindjárt*, но не *rövidesen* и *hamarosan*. Глаголы *érkezik* и приставочный *elérkezik* ‘прибывать’ обладают высокими рангами у *nemsokára* и *hamarosan*. И для *nemsokára*, и для *rövidesen*

характерны коллокации с дериватами от *érik*, имеющие у обоих наречий сопоставимые позиции: *kiérik* ‘достигать, добираться’, *beérik* ‘то же’, *odaérik* ‘то же’, *elérik* ‘то же’ и *utólérik* ‘то же’ (*elérik* отсутствует у *rövidesen*, однако появляется у *hamarosan*). *Indul* ‘отправляться, отправиться’ и производные от него приставочные глаголы *beindul* ‘отправляться’ и *elindul* ‘то же’ тяготеют к *nemsokára* и *hamarosan*, *megindul* ‘отправляться’ – к *nemsokára* и *rövidesen*, при этом у *rövidesen* его ранги на примерно 20 позиций выше, чем у *nemsokára* (18 и 46 соответственно). Глаголы с корнем *-indul-* и с суффиксом возможности *-hat-* *elindulhat* ‘может отправиться’, *megindulhat* ‘то же’ характерны лишь для *rövidesen*. Только у наречия *rövidesen* в списках коллокаций появляются *rátér* ‘приходить’, *hazatér* ‘то же’, *letér* ‘сходить’. Наконец, только *mindjárt*, которое в целом не очень сочетается с глаголами движения, имеет коллокатами *megy* и производные *kimegy* ‘выходить’, *elmegy* ‘уходить’.

4.2. Речевые глаголы тяготеют скорее к *mindjárt*: у данного наречия высокие ранги имеют *megmond* ‘сказать’, *beszélget* ‘разговаривать’, *kérdez* ‘спрашивать’, *felel* ‘отвечать’ и *hozzátész* ‘добавлять’ (ранг 60 в MNSZ). У *nemsokára* высокие ранги имеют *ígér* ‘обещать’, *megígér* ‘пообещать’, также *beszámol* ‘докладывать’ и *beköszön* ‘приветствовать’; у *rövidesen* – *meztárgyal* ‘обсуждать’.

4.3. Следующей семантической группой, представленной в верхней части списков венгерских наречий группы «скоро», являются фазовые глаголы: данные коллокаты практически отсутствуют у наречия *nemsokára*. Начальная фаза представлена здесь наиболее широко. У всех четырех наречий представлен глагол *kezdődik* ‘начинаться’; его дериваты *megkezdődik* ‘начаться’ и *elkezdődik* ‘начаться, начинаться’ имеют высокие ранги у *rövidesen*, не столь высокие у *nemsokára* (32 и 44 соответственно, причем только в MNSZ) и отсутствуют у *mindjárt*. Глагол *megkezd* ‘начать’ сочетается только с *rövidesen* и *hamarosan*, *elkezd* ‘начать’ – с *hamarosan*, *megkezdődhet* ‘может начаться’ – с *rövidesen*, бесприставочный *kezd* ‘начинать’ – с *mindjárt* и *hamarosan*. Отглагольные существительные *kezd* ‘начало’ и *kezdés* ‘то же’ встретились у *mindjárt*.

Глаголы, маркирующие конец ситуации, т. е. *befejez* ‘заканчивать’ и *befejeződik* ‘заканчиваться’, сочетаются с *rövidesen* и *hamarosan*, глагол *megszűnik* ‘прерываться’ – только с *rövidesen*. Наконец, глагол *folytat* ‘продолжать’ является коллокатом *mindjárt*.

4.4. Теперь рассмотрим экзистенциальные глаголы, представленные в качестве коллокатов у данных наречий. Глагол *lesz* ‘быть, стать’ в обоих корпусах имеет высокие ранги у *hamarosan*. *Jelentkezik* ‘появляться’ представлен только в *Araneum Hungaricum* у *hamarosan*

и *nemsokára*. *Megjelenik* ‘появляться’ сочетается с *nemsokára*, *rövidesen* и *hamarosan* и не сочетается с *mindjárt*. Глаголы *meglesz* ‘стать’ и *találkozik* ‘встречаться’ сочетаются лишь с *nemsokára* (ранги 7 и 53 соответственно), *találkozik* также с *hamarosan*. Глаголы *kerül* ‘попасть, произойти’, *felkerül* ‘добавиться’ и *kerülhet* ‘может произойти’ тяготеют к *rövidesen* и *hamarosan*, глагол *megalakul* ‘сложиться, выйти’ – исключительно к *rövidesen*. Глаголы со значением ‘покинуть, умереть’ сочетаются преимущественно с *rövidesen* и *nemsokára*: *meghal* ‘умирать’ и *elhagy* ‘покидать’ представлены у *rövidesen* и *nemsokára*; *elpusztul* ‘подыхать’, *lezárul* ‘закрывать’ и *elhuny* ‘скончаться’ сочетаются только с *rövidesen*.

4.5. Ментальные предикаты представлены в верхней части списков у венгерских наречий достаточно ограниченно. У всех наречий присутствует глагол *kiderül* ‘выясниться’, при этом его ранги несколько выше у *hamarosan* (10 и 4). Глаголы мышления *megtud* ‘узнать’, *megtudhat* ‘мочь узнать’ тяготеют к *nemsokára*, *bekövetkezik* ‘следовать’ – к *nemsokára* и *rövidesen*, а глагол иррационального суждения *feltűnik* ‘казаться’ – к *nemsokára* и *rövidesen*. В списках представлены лишь два глагола группы «чувствовать»: *érez* ‘чувствовать’, который является коллокатом *mindjárt*, и *bízik* ‘верить’, появляющийся у *hamarosan*.

4.6. Перцептивные глаголы сочетаются главным образом с *mindjárt* и отчасти с *nemsokára*. Так, *hallik* ‘слышаться’ тяготеет к *mindjárt* и *nemsokára*, *hallatszik* ‘слышаться, раздаваться’ – только к *nemsokára*, *meghallik* ‘послышаться, раздаться’ – только к *mindjárt*. Из глаголов зрительного восприятия *megnéz* ‘посмотреть’ является коллокатом *mindjárt* и *hamarosan*, *meglát* ‘увидеть’ – *mindjárt* и *nemsokára*, *megpillant* ‘взглянуть’ – *rövidesen* и *nemsokára*.

4.7. Часть лексем (глагольных и отглагольных), наличествующих в списках коллокаций, обладает семантикой ожидания, надежды / подготовки к чему-либо. Данная группа глаголов тяготеет к *hamarosan* и *rövidesen*. Лексемы *vár* ‘ждать, ожидать’, *várható* ‘ожидаемый’ и *várhatóan* ‘ожидаемо, вероятно’ сочетаются с *hamarosan* и *rövidesen*, слова *remél* ‘надеяться’, *remény* ‘надежда’, *remélhetőleg* ‘ожидаемо’, также *készül* ‘готовиться’ – со всеми наречиями, кроме *mindjárt*, т. е. с *nemsokára*, *hamarosan*, *rövidesen*. При этом наречие *kész* ‘готов’, напротив, представлено только у *mindjárt*.

4.8. Наконец, рассмотрим неглагольную лексику. Наречия *újból* ‘снова, заново’, *újra* ‘то же’, *megint* ‘опять’ тяготеют к *nemsokára* – при этом прилагательное *új* ‘новый’ представлено только у *hamarosan*. Наречия *előbb* ‘сначала, раньше’, *aztán* ‘затем’, а также существительные *eleje*

‘начало’ и *perc* ‘минута’ сочетаются с *mindjárt*. Наречия *majd* ‘потом’ и *elő* ‘вперед, наперед’, а также глагол *megismétel* ‘повторять’ являются коллокатами *hamarosan*. *Ismét* ‘опять’ отсутствует в списках только у *mindjárt*, при этом в обоих корпусах оно встречается лишь у *hamarosan*, а у *rövidesen* и *nemsokára* появляется исключительно в *Araneum Hungaricum* с рангами порядка 40–50. Существительные *legeleje* ‘самое начало’ и *vég* ‘конец’ тяготеют к *mindjárt* и практически не фигурируют в качестве коллокатов других рассматриваемых темпоральных наречий. То же самое можно сказать о пространственных дейктических наречиях *itt* ‘здесь’ и *ott* ‘там’ – оба они характерны только для *mindjárt*.

5. Взаимная сочетаемость венгерских наречий

Мы рассмотрим только взаимную сочетаемость наречий *hamarosan* и *rövidesen*, ввиду значительной близости их коллокаций.

5.1. Так, *rövidesen* может пояснять ситуацию, обозначенную *hamarosan*.

(9) *A tárgyalásokat az hátráltatja, hogy a Gazprom más tárgyalási menetrendje nagyon sűrű, de az E.ON-Gazprom megállapodás is hamarosan sorra kerül, rövidesen aláírják, mondta Bernotat* [Переговорам мешает тот факт, что график других переговоров «Газпрома» очень плотный, но соглашение Е. ОН с «Газпромом» также **вот-вот** состоится, оно **скоро** будет подписано, заявил Бернотат] – уточняется, что речь идет именно о подписании договора.

(10) *A legjobb játékmód, az Onslaught ugyanis csupán néhányat kapott ezek közül. Most azonban a GameSpot jelentette, hogy a helyzet hamarosan változni fog. Rövidesen, egészen pontosan holnap két újabb hivatalos Onslaught pálya érkezik. gyorsan dolgoznak a srácok* [В лучшем игровом режиме, *Onslaught*, их всего несколько. Однако теперь *GameSpot* сообщил, что ситуация **скоро** изменится. **Вскоре**, если быть точным, завтра, придут еще два официальных трека *Onslaught*. Ребята работают быстро] – изменение ситуации состоит в прибытии новых треков.

5.2. Ситуация с *rövidesen* может представлять собой развитие ситуации, обозначенной *hamarosan*, при этом принципиальна быстрая их смена.

(11) *A jogszabály tervezetének első változata hamarosan elkészül, s rövidesen megkapják az illetékes minisztériumok is* [Первая версия законопроекта **скоро** будет готова и **вскоре** поступит в соответствующие министерства] – сперва закон готовят, затем сразу же направляют в министерство.

(12) *Este, mivel unatkozik egyedül a hotelban, hív egy call-girl-t. A hölgy hamarosan megérkezik a szobájába, és rövidesen kellemes elfoglaltságba kezdenek* [Вечером, скучая в одиночестве в отеле, он звонит

девушке по вызову, та **вскоре** приходит к нему, и **затем** они приступают к приятному занятию] – сначала девушка по вызову приходит к клиенту, затем тут же приступает к работе.

4.3. Контекстов с постпозицией *hamarosan* нам встретилось сравнительно мало, они представляют собой случаи, когда быстрая смена ситуаций не является принципиальной:

(13) *A kampányuk elsősorban az interneten zajlik majd, az írásos anyagok kiküldéséről rövidesen meghallgatják szakembereiket, s hamarosan döntenek* [Их кампания будет проходить в основном в Интернете, они **скоро** станут прислушиваться к экспертам и **вскоре** примут решение об отправке письменных материалов].

(14) *A mozdonyok teljesítménye hegyvidéki vonalrészekén rövidesen kevésnek bizonyult, ezért hamarosan a 170 sorozatú mozdonyok váltották fel őket...* [Производительность локомотивов на участках горных линий **вскоре** оказалась низкой, поэтому их **вскоре** заменили локомотивами серии 170].

(15) *Utódai hatalma azonban rövidesen meggyengült, és hamarosan több kisebb állam jött létre a területen...* [Однако власть его преемников **вскоре** ослабла, и **вскоре** на этой территории было создано несколько небольших государств].

(16) *A szlovák illetékes akkor arra hivatkozott, hogy részükről még nem tisztázott a műtárgyról vezető út Párkányhoz való csatlakoztatása, illetve a városban belüli forgalom megszervezése. Emellett az építkezés pénzügyi háttere sem biztosított. Viszont ígéretet tett arra, hogy az építkezés elé gördülő problémákat rövidesen megoldják, így hamarosan megkezdődhetnek a kivitelezési munkálatok* [В то время словацкий компетентный орган утверждал, что с их стороны еще не ясно, как соединить дорогу, ведущую вниз от сооружения, с городом Паркань и как организовать движение внутри города. Кроме того, финансовые предпосылки для строительства не предусмотрены. Однако он пообещал, что проблемы, которые ставит такое строительство, **скоро** будут решены, поэтому строительные работы **вскоре** могут начаться].

6. Выводы

6.1. Мы видим, что у словацких наречий эксклюзивными коллокатами *čoskoro* являются ментальные предикаты, прежде всего со значением иррационального восприятия, а также со значением установления, нахождения некоторой информации. И *čoskoro*, и *onedlho* сочетаются с глаголами, обладающими фазовой семантикой, а также с глаголами, обозначающими приготовление к чему-либо, ожидание. *O chvíľu* ориентировано на глаголы с перцептивным значением,

а также на глаголы движения. Кроме того, наречие сочетается с глаголом *zbadat'* 'заметить' и с частицами, маркирующими повторение ситуации, а также ее реальный статус. *Zakrátko*, на наш взгляд, является синонимом *čoskoro* и появляется в первую очередь в новостных сообщениях, большинство коллокаций данного наречия либо дублируют соответствующие у *čoskoro*, либо характерны для криминальной, медицинской или метеорологической сводки.

6.2. У венгерских наречий *nemsokára* 'скоро, вскоре' тяготеет к глаголам движения и речи, также к предикатам рационального суждения. *Hamarosan* имеет высокую связанность с фазовыми глаголами, а также с экзистенциальными, с глаголами группы «ждать, надеяться», и с глаголами, обозначающими становление, превращение. *Rövidesen* имеет в коллокатах некоторые фазовые глаголы; глаголы, обозначающие исчезновение, прекращение, также глаголы группы с глаголами группы «ждать, надеяться», и глагол *feltűnik* 'казаться'. *Mindjárt* имеет в числе эксклюзивных коллокатов главным образом глаголы с перцептивной семантикой, существительные «начало и конец», а также пространственные дейктические наречия.

Таким образом, можно говорить об относительной семантической корреляции между *o chvíľu* и *mindjárt*, ориентированных на непосредственно наблюдаемые ситуации, и *čoskoro* / *nemsokára*, которые обозначают рационально воспринимаемые, контролируемые ситуации. При этом *onedlho* / *hamarosan* маркируют принципиальное существование некоторой ситуации, однако в венгерском языке этот спектр значений более закреплен за соответствующим наречием, в то время как в словацком соответствующие коллокации смыкаются с коллокациями *čoskoro*. Сходная ситуация наблюдается у *zakrátko* / *rövidesen*, которые при этом также коррелируют в плане внутренней формы. Оба наречия обозначают быструю смену ситуаций, однако словацкое наречие сближается с *čoskoro* и приобретает жанрово-стилистическую отмеченность, в то время как в венгерском языке этого не происходит.

Источники и литература

Ващенко Д. Ю. Словацкие темпоральные наречия *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*: к вопросу о квазисинонимии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2 (3). С. 10–31.

Захаров В. П. Сочетаемость через призму корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 667–682.

Хохлова М. В. Обзор больших русскоязычных корпусов текстов // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. СПб.: Университет ИТМО, 2016. С. 74–77.

Barczy G., Országh L. et al. Magyar nyelv értelmező szótára. I–VII kötet. Budapest, 1959–1962. URL: <http://mek.oszk.hu/adatbazis/magyar-nyelv-ertelmezo-szotara/elolap.php> (дата обращения: 22.06.2022).

Benko V. Aranea: Ďalšia rodina (porovnatel'nej) webovej korporácie // Text, reč a dialóg. 17. medzinárodná konferencia, TSD 2014. Brno, Česká republika, 8.–20. september 2014. Zborník. LNCS 8655 / P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pále (eds.). Springer International Publishing Switzerland, 2014. S. 57–264. URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html (дата обращения: 22.06.2022).

Dice L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species // Ecology. 1945. Vol. 26. N. 3. P. 297–302.

KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka / red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. 4 v. vyd. Bratislava: Veda, 2003. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 22.06.2022).

Majchráková D. Korpusový pohľad na spájateľnosť slov // Slovenská rec. 2011. Roč. 76. Č. 1–2. S. 84–90.

Morfológia slovenského jazyka / L. Dvonč, G. Horák, F. Miko et al. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. 895 s.

Rychlý P. A lexicographer-friendly association score // Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008 / eds. P. Sojka, A. Horák. Brno: Masaryk University, 2008. P. 6–9.

Stefanowitsch A. Corpus linguistics. A guide to the methodology. Berlin: Language Science Press, 2020. 510 p.

SSS – Synonymický slovník slovenčiny / red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava: Veda, 2004. 998 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 22.06.2022).

SSSJ 1, 3 – Slovník súčasného slovenského jazyka. 1. A–G / red. K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2006; 3. M–N / red. A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2015. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 22.06.2022).

Tóth S. J. Aspekty slovensko-maďarskej porovnávej morfosyntaxe. Komárno: UJS Komárno, 2017. 295 s.

References

Barczy, G., Országh, L. et al. *Magyar nyelv értelmező szótára. I–VII köt.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959–1962. URL: <http://mek.oszk.hu/adatbazis/magyar-nyelv-ertelmezo-szotara/elolap.php> (accessed 22.06.2022).

Benko, V. “Aranea: Ďalšia rodina (porovnatel'nej) webovej korporácie.” *Text, reč a dialóg. 17. medzinárodná konferencia, TSD 2014. Brno, Česká republika, 8.–20. september 2014. Zborník*, ed. by P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pále. Springer International Publishing Switzerland, 2014, pp. 57–264. URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html (accessed 22.06.2022).

Dice, L. “Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species.” *Ecology*, 1945, vol. 26, No. 3, pp. 297–302.

Dvonč, L., Horák, G., Miko, F. et al. *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966, 895 p.

Khokhlova, M. V. “Obzor bol'shikh russkoiaznychkh korpusov tekstov.” *Komp'uternaia lingvistika i vychislitel'nyje ontologii*. St Petersburg: Universitet ITMO, 2016, pp. 74–77.

Krátky slovník slovenského jazyka, 4 v. vyd., ed. by J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. Bratislava: Veda, 2003. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (accessed 22.06.2022).

Majchráková, D. “Korpusový pohľad na spájateľnosť slov.” *Slovenská rec*, 2011, roč. 76, č. 1–2, pp. 84–90.

Rychlý, P. “A lexicographer-friendly association score.” *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008*, ed. by P. Sojka, A. Horák. Brno: Masaryk University, 2008, pp. 6–9.

Slovník súčasného slovenského jazyka, 1, A–G, ed. by K. Buzássyová, A. Jarošová, Bratislava: Veda, 2006; 3, M–N, ed. by A. Jarošová, Bratislava: Veda, 2015. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (accessed 22.06.2022).

Stefanowitsch, A. *Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press, 2020, 510 p.

Synonymický slovník slovenčiny. 3. nezm. vyd., ed. by M. Pisárčiková. Bratislava: Veda 2004, 998 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (accessed 22.06.2022).

Tóth, S. J. *Aspekty slovensko-maďarskej porovnávej morfosyntaxe*. Komárno: UJS Komárno, 2017, 295 p.

Vashchenko, D. Yu. “Slovackije temporal'nyje narechiia čoskoro, onedlho, o chvíľu: k voprosu o kvazisinonimii.” *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedeniye, Iazykoznanije. Kul'turologiia*. Moscow, 2021, No. 2 (3), pp. 10–31.

Zakharov, V. P. “Sochetajemost' cherez prizmu korpusov.” *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nyje tekhnologii*. Moscow: Izd-vo RGGU, 2015, pp. 667–682.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.01

D. Yu. Vashchenko

Slovak and Hungarian adverbs of the “soon” group according to corpus data

Vashchenko Daria Yurievna
Candidate of Letters, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: daranis@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1628-3861

Citation:

Vashchenko D. Yu. Slovak and Hungarian adverbs of the “soon” group according to corpus data // *Slavic Almanac*. 2022. № 3–4. P. 152–170 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.01

Received: 27.06.2022.

Abstract

The article examines four of the most commonly used Slovak and Hungarian adverbs belonging to the semantic group “soon”. Slovak and Hungarian, not being related, have been in close contact for a long time within the same state in Central Europe. At the same time, direct borrowings from Hungarian to Slovak, as well as Slavisms in Hungarian, have been studied well, while the question of possible semantic parallels in these languages remains practically unexplored. In particular, there are a number of formal correspondences between the adverbs of the group “soon” in Slovak and Hungarian, which overlap in a complex way with semantic correlations. The materials of the national corpora of the Slovak and the Hungarian languages, as well as the Slovak and the Hungarian corpora of the Aranea family of Internet corpora are used in the work. The compatibility of these adverbs is analyzed according to the logDice association measure; data on the mutual compatibility of lexemes are also accounted for. It is shown that we can speak about the relative semantic correlation of a pair of adverbs focused on directly observed situations and adverbs denoting rationally perceived, controlled situations. At the same time, the adverbs that mark the existence of a certain situation, as well as adverbs denoting a rapid change of situations, are more semantically isolated in the Hungarian language.

Keywords

Semantics, compatibility, areal typology, language contacts, corpus linguistics, Slovak language, Hungarian language.

УДК 811.162

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.02

М. М. Масальская,
О. А. Остапчук

Женские имена в урбанонимии славянских столиц (на примере Москвы, Варшавы и Софии)

Масальская Мария Михайловна
Аспирант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: marima94@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8431-7299

Остапчук Оксана Александровна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: ostapczuk@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2856-0793

Цитирование:

Масальская М. М., Остапчук О. А. Женские имена в урбанонимии славянских столиц (на примере Москвы, Варшавы и Софии) // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 171–189. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.02

Статья поступила в редакцию 13.05.2022.

Аннотация

В данной статье рассматриваются годонимы и агоронимы Москвы, Варшавы и Софии, посвященные женщинам, а также дается характеристика основных функций, реализуемых урбанонимами данного типа в городском ономастиконе. Материалом для анализа послужили 3 200 московских, 5 213 варшавских, 2 662 софийских годонимов и агоронимов. Наименования с опорой на женские имена составляют 5,1 % в Москве, 4 % в Софии, 15,2 % в Варшаве от общего количества всех названий, образованных от антропонимов. Несмотря на некоторые различия, универсальными для трех славянских столиц являются наименования, производные от имен и фамилий женщин-политиков и революционеров, а также деятелей культуры, науки и искусства. Отдельно стоит отметить заметную национальную ориентированность

годонимов, производных от женских имен, в отличие от коммеморативов, имеющих отношение к лицам мужского рода. В целом, однако, как в Москве, так в Варшаве и Софии присутствует значительный гендерный перекос в сторону годонимов, образованных от имен и фамилий деятелей-мужчин, в то время как имена и фамилии женщин в гораздо меньшей степени включены в ономастический ландшафт города. Это может быть обусловлено, в частности, ориентацией в ходе номинации на исторические периоды, когда женщины играли незначительную роль в общественной жизни и публичном пространстве.

Ключевые слова

Урбаноним, годоним, функции урбанонимов, коммеморатив, гендер, Москва, Варшава, София.

Современный город, будучи своеобразным конгломератом различных элементов материальной и духовной культуры, привлекает внимание широкого круга исследователей. Рассмотрение городского ономастикона в лингвокультурологическом аспекте позволяет сосредоточиться на его национальном и культурном своеобразии, отраженном, среди прочего, в исторически сложившемся наборе названий городских объектов. Соответственно, чтение городского текста, важной составляющей которого являются урбанонимы в целом и годонимы в частности, позволяет вычленил наиболее важные фрагменты концептуальной сферы, характерные для данной культуры и общества, в том числе гендерного характера.

Как XX, так и XXI век – это время, в которое резко возрастает «значимость гендерного фактора в социальных процессах»¹, что обуславливает особую остроту вопросов равноправия полов. Под гендерной политикой понимается комплекс мер, «направленных на обеспечение равных прав, свобод и возможностей раскрытия потенциала женщин и мужчин в контексте развития гендерной демократии и гендерной культуры в обществе»². Предполагается, что в различных

1 Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 190.

2 Гендерная политика в современном мире: учебное пособие / сост. О. Е. Гришин, В. М. А. Гарсон, С. Рахаримбулдунирина; под ред. О. Е. Гришина. М., 2021. С. 17.

сферах социально-общественной жизни должны быть в равных пропорциях представлены как мужчины, так и женщины, это касается и символического пространства. Однако гендерный баланс не всегда соблюдается, зачастую маскулинность доминирует над фемининностью даже в тех сферах, где это вполне достижимо.

Урбанонимы – названия внутригородских объектов (улиц, площадей и т. п.), составляющих «видимую часть символического пространства любого города»³; в настоящей статье основным объектом анализа являются годонимы – названия улиц, реже агоронимы – наименования площадей. Они призваны реализовать следующие функции: «индексальная – выделяет однотипные городские объекты из ряда подобных, информативная – определяет ориентацию человека в городском пространстве, указывает адрес, социативная – способствует речевому воздействию на социальные отношения между говорящими и потенциально третьими лицами»⁴. Не менее важными представляются функции, непосредственно не связанные с ориентацией в городском пространстве, но сопряженные с коннотативным потенциалом названий: коммеморативная (связанная с сохранением и популяризацией памяти о конкретных людях и/или событиях, значимых для государственной и/или местной памяти), символическая (делающая название частью символического пространства, порождающего концептуальные смыслы, часто сопряженные с идеологическим звучанием), эстетическая (способствующая актуализации сугубо эстетических коннотаций, связывающая название с миром прекрасного).

Наименования, образованные от антропонимов (*антропоним* – вид онима, любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка), составляют важную и количественно довольно заметную часть лингвокультурного пространства города⁵, демонстрируя среди прочего неочевидное распределение в нем гендерных ролей. Отметим, что в современной урбанонимии данный способ номинации внутригородских объектов является одним из ведущих. Как показал наш анализ,

3 Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // Дискурс. 2019. Т. 5. № 6. С. 109.

4 Щербак А. С., Грошев И. В. Социативная семантика урбанонимов // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 225.

5 Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 30–31.

из 3 200 московских урбанонимов⁶ на долю городских названий, образованных от антропонимов, приходится 30 % (961 наименование), из софийских⁷ 39 % (1 036 из 2 662), из варшавских⁸ 21,4 % (1 117 из 5 213). Однако при этом доля названий, образованных от женских имен, крайне незначительна: на них приходится 49 наименований в Москве, 44 в Софии и 170 в Варшаве. Отметим, что варшавское городское пространство оказывается гораздо более «феминно ориентированным», чем два других, если учесть, что в процентном отношении урбанонимы с опорой на женские имена составляют 5,1 % в Москве, 4 % в Софии, 15,2 % в Варшаве от общего количества всех отантропонимических названий.

Женские имена в урбанонимии Москвы

Количество годонимов Москвы, образованных от имен женщин, крайне невысоко (напомним, это 5,1 % всех отантропонимических названий). В тяжелые для истории времена женщина становится символом сплочения, объединения нации, достаточно вспомнить плакат времен Великой Отечественной войны «Родина-мать зовёт!», на котором изображена бесстрашная, смелая женщина, преисполненная решимости вести за собой⁹. Однако, как показывает анализ ономастического пространства, вклад конкретных женщин в историю и культуру если и вознаграждается общественным признанием, то крайне скупо и избирательно. Это отчасти может объясняться крайне уязвимым и политически подчиненным положением женщин в обществе вплоть до XX в. и низкой представленностью их в культурном классе и общественном пространстве. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что, по данным социологических и демографических исследований, в современной России наблюдается определенная гендерная асимметрия в пользу женщин, на их долю приходится 53 %, в то время как на долю мужчин – 47 %, при этом гендерный перекос не меняется с 1955 г.¹⁰

6 По данным за 2022 г., без учета годонимов и агоронимов Новой Москвы, см. портал yourmoscow.ru. URL: http://www.yourmoscow.ru/city/info/street_alphabet (дата обращения: 18.04.2022).

7 По данным за 2022 г., см. <https://geographic.org/streetview/bulgaria/sofia/sofia.html> (дата обращения: 18.04.2022).

8 По данным за 2022 г., см. <https://ulicetwojogomiasta.pl/ulice> (дата обращения: 18.04.2022).

9 Евсеева Л. В. Специфика репрезентации образа женщины в культуре // Вестник ИрГТУ. 2014. № 2 (85). С. 243.

10 Гендерная политика в современном мире... С. 6.

На наш взгляд, наименования объектов городского пространства Москвы, образованные от имен и фамилий женщин, исходя из положенного в их основу мотивировочного признака, можно распределить по следующим группам.

1. Урбанонимы, производные от фамилий домовладельцев. Так, *Душинская улица* получила свое название по фамилии домовладелицы М. Ф. Душиной, *Княжекозловский переулок* – по фамилии домовладелицы княгини А. М. Козловской, *Ксеньинский переулок* – по имени домовладелицы великой княгини Ксении Александровны, *Лаврушинский переулок* – по фамилии домовладелицы Лаврушиной, *Хилков переулок* – по фамилии домовладелицы княгини Хилковой и т. д.

Отметим, что все наименования подобного типа появились еще до революции 1917 г. В связи с рядом кампаний по переименованию (1917–1920 гг., 1990–1993 гг.) их количество могло существенно варьироваться. Процесс переименования (1917–1920 гг.) проходил отнюдь не симметрично: фамилия домовладелицы крайне редко заменялась фамилией другой женщины, чьи заслуги были оценены в соответствии с конъюнктурой эпохи, скорее делался выбор в пользу деятелей-мужчин или абстрактных понятий. В свою очередь, решение о возвращении улиц прежних наименований (1990–1993 гг.) было продиктовано вовсе не желанием восстановить гендерную справедливость, а скорее стремлением возродить исторические наименования в центре города.

На сегодняшний день данные наименования утратили мотивированность, обычный горожанин едва ли может восстановить их мотивационную составляющую без того, чтобы не обратиться к специальному ономастическому справочнику. «Важно ли, что <Лаврушинский переулок> обязан своим названием неизвестной домовладелице Лаврушиной? Теперь это всемирно известный адрес Третьяковской галереи, он стал понятием культурно-исторического порядка»¹¹. Очевидно, что урбанонимы подобного типа не являются репрезентацией женщин в городском пространстве, они выполняют скорее индексально-номинативную функцию, не актуализируя при этом функцию коммеморации. Более того, именно в силу утраты мотивации и сопутствующих коннотаций сохранение данной группы так называемых «владельческих» урбанонимов периодически оказывается под угрозой. Достаточно вспомнить дискуссию, возникшую в 2019 г. в связи с переименованием

11 Ефремов Ю. К. О ходе и принципах наименований московских улиц // Вопросы географии. М., 1985. Сб. 126. С. 35.

Настасьинского переулка (названного по имени жены князя Волконского) в честь российского режиссера М. Захарова¹². В свою очередь, дискуссия показала, что у такого типа названий могут развиваться устойчивые вторичные коннотации, связывающие урбаноним со старым, традиционным городским пространством и тем самым обеспечивающие его устойчивость и непрерывность.

2. Урбанонимы, производные от имен и фамилий революционеров и женщин-политиков. Здесь, на наш взгляд, можно выделить две подгруппы:

2.1. Урбанонимы, образованные от имен деятелей иностранного происхождения. Данная группа производна от имен тех, кто симпатизировал социалистическим идеям либо чья деятельность так или иначе была связана с советской идеологией: *площадь Индиры Ганди, улица Инессы Арманд, улица Клары Цеткин, улица Розы Люксембург*.

2.2. Урбанонимы, образованные от имен отечественных государственных и исторических деятелей: *улица Артюхиной* (А. В. Артюхина – советский партийный и профсоюзный деятель, член Центральной контрольной комиссии ВКП(б)), *улица Крупской* (Н. К. Крупская – партийный, общественный и культурный деятель, была одним из идеологов советского образования), *Люсиновская улица* (Л. А. Люсинова была одним из организаторов Союза рабочей молодежи в Москве, погибла в ходе вооруженных боев в Москве в октябре 1917 г.), *улица Стасовой* (Е. Д. Стасова – революционерка, участница международного коммунистического, женского, антивоенного и антифашистского движения), *улица Фотиевой* (Л. А. Фотиева – член партии большевиков, участница трех революций, личный секретарь В. И. Ленина) и т. д.

Вследствие возвращения (1990–1993 гг.) ряду улиц, расположенных в пределах Садового кольца, исторических названий, часть урбанонимов этого типа исчезла с карты Москвы, например, *улица Елизаровой* (в честь старшей сестры В. И. Ленина, революционерки и советской партийной деятельницы), *улица Землячки* (по фамилии заместителя главы Советского правительства в 1939–1943 гг.) и т. п. Данные годонимы призваны были выполнять коммеморативную и символично-идеологическую функции, однако изменение политического устройства, повлекшее за собой смену идей и, как следствие, трансформацию представления о героях, сказалось и на этом фрагменте городского пространства. В реалиях нового времени их символическое звучание,

¹² См.: Настасьин переулок. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Настасьинский_переулок (дата обращения: 18.04.2022).

как и культурно-историческая значимость персонажей, в честь которых были названы улицы, были утрачены, вследствие чего произошла замена на прежние названия (*улица Елизаровой* стала *Яковопостальским переулком*, а *улица Землячки* – *Большой Татарской улицей*), воссоздающие исторический «текст города».

3. Урбанонимы, производные от имен и фамилий участниц Великой Отечественной войны. Данная группа является наиболее многочисленной среди «женских» названий на карте Москвы. Большинство женщин, увековеченных в названиях московских улиц, совершили гражданский подвиг, пожертвовав жизнью, и были посмертно представлены к награде: *улица Гризодубовой* (В. С. Гризодубова – советская летчица, первая женщина, удостоенная звания Героя Советского Союза), *улица Наташи Качуевской* (участница оборонительного этапа Сталинградской битвы, ценой собственной жизни спасла 20 раненых), *улица Молдагуловой* (А. Н. Молдагулова – снайпер, Герой Советского Союза (посмертно)), *улица Расковой* (М. М. Раскова – советская летчица-штурман), *улица Лизы Чайкиной* (организатор партизанского отряда, трагически погибла в 1941 г.) и т. д.

Очевидно, что коммеморативные наименования подобного типа призваны актуализировать символические смыслы, составляющие основу исторической памяти и государственной политики в этой сфере. Согласно опросу, проведенному среди студентов МГТУ им. Н. Э. Баумана, урбанонимы, связанные с именами героев Великой Отечественной войны, способствуют закреплению в сознании горожанина памяти о событиях и героях тех дней¹³. На наш взгляд, здесь фокус внимания вновь смещается непосредственно с роли женщин и их вклада в победу на общий мемориальный ландшафт города.

Стоит отметить, что данная группа не подвержена переименованиям, что, вероятно, обусловлено особым отношением к Великой Отечественной войне, а отчасти также тем, что подобные наименования присваивались улицам в новых районах, у их жителей отсутствовала память о прежних названиях, таким образом, происходило не замещение, а создание «текста города». Такие урбанонимы реализуют в городском ономастическом пространстве коммеморативную,

¹³ *Оплетина Н. В., Трипольский В. Б.* Великая Отечественная война в контексте формирования исторической памяти молодого поколения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 1. С. 124–125.

а также, исходя из данных опроса, социативно-воспитательную и символическую функции.

4. Урбанонимы, производные от имен и фамилий деятелей культуры, науки и искусства. Данная группа достаточно разнородна и вносит заметное разнообразие в городской ономастикон. Названия этого типа, выполняя номинативно-индексирующую и коммеморативную функцию, создают также особое символическое напряжение, позволяя современному горожанину почувствовать живую связь с национальной культурой через соотнесение с текстом города. Ведь фактически любой житель города может связать такое наименование с конкретной личностью, назвать сферу ее деятельности и достижения благодаря содержащимся в коннотативном поле имен фоновым культурным знаниям. Многие из имен, давших названия городским объектам, относятся к прецедентным для русской и (реже) мировой культуры. Довольно однозначные культурные ассоциации вызывают такие названия, как *улица Анны Ахматовой*, *улица Валентины Леонтьевой* (советская и российская телеведущая, диктор центрального телевидения Гостелерадио СССР), *улица Галины Вишневской*, *улица Леси Украинки*, *улица Скульптора Мухомой*, *улица Софьи Ковалевской*, *улица Татьяны Макаровой* (советская киноактриса) и т. д.

Заметим, впрочем, что основная цель номинации – не столько репрезентация выдающихся женщин, сколько пополнение городского ономастикона за счет символическо-коммеморативных названий, фиксирующих национальный и международный культурный опыт и достижения. В данном случае, как и во многих других типах урбанонимов, «феминные» названия составляют лишь небольшой процент от общего количества онимов, увековечивающих исторических и культурных деятелей, большинство из которых – мужчины.

В последние годы Москва активно расширяется, в ее состав входят новые территории, где создается городская инфраструктура, неотъемлемой частью которой являются урбанонимы. В соответствии с корректировкой гендерной политики и стремлением к гендерному равенству новые годонимы могли бы более активно привлекаться для увековечения памяти о женщинах, внесших существенный вклад в развитие города и страны, однако основные тенденции номинации остаются прежними: женщины все еще недостаточно представлены на карте города. Важно обратить внимание, что большинство перечисленных урбанонимов, за исключением тех, что производны от фамилий домовладелиц, расположены на периферии, а как известно, значимость персоны напрямую связана с тем, какое место название, апеллирующее к ней, занимает в городском пространстве.

Женские имена урбанонимона Варшавы

Недостаточная представленность женщин в городском пространстве Варшавы недавно стала предметом долгих и оживленных дискуссий – и это при том, что польская столица явно опережает Москву и Софию по этому показателю, что можно считать исторически сложившейся особенностью варшавского урбанонимона. По инициативе Сейма Республики Польша 2018 год был признан годом прав женщин, в связи с этим активно обсуждались вопросы по увеличению количества годонимов и агоронимов, увековечивающих память о выдающихся польских женщинах. Активистками движения *Ulice dla Kobiet* («Улицы для женщин») составлялись различного рода петиции, в которых высказывались предложения по расширению варшавского ономастикона за счет женских имен. К тому же, по их мнению, права женщин ущемляются главным образом за счет того, что урбанонимы подобного типа чаще других подвергаются переименованиям, а сами улицы и аллеи располагаются достаточно далеко от центра, в отдаленных районах¹⁴. Авторы петиции предложили добавить в городское пространство имена еще 18 женщин, внесших определенный вклад в развитие польской культуры и государственности, однако на данный момент эти имена пока не появились на ономастической карте Варшавы.

Обнаруженные нами варшавские урбанонимы, образованные от имен и фамилий женщин, можно распределить по следующим группам.

1. Урбанонимы, производные от имен святых: *ulica św. Barbary* (святая Варвара), *ulica św. Marii Magdaleny* (Мария Магдалина), *ulica św. Teresy* (святая Тереза), *ulica św. Urszuli Ledóchowskiej* (Уршула Ледуховская) и т. д.

Отметим, что группа агиографических наименований достаточно широко представлена в варшавском ономастиконе, в отличие от московского. Это обусловлено тем, что в Москве улицы гораздо чаще получали свои наименования по находящимся в непосредственной близости монастырям и церквям (типа *Варварка* – по названию церкви св. Варвары), а не непосредственно по их покровителям или покровительницам. Тем самым, если в первом случае (как в Варшаве) ведущей функцией годонима является коммеморативная, то во втором (как в Москве) реализуется в первую очередь информативная функция. В то же время в обоих случаях коннотативные связи с духовной, религиозной сферой создают

¹⁴ См.: <https://naszademokracja.pl/petitions/ulice-dla-kobiet-apel-opamietnienie-kobiet-w-nazwach-warszawskich-ulic> (дата обращения: 19.04.2022).

важные символические смыслы, сопровождающие функционирование агиографических названий в городском пространстве.

2. Урбанонимы, производные от имен женщин – исторических деятелей, имеющих отношение к королевской семье: *ulica Anny Jagiellonki* (Анна Ягеллонка, королева польская и великая княгиня литовская с 1575 по 1596 г.), *ulica Królowej Aldony* (Альдона – дочь великого князя литовского Гедимина, польская королева с 1333 по 1339 г.), *ulica Królowej Bony* (Бона Сфорца д'Арагона – миланская принцесса, королева польская и великая княгиня литовская с 1518 по 1556 г., вторая супруга короля Сигизмунда I), *ulica Królowej Jadwigi* (Ядвига – польская королева с 1384 по 1399 г.), *ulica Marii Ludwika Gonzagi* (Мария Луиза де Гонзага – королева Польши с 1645 по 1648 г.) и т. д.

Примечателен сам факт наличия подобных коммеморативных названий на карте Варшавы (в отличие от Москвы), призванных актуализировать символические смыслы, связанные с историческим опытом страны, и запечатлеть при этом роль выдающихся правительниц. Заслуживает внимания тот факт, что имена царских особ не использовались при номинации объектов городского пространства Москвы и до революции 1917 г. Более того, даже имя Екатерины II, в чье правление была осуществлена, в частности, комплексная реконструкция Москвы, способствовавшая ее превращению «в современный, пригодный для жизни и развития город, а также приданию ей облика столичного города и возможностей исполнять свои столичные функции», не было представлено в городском ономастиконе¹⁵. На наш взгляд, в этом проявляется российская национально-культурная специфика в отношении городского пространства. Императоры и императрицы воспринимались как Помазанники Божьи, чьи имена достойны носить не улицы – но города, отсюда: *Екатеринослав, Екатеринодар, Екатеринбург, Елисаветград, Петербург* и т. п.

3. Урбанонимы, производные от имен и фамилий женщин-героев, принимавших участие во Второй мировой войне: *ulica Emilii Gierczak* (Эмилия Герчак – участница движения Сопротивления, подпоручик, погибла в бою), *rondo Krystyny Kraheleskiej* (Кристина Крахельская – польская поэтесса, ставшая одним из музыкальных символов Варшавского восстания, работала санитаркой, вынесла с поля боя двух раненых, была ранена, вследствие чего скончалась),

¹⁵ Белов А. В. Москва Екатерины Второй и Михаила Казакова: государственная программа трансформации структуры и облика «столичного города» // Культурное наследие России. 2017. № 4. С. 60.

ulica Haliny Kraheleskiej (Халина Крахельская – сестра Кристины Крахельской, была комендантом противовоздушной обороны в Варшаве), *rondo Emilii Malessy "Marcysi"* (Эмилия Малесса – участница Варшавского восстания, капитан Армии Крайовой), *aleja Ireny Sendlerowej* (Ирена Сендлер – участница движения Сопротивления, которой удалось спасти из Варшавского гетто более 2,5 тысяч детей) и т. д.

Данный тип коммеморативных названий находит свое прямое соответствие в московском городском пространстве. Будучи тесно связанными с исторической политикой памяти, как и в Москве, они призваны не только и не столько запечатлеть имя конкретного героя (героини) на карте столицы, но и актуализировать символический коннотативный потенциал, которым обладают имена участников (участниц) Второй мировой войны в национальном сознании.

4. Урбанонимы, производные от имен и фамилий женщин – политиков и революционеров: *ulica Indiry Gandhi* (Индира Ганди – индийский политик, единственная женщина-премьер-министр Индии), *ulica Krystyny Matysiakówny* (польская коммунистка), *ulica Marii Bohuszewiczówny* (русская революционерка польского происхождения), *ulica Heleny Kozłowskiej* (сторонница польского коммунистического движения), *ulica Hanki Sawickiej* (глава «Союза борьбы молодых») и т. д.

Ведущей для названий данного типа является коммеморативная функция, однако эффективность ее выполнения связана с тем, что выражаемые такими урбанонимами коннотации могут изменяться из-за колебаний в государственной идеологии и национальной политике памяти. Согласно инициаторам петиции об увековечивании памяти известных женщин в городском пространстве Варшавы, именно данная группа постоянно находится под угрозой переименования, на что влияет как политическая конъюнктура, так и предвзятое отношение самих горожан, поскольку приоритетным является стремление к тому, чтобы «увековечить в сознании поляков память о женщинах, активно способствовавших восстановлению польской независимости и созданию демократического правового государства»¹⁶.

5. Урбанонимы, производные от имен и фамилий женщин-учителей: *ulica Heleny Rzeszotarskiej* (в честь польской учительницы, основательницы частной женской школы в Варшаве), *ulica Stefanii*

¹⁶ См.: https://wiadomosci.onet.pl/warszawa/ulice-dla-kobiet-ciekawa-kampania-spoleczna-w-warszawie/t9ghxph?utm_source=yandex.ru_viasg_wiadomosci&utm_medium=referral&utm_campaign=leo_automatic&srcc=ucs&utm_v=2/ (дата обращения: 19.04.2022).

Sempołowskiej (учительница, активно выступала за права детей), *ulica Ludwiki Wawrzyńskiej* (варшавская учительница, спасшая из горящего дома четырех детей, оставленных без присмотра родителей). Это один из редких типов годонимов, где коммеморация связана со стремлением запечатлеть в городском пространстве локальную память, в данном случае – о вкладе в развитие образовательной системы Варшавы (и Польши в целом). Такой тип мотивации названий чаще встречается в небольших городах, однако и в варшавском городском пространстве, как мы видим, такие урбанонимы оказываются уместными и востребованными.

6. Урбанонимы, производные от имен и фамилий феминисток, защитниц прав женщин: *ulica Klementyny Hoffmanowej* (Клементина Гофман-Танская – первая женщина в Польше, жившая за счет своей педагогической и литературной деятельности, выступала против патриархального уклада; автор первого польского феминистского романа «Кристина», в котором высказывалась идея о возможности счастья для незамужней женщины), *ulica Justyny Budzińskiej-Tylickiej* (Юстина Будзиньска-Тыличка – активная участница женского движения, выступала за расширение прав женщин), *ulica Cecylii Śniegockiej* (в честь феминистской активистки, одной из организаторов первого Съезда женщин в 1899 г.). Появление на карте Варшавы коммеморативов, вносящих в «текст города» явные гендерные акценты, относится к новейшему этапу развития урбанимикона и создает новые коннотативные смыслы символично-идеологического характера.

7. Урбанонимы, производные от имен и фамилий деятелей культуры, науки и искусства: *ulica Elżbiety Barszczewskiej* (Эльжбета Барщевская – польская актриса театра, кино и телевидения), *ulica Marii Dąbrowskiej* (в честь польской писательницы, автора романов и новелл), *ulica Marii Grzegorzewskiej* (по имени польского психолога, профессора Варшавского университета), *most Marii Skłodowskiej-Curie* (Мария Склодовская-Кюри – ученый, нобелевский лауреат в области физики), *ulica Marii Skłodowskiej-Curie*, *ulica Matki Teresy z Kalkuty* (Святая Тереза Калькуттская, или Мать Тереза) и т. д.

Как и в случае с аналогичными московскими названиями, можно констатировать, что урбанонимы с опорой на культурно значимые имена апеллируют к фоновым знаниям, составляющим часть общего культурного багажа, что позволяет им выполнять, помимо чисто коммеморативной, также символическую функцию. В данном случае собственно гендерный аспект номинации является лишь частью коннотативного потенциала названий.

8. Урбанонимы, производные от имен литературных и мифологических персонажей: *ulica Antygony* (персонаж древнегреческой мифологии), *ulica Grażyny* (Гражина – героиня одноименной поэмы А. Мицкевича), *ulica Oleńki* (Оленька (Александра) Билевич – возлюбленная Анджея Кмитица, героиня романа Г. Сенкевича «Потоп»), *ulica Danusi* (по имени одной из главных героинь исторического романа Г. Сенкевича «Крестоносцы» – Дануси Юрандовны), *ulica Jagny* (по имени главной героини романа В. Реймонта «Мужики» – роковой Ягны Пачесь), *ulica Hery* (Гера – жена Зевса, персонаж древнегреческой мифологии), *ulica Kaśki Kariatydy* (по имени героини одноименной пьесы Г. Запольской «Каська-Кариатида») и т. д.

Это довольно специфический тип урбанонимов, для которого ведущей является функция актуализации значимых для польского культурного сознания имен и концептов, что позволяет говорить об эстетической и символической функции таких названий. Большая часть использованных в годонимах имен относится к разряду прецедентных и обладает высоким коннотативным потенциалом. Так, имя Гражины, будучи закрепленным в названии улицы, актуализирует связь с кругом устойчивых литературных ассоциаций и при этом соотносится с представлениями о женской внутренней силе, высокой степени патриотизма. Благодаря подобным урбанонимам «городской текст» пополняется элементами культурного кода, обеспечивающими его связность и устойчивость.

Женские имена урбанимикона Софии

Процент годонимов и агоронимов, посвященных женщинам, в столице болгарского государства весьма незначителен.

Наименования объектов городского пространства Софии, образованные от имен и фамилий женщин, можно распределить по следующим группам:

1. Урбанонимы, производные от имен святых: *улица «Света Екатерина»*, *улица «Света Марина»*, *площад «Света Неделя»*, *улица «Света Петка Търновска»*, *улица «Света София»*. Софийские агиографические названия, подобно варшавским, выполняют коммеморативную и символическую функции.

2. Урбанонимы, производные от имен женщин – исторических деятелей, имеющих отношение к царской семье: *улица «Княгиня Клементина»* (в честь Клементины Орлеанской, матери царя Болгарии Фердинанда I), *улица «Княгиня Косара»* (в память о дочери царя Самуила), *улица «Княгиня Мария-Луиза»* (по имени дочери

царя Болгарии Бориса III, сестры последнего царя Болгарии Симеона II), улица «Царица Елеонора» (Элеонора Рейсс-Кестрицкая, царица Болгарии и вторая жена царя Болгарии Фердинанда I) и т. д. Устойчивая связь с фоновыми культурными знаниями благодаря лежащему в основе таких урбанонимов имени собственному обеспечивает им способность выполнения не только коммеморативной, но и символической функций в городском пространстве.

3. Урбанонимы, производные от имен и фамилий женщин-политиков, а также тех, кто принимал участие в партизанском и революционном движении: улица «Индира Ганди», улица «Мара Бунева» (по имени болгарской революционерки, участницы Внутренней македонской революционной организации), улица «Йорданка Филаретова» (по имени революционерки и благотворительницы), улица «Янулка Янева» (в честь партизанки) и т. д. Данный тип названий аналогичен «политическим» коммеморативам Москвы и Варшавы, наиболее подверженным десемантизации из-за неустойчивости выражаемых ими идеологических коннотаций, и как следствие – возможным переименованиям. Следует отметить, что в основе урбанонимов данного типа, как правило, лежат имена, связанные с национальной историей, в данном случае болгарской. Среди интернационализмов, как и в других славянских столицах, доминируют, как правило, имена, ставшие прецедентными и обладающие устойчивым вневременным кругом культурных коннотаций: неслучайно имя Индиры Ганди, ставшее символом не только независимой Индии, но и независимой активной позиции женщин, появляется на картах всех трех исследуемых городов.

4. Урбанонимы, производные от имен и фамилий женщин-учительниц: улица «Анастасия Димитрова» (по имени первой болгарской светской учительницы времен Возрождения), улица «Баба Неделя» (по имени Недели Петковой Караивановой, чья деятельность была связана со сферой образования в Болгарии и Македонии), улица «Райна Княгиня» (в честь Райны Георгиевой, учительницы из Панагюриште, организовавшей благотворительное женское общество), улица «Яна Лъскова» (по имени сельской учительницы).

Данный тип коммеморативных названий, отмеченный также в ономастиконе Варшавы, но не представленный в Москве, в случае с Софией апеллирует не к локальным, а к общенациональным фоновым знаниям, одновременно подчеркивая гендерный аспект болгарской истории. Заметим, что сфера образования всегда воспринималась как место, доступное для профессиональной реализации женщины, а профессия учителя / учительницы считалась и нередко считается до сих пор чисто женской.

5. Урбанонимы, производные от имен и фамилий деятелей культуры, науки и искусства: улица «Блага Димитрова» (писательница), улица «Вера Игнатиева» (драматическая актриса), улица «Леа Иванова» (джазовая исполнительница), улица «Люба Величкова» (оперная певица), улица «Леся Украинка» (писательница), улица «Мими Балканска» (оперная певица), улица «Петя Дубарова» (поэтесса) и т. д. Среди «культурных» коммеморативов, как и в случае с Москвой и Варшавой, существенный процент составляют названия, в основе которых лежат имена представительниц национальной культуры, однако и наиболее известные интернациональные прецедентные имена (типа Леси Украинки) появляются на карте Софии. В любом случае важно сохранение за производящим именем круга важнейших коннотаций, основанных на культурном фоновом знании, необходимых для выполнения урбанонимом, в частности, символической функции.

6. Урбанонимы, производные от имен литературных и фольклорных персонажей: улица «Баба Илийца» (по имени главной героини рассказа И. Вазова «Болгарка»), улица «Хубава Грозданка» (по имени героини народной песни).

Использование подобных символических названий, актуализирующих также эстетическую функцию, предполагает наличие у имен, ставших базой номинации, устойчивого коннотативного потенциала, связывающего данное имя с национальным культурным опытом. Отметим, что в софийских литературных урбанонимах, в отличие от варшавских, в большей степени делается акцент на фольклорный компонент, что тем самым еще больше усиливает связь текста города с традиционным национальным контекстом.

Таким образом, очевидно, что гендерный дисбаланс в названиях улиц является глобальной проблемой. Объектам городского пространства во всем мире чаще всего присваивают имена мужчин: правителей, военных, героев, деятелей науки и культуры. Это объясняется отчасти тем, что на всем протяжении истории человечества у женщин вследствие их зависимого положения были ограниченные возможности реализовать себя в значимых сферах общественной жизни. Несмотря на стремление к преодолению гендерного перекося, наметившееся в последние несколько лет, названия улиц, являясь «неотъемлемой частью “текста” города, выражают доминирование маскулинности над фемининностью в городских пространствах»¹⁷. Более того, женские

¹⁷ Гербут Н. А., Гербут И. А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 64.

имена крайне редко встречаются среди агоронимов (площадь Индиры Ганди в Москве является довольно редким исключением), чаще всего они используются при номинации улиц и переулков.

Сравнив распределение годонимов и агоронимов, производных от имен и фамилий женщин, в ономастическом пространстве Москвы, Варшавы и Софии, представляется возможным сделать вывод о том, что выбор того или иного имени при номинации зависит прежде всего от национальной специфики и особенностей политики культурной памяти, проводимой государством. Это, в частности, объясняет наличие в урбанонимии Москвы и Варшавы значительного пласта наименований, связанных с событиями и, как следствие, героями / героинями Второй мировой войны, отсутствие в городском ономастике Москвы урбанонимов, имеющих отношение к лицам царской семьи и именам святых, – при их наличии в ономастическом пространстве Софии и Варшавы.

Универсальными для трех славянских столиц являются наименования, образованные от имен и фамилий женщин-политиков и революционеров, а также деятелей культуры, науки и искусства. Заслуживает внимания и тот факт, что *Индира Ганди* и *Леся Украинка*, по всей видимости, входят в когнитивную базу русских, поляков и болгар. Вклад этих женщин выделяет их из ряда других, выводя за рамки сугубо национального культурного опыта также связанные с ним фоновые знания, закрепленные в сознании.

Также стоит отметить заметную национальную ориентированность годонимов и агоронимов, производных от женских имен, в отличие от коммеморативов, имеющих отношение к лицам мужского пола. Соотношение «чужих» и «своих» среди урбанонимов, посвященных женщинам, следующее: 4 из 49 (8,16 %) московских, 18 из 170 (10,58 %) варшавских, 5 из софийских 44 (11,36 %). Кроме того, персоны, с формальной точки зрения маркированные как «чужие», так или иначе связаны со страной, в столице которой они представлены. Например, *улица Клары Цеткин* (немецкая революционерка провела остаток своих дней в Москве), *ulica Rosy Bailly* (по имени Розы Байи – французской учительницы и журналистки, оказывавшей помощь польским военнопленным в период Второй мировой войны), *улица «Леди Странгфорд»* (английская филантроп, помогавшая болгарам во время Апрельского восстания).

Источники и литература

Белов А. В. Москва Екатерины Второй и Михаила Казакова: государственная программа трансформации структуры и облика «столичного города» // Культурное наследие России. 2017. № 4. С. 60–66.

Гербут Н. А., Гербут И. А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 62–71.

Гендерная политика в современном мире: учебное пособие / сост. О. Е. Гришин, В. М. А. Гарсон, С. Рахаримбулулунирина; под ред. О. Е. Гришина. М.: Российский университет дружбы народов, 2021. 94 с.

Евсеева Л. В. Специфика репрезентации образа женщины в культуре // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 2 (85). С. 240–245.

Ефремов Ю. К. О ходе и принципах наименований московских улиц // Вопросы географии. М.: Мысль, 1985. Сб. 126. С. 33–47.

Оплетина Н. В., Трипольский В. Б. Великая Отечественная война в контексте формирования исторической памяти молодого поколения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1. С. 122–126.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.

Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 188–201.

Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // Дискурс. 2019. Т. 5. № 6. С. 108–119.

Щербак А. С., Грошев И. В. Социативная семантика урбанонимов // Социально-экономические явления и процесс. 2017. Т. 12. № 5. С. 224–229.

References

Belov, A. V. "Moskva Jekateriny Vtoroi i Mikhaila Kazakova: gosudarstvennaia programma transformatsii struktury i oblika 'stolichnogo goroda'." *Kul'turnoje nasledije Rossii*, 2017, No. 4, pp. 60–66.

Gerbut, N. A., Gerbut, I. A. "Nedopredstavlennost' zhenshchin v nazvaniiaxh ulits: gendernyje narrativy gorodskikh prostranstv." *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2021, No 4, pp. 62–71.

Gendernaia politika v sovremennom mire: uchebnoje posobie, comp. by O. Je. Grishin, V. M. A. Garson, S. Rakharimbulunirina; ed. by O. Je. Grishin. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2021, 94 p.

Jefremov, Iu. K. "O khode i printsipakh naimenovanii moskovskikh ulits." *Voprosy geografii*, vol. 126, Moscow: Mysl', 1985, pp. 33–47.

Jevsejeva, L. V. "Spetsifika reprezentatsii obraza zhenshchiny v kul'ture." *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2014, No. 2 (85), pp. 240–245.

Opletina, N. V., Tripol'skii, V. B. "Velikaia Otechestvennaia voina v kontekste formirovaniia istoricheskoi pamiati molodogo pokoleniia." *Istoricheskije, filosofskije, politicheskije i iuridicheskije nauki, kul'turologiia i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, 2016, No. 1, pp. 122–126.

Podol'skaia, N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii*. Moscow: Nauka, 1978. 198 p.

Pushkareva, N. L., Zhidchenko, A. V. "Zhenskije imena v nazvaniikh ulits tuvinskikh gorodov kak problema sokhraneniia sotsial'noi pamiati etnosa." *Novyye issledovaniia Tuvy*, 2021, No. 1, pp. 188–201.

Tkhakakhov, V. Kh. "Identichnost' i pamiat' v urbanonimakh Vladikavkaza." *Diskurs*, 2019, vol. 5, No. 6, pp. 108–119.

Shcherbak, A. S., Groshev, I. V. "Sotsiativnaia semantika urbanonimov." *Sotsial'no-ekonomicheskije iavleniia i protsess*, 2017, vol. 12, No. 5, pp. 224–229.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.02

M. M. Masalskaya, O. A. Ostapchuk

**Female names in the urban onomasticon of Slavic capitals
(on the example of Moscow, Warsaw, and Sofia)**

Maria M. Masalskaya

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, GSP-1, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E mail: marima94@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8431-7299

Oxana A. Ostapchuk

Candidate of Letters, researcher

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E mail: ostapczuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2856-0793

Citation

Masalskaya M. M., Ostapchuk O. A. Female names in the urban onomasticon of Slavic capitals (on the example of Moscow, Warsaw, and Sofia) // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 171–189 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.02

Received: 13.05.2022.

Abstract

This article examines the names of urban objects in Moscow, Warsaw, and Sofia dedicated to women, it also describes the main functions of such urbanonyms in the urban onomasticon. Under the analysis were 3200 Moscow, 5213 Warsaw, 2662 Sofia hodonyms and agoronyms. Urbanonyms based on female names account for 5.1 % in Moscow, 4 % in Sofia, 15.2 % in Warsaw of the total number of all anthroponymic names. Despite some differences, the urbanonyms derived from the names and surnames of women in politics and ideology, as well as cultural, scientific and artistic figures are universal for the three Slavic capitals. The noticeable national orientation of urbanonyms derived from female names, in contrast to the commemorative ones related to masculine persons, is worth noting. In general, however, in Moscow, as well as in Warsaw and in Sofia there is a significant gender bias with regard to urbanonyms from the names and surnames of male personalities. The names and surnames of women are much less represented in the onomastic landscape of the city, which demonstrates the insufficient degree of recognition of their contribution.

Keywords

Urbanonyms, anthroponyms, functions of urbanonyms, memoratives, gender, Moscow, Warsaw, Sofia.

УДК 398
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.03

Т. А. Агапкина

Карпатоукраинская *скуса* – от слова к персонажу

Агапкина Татьяна Алексеевна
Доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: agapi-t@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8098-7471

Цитирование

Агапкина Т. А. Карпатоукраинская *скуса* – от слова к персонажу // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 190–208. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.03

Статья поступила в редакцию 13.03.2022.

Аннотация

Целью работы является попытка объяснить появление персонажа *скуса* в западноукраинской мифологии через происхождение его названия, параллельно исследовав мотивы искушения в восточнославянском фольклоре. Формирование *скусы* как мифологического персонажа обусловлено высокой частотностью глагола *кусити* и его дериватов в говорах Западной Украины, глагола, обладающего негативными коннотациями и обозначающего соответствующую функцию Сатаны – искушать человека, провоцировать его на совершение несправедливых поступков. На фоне относительно высокой «активности» рассматриваемых глаголов искушения в местной мифологической прозе со временем происходит персонализация этой функции и появляются имена-персонажи (*скуса*, *покуса*), аналогичные другим однофункциональным персонажам типа *лякайлы* или *блуда*. *Скуса*, по сути идентичная черту, в силу своей недооформленности как персонажа лишена каких-либо определенных внешних черт и даже по своему грамматическому роду выступает в текстах то как женский, то как мужской персонаж. Впоследствии слово *скуса* начинает обозначать не только демона, но и разные болезни, преимущественно насланные; наконец, тот же глагол *спокушати* / *спокусити* / *скусити* используется как производный для обозначений лекарственных растений (*скусівник*), применяемых для избавления от *скусы*.

Ключевые слова

Искушение, Западная Украина, гуцулы, Карпаты, фольклор, мифологические рассказы, заговоры, персонификация демонической функции.

Работая с украинскими (и прежде всего западноукраинскими) заговорами, я обратила внимание на слово *скуса*, изредка в них встречающееся. Иногда оно упоминалось в тексте заговора, иногда в сопутствующем описании – как название болезни, для избавления от которой этот заговор читали. Поиск привел к одноименному демону, за которым по сути скрывался черт, а также к особой функции черта – *искушению*, т. е. склонению человека к греху и отказу от христианских и в целом нравственных убеждений. Рассмотрение довольно немногочисленных материалов – фольклорных текстов, мифологических верований и диалектной лексики, относящихся к *скусе*, и составляет основу работы, цель которой – попытаться объяснить появление этого персонажа в западноукраинской мифологии через происхождение его названия, параллельно исследовав мотивы искушения в восточнославянском фольклоре.

Скажем сначала о слове *искушать* и его лексическом гнезде в той части, которая связана со значением ‘искушать, вводить в грех’. В восточнославянских литературных языках присутствуют соответствующие глаголы, имеющие значение ‘соблазнять, прельщать’, а также их многочисленные производные: рус. *искушать*, *искусить*, *искус* ‘серьезное испытание, длительная и трудная проверка чьих-л. качеств’; книжн. *искуситель*, *искусительница* ‘тот, кто искушает кого-л., соблазнитель’; *искушение* ‘соблазн; устар. испытание, искус’ и др. (МАС 1: 680); бел. *спакусіць*, *спакушаць*; *спакуса*, *пакуса*, *спакушэнне* ‘соблазн, искушение’; *спакуслівы* ‘соблазнительный, заманчивый, обольстительный’; *спакуснік*, *спакусіцель*, *спакусіцельніца* ‘соблазнитель, искуситель’ и т. д. (БРС 3: 609); укр. *спокушати*, *спокусити*, *спокуса*, *спокушання*, *спокусник*, *спокусниця*, *спокуситель*, *спокусительница*, *спокусливий* и т. п. (СУМ 9: 563–565), причем в украинском языке широко распространены также разговорные формы *скусити* / *скушати* (СУМ 9: 339).

Этимологические словари единодушны в том, что **kusiti* восходит к готскому глаголу *kausjan* со значением ‘пробовать’ (ЭСБМ 12: 260; ЕСУМ 3: 160; ЭССЯ 13: 135, 137–138). Для старославянских глаголов *искоушити*, *искоушати* выделяется два значения: ‘испытывать, испробовать, исследовать’ и ‘ввести в искушение, искушать’ (СС: 266). Аналогичные значения демонстрирует и лексика словаря XI–XVII в. (Сл. 11–17, 6: 265, 267).

В диалектах трех восточнославянских языков ситуация складывается по-разному. В русских диалектах слова, относящиеся к этой лексической группе, немногочисленны и практически не обнаруживают значений, связанных с искушением и соблазнением. Выделяется два блока значений. Первый относится к семантике приобретения опыта, пробования, изучения чего-л.: рус. диал. *искус* 'совокупность практически усвоенных знаний, навыков; опыт'; *искуситель* 'сведущий в чем-л. человек, знаток чего-л.'; *искусливый* 'обладающий большим мастерством'; *искусить* 'познакомиться с чем-л., изучить что-л.' (СРНГ 12: 224). Второй блок сосредоточен вокруг таких понятий, как вкус и принятие пищи: *искус* 'вкус'; *искусить* 'попробовать, отведать'; *искушать* 'поесть, покушать'; *искусный* 'вкусный' и т. д. (Там же); при этом, повторяю, значение 'искусить, соблазнить', кажется, в них не обнаруживается и остается в зоне литературного языка. В белорусских диалектах соответствующие слова лишь иногда обнаруживают интересующую нас семантику – витеб. *спакуса* 'искушение': «Гэта ня дзеўка, а спакуса» (Касьпяровіч 2011: 289); *спакусіць* 'искусить': «Нячыстая сіла на грэх спакусіла» (Там же). В украинских диалектах, напротив, имеется немало подобных слов – *покуса* 'искушение' (СУМ 7: 56); *скушати, скусити* 'искушать, искусить': «Почали (чорти) скушати його» (Гринченко 4: 147); *кусити, кусати* 'искушать'; *кусійка, підкуса, покуса* 'искушение'; *скуса* 'искусительница, соблазнительная вещь' и др. (ЕСУМ 3: 160).

Ситуация меняется, когда в фокусе внимания оказывается Западная Украина – Гуцульщина, Бойковщина, Буковина и другие сопредельные территории. В диалектных словарях соответствующих говоров обнаруживается большое количество интересующих нас слов, которые демонстрируют три основных значения. Чаще всего слово *скуса* имеет значение 'искушение (спокуса)' – *скуса* 'спокуса': «Якбе ни та скуса, то він бе туда ни пуліз» (Корзонюк 1987: 221, зап. Волинь), ср. *скусите* 'спокусити, підмовити' (Там же); *покуса* 'спокуса; зрада' (Пипаш, Галас 2005: 147, гуцулы); *скуса* 'спокуса': «Дівка – то скуса» (Онишкевич 1984: 228, бойки). Вторым назовем значение 'демон, черт' – *скуса* 'эвф. черт' (Гуцульські говірки: 172); *скуса* 'спокуса, нечистая сила' (Пипаш, Галас 2005: 177). И третье значение 'испуг; болезнь от испуга' – *скуса* 'переляк': «То йак с'ї напудит, то скусу майе» (Гуцульські говірки: 172; Негрич 2008: 259).

В гуцульских и буковинских говорах фиксируется также *скуса* 1. заст. 'гадюка', 2. перен. 'зла жінка': «В него скуса, а ни жінка» (СБГ: 499); *скуся* 'зла, в'їдлива жінка' (Там же); *скуса* образл. 'зла жінка'

(Негрич 2008: 259). Известно также укр. диал. *скуса, скуси, скусса* 'мед. коклюш' (Верхратский 1877: 64; Гуцульські говірки: 172), выводимое этимологами через польское посредничество из лат. *excussio* (ЕСУМ 5: 292) и к теме искушения, кажется, отношения не имеющее.

Подобная диалектная картина в целом согласуется с употреблением соответствующих слов в фольклорных текстах. В русском, белорусском и украинском фольклоре глаголы группы «искусить / искушать» в значении 'соблазнять, прельщать' и их производные встречаются нечасто, их применение связано преимущественно с христианской тематикой и книжной традицией и отмечено в ограниченном количестве жанров, прежде всего в легендах и духовных стихах. Как известно, искушение человека с целью введения его в грех и передача во власть Сатаны было одним из занятий разного рода бесов, а прецедентным событием стало искушение Евы змием (Быт 3:1–15).

Вот пример белорусско-полесской легенды об Адаме и Еве, в которой соблазнение Евы передано с помощью соответствующего глагола:

Йирод *спокусиў* йих [Адама и Еву] яблоком. Они ж были голые, только тут-от так закрытое было. И он их *спокусиў*. Ева ўзяла яблоко и стала есть, и дала Вадаму. И Вадам-от, человек, у мушчин от тут от косточка е, во. Это тое яблоко сидит. Дак она *спокусила*, Ева, и Вадама яблоком етим. И Бог их с рая выгоняў. То ў Бублии было написано. Я бачыла только эти, картины. Дак Вадам плакал, и Ева плакала, як Бог их вугоняў з раю. И вугнаў их из раю. *Спокусиў* он их, Ирод. И от он *спокусае* людей, Ирод (Белова 2004, № 538, Замосье Лельчицкого р-на Гомельской обл.).

Предположительно, мотивы искушения в этой и подобных легендах усилены семантическим и фонетическим сближением *спокушати / спокусити* и *кусати / куснути* ('искушать' и 'кусать')¹.

Наиболее широко тема искушения представлена в мифологических рассказах и новеллистических сказках о соблазнении человека чертом в обыденной жизни либо при нарушении им бытовых запретов, либо в сложных, требующих правильного выбора бытовых ситуациях:

¹ *Искушение* первых людей пересекается с мотивом *кусания* яблока Евой, см. в «Плаче Адама»: «И Ева согршила, закон преступила, яблочко *скусила*... / Ты Адама, Адама, не вялев нам Господзь у рай прабуваць, / И закон преступаць, и яблочко *скушати*» (Романов 1891: 378).

Ложку надо перевернуть, щоб демоны не лизали ложку [т. е. положить выемкой вниз]. Они завсегда рядом с нами. Завсегда идите по правой стороне – ангел проводжаает вас, а па левой – *буде искушувать* вас демон, чорт (ПА, Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.);

[Правда, что Сатана искушает человека?] Ну, это *искушаить*, *искушаить* этим он, *искушаить*, вот, доведеть чем-нибудь. Вот доведеть, обозлить, разозлить, доведеть до горячки – вот *искусил* сатана. [Это значит искусил?] Да. [Как Сатана доводит человека до такого состояния?] Ну как он доводит – вот нерв у мене расходится, вот весь нерв (Блинова, Лоскутова 2020: 22, Тамбовская обл.);

[Черт в виде чернеца угощает водкой мужика] А вин, проклятый, держыть чарку перед очыма, та так пыльно на мене дывыться. Ну, звисно, чы дорого сатани *скусыть* чоловіка? – *скусыв* и мене гришного. Узав я вид його чарку, положыв коло себе бублика и став хрестыться. Перехрестывсь, гляжу на чарку, а вмисто чаркы у руци ломачка, а змисто бублика таке, шо и казать не хочю. Сам же чернец як кризь землю провалывся (Гринченко 1901: 100, Черниговский у.; сюжет о превращении артефактов – даров черта – в листья, ветки, камни, деревяшки и т. д.).

В русских и белорусских духовных стихах с помощью глагола «искушать» и его производных также передается мысль об искушении как испытании православного человека: «Тот человек избавлен будет от плотской похоти, / И от дьявольскаго *искушения* сохранен будет» (Бессонов 6: 144, «Стих о 12 пятницах», Владимирская губ.); «Жили б мы с тобой як брат ис сястрой; / Ня было бы у нас с тобой сограшения, / *При младости лет спокушения!*» (Романов 1891: 364, «Стих об Алексее человеке Божиим», Гомельский у.); «О, Христе, мой царю! / От всех *искушений* меня, грешнаго, соблюди / И от вечных мук слободи!» (Духовные стихи: 526, «Стих Иоасафа царевича», Прионежье).

Впрочем, гораздо чаще в подобных контекстах используются глаголы *соблазнять*, *смуцать*, *прельщать*, *заманивать* и т. д., а разножанровые тексты с глаголом «искушать / искусить» встречаются на большей части восточнославянской территории относительно редко.

В легендах и нарративах украинских Карпат тема искушения присутствует более широко, чем в других регионах Восточной Славии, а главное – эта тема передается прежде всего с помощью слов

интересующего нас лексического гнезда. В легендах на тему искушения Адама и Евы чаще всего, в соответствии с библейским прототипом, упоминается об искушении Евы, совершенном Сатаной в облике змия (часто именуемом не прямо, а эвфемистически): «Єї корінь “дранкавий” (дїравий). *Біда* не мала приступу до Еви і не могла єї *скусити*; але перевергла ся у змію, улїзла у корінь змийовини, тай відти говорила до Еви і *скусила* єї. За то тепер тот корінь дранкавий, а ростина називає ся змийовина» (Шухевич 1908: 257); «Ци на довго зостали ў райи Адам и Йива? Не на доўго, бо завидно быўо того шчысьтья, котре дыстаў Адам од Бога и Йива, то завидно быўо шатану и гльдаў пїтступства, штобы йїх *скусити*» (Гнатюк 1: 10); см. также волынскую легенду, в которой змей соблазняет Адама знанием (Белова 2004, № 542, Волынская обл.).

Часто легенды намеренно акцентируют вину Евы в этом событии, разыгрывая мотивы женской вины и мужской слабости:

Одам и Ева – вони були... Это Господь дал ужэ, шоб они показалы людям, як трэба вировать Господа. То вони показали, якы вони можуть люды буты. Бачтэ, поки... все ж таки жунка е жунка. Поки вона нэ *подкусыла* чоловіка, то вони ж жылы так як... А як вона *подкусыла* чоловіка да зыл жэ вун тэе яблоко да вжэ ж вони стали проступниками <...> (Оболенская, Топорков 1990: 170, Озерск Ровенской обл.)

и указывая на женщину как причину и источник блудодеяния:

Пан Біг зліпив Адама і Єву з глини тай каже: Ходїт собі по раю, але абисте не згрїшили. А вони обоє були голі і ціле тіло мали рогове, як наші ніхті. *А Єва підходила Адама тай скусила єго, бо кобіта то вмїє гірше чоловіка скусити. Адам ся розпалив тай пішов з нею спати і так згрїшив* (Гнатюк 1: 19);

Йик Адам и Йива жили в раї, то *сотана скусила* їх до блудства и вни [так!] вінец ни дотримали (Шухевич 1908: 13).

Искушение Евы, будучи первым в человеческой истории «случаем» искушения человека, приобретает прецедентный характер и определяет все последующие отношения человека со злым духом. Эпизод же искушения Христа в пустыне (Мф 4:1–11), в отличие от искушения Евы, в фольклорной традиции отражения практически не получил,

однако тема спора Христа и Сатаны на тему искушения человека в ней тем не менее присутствует. В закарпатской легенде в этом споре верх одерживает Христос, пообещавший человеку вечное блаженство:

Коли Христос проповідував на землі, нечистий хотів відговорити від сього. Казав, що *він людей все одно спокусить*, перетягне на свою руку. – Я дам людям Євангелю і навчу їх, як жити, – каже Христос. – А я дам карти, – каже нечистий. Перевірили і увиділи, що *карти дуже спокусливі*. – Я дам людям ладан, – каже Христос. – А я їх научу курити, – каже нечистий. Перевірили і увиділи, що люди вийшли з церкви, де їх обкурили ладаном, і відразу полізли в жеби за піпами, цигаретликами. – Я людей нагодую, – каже Христос. – А я й для ситих найду якусь забаганку, – каже нечистий. Зайшов Христос до одної хижі, де не мали люди що їсти. Зробив чудо – дав на стіл найдки і напитки. Наїлися люди, сидять ситі, Богу дякують. А нечистий висипав з поду у сіни міх горіхів. Побігли всі, почали хапати, трошити і їсти. – Я дам тим, *хто не спокуситься*, вічне блаженство у раю, – каже Христос. А нечистий не мав що відповісти (Сенько 1993: 45, Келечин Хустского р-на Закарпатской обл.).

Мотивы искушения проникают и в другие жанры западноукраинского фольклора, очень далекие от христианской сюжетики, в частности в коломыйки (шуточные припевки, сопровождаемые танцами): «Бодай тебе, дівчинонько, сім раз дідько мучив, навішалась кораликів, мене дідько *скусив*» (Гнатюк 1907: 86); «Гопа, гопа, гопакуса, сидит баба як *покуса*. Наїла сї галушок, за комином як мішок» (Гнатюк 1905: XXX); в пословицы и приговорки: «*Не маю хліба ні обруса, а біда сіла як покуса*. Говорять про богачку, що зайшла в гостину до бідного чоловіка» (Франко 1910, s.v. *Хліб*); мотивировки бытовых запретов: «Не вільно заміжній жінці виходити вечером надвір без хустки на голові, аби не потело та злий дух не *скусиу*» (Хобзей и др. 2013: 491) и др. Впрочем, и в этих жанрах источником искушения также оказывается черт (*дідько, злий дух*).

На этом фоне – диалектном (активное развитие лексического гнезда *скушати / скуса* в некоторых говорах Западной Украины) и фольклорном (тексты, использующие лексику «спокушення») – в местных традициях постепенно выкристаллизовывается имя субъекта этого действия, а именно *скуса, покуса*, за которым скрывается тот же черт. Этот мифологический персонаж-имя представляет собой персонификацию функции – искушать человека, провоцируя того грешить и совершать разные

неблаговидные поступки; никаких других функций и предназначений у этого персонажа не обнаруживается². Напомним, что хотя персонажей (имен)-функций в восточнославянском фольклоре не слишком много, но тем не менее они есть (*пужайла, блуд* и нек. др.).

Имя персонажа *скуса* не прошло мимо внимания украинских фольклористов и этнографов. Так, по мнению И. Чеховского, *скуса* – это всего лишь эвфемистическое наименование черта (Чеховский 2001: 252), что, на наш взгляд, не совсем так. Н. Войтович относит локальных бойковских персонажей *спокуса* и *покуса* к нечистым покойникам, связанным по происхождению с душами умерших детей, подобно *макам, потерчатам* и др. (Войтович 2015: 80), хотя, как нам кажется, это скорее узкодиалектная черта бойковской традиции.

Скуса и *покуса* как имена злого духа, черта фигурируют уже не в легендах, а преимущественно в западноукраинских мифологических рассказах. В них искушение утрачивает связь с библейским прецедентом и переходит в новеллистическую плоскость. В соответствующих нарративах так же, как и в легендах, действует черт, пытающийся навязать человеку несправедное поведение. Так, западно-волинский рассказ о *скусе*, пытавшейся рассорить супругов, развивается в рамках сюжета СУС 824 «Проверка верности жены»:

Ходыла *скуса* пу сыли. Чы Нина з Колею добрэ жывэ чы погано. Прыйшов *скуса* до хаты. Бэрэ открывае нибы чамойдана. Повный грошэй. – Ты загубай свого чулувика, я туби грошэй дам. – Вона сугласылася. – А чым? – Дав йий шашку. – Як нахылыться йисты, то вдар. – Вона вдарыла, а шашка на штыры кусы розлэтылася (ПА, Забужье Любомльского р-на Волинской обл.).

Гуцульская сказка рассказывает о человеке, который растратил свое имущество на бедных и богатых; когда деньги закончились, он вынужден был поселиться в лесу и питаться листьями, а за ним ходила *біда* (это была *скуса*) и спрашивала, что он будет делать, так как «тоти бідні <...> віпросили для него царство небесне, а *скуса* хотіла то збавити» [те бедняки выпросили для него царство Божие, а *скуса* хотела лишить его этого]. *Скуса* заключила с ним хитрый договор, по истечении которого душой и телом он должен был

² Этот принцип номинации Сатаны (дьявола), называемого разными именами (в том числе искусителем, Мф 4:3), описывающими его сущность и деяния, встречаем в Библии.

принадлежать ей, однако с помощью мудрой жены ему удалось обмануть *скусу* и признать договор недействительным. Господь сделал так, чтобы они жили в любви и согласии, а после смерти пошли в то царство, которое для них выпросили бедняки (Шухевич 1908: 127–128, Верховинский р-н Ивано-Франковской обл.).

Восприятие персонажа, именуемого *скуса*, *покуса*, именно как черта, злого духа вычитывается также из западноукраинских проклятий, построенных по модели «черт тебя возьми», типа *покуса би ти взяла* (Гнатишак 2017: 433, Ивано-Франковская обл.). Вместе с тем в украинском языке *скуса*, естественно, продолжает обозначать и собственно ‘искус, искушение’, что особенно заметно в разного рода молитвах от дьявольского искушения и связанных с ними текстах: «Христос зо мною, Христос надо мною, Христос мене стереже у день і в ночі і каждую годину від усёго злого. Прошу тебе, Господа Бога мого, через муку твою, котору ти претерпів за нас грішних, *скуси дїявільської*» (Драгоманов 1876: 168, «святое письмо»).

Хотя, как мы уже говорили, *скуса* как таковая не фигурирует в легендах об искушении Евы, это имя продолжает связываться с темой женской вины и кары за нее. Гуцульский нарратив толкует выражение *дівка скуса* через рассказ о пустынноике, воспитывавшем сына в лесу, вдали от мирских соблазнов; при первой же встрече с девушкой сын тем не менее не смог противиться тяге к ней и спросил отца, что она такое; отец ответил, что это «девка скуса» (Гнатюк 2: 94). Быличка бойков рассказывает, что *покуса* якобы приходила к потерявшей ее девушке-матери, чтобы по ночам сосать молоко; верили, что «то *покуса* – дитина за батьків *спокутує*», т. е. призрак-ребенок искупает вину родителей (Войтович 2015: 101). Если выше мы упоминали о явном пересечении и взаимном притяжении глаголов *спокушати* и *кусати*, то в данном случае, по-видимому, имеет место внутритекстовое наложение глаголов *спокушати* и *спокутувати* (*покутувати*) ‘искупать вину, каяться’, которые, помимо чисто фонетической близости, оба также связаны с темой греха.

В западнославянской перспективе формирование такого персонажа, как *скуса*, в западноукраинском фольклоре выглядит совсем не случайным. Польские глаголы *skusić* ‘искусить, соблазнить’ (SJP, s.v. *skusić*), *kusić* ‘искушать, соблазнять, манить’ (SJP 2: 649) были востребованы в фольклоре, ср. “Jeśli diabeł skusić ni może, to babę pośle i baba skusi” [Когда дьявол соблазнить не может, то пошлет бабу и баба соблазнит] (НКРР 1: 36). На основе этих глаголов сформировались в том числе наименования злого духа: *kusiciel* ‘тот, кто искушает, злой дух’, т. е. фактически черт, дьявол (SJP 2: 648); *pokuska* ‘тот,

кто пугает’ (SJP, s.v. *Pokusa*); *kusidło* 1. ‘тот, кто искушает’; 2. ‘страх, призрак, кающаяся душа’; 3. ‘мифологический персонаж, в которого через семь лет превращается ребенок, похороненный некрещеным’ (Karłowicz 2: 537; SJP 2: 649), ср. также *kusal*, *kusielec* ‘фольк. черт’ (SJP 2: 649), вероятно, под влиянием пол. *kusy* ‘куцый; черт’.

Эти же наименования этнографы фиксируют при описании польской мифологической традиции. Так, имена *pokusa* и *kusiciel* встречаются в ряду других наименований дьявола в Люблинском воеводстве (Pełka 1987: 185), а *kusiciel* известно в самых разных областях Польши (Там же: 187). Массовое (фактически общепольское) распространение последнего мифонима, вероятно, обусловлено тем фактом, что *kusiciel* – это одновременно и наименование дьявола в Библии, ср.: “Wtedy przystąpił kusiciel i rzekł do Niego: Jeśli jesteś Synem Bożym, powiedz, żeby te kamienie stały się chlebem” [И приступил к Нему искушитель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами] (Мф 4:3). Такие дословные совпадения наименования дьявола-«искусителя» в Библии и в народной традиции для восточнославянских языков не характерны.

Но вернемся на Украину. Говоря о теме «искушения» в западноукраинской мифологии, мы не упомянули еще об одной, совсем небольшой группе фактов. Речь идет о том, что глагол *скусити* и под. контекстуально может приобретать значение ‘испортить, сглазить’. Это значение встречается очень редко, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что И. Франко, приводя верование, согласно которому «як чоловік у церкві дримає, то сї робит скусоватий», сделал помету «Що значить “скусоватий”, не знаю» (Хобзей и др. 2013: 629, Косовский р-н Ивано-Франковской обл.), где *скусоватий* означает скорее всего ‘тот, кто подвержен сглазу’. Тем не менее в западноукраинских источниках соответствующее значение глагола и его производных все же можно обнаружить, например, в известной гаевке: «Вставай, челядойко, вставай, тай ни спіти, / жиби ни злетіла сива зазулейка, / жиби ні скусила дівочкую красу; бо дівочка краса, як у літі роса...» (Гнатюк 1909: 112, Старосамборский у.), а также, что вполне понятно, в оберегах:

На черном морі лежить камінь, а на камені гадини. *Хто тую гадину ізрушить, той мене спокусить* (Зорі 1991: 63, молитва од спокушення);

Хто з синього моря каміни виме да роскусить, *тот хрецену, нарощену чи в питті, чи їді, чи в гулянні, чи в буянні, чи в житньому хлібі іспокусить* (Зорі 1991: 64, заговор от порчи, Киевская обл.);

Хто свой язык прикусить, *тоди моє ружо искусить*; хто свои руки и ноги поѣсть, тоди мое ружо изъѣсть; хто всю землю пожире, той мое ружо врече! (Ефименко 1874, № 168, заговор от порчи ружья из черноморской рукописи).

Примечательно, что такое же значение единично фиксируется и в русской традиции, далеко за пределами украинской языковой среды: «*Искусить*. Сделать кого-либо больным при помощи колдовства. *Колдун этот тебя искусит, если захочет*. [А что колдунья делает?] Вот если надо тебя испохабить, чтоб ты заболела ли чѣ, она может тебя погладить по голове или по чему. Ей тебя надо искусить, и всё» (ПМС 1: 285, Пермская обл.). Объяснений формированию значения 'испортить' у этого глагола в русских диалектах может быть несколько. Одно, как мне кажется, связано с пониманием искушения как происков дьявола и колдунов, действия которых в отношении человека имеют злонамеренный характер. И второе, собственно языковое – аттракция к глаголам *кусать*, *укусить*, обозначающим среди прочего также и способ причинения вреда.

Порча, наведенная через *спокушеніе*, следствием своим имела появление у человека некой болезни, которая так же, как и злой дух, получала наименование *скуса*, причем в некоторых случаях понять, идет речь о демоне или недуге, можно лишь с большой долей условности. Так, гуцулы, «ек дитина хрипит шо сп'ючі», считали, что «то е *скусовата*», и в этом случае заговаривали ребенка «вид скуси...» (от демона или болезни?) (Шекерик-Доників 2009: 145).

Собственно народномедицинских сведений, касающихся *скусы*, также немного. *Скуса* фигурирует как название некоего недуга в текстах заговоров и сопутствующих описаниях. Так, например, запрет использовать побитое молнией дерево в качестве топлива гуцулы объясняли тем, что «як би топиў тим деревом, то би гістав *лісову скусу*. Тото така слабіськ, шо по під шкіру буде тріщити <...> То аби узєў громовицю та тим топиў у хаки, то *зараз дістане чоловік лісову скусу*; а то дуже нудно такому, то шось гей би єму по під шкіру скоботало» (Онищук 1909: 46), т. е. в данном случае речь, по-видимому, идет о каких-то подкожных проявлениях болезни. Те же гуцулы использовали растение *скусівник* 'Astrantia vulgaris' (Шухевич 1908: 246) для избавления от родимца у детей, а *оделен* 'Valeriana off.' «від смутку, против скуси і від лісної, як від неї находить сум на чоловіка» (Там же: 260), то есть от печали и дурного настроения, что соответствует прикарпатскому свидетельству (Снятин, ныне Ивано-Франковская обл.) о чтении заговора

от *скусы*, а именно от меланхолии и бессонницы (Mroczko 1897: 585), хотя слово *скуса* в тексте заговора отсутствует.

Впрочем, даже в тех случаях, когда *скуса* называется в тексте заговора, определенности ее образа это нимало не способствует. В закарпатском заговоре от холеры *скуса* входит в перечень болезней и/или мифологических персонажей (разграничить их практически невозможно), доступ которых к дому человека этот заговор должен пресечь:

Коло нашого двора каминна гора, тесове кілби, огньина ріка. До нашого дому не приступльи ні чума, ні чуменьита, ні *скуса*, ні *скусеньита*, ні потруноньки, ні потрупницї, ні відьми з відьменьити, ні упирї з упиреньити, ні йике лихе не приступит до нашого дому (Франко 1898: 51, Свалявский р-н Закарпатской обл.).

Иногда в заговорах появляется сложный образ, объединяющий двух демонов – *скусу* и *мару*:

Ишов Господь Бог морем золотим мостом, стрѣв поток, *мару покусу*. Згинь, маро покусо... (Гринченко 1901: 84, рукописный заговор от перелога у коня);

«Хоц тя з'їли на роботї, хоц тя з'їли на охотї, хоц ес си уфатила іс *скусов-марусов*, з душлинов, з кашлинов...» (Франко 1898: 59, гуцулы; заговор от *увїду* – от слабости или уроков, насланных ведьмой).

Впрочем, чаще такие заговоры имеют общеапатропеический характер и направлены на избавление от *скусы* как насланной болезни, формы сглаза или порчи:

Скусо, скусо, іди ты собі від мене, та іди собі по над воде, знайдеш собі чоловіка в білім манті (плаще), в білих споднях, в білих чоботах, в білім капелюши. Будеш ся з ним грати, з ним розкошувати, а мені спокій дати. Бо у мене язык ніж, руке коса, ноги сокера (Mroczko 1897: 586, Снятин, ныне Ивано-Франковская обл.);

Господи, допоможіть викликати цю болу, цю скусу від Віри хрещеної. Я тебе, скусо, викликаю від маминого утроба, скусо мамина чи чужої людини, чи тварини, чи з грому, чи із стрільби <...> Я тебе, скусо, в Чорне море відсилаю <...> Я на тебе, скусо, силу маю, я тебе за дев'яту межу відсилаю (Зорі 1991: 13–14, Косовский у., Покутье);

Де ти, скусо, взялася <...>. Я тобі, скусо, дам три роботи: одну роботу – воду переливай, другу роботу – камінням гуди, третю роботу – вітрами шуми (Мовна 2017: 449, Городенковский р-н Ивано-Франковской обл.).

***

Таковы некоторые наблюдения, касающиеся западноукраинской *скусы* как диалектного слова, обозначения мифологического персонажа и названия болезни. Кажется возможным предположить, что формирование *скусы* как мифологического персонажа определялось высокой частотностью глагола *спокушати / спокусити / скусити* в говорах Западной Украины, глагола, обладающего негативными коннотациями и обозначающего соответствующую функцию Сатаны, дьявола – искушать человека, провоцировать его на совершение несправедливых поступков. На фоне относительно высокой «активности» рассматриваемых глаголов искушения в местной мифологической прозе со временем произошла персонализация этой функции и появились имена-персонажи (*скуса, покуса*), аналогичные другим однофункциональным персонажам типа *лякайлы* или *блуда*. *Скуса*, по сути идентичная черту (известному под самыми разными, в т. ч. эвфемистическими именами, такими как *черт, враг, лукавий, черный, лихой, дідько* и др.), в силу своей недооформленности как персонажа, была лишена каких-либо определенных внешних черт и даже по своему грамматическому роду выступала в текстах то как женский, то как мужской персонаж (вспомним приведенный выше волынский пример). Впоследствии, как часто случается с именами мифологических персонажей, слово *скуса* стало обозначать не только демона, но и разные болезни, как телесные, так и душевные, причем преимущественно насланные (типа порчи и сглаза); иногда демон и болезнь не различались в соответствующих народномедицинских текстах; наконец, тот же глагол *кусити* и его дериваты использовались также для обозначения лекарственных растений (*скусівник*), применяемых для избавления от *скусы*.

Отмеченное нами упоминание имен мифологических персонажей в западноукраинских заговорах от *скусы* – в форме обращения к ней или адресованных ей формул изгнания – составляет специфическую особенность карпато-балканской заговорной традиции по сравнению с общевосточнославянской, см.: «*Вішицьо, віщицьо, опекала ты мого хлопця, а я опечу твоє дівча*» (Вархол 1995: 246, русины; *вішиця* – краснуха); «*Круг мого двора <...> вогненна ріка, а за тою рікою або ж упір, або відьма, або злій дух є. То він до мене не перелізе, не перейде,*

бо я нічого не боюся» (Подолінний, Безверхий 1993: 358, Подолия); «*Хоть йисте чародійники, хоть йисте лиходійники, хоть йисте чьиродійниці, хоть йисте лиходійниці <...> я всі ці горести, болести візиваю, вікликаю <...>*» (Шухевич 1908: 230, гуцулы).

Я предполагаю, что эта особенность – «возложение вины» за те или иные болезни на мифологических персонажей – малохарактерна для заговорной традиции русских, белорусов и восточных украинцев и в большей степени соотносится с карпато-балканской мифологической системой в целом, в которой демоническое «влияние» на человека предстает гораздо более глубоким, а заговоры лишь «транслируют» ее.

Источники и литература

ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва.

Белова 2004 – «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с.

Бессонов 1–6 – Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М.: В типографии А. Семена, 1861–1864. Вып. 1–6.

Блинова Е. Ю., Лоскутова Д. Н. «Чемер» в мифологических представлениях и медицинской практике тамбовских крестьян // Живая старина. 2020. № 4. С. 19–22.

БРС – Беларуска-рускі слоўнік: у 3 т. 3-е вид. / под рэд. К. Крапівы. Мн.: БелЭн, 2003. 1120 с.

Вархол Н. Народні методи профілактики та лікування дитячих захворювань // Науковий збірник державного Музею української культури в Свиднику. Пряшів, 1995. Т. 20. С. 239–258.

Верхратский И. Знадобы до словаря южнорусского. І. Львів: З печатні Товариства імен. Шевченка, 1877. 88 с.

Войтович Н. М. Народна демонологія Бойківщини. Львів: СПОЛОМ, 2015. 228 с.

Гнатішак Ю. Слова з Болехова / співавтори-лексикографи: О. Сімович, Н. Хобзей (відп. ред.), Т. Ястремська. Львів: [б. и.], 2017. 636 с.

Гнатюк 1–2 – Гнатюк В. Галицько-руські народні легенди. Т. 1–2 // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 12–13.

Гнатюк В. Коломийки. Т. 1, 3 // Етнографічний збірник. 1905. Т. 17; 1907. Т. 19.

Гнатюк В. Гаївки // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1909. Т. 12. 267 с.

Гринченко 1–4 – Словарь украинского языка: в 4 т. / ред. Б. Гринченко. Киев: [б. и.], 1907–1909. Т. 1–4.

Гринченко Б. Д. Из уст народа. Малорусские рассказы, сказки и пр. Чернигов: Земская типография, 1901. 488 с.

Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів: [б. и.], 1997. 232 с.

Драгоманов 1876 – Малорусские народные предания и рассказы: Свод Михаила Драгоманова. Киев: Изд. Юго-зап. отд. Импер. Рус. геогр. о-ва, 1876. 434 с.

Духовные стихи – Духовные стихи Русского Севера / сост. В. П. Кузнецова, сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 800 с.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: в 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982–2012.

Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний. М.: Университетская типография, 1874. 64 с.

Зорі 1991 – Ви, зорі-зориці. Українська народна магічна поезія (Замовляння) / упор. М. Г. Василенка, Т. М. Шевчук. Київ: Молодь, 1991. 334 с.

Касьярович М. Віцебські краєві слоўнік (матар'ялы). Менск: Arche, 2011. 372 с.

Корзонюк М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика. Збірник наукових праць. Київ: Наукова думка, 1987. С. 62–267.

МАС – Малый академический словарь / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.

Мовна У. Бджільництво: український обрядовий контекст. Львів: Інститут народознавства, 2017. 552 с.

Негрнич М. Скарби гуцульського говору: Березови. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. 224 с.

Оболенская С. Н., Топорков А. Л. Народное православие и язычество в Полесье // Язычество восточных славян. Л.: Наука, 1990. С. 150–177.

Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. 1, 2.

Онищук А. Матеріали до гуцульської демонології // Матеріали до українсько-руської етнології й антропології. Львів: З друкарні наукового товариства ім. Шевченка, 1909. Т. 11, ч. 2. С. 1–139.

Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали до словника гуцульських говірок (Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області). Ужгород: Ужгород. нац. університет, 2005. 266 с.

ПМС – Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края / сост. И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, С. Ю. Ко-

ролева; отв. ред. И. И. Русинова. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. СПб.: Маматов, 2019. 832 с.

Подолінний А. М., Безверхий О. С. Знахарське наочання // Подільська старовина: наук. зб. Вінниця, 1993. С. 357–360.

Романов Е. Р. Белорусский сборник: в 9 вып. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина, 1891. 450 с.

СБГ – Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

Сенько 1993 – Коли Христос по землі ходив. Народні оповіді / упоряд. І. Сенько. Ужгород: Карпати, 1993. 135 с.

Сл. 11–17 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. язык, 1999. 842 с.

СУМ – Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1970–1980. Т. 1–11.

Франко І. Гуцульські примівки // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 41–72.

Франко І. Галицько-руські народні приповідки. Львів: Друкарня Наукового товариства ім. Шевченка, 1910. Т. 3. 554 с.

Хобзей Н., Ястремська Т., Сімович О., Дидик-Меуш Г. Гуцульські світи. Лексикон. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2013. 668 с.

Чеховський І. Демонологічні вірування і народний календар українців Карпатського регіону. Чернівці: Зелена Буковина, 2001. 303 с.

Шекерик-Доників П. Рік в віруваннях гуцулів. Верховина: Гуцульщина, 2009. 352 с.

Шухевич В. Гуцульщина. Львів: З загальної друкарні, 1908. 300 с.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / ред. Г. А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–. Т. 1–.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1900–1911. Т. 1–6.

NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga / red. J. Krzyżanowski, S. Świrko. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978. Т. 1–4.

Pelka L. J. *Polska demonologia ludowa*. Wrocław: Iskry, 1987. 236 s.

SJP – Słownik języka polskiego / ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedzwiedzkiego. Warszawa: W drukarni E. Lubowskiego, 1900. T. 1–8.

References

Belaruska-ruski sloŭnik, ed. by K. Krapiva, in 3 vols., 3^d ed. Minsk: BelĖn, 2003, 1120 p.

Blinova, Je. Iu., Loskutova, D. N. “«Chemer» v mifologicheskikh predstavleniiah i meditsinskoi praktike tambovskikh krest'ian.” *Zhivaia starina*, 2020, No. 4, pp. 19–22.

Chekhovs'kyi, I. *Demonolohichny viruvannia i narodnyi kalendar ukraïntsv Karpats'koho rehionu*. Chernivtsi: Zelena Bukovyna, 2001, 303 p.

Dukhovnyje stikhi Russkogo Severa, comp. by V. P. Kuznetsova, comp. of the musical appendix G. V. Lobkova, M. N. Sheichenko. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tseŭtr RAN, 2015, 800 p.

Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond, vols. 1–, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev. Moscow: Nauka, 1974–.

Etnodialektnyi slovar' mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraia, part 1: Liudi so sverkh' jestestvennymi svoistvami, comp. by I. I. Rusinova, A. V. Chernykh, K. E. Shumov, S. Iu. Koroleva; ed. by I. I. Rusinova. St Petersburg: Mamatov, 2019, 832 p.

Ėtymalahichny cloŭnik belaruskaj movy, vols. 1–, ed. by H. A. Tsykhun. Minsk: Navuka i tĕkhnik, 1978–.

Etymolohichnyi slovnyk ukraïns'koj movy, in 6 vols., ed. by O. S. Mel'nychuk. Kyïv: Naukova dumka, 1982–2012.

Hnatyshak, Iu. *Slova z Bolekhova*, ed. by O. Simovych, N. Khobzei, T. Iastrems'ka. L'viv: [s.n.], 2017, 636 p.

Hutsul's'ki hovirki. Korotkyi slovnyk, ed. by Ia. Zakrevs'ka. L'viv: [s.n.], 1997, 232 p.

Kas'piarovich, M. *Vitsebski krajevy sloŭnik (matar'ialy)*. Mensk: Arche, 2011, 372 p.

Khobzei, N., Iastrems'ka, T., Simovych, O., Dydyk-Meush, H. *Hutsul's'ki svity. Leksykon*. L'viv: Instytut ukraïnoznnavstva im. I. Kryp'iakevycha NAN Ukraïny, 2013, 668 p.

Koly Khrystos po zemli khodyv. Narodni opovidy, ed. by I. Sen'ko. Uzhhorod: Karpaty, 1993, 135 p.

Korzoniuk, M. M. “Materialy do slovnyka zakhidnovolyns'kykh hovirok.” *Ukraïns'ka dialektna leksyka. Zbirnyk naukovykh prats'*. Kyïv: Naukova dumka, 1987, pp. 62–267.

Malyi akademicheskii slovar', ed. by A. P. Jevgen'jeva, in 4 vols., 2^d ed. Moscow: Russkii iazyk, 1981–1984.

Movna, U. *Bdzhil'nytstvo: ukraïns'kyi obriadovyi kontekst*. L'viv: Instytut narodoznavstva, 2017, 552 p.

«*Narodnaia Bibliia*»: *Vostochnoslavianskije etimologicheskije legendy*, comp. and comm. by O. V. Belova. Moscow: Indrik, 2004, 576 p.

Negrych, M. *Skarby hutsul's'koho hovoru: Berezovy*. L'viv: Instytut ukraïnoznnavstva im. I. Kryp'iakevycha NAN Ukraïny, 2008, 224 p.

Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga, vols. 1–4, ed. by J. Krzyżanowski, S. Świrko. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978.

Obolenskaia, S. N., Toporkov A. L. “Narodnoje pravoslavije i iazychestvo v Poles'je.” *Iazychestvo vostochnykh slavian*. Leningrad: Nauka, 1990, pp. 150–177.

Onyshkevych, M. Ī. *Slovnyk boïkivs'kykh hovirok*, in 2 parts. Kyïv, 1984.

Pelka, L. J. *Polska demonologia ludowa*. Wrocław: Iskry, 1987, 236 p.

Pipash, Iu., Halas, B. *Materialy do slovnyka hutsul's'kykh hovirok (Kosivs'ka Poliana i Rosishka Rakhivs'koho raïonu Zakarpats'koï oblasti)*. Uzhhorod: Uzhhorod. nats. universytet, 2005, 266 p.

Podolynnyi, A. M., Bezverkhyi, O. S. “Znakhars'ke nauchannia.” *Podil'ska starovyna: nauk. zb*. Vinnytsia, 1993, pp. 357–360.

Shekeryk-Donykiv, P. *Rik v viruvanniakh hutsuliv*. Verkhovyna: Hutsul'shchyna, 2009, 352 p.

Slovar' russkikh narodnykh govovor, vols. 1–, ed. by F. P. Filin (vols. 1–22); F. P. Sorokoletov (vols. 23–42); S. A. Myznikov (vols. 43–). Moscow; Leningrad; St Peterburg: Nauka, 1965–.

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv., vols. 1–. Moscow: Nauka, 1975–.

Slovnyk bukovyns'kykh hovipok, ed. by N. V. Huïvaniuk. Chernivtsy: Ruta, 2005, 688 p.

Slovnyk ukraïns'koï movy, vols. 1–11, Kyïv: Naukova dumka, 1970–1980.

Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vv.), ed. by R. M. Tseitlin, R. Vecherki & E. Blagova. Moscow: Rus. iazyk, 1999, 842 p.

Varkhol, N. “Narodni metody profilaktyky ta likuvannia dytiachykh zakhvoriuvan'.” *Naukovyi zbirnyk derzhavnogo Muzeiu ukraïns'koï kul'tury v Svydnyku*. Priashiv, 1995, vol. 20, pp. 239–258.

Voïtovych, N. M. *Narodna demonolohiia Boïkivshchyny*. L'viv: SPOLOM, 2015, 228 p.

Vy, zori-zorytsi. Ukraïns'ka narodna mahichna poeziia (Zamovliannia), comp. by M. H. Vasylenka, T. M. Shevchuk. Kyïv: Molod', 1991, 334 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.03

Т. А. Агапкина

Carpatho-Ukrainian *skusa* – from word to character

Tatyana A. Agapkina
 Doctor of Letters, chief research fellow
 119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
 E-mail: agapi-t@yandex.ru
 ORCID: 0000-0001-8098-7471

Citation

Agapkina T. A. Carpatho-Ukrainian *skusa* – from word to character // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 190–208 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.03

Received: 13.03.2022.

Abstract

The article attempts to explain the appearance of the character *skusa* in Western Ukrainian mythology through the origin of its name, while exploring the motives of temptation in East Slavic folklore. The formation of *skusa* as a mythological character is due to the high frequency of the verb *kusyty* and its derivatives in Western Ukrainian dialects. This verb has negative connotations and denotes Satan's function to tempt a person, to provoke him or her to commit unrighteous deeds. Against the background of the relatively high "activity" of the verbs of temptation in local mythological prose, this function is personalized over time and character names (*skusa*, *pokusa*) appear, similar to other single-functional characters such as *lyakayla* or *blud*. *Skusa*, essentially identical to the devil, due to its weak formedness as a character, is devoid of any specific external features and even by its grammatical gender appears in texts either as a female or as a male character. Subsequently, the word *skusa* begins to denote not only a demon, but also various diseases, mainly "caused"; finally, the same verb and its derivatives *spokushaty* / *spokusyty* / *skusyty* are used to denote medicinal plants (*skusivnyk*) used to get rid of *skusa*.

Keywords

Temptation, Western Ukraine, Hutsuls, Carpathians, folklore, mythological stories, charms.

УДК 811.16

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04

А. А. Плотникова

**Об одном мифологическом мотиве
 у градищанских хорватов в сопоставлении
 с соседними традициями южных и западных славян**

Плотникова Анна Аркадьевна
 Доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 Институт славяноведения РАН
 119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
 E-mail: annaplotn@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-9154-5046

Цитирование

Плотникова А. А. Об одном мифологическом мотиве у градищанских хорватов в сопоставлении с соседними традициями южных и западных славян // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 209–224. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04

Статья поступила в редакцию 08.07.2022.

Аннотация

В статье рассматривается мотив выпекания мифологическими персонажами типа «вила» хлеба (для себя и/или для живущих поблизости людей), который известен хорватам Бургенланда в Австрии и Венгрии, хорватам на Драве (Венгрия), а также в том или ином виде – словенцам и чехам, наблюдаются и отдельные лужицкие параллели. Анализируются отмеченные при полевом обследовании сел или в опубликованных ранее источниках парадигматические ряды рассматриваемого поверья, отраженного, как правило, в быличках: с точки зрения агента действия («вила», «дикая женщина», а в случае утраты архаического значения – «бабы», «Богоматерь / св. Мария»), адресата действия (человек, живущий поблизости; человек, оказавший помощь этим мифическим существам; наконец, сами персонажи, которые якобы питаются выпеченным хлебом), условий самого действия (бескорыстное одаривание; дарение в обмен на помощь), объекта действия (в частности, хлеб как чудесный предмет, который исчезает при определенных обстоятельствах). В отношении южнославянских народных представлений и отражающих их словесных клише, характеризующих красное зарево на небе при закате солнца (якобы от печей вил),

прослеживаются закономерности этнолингвистической географии, касающиеся соотношения на карте устойчивого словесного выражения и его мифологического контекста (экстралингвистических данных). При сопоставлении материала с западнославянскими поверьями и быличками отмечаются не известные южным славянам специфические черты данного поверья: исчезновение хлеба при нарушении человеком запрета; сбор мифологическими персонажами колосков в поле, оставленных человеком, и некоторые другие.

Ключевые слова

Этнолингвистика, народная мифология, фольклорная лексика, устойчивые выражения, южные славяне, западные славяне, женские мифологические персонажи, хлеб, одаривание, чудесные предметы.

Начиная с 2007 г. автором проводились полевые исследования традиции градищанских хорватов Австрии, Венгрии и Словакии, проживающих в иноязычном и инокультурном окружении в Европе. Несмотря на процессы глобализации, культурная традиция градищанских хорватов сохраняется, подробнее см. (Плотникова 2016: 114–168), а народные представления о «низшей мифологии» отражаются в нарративах местных жителей, меморатах и фабулатах, в том числе и публикуемых в последнее время. Поверья о мифологическом персонаже типа «вила», хорошо известном всем южным славянам, см., например, (Плотникова 2004: 199–212, 614–632), до сих пор отмечаются и в этих краях: *vila* / *bijela* или *bila vila* перемещается по воздуху; помогает или вредит людям, если они нарушают предписания или наносят ущерб самому персонажу; танцует, поет и т. д. Среди особенностей представлений о виле в западной части Южной Славии следует отметить ее более тесную связь с земледелием¹ – мотив, который у градищанских хорватов и их славянских соседей получает специфическое воплощение.

¹ О том, что мифологический персонаж хорватских быличек вила способна выполнять любые сельскохозяйственные работы, которые требуются в жизни села, свидетельствует и исследовательница народной демонологии из Истрии Э. Рудан. Отмечается, правда, что эти работы вила выполняет при определенных условиях: если выходит замуж за смертного и если он выполняет ее строгие наставления (Rudan 2016: 308).

С функциональными характеристиками персонажа *вила* у градищанских хорватов Австрии и Венгрии могут связываться народные представления о красках неба на закате. Сразу отметим, что более типичным для средней части австрийского Бургенланда (и иногда южной), как и других частей Славии, можно считать поверье о том, что необычное небесное явление – красное зарево на небе перед наступлением сумерек – это знак-предвестник войны. Подобное предзнаменование относится к одной из известных народных примет у славян, ср., например, (Гура 1995: 407), где автор дает помету «нижнелужицкое». В этом и других случаях, по-видимому, актуализируется символика цвета пролитой крови. По мнению моих собеседников-градищанцев, такое небо было на закате перед началом Второй мировой войны (Среднее и Южное Градище). Вместе с тем, в ряде сел Северного и Среднего Градища возможны иные трактовки огненно-красного неба перед сумерками. В Среднем Градище (а именно там развиты представления о мифологических существах *вилах*), а именно в с. Филеж в Австрии на пограничье с Венгрией, записан также текст, из которого следует, что и красное зарево на вечернем небе, и алая утренняя заря приписывались чудесным существам – «белым вилам», которые в 12 часов ночи танцевали в лесочке, а затем пекли там хлеб: “Ovde na Fileži mala lozica, to je sitina, pa va toj sitini va toj lozi su tili pojt, pa u dvanajsti tancat, plesat, pak su tile onde kru(h) peč. Kakve su te peći bile, nigdo ni vidil, ali su mislili: ovde vile kru(h) pečú, pa bi htilo nebo bit jutro črljeno od sunca – opet su bijele vile kru(h) pekli! Kaze: nebo črljeno. Toга kruha nigdo i ni vidil, al’ tako su htily reč” [Здесь в Филеже небольшой лесок, густой кустарник, в этот лес они ходили, и давай после двенадцати часов плясать, и тогда пекли там хлеб. Что там за печи у них были, никто не видел, но думали: здесь вилы пекут хлеб; если небо на следующий день было красным от солнца – опять говорили: здесь вилы хлеб пекли! Говорят: «Небо красное». Этого хлеба никто никогда не видел, но так говорили] (с. Филеж, 2013, зап. автора от местного краеведа Мартина Йорданича).

Аналогичные поверья о вилах записаны Д. Ю. Ващенко в 2021 г. в виртуальной (в сети Интернет) экспедиции у градищанских хорватов в Венгрии – в селе Кольноф (Копхаза). Здесь термин *biele vile* фигурирует в несколько негативном контексте и обозначает персонажа, который может забрать, унести с собой человека: когда парень провожал девушку, он говорил ей: “Idem te sprohodit, ne da te bjele vile odnesu” [Пойду провожу тебя, чтобы тебя не забрали *biele vile*]. Подробности о том, как выглядели *biele vile*, где они жили, и другие

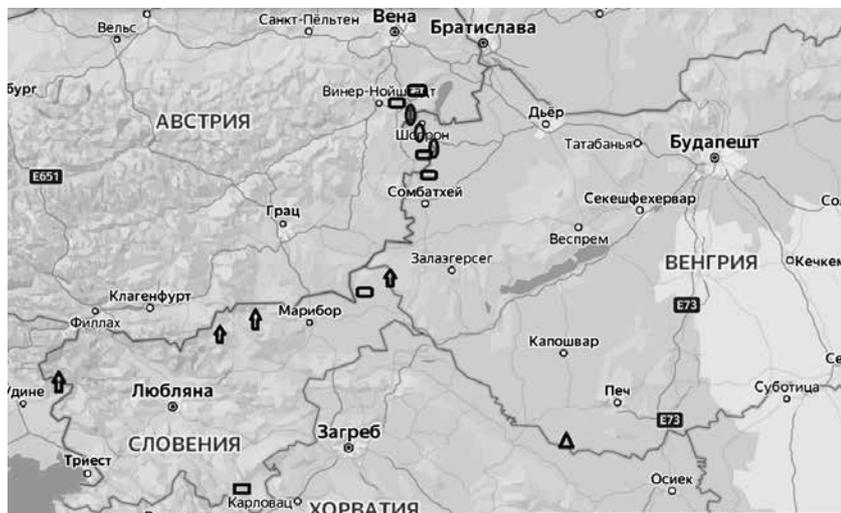
признаки мифологического персонажа жители села уже не помнят. Но одна из информанток упомянула, что *biele vile* могли быть причиной красного зарева на небе накануне Рождества: «Моя бабушка говорила, если вечером красное небо – это значит, белые вилы пекут пирожное (сладкую булочку)» (Ващенко 2021: 101).

В Австрии в с. Климпух (Северное Градище), находящемся довольно близко к Среднему Градищу, можно услышать несколько ответов на вопрос, что означает данное явление, сводимых к единой формуле «Некто печет на небе хлеб»: “Babe na nebi kruh peću” [Бабы на небе хлеб пекут]; “Majka Vožja / Marija (na nebi) kruh peće” [Богоматерь / Мария (на небе) хлеб печет] и т. п. Встретился также один вариант без агента действия: “Va nebi kruh peću”. В последнем случае вопрос, кто же это делает, остался без ответа, поскольку собеседник, не зная или не желая давать нехристианскую мотивировку выражения, просто перешел на другую тему разговора. Логическая цепочка предполагает, что поскольку некое действие происходит на небесах, то печет хлеб или Богоматерь, святая Мария, или все-таки мифические существа *babe* (предположим, предки, которые попали на небо). В этом селе уже прослеживается христианизация архаического мотива, но формула активно употребляется – разные варианты были записаны от разных информантов с разным агентом действия (как видим, происходит замена субъекта действия – это «Божья Матерь, Мария»). Возможно, с утратой представлений о вилах (а эти нарративы в настоящее время постепенно исчезают) вакантное место субъекта действия в этом выражении оказывается занято святой с высоким сакральным статусом (Богоматерью), что свидетельствует о необычности явления и его предполагаемой связи с иным, в данном случае божественным, миром.

Вариант, где субъектами действия являются вилы (они «пекут хлеб на небе»), представляется наиболее архаичным среди выражений, объясняющих красное зарево на небе перед сумерками, а впоследствии – и любое красное зарево на небе. Если обратиться к материалу быличек, меморатов и фабулатов, можно обнаружить, что адресат действия может варьироваться. По умолчанию, вилы пекут хлеб для себя – например, по сведениям хорватов на реке Драва в Венгрии, как и любые другие существа, вилы имеют не только детей, но и свою «страну» (Franković 1982: 175). Кроме того, помогать людям – одна из функций амбивалентного по признаку отношения к людям персонажа типа «вила». В разных южнославянских регионах считается, что вила может помочь человеку, если она к нему благосклонна или если он не стремится причинить ей вред, но, напротив, сам

склонен ей в чем-то помочь. У хорватов, проживающих в Австрии, а именно в Среднем и Северном Бургенланде, где сохраняются мифологические представления о том, что вилы пекут хлеб, в разного рода нарративах фиксируется и мотив одаривания человека свежеспекаемым хлебом.

Сведения об этом встретились, прежде всего, в быличках и нарративах с территории Австрии. Так, в северном Градище в с. Узлоп известен следующий сюжет: рано утром, когда было жарко, мужчина ходил пахать в местечке Бубнев Пригорок (недалеко от села). В шесть часов, слыша звон колоколов в церкви, он привязывал волов и отправлялся в церковь, и так день за днем. Однажды он нашел *grebljicu* (лопатку для сбора угля) без ручки. Он ее починил и оставил там, где взял. Потом пошел в шесть часов в церковь, а когда вернулся, нашел огромных размеров буханку белого хлеба. Лопатки уже не было. Но когда люди позже стали ругаться и проклинать друг друга, белые вилы из этих мест ушли (Ivanović 1981: 80). Здесь следует отметить два важных для дальнейшего исследования момента: обязательное для подобного нарратива указание на место встречи с мифологическим персонажем (как правило, называется местный топоним) и, главное, одаривание человека в обмен за оказанную услугу. В том же Северном Градище в с. Вулкапродрштоф записана быличка с традиционной ссылкой на авторитетного рассказчика, опубликованная сравнительно недавно: «Это мне мой покойный отец рассказывал. Наши предки (*naši stari*), прежде чем пойти пахать на поле, перед волами кнутом рисовали крест, во имя Божье ходили с волами на поле. И когда они именно так выходили пахать, я слышала, на Фейке (название места *Feljak*. – А. П.) белые вилы оставляли батон белого хлеба на повороте борозды (*na uvrata*), но только тому человеку, который из дома выходил во имя Божье. Так, один мужчина пахал в поле. Пришла белая вила и принесла ему *libac kruha* (булку хлеба) и литр вина. Хлеб он оставил, пришли муравьи и съели его, а вино выпил» (Vujkov 2012: 574–575). Далее в рассказе следует типичный для градищанских и подравских хорватов сюжет про женитьбу этого человека на виле, которая даже родила сына, но велела никогда ее не называть словами *biela vila*; разумеется, в момент радости при рождении сына человек забывает об этом, и она улетает. В данном случае сверхъестественное существо вила становится блюстителем религиозной нравственности – в награду за неукоснительное богопочитание одаривает человека хлебом и вином. Похожий вариант с поощрением богочестивых людей записан и в Среднем Градище (с. Мьеново):

Карта. Вилы у южных славян: мотив выпекания хлеба / оповещения человека об урожае

- Мотив выпекания вилами хлеба и соответствующее выражение о красном небе
- Мотив выпекания вилами или другими персонажами хлеба и соответствующее выражение о красном небе
- Мотив выпекания вилами хлеба (и дарение человеку) в быличке
- Мотив выпекания вилами хлеба (и предложение человеку с недобрыми намерениями) в быличке
- ↑ Мотив оповещения вилами человека о времени сева и жатвы
- △ Мотив богатства и урожая при обнаружении человеком предмета, который принадлежит виле

«В конце сороковых (перед началом пятидесятых) рассказали мне про одного покойного крестьянина, как ему во время пахоты вилы бросали в борозду каждый раз булочку хлеба и кувшин вина. Хлеб и вино находил на краю поля. Крестьянин был набожный и молился перед пахотой. Но однажды выругался на волов. С того времени не было больше хлеба, да и вино пропало» (Dobrović 1954: 62; Bucolić 2018: 9).

На территории Венгрии фиксируется несколько мифологических рассказов с мотивом выпечки хлеба и одаривания людей в с. Хорватский Жидан на австрийско-венгерском пограничье. В одном из них вила одаривает людей хлебом после того, как те увидели в поле сломанный совок для углей и починили его (Répce: 10–11). В другом повествует о том, как пахари находили только что испеченную горячую лепешку, если молились перед выходом в поле (Ibid.: 10).

Само место возле с. Хорватский Жидан, где происходят указанные необыкновенные события, называется Фратровац и считается заколдованным, поскольку по легенде там были обезглавлены некие приверженцы иной веры. Поля, окруженные пролеском, расположенные между Хорватским Жиданом и Плайгором рядом с австрийской границей, неизменно связываются с обитанием там белых вил. Например, в одном из мифологических рассказов бедного юношу-кузнеца белые вилы одаривают гвоздями для подков (они рассыпают их на дороге во Фратроваце), превратившимися в его доме в золотые гвозди. При этом начало рассказа звучит так: «В Герештофе (градищанско-хорватское село в Австрии по другую сторону границы. – А. П.) был один честный, набожный юноша. Однажды он припозднился с работой и выбрал кратчайший путь к своей невесте в Хорватский Жидан, и этот путь лежал через Фратровац...» (Répce: 12).

На территории Словении бытуют сходные представления о добрых вилах, которые помогают людям, занимающимся земледелием. Помимо мотива одаривания хлебом, отмечено, что эти мифологические персонажи рассказывают в песнях или громких выкриках о времени сева и жатвы и даже предупреждают работников о приближении градоносных туч. Так, в соседнем с Австрией словенском Прекмурье верили, что вилы обитали в потаенных от глаз местах около воды; человеку не делали ничего плохого, только хорошее: пахарю, который приходил спозаранку в поле, приносили свежие булочки для завтрака (Kelemina 1997: 161). В тех же регионах полагают, что людям в поле вилы неизменно давали советы, когда нужно сеять зерно и когда начинать жать созревшие колосья (Ibid.: 160). В этом ряду многочисленных положительных по отношению к человеку действий есть и сюжет заманивания вилой молодого юноши с помощью хлеба: в области Бела Краина рассказывают, как парень около некоей ямы или пещеры якобы встретил женщину в белом, вилу, которая предложила ему хлеб. Парень помахал головой в знак того, что не возьмет его, и быстро ушел. Вывод рассказчика по поводу этого случая: если бы человек взял предложенный хлеб, вила забрала бы его с собой минимум на три года (Ibid.: 157).

На севере Словении особенно развиты представления о вилах, предсказывающих благоприятное время для сева и жатвы, а также и непогоду: в Похорье они сообщают человеку, когда какие культуры благоприятнее сажать (Grčić 1995: 250–251), в селах региона Межишка Долина рассказывают, как вила дает советы, когда сеять хлеб, чтобы был большой урожай (Verdinek 2002: 36), у бенетских словенцев

считается, что вилы поют, предсказывая время сева, время жатвы, а также и град, чтобы быстрее убирали с полей собранный урожай: “Požnite žito, toča se bliža!” [Пожинайте жито, туча приближается!] (Kelemina 1997: 173). Все эти сведения о чудесных действиях вил в быличках, происходящих с соседней словенской территории, лишней раз подтверждают единство западнохорватско-словенского ареала по ряду признаков из сферы культурной ареалогии (в данном случае – из разряда участия тем или иным образом в земледелии), ср. иные изодокусы в западной части Южной Славии (Плотникова 2004: 308–321).

У «подравских хорватов», проживающих на юге Венгрии на р. Драва, в окружении иноязычной и инокультурной традиции, но при этом на границе с Хорватией, представления о вилах сохраняются в самых разных вариантах. Это и женитьба человека на виле, и рассказы о пении вил, их танцах в хороводе, опасных для человека-наблюдателя, и многое другое. Встречается и замена самого имени вил на венг. *šépáson'* – букв. ‘красивые женщины’ (Franković 1990: 140–143). В быличках и легендах, опубликованных Дж. Франковичем, встречается мотив невиданного урожая (а также и иного богатства) в случае, если человек обнаружит в поле предмет, оставленный вилами: постельку для ребенка вилы, серебряную подкову с ее миниатюрной ослиной (конской, оленьей) ножки, подвешенную на ветке, и под. Здесь прослеживается искомый мотив одаривания человека хлебом за помощь в починке обнаруженных в поле вещей, принадлежащих вилам: печной лопатки для сбора угля или иной печной утвари (используемой во время приготовления хлеба), которую нашли и починили люди (Franković 1982: 172–175; 1990: 140–143).

Важно подчеркнуть, что мотив выпечки вилами хлеба и дарения его людям (а также и связанные с ним мотивы урожая в поле, предсказаний о времени посева разных культур, покровительства вспашки поля, жатвы) характерен для западной части Южной Славии (градищанские хорваты, отчасти подравские хорваты и словенцы). В восточной части Южной Славии при всем разнообразии форм и сюжетов, связанных с мифологическим персонажем типа «вила», мотив выпечки хлеба и дарения его людям не отмечен. Встречается поверье о следах трапезы самих вил, что скорее аналогично представлениям о круге, хороводе вил, который можно узнать по вытоптанному кругу травы, кругу из грибов и т. д., как опасному для людей месту, см. (Плотникова 2004: 626–632). Как показывает карта, мотив вредоносного круга-трапезы или места-трапезы вил характерен для восточной части Южной Славии (Болгария, Македония, южная и юго-восточная Сербия).

Другой факт, важный для анализа мотива «вила выпекает хлеб», связан с отражением его в словесных клише, характеризующих красное зарево на небе. Все проанализированные устойчивые выражения так или иначе связаны с выпеканием хлеба некими, как правило сверхъестественными, персонажами. В ряд актантов (действующих лиц) попадают не только мифические вилы, но и святая Мария, Богоматерь, некие «бабы» и «обитающие на небе существа». Можно выделить и достаточно компактный ареал, в котором представление о красках закатного солнца связывается с мотивом выпечки хлеба вилами (часть Среднего и примыкающего к нему Северного Градища на территории Австрии и Венгрии: села Филеж, Кольноф). На периферии ареала наблюдаются выражения, где мифологическая составляющая уже утеряна: «Бабы на небе хлеб пекут» или «Богоматерь / Мария (на небе) хлеб печет» и под. (с. Климпух). В данном случае интересно проследить закономерности этнолингвистической географии, касающиеся соотношения на карте устойчивого словесного выражения и его мифологического контекста (см. карту): чем более удаляемся от своего рода вербальной концентрации поверья о выпечке хлеба вилами, тем более ослабевает и сам мотив выпечки вилами хлеба, но связь с хлебом, урожаем и – шире – богатством прослеживается в иных формах.

Следующий этап анализа рассматриваемого мотива «вилы выпекают хлеб» относится к сопоставлению исследованного южнославянского материала с западнославянским. В данном случае обнаруженные параллели касаются преимущественно чешского материала², в гораздо меньшей мере – лужицкой традиции. Агенты действия – типологически сходные персонажи: «дикие женщины» (чеш. *divé ženky, divoženky*, букв. ‘дикие женки’), т. е. живущие в лесу и поле существа женского пола, либо помогающие людям, либо причиняющие им вред³. В качестве текста, характеризующего как основные признаки данного персонажа, так и рассматриваемый в данном случае мотив выпекания ими хлеба, можно привести быличку из Опатова в регионе Высочина (Центральная Чехия): «В Опатове протекает “золотоносная” речка Бртничка, на берегу которой в скалах жили *divé ženy*, они сходились в ближайшем лесу и танцевали, а того, кто заблудится, хватили и танцевали вместе с ним, пока он не умрет. Над скалами были поля, и как раз там вязали жито. Хозяйка шла за вяжущими снопы работниками и сгрэбала

2 Благодарю М. М. Валенцову за предоставленные материалы и помощь в переводе чешского материала, ср. также подход к проблематике этнолингвистических и фольклорных параллелей в работе (Валенцова 2021).

3 Подробнее о признаках персонажа см. (Валенцова 2022).

рассыпанные колоски, но внезапно почувствовала запах хлеба, которого ей захотелось. Вдруг подбежала к ней со скалы дикая женщина и подала большой кусок мягкого и еще теплого хлеба, говоря: “Знаю, что тебе хлеба хочется, вот и несу; но помни и о нас, подумай только, сколько нам это работы собрать на него по колоску”. И ушла. Хозяйка перестала сгребать колоски, но, прежде чем уехать с поля, велела связать несколько снопов и разбросать по полю. А когда через минуту люди пришли на них посмотреть, все колоски на поле были уже собраны. Их собрали дикие женщины» (Šihlavý 1899: 358). У лужичан функция выпекать хлеб приписывается карликам, которые «за одолженную хлебную утварь и посуду приносят людям пахту или лепешки собственного изготовления, а пахарям пиво в поле» (Гура 2021: 64). Заметим, что иногда у чехов при описании сюжета с одариванием человека хлебом подчеркивается как раз малый рост «дивоженков», и сами они оказываются сродни карликам или гномам: «Около Павловиц обитали *divuženky*. Были такими маленькими подземными людьми. Выходили из земли. Было там большое ровное место (*kolo* ‘круг’), где они танцевали. Потом пропали. <...> Однажды работник пахал там, а дивоженка подошла к нему и говорит: “Сломай мне пару хвойных веток на помело, я буду печь калачи. Я тебе один принесу, как испеку, завтра: но не говори ничего дома”. Работник оставил коней, пошел и сломал ей веток, и она пропала. На другой день пришла снова к тому работнику и принесла калач. . .» (Pavelka 1904: 33–34).

Адресатом подобных действий персонажей в чешской традиции становятся люди, почувствовавшие запах свежее испеченного хлеба, на что в быличке, как правило, специально обращается внимание – иногда даже мифологический персонаж подчеркивает этот момент в своей замысловатой речи: «В лесу у с. Травник неподалеку от Летовиц жили дивоженки. Однажды вышли две бабки из Летовиц в лес собирать шишки. Когда насобирали, сели отдохнуть, как вдруг одна из них почувствовала запах свежее испеченного хлеба. “Наверняка кто-то из Травника хлеб печет, а ветер аж сюда доносит запах”. Только сказала, вдруг появилась перед ними женщина некрасивого обличия, в серой одежде, с хлебным калачом в руке, говоря: “На тебе, нюхачка нюхаческая!” (*Na, ty ňuchno ňuchavá!*), и бросила калач ей на колени. Старушки испугались этого существа, в котором узнали дивоженку, собрались и поспешили домой. Отнесли калач священнику, тот его благословил – и калач не изменился, что было доказательством, что дивоженки не являлись злыми духами, иначе бы калач боялся креста. Пан фарар попробовал калач сам и дал бабулькам» (Bartoš 1902: 119).

Наряду с бескорыстным дарением хлеба мифическими женщинами у чехов, как и у градищанских хорватов, регулярно отмечаются отношения обмена между человеком и мифическим персонажем: мужчина чинит (или изготавливает по просьбе дивоженки) что-либо из утвари, необходимой для выпечки (хлебную лопату, помело для печи и др.), за что получает хлеб в качестве награды. Так, в южной Чехии (местечко Яховице) рассказывают, как некий старик Кубела сделал дивоженке лопату по ее просьбе (очередная замысловатая просьба мифического существа прозвучала, как только старик попробовал испеченную ею лепешку) и принес в лес. За это старик получил лепешку, которую мог есть непрерывно, а от нее не убывало; однако никто не смел отламывать от нее куски, только он сам (Charvat 1898: 140–141).

В чешской традиции женщина тоже может быть награждена дивоженками за помощь. Как следует из ряда рассказов, хозяйка (как и хозяин) может не собирать до конца колоски в поле, а в чешском «Полесье» (Пошумави) она даже специально оставляет немного содержимого яиц в скорлупке и слегка сметает муку под стол – из всего этого дивоженки пекут вкусные лепешки, причем если захотят, то делают так, чтобы хлеб не убывал (Daněk 1994: 60).

У чехов подаренный дивоженками хлеб часто представляется как чудесный предмет, который «никогда не убывает» и, наоборот, исчезает при определенных обстоятельствах: если его коснется рука постороннего человека; если адресат благосклонного отношения к нему дивоженок расскажет об источнике своего богатства другим людям, и т. д. Например, вторая часть былички о работнике, который помог дивоженке с помелом для хлеба, основана на напутствии мифологического персонажа, которое можно перевести с «мифического языка» на обычный так: «Ешь калач в удовольствие, но не позволяй никому отломить от него кусок, тогда будешь всегда иметь целый». Далее в быличке рассказывается, что работник долго поступал именно таким образом, а домочадцы видели, что он все время ест калач, но не знали, где его берет. А он хранил его в коробочке в хлеву. Однажды девочка-прислуга подсмотрела, куда он кладет калач, и отломил кусочек. «И вся магия пропала вместе с остатком калача. Дивоженка пришла к работнику на поле и сказала, что больше ничего не будет, второй раз такого быть не может, после чего пропала» (Pavelka 1904: 33–34). Условия исчезновения чудесного хлеба могут варьироваться: получившему лепешку в подарок нельзя съедать ее целиком – тогда она всегда будет становиться целой (Charvat 1898: 140; Adamek 1900: 342; Pavelka 1904: 31–32), нельзя давать пробовать от нее другому человеку (Šihlavý 1899: 359), тем самым открывая свою тайну

взаимоотношения с мифическим персонажем; необходимо всегда резать этот хлеб самому (Daněk 1994: 60).

Таким образом, в чешской традиции обнаруживаются иные, относительно хорватских вариантов, продолжения, связанные с мотивом дарения хлеба человеку персонажем типа «вила»: во-первых, люди могут помогать вилам, оставляя для них колоски, и даже часть муки, яиц; во-вторых, хлеб, полученный в подарок или в обмен на помощь, обретает черты чудесного предмета (что сопровождается разнообразием связанных с этим свойством предмета поворотов дальнейшего сюжета в каждом из рассказов). Своеобразной квинтэссенцией многих аспектов взаимоотношений человека и мифологического персонажа типа «вила» (в данном случае – дивоженки) в чешской традиции можно считать рассказ о работнике, к которому дивоженка трижды обращалась, давая правильные советы. Поначалу испугавшемуся ее бедняку – работнику в поле – мифическая женщина (*divá žena*) говорит: “Pacholište, sprav mi lopatiště, dám ti opeliště!” [Мужичище, сделай мне лопатищу, дам тебе хлебище!]. Парень слушается ее и делает лопату, как у пекарей, которые сажают хлеб в печь. Приходит к кромке леса с лопатой, ждет и чувствует запах свежеспеченного хлеба. После восхищенных слов парня «Вот это запах!» появляется дивоженка и, подавая лепешку, укоряет юношу: «Запах чуешь, а колоска в поле не оставишь! На следующий год, если будешь оставлять колоски, принесу тебе булку». Дивоженка исчезает, а парень задумывается о том, почему не попросил у нее большего – ведь ему так хочется жениться на сироте из Паздерны, но на что жить! Прошел год, опять была жатва, и парень вез хлеб к амбару, но на этот раз в поле граблями уже не работал. Вечером вернулся в поле и стал ждать – как только появилась первая звездочка на небе, выскочила из леса дикая женщина. Подала ему булку и сказала: “Pacholište, když budeš krájet samotiště, zůstane celé opeliště!” [Мужичище, если будешь резать только сам, останется целый хлебище!]. Парень ее вежливо поблагодарил и веселый поспешил домой. Вот теперь он может жениться! Булки будет достаточно, если он сам ее всегда будет резать, как велела дивоженка (Daněk 1994: 60–61). Далее сюжет былички развивается таким образом, что парень женится, но любопытная жена добирается до чудесной булки и отрезает от нее кусочек перед работой. «И – ах! На другой день булка уменьшилась, на третий – остался только кусочек, на четвертый – настал голод» (Ibid.: 61).

В целом сходство мотивов и сюжетов быличек, фиксируемых на западе Южной Славии, с одной стороны, и у западных славян, с другой, соответствует и ряду других архаических аналогий

в рассматриваемых культурно-языковых традициях, прежде всего граничащих так или иначе с Австро-Венгрией. Схождения, как известно, фиксируются и в славянской лексике, см. (Куркина 1992), что свидетельствует о более древних связях, нежели австро-венгерский период общей истории.

Источники и литература

- Валенцова М. М. Чешско-южнославянские этнолингвистические параллели // Исторический формат. 2021. № 2. С. 9–20.
- Валенцова М. М. Народная демонология Чехии (этнолингвистический аспект) // Славяноведение. 2022. № 6. В печати.
- Ващенко Д. Ю. Опыт виртуального обследования народной культуры градищанскохорватского села Кольноф (западная Венгрия) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Вып. 3–4. С. 93–103.
- Гура А. В. Война // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 407.
- Гура А. В. Лужицкая народная мифология // Славяноведение. 2021. № 6. С. 56–74.
- Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 770 с.
- Плотникова А. А. Славянские архаические ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с.
- Adamek K. Lid na Hlinecku. Praha: Česká akademie, archeologická komise, 1900. 385 s.
- Bartoš Fr. Z lidopisných sbírek Fr. Bartoše // Český lid. 1902. XI. S. 170–171, 118–119, 223–224.
- Bucolić S. Vile i viške kod Gradišćanskih Hrvatov // Etnografija Hrvata u Mađarskoj. 2018. № 16. S. 7–28.
- Charvat V. Z českého jihu. Sbirka jihočeského podání lidového. Praha: Tiskem a nákladem knihtiskárny Dra. Edv. Grégra, 1898. 174 s.
- Daněk A. Bájě českého Pošumaví. Praha: Kentaur polygrafia, 1994. 238 s.
- Dobrović I. Staroslavenske i naše vile // «Gradišće». Kalendar i ljetopis Hrvatskoga kulturnoga društva u Gradišću za obično ljetno 1954. Knj. XIV. Beč, 1954. S. 59–64.
- Franković Đ. Vile kod Hrvata u Podravini // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1982. № 4. S. 167–183.
- Franković Đ. Mítska bića u Podravskih Hrvata. Narodne predaje // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1990. № 9. S. 1–195.

- Gričnik A. Noč ima svojo moč, Bog pa se večjo, Pohorje pripoveduje. Ljubljana: Kmečki glas, 1995. 497 s.
- Ivanović N. Uzlop. Hrvatsko selo u Gradišću – Austrija. Omiš: Vlast. nakl., 1981. 111 s.
- Kelemina J. Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom. Celje: Humar, 1997. 334 s.
- Pavelka P. Divyženky u Pavlovic u Jimramova // Český lid. 1904. XIII. S. 31–36.
- Répece – A Répece mente meséi és mondái / Hetyésy K., Sudár L. Szombathely: Linea Nyomda, 1996. 159 s.
- Rudan E. Vile s Učke. Žanr, kontekst, izvedba i nadnaravna bića predaja. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2016. 600 s.
- Šihlavý Fr. O divech ženách // Český lid. 1899. VIII. S. 358–359.
- Verdinek D. Lesene cokle: folklorne pripovedi iz Mežiške, Mislinjske in Šaleške doline. Ljubljana: Kmečki glas, 2002. 240 s.
- Vujkov B. Gradišćanske povijestke // Panonski ljetopis. Pinkovac: Panonski Institut, 2012. S. 540–596.

References

- Adamek, K. *Lid na Hlinecku*. Praha, 1900, 385 p.
- Bartoš, Fr. “Z lidopisných sbírek Fr. Bartoše.” *Český lid*, 1902, No. XI, pp. 170–171; 118–119; 223–224.
- Bucolić, S. “Vile i viške kod Gradišćanskih Hrvatov.” *Etnografija Hrvata u Mađarskoj*, 2018, No. 16, pp. 7–28.
- Daněk, A. *Báje českého Pošumaví*. Praha: Kentaur polygrafia, 1994, 238 p.
- Dobrović, I. “Staroslavenske i naše vile.” *«Gradišće». Kalendar i ljetopis Hrvatskoga kulturnoga društva u Gradišću za obično ljeto 1954*, knj. XIV, beč, 1954, pp. 59–64.
- Franković, Đ. “Vile kod Hrvata u Podravini.” *Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj*, Budimpešta, 1982, No. 4, pp. 167–183.
- Franković, Đ. “Mitska bića u Podravskih Hrvata. Narodne predaje.” *Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj*, Budimpešta, 1990, No. 9, pp. 1–195.
- Gričnik, A. *Noč ima svojo moč, Bog pa se večjo, Pohorje pripoveduje*. Ljubljana: Kmečki glas, 1995, 497 p.
- Gura, A. V. “Luzhitckaia narodnaia mifologia.” *Slavianovedenije*, 2021, No. 6, pp. 56–74.
- Gura, A. V. “Voina.” *Slavianskije drevnosti: etnolingvističeskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoj, Moscow: Mezhdunarodnyje otnosheniia, 1995, vol. 1, p. 407.
- Hetyésy K., Sudár L. (Eds.). *A Répece mente meséi és mondái*. Szombathely: Linea Nyomda, 1996, 159 p.
- Ivanović, N. *Uzlop. Hrvatsko selo u Gradišću – Austrija*. Omiš: Vlast. nakl., 1981, 111 p.

- Kelemina, J. *Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom*. Celje: Humar, 1997, 334 p.
- Pavelka, Pav. “Divyženky u Pavlovic u Jimramova.” *Český lid*, 1904, No. XIII, pp. 31–36.
- Plotnikova, A. A. *Etnolingvističeskaja geografiia Iuzhnoi Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 770 p.
- Plotnikova, A. A. *Slavianskije arkhaiskije arealy: arkhaika i innovatsii*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2016, 320 p.
- Rudan, E. *Vile s Učke. Žanr, kontekst, izvedba i nadnaravna bića predaja*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2016, 600 p.
- Valentsova, M. M. “Cheshsko-iuzhnoslav'anskije etnolingvističeskije paralleli.” *Istoricheskii format*, 2021, No. 2, pp. 9–20.
- Valentsova, M. M. “Narodnaia demonologija Chekhii (etnolingvističeskii aspekt).” *Slavianovedenije*, 2022, No. 6. In press.
- Vashchenko, D. Ju. “Opyt virtual'nogo obsledovaniia narodnoi kul'tury gradishchanskokhorvatskogo sela Kol'nof (zapadnaia Vengriia).” *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2021, No. 3–4, pp. 93–103.
- Verdinek, D. *Lesene cokle: folklorne pripovedi iz Mežiške, Mislinjske in Šaleške doline*. Ljubljana: Kmečki glas, 2002, 240 p.
- Vujkov, B. “Gradišćanske povijestke.” *Panonski ljetopis*. Pinkovac: Panonski Institut, 2012, pp. 540–596.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04

A. A. Plotnikova

On one mythological motif among the Burgenland Croats in comparison with the neighboring traditions of the South and the West Slavs

Anna A. Plotnikova
 Doctor of Letters, chief research fellow
 Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
 119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
 E mail: annaplotn@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-9154-5046

Citation:
 Plotnikova A. A. On one mythological motif among the Burgenland Croats in comparison with the neighboring traditions of the South and the West Slavs // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 209–224 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04

Received: 08.07.2022.

Abstract:

The article discusses the motif of baking bread by mythological characters of the “vila” (“wood-nymph”) type (for themselves and/or for people living nearby), which is known to the Croats of Burgenland in Austria and Hungary, Croats on the Drava (Hungary), as well as in one form or another – to Slovenes and Czechs, there are also some Lusatian parallels. The paradigmatic alterations of the considered belief, noted during the field survey of villages or in previously published sources, are analyzed, reflected, as a rule, in mythological stories: from the viewpoint of the agent of action (“a wood-nymph”, “a wild woman”, and in case of loss of archaic meaning – “a women”, “Mother of God / St. Maria”), the recipient of the action (a person living nearby; a person who helped these mythical creatures; finally, the characters themselves, who presumably eat baked bread), the conditions of the action itself (selfless giving; a gift in exchange for help), an object of action (in particular, bread as a miraculous object that disappears under certain circumstances). In relation to the South Slavic folk ideas and the verbal clichés reflecting them, characterizing the red glow in the sky at sunset (allegedly coming from the furnaces of the wood-nymphs), the patterns of ethnolinguistic geography are traced, concerning the correlation on the map of a stable verbal expression and its mythological context (extralinguistic data). When comparing the material with Western Slavic beliefs reflected in mythological stories, the specific features of this belief, not known to the Southern Slavs, are noted: the disappearance of bread when a person violates the ban; collecting of neglected spikelets in the field by mythological characters, and some others.

Keywords

Ethnolinguistics, folk mythology, folk vocabulary, stable expressions, South Slavs, West Slavs, female mythological characters, bread, gifts, wonderful objects.

УДК 811.16

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.05

А. В. Гура

Народная демонология Подлясья (по материалам собственных записей)

Гура Александр Викторович
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: avgura@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0985-8639

Цитирование

Гура А. В. Народная демонология Подлясья (по материалам собственных записей) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 225–248. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.05

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00300 А.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022.

Аннотация

В статье публикуется полевой материал по народной демонологии Подлясья, собранный автором в 1990, 1993 и 2017 гг. Описаны мифологические персонажи с функциями, характерными для домового и дворового: ласка как покровительница скота, «змора», заплетающая гриву коням и душашая спящих. Домовой демон-обогатитель имеет ряд общих черт с западнославянским летающим огненным змеем. Территория Подлясья представляет собой западную периферию восточнославянского ареала распространения русалок и южную периферию ареала распространения литовских «лаум» (подляские «лоймы»). Русалки, помимо типичных для них свойств (появление в жите и т. д.), иногда соединяют в себе признаки других персонажей – смешиваются с полудницей, с лаской, сиренами (полудевами-полурыбами), отождествляются с кузнечиком и мигающими огоньками. Демон, заставляющий человека блуждать, известен под названием «блуд», свойственным этому персонажу в народной традиции западных украинцев, поляков и других западных славян. Водяной почти не известен, им в основном лишь пугали детей. Многие поверья связаны со смертью

и душами умерших и рассказывают о душах некрещеных детей, ходячих покойниках, используют образ смерти. Распространены рассказы и поверья о ведьме и колдунах, особенно былички об отбирании молока у чужих коров. Записаны поверья о волках-оборотнях, об иноверцах-двоедушниках, о колдунах-облакопрогонниках и единичное упоминание о планетниках. Черт выступает как в антропоморфном облике господина в черной шляпе, так и в зооморфном облике собаки или черного барана. Некоторые персонажи встречаются лишь в формулах, которые используются для пугания детей.

Ключевые слова

Подлясье, народная демонология, мифологические персонажи.

Полевой материал по традиционной культуре Подлясья собирался мною по программе Польского этнографического атласа в июле 1990 г. в селах Белостоцкого воеводства (23¹, 26) и в ноябре того же года в селах Хелмского воеводства (27–29). Во время следующей поездки в Подлясье в сентябре 1993 г. совместно с краковским этнографом В. Драбик были обследованы села Белостоцкого воеводства (17–22, 24–25). Наконец, в мае 2017 г. во время экспедиции в Польшу сотрудников Института славяноведения РАН этнолингвистический материал собирался совместно с М. В. Ясинской в селах (1–16), находящихся в основном на пограничье южного Подлясья и восточного Мазовша. В целом ареал обследования включает в северной части Подлясья районы Белостока (20–26) и Бельска-Подляского (17–19) вблизи границ с Гродненской и Брестской областями Белоруссии; в центральной и южной части – районы Седльце (1–3), Лукова (4–7, 15), Гарволина (8–11) и несколько сел восточного Мазовша (12–14); в самой южной части региона – район Люблина (16) и приграничный с волинским Полесьем район Хелма (27–29).

В народной традиции Подлясья повсеместно отсутствуют домовая и дворовая как особые персонажи. Но некоторые функции, характерные для них, в местной традиции представлены. Одна из таких функций – заплетание грив конским коням. В Вежхлесе, самом северном из обследованных сел, это приписывают *кохлику* или *хохлику*, которого отождествляют с чертом. По словам информантов, ночью в хлеву

что-то происходит. Бывает, что утром «на канé косы пазаплéтеные», это «кóхлик заплjóу». «Кóхлик – каля каня ён и ёзьдиць» по нему ночью, отчего конь беспокойным становится. «Хóхлик грывó плете, калтún». Плетет тому коню, «катóры ему панра́вицца». Отношение к этому неоднозначное: «Мóжэ и харашó, мóжэ и плóха». По другим рассказам, «хóхлик на каню езьдиць. Конь цéлу ноч лятаé. Як каторага каня хохлик не любит, не падабаецца ему конь, ганяé егó целу ноч, езьдиць на ём. Мучить, конь мóкрый, грывó зьбита як каўтún». Чтобы такого не случилось, «хамуты накладáли на канях, на гóлавы», «чартапалóху втыка́ли и сьвянцёны лён свенци́ли и над жо́лабам в хлевé втыка́ли». Втыкали также вербу свяченную. Считали, что от хохлика в хлеву «трóба люстэ́рко [зеркальце] вёшати на сьтянэ» (26). С чертом связывали плетение грив и в некоторых других селах. В с. Дзединне, если кто-то “war-koczy spłóy na grzywie, mówili, że to d’jabel. W noczy zawsze skreńczy” (17). В с. Тухович, по поверью, это делал *zły duch* (5).

В северной, белостоцкой части Подлясья встречаются поверья о заплетании конских грив зверьком лаской. При виде коня с такой гривой говорят: “łaska tu bawiłasia” (21); “Ono kręci włosy u konia, na wierzch zajdzie i kręci grzywy”, что плохо действует на коня (22); ласка мучит коня, плетет ему хвост или гриву: «Лáска гля коня грыву сплэ́у», “Łaska grzebała sie ў grzywie”, «Спляля лáска хвост чы грывó» (23); «Ласовица любить каня», «касу́ плецé з гривá», но только тому коню, «катóрага ана лóбить. Ласи́ца сплятала гжыву, ласочка». Однако конь от этого становился мокрым, и нередко гриву приходилось остригать (26). Отголосок поверья о плетении лаской гривы отмечен и южнее, в районе Гарволина (10).

Более распространены в Подлясье представления о «коровьей ласке» как покровительнице скота, что сближает ее с дворовым духом и имеет соответствия в ряде других славянских зон: балканской, карпатской, полесской, севернорусской. У каждой коровы имеется своя ласка: “Łasica – to przy krowach. [Что она делает?] Łaski. To sie nazywa krowia łaska”. “Una sierść ma taką biało-czarną, czerwoną nieraz. To krowia łaska, to tak, jak patrony krów. Gdzie je krowa, to je łaska. To każda krowa ma swoją... tak, przyjaciela swojego” (7); “Kaźda krowa ma swojo łaske. Una lubi być tam, gdzie krowa” (29). Иногда утверждают, что ласка невидима: “To jest zwierze takie niewidzialne, a zawzięte [свое нравное, злопамятное]” (10). Ласка имеет ту же масть, что и корова: “Така як krowa. Biało-czarna czy biało-czerwona” (4); “Tam, gdzie była krowa biało-czerwona, to i óna taka była, biało-czerwona. A była czarno-biała, to i óna była czarno-biała” (7); “Jak u nas raba krowa, to i raba

¹ Здесь и далее цифры в скобках соответствуют нумерации населенных пунктов в списке обследованных сел и на карте.

łasiczka. Taka łasiczka, jak krowy. Jakie krowy, i takie łasiczki u nas” (25); “Jakiej maści są krowy, takiej maści te łaski są na podwórku, w oborze” (27); “Jak krowa raba, to łaska raba, jak czarna – czarna łaska” (29). Какой масти увиденная в хлеву ласка, такой масти и скотина будет вестись, поэтому скотину подбирают под масть ласки: «Яка у цебя ласка, бела чы червона чы рабая, то такая и живина у цебя будзе шыхаваць»; «Якяя ласачка, такую и живину трэба гадаваць (карову, кабылу). Як ласка чэрвона, такая масць шыхуе» (23), «Як першы раз оглэдиш ласовицу, то нехай [хозяин] хавае карову, якую масць оглэде. Такую карову хавай, будзе карова шыхавана тая [т. е. удачная]» (26). Считается, что ласка приносит счастье в дом: «Як ласица есьць в дому, то шчэньсьце пшыноси. Она чысьци: шчуры, мышы, вылапе вшыстких» (19). Ласку «трэба шанавати», «як то дамавая наша» (23); «Łasiczka szykuje krowy dla gospodarza», т. е. приносит хозяину удачу в скоте (25). Нельзя ее трогать и выгонять, потому что она может отобрать молоко у коровы (10): “Jak ju ktoś pogniwał, albo pokrzyczał, albo wyganiał, to i ona wtedy sie tak... Nie trzeba jej ruszać. Krowie mleko zabierała. Jak krowo ugryzła [в вымя], то krowa z krwiou dawała mleko, czerwone. Trzeba znowu było coś smarować, kadzić takimi wianuszkami, со wujem w oktawy Bożego Ciała [в праздник Тела Господня]. Nie trzeba jej ruszać” (9); «Не біли ласовицы, бронь Божэ. Добрэ, кали ана ведэцца» (26); “Łaski w ogóle nie można zabijać i nie wolno ją bić. Jak sie uderzą łaske, то она рóјдзе ugryzie wymie krowie” (28); Ласку не выгоняют из коровника, “ona ci szkody nie zrobie. Krowie nie robi krzywdy żadnej. Dobrze, jak ona je. Mówili, że jak łasica, nie można jo drażnić, bić, bo ona może ugryźć krowe за wymie i krowa nie wytrzyma, może zdechnoć. Ma taki jakiś jad” (29). Запрещено также убивать ласку (10). Это грозило несчастьем, смертью в семье или ущербом в хозяйстве: “Zabijać to chyba nie, bo to mówili, że to nieszczęście przynosiło” (4), “Bo nieszczęście przynosiło: albo ktoś zginie w rodzinie, albo jakieś nieszczęście będzie, albo w gospodarstwie nie będzie szykować” (11); “Nie wolno jo zabijać, bo będzie coś niedobrego, wypadek [несчастный случай] – może ktoś umrzeć, jakieś złamanie, wypadek” (29). Опасались также мести со стороны другой ласки, которая укусит корову в вымя, отчего оно опухнет и молоко сквасится: “Jak ktoś łaske zabije, то krowa mleko daje kwaśne. Jak kto zabije, то druga łaska przyjdzie i ugryzie wymie albo przeleci koło krowy – i dlatego wymie opuchnięte jest” (28).

В польской и белорусской традиции ласка, гоняющая по ночам скот и заплетающая гривы, иногда называется *mara* / *мара* (Левкиевская 2004: 179). В народной традиции Подлясья плетение грив, помимо

ласки, приписывается мифологическому персонажу зморе, известной на большей части территории как *zmora* (1, 2, 4, 6–9, 13, 16, 27–29), севернее Гарволина (3, 11, 12) и в районе Белостока (25) – как *mara*, а местами, наряду со *zmora*, – также как *mara* (2, 13) или *mara* и *zmara* (27). Например: “*Zmora* warkoczy naplotła, koniowi grzywe splotła, tak że grzywa nie była do uratowania. Nieladnie to wyglądało” (1); “Jak polubi konia *zmora*, то она i przychodzi i warkocze plecie” (2); *Mara* плетет косы коню (3); “*Zmora*, mówili. O, na koniach warkocze plotła. Mordowała konia. Jeździła po koniu. Zmęczyła konia, piana na nim w stajni była. Grzywe splotła, że trudno było roz... tego” (4); “*Zmora* plecie warkocze kobyle na tej grzywie. To jakiś duch, то coś takiego, со atakowało те zwierzęta” (6); “Warkocze *zmora* robiła. Jakby klejem sklezione те włosy, później nie można rozczesać” (7); “*Zmory*. Nie, то chyba nie człowiek. Naplątł tych warkoczyków” (8); “*Zmora* napletła warkoczyków kobyle. *Zmora* tak umęczy tego konia, że он jest cały jakby wodą zlany i ma те warkoczy” (9); “*Mary* chodziły. Już przyszła та cholera, już zapluntała włosów koniowi. Taka *mara* przychodziła. Nie, nie człowiek. Niewidoczne то jest” (11); “Jak та *mara* przychodziła, mówili, że właśnie męczy tego konia i ten koń taki niewypoczęty jest. Jak koń miał grzywe taką długą i tak miał nieraz poplątane, то “A, то *mara* mu przeplotła!” (12); Гриву коню плетет *zmora* (один раз прозвучало также: *mara* и *zmara*), “złe jakieś” (27); “*Zmora* plecie grzywe. Ten warkoczek trudno rozpleść i obcinają ten kołtun” (28); “To *zmory* splatają grzywy. *Zmora* zachodzi do obory, konia męczy w nocy, то koń jest mokry. *Zmora* – то *djabeł*. Siły nieczyste jeździły на tym zwierzęciu w nocy, jakaś *nieczysta siła*, i ten koń był normalnie rano mokry, i grzywa normalnie skręcona była на warkocz” (29).

От зморы в стойле вешали зеркало. Считалось, что она ужаснется своему уродливому отражению в нем и больше не придет (2, 4, 9), например: “A był sposób, że trzeba było lusterko koniu w stajni postawić. To to też było sprawdzono. Przejrzała sie, że jest така brzydka – то była така żaba, в kształcie żaby prawdopodobnie. Та *zmora* przejrzała sie, że taki potwór jest: oj, то така okrupna, ropucha! Jak sie przejrzała, то odeszła, bardzo на siebie nie mogła patrzeć, że така brzydka. Ale później jednak już nie wróciła” (4). В качестве оберега помещали косы у входа в хлев (8), вешали над входом убитую ворону, кропили хлев святой водой, очерчивали круг и рисовали крест освященным мелом. А коню сплетенные зморой пряди гривы удаляли отбиванием двумя камнями, но не отрезали ножницами (29).

Происхождение зморы связывают с ребенком, при крещении которого вместо *wiara* скажут *mara*. “I то dziecko później było така

marq. Ono chodziło po suficie [по потолку] gdzie tylko, i ono nie spadło, nie daj Boże żeby sie odezwać tylko do niego” (13); “Podobno, jak sie do krztu podaje dziecko i sie nie powie “wiary”, jak ksiądz [спросит.] “czego potrzebuje”, nie powiedzą “wiary”, tylko “mary”, – i że to dziecko później robi sie *marq*” (2). Либо считают, что зморой становится седьмой ребенок одного и того же пола (чаще девочка): “Jak kolejna płeć sie urodziła, siódme kolejno dziecko tej samej płci – albo siódmy chłopiec, albo siódma dziewczyna, to wtedy to mówili, że to *zmora*, że ona w nocy wstaje po księżycu [по луне]; jak księżyc wejdzie w okno, to wychodzi, przychodzi. Nie wie o tym, po prostu sen taki ma” (4); “Mówiły, że jak siedem dziewczyn w rodzinie i nie ma chłopaka, to siódma bedzie *zmoroū*, bedzie chodzić” (7); “Mówili, w którym domu jest siedem dziewczyn, siódma idzie na *zmory*. I nie dobudzi jej. Tam jej duch, widać, to... że nie dobudzi jej” (9); “Jak matka miała siedem córek, to siódma to była *zmora*. I ona w nocy wstawiała i szła do koni i grzywy im splatała. Siódma sie córka urodziła, to będzie *końska zmora*. To było niewidoczne. Jak rano wstawali, to ona była bardzo śpiąca [сонная], bo noc pracowała” (29) (подробнее о зморе см.: Ясинская 2021a: 199–206; 2021b).

Основное, наиболее распространенное занятие зморы – душить спящих людей. В подлясской традиции ее действия направлены в основном на коней, поэтому на пограничье с Мазовшем верят, что змора не только плетет коню косы в гриве, но и душит коня (13). Поверье о том, что конь становится взмыленным оттого, что ночью его душила мора (*mora dęšęła*), встречается и у кашубов (Sychta 1969: 102). С другой стороны, подобно тому, как змора поступала с конями, скручивая гриву в колтун, который невозможно распутать (4, 7, 27), так она поступала и с людьми: “Kołtun też *zmora* robi. Baby zamawiali ty goździc [т. е. колтун и вызываемую им ломоту костей]” (27). Имеются рассказы и о том, как змора душила спящих: “A mnie ile razy dusiła! Nie można słowa złapać, nie można sie ruszyć, nie można... Tego sie nie widzi, ino czuje. Od nogów to zaczyna. Jakby ktoś na ciebie ogromny położył i cie dusi. Ani złapać tchu [ни вздохнуть], ani czego. No, mówie, już tera to już umrze, nie dam rady. To nie je tak, jak we śnie, bo to półsen-półjawa. I usłyszałam, jak mąż idzie. Mówie: “Och, dobrze, żeś przyszed, bo chyba by mnie udusiła”. Tych *zmor* to było!!!” (9); “Dusiła ludzi. Przebudzi sie człowiek cały spocony [вспотевший] i czuł na sobie takie... Siadała tak, jakby na klatce piersiowej... Kiedyś moja babcia właśnie Wysoc-ka mówiła: “Już *mara* u mnie była”. Obudziła sie cała mokra, można było wszystko zdjąć. Mówiła: “To tak ciężko”. Ja to słyszałam, że jak na wznak [т. е. когда спишь навзничь, на спине], а jak na boku – to nie. Na wznak,

na plecach. Zawsze mówią, że siadała tu, na piersiach. To widziałam i to moja babcia mi opowiadała. Babcia opowiedziała, i to widziałam na własne oczy, że ona przebudziła sie cała spocona. Pewnie może sie lampa świeciła, bo jeszcze światła nie było, tylko lampa naftowa była. I ten... Ona sie przebudziła i podniosła sie. I obudziła маме. I mówi: “Marysiu, mów, poszukaj no jakiej koszuli, mów”, bo strącała mokro już [т. е. скидывала мокрую рубашку], “ta *mara* u mnie była” (11). “I tak zaczęło mi tak z nóg i dusi. A ja: “Mamo!” – i ulżyło mi. Śmieli sie, że to *zmora*, *zmora* dusiła. Przeżegnać sie trzeba. Krew może tak źle funkcjonowała. Tylko ciężko mi tak sie zrobiło. Tutaj [на груди] czuje, jak ktoś przywalnił. *Zmora* – to *djabel*. *Zły duch* może dusić człowieka w nocy, o dwunastej przeważnie. Trzeba wodo świnc-ono, czy medalik świnc-ony nosić. I on nie przyjdzie” (29).

Образ летающего огненного змея как духа-обогапителя представлен в стертом, разрушенном виде. Так, в Подлясском (быв. Белостоцком) воеводстве, неподалеку от границы с Гродненской обл., рассказывают о черте или злом духе в виде летящего столпа огня: «Агонь леційць ў кóмин ноччу. Мо, стоўпом таким агонь ляциць. То *злы дух*, *чорт*. Багáцтва нóсиць» своему хозяину. «Хто запíшэцца на чóртаву рýку, то тэды нóсиць, зóлато кíне ў кóмин. Кáжуць: о, ён багáтый, бо ему *чорт* зóлато праз кóмин нóсиць» (26). На юге, в Хелмском повете, близ границы с Волынской обл. о связи со змеем-обогапителем говорят признаки змеиной природы домового: “Tu ud Chełma jest Trościanka, to tam mieszkał starszy pan”. У него люди лечились, он дьявола изгонял из человека. “W tym domu jakby *djabel* był”. Когда на ночь “wysur-ali całe mieszkanie piaskiem”, то на утро увидели: “śląd był” на песке, как от змеи. Там же отголосок поверья о летающем змее можно видеть в образе летающей огненной змеи-курицы: “*Gadzina* tak jak kura wygląda. *Gadzina*, żmija – to jest to samo. Fruwa tak jak kura. Jak ona frunie w lesie, to za nio trawa wypalona. *Gadzina* ma skrzydła, pióra ma jak ogień, czerwona jak ogień. I te malutkie miała dzieci z jajek. Jak ugryzie ta *gadzi-na*, to śmierć” (29). Ср. о летающем огненном змее у западных славян, его цветовой символике, облике курицы или петуха и происхождении из мокрого цыпленка в (Гура 2021: 10–11, 20).

Территория Подлясья представляет собой крайнюю западную периферию восточнославянского ареала распространения русалок. Лучше всего поверья о них сохраняются в селах, приграничных с Белоруссией и Украиной. При этом самым устойчивым признаком русалки является появление ее в жите, чем часто пугали детей, чтобы они не ходили в жито и не топтали его (18, 23, 26, 27, 29). Русалка опасна только накануне Ивана Купалы (23.VI/6.VII): «Пэрэд Яном

коб не высцилаци полотна́ на по́плави [на заливном лугу], коло луга, бо *русалка* побэгае и дырочкі [в полотне] поробит». Говорили, что «в жыты вона, русалка», и пугали ею ребенка: «Нэ йди в жыто, бо русалка выскочыть!». «На Яна вона ужэ нэ мае моци» (18). Когда цветет (*rosuje*) жито, в нем появляется русалка: “W zbożu, jak rosuje żyto, siedzi *rusafka*. Jak żyto rosuje, siedzi w zbożu”. Ею только детей пугали: «Не лезь в жыто, бо *русалка!*», «Не лезь, бо там *русалка* (вар.: *росалка!*)» На зиму она ищет себе пустое жилье и там сидит на печи: “Idzie do piecy dobrej. Szuka pustego mieszkania i tam siedzi na piecu” (23). Русалка появляется в жите, когда оно зацветет: “W życie *rusalka*, latem, jak żyto runie”. “My chaber (bławat) [васильки] rwali [в жите], to straszyli dzieci: “Nie chodźcie [в жито], bo tam *rusalka* siedzi! Bo to *rosalka* ci złapie”. Może to jakiś duch. [Чей?] No panny pewno”. Некоторые информанты называли русалку в жите *laskotka*, потому что она щекочет (*laskocze*) людей, доводя их до смерти: “To nazywali ni *rusalka*, a to nazywali *laskotka*. *Laskotka* w zbożu. Bo ona *laskocze* [так], że człowiek czy dziecko umrze”. “Jak są sianokosy, za kwiatkami dzieci chodziły, w życie bławat, kękoli [куколи], maki. Zawsze *laskotka* w życie, jak kwitną te kwiaty, chaber”. Чтобы дети не ходили в жито собирать васильки, их пугали: “Nie jidź, *rósawka* złapie!” Panna wychodzi i załaskoczy, *laskotka* taka. Niby dzieci łapała” (29). Автор рукописной "Памятной книги" села Вежхлесе. В оригинале она озаглавлена автором: *Księga Pamiętkowa*. Вежхлесе. В ней собраны краеведческие данные, сведения об истории и традициях села (местный, 1962 г. р.) писал в 1980 г. о русалках: «Некалькі дзсяткаў год тамў назад па верхлесаўскіх палетках [полях] – Грабава Гара, Грынявиччина, Далў, Залесе, Засцанкова, Запашкі, Клябанска Шыя, Літвін Луг, Лыса Гара, Ніўкі, Пагнае, Пакаршынец, Прастаполе, Прыдаткі, Раскоўшчына, а нават на “клінах”, што ўрезваюцца ў пўшчў – Грўды, Каўшоўка, Ланка і Сучок – ўсё лета валендаліся [шлялісь] *русалкі*. Але яны людзей так не зводзілі ў зман [не вводили в обман], як, скажам, лясныя дзевы – *лоймы*» (26, Giba 1980).

Сведения об облике русалки противоречивы. В Хелмском пов., по мнению одних информантов, русалка выглядит как маленькая девочка в белом: “*Rosalka* – małe dziecko, dziewczynka, na biało ubrana”. По мнению других, это красивая молодая женщина, обитающая в жите, с распущенными длинными светлыми волосами: “Ma jasne długie włosy. Ma włosy duże i ładne, rozpuszczone [на рисунке видела]. Ładna kubietka! W odzieży. Така panna, młoda, w zbożu żyje wtedy, kiedy zboże rośnie. To chyba był taki strach na dzieci” (29). Русалка высокая, в белом: “*Rusalka* wysoka, biała, ubrana w białe”. “Dzieci straszyli:

“*Rusalka* w życie! *Rusalka* was złapie!” (27). «*Русалка* з длогими валасами, з хвастом и лапae дзяцей». «Кажуць: распусціла валасьы, як *русалка*. Детеі остерегают: «Не йдзeце, дзеці, ў жыта, там *русалка!*», «Не йдзі, не топчы, бо там *русалка*» (26). Русалка в длинной юбке и с метлой, которой она прогоняет детей из жита: «Ubrana, z długą spodnicą, z miotłą. Ganiała miotło dzieci» (23). Иногда информанты вообще не имели представления, как выглядит русалка: «Така як собака ци як кот?» (18).

Поверья о русалке в Подлясье часто сочетают в себе признаки разных персонажей. Так, по сообщению информанта из Новой Воли в 9–12 км от Тополян (23), у русалки имеется коса, которой она косит встречных: “Z koso chodziła”. Поэтому детей пугали, чтобы они не шли в жито: “Jak wyskoci z żyta, zakosi cię!”. Коса, как и более ранняя ее модификация – серп, характерны в этой функции для полудницы: коса – для севернорусской полудницы, серп – для лужицкой и польской, серп на длинной палке, т. е. с черенком, – для лужицкой (см.: Гура 2022). В с. Вежхлесе того же Белостоцкого воеводства русалку представляют себе не только как длинноволосую женщину с хвостом, но и как кузнечика: «Муси, *кóзачка* зялeна, коник». И пугают детей как русалкой, так и кузнечиками в жите: «*Кóзачки* там скáчуць, та укўсиць. *Козачки* зяленые ў жыци скáчуць, якбы кузáки, якбы кóник пóльны» (26). Это объясняется тем, что для района белостоцко-гродненского пограничья, в том числе окрестностей Сокулки, характерны «козы» названия щекотания (подляс. *kozytać, kozytkać* и т. п.) и кузнечика (подляс. *koza, kozka, kózачка*), сходные с наименованием русалки (подляс. *kozytka*), одним из наиболее распространенных зловредных действий которой является щекотание. Щекотание объединяет также русалку и ласку (см.: Виноградова, Гура 2021). В Хелмском пов. ребенка пугали не только русалкой, но и лаской в жите: “Nie chodź do żyta, bo tam cie *laska* złapie” (29). Русалку считали там способной защекотать человека до смерти и называли *laskotka* (от *laskotać* ‘щекотать’), а замена русалки лаской произошла на основании общности их функций и фонетической близости наименований *laska* и *laskotka*.

Русалки практически неизвестны в западной части южного Подлясья, в районе Лукова и Гарволина (4, 6, 7, 9, 15). Поверье о русалках встретилось там лишь раз, в Хромине Гарволинского пов., причем в совершенно необычном виде: *rusalki* отождествлялись с мигающими огоньками, которые можно было видеть в саду, в поле, возле дороги, словно чьи-то глядящие глаза: “O *rusalkach* to tak było wspomiane. Jak u nas droga sie szło i gdzieś tam oglądały takie światełka

sie migaly – “O, już rusałki chodzą!” O, to już rusałki, bo te światełka sie migaly. Jakby oczy czyjeś patrzyły. Ale myśmy sie z tego śmiały, bo myśmy w to nie wierzyły” (11).

Кроме полевых, известны водяные *русайки*, или *сэрэны / sereny* (23, 26, 29) книжного происхождения, полудевы-полурыбы, обитающие в прудах, озерах или морях: “*Rusalka w wodzie – w stawach, w jeziorach. Taka panna wychodziła z wody. Ona jak serena*”; “*Nad jeziorami rusalka, niby te panny wodne, niby ryby, pół kobieta, pół ryba, jak serena [видела на рисунке]*”. Детям запрещали ходить к воде, говорили: “*Nie jidź do wody, bo sie rusałka złapie!*” (29); «*Тўлув рўбы, а галавў чэлавэча*». «*Русўўки спявўли у мўри, легўнда былў [учителя рассказывали]*» (26), «*Сэрэны фўйне, хоршэ поють*» (23).

Северную часть Подлясья захватывает своей южной окраиной ареал распространения литовских «лаум». В Белостоцком воев. их называют лоймами. Это голые обросшие, как обезьяна, дикие женщины-ведьмы с длинными распущенными волосами и большими грудями: «*Лўйма – так як чорт. Мужчына чорт, а бўба – лўйма, вўдьма*»; “*Golutka, z cyckami, duże piersi miała. Włosy do dupy, rozpuszczone*”. «*Гўлые, абрўслые, як мўлпа, дўкўкўе лўдзи*». «*Як жўншчына з цыцкўми вўлькўми, [говорят:] “О, лўйма пашлў”*». И ругаются: «*Лўйма ты! Лўймиско!*» Обитают лоймы в болотах, в лесу и появляются только ночью: “*W bagnach, w lesie, w budach [шалашах] mieszkają w lesie. Łojmy chodzą w nocy*”. «*Нўччу ани тўлько вўхўдўть*». Лоймы душат мужчин своими большими грудями: «*Мўси, дўшаць цыцкўми*». Кроме того, они подменяют маленьких детей. Считалось, что подменыша нужно бить до тех пор, пока лойма не вернет матери ее ребенка (26). В памятной книге села Вежхлеся (26) «лясные дзевы» лоймы описываются Е. Гибой в совсем ином, романтическом ключе: «*Праўда, явлўся яны тўлкў мўжчынам, што ў лўсных нетрах вўгўль выпальвалў. Асаблўва маладым, ладным и дужым. Давалў такому стомленаму пры вырубe дрeва і ладкаваннў ягў ў капeц да выпальваннў прылегчы дзе-небўдзь на мяккўм імху, як зараз жа з лўсной гўшчычe прыходзўла гeтaя дзeяўчына. Спaвўвала юнака велўюмам свaїх шаўкaвўстyx кoсaў, абсы-пaлa гарaчўмў пацaлўнkaмў, пeсцўлa пpугкўмў [упругимў], бy лўсныя яблўчкў, гpудзьмў і, распaлўўшы мўжчынў да кaхaннў... вўслўзгвaлa з абдымкaў і знўкaлa ў чaшчoбe. Taкўя бyлў кaлўсцў дзeвy – лўймy! Цяпeр, нa жаль, і слeд пa їх пpастўў ў лўсных ўрoчышчaх – Aсo-вaя Ямa, Бapсўкoвy Дaлy, Гpынaшкoвy Гopы, Кaрaнчлeс, Кaўшўўкў, Клўн, Лeсacекў, Пaўспoлe, Плoскў Бop, Сeмкў, Шaмкoвyя Paвy і їншўх – нўдзe їх нўмa!» (Giba 1980). С литовскими лаумами подляских лойм*

объединяет ряд общих признаков: сближение с ведьмой, нагота, длинные волосы, большие груди, обитание в болотах, в лесу, ночь как время активизации, соблазнение мужчин и подмен младенцев.

Других мифологических существ в лесу нет. Только черт может пугать и водить человека по лесу: “*Djabel wodzi*”, «*Чўрт, лўхўе мнe водило там*» (23); «*Чорт в лўси стрўшыць, чорт вўдзўць*»; чтобы избавиться от него, «*жэгнўлись*» [крестились] (26). И только на юге, в окрестностях Хелма, этот злой дух был назван как «блуд» (*bląd*), известный под таким или подобным названием в качестве особого персонажа у поляков и других западных славян, а также у украинцев (преимущественно западных) и в некоторых западных областях России (Новгородской, Тверской, Калужской, Смоленской). Или короче: у поляков и других западных славян, у западных украинцев и в ряде западных областей России: “*Bląd sie uczepli, to doukoła będziesz chodzić. Może to i zły duch*”; “*W lesie nieraz zabłądzi człowiek. To zły duch zaczepił i prowadzi w inne strone*”. В этом случае следовало переодеть обувь с левой ноги на правую, т. е. с дьявольской стороны на божью: “*Mówili, że trzeba buty zmienić z lewej nogi na prawą, bo prawa strona boska, a lewa djabelska*” (29).

Полевых духов, кроме русалок, местные жители не знают. Лишь в Гавролинском пов. детей пугали «житней бабой», чтобы дети не ходили в жито, когда оно уже выросло: “*Straszili dzieci żytnią babą, jak to dużo żyto je. Ach, jak dzieci sie tego bały! “Żytnia baba wyleci, to cie złapie!” W każdym życie żytnia baba siedziała. Straszili dzieci tą żytnią babą. I dzieci sie bardzo bały!*” (9).

Очень скудны или практически отсутствуют представления о водяном. Иногда пугали детей «топелем» (букв. «утопленником») в колодце, чтобы он не утопил их в нем: «*topielec wciąga do studni*» (7); «*topielec wciągni*» (29); «*пoтoпўльнўк злўпaе, тoпўльнўк*» (17). Близ Хелма запрет купаться до Ивана Купала объясняли, в частности, тем, что «топелец» может утянуть человека под воду: “*Od Jana mówili, że już można sie kompać*”. А ранее этого дня “*nie wolno: kurcz złapie [судорога схватит], topielec złapie, wciągnie. Dopiero czas od świętego Jana*” (29).

Ряд демонологических поверий связан со смертью и душами умерших. В окрестностях Хелма рассказывают, что душу ребенка, умершего некрещеным, забирает себе дьявол и вселяется в нее, и потом дух такого ребенка пугает ночью людей на перекрестках дорог: “*Jak nikszczone dziecko, to zły duch ma prawo do niego. Zły duch może porwać. Dziecko niekszczone straszy, w nocy przewaźnie, na drodze czy na krzyżówkach. Djabel ma prawo do niego*”. Или душа некрещеного ребенка

летает невидимая в вихре, прячась в тучах от поражения громом, и просит крещения: “Jak dziecko niekszczone umrze, to lata w powietrzu i prosi: krztu! krztu! krztu! To dziecko niekszczone. W wichrze leci, ale to niewidzialne. To niby dusza lata i woła. Jak grzmot, chmury, to ona chowa się w ty chmury od piorunu i woła krztu”. В этом случае следовало бросить на ветер что-нибудь белое из одежды (так называемое крестильное полотно), например головной платок, перекрестить его и произнести формулу наречения ребенка мужским или женским именем: “Jak coś masz białego, to rzuć w powietrze. To się nazywało płótno krzestne. Moja matka głos słyszała, i ona rzuciła chusteczke z głowy i w tym wichrze ta chusteczka poleciała. I ona przeżegnała [со словами]: “Jakżeś pan, będziesz Jan, a jak panna, to Maryjanna!” (29). В белостоцком Подлясье формулу имянаречения произносили, когда слышали детский плач возле придорожных крестов или под деревом: «Як плачэ коло крыжоў (не на цментажэ [не на кладбище]), надо даць ему имя: як дзвэчка, то Ёва, а як мальчык, то Ада́м» (23); «Як нехры́шчаны́й, то дитя му́сiць пла́каць на гэ́тум сьвэ́ти. Гавары́ли, што і слыха́ли: пад дэравам, пад ёлачкаю пла́кала дитя. [Услышавшы́й это должен был сказа́ть:] “Як хлопчык, то пусьць будэ́т Ада́м, а як девчо́нка, то Ева”» (26).

О ходячих покойниках рассказывали, что они являются своим близким, когда их душа нуждается в чем-то, когда умерший не успел что-то сделать при жизни или когда хотел известить о чем-то живых. Известны рассказы о том, как умершая мать приходила ночью кормить своего маленького ребенка (9, 12). Покойный мог быть невидимым, слышно было только, как что-то стучало (4, 29) или падало (7). Часто он просто пугал домашних, делал что-то им наперекор: “Jak ktoś umrze z tego domu, to nieboszczyk przychodzi i straszy domowników: stuka czy coś, coś robi na przyszkode, a ni widać nikogo” (29). Но иногда он являлся как туманное привидение: “nie całkiem człowiek, ale jak z pary, tak jakby coś...” (9). Считалось также, что облик умершего принимает нечистая сила: “Złe w jego postaci chodzi i straszy” (29). Информантка рассказывала, как покойный муж предупредил ее о том, что коня нужно перековать, потому что у него в копыте гвоздь: “Przyszed mój stary: “Przekujta kunia, bo kopyto zagwoźdzune, bo noga spuchnie, kuń zdechnie” (9). Чтобы покойник не «ходил» после смерти, его клали в гроб лицом вниз и сыпали туда мак: “Jak jakiś zły człowiek umrze, to kłado w trumnie twarzo do dołu, udwracajo go, to nie ustanie i nie będzie chodził” (29); «трэ́ба сыпаць ма́ку в труну́» (26). А чтобы избавиться от его появлений, кропили святой водой жилище и место, где он пугал домашних, а также заказывали панихиду

по нему в поминальные дни, так как он нуждается в молитве за упокой души: “Trzeba świncono wodo święcić te miejsce, dzie straszy. Mieszkanie kropią” (29); «Трэ́ба на мшу дати: на Ё́се сьвяты́е, по Великодню ва ў́торак, Правадны́ ў́торак» (23); “Trzeba nà msze dać, bo un potrzybuje modlitwy, un pokutuje” (29).

О смерти как мифологическом персонаже твердых представлений нет. Чаще всего говорят, что смерть никто не видел: “Śmierci nikt nie widział” (23); «А хто её видя́, тую сьме́рць...» (26). Рассказ о явлении смерти как «бабушки», видимой только умирающему человеку, записан в районе Бельска-Подляского. По словам информантки, когда умирала ее мама и ей захотелось сесть возле нее на постель, мама сказала: «Не скинь *ба́бушку*, ба́бушку скинеш! Ба́бушки нэ зачэпа́й!» Дочка никого не видела и ответила: «“Ны́якей ба́бушки у нас ныма́”. То вона́, му́сыць, сме́рць ба́чыла сво́ю. То сме́рць ужэ бу́ла», – заключила информантка (18). В другом рассказе, записанном близ Хелма, говорится о предсмертном знамении в виде слетевшего, словно туман или облако, на землю белого полотнища, что увидеть может только добрый человек: “Nieraz coś przestawia się przed śmiercią. Może dobry (tylko dobry) człowiek zobaczy: taka biała płachta przesunęła się przez okno i spadła na ziemię. I nic tam nie było. Tak pokazało się takie coś. Żona, dzieci widzieli. No on był umierający [он этого не видел]. Jak mgła taka biała, chmura, z góry i na dół spadła – i nic nie było. Może śmierć tak się przestawiła” (29). Хорошо известна под названием *костуха* (18, 23), *kostucha* и *smierdiucha* (29) смерть как персонаж рождественского ряжения: худая, как скелет, с впалыми щеками и большими обнаженными зубами, завернутая в белое полотно и с косой на плече. В таком облике – «бэ́ла, худая такая, так як рысу́ють», – видел смерть один умирающий, кричавший: «Стои́ть костуха, сме́рць стои́т!» (18).

Из названий ведьмы наиболее распространенное в Подлясье – *czarownica* (1, 6, 7, 9, 11, 12, 15, 23, 27, 29), *чаровныца* (18), *чаравныца* (26). Соответственно, колдун называется *czarownik* (27), *чаровнык* (18). Реже, в основном в восточных районах, встречаются названия *wied'ma* (29), *ведьма*, *ведьма́рка* (26), *ведзьма* и *ведзьма́р* (26); *czarodějka* и *czarodziej* (23), *czarodziej* (29). В качестве синонима ведьмы иногда выступает *валишбница*, воспринимаемое как русицизм (23, 26). Пассивно известно наименование колдуна, волшебника *czarnoksiężnik* (1, 29). Единично зафиксировано также название ведьмы *strzyga* как возможный отголосок карпатской традиции, однако поверье о «стриге» выражено слабо, представляет собой скорее всего продукт современной массовой культуры и в местной традиции не укоренено: “*Strzyga*

to też z człowieka. Na filmie to widziała nie raz. Tylko na filmie” (29). От ведьм отличаются знахари, снимающие заклятия, заговаривающие порчу и болезни: “*znachorka, zamawiaczka* – to były takie *babki*, co uroki odprawiają [снимают порчу]” (9); “*znachory, zamawiaczy* odrabiają [снимают заговорами порчу, заклятия]”, “*zamawia uroki* [заговаривают порчу] *znachor, znachorka*; ro rusku, ro chochłacku *szuptycha*” (29); для излечения «едут да *бабушки*» (23).

Наиболее распространены поверья об отбирании ведьмой молока у чужих коров. В районе Лукова, по рассказам, ведьма с ведром заметала дорогу перед коровами, возвращавшимися с пастбища, и что-то шептала. Таким образом она “*mleko zabierała krowie*” – забирала себе молоко от этих коров (9). В Белостоцком и отчасти в Хелмском воеводствах ведьмы считались особенно опасны в купальскую ночь. «Чаровницы чаровали пэрэд Яном, заберали молоко», от них «хлевы замыкали» (18). “*Czarownica masło, mleko zabiera w noce przed świętym Janem*” (23). Если корова переставала давать молоко, то в цедилку (кусок ткани для процеживания молока) втыкали иголки, чтобы выколоть ведьме глаза: “*Do siatki sadzali igły do cydiłka, żeby temu, kto urzeknie, żeby jemu oczy powyłaziły, żeby jemu w oczach tak kłuło*” (23). Или брали три раза по девять игл и шпилек и кипятили с ними на огне цедилку, отчего ведьму так будут мучить колики, что она сама придет и попросит что-нибудь одолжить. Но давать ей в этом случае ничего нельзя. Тогда, вернувшись домой ни с чем, она снимет действие своих чар: “*Jak komuś czarownica mleko zabiera, to trzeba wziąć cydziłko, co sie mleko cedzi przez to, i w te cydziłko włożyć szpilki, jigły, trzy razy po dziewięć, i pustawić na ogniu i gotować. To czarownice bedo tak kolki kłuli, i ona przyjdzie coś pożyczyć, ale nie wolno dać. To una pujdzie do domu i odrobi. A jak dasz – to przepadło, nie będzie mleka*” (29). Верили, что ведьма проникает в хлев в виде жабы: «Баялиса на Яна ведьмаў, шо млэко забярўць. Ведьма ў рапўху абэрнецца, у хлеў ўлезе и малако забере. Мўси, на Яна. Бо малако забирала» (26). Если видели жабу возле порога, верили, что это ведьма пытается причинить какой-то вред, особенно корове, отобрать у нее молоко: “*Czarownica, wiedma znała czary, mleko zabrała od krowy. Uczarowała krowe, i krowa mleka ni daje. Jak duża ropucha łązi pud progim, to mówio, to czarownica, chce coś zaszkodzić*”. Жабу воспринимали как ведьму и из опасения ее козней боялись ее убивать: “*Ropucha to czarownica, nie zabijaj jo, bo coś ci zrobi. Ni można ropuchi bić*” (29). На Вознесение Господне (40-й день после Пасхи) ведьма в облике жабы влезала вверх ногами на придорожный крест: “*Na Wniebowstąpienie czarownica laźła na krzyż do góry nogami.*

Czarownice nie lubieli [крестов]”; “Kubieta może sie zrobić żabo i na wielgie święto – na Wniebowstąpienie – do góry nogami na figure [придорожный крест] wleźć” (29).

Известны рассказы о том, как ведьма отбирала молоко у чужих коров, собирая росу, а человек, подсмотревший за ней и подслушавший слова заклинания, повторил ее действия с помощью пеньковой уздечки и переманил у нее молоко в свою уздечку: «Ишла баба и ручника цянула па расе [приговаривая:] “Палавіну малака мне”. А мужчина шоў [за ней] и уздечку цянуў и казаў: “А мне ўсё!” И як павесіў уздечку пад хлеў, и види: малако [с нее] цячэ» (26); “*Rano rosa była, jak gnali krowy na pasze [на пастбище]. I ona (kubieta, czarownica) przed tych krów leciała i rose zgartała [загребала] do fartuszka i mówiła: “Moj wirszòk, a twój spodòk”* (znaczy jej śmietana, a twoje mleko). A ten człowiek, co szed za nio, to kantary [узду, недоуздок] niós i zauważył, i tymi kantarami machnoł tak z tyłu po te rosie i powiedział: “A moje resztki [остатки]”. I jak przyszed do domu, powiesił kantary, to z kantarów ciekło mleko” (29). Аналогичный сюжет с использованием уздечки и со сходной заклинательной формулой известен, с одной стороны, у поляков Люблинского региона и Малопольши и у нижних лужичан, а с другой – на Львовщине, в Покутье, в Полесье и, далее, на Смоленщине (Гура 2022).

Существуют представления о волколаках – людях-оборотнях, которые сами превращаются или которых колдун или ведьма превращают на определенный срок в волка. При этом само слово *волколак*, как правило известное местным жителям, к таким людям не применяется, а значение его не очень ясно самим информантам и толкуется ими противоречиво. Оно может обозначать угрюмого, нелюдиного человека, который ни с кем не здоровается («Во, як *вовкулák!*», 18); неуклюжего («О, *выгадаваўся неуклюжий, бы воўкулák!*», 23); прожорливого («*Воўколák – котóрый много есьць: “О, яки воўколák!”*», 26); ни во что не верящего и агрессивного по отношению к женщинам («*Wilkolak – to nazywajo taki człowiek, co ni w co nie wierzy, napada na kobiety*», 29); то ли богатого, то ли злого (“*To znaczy bogaty?*”, “*Zły człowiek*”, 29), а также некое безобразное страшилище (“*To coś straszego, ohydneho, że tego sie trzeba bać. [Говорят:] “О, як *wilkolak*”, 29) или зверя («*Воўкалák – муси, зьвер такой*», 26). Иногда это просто ругательство: «*Ой ты вовкулák!*» – «то в злосьци» говорят (20); “*Ты wilkolaku!*” – як ktoś miał złość na niego, to przyzywali [обзывали] go” (29).*

Рассказывают, как ведьма с помощью колдовства обращалась на время в волка: «Баба такая была *ведьмарка*. Знала, шо праз серп перакінеца [через серп перевернется] и зробица з бабы воўк, и пойдзе

злапае шось и зьесц замест абéду. А патом, як упалёе [поймае добычу], з паврótам аткíнеца». Однажды во время жатвы жницы заметили, как эта ведьма обратилась в волка. «Жнуть усе рáзам. А ана праз серп перакíнеца и зробицца воўкам. А пужней прыпыльнавали [жницы подкараулили] и взяли серпа схавали – и ана так и пашла воўкам. И стала з бабы воўк» (26). Чаше встречаются былички об обращении колдуном людей на определенный срок в волков с помощью заклятия: “Kiedyś bardzo dawno było. Pozamieniali na wilki, a to byli ludzie. Ręce mieli poździerane do krwi [руки у них были содраны в кровь], bo chodzili na ręcach <sic!> i na nogach, jak wilki. A później jak przemienili się z powrotem na ludzi, to tak Bogu dziękowali, że wyzwolili się [освободились] z tego zaklęcia. Bo ktoś ich zaklól [заклял], przemienił. Bo kiedyś byli takie czarodzieje. Jakieś miał przymowy. Ktoś ich z powrotem odklól [кто-то с них снял заклятие], może i on sam. Na ile lat ich tam zaklól. A jak pokute znieśli [искупили вину], to odwrócił znów na ludzi” (29).

Способность насылать чары, в том числе обращать свадьбу в волков, часто приписывали людям из-за Буга, символической границы между своим и чужим миром. За ней жили колдуны, оттуда они приходили и туда отправляли заклятых ими людей-оборотней. Так, на Холмшине рассказывают, что давно, еще перед четырнадцатым <1914> годом, сюда приехали на заработки сезонные работницы из-за Буга, «забужнячки». И они так работали вместе. И жили в стодоле [овине]. И была старшая работница, и вот просит она у матери, чтобы мать взяла ее на квартиру. Говорит: «Дзись [сегодня] у мого брата высиле [свадьба]». Брат не пригласил ее на свадьбу. И она так сделала, что он придет, попросит прощения за то, что ее не пригласил, скажет: «Прыйдзь до мэн», – и будет у меня просить прощения. И она сделала, та работница, так, что свадьба превратится в волков и побежит в лес. И будут грызться, будут выть, пока она их «не одроби». Ночью мать слышит: стучит кто-то. Она [работница] говорит, что это ее брат приехал. Приехал с таким большим коробом и с водкой, колбасой, горилкой. Ну, и просил прощения у нее. Как начал ее умолять, просить выйти на двор! И как вышла она на двор, говорит, что он может возвращаться домой, свадьба уже дома. Мать говорила, у них в доме она жила. Нормальная женщина была. Но была колдунья (29). Согласно другому рассказу, была свадьба, и колдун обратил всю свадьбу в волков. И они помчались за Буг. Вернуть им человеческий облик мог лишь тот, кто их заколдовал (27).

В окрестностях Хелма записаны рассказы об иноверцах, надеваемых чертами двоедушников – имеющих два сердца. Приведем их

в переводе. В первом говорится о еврее: «В Хелме такой жид жил, Мошек. Когда Мошек умер, его уже занесли на кладбище. И он так сидит в могиле. Евреи так хоронят, сидя. И говорят: еврей первым встанет на воскресение мертвых, потому что он уже сидит подпертый палочками – такие из ивового дерева держит в руке, подпертый сидит. Ну, и ночью Мошек встал из гроба, пришел домой и стучит в окно (жену его звали Сура): “Сура, открой!” А Сура испугалась. Но наконец отворила дверь. “Сура, не бойся”. И вошел в дом. Ну, и жил еще несколько лет. Врачи его осмотрели, и у него оказалось два сердца: одно умерло, а другое заработало (*pobudziło się*) уже в могиле. И жид вылез» (29). Второй рассказ о немке: «Я была на заработках в Германии, за Ольштыном, в поместье Гарбно. И там одна немка умерла. Лежала в гробу в соседней комнате. А работники хотели ее увидеть. Хозяин так ударил по гробу, когда его открывал, что она пробудилась и села в гробу. Ну, и многие в испуге разбежались. Она была в летаргии. Жила еще три года. У нее тоже, видимо, было два сердца» (29).

Существуют представления об облакопрогонниках – людях, способных отгонять тучи. Один такой человек делал это на перекрестке дорог с помощью Библии и ножа, который втыкал в землю: “Wziół biblije i nóż i wsadził w ziemię. Przeczytał coś z bibliji, machnął, przeżegnał powietrze – i burza się rozstąpiła” (27). Другие отводили грозовую тучу палкой, которой убили змею, заглатывающую лягушку: “Jak wąż żabę jadł, zabił [палкой] tego węża, to jemu się udawało chmury rozganiać, jak weźmie tego kija” (29); “I tym kijem przyżegnaj trzy razy [перекрести три раза тучу]. I burza poszła, wioske ominęło” (27). Также тучу можно было отогнать, перекрестив ее мизинцем левой руки и произнеся заклинание: “Jak taka chmura, nawałnica [буря] idzie czarna, to wyjsć, lewo rękę i malutkim palcem te chmure przeżegnać trzy razy i powiedzieć: “Idź na pustyni, na bory, na morze, na lasy, a omijaj [обходи] nas”. I wtedy chmura się rozejdzie, pójdzie w drugim kierunku” (29).

Единично зафиксировано упоминание о «планетниках», слабый отголосок западно- и южнославянских представлений об антропоморфных демонах, обитающих в грозовых тучах и управляющих погодой. По поверью, они находятся в тучах и становятся ими те, кто рождается в грозовой день с громом и молнией: “Jak się urodzi człowiek w taki dzień, jak grzmi, błyska. *Planetniki* w chmurach” (29).

Демоническими свойствами наделяется вихрь: *віхор* (18, 23), *вихор*, *віхур*, *віхар* (26), *wicher* / *wixэр* (23, 27, 29), *wichier* (23), *wir* / *vir* (26, 27). В ряде наименований вихря запечатлено представление о нем как воплощении нечистой силы: *чорт*, *чорт летім* (23); *дьябэл*,

djabel (23, 29); *zły duch* (29); *djabel kręci* (27); *djabel tańczy, zły duch tańczy* (29); *czort hulaje* “po chuchłacku” (29); *djabel sie żeni* (27); *czorto-wo wesele* (23), *чортава вэсэле, чортово вэсэлле* (26); *чэртово вэсэле летіць* (23), *дьяблава вэсэле* (23). При появлении вихря крестятся, крестят также вихрь и плюют в него: «Як вихэр идзэ, то перэжэгнаецца чэлавэк. Жэгнацэ трэба». “Najpierw przeżegnam jego, a potem siebie” (23); «Самэму тшэба се жэгнаць и его пшэжэгнаць» (26); “Trzeba sie żegnać, splunoć” (29); “Trza płuć na niego” (27). Считается, что, если кинуть в вихрь ножом, на нем будет видна кровь: «Кроў видно на поджови» (23); «Раніш чортово вэсэлле. Кинь нажэ, то кроў будзе. Кинь сярпэ – и той атамсціць табе» (26). Человеку, оказавшемуся вблизи вихря, нужно присесть, иначе вихрь может закрутить человека и поднять в воздух: “Trzeba przysiąść, żeby nie pokręcił człowieka” (29); “Wichier skreńci człowieka [и унесет] pud obłoki” (23). У того, кто попадет в вихрь, «можэ болезня будэ, скалэчыт руку, ногу» (23); «Часам пачне балець рука ци галава» (26); “Albo będzie kulawe [хромым], albo ręka uschnie [рука усохнет], może sparaliżować” (29).

Популярен антропоморфный образ черта как эlegantного господина в черном, в черной шляпе: “Jakiś pan w kapeluszu, na czarno. Elegancko, kapeluszu” (4); “Panek w czarnym kapeluszu” (9); “W kapeluszu”, но в лунную ночь можно увидеть у него копыта вместо ног (11). В облике нарядных господ в черных костюмах, во фраках, в шляпах описываются дьявол и черти в быличках, записанных в окрестностях Хелма (19; см.: Гура 2018: 23).

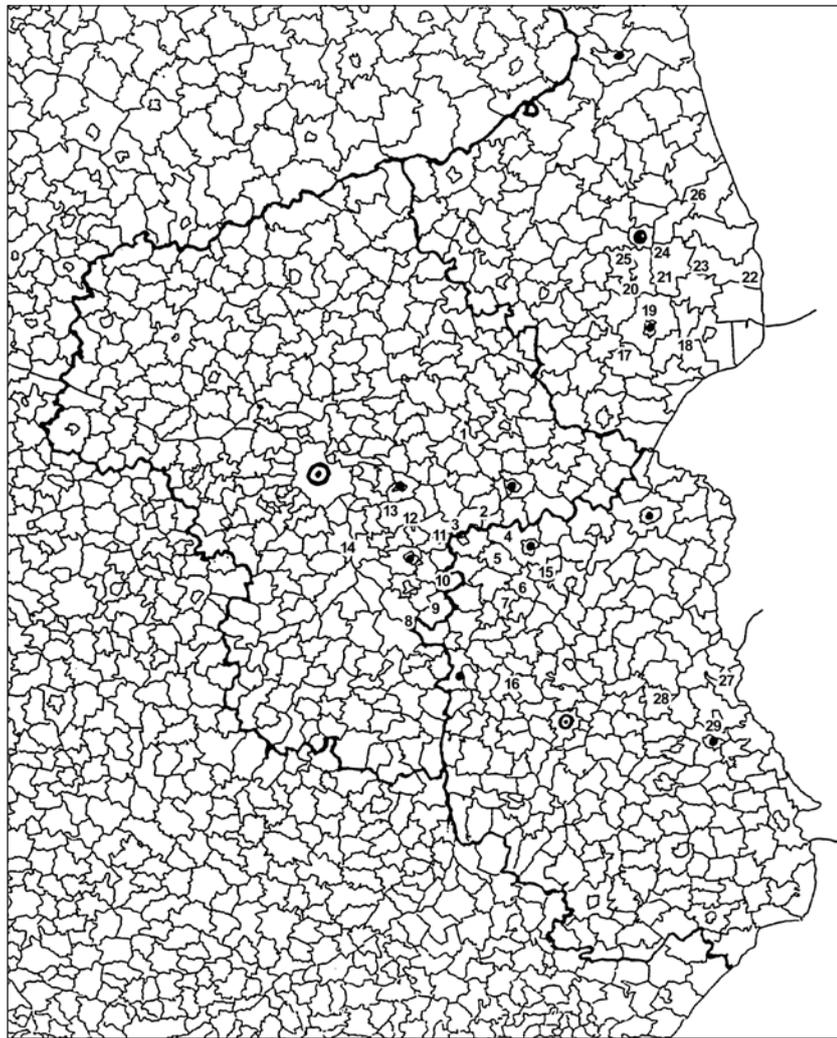
Черту (дьяволу) присущи и зооморфные ипостаси. По поверьям, записанным в районе Лукова, он чаще всего показывается в облике собаки: “Przeważnie w psie sie pokazywał” (4). Севернее, в районе Белостока и Сокулки, рассказывают о черте в виде черного барашка: “Czarny baranek wychodzi z tego [из болота] i przestrasza ludzi” (23). Е. Гиба пишет об этом в своей рукописной книге: «Кали нехта падаваўся лясным трактам праз лясное балота Лізы у Супрасль ці Беласток, дык напеуна прыблукваўся да яго спасены чорны баран. Круціўся ён вакол воза ды бляю, як быцця прасіўся у рукі. Вядома, чалавек не мог стрываць [стерпеть], каб такое дабро марна у крекаці [напрасно в топком болоте] прападала. Вязаў барана ды ўвальваў ў палўкашкі [в плетёный короб] на воз. Конь хроп пры гетым, быцця звочыўшы воўчўю зграю [словно завидев волчью стаю], і рваў улезлы па восі ў зямлю воз, ажно аглобля трашчалі. Але такія дзівы наўцыям [внове] былі чалавекў – ён ўжо прыкідваў ў галаве, кольки возьме на рынкў за такўю знаходкў. Марна! Як толькі ранкам сярод стромкіх сосен і

ялин бліснўлі на кўпалах Супрасльскай царквы залочаныя крыжы, баран саскокваў з вазка і кідаўся ў лес з такім рогатам [хохотом], што ажно кастрыца з хвояў дажджом сыпалася. Во якія кепікі [шутки] з людзей строіў тўт калісці нячцісткі!» (26; Giba 1980).

Местом обитания черта считается болото. Из болота он выходит в облике черного барашка (23) и в болотную трясину может затянуть человека: “W kaczach, w bahnach, w błotach siedział *d’jabel*. *Djabeł do tego błota zaciągał*” (23). Часто место появления черта связано с мостом: “Idzie [по мосту] bardzo ładny pan w czarnym kapeluszu, niesie skrzypce” (9); “Koło mostu wybiega i przestrasza ludzi” (23); “U północy straszy to na moście, to pud mostem płacze. [Кто?] No *zły duch*” (29). Чаще всего человек может повстречаться с чертом ночью: «Чорт ходзіць ноччу. Сядзе на воз и ёдзе з чэлавэкам. Як чэлавэк. А пótэм згіне, а́но вэцер пойдзе» (26).

Среди действий, приписываемых черту, кроме упомянутых выше, информанты называют подмен маленьких детей, особенно еще не крещеных: «Чэ́рци дзиця укра́ли, як жа́ли» (когда женщины жали в поле) и подложили вместо украденного своего ребенка. Подменыш был «таки сам», но «еў многа и крычаў йінным гóласам. Трэ́ба не даць ему есци, то аны́ [черти] пашкадўюць и прынясуць сваё, адме́няць» (26); У одной женщины был подменыш (*odmieniec, udmieniec*), “podrzucili tej babie. [Кто подменил?] Chyba jakieś *złe. Złe może odmienić, zły duch, przeważnie jak dziecko niekszczone*” (29). С дьяволом связывают и так называемые заломы в жите, о которых говорят, что это дьявол закрутил колосья ветром или своим хвостом: “*Djaboł wiatrem pokręcił. Djabel ogonem kręcił – zboże nie urodziło*” (27).

Некоторые персонажи упоминаются лишь в формулах, которые используются для пугания детей. Выше уже приводились примеры пугания детей различными существами в жите. Помимо них ряд персонажей выявляют формулы, предостерегающие детей от заглядывания в колодезь. Это «дед», нищий: “Uważaj, bo tam *dziadek* wygląda, żeby cie nie chciał...” (5); “Nie zaglądaј, bo *dziad* tam siedzi!” (11); “Tam *dziad* cie złapie” (29); «утопленник», который топит: “Bo tam siedzi... ten... człowiek, taki co łapi, topi. No strach” (4); “Nie zaglądaј do studni, bo *licho* siedzi, ten *topielec*” (7); «Тож потопэ́льник зла́пае, *топэ́льник*» (17); “Nie jidź do studni, bo ci *topielec* wciągni” (29); дьявол, черт: “*Djabel* tam siedzi” (11), “Tam coś cie złapie, *djabel*” (29); «железная баба»: «*Залэ́зна ба́ба* утя́гне в колоде́ць» (18); «*Ба́ба жалэ́зна ў стўдні седіть*» (23); баба-яга: “Nie zaglądaј tam, bo tam *babająga* ci pokaże! Straszono, *babająga* albo tam coś...” (12); “*Bàba-jąga* w studni siedzi, pociąga ciebie!” (23);

Карта. Обследованные села в Подлясье

жаба: «Не заглядай до студеня, бо там жаба!», “*Żaba gruba, gorucha usiągnie!*” (23); «Жаба, велька рапўха уцягне» (26); радуга, набирающая из колодца воду: «Не заглядай у студню, бо то як радуга бярэ вóду ў той час, то уцягне ў студню» (26). Кроме того, «дедом» пугали ребенка, если он не засыпал: “*Śpij, bo dziad przyjdzie! Dziadem*

- 1 – Лив, Мазовецкое (Седлецкое) воев., Венгровский пов., гмина Лив
- 2 – Тшцинец, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Седлецкий пов., гмина Скужец
- 3 – Жебрачка, Мазовецкое (Седлецкое) воев., Седлецкий пов., гмина Водыне
- 4 – Грензувка, Люблинское (Седлецкое) воев., Луковский пов., гмина Луков
- 5 – Тухович, Люблинское (Седлецкое) воев., Луковский пов., гмина Станнин
- 6 – Войцешков, Люблинское (быв. Седлецкое) воев., Луковский пов., гмина Войцешков
- 7 – Адамов, Люблинское (быв. Седлецкое) воев., Луковский пов., гмина Адамов
- 8 – Врубле – Варгоцин, Мазовецкое (Седлецкое) воев., Гарволинский пов., гмина Мацеёвице
- 9 – Воля Коруцка Гурна, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Гарволинский пов., гмина Троянов
- 10 – Ломница, Мазовецкое (Седлецкое) воев., Гарволинский пов., гмина Желехов
- 11 – Хромин, Мазовецкое (Седлецкое) воев., Гарволинский пов., гмина Борове
- 12 – Старогруд, Мазовецкое (Седлецкое) воев., Минский пов., гмина Сенница
- 13 – Рудзенко, Мазовецкое (Седлецкое) воев., Отвоцкий пов., гмина Колбель
- 14 – Бжумин, Мазовецкое (быв. Варшавское) воев., Пясечинский пов., гмина Гура Кальвария
- 15 – Улян, Люблинское (Бельскоподляское) воев., Радзвильский пов., гмина Улян-Майорат
- 16 – Калень, Люблинское (быв. Люблинское) воев., Пулавский пов., гмина Маркушов
- 17 – Дзэцинке, Подляское (быв. Белостокское) воев., Бельский пов., гмина Боцьки
- 18 – Стары Корнин, Подляское (быв. Белостокское) воев., Хайновский пов., гмина Дубиче Церквене
- 19 – Проневиче, Подляское (быв. Белостокское) воев., Бельский пов., гмина Бельск Подляский
- 20 – Черевки, Подляское (быв. Белостокское) воев., Белостокский пов., гмина Юхновец
- 21 – Козьлики, Подляское (быв. Белостокское) воев., Белостокский пов., гмина Заблудов
- 22 – Бахуры, Подляское (быв. Белостокское) воев., Белостокский пов., гмина Михалово
- 23 – Тополяны, Подляское (быв. Белостокское) воев., Белостокский пов., гмина Михалово
- 24 – Зверки, Подляское (быв. Белостокское) воев., Белостокский пов., гмина Заблудов
- 25 – Нецки, Подляское (быв. Белостокское) воев., Белостокский пов., гмина Туросьнь Косцельна
- 26 – Вежхлесе, Подляское (быв. Белостокское) воев., Сокульский пов., гмина Судзялово
- 27 – Осова, Люблинское (быв. Хелмское) воев., Влодавский пов., гмина Ханьск (Ганск)
- 28 – Велькополе, Люблинское (быв. Хелмское) воев., Влодавский пов., гмина Уршулин
- 29 – Окшув, Люблинское (быв. Хелмское) воев., Хелмский пов., гмина Хелм

straszono” (15); бабой-ягой – чтобы он не попробовал уйти в лес: “*Idź, to baba-jaga ci złapie*” (29), бабой-ягой и цыганами («цыганами, *баба-ягою*») – чтобы не ходил в лес или в огород (26).

Источники и литература

Виноградова Л. Н., Гура А. В. Щекотка в свете славянской лексики и мифологии (полесские данные на общеславянском фоне) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 7–38.

Гура А. В. Межэтничность в зеркале народной культуры Подлясья // Живая старина. 2018. № 2 (98). С. 21–24.

Гура А. В. Цветовая символика летающего змея (лужицко-восточнославянские и южнославянские параллели) // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. 2 / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 9–25.

Гура А. В. Лужицко-восточнославянские параллели из области народной демонологии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. В печати.

Левкиевская Е. Е. Мара // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 178–179.

Ясинская М. В. О некоторых мифологических представлениях поляков южного Подлясья // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. 2 / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2021а. С. 198–225.

Ясинская М. В. Мифологический персонаж (э)мора / мара в традиции Южного Подлясья в польской и общеславянской перспективе // *Studia mythologica Slavica*. 2021б. [Vol.] 24. S. 79–99.

Giba J. Księga pamiątkowa. Вярхлес. [Рукопись, хранится в с. Вежхлесе]. Wykonano: Białystok, dn. 15.05.1980 r.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 3. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1969.

References

Giba, J. *Księga pamiątkowa. Viazhkhles*. [The manuscript is stored in the village of Wierzchlesie]. Wykonano: Białystok, dn. 15.05.1980 r.

Gura, A. V. “Mezhethnichnost' v zerkale narodnoi kul'tury Podlias'ia.” *Zhivaia starina*, 2028, No. 2 (98), pp. 21–24.

Gura, A. V. “Tsvetovaia simvolika letaiushchego zmeia (luzhitsko-vostochnoslavianskije i iuzhnoslavianskije paralleli).” *Slavianskije arkhaiskije arealy v prostranstve Evropy*. 2, ed. by S. M. Tolstaia. Moscow: Indrik, 2021, pp. 9–25.

Gura, A. V. “Luzhitsko-vostochnoslavianskije paralleli iz oblasti narodnoi demonologii.” *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2022, vol. 17, No. 1–2. In press.

Iasinskaia, M. V. “O nekotorykh mifologicheskikh predstavleniiakh poliakov iuzhnogo Podlias'ia.” *Slavianskije arkhaiskije arealy v prostranstve Evropy*. 2, ed. by S. M. Tolstaia. Moscow: Indrik, 2021, pp. 198–225.

Iasinskaia, M. V. “Mifologicheskii personazh (э)мора / мара v traditsii Iuzhnogo Podlias'ia v pol'skoi i obscheslavianskoi perspektive.” *Studia mythologica Slavica*, [vol.] 24, 2021, pp. 79–99.

Levkievskaja, E. E. “Mara.” *Slavianskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, in 5 vols., ed. by N. I. Tolstoi, vol. 3. Moscow; Mezhdunarodnyje otnosheniia, 2004, pp. 178–179.

Sychta, B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Т. 3. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1969.

Vinogradova, L. N., Gura, A. V. “Shchekotka v svete slavianskoi leksiki i mifologii (polesskije dannye na obscheslavianskom fone).” *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2021, vol. 16, No. 1–2, pp. 7–38.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.05

A. V. Gura

Folk demonology of Podlasie (based on own materials)

Aleksander V. Gura

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E mail: avgura@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0985-8639

Citation

Gura A. V. Folk demonology of Podlasie (based on own materials) // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 225–248 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.05

Acknowledgements:

The work of the article was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research No. № 20-012-00300 A.

Received: 14.06.2022.

Abstract

The article publishes field material on the folk demonology of Podlasie, collected by the author in 1990, 1993, and 2017. Mythological characters

are described with functions typical for the spirits of the house and barn: weasel as the patron of cattle, “zmora”, braiding the mane of horses and strangling the sleeping ones. The brownie demon-enricher has a number of similarities with the West Slavic flying fiery serpent. The territory of Podlasie is the western periphery of the East Slavic distribution area of *rusalky* and the southern periphery of the distribution area of Lithuanian “laumė” (“loima” in Podlasie). *Rusalky*, in addition to their typical properties (appearance in a rye field etc.), sometimes combine the signs of other characters – they mix with Lady Middy, with weasel, sirens (half-maiden-half-fish), are identified with the grasshopper and flashing lights. The demon that makes a person go astray is known as “blud”, which is characteristic of this character in the folk tradition of Western Ukrainians, Poles and other Western Slavs. The water spirit (“vodyanoy”) is almost unknown, it was mainly used to frighten only children. Many beliefs are associated with death and the souls of the dead: the souls of unbaptized children, the walking dead (vampire), the image of death. Tales and beliefs about witches and sorcerers are widespread, especially stories about stealing milk from other people’s cows. Beliefs about werewolves, double-hearted aliens, sorcerers who drive away clouds and a single mention of a cloud-ruler demon are recorded. The devil appears both in the anthropomorphic form of a gentleman in a black hat, and in the zoomorphic form of a dog or a black ram. Some characters are found only in verbal formulas that are used to scare children.

Keywords

Podlasie, folk demonology, mythological characters.

УДК 811.14

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06

К. А. Климова, И. О. Никитина

Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции

Климова Ксения Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская
Федерация
Научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Никитина Инна Олеговна
Аспирант
Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д.6/1, А
E-mail: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Цитирование

Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06

Финансирование

Авторская работа И. О. Никитиной выполнена в рамках гранта РНФ № 22-18-00484.

Статья поступила в редакцию 31.07.2022.

Аннотация

Традиционная культура и язык греческого населения г. Сочи в июле 2022 г. впервые стали предметом этнолингвистического исследования российских ученых. Греческое население (выходцы из области Понта, расположенной в современной Турции) изначально появилось на этих территориях во второй половине XIX в. В период сталинских репрессий и депортаций

численность греков значительно сократилась, однако язык (понтский диалект греческого языка) и элементы традиционной культуры в местах компактного проживания греков сохраняются по сей день. В народном календаре, семейной обрядности, народной мифологии современного греческого населения наблюдаются не только общегреческие элементы, объединяющие понтийских греков диаспоры с широким «греческим миром», но и характерные особенности, которые позволяют сделать предварительный вывод о сохранности архаичных элементов культуры (обряд вызывания дождя «кошкотера» и пр.). Многие элементы традиционной культуры подверглись влиянию соседней славянской (русской) и кавказских (армянской, грузинской) традиций.

Ключевые слова

Греки России, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, понтийский диалект греческого языка, похоронно-поминальный обряд.

В июле 2022 г. состоялась первая российская этнолингвистическая экспедиция к понтийским грекам, проживающим в г. Сочи и окрестностях («Большой Сочи»). В экспедиции приняли участие доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и научный сотрудник Научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения РАН К. А. Климова и выпускница магистратуры 2022 г. кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова И. О. Никитина.

За десять дней полевой работы были обследованы села и городские округа: Красная Поляна, Лазаревское, Адлер, г. Сочи (центр), Лесное и Галицино. Всего был опрошен 41 информант в возрасте от 31 до 99 лет, собран архив интервью с носителями традиционной культуры объемом более 36 часов аудиозаписей и 5 Гб фото- и видеоматериалов.

В ходе экспедиции были собраны данные по традиционной культуре понтийских греков, календарной и семейной обрядности (рождение, свадьба, похороны) по этнолингвистическому вопросу А. А. Плотниковой (Плотникова 2009), включающему более 400 вопросов по лексике и фразеологии, относящихся к различным сферам традиционной народной культуры: народному календарю, семейным обычаям, сельскохозяйственным обрядам, народной

мифологии. Особое внимание было уделено сбору данных по греческим погребально-поминальным практикам, а также лексике понтийского диалекта греческого языка, обслуживающей похоронный обряд. В отношении похоронно-поминального обряда опрос проводился по специальному тематическому вопроснику, разработанному для исследований культуры греческой диаспоры на территории России. Вопросник включал в себя 57 вопросов. Из них 7 касались общей информации об истории села, заселении обследованных территорий греками и религиозной и культурной жизни в XIX–XXI вв.; 43 вопроса были посвящены традиционному похоронному обряду, еще 7 вопросов касались изменений греческого похоронного обряда в постсоветское время.

Согласно имеющимся историческим данным, греческое понтийское население¹ появляется в районе Сочи во второй половине XIX в. Путешественник С. Дороватовский, издавший в 1911 г. путеводитель по Сочи и его окрестностям, пишет, что это были малоазийские греки, перебравшиеся в Ставропольскую губернию с южного побережья Черного моря (Дороватовский 2010: 162). До Кавказской войны на этих территориях проживали убыхи и черкесы, а после ее завершения их заняли греки, казаки и эстонцы. Однако историческое присутствие греков, согласно археологическим данным, отмечается в регионе и раньше – в Художественном музее г. Сочи хранится так называемый Мзымтинский клад, датируемый I в. до н. э. и включающий в себя предметы из золота, бронзы и серебра; в окрестностях города сохранились фундаменты и остатки стен нескольких византийских церквей VIII–XI вв., которые, кстати, были впоследствии обнаружены понтийскими греками и стали почитаться ими как святые места. Подробные описания процесса заселения греками Красной Поляны содержатся в письменных источниках (Дороватовский 2010: 158–163; Халайчев 2021: 32–36; Анастасиади 2020: 10–11) и передаются через фольклорные нарративы о происхождении села. По данным всероссийской переписи населения 1897 г., в районе Сочи греческая община была самой многочисленной (25,7 %), русское население по численности находилось на втором месте (24,2 %), однако после периода сталинских репрессий и массовых депортаций греков в Казахстан, а также после отъезда оставшегося населения в 1980–1990 гг. в Грецию число греков

¹ Понтийские греки являются одной из шести этнических общностей с греческой идентичностью на территории России и стран-бывших республик СССР (Иванова 2004: 8–9).

значительно уменьшилось и теперь составляет менее одного процента (0,82 % по данным переписи 2010 г.). Сейчас, по разным оценкам, в Сочи проживает около 3 000–5 000 греков. Несмотря на сложные исторические перипетии и общую установку на нивелирование этнических различий, было удивительно отметить, что греческий язык (понтийский диалект) и греческие традиции сохраняются и по сей день. Лучше всего языком владеют люди старшего поколения, которые признаются, что понтийский греческий был для них первым языком и они начинали говорить по-русски только в школе; люди среднего возраста могут хорошо понимать язык, но сами говорят уже мало; молодые люди и дети используют только расхожие бытовые выражения и формульные фразы и лексемы (*ясу* ‘здравствуй’², *пулим* ‘детка, птичка моя’, *до фтас* ‘как дела’ и пр.).

Большой интерес представляют этнонимы, которые используются для обозначения греков. Информанты пользовались как устоявшимся понтийским эндоэтнонимом *ромей* (дословно ‘римлянин’, для обозначения языка в этом случае также использовался вариант *ромейки глоса* ‘ромейский язык’), так и экзоэтнонимами *понтиец* (*понтийка*), *понтийские греки*, а также обобщающим термином *грек*. Такие типы номинаций характерны для понтийских греков (Джуха 2016: 10). Многие информанты на вопрос о своей этнической принадлежности давали варианты ответа *русский грек* (*русская гречанка*), *греко-русский* (*греко-русская*). При этом для греков, проживающих на территории современной Греции, использовался термин *эллины*, а для современного литературного новогреческого языка – *эллинский язык*.

Собранный в ходе экспедиции материал дает представление о традиционной культуре, принесенной в этот регион в конце XIX в. понтийскими греками – беженцами из Османской империи. Были записаны нарративы о происхождении названий сел, например, Красная Поляна, согласно легенде, получила свое название из-за осеннего красного папоротника, который увидели в 1875 г. пришедшие на разведку греки Федор Фанайлов и Илья Ксандинов; а с. Галицино местные жители называли *Курамэнза*, букв. ‘уставшая’, поскольку там, по пути в Красную Поляну или из нее, всегда останавливались путешественники, утомленные долгим подъемом в гору. Зафиксированы взаимные

2 Здесь и далее понтийские лексемы будут транскрибированы кириллицей. Греки, проживающие на территории бывшего Советского Союза и России, обычно не используют греческую графику. Для обозначения межзубного звука используется графема *θ*.

прозвища, указывающие на происхождение соседей: *псахеты* – жители с. Лесное (Псахо) и *палянеты* – жители Красной Поляны.

Календарная обрядность широко представлена греческими традициями рождественско-новогоднего цикла. Вплоть до наших дней спорадически сохраняется традиция колядования с исполнением традиционных греческих колядок, обычай освящения воды на Крещение с помощью специального обряда с бросанием креста в местную реку и нырянием за ним молодежи. Широко отмечаются важные церковные праздники: Пасха, Успение Пресвятой Богородицы и пр. Отдельного упоминания заслуживает престольный праздник в храме св. Георгия в с. Лесное (6 мая), на который приезжают греки из разных районов Сочи. После литургии на площади перед церковью устраивается совместная трапеза и концерт с исполнением греческой музыки и танцев (о традициях празднования и истории храма см.: (Анастасиади 2018: 27–28)). День св. Георгия в Лесном отмечался и в советское время, при этом местные жители соблюдали традиции с ритуальным посвящением и последующим закланием жертвенных животных и совместной трапезой. Баранов, петухов и кур, которых приводили специально для этой цели, называли лексемой *гурнэн* ‘жертва’. Помимо церковных праздников, были зафиксированы уникальные архаичные календарные обряды, направленные на вызывание дождя (*кошкотэра*, *кошкото́ра*), сохранилась память об изготовлении на период Великого поста ритуального предмета *кукарас* – это была картофелина, в которую втыкали со всех сторон перья и подвешивали в доме под потолком. *Кукарас* использовался, с одной стороны, как своеобразный календарь (изначально в картофелину втыкали семь перьев – по числу недель Великого поста), а с другой – как пугало для детей, которые должны были воздерживаться от скоромной пищи.

В сфере семейной обрядности были зафиксированы родильные и свадебные обычаи с характерной терминологией (*сумадья* ‘сватовство’, *нифэнарма* ‘обряд выкупа невесты на свадьбе’ и пр.). Особо подробно исследовалась похоронно-поминальная обрядность и соответствующая терминологическая лексика и фразеология. Часть элементов похоронного обряда дошла и до сегодняшнего дня: показательны рассказы информантов о том, что даже сейчас стараются, чтобы покойник «переночевал» дома до похорон (которые, по традиции, проводят на третий день). Греки Красной Поляны по сей день перекрывают дорогу для похоронной процессии и несут гроб из дома до кладбища на руках, как это было принято раньше. Во всех исследованных селах был зафиксирован сохранившийся обычай готовить

Греческая церковь св. Георгия (с. Лесное)

традиционное ритуальное блюдо (*кукия*, *кокья* ‘кутья’³) на похороны и поминки. Очень сильна христианская составляющая обряда,

³ Говоря на русском языке, информанты для номинации этого ритуального блюда используют лексему *кутья* в диалектном фонетическом варианте – *кутя*.

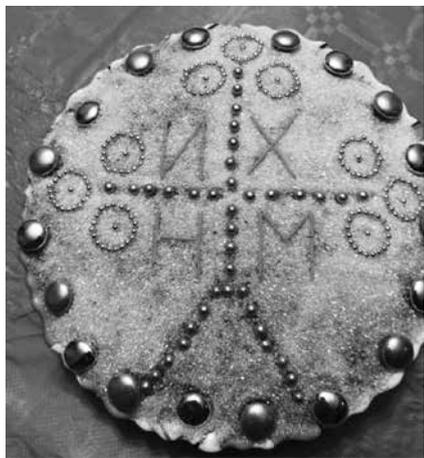
поскольку даже во времена гонений греки Советского Союза сохраняли веру подпольно. В советский период под влиянием внешних факторов появился ряд общих элементов обрядности для русских и понтийцев, например откладывание денег на похороны еще при жизни, установление железных креста и оградки на кладбище, поминальный ужин из первого, второго блюда, компота и пирожков (меню, характерное для советских столовых).

Типологически понтийский похоронный обряд проявляет сходство как с восточнославянским, так и с общегреческим обрядом. Сходство это обусловлено, в первую очередь, общностью религии, однако параллели обнаруживаются и на уровне традиционных верований. Так, в исследуемом регионе похороны проводились строго на третий день, все это время умерший (*аповамéнос*) находился в доме, куда с ним приходили проститься соседи. В качестве оповещения о смерти использовалась как крышка гроба, выставленная у двери, так и открытая калитка. В христианской традиции первые 40 дней после смерти особенно важны для души покойного: считается, что в эти дни она все еще находится на земле. С этим представлением связаны различные ритуалы, зафиксированные в обследованных селах: бросание цветов по всему пути процессии с гробом, чтобы умерший мог найти дорогу домой, зажигание свечи в каждый из сорока дней, чтение молитв, оставление воды и пищи в доме для покойного⁴. В понтийской традиции существует также особый способ украшения ритуального блюда *кукия*⁵. На нем изображают крест, причем на каждый из поминальных дней разный. В день похорон у креста должно быть расходящееся основание (крест-голгофа), на девятый день закрывается одна створка, а на сороковой⁶ уже обе, что знамени-

⁴ Все эти ритуалы характерны для восточно- и южнославянской традиции, см., например, (Седакова 2004: 85–92). Еловые ветки, разбрасывание которых перед похоронной процессией характерно для восточно- и частично западнославянского обряда (Агапкина 2019: 97–99), заменяются здесь цветами. Отметим, что в греческой традиции ритуал с разбрасыванием цветов отсутствует, следовательно, применительно к исследуемому материалу можно говорить о заимствовании.

⁵ *Кукья* представляет собой отваренную пшеницу с добавлением орехов, изюма и печенья, по-особому украшенную сверху. Пшеницу выкладывают на тарелку, посыпают сахаром и украшают крестом из драже или колотых орехов.

⁶ Поминки проводятся на 9-й (*са энéа* ‘на девять дней’), на 40-й (*са серáнда* ‘на сорок дней’) день и на год (*со хронéо* ‘на год’).

Кукия (Красная Поляна)

ет полный «уход» души. Крест как бы делит пространство тарелки на 4 части, в каждой пишут по букве: И, Х, Н⁷ и первую букву имени умершего.

Как для восточнославянской, так и для греческой традиции важно, чтобы кто-то всегда сидел возле тела и «присматривал» за ним⁸. В понтийском для обозначения этого действия употреблялся глагол *μονάζο* 'устанавливать бдение над покойным'. Над умершим читали псалмы – в отсутствие священника и церкви

этот ритуал был особенно важен, поскольку считалось, что домашнее чтение молитв было единственным способом облегчить душе переход в иной мир. Святые книги были не у всех, они хранились в определенных семьях, обычно у потомков священнослужителей. *Читать* приглашали именно людей из таких семей.

Общность с восточно- и южнославянским обрядом⁹ проявляется и в магических ритуалах. Так, мертвому обязательно связывали руки и ноги – обычно ленты для этого отрывали от савана. Все информанты утверждали, что потом их надо развязать и оставить в гробу – кое-кто, однако, вспоминал, что ленты могли забирать и использовать впоследствии для лечения болезней: их надо было поджечь и подышать этим дымом. Для лечения болезней у понтийских греков существовал еще один любопытный ритуал: перед калиткой кладбища дети

7 От фразы «Иисус Христос Никá» (*Ἰησοῦς Χριστός Νικά* 'Иисус Христос Побеждает'); примечательно, что информанты могут использовать как русские, так и греческие буквы.

8 Этот обычай может связываться со страхом того, что покойный «встанет», или трактоваться в рамках дихотомии смерти – сна и жизни – бодрствования, см. об этом (Байбурин 1993: 110).

9 Об использовании предметов, которыми перевязывали покойного (нитей, лент, веревок), в магических ритуалах пишут, например, Н. И. и С. М. Толстые применительно к сербской, хорватской, полесской традициям (Толстые 2013: 150–151).

и взрослые проходили под поднятым гробом три раза. Многие информанты отвечают, что это делалось не только для избавления от недугов, но и чтобы побороть страх перед покойником.

В ходе проведенной экспедиции большое внимание уделялось специфике каждого из понтийских кладбищ (в Красной Поляне, Лазаревском, Лесном). В советское время памятники на могилах ставили не всегда, преобладали кресты, при этом деревянный крест впоследствии могли заменить на железный. Примечательно отсутствие четкого канона установки креста в голову или в ноги: даже в пределах одного семейного погребения крест или надгробие может быть в разных сторонах. Иногда можно увидеть и советские памятники из цемента, а на кладбище с. Юревичи сохранилось несколько старых, еще дореволюционных каменных надгробий с надписями на греческом языке. Все памятники советского периода содержат надписи исключительно на русском языке. Греческий язык появляется на кладбищах снова лишь в 1990-е гг., когда многие местные жители уезжают в Грецию и пишут своим умершим в России родственникам эпитафии.

Понтийская традиция на территории России приобрела ряд новых элементов не только вследствие соседства с другими народами (преимущественно с русскими), но и под воздействием внешних факторов.

Современные памятники с греческими надписями (Красная Поляна)

Традиция смогла сохраниться в обстоятельствах, когда религия и проявления этничности преследовались и подавлялись сверху. С момента изначального заселения этих территорий в конце XIX в., к началу XXI в. численность греков в процентном соотношении существенно снизилась. Тем не менее и язык (понтийский диалект греческого языка), и элементы традиционной культуры, в том числе уникальных архаичных верований, в местах компактного проживания греков сохраняются по сей день. Документирование этой традиции представляется особенно важным сейчас, пока еще живы старейшие носители языка и культуры «русских греков» г. Сочи.

Источники и литература

- Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.
- Анастасиади Г. И. Сильные верой. О храме во имя великомученика Георгия Победоносца в селе Лесном. Сочи: [б. и.], 2018. 84 с.
- Анастасиади Г. И. Кбааде. Романовск. Красная Поляна. Очерк. Сочи: [б. и.], 2020. 144 с.
- Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Джуха И. Г. Мариупольские, цалкинские, понтийские... (Что мы знаем друг о друге). М.: Изд. дом Международного ун-та в Москве, 2016. 336 с.
- Дороватовский С. Сочи и Красная Поляна с окрестностями: путеводитель (репринтное воспроизведение издания 1911 г.). Краснодар: Платонов И., 2010. 256 с.
- Иванова Ю. В. Греки России и Украины. СПб.: Алетейя, 2004. 624 с.
- Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009. 160 с.
- Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
- Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 240 с.
- Халайчев С. С. Красная Поляна. Время. События. Люди. Р. н/Д: Донской издательский дом, 2022. 160 с.
- Халайчев С. С. Красная Поляна. Люди и судьбы. 1864–2021 г. Р. н/Д: Донской издательский дом, 2021. 176 с.

References

- Agapkina, T. A. *Derev'ia v slavianskoi narodnoi traditsii: Ocherki*. Moscow: Indrik, 2019, 656 p.
- Anastasiadi, G. I. *Sil'nyje veroi. O khrame vo imia velikomuchenika Georgiia Pobedonostsa v sele Lesnom*. Sochi: [s.n.], 2018, 84 p.
- Anastasiadi, G. I. *Kbaade. Romanovsk. Krasnaia Poliana. Ocherk*. Sochi: [s.n.], 2020, 144 p.
- Baiburin, A. K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture: strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov*. St Petersburg: Nauka, 1993, 240 p.
- Dzhukha, I. G. *Mariupol'skije, tsalkinskije, pontiiskije... (Chto my znajem drug o druge)*. Moscow: Izd. dom Mezhdunarodnogo un-ta v Moskve, 2016, 336 p.
- Dorovatovskii, S. *Sochi i Krasnaia Poliana s okrestnostiami: putevoditel' (reprintnoje vosproizvedeniye izdaniia 1911 g.)*. Krasnodar: Platonov I., 2010, 256 p.
- Ivanova, Iu. V. *Greki Rossii i Ukrainy*. St Petersburg: Aleteiia, 2004, 624 p.
- Khalaichev, S. S. *Krasnaia Poliana. Liudi i sud'by. 1864–2021 gg*. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom, 2021, 176 p.
- Khalaichev, S. S. *Krasnaia Poliana. Vremia Sobytiia Liudi*. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom, 2022, 160 p.
- Plotnikova, A. A. *Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniia balkanoslavianskogo areala*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 2009, 160 p.
- Sedakova, O. A. *Poetika obriada. Pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian*. Moscow: Indrik, 2004, 320 p.
- Tolstoi, N. I., Tolstaia, S. M. *Slavianskaia etnolingvistika: voprosy teorii*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2013, 240 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06

К. А. Климова, И. О. Никитина

The traditional culture and the language of the “Russian Greeks” in Sochi: A review of an ethnolinguistic expedition

Ksenia A. Klimova
Candidate of Letters, associate professor
Lomonosov Moscow State University
119192, GSP-1, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation
Researcher
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119991, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Inna O. Nikitina
 PhD student
 European University at St. Petersburg
 191187, St. Petersburg, Gagarinskaya st. 6/1 A
 E-mail: solreyne@gmail.com
 ORCID: 0000-0003-2696-8362

Citation

Klimova K. A., Nikitina I. O. The traditional culture and the language of the “Russian Greeks” in Sochi: A review of an ethnolinguistic expedition // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 249–260 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06

Acknowledgements

Inna Nikitina’s work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00484.

Abstract

The traditional culture and the language of the Greek population of Sochi in July 2022 for the first time became the subject of an ethnolinguistic study by Russian researchers. The Greek population (natives of the region of Pontus, located in modern Turkey) initially appeared in these territories in the second half of the 19th century. During the Stalin era, the number of Greeks decreased significantly, however, the language (Pontic dialect of the Greek language) and elements of traditional culture in places where Greeks were densely populated are preserved to this day. In the folk calendar, family rituals, folk mythology of the modern Greek population, there are not only common Greek elements that unite the Pontic Greeks of the diaspora with the wide “Greek world”, but also characteristic features that allow us to draw a preliminary conclusion about the preservation of archaic elements of culture (the rite of making rain “koshkotera”, etc.). Many elements of traditional culture were influenced by neighboring Slavic (Russian) and other Caucasian (Armenian, Georgian) traditions.

Keywords

Traditional Greek culture, ethnolinguistics, Pontic Greeks, Pontic dialect of the Greek language, funeral and memorial rites.

УДК 94(47).063
 DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.01

О. А. Кирикова

Панегирики первых профессоров Петербургской академии наук и их учеников

Кирикова Ольга Александровна
 Старший научный сотрудник
 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 196084, ул. Киевская 5, корп. 9, стр. 1, Санкт-Петербург, Российская Федерация
 E-mail: kirikova.o@bk.ru
 ORCID: 0000-0002-2527-5815

Цитирование

Кирикова О. А. Панегирики первых профессоров Петербургской академии наук и их учеников // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 261–278. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.01

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.

Аннотация

В XVIII в. панегирик стал важной частью культурной жизни страны, а теперь он еще и своеобразная летопись ушедшей эпохи, живое свидетельство реальных событий. В 1735 г. президент Петербургской академии наук И. А. Корф произвел реформу Академической гимназии. Добиваясь нового академического штата, он хотел представить императрице Анне Иоанновне промежуточные итоги реформирования Академии наук. Видимо, это обусловило появление в феврале 1736 г. уникального печатного панегирика Анне Иоанновне, написанного от имени Гимназии либо ее инспектором Т. З. Байером, либо ректором латинских классов И. Э. Фишером. В статье не только впервые исследуется исторический контекст этого панегирика, но и публикуется его русский перевод, выполненный автором статьи, а также устанавливаются детали создания другого гимназического панегирика — 1731 г., стихотворный перевод которого был сделан А. Кантемиром с подстрочника И. Ильинского.

Ключевые слова

Панегирик, реформы, Петербургская академия наук, Академическая гимназия, И. А. Корф, Т. З. Байер, И. Э. Фишер, А. Кантемир.

В начале 1736 г. Петербургская академия наук ждала у себя императрицу Анну Иоанновну, что следует из короткого панегирика, написанного специально к этому дню от имени Академической гимназии. Вероятнее всего, визит готовил президент Академии Иоганн Альбрехт фон Корф (1697–1766), с курляндских времен входивший в ближний круг Анны и рассчитывавший теперь разрешить вопрос, на который вот уже год не мог добиться ответа. Еще 7 марта 1735 г. он подал в Сенат проект нового расширенного штата Академии, испросив на ее содержание 64 086 руб., что чуть ли не втрое превышало сумму, и без того выплачивавшуюся крайне нерегулярно. В своих оптимистических расчетах И. А. Корф полагался на указ императрицы, который получил при самом вступлении в должность 18 сентября 1734 г.: «...привести [Академию] в наилучшее доброе состояние и порядок»¹. Изучив тогда счета, требования и жалобы, он убедился в том, что причина всех «печальных обстоятельств» Академии — «великий недостаток в деньгах» и что хотя от ее учреждений, например от той же Гимназии, «государство честь и очевидную пользу имеет», но без поддержки все «без сомнения разрушится»². Неслучайно И. А. Корф задумал существенно перестроить Гимназию, а потому захотел особо представить ее императрице. В его планах Гимназия делилась на две самостоятельные школы: одна по-прежнему именовалась «Гимназией Петербургской академии» и предназначалась для всесословного обучения свободным наукам, другая под названием «Семинария» давала образование только дворянам. У И. А. Корфа в этом деле был единомышленник и соавтор: инспектор Академической гимназии Теофил (Готлиб) Зигфрид Байер (1694–1738). Он выдвинул свой план дворянской школы еще в 1728 г., когда пытался вывести Гимназию из кризиса, который она во многом переживала как раз из-за потери знатных учеников³. Тогдашнее руководство Академии не выказало сочувствия его планам, зато теперь их полностью поддержал И. А. Корф, поэтому в марте 1735 г. Т. З. Байер представил ему готовые проекты «Формы гимназии» и «Предложения о семинарии»⁴. Сам И. А. Корф тогда же о задачах семинарии, или «семинариума», написал так: «...[в нем]

1 СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 303.

2 Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. (далее – МАН). СПб., 1886. Т. III. С. 109–110, 117.

3 СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 1а. Л. 62 об.–63.

4 МАН. Т. II. С. 647–654, 654–665, 666–670, 670–683.

юношество по наилучшим средствам обучено быть имеет, что оно отсюда до вышних наук произойти может»⁵.

Содержание гимназического панегирика 1736 г. вполне соответствовало духу запланированных реформ. В нем говорилось о благотворной силе монаршего внимания и о полезности наук, которые питают юношей и в покое, и в труде. Судя по протоколам, императрица так и не посетила Академию наук в феврале 1736 г., а значит и не услышала сочиненный тогда для нее панегирик. И все же И. А. Корф не отступился от своих преобразовательных замыслов, в которых отвел место и Гимназии. Известно, что 11 июля 1736 г. он послал свою редакцию штата уже напрямую Анне, а в августе 1737 г. внес проекты Т. З. Байера в академическую комиссию, которую назначил для реформирования Гимназии⁶.

Панегирик дошел до нас в составе архивного дела «*Orationes panegyricae*», в который включены оды, описания фейерверков, объявления на немецком, латинском, французском и русском языках за 1727–1741 гг.⁷ Его текст набран типографским способом на листе размером *in folio*. Точная дата создания и автор пока не установлены, на самом печатном листе их нет, но уверенное обращение с классическими текстами, цитирование не входивших в гимназический курс П.-Ж. Сотея, Т. Гоббса и Т. Галлуци⁸ позволяет предположить, что это не проба пера какого-нибудь способного ученика, а труд зрелого мужа, опытного, не чуждого поэзии латиниста, какими были, например, инспектор Т. З. Байер и ректор Иоганн Эбергард Фишер (1697–1771). Документ лишен титульного листа, поэтому он не включен в «Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке». Произведение впервые вводится в научный оборот, его перевод выполнен автором статьи⁹.

5 МАН. Т. III. С. 114.

6 Там же. С. 108–143; Кирикова О. А. Дворянское образование в России 1730-х гг. и педагогические взгляды Леонарда Эйлера // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114).

7 СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 683/О-15. Л. 170 об.–171.

8 О гимназической программе того времени можно судить, например, по проекту И. Э. Фишера 1733 г.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5. Л. 30, 30 об.

9 Автор признателен Е. Ю. Басаргиной и М. Н. Казанской за помощь в переводе панегирика.

AD ANNAM AVGVSTAM,
TOTIVS RVSSIAE
IMPERATRICEM,
etc. etc. etc.
DVM
ACADEMIAM SCIENTIARVM
LVSTRAT,
ADLOCVTIO
GYMNASII PETROPOLITANI
FEBR. ANNO MDCCXXXVI.

O decus Imperii, Ruthenae gloria gentis,
Alma Parens patriae¹⁰, quam laeta ac prospera Musis
Contingunt, quas adfari coramque tueri
Haud spernis, quarum dum TV sacraria spectas,
Illustras: Ergo summis natam, atque per orbem
Arbitrium belli, AVGVSTAM, pacisque gerentem,
Totque parem curis, circum vigilantia ferre
Lumina¹¹ per minima, vt per summa negotia; magnisque
Adsuetam, parvis etiam levibusque vacare
Ceum vacuum? felix Academia munere tanto.
Sunt Maecenates, non desunt, ecce, Marones¹²,
Quorum scripta per ora virum volitant¹³, quibus vnum
AVGVSTAE Numen largas ad carmina vires
Sufficit. Atque vtinam cuncti teneantur amore
Artis et ingenii, numerosaque turba Sophorum
Crescat in immensum, Musarum docta frequentent
Castra, neque auersos capiant fastidia laudis¹⁴!
O vtinam, quibus esse licet felicibus¹⁵, omnes
Esse velint! Sed et haec olim meliora futurum¹⁶,
Non aue deceptus falsa¹⁷, neque Apolline laeua¹⁸
Auguror. At TIBI pro meritis, AVGVSTA, referre
Grates, cum nequeo, referat, qui regia coeli

10 Ср.: Aeneadum genetrix, hominum divomque voluptas, alma Venus.
Lucr. I: 1–2.

11 Ov. Her. XIX: 35–36.

12 Ср.: Sint Maecenates, non derunt, Flacce, Marones. Mart. Epig. VIII: 55(56), 5.

13 Enn. ap. Cic. Tusc. I, XV: 34–35.

14 Sautel P. J. Lusus poetici allegorici. 1689. P. 11.

15 Hobbio Th. Historia ecclesiastica Carmine Elegiaco concinnata. 1688. P. 19.

16 Так в тексте.

17 Ov. Met. V: 145–146.

18 Tarquinius Gallviti Sabini e Societate Iesv Carminvm Libri Tres. 1616. P. 72.

Tecta tenet, nostrasque preces ac vota secundat.
PETROPOLI EX TYPOGRAPHIA ACADEMIAE SCIENTIARVM.

ПЕРЕВОД

К ВЕЛИКОЙ АННЕ,
ИМПЕРАТРИЦЕ
ВСЕЯ РОССИИ,
и прочая, и прочая, и прочая
ВО ВРЕМЯ ПОСЕЩЕНИЯ ЕЯ
АКАДЕМИИ НАУК,
ОБРАЩЕНИЕ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ
ФЕВРАЛЯ 1736 ГОДА.

О, украшенье Империи, русского племени слава,
Отечества мать питающая, кого счастливые Музы
Касаются, которых вниманием своим почтить
Изволяешь, когда же ТЫ на их святилища смотришь,
Освещаешь: итак, ВЕЛИКАЯ, для высот
Рожденная, дела войны и мира по праву всюду вершащая
И столь старающаяся недремлющий светоч нести
Вкруг малых и важных дел, к великим
Привычная, ужель и для малых, еще неокрепших столь же
Доступная? Счастлива Академия так обитать.
Есть Меценаты, нет недостатка в Маронах¹⁹,
Чьи сочиненья у всех на устах, и им одного
Мановенья ВЕЛИКОЙ довольно, чтоб силой
Наполнился стих. О, если бы все воспылали любовью
К искусству и знанью, и множество мудрецов
Все являлось бы миру, и они наполняли бы
Станы ученые муз, а отвернувшиеся не презирали б похвал!
О если бы те, кому позволено быть счастливыми,
Сие возжелали б! Впрочем, это когда-нибудь в лучшем будущем,
Не лживая птица, и не благоволящий Аполлон
Мне напророчат. Ах, когда я не умею ТЕБЕ, ВЕЛИКАЯ,
Воздать по заслугам, пусть же воздаст тот, кто властвует
В небесных чертогах, и wspomогает нашим мольбам и обетам.
ОТПЕЧАТАНО В ПЕТЕРБУРГЕ,
В ТИПОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК.

19 Здесь: автор «Энеиды», римский поэт Публий Вергилий Марон (Publius Vergilius Maron), член литературного общества, сформировавшегося вокруг государственного деятеля и покровителя искусств — Гая Цильния Мецената (Gaius Cilnius Maecenas).

* * *

На сегодня это небольшое сочинение — уникальный образец напечатанного отдельным листом панегирика Академической гимназии. Однако его появление вполне соответствует тогдашней панегирической традиции. На первую четверть XVIII в. пришлось петровские преобразования в экономике, государственном устройстве, культурно-политическом сознании, и, по всей видимости, в перестройке последнего царь видел залог устойчивости своих нововведений. При нем политически значимые события: военные и дипломатические победы, строительство судов и основание городов, высокие дни рождений и коронаций и пр. сложились в особую систему государственных праздников новой России, а устраиваемые по их случаю торжества приобрели характер ритуалов. Действенным механизмом этого культурного процесса стал панегирик, чья политическая ангажированность отчетливо проявилась как раз в поиске идеальной формы для прославления созданной Петром империи²⁰. Это свойство панегирика было востребовано на протяжении почти всего XVIII в., пока государство вело за собой просвещение, оставалось предметом культуры, темой философии, литературы, искусства²¹. В Российской империи многие панегирические произведения: торжественные речи и оды, триумфальные и погребальные надписи, описания к иллюминациям и фейерверкам и пр. были написаны членами Петербургской академии наук. Они умели подобрать соответствующий аллегорический сюжет и создать нужный эмоциональный настрой, владели риторическими приемами убеждения, знали тонкую грань критики и апеллировали к достижениям своей науки.

Примером «назидательно-научного» панегирика в духе Петербургской академии может служить выступление профессора Т. З. Байера перед Екатериной I 12 августа 1726 г.²² Уже в самом обращении к ней,

20 Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 8–9.

21 Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 443.

22 Эту дату по старому стилю называют в автобиографии сам Т. З. Байер и академические протоколы, тогда как историограф Академии Г. Ф. Миллер и последующие исследователи ошибочно указывают 1 августа 1726 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 105 б. Л. 21; Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 года: в 4-х т. / под

среди россыпи традиционных эпитетов — «пресветлая, всемогущая, всемилостивейшая, великая», — он напомнил Екатерине и всем слушателям о ее роли в судьбе Академии: «Ваше императорское величество всемилостиво позволили, в присутствии своей священной особы, Вами учрежденному ученому обществу и с ним связанной Академии себя показать»²³. Таким образом речь сразу оказалась вписана в точный исторический контекст: «определение Академии в действо для пользы государства» указом, подписанным Екатериной 20 ноября 1725 г., и за два месяца до того сочиненным регламентом²⁴. Все, что Байеру оставалось сделать далее, — это, исходя из возможностей риторики и собственных знаний, развить мысль о вкладе императрицы в общее благо. Для этого было довольно просто показать преданность Екатерины ценностям предыдущего царствования, как это сделал, например, его коллега профессор Г. Б. Бюльфингер в первом публичном собрании Академии 27 декабря 1725 г.²⁵; но Байер пошел много дальше, уместно приведя примеры позитивного влияния женщин на ход русской истории. Он заговорил о том, что правители России задолго до Петра в тех случаях, когда не справлялись с «премудростями и искусством властвовать», обращались к политическому и культурному опыту других стран, и вектор тому был задан женщинами: покровительницей православия княгиней Ольгой и спутницей греческой учености принцессой Анной²⁶. Благодаря им, подчеркивал Байер, Россия сильно

ред. К. С. Веселовского. СПб., 1897. Т. 1. С. 5; МАН. СПб., 1890. Т. VI. С. 103; Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 106.

23 Lobrede an die weil. Russische Kaiserinn Katharina, bey Einweihung der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg, gehalten, von *Theoph. Siegfried Bayern*, P. P. aus Königsb. in Preußen // Johann Christoph Gottscheds Ausführliche Redekunst <...>. Leipzig, 1759. S. 607.

24 ПСЗ. Т. VII. № 4807; Учебные заведения Петербургской академии наук: документы и материалы (1724–1747 гг.) / под ред. Т. В. Костиной; подгот. текст. О. А. Кирикова, Т. В. Костина, М. Б. Лавринович. М., 2021. С. 49–66, 67–69 (на правах рукописи).

25 Копелевич Ю. Х. Основание... С. 94–97.

26 Иначе думал архиепископ Феофан Прокопович, в школе которого Байер преподавал и чьей ученостью всегда восхищался. По наблюдениям специалистов, для Прокоповича мудрость, сила, упорство были природными мужскими качествами, несвойственными женщинам, даже правительницам, которых он восхвалял в своих проповедях. См.: *Marker G.* The Gender Troubles of Feofan Prokopovich // *Canadian-American Slavic Studies*. 2020. Vol. 54. Iss. 1–3. P. 198–228.

выиграла, поскольку «византийский двор являлся тогда образцом правильно устроенного правления, а греческая нация — единственной охранительницей всех искусств и наук, в то время как Италия, Германия и остальная Европа, напротив, пребывали в распутной дикости и частью в большом беспорядке»²⁷. Придерживаясь концепции *translatio studii*, Байер подчеркивал, что Россия не просто раньше других «восприняла» культурное наследие Греции, но получила его по праву родства. И лишь последующие «великие расстройтва»: княжеские усобицы и монгольское нашествие не позволили ей «быть в первенстве». Но хуже всего, по мнению Байера, была наступившая затем вековая изоляция России, от которой она стала постепенно отходить при Алексее Михайловиче и уже окончательно оправилась при Петре I²⁸. И лишь отдав должное этим монархам, Байер сконцентрировался далее на Екатерине, которая, по его словам, много лет разделяла с Петром великие труды, а в последние, наиболее счастливые годы царствования — еще и власть²⁹. В качестве примера он привел один из самых драматичных эпизодов биографии самой царицы, да и всей страны: Прутский поход 1711 г., в «отчаянные времена» которого она вела себя очень мужественно. Кроме того, позорный провал этой кампании по-прежнему ранил самолюбие Петербурга, жаждавшего реванша над Портой. Так что обращение к этой не самой славной странице российской истории было явно преднамеренным.

Дело в том, что буквально за шесть дней до того, как Т. З. Байер произнес свой панегирик, Россия подписала союзный договор с Австрией и тем самым окончательно вошла в вестфальскую систему международных отношений, сложившуюся еще в XVII в. и основывавшуюся на формировании коалиций и военных союзов ради соблюдения баланса сил³⁰. Создавшееся в результате противостояние российско-австрийского и турецко-французского альянсов подталкивало стороны к конфликту. Возможно, Т. З. Байер удачно уловил момент, чутко почувствовал витающие вокруг настроения, услышал подтолкнувшие его к нужной теме разговоры или же просто получил прямые указания от какого-то близкого ко двору человека, например

27 Lobrede... S. 610–611.

28 Ibid. S. 611–612.

29 Ibid. S. 614–615.

30 Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 122–124; Зонова Т. В. Вестфальская система // Вестник МГИМО – Университета. 2008. № 1. С. 79.

от президента Академии Л. Л. Блюментроста. Ряд косвенных признаков подтверждают заказной характер речи: акцент на имперские интересы России, подробности военной кампании, которые Т. З. Байер, лишь полгода назад прибывший в страну и совсем не знавший ее языка, вряд ли мог узнать самостоятельно (передвижение русских войск и обстоятельства их окружения, численность противника и пр.), и, не в последнюю очередь, немецкий язык панегирика — понятный без перевода самой императрице и, вероятно, всей аудитории. Кстати, и сам ученый в автобиографии 1733 г. обмолвился, что выступал в 1726 г. «по особому распоряжению Академии»³¹.

Правда, в Академии первых лет заказ речи конкретному автору был не самым привычным делом, он вошел в обычай лишь с начала 1730-х гг., с появлением в ней поэтически одаренного Г. Ф. В. Юнкера³². Пока же сочинительством традиционно занимались по очереди все профессора, невзирая на специальность. Например, 4 сентября 1730 г. Петербургскую академию наук посетил португальский инфант Эммануил и провел в ней четыре часа, осмотрев музей, библиотеку, типографию, конференц-зал и выслушав торжественные стихи, написанные по-немецки анатомом И. Вейтбрехтом, и латинскую речь математика Д. Бернулли³³. Для другого публичного собрания, которое Академия предполагала провести зимой 1731 г., в день рождения или именин Анны Иоанновны, выступать должен был уже юрист И. С. Бекенштейн³⁴. Из документов известно, что 29 января того же года Академическая гимназия также устроила у себя праздник по случаю дня рождения императрицы, пригласив на него профессоров и родителей знатных учеников. «Учащееся юношество санкт-петербургской гимназии» посвятило этому событию торжественный стих. Давно известен литературный перевод этого гимназического панегирика — ода Антиоха

31 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 105 б. Л. 21 об.

32 О его творчестве см. подробнее: Алексеева Н. Ю. Русская ода... С. 92–113.

33 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 128–128 об. Этот документ — письмо И. Д. Шумахера к Л. Л. Блюментросту от 7 сентября 1730 г. — уточняет дату и программу визита: из него следует, что высокий гость все-таки заглянул в конференц-зал Академии, пусть и не во время заседания, что начисто отрицал Миллер. См.: МАН. Т. I. С. 637–640; Т. VI. С. 195–199; Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII – первая половина XVIII века. М., 2000. С. 204.

34 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 167.

Кантемира «К императрице Анне в день ея рождения»³⁵. Кроме того, его латинский оригинал и русский подстрочник учтены справочниками и проанализированы специалистами³⁶. Однако анонимность первоначальных текстов мешала их точной атрибуции, пока не обнаружилось письмо главы Академической канцелярии И. Д. Шумахера к президенту Л. Л. Блюментросту от 28 января 1731 г. Отчитываясь в нем о подготовке к празднику, И. Д. Шумахер заодно сообщает о стихотворении, написанном к этому дню на латыни проректором И. Э. Фишером и переведенном на русский язык переводчиком И. Ильинским³⁷. Таким образом, гимназический панегирик 1731 г. теперь можно уверенно соотнести с ними. Зная близость Ивана Ильинского к Кантемирам (он был секретарем и переводчиком отца Антиоха — князя Дмитрия, а для него самого — первым учителем и наставником в переводческой деятельности), легко догадаться, каким образом панегирик Академической гимназии мог оказаться в руках А. Кантемира. К тому же есть сведения, что в 1731 г. он ожидал, что Анна Иоанновна в благодарность за его участие в возведении ее на престол пожалует ему должность президента Академии наук³⁸. Возможно, своим переводом панегирика, написанного от имени Академической гимназии, А. Кантемир хотел показать сопричастность к делам Академии.

Всякий раз, встречая гостей, Академия наук стремилась показать себя как можно лучше (неслучайно португальского принца провели по всем академическим залам и мастерским). Гимназия того времени была плоть от плоти Академии, ее неотъемлемой частью, поэтому гимназисты всегда выступали в торжественных академических актах: либо вместе с профессорами, либо самостоятельно. Им при этом, по словам И. Д. Шумахера, «выпадала прекрасная возможность проявить себя, тем более когда нужно всего-навсего прочесть подготовленную в стихах или в прозе речь»³⁹. Честь выступить перед высоки-

35 *Кантемир А.* Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы, подгот. текста и прим. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 211–213, 465–466.

36 Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: в 4-х тт. Л., 1984–2004 (далее – СКИК). № 2047; Редкие русские книги и летучие издания XVIII века / сост. Ю. Битовт. М., 1989. № 604; *Алексеева Н. Ю.* Русская ода... С. 72–73; *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия... С. 190–196.

37 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 178 об.

38 *Кантемир А.* Собрание... С. 15.

39 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 167, 178 об.

ми гостями доверяли первым ученикам, на которых, действительно, можно было положиться. Вероятно, такими были гимназисты Тауберт и Бужанинов, с «благопристойной непринужденностью» выступившие перед принцем Эммануэлем в 1730 г., а также Люрсениус и Элиас, в 1731 г. прочитавшие перед родителями и профессорами на латыни и по-русски панегирик в честь Анны Иоанновны⁴⁰.

Соблазнительно думать, что это были еще и артистичные юноши, обладатели хорошей памяти, звонких голосов, прямой осанки. По крайней мере, так видел лучших учеников инспектор Т. З. Байер. Примерно в 1730 г. он составил инструкцию для воспитателя молодого дворянина, ищущего «счастье в гражданском состоянии»⁴¹, и у себя в Гимназии, вероятно, следовал тем же правилам. В частности, Т. З. Байер считал, что уже к 14 годам юноши должны уметь «говорить громко, отчетливо и с подобающим произношением»⁴². Этот навык они приобретали, произнося на уроках латыни тексты Цезаря, Цицерона и Ливия, после же знакомства с правилами стихосложения – еще и Овидия, а на уроках богословия — религиозно-философские сочинения, вроде «Земного наслаждения в Боге» Б. Г. Брокеса⁴³. Так же с выражением следовало читать исторические труды, ибо, подчеркивал Байер, «история сама по себе есть настойчивый и убедительный проповедник нравственности»⁴⁴. Окончательно ученики оттачивали «ум и стиль» во время занятий риторикой, пробуя себя в сочинении речей на заданную тему⁴⁵. Образцом подобного

40 Там же. Л. 128–128 об., 178 об. Речь идет об Иоганне Каспаре (Иване Ивановиче) Тауберте (1717–1717), сыне строителя мельниц из Саксонии, будущем адъютанте по истории (с 1738); о Михаиле Бужанинове (ок. 1717–?), сыне бригадира и коменданта Шлиссельбурга; о приехавшем из Кёнигсберга Филиппе Вильгельме Люрсениусе, племяннике академика Х. Гольдбаха; и, вероятно, о немецком уроженце Петербурга Иоганне Элиасе Циммермане (Johann Elias Zimmermann), поступившем в Гимназию в 1726 г. Сведения о них взяты из базы данных гимназистов, составленной Т. В. Костиной.

41 СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–26 об. Подробнее см.: *Кирикова О. А.* Мнение Петербургской академии наук о воспитании юного дворянина в 1730-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1 (33). С. 59–72.

42 СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.

43 Там же. Л. 6, 21–22 об. См.: Herrn B. H. Brockes, Lti, R.H.S. Irdisches Vergnügen in Gott, bestehend in verschiedenen aus der Natur und Sitten-Lehre hergenommenen Gedichten <...>. Hamburg, 1721.

44 СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 14 об.

45 Там же. Л. 24.

первого литературного опыта является «орация» в защиту свободных искусств, написанная 3 января 1727 г. Василием Адодуровым, будущим адъюнктом, а пока — Петербургской гимназии учеником⁴⁶. Рассуждая о пользе постоянной усердной учебы, которая одна только способна доставить крепкие знания, он сравнил не пасующего перед тьмой невежества школяра с воином, стремящимся победить в каждом сражении долгой и трудной борьбы⁴⁷.

В 1735 г. давние противоречия между Россией и Турцией и их союзниками все-таки привели к войне; с этого времени связанные с ней образы перестали быть только фигурами речи и обрели реальные черты, вдохнули жизнь в панегирические произведения. Их гражданский пафос питался теперь известиями о победе русского оружия, и даже огромные потери, которые несла армия, провалы Крымских экспедиций 1735 и 1736 гг. не снизили градус восторга вечнопобедительного панегирика. Конечно, русско-турецкая война 1735–1739 гг. не вытеснила собой из общественного сознания остальные чувства и мысли, однако она упрямой энклитикой примыкала буквально ко всем панегирическим сюжетам. Такой ее можно увидеть, например, на титульном листе подносного стихотворения Я. Штелина, сочиненного по заданию Академии наук к очередной годовщине коронации Анны Иоанновны 28 апреля 1738 г. Профессор заимствовал тогда эпиграф из поэмы «Сильвы» Публия Папиния Станция: «И видеть отрадно лик, закаленный войной и благого исполненный мира»⁴⁸. Разумеется, военная тематика пришла и в ученические панегирики. Так, поздравляя императрицу с Новым 1737 годом, кадеты Сухопутного шляхетного корпуса благодарили ее за получаемые знания и за прививаемое им чувство принадлежности к благородному сословию, первая обязанность которого — защита Родины⁴⁹. Конечно, Академическая гимназия, в отличие от корпуса, была гражданским учреждением, но армия ждала и ее дворянских учеников. В том, что гимназическая наука нужна им и на войне, и в мирной жизни, убеждали, как мы помним, императрицу преподаватели Гимназии, когда в феврале 1736 г. готовились к встрече с ней.

46 Там же. Д. 50. Л. 1–6.

47 Там же. Л. 5–5 об.

48 СКИК. № 2762; Античные поэты об искусстве / пер. Ф. А. Петровского. СПб., 1996. С. 128.

49 Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: в 5 тт. М., 1964. Т. II. № 5633.

Первые петербургские профессора перенесли на берега Невы привычную им традицию панегирика, похвалой фиксирующего каждое значимое событие в жизни государства, что быстро прижилось здесь, поскольку соответствовало этатизму внутривластного курса страны. При этом в Европе панегирик смотрелся гармонично и в частной сфере, его окказиональный характер соответствовал, например, камерным поздравлениям, что писали ученики Торуньской гимназии ректору Петру Йенихену, проректору Георгу Петеру Шульцу, а также мэру города и бывшему ученику Гимназии Яну Готфриду Рёзнеру по случаю именин⁵⁰. В России высокий стиль панегирика, его гражданская направленность дали ему пропуск в высшие сферы, которые он не спешил покидать, по крайней мере в стенах Академии, хотя иногда все же «сходил с небес на землю». Например, в эпиталаме на свадьбу профессора математики Леонарда Эйлера и Екатерины Гзель, написанной, вероятно, его коллегой Г. Ф. В. Юнкером в декабре 1733 г.⁵¹ При этом уже к середине XVIII в. идея «общего блага», традиционно бытующая в панегирике, отлаженным рефреном звучала не только в нем. Например: «Желаем лишь скорее вновь увидеть Вас дома, — писал профессор И. Г. Гмелин молодому коллеге, — дабы не лишиться Ваших прекрасных работ, которые Вы исполнили ради общего блага, преодолев многие тяготы»⁵². Или: «Сенатор и президент Коммерц-коллегии князь Борис Григорьевич Юсупов просил меня составить для него и общей пользы ради подробный рассказ о сибирских торгах», — вспоминал профессор Г. Ф. Миллер в автобиографии; «В общей пользе

50 *50 Diem festvm mnesosinae D. Petri et Pavli sacrvm viris <...> Petro Jaenichio gymnasii thorunensis rectori <...> et Georgio Petro Schultz doctori et professori eivsdem gymnasii longe dignissimo patronis favoribus ac studiorum promotoribus aetatem colendis nominalem exoptatissimvm A MDC-CXV, d XXIX Junii <...>; Viro, magnifico, nobilissimo <...> domino Joanni Godofredo Roesnero, burggrabio regio, pro-cons. et proto-scholarchae in regia hac civitate thorunensi <...> De feliciter reducente nominale die d. 24. Juni MDCCXIV. Rudi quidem carmine <...> gratulabantur gymnasii thorvnensis trium superiorum classium audotores.*

51 СКИК. № 1098; оригинал и перевод опубли.: Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы. СПб., 2022. Ч. 2 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. С. 86–87 (перевод с нем. О. А. Кириковой).

52 *Joannis Georgii Gmelini, <...> Reliquias quae supersunt commercii epistolici <...>. Stuttgartiae 1861. P. 5–9.*

я собственную чаю!» — восклицал А. Кантемир⁵³. Тем же воодушевленная и Петербургская гимназия, ища для себя поддержку у абсолютного монарха, который среди великих забот войны и мира должен был, по ее мнению, найти время и силы для «малых» дел наук и знаний.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН).

Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 371 с.

Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.

Античные поэты об искусстве / пер. Ф. А. Петровского. СПб.: Алетейя, 1996. 246 с.

Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 439–460.

Зонова Т. В. Вестфальская система // Вестник МГИМО – Университета. 2008. № 1. С. 78–80.

Кантемир А. Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы, подгот. текста и прим. З. И. Гершковича. Л.: Советский писатель, 1956. 548, [2] с.

Кирикова О. А. Мнение Петербургской академии наук о воспитании юного дворянина в 1730-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1 (33). С. 59–72.

Кирикова О. А. Дворянское образование в России 1730-х гг. и педагогические взгляды Леонарда Эйлера // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114).

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука; Ленингр. отд., 1977. 212 с.

Либушкин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII – первая половина XVIII века. М.: изд-во РГГУ, 2000. 278 с.

Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. / под ред. М. И. Сухомлинова. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1886. Т. II. 886 с.;

⁵³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 249. Ч. 1. Л. 53; *Кантемир А.* Собрание... С. 214.

Т. III. 899 с.; 1890. Т. VI: История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжениями И. Г. Штриттера (1725–1743). 636 с.

Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. СПб.: Нестор-История, 2022. Ч. 2 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. 280 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. VII. СПб.: тип. 2 Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1830. 922 с.

Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 года: в 4-х т. / под ред. К. С. Веселовского. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1897. Т. I. 879 с.

Редкие русские книги и летучие издания XVIII века / сост. Ю. Битовт. М.: Книга, 1989. VIII, 608, 16 с.

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: в 4-х тт. Л.: Наука; Ленингр. отд., 1984. Т. I. 372; 1985. Т. II. 390 с.; 1986. Т. III. 276 с.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800). М.: изд-е Гос. библиотек СССР им. В. И. Ленина, 1964. Т. II. 516 с.

Учебные заведения Петербургской академии наук: документы и материалы (1724–1747 гг.) / под ред. Т. В. Костиной; подгот. текст. О. А. Кирикова, Т. В. Костина, М. Б. Лавринович. М., 2021. 373 с. (на правах рукописи).

Diem festum mnemosinae D. Petri et Pavli sacrum viris nobilissimis excellentissimis atque doctissimis Petro Jaenichio gymnasii thorunensis rectori optime merito et Georgio Petro Schultz doctori et professori eiusdem gymnasii longe dignissimo patronis favoribus ac studiorum promotoribus aetatem colendis nominalem exoptatissimum A MDCCXXV, d XXIX Junii devota mente ac manu gratulatur Michael Frid. Tennigs Regiom. Pr. LL. AA. St. Thorunii, Impressit Joh. Nicolai Nob. Senat. Et Gymn. Typographus. 4 p.

Herrn B. H. Brockes, Lti, R.H.S. Irdisches Vergnügen in Gott, bestehend in verschiedenen aus der Natur und Sitten-Lehre hergenommenen Gedichten nebst einem Anhang etlicher hieher gehörigen Uebersetzungen von des Hrn. de la Motte Frantzösis-Fabeln, mit Geneymhaltung des Herrn Verfassers nebst einer Vorrede herausgegeben von E. F. Weichmann. Hamburg, 1721. 259 p.

Historia ecclesiastica carmine elegiaco concinnata. Authore Thoma Hobbio Malmesburiensi. Opus Posthumum. Fraudisque dolique insidiaeque et vis, et amor sceleratus habendi. Ovid. Met. Augustae Trinobantum : anno salutis, 1688. 126 p.

Joannis Georgii Gmelini Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum Carolo Linnaeo, Alberto Hallero, Guilielmo Stellero et al., Floram Gmelini sibiricam ejusque iter sibiricum potissimum concernentis, ex mandato et sumtibus Academiae scientiarum Caesariae Petropolitanae publicandas curavit Dr. Guil. Henr. Theodor Pleininger, etc. Stuttgartiae : typis C. F. Heringiania, 1861. 196 p.

Lobrede an die weil. Russische Kaiserinn Katharina, bey Einweihung der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg, gehalten, von *Theoph. Siegfried Bayern*, P. P. aus Königsb. in Preußen // Johann Christoph Gottscheds Ausführliche Redekunst nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, in zweenen Theilen verfasst... Die 5. Auflage. Leipzig: Verlegts Bernhard Christoph Breitkopf, 1759. 736 S.

Lusus poetici allegorici. Sive elegiae oblectandis animis et moribus informandis accommodatae. In tres libros, aut Decurias distributae. Autore *P. Petro Justo Sautel*, Societatis jesu. Cum facultate superiorum, et privilegio serenissimi electoris Bavaria. IHS Monachii, Suptibus Joannis Hermannia Gelder, bibliopolae electoralis. Typis Sebastiani Rauch. 1689. 178 p.

Marker G. The Gender Troubles of Feofan Prokopovich // *Canadian – American Slavic Studies*: Brill / Schönningh, 2020. Vol. 54. Iss. 1–3. P. 198–228.

Tarqvinii Gallvtii Sabini e Societate Iesv Carminvm Libri Tres. Altera editione plurimum aucti Nunc in Germania primum excusi. Ingolstadii, Per Elisabetham Angermarsam Giduum. 1616. 490 p.

Viro, magnifico, nobilissimo amplissimo consultissimoque domino Joanni Godofredo Roesnero, burggrabio regio, pro-cons. et proto-scholarchae in regia hac civitate thorunensi, Longe meritissimo gravissimoque De feliciter redunte nominale die d. 24. Junii MDCCXIV. Rudi quidem carmine sed demissa mente gratulabantur gymnasii thorvnensis trium superiorum classium audotores. Thorvnii, impressit Joh. Nicolai, Nobil, Senat. et Gymn. Typogr. 4 p.

References

Alekseeva, N. Iu. *Russkaia oda: razvitije odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh*. St Petersburg: Nauka, 2005, 371 p.

Anisimov, E. V. *Rossia bez Petra: 1725–1740*. St Petersburg: Lenizdat, 1994, 496 p. *Antichnye poety ob iskusstve*, transl. by F. A. Petrovskii. St Petersburg: Ale-teia, 1996, 246 p.

Kantemir, A. *Sobranije stihotvorenii*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1956, 548, [2] p.

Kirikova, O. A. “Mnenije peterburgskoi akademii nauk o vospitanii iunogo dvorianina v 1730-kh gg.” *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2022, No. 1 (33), pp. 59–72.

Kirikova, O. A. “Dvorijskoje obrazovanije v Rossii 1730-kh gg. i pedagogicheskije vzgliady Leonarda Eilera.” *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriia”*, 2022, Vol. 13, issue 4 (114).

Kopelevich, Iu. Kh. *Osnovanije Peterburgskoi akademii nauk*. Leningrad: Nauka; Leningr. otd., 1977, 212 p.

Liburkin, D. L. *Russkaia novolatinskaia poezii: materialy k istorii. XVII – pervaja polovina XVIII veka*. Moscow: izd-vo RGGU, 2000, 278 p.

Marker, G. “The Gender Troubles of Feofan Prokopovich.” *Canadian – American Slavic Studies*: Brill / Schönningh, 2020, Vol. 54, issue 1–3, pp. 198–228.

Petr Velikii i osnovanije Peterburgskoi akademii nauk. Dokumenty i materialy: in 2 parts. Part 2, ed. by E. Iu. Basargina. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022, 280 p.

Svodnyi katalog knig na inostrannykh iazykakh, izdannykh v Rossii v XVIII veke: in 4 vols. Leningrad: Nauka; Leningr. otd., 1984–1986.

Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pečati XVIII veka (1725–1800). Moscow: izd-e Gos. bibl-ki SSSR im. V. I. Lenina, 1964, Vol. II, 516 p.

Uchebnyje zavedeniia Peterburgskoi akademii nauk: dokumenty i materialy (1724–1747 gg.), ed. by T. V. Kostina. Moscow, 2021, 373 p. (na pravakh rukopisi).

Zhivov, V. M. “Gosudarstvennyi mif v epokhu Prosveshcheniia i ego razrushenije v Rossii kontsa XVIII veka.” *Zhivov V. M. Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. Moscow: Yazyki slavyan. kul'tury, 2002, pp. 439–460.

Zonova, T. V. “Vestfal'skaia sistema.” *Vestnik MGIMO – Universiteta*, 2008, No. 1, pp. 78–80.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.01

O. A. Kirikova

Panegyrics of the first professors of the Petersburg Academy of Sciences and their students

Olga A. Kirikova

Senior researcher

St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences
196084, ul. Kievskaya, 5, korp. 9, str. 1, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: kirikova.o@bk.ru

ORCID: 0000-0002-2527-5815

Citation

Kirikova O. A. Panegyrics of the first professors of the Petersburg Academy of Sciences and their students // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 261–278 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.01

Received: 27.06.2022.

Abstract

In the 18th century, the panegyric was a crucial part of Russian culture. Now it is a kind of special chronicles of the past, vital evidence of real events and people. In 1735, the president of the Petersburg Academy of Sciences I. A. Korff reformed the Academy's Gymnasium. Striving for the new Academy's staff, he meanwhile intended to show Empress Anna Ioannovna of Russia the intermediate results of the reforms of the whole Academy. In February 1736, it might well have caused the panegyric on Anna Ioannovna written on behalf of the Gymnasium either by its inspector T. S. Bayer or by the rector of Latin classes I. E. Fischer; that panegyric was printed then by the Academy. The article not only reveals the historical context of the panegyric, but also offers its Russian translation made by the author of the article and goes into details about the creation of another panegyric, that of 1731, which was expressed in verse by A. Cantemir from a literal translation by Ivan Ilyinsky.

Keywords

Panegyric, reforms, Petersburg Academy of Sciences, Academy's Gymnasium, I. A. Korff, T. S. Bayer, I. E. Fischer, A. Cantemir.

УДК 94

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

М. А. Робинсон

**Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве
(после его переезда в Петроград)**

Робинсон Михаил Андреевич
Доктор исторических наук, руководитель центра
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: m.a.robinson@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3917-1360

Цитирование

Робинсон М. А. Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве (после его переезда в Петроград) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 279–334. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

Статья поступила в редакцию 10.08.2022.

Аннотация

В статье на основании писем В. Н. Перетцу, хранящихся в его архиве, раскрывается характер его отношений с учениками. Интриги политических недоброжелателей не позволили Перетцу перевести часть киевских учеников в Петроград, куда он должен был переехать после избрания в Академию наук. Однако благодаря активной переписке с В. М. Отроковским и Ф. П. Сушицким он продолжал быть в курсе их научной деятельности. Письма учеников дают представление о том, как Перетц продолжал руководить их работой, что советовал или критиковал, как помогал организовать через Отделение русского языка и словесности Академии наук и академика А. А. Шахматова снабжение научной литературой и средствами для командировок. Письма обоих учеников свидетельствуют о том, как ответственно относились они к поручениям учителя, которые в основном были связаны с наблюдением за изданиями в Киеве «Отчетов» о научных экспедициях Семинария. Перетца интересовала и педагогическая работа учеников, тем более что она была связана с женской гимназией и Высшими женскими вечерними курсами А. В. Жекулиной, где он сам преподавал и организовал выпуск двух номеров «Летописи» курсов. Оба его ученика скончались в период Гражданской войны, не успев закончить свои основные научные работы. Перетцу удалось опубликовать окончание диссертации Сушицкого

на Украине. Перевод же работы Отроковского на украинский язык выполнен не был, и публикация ее на Украине оказалась невозможной. Судьба его обширного труда о повести XVII в. «О купце Басарге и сыне его Борзосмысле» остается до настоящего времени неизвестной.

Ключевые слова

Переписка, В. Н. Перетц, В. М. Отроковский, Ф. П. Сушицкий, А. В. Жекулина, Украина.

О перспективе быть избранным в члены Академии наук Перетц узнал еще в конце марта 1913 г. из письма Шахматова, когда тот сообщил, что его кандидатура поддержана Отделением русского языка и словесности¹. 30 ноября Шахматов по поручению ОРЯС обратился к Перетцу с запросом о его согласии баллотироваться. В письме, в частности, было приведено положение штата Академии наук, важное для дальнейшей судьбы как самого Перетца, так и его киевского Семинария русской филологии. Шахматов привел его дословно: «Занимающий штатную должность ординарного академика обязывается проживать в Петербурге и участвовать в заседаниях Академии»².

Перетц одновременно отправил Шахматову 3 декабря два письма, одно официальное с благодарностью, второе личное, в котором ученый поделился проблемами, возникающими с его переездом в Петербург. Он писал: «Но тут-то и начинается для меня своего рода трагедия. Не смейтесь, не шучу. Как может быть ни провинциален мой взгляд, но я чувствую себя глубоко обязанным не покидать моих детей на произвол судьбы. Весной начнут свои магистерские экзамены: Гудзий³, Огиенко⁴, Адрианова⁵, Щеглова⁶, может быть, Бугославский⁷. <...>

1 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 10–10 об.

2 Там же. Л. 11 об.

3 Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) – литературовед, академик АН УССР (1945).

4 Огиенко Иван Иванович (Илларион, митрополит) (1882–1972) – литературовед-славист.

5 Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972) – литературовед, член-корр. АН СССР (1943).

6 Щеглова Софья Алексеевна (1886–1965) – литературовед.

7 Бугославский Сергей Александрович (1888–1945) – музыковед и композитор, доктор искусствоведения.

Дело для меня <...> в том, чтобы исполнить долг перед молодежью, которую я так или иначе вовлек в известное “предприятие”»⁸. Прошло чуть более недели, и Перетц вновь обращается к этой же теме в письме Шахматову. Он писал 12 декабря: «...мне следует пробыть здесь, несмотря ни на что, дабы хоть кто-нибудь из учеников мог при мне закончить магистерские экзамены. Я надеюсь, что начнут в марте Гудзий, Адрианова, может быть, Бугославский, Огиенко, Шевченко⁹, и окончат В. Маслов¹⁰, Грузинский¹¹ и Назаревский¹², уже сдавшие половину. Беда иметь такую семью!»¹³ В этом же письме Перетц с гордостью сообщал о первых научных успехах своих учеников: «Какую интересную работу представил (и получил золотую медаль) о Меркурии Смоленском Белецкий¹⁴ – надо его оставить при Университете. Хорошо написал о Басарге и Отроковский¹⁵ (тоже дали золотую медаль)»¹⁶.

Уже в это время Перетц задумался и о возможном преемнике на кафедре: «Наконец, надо подумать и о заместителе. Если б я ушел, я имел бы в виду Вилинского¹⁷: других нет, а мои молоды. Маслов¹⁸ набирает лекции и о диссертации не печется!»¹⁹ Не оставлял он эту мысль и в начале следующего года, добавив как возможную кандидатуру еще одного профессора Новороссийского университета А. В. Рыстенко²⁰. «Это хоть и правые, – писал Перетц Шахматову 4 февраля 1914 г., – но прямые – как слышно – люди»²¹.

8 *Шахматов А. А. Избранная переписка: в 3 т. / Алексей Александрович Шахматов. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / [отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева; авт.-сост. В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Н. Груздева, А. Е. Жуков]. СПб., 2018. (Studiorum slavicornum orbis; вып. 12). С. 543.*

9 Шевченко Савва Филиппович – в семинаре Перетца с 1907 г.

10 Маслов Василий Иванович (1884–1959) – литературовед.

11 Грузинский Александр Сергеевич (1881–1954) – филолог, палеограф.

12 Назаревский Александр Адрианович (1887–1977) – филолог.

13 *Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 546.*

14 Белецкий Леонид Тимофеевич (1882–1955) – литературовед.

15 Отроковский Владимир Михайлович (1892–1918) – литературовед, поэт.

16 *Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 546.*

17 Вилинский Сергей Григорьевич (1876–1950) – литературовед-славист.

18 Маслов Сергей Иванович (1880–1957) – литературовед и педагог.

19 *Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 543–544.*

20 Рыстенко Александр Васильевич (1880–1915) – филолог-славист, византист.

21 *Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 564.*

О настроениях своих учеников он сообщал Шахматову еще 21 декабря 1913 г.: «Они очень удручены известием о возможности моего ухода из Киева, особенно самая зеленая молодежь, потому что старшие сдадут весной магистерские экзамены и поплывут по течению, а вот Багрий²², Бугославский, Гудзий, Белецкий и Отроковский – останутся без моей помощи». И уже в этом письме Перетц поделился возникшим у него планом: «...я бы просил о прикомандировании этих лиц к Санкт-Петербургскому университету»²³.

Благодаря леволиберальным взглядам в национальном вопросе, Перетц приобрел и в официальных кругах, и среди коллег по университету много недоброжелателей²⁴. И он, и Шахматов опасались за исход голосования кандидатуры Перетца в Общем собрании Академии наук, но оно завершилось благополучно. Оставалось еще окончательное утверждение этих результатов Николаем II. И это заставляло Перетца, с одной стороны, надеяться на положительный исход дела, а с другой – вновь возвращало к беспокойству за дальнейшую судьбу учеников. И 24 февраля он писал Шахматову: «...если мое дело пройдет в высшей инстанции – и я переселюсь в СПб., то я не смогу перетащить сюда моих киевлян!» Ученый сетовал, что не сможет найти для тех, кто решится с ним поехать, дополнительный заработок. В результате: «Поехать могут в Киев²⁵ 1–2 челов[ека]»²⁶. К этой же теме Перетц возвращался в письме Шахматову от 12 мая: «Конечно, если б я мог обещать 4–5 “молодцам” приличный заработок, я бы потянул их в Петербург. Но я не умею и своих-то дел устраивать, не говоря о чужих...»²⁷

Стараниями Шахматова к преодолению последней инстанции был подключен сам Президент Академии наук, великий князь Константин Константинович. И «наконец дело разрешилось: высочайший приказ по гражданскому ведомству, утверждающий избрание

22 Багрий Александр Васильевич (1891–1949) – литературовед, библиограф.

23 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 551.

24 См. подробнее: Робинсон М. А. Научная карьера В. Н. Перетца в контексте общественно-политической жизни Киева (от первых лекций в Университете до избрания в Академию наук) // Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 287–328.

25 Описка Перетца, следует читать «в Петербург».

26 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 14.

27 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 580.

в обычные академики ИАН по ОРЯС Владимира Николаевича Перетца, был подписан 14 апреля 1914 г.»²⁸.

Беспокойство о молодых участниках его семинария не оставляло Перетца, и осенью 1914 г. он предпринял попытку добиться их официального перевода в Петроград. Предваряя обращение в министерство народного просвещения, ученый просил поддержки у своих коллег в Петроградском университете. Так, он писал Шляпкину²⁹ 14 октября 1914 г.: «Обращаюсь к Вам по следующему делу: я намерен просить о причислении к Петроградскому Университету некоторых из моих (младших) учеников, уже оставленных там, в Киеве, при Университете и оставшихся без руководителя. <...> Я прошу историко-филологический факультет поддержать мое ходатайство, а Вас – быть представителем моих интересов как руководителя тех молодых людей, о коих прошу. В надежде, что Вы не откажете в поддержке моего ходатайства»³⁰. Заручившись такой поддержкой, ученый обратился с «Докладной запиской»³¹ к министру народного просвещения Л. А. Кассо³². В «записке» Перетц подробно перечислил всех своих учеников, кто уже успешно закончил все магистерские экзамены и кто из них состоит приват-доцентами, отметив также, что «четверо выдержали экзамены по главным предметам и закончат их не позже января 1915 г. (Гудзий, Багрий, Огиенко, Сушицкий³³)». «Таким образом, – отмечал Перетц, – лишь немногие, главным образом самые младшие из моих учеников (Шевченко, Бугославский, Белецкий и Отроковский), не успели пока приступить к магистерским экзаменам; об оставлении последнего из них при Университете Св. Владимира только что возбуждено ходатайство». Но и эти молодые люди «в большей или меньшей степени уже

28 Груздева Е. Н. Избрание в обычные академики В. Н. Перетца (Реконструкция событий по архивным материалам) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 260.

29 Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) – литературовед, археограф. 30 РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 65. Л. 17–18.

31 Публикаторы данного документа предполагают датой его создания ноябрь 1914 г.: Alma mater. Университет Св. Володимира напередодні та в добу української революції 1917–1920. Матеріали, документи, спогади / упор. В. Ульяновський, В. Короткий: У 3-х кн. Київ, 2000. Кн. 1. С. 442.

32 Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – министр народного просвещения (1910–1914).

33 Сушицкий Феоктист (Теоктист) Петрович (1883–1920) – литературовед.

известны своими научными работами и являются небесполезными, а порою и талантливыми деятелями на поприще разработки вопросов русской филологии»³⁴.

Перетц просил министра разрешить «прикомандирование к Петроградскому университету» части своих учеников. Он отмечал: «Сдавшие уже магистерские экзамены будут под моим руководством готовить диссертации (Багрий, Адрианова, Щеглова), не сдавшие – готовиться к магистерским экзаменам (Отроковский, Бугославский, Белецкий)»³⁵. Просил ученый и о специальных министерских стипендиях для своих учеников.

Перетц информировал министра: «Обо всем вышеизложенном мною было представлено историко-филологическому факультету Петроградского Университета; уведомление господина Декана³⁶ его о неимении препятствий со стороны факультета к осуществлению моего плана – при сем прилагаю»³⁷.

Судя по письму Перетца Э. Л. Радлову³⁸ от 28 ноября 1914 г., реакция министра на его просьбу в записке о переводе из Киева учеников и о стипендиях для них была благожелательной, однако неожиданно ситуация изменилась. Ученый сетовал: «Все это мне Л. А. Кассо обещал, как обещал перевести в Петроград всех поименованных лиц, но после его смерти³⁹ слова его не имеют цены! Товарищи министра обещали, “если будут деньги”»⁴⁰. В киевском университете, куда для согласования была переслана «записка» Перетца, ученого ожидал серьезный удар. Он следующим образом описал в письме Шахматову от 3 декабря возникшую ситуацию: «...оказывается, моя докладная записка, одобренная самим Кассо, не заключавшая в себе ничего обидного ни для кого, вызвала в здешнем факультете целый взрыв ненависти, обиды и ревности самого провинциального свойства: самый факт, что я указал на отсутствие в факультете специалиста по древней литературе, – вместо молчаливого подтверждения вызвал

34 Alma mater. Университет Св. Володимира... С. 442.

35 Там же. С. 442–443.

36 Браун Федор Александрович (1962–1942) – филолог-германист.

37 Alma mater. Университет Св. Володимира... С. 444.

38 Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928) – философ, историк философии, член Ученого комитета Министерства народного просвещения.

39 Кассо скончался 26 ноября 1914 г.

40 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 590.

гнев гг. Флоринского⁴¹, Ардашева⁴² и К°, пусть тогда стипендиаты учатся истории новой литературы, кричали они, или пусть занимаются больше филологией (как будто мы оставляем по одной кафедре с тем, чтобы оставленный занимался – по другой). Вообще – я вижу, что здесь сводят свои счета заочно со мною и, не имея возможности меня уязвить, вымещают свою злобу и зависть на неповинных стипендиатах»⁴³. В следующем письме, 8 декабря, Перетц сообщал Шахматову дополнительные подробности действий недоброжелателей: «Вечером сегодня на курсах мне говорил один из профессоров, что Флоринский, когда обсуждалась в факультете моя записка о переводе части оставленных при Университете в Петроград, ругался отчаянно и угрожал написать донос на меня в министерство»⁴⁴.

Упомянутые в письме Высшие вечерние женские курсы А. И. Жекулиной⁴⁵ были еще одним важным полем научно-педагогической деятельности Перетца в Киеве. Об этом он писал Шахматову 15 апреля 1914 г.: «Сегодня сдал в типографию материал: устраиваю еще один научный журнал – “Летопись Вечерних Высших женских курсов, учр[ежденных] А. Жекулиной”. (Прошу не смешивать с Высшими киевскими женскими курсами, где подвизаются Малинины⁴⁶, Флоринские и К°.) Есть работы и у курсисток – не гениальные, но трудолюбиво и полезно составлены»⁴⁷. Буквально через неделю, 23 апреля, Перетц возвращается к той же важной для него теме: «Работаю много, но судорожно. Затеял “Летописи (Annales) Вечерних высших курсов”, где я преподаю, вожусь с типографией, авторами и пр[очее]»⁴⁸. Приехав в начале зимы уже из Петрограда в Киев, Перетц вновь занимается делами курсов Жекулиной. Он был явно недоволен работой

41 Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) – историк-славист, филолог, член Киевского клуба русских националистов.

42 Ардашев Павел Николаевич (1865–1924) – историк, публицист, член Всероссийского национального союза.

43 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 589–590.

44 Там же. С. 591.

45 Жекулина Аделаида Владимировна (1866–1950) – педагог и общественный деятель. Основала в Киеве частную женскую гимназию, а затем и Вечерние высшие женские курсы.

46 Малинин Василий Николаевич (1849–?) – литературовед и педагог, профессор Киевской духовной академии.

47 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 571.

48 Там же. С. 574.

издательства и с нескрываемым раздражением писал Шахматову 24 декабря 1914 г.: «В первых числах января надеюсь отпечатать вторую книгу “Летописи Вечерних В. Ж. Курсов” и 3 листа своей книги о комедиях при Анне Иоанновне⁴⁹. Но все это приходится делать под аккомпанемент брани: типография вялая, люди сонные!»⁵⁰

А сразу по приезде в Киев Перетц в первую очередь ждал отчета от своих учеников. «Сегодня, – писал он Шахматову 3 декабря, – соберутся ко мне мои хлопцы, послушаю, что они написали за эти три месяца...»⁵¹. Нежелание университетских коллег пойти навстречу предложению Перетца было оформлено 5 декабря. В министерство было направлено «Заключение Историко-филологического факультета», в котором сообщалось, что факультет «большинством 6 голосов против 4 пришел к заключению, что изложенное в записке академика Перетца ходатайство о прикомандировании 6 лиц, готовящихся к профессорскому званию, к Петроградскому Университету, выдержавших магистерские испытания (Багрия, Адрианову, Щеглову) для работы над магистерскими диссертациями, не сдавших же означенных испытаний (Отроковского, Бугославского, Белецкого) для приготовления к сим испытаниям, не подлежит удовлетворению, так как надобности в такой командировке не встречается. Факультет питает надежду, что и при его наличных силах означенные выше 6 молодых людей получат надлежащее руководство»⁵². Очевидно, министерство было вполне удовлетворено таким ответом.

Покидая Киевский университет, Перетц остро переживал и за судьбу своих учеников, и за ситуацию, возникшую после перевода летом 1915 г. университета из Киева в Саратов, вызванного положением на фронте. О том, что случилось в результате этого переезда, Перетцу писали из Саратова коллеги, а он, в свою очередь, информировал Шахматова. В письме от 22 декабря 1915 г. Перетц приводил и яркие цитаты из своей переписки: «Что пишут из Саратова – читать больно. Вот Вам выдержки из письма, рисующего быт Киевского университета на новых местах. “Приват-доцентов и стипендиатов бросили при эвакуации, как ненужные вещи, о них даже не вспомнили” (действительно,

49 Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Тексты / сост. В. Н. Перетц. Пг.; Киев, 1917.

50 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 595.

51 Там же. С. 590.

52 Alma mater. Університет Св. Володимира... С. 444.

большинство осталось в Киеве, хотя там нет ни книг, ни руководителей). <...> “Оставшиеся в Киеве приват-доценты и стипендиаты в отчаянии: ведь они совершенно лишены возможности работать... Грустнее всего, что университетская (киевская) библиотека будет функционировать не раньше, как через 2–3 года, так как книги будут разбирать лишь тогда, когда будет готово новое здание библиотеки. Счастливы те, кто вовремя разделался с Киевом”. Просто сердце болит, читая обо всем этом! Но – увы, ничем не придумаю помочь: здесь в Питере нет возможности помочь: не говоря уже о Курсах, даже в гимназиях мест нет, да и не будет, ибо тут царит принцип “хоть хлам, да наш”»⁵³.

И все-таки Перетца не оставляла мысль как-то поспособствовать молодым киевским филологам, подключить их к какому-нибудь академическому проекту. «Где же тут думать о киевской молодежи. Как с нею устроиться, – задавался вопросом ученый, – и придумать не могу. “Библиография”⁵⁴ дает гроши (разделить на наличных 5 сотрудников ассигнованные нынче 2000 руб. – что же получится; а если их будет более?!). Хорошо бы привлечь молодых языковедов: Ларина⁵⁵ и Калиновича⁵⁶, пожалуй, и Баранникова⁵⁷ – они, особенно первые 2, запрошены хорошо: знают санскритский, зендский, готский, литовский, латынь, греческий, славянские языки. Вот бы Вам их приспособить!! Жду их в том полугодии. Они-то совсем теперь без пастыря – языковедов нет ни в Саратове, ни в Киеве!»⁵⁸

Особенно огорчали Перетца известия о том, как обстоят дела с преподаванием на его бывшей кафедре, и что на его месте в университете оказался совсем не тот человек, которого он хотел бы видеть учителем и воспитателем будущих ученых. Выбор Киевского университета остановился на кандидатуре Н. К. Грунского⁵⁹. Его деятельность в университете Перетц характеризовал в том же письме

53 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 624.

54 «Толковая библиография по истории древнерусской литературы» – проект ОРЯС.

55 Ларин Борис Александрович (1893–1964) – лингвист, член-корреспондент АН УССР (1945), академик АН Литовской ССР (1949).

56 Калинович Михаил Яковлевич (1888–1949) – литературовед и переводчик, академик АН УССР (1939).

57 Баранников Алексей Петрович (1890–1952) – филолог и индолог, академик АН СССР (1939).

58 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 625.

59 Грунский Николай Кузьмич (1872–1951) – лингвист.

Шахматову словами одного из коллег: «...г-н Грунский (мой премьер) совершенно откровенно сказал студентам, что он ничего не понимает в русской литературе (и его-то пригласили на кафедру этой литературы!), чем очень понравился (sic!) студентам. Они с ним в дружественных отношениях, называют даже “college Грунский”... Тем не менее он объявил курс по несчастному “Слову о полку Игореве”. На лекциях по русскому языку разругал курс (лиитографированный) С. И. Маслова, сказав, что это компиляция (а сам-то Грунский “оригинальный” автор!), что там много “шахматовщины”; советовал студентам не увлекаться “этими глупостями” (хорош Гусь!), советовал выучить те достоверные факты, которые излагаются в его курсе. Какой он нахал...» «Андрюша (Лобода)⁶⁰ читает курс методологии по Вашему (т. е. моему) изданию. Возьмется, говорят, и за древнюю литературу. Атмосфера в Саратове тяжелая...»⁶¹

Итак, перевести учеников в Петроград не удалось, но это отнюдь не помешало тесной их связи с учителем. Перетц не только активно продолжал хлопотать о материальной поддержке, в основном при помощи Шахматова через Отделение русского языка и словесности, но и внимательно следил за продвижением научной работы учеников. Те, в свою очередь, сообщали об успехах и проблемах. Кроме того, он поручал им дела, связанные с изданием в Киеве трудов Семинария. Судя по сохранившейся переписке, Перетц особо доверял эти непростые в условиях военного времени дела Отроковскому и Сушицкому.

Подробно о состоянии своих дел писал Перетцу Отроковский. Так, 11 октября 1915 г. он сообщал: «На прошлой неделе отослал в Саратов свой стипендиарный отчет, подведя, т[аким] о[бразом], итоги года. Конечно, за этот год занятия мои не были производительны настолько, чтобы удовлетворить мою совесть. Но я стал опытнее и, кажется, – крепче, и новый учебный сезон должен возместить все убытки». Писал он и о дальнейших своих планах: «До лета в Киеве я постараюсь закончить все возможное по специальным вопросам, а лето – если продлят мне стипендию на 1916 г. – я думаю прожить в Петрограде, чтобы найти недостающее и запастись новыми материалами»⁶². Это же письмо свидетельствует и о том, что Отроковский с нетерпением ждал от учителя оценки своей работы. «Вы пишете, Владимир

60 Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931) – литературовед, академик ВУАН (1922), член-корр. РАН (1924).

61 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 624.

62 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 3–3 об.

Николаевич, что прочли часть моей статьи, но своих замечаний не высказали вовсе, – сетовал Отроковский. – А мне Ваше мнение важно и дорого. Ведь я – из Вашей школы, а прежде чем стать самостоятельным исследователем, надо безупречно усвоить школу, которая, как и всякая система, дает основные начала». Речь идет о работе Отроковского о Тарасии Земке, церковном деятеле XVII в., поэте, музыковед и типографе, одном из первых ректоров Киево-Могилянской коллегии, которую молодой ученый готовил к печати. В этом же письме он сетовал: «С отъездом университета – Киев опустел, одни разъехались, другие – и не приезжали»⁶³.

Через месяц, 14 ноября, Отроковский уточнял свои планы: «Ввиду недостатка книг я отказался от планомерного выполнения стипендиатской программы – до поры до времени; занимаюсь теперь усвоением статей и книг, имеющихся под рукою; вероятно, скоро начну изучать ц[ерковно]сл[авянский] и рус[ский] языки, прибегну к помощи Ильинского⁶⁴. Думаю, что он не откажется снабдить меня книгами»⁶⁵. Г. А. Ильинский, относивший себя к первым слушателям лекций Перетца⁶⁶, был в это время уже профессором Харьковского университета и одновременно читал лекции на Высших женских курсах в Киеве. Интересовался Отроковский и другими возможностями получить нужную литературу. В связи с этим спрашивал у учителя совета: «В давнишней открытке я просил Вас, Владимир Николаевич, сообщить мне: можно ли и уместно ли будет мне и Б. А. Ларину попросить кой-какие книги Академии наук... Если можно, то когда это лучше всего сделать?»⁶⁷ За прошедший с предыдущего письма месяц обстановка в Киеве не изменилась. «Здесь – пустынно, – писал Отроковский, – всякое оживление вплоть до сплетен – исчезло. Одна А. В. Жекулина – Жанна д'Арк XX столетия – точно в доспехах – ведет целый ряд благотворительных и просветительных предприятий»⁶⁸.

В письме от 22 ноября Отроковский докладывал Перетцу о том, как продвигалась его работа по подготовке издания: «Статью

63 Там же. Л. 3 об.

64 Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937) – лингвист-славист, член-корреспондент Академии наук (1921).

65 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

66 Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария – своему руководителю. Л., 1929. С. 34.

67 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

68 Там же. Л. 4 об.

о Т. Земке я получил и отослал корректуру седьмого листа, с которого идет печатанье приложений». Кроме этого Отроковский сообщал, что, «не зная адреса Варвары Павловны⁶⁹ и Софьи Алексеевны⁷⁰», просит учителя передать им одну из своих статей. «Без сомнения, – писал он, – они не забывают Вас, и при случае экземпляры попадут по назначению, а Вы, Владимир Николаевич, надеюсь, на меня не рассердитесь»⁷¹.

Отроковский не только продолжал работать над начатыми ранее темами, но и предлагал учителю оценить и свои новые статьи. Так, оправдываясь за более чем двухмесячное молчание, он сообщал 2 февраля 1916 г.: «...я собирался писать Вам, – но все откладывал, чтобы хоть чем-нибудь доказать Вам свое стремление быть одним из тех (Ваших) “лампадофоров”⁷² – о которых некогда говорил А. П. Сони⁷³». Сони использовал этот древнегреческий термин для характеристики учеников Перетца. «Т[о] е[сть] я дожидался срока, – продолжал Отроковский, – когда закончу маленькую статейку (сестру другой, еще не готовой), чтобы послать ее Вам как плод еле возможной научной работы в Киеве, где подчас подлинно – надо учинять сыск книгам. Статьека, которую Вы от меня получите, посвящена маленькому вопросу, но, кажется, выполнена тщательно, по методу Вашей школы»⁷⁴. Он выражал надежду на то, что учитель сможет поспособствовать устройству ее в печать. Отроковский отметил и особенность своей работы: «...а моя заметка к тому же представляет полурецензию на статью⁷⁵ Н. П. Попова⁷⁶ (Известия, т. XVIII, кн. 1-я, с. 173–196)»⁷⁷.

Отмечал Отроковский и то, что преподавание в гимназии Жекулиной не так отвлекает его от собственно научной работы. «Несмотря

69 Адрианова-Перетц Варвара Павловна.

70 Щеглова Софья Алексеевна.

71 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 5.

72 Лампадофор (греч., от *lampas* – лампа, и *pherein* – нести). В древней Греции – человек, несший лампу во время священнодействия или факел на лампадодромиях.

73 Сони Адольф Израилевич (1861–1922) – филолог-классик, профессор Киевского университета.

74 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 12.

75 Попов Н. П. Иосифово Сказание об ереси жидовствующих по спискам Великих Миней // Известия ОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 1. С. 173–197.

76 Попов Николай Петрович (1864–1938) – ученый-археолог, заведующий Московской Синодальной (Патриаршей) библиотекой.

77 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 12–12 об.

на одинаковое число уроков в гимназии, – писал он, – я занимаюсь теперь гораздо успешнее прошлогоднего, т[ак] к[ак] подготовка к урокам берет минимум времени». Он также вновь выражал надежду: «С окончанием занятий в гимназии я думаю, как я уже писал Вам, отправиться в Петроград для усиленного осуществления магистерской программы, и отчасти, м[ожет] б[ыть], и за сбором материалов»⁷⁸. И вновь Отроковский возвращался к судьбе запроса о возможности получить книги от ОРЯС: «Еще Вам наскучу делом: в декабре я и Ларин послали в Академию наук прошения о книгах. Не знаете ли Вы – удовлетворили ли наши ходатайства как-нибудь или нет? Если – да, то, вероятно, мы должны благодарить за это, гл[авным] обр[азом], Вас».

Очевидно, что Перетц выполнил просьбу ученика передать его статьи Адриановой и Щегловой, так как последовала ответная реакция. «В заключение, – писал Отроковский, – позвольте через Вас поблагодарить Варвару Павловну за подаренные брошюры (С. А. Щеглова – передала их) и послать свой поклон ей, а также всем нашим добрым общим знакомым»⁷⁹.

Из письма следует, что Отроковский обратился к новой для него теме – к событиям конца XV в., ереси жидовствующих. Перетц решил не ограничиваться собственными замечаниями к этой статье и поступить с ней по сложившейся в его Семинарии традиции, о чем Отроковскому написал его товарищ. К такому обороту дела сам молодой ученый отнесся с энтузиазмом. «М. Драй⁸⁰ писал мне, – сообщал Отроковский Перетцу 23 февраля 1916 г., – что моя статейка попала в колесо традиционной “среды”. Я рад сохранить связь с Вашим Семинарием в таком реальном виде и охотно жду, что скажут мне мои рецензенты, которым шлю сердечные поклоны»⁸¹. При этом он добавлял: «Если Вы думаете, что я бездельничаю, то Вы далеки от истины»⁸².

Обсуждение работы Отроковского состоялось, по-видимому, в среду 17 февраля. В начале марта он получил замечания от членов Семинария, о чем и писал 7 марта Перетцу: «Статью свою получил, на этой неделе я ее исправлю и верну Вам в обновленном виде»⁸³.

78 Там же Л. 12 об.

79 Там же. Л. 13.

80 Драй-Хмара Михаил Афанасьевич (1889–1939) – поэт-неоклассик, филолог-славист.

81 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 14 об.

82 Там же. Л. 15.

83 Там же. Л. 7.

В марте Отроковский получил информацию, которая его и взволновала, и обнадежила. Он спрашивал учителя 17 марта: «Между прочим, С. Ф. Ш[евчен]ко передал мне слова А. М. Лободы, будто я причислен или прикомандирован к Петрогр[адскому] Ун[иверсите]ту. Ходатайства об этом с моей стороны не было. Не можете ли Вы, Владимир Николаевич, объяснить мне, где источник “информации”, переданной через С. Ф. Ш[евченко]о?»⁸⁴ Данное предположение оказалось всего лишь неподтвержденным слухом.

Работа по ответу на замечания коллег потребовала большего времени, только через две недели Отроковский подготовил новый вариант статьи и дал развернутый ответ оппонентам. Из ответа следует, что сделанные ими замечания не смогли заставить его отказаться от принципиальных для него положений статьи. Обо всем этом Отроковский сообщал учителю в письме от 21 марта: «Снова посылаю Вам свою статью в переработанном виде. Замечания рецензентов оказались мне полезными, и мой текст выиграл в ясности и точности изложения, в упругости фактических данных. К возражениям, поставленным мне, отнесся вполне добросовестно и без пристрастия. Если Вы найдете терпение прочесть мою заметку еще раз, то увидите, что она была возвращена мне не напрасно. Ее внешность достаточно ясно показывает, из каких пулеметов она была обстреляна. Что же касается того, что я остался при прежнем убеждении относительно авторства м[итрополита] Зосимы⁸⁵, то здесь мною руководило отнюдь не упорство, доказательством чему служит последнее примечание (55-е) моей статьи. Я всегда готов изменить свой взгляд, если к тому принуждают фактические данные, но в этом вопросе они слишком проблематичны. Вместе с заметкой отсылаю Вам и указания рецензентов с краткими моими возражениями. Рецензенты мне помогли, и я им благодарен, но все-таки они во многом не правы, подобно тому, как я был недостаточно ясен и точен»⁸⁶.

Через неделю, 28 марта, – новое письмо Отроковского Перетцу. За прошедшее между письмами время молодой ученый получил еще одну рецензию. На этот раз ее автором был не один из членов Семинария, а известный ученый, избранный, кстати, в конце того же

84 Там же. Л. 8.

85 Митрополит Зосима Брадатый (?–1496) – митрополит Московский и всея Руси (1490–1494). У церковных историков XIX в. имел репутацию тайного приверженца ереси жидовствующих.

86 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 18–18 об.

года академиком, Н. К. Никольский⁸⁷. Нет сомнений в том, что этот отзыв организовал сам Перетц, дабы указать ученику на поспешность и недостаточную обоснованность его предположений.

Эти новые возражения заставили Отроковского критически отнестись к собственному сочинению. При этом он оставлял за собой право еще побороться за гипотезу об авторстве митрополита Зосимы. «Я согласен, – писал он, – лишь окажется время, прочесть необходимые мне работы по церковной истории и археологии. Новые возражения по поводу моей злополучной статьи (2-е Н. К. Никольского) представили и новый историко-литературный мотив: коллективное творчество митрополичьих грамот, посланий и т. п. Это коллективное (соборное) начало не открывалось для меня в прежних возражениях о канцелярском происхождении памятника; не отождествляется с этим термином и теперь. Коллективное создание соборного поучения в Комиссии епископов, архимандритов и т. д. во главе с митрополитом – в таком процессе носит вполне правдоподобный характер, и когда я найду (в работах, которые собираюсь прочесть!) соответствующее историческое указание, тогда я охотно еще раз переделаю свою статью в данном направлении. Замечу попутно, что ссылка на “Стоглав”⁸⁸ – только косвенное доказательство, ибо “Стоглав” – памятник законодательный, опирающийся на обширные материалы – вещь обыденная»⁸⁹.

Он был вынужден признаться: «Т[аким] о[бразом], дело не столько в моем упорстве, а поистине в неосведомленности, которой основательно не смогли развеять мои первые рецензенты». Можно предположить, что Никольский подверг сочинение Отроковского достаточно жесткой критике, которая задела чувства автора. Он писал: «При том же я держусь взгляда, что недостаток фактов в руках исследователя и даже незнание их, если они в значительной мере специальные, не должны причинять ущерба личному самолюбию, высокую степень которого в себе не отрицаю». «Поэтому, – продолжал Отроковский, – прошу Вас, Владимир Николаевич, прислать мне статью еще раз. Сейчас у меня нет ни времени, ни охоты перекраивать ее заново. Но, быть может, придет “час определенный”⁹⁰ – воскресить ее перемытые кости»⁹¹.

87 Никольский Николай Константинович (1863–1936) – историк-славист, археограф, академик (1916).

88 Стоглав – сборник решений Стоглавого собора 1551 г.

89 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 19–19 об.

90 «Приходит час определенный» («Евгений Онегин»).

91 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 19 об.

В письме чувствуется и некоторая обида на слова учителя, которые Отроковский приводит в письме: «На одно только пожалуюсь, – что Вы не всегда внимательны к моим словам, так, Вы пишете: “Сравнивая Ваши возраж[ения] Щегл[овой] и Багрию – вижу, что вы порою одного «побиваете» другим, но при сем и сами впадаете в противоречие с собою. Это – избыток полемического жара!»». И все же молодой ученый был вынужден признать: «М[ожет] б[ыть], полемического жара во мне бывает и не в меру...»⁹². «Но сейчас, – продолжал Отроковский, – чувствую себя усталым, страдая от денежного стеснения и от неопределенности жребия... Где я – в Петрограде? В Киеве? – в воздухе?»⁹³

Статья Отроковского так и не была им доработана и опубликована. Не сохранились и материалы, связанные с ее обсуждением, поэтому все немногое, что нам известно о ее научной проблематике, содержится в приведенной переписке. Эти письма Отроковского Перетцу демонстрируют, с каким вниманием тот относился к исследованиям учеников, организовывал их обсуждение на заседаниях Семинария и внимательно следил за развернувшейся между ними дискуссией, анализируя аргументацию сторон.

Заочное общение с учителем не удовлетворяло Отроковского. Он строил планы выбраться в Петроград. «Последний этап занятий в гимназии будет для меня тяжелым, – писал он Перетцу 18 апреля, – мне Ларин передал своих 10 уроков. Моя выгода – в лишних полутора рублях, которые отвезут меня в Петроград (стипендия – улита – когда-то будет!). Сообщите мне, Владимир Николаевич, до какого срока Вы останетесь в Петрограде, застану ли я Вас там? Потом еще: как говорят, можно будет летом пользоваться библиотеками Петрограда?»⁹⁴ Очевидно, что Перетц ответил ученику и сообщил о своих планах. Поэтому 5 мая Отроковский выражал надежду на скорейшую встречу: «Коль скоро Вы уезжаете на юг в Ворзель⁹⁵ – я рад был бы здесь встретиться с Вами, получить от Вас уроки мудрого ободрения, в котором я нуждаюсь». К тому же отмечал Отроковский, «провести лето в городе с хорошей университетской библиотекой – моя теперешняя мечта. Если Ларин мне напишет, что в Петрограде возможно наладить занятия, я не премину использовать свои каникулы

92 Там же. Л. 19 об.–20.

93 Там же. Л. 20 об.

94 Там же. Л. 11.

95 Ворзель – городок рядом с Киевом, в настоящее время курорт.

“в столичной пыли”...»⁹⁶ Как видно из этого письма, Перетц не только гордился работами новых участников уже его петроградского Семинария, но помнил и о научных интересах киевских. «Я получил брошюру “Курбский и переводы из Цицерона” от Балухатого⁹⁷, – писал Отроковский, – очевидно, по Вашему указанию. Спасибо за память, при этом благодарю и за ранее присланную библиографическую справку к повести о Басарге...»⁹⁸ Присланная Перетцу брошюра⁹⁹ была первой печатной работой С. Д. Балухатого.

Позаниматься в петроградских библиотеках летом у Отроковского не получилось, но в Киеве он не остался. В письме от 29 августа он сообщал Перетцу: «...совестно, что за минувшие три месяца пишу Вам впервые. Поскольку Вы узнаете про мое лето, Вы не очень посердитесь на меня. С 1 июля по 1 августа я прожил келейно в Нежине, упорно готовясь к экзаменам по литературе, подгоняя все недочеты киевского безвременья»¹⁰⁰. Отроковский особо отмечал, что ничто не отвлекало его: «Мое одиночество тем явнее, что нет со мною даже друзей: Ларин и Цикаловский в Петрограде». Он сообщал также, что готов «в конце октября начать экзамены»¹⁰¹.

Перетц интересовался, как обстоят дела у его киевских учеников, не только у них самих, но и у своего коллеги по Киевскому университету А. М. Лободы, который мог следить за своевременным прохождением обязательных для стипендиатов процедур, необходимых при подготовке к защите диссертации. Так, осенью 1916 г. Лобода сообщал Перетцу: «Отроковский начинает магистерские экзамены, думаю, что у него они пройдут гладко»¹⁰².

Отроковский сдал первый экзамен, о результатах которого с гордостью писал учителю 31 октября: «Я долго не писал Вам,

96 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 21.

97 Балухатый Сергей Дмитриевич (1893–1945) – литературовед, библиограф, член-корр. АН СССР (1943).

98 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 22.

99 Переводы кн. Курбского, и Цицерон / С. Д. Балухатый; (Из филол. семинария акад. В. Н. Перетца) / Отт. из журн. «Гермес». № 5–6, 1916 г. Пг., 1916.

100 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 23.

101 Там же. 23 об.

102 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 46. Л. 24. А. М. Лобода практически никогда не датировал свои письма. Датировка иногда устанавливается по почтовому штемпелю или по отметкам о получении, сделанным Перетцем.

с некоторым напряжением отдавшись подготовке к экзамену. Наконец, теперь уже “литература” сдана. Ответом моим остались довольны. Но гораздо лучше то в моем успехе, что я сам им доволен. Предлагал вопросы один лишь А. М. Лобода, и для моего пущего блеска вмешался Довнар-Запольский¹⁰³ с вопросом о Степенной книге¹⁰⁴, об авторе которой я мог высказать даже кое-какие личные предположения». «Теперь, – продолжал он, – по одному паломничеству к Грунскому и Лукьяненко¹⁰⁵, и я возьмусь за “языки”. А мечты о будущем я держу покуда под замком: “довлеет дневи”¹⁰⁶»¹⁰⁷.

Лобода с удовлетворением подтвердил успех Отроковского в ноябре в письме Перетцу: «Начал держать экзамены Отроковский, русскую литературу сдал прекрасно; отчет его тоже очень хорош. Я его несколько торопил с экзаменом, потому что в нашем Университете вносят все больше и больше формализма в отношения к стипендиатам»¹⁰⁸.

Даже успешная сдача экзамена не изменила оценку Отроковским положения в научной жизни Киева. Письма друзей из Петрограда давали ему материал для сравнения. В том же письме он благодарил Перетца: «Ф. П. Сушицкий передал мне от Вашего имени брошюру об Акире¹⁰⁹. Спасибо за память и за дар». И особо отмечал: «О столичном пульсе мне пишут Боря Ларин и Миша Драй¹¹⁰. <...> Передайте от меня привет петроградцам из Киева: fama и gloria¹¹¹ их доносятся слабыми звуками до Золотых ворот». «А здесь, – продолжал Отроковский, – как всегда – суется захолустно. За эту осень мы раза два собирались – с маленькими докладами и разговорами – в воспоминание Ваших “сред”»¹¹².

103 Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – историк, этнограф, фольклорист.

104 «Степенная книга» – памятник русской исторической литературы XVI в.

105 Лукьяненко Александр Митрофанович (1879–1974) – филолог, лингвист.

106 «довлеет дневи злоба его» (Мф 6:34) – «каждому дню достаточно своих забот».

107 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 25–25 об.

108 Там же. Д. 46. Л. 13 об.

109 Перетц В. Н. К истории текста «Повести об Акире Премудром» // ИОРЯС. 1916. Т. XXI. Кн. 1. С. 262–278.

110 Все трое учеников Перетца, Отроковский, Ларин и Драй-Хмара, были близкими друзьями, Отроковский был даже свидетелем («боярином») на свадьбе Драй-Хмары.

111 fama и gloria – на латыни оба слова имеют значение «слава».

112 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 26.

С таким же настроением Отроковский встретил и 1917 год. Так, 24 февраля он объяснял учителю свое долгое молчание: «Давно не писал Вам, но тусклыми были минувшие месяцы. Лишь понемногу выбираюсь я к ровной и торопливой работе. Занимаюсь я теперь русским и ц[ерковно]сл[авянским] языками, а когда продолжу экзамен, не знаю, хотел бы в мае. Пусто в Киеве, а в научной жизни – мы подобны псам, подбирающим крохи от столичных трапез»¹¹³.

Несколько развеял такую унылую атмосферу гость из Петрограда. «Старый друг мой – Ларин, – писал Отроковский, – за два дня – проездом – заразил меня немного душевной лихорадкой – и я, как могу, сохраняю эту закваску! Тут – иди за свой страх, никому до тебя дела нет. “Вольность” – хорошая вещь; точно ларец всевозможных драгоценных прав... Но иногда просто морально нужно – для части этих прав найти хороший и верный банк»¹¹⁴. При этом он подчеркивал, что внешне положение молодых ученых может выглядеть и вполне благополучно. «Так, – писал он, – извне – стипендиаты здесь не на худом положении: живут беспрепятственно. Даже в честь попали: приемными детьми к старику Нестору¹¹⁵ записаны»¹¹⁶.

Поделился Отроковский с учителем и своими замечаниями к одному из докладов: «Я был на нескольких заседаниях; Клингер¹¹⁷ прочел несколько обширных глав из будущей диссертации – о связях бытового обряда (в частности, поминального) европейских народов с обрядами античными. Задача любопытная, но в исследовании царит обычный в таких случаях этнографический статистический метод, ускользающий от анализа и оттого часто спорный в выводах»¹¹⁸. И вновь мечты оказаться в близкой для него научной среде: «Я представляю, как кипит у Вас в Петрограде, и жду, чтобы окончить здесь свои экзамены. Тогда можно будет помечтать о кочевье на север»¹¹⁹.

О том, что Перетц уже интересовался делами Отроковского у Ларина, посетившего Киев, свидетельствует и это письмо: «Ларин

113 Там же. Л. 16.

114 Там же. Л. 16–16 об.

115 Киевское общество Нестора-летописца.

116 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 16 об.

117 Клингер Витольд Павлович (1875–1962) – польский филолог-классик, этнограф.

118 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 16 об.–17.

119 Там же. Л. 17.

мне писал о разговоре с Вами обо мне. Спасибо за добрую память! Поклон петроградским товарищам»¹²⁰.

Важной научной работой, подготовка которой к печати постепенно продвигалась, было уже упоминавшееся издание, посвященное Тарасию Земке. Ее публикация намечалась в очередном выпуске Сборника Отделения русского языка и словесности. Предполагалось, что Сборник может увидеть свет в 1917 г., поэтому Отроковский обратился к П. К. Симони¹²¹, делопроизводителю (ученому секретарю) ОРЯС. «Дело в том, – писал Отроковский 28 февраля 1917 г., – что статья о Т. Земке явилась плодом моих занятий в Семинарии В. Н. Перетца, и мне было бы приятно посвятить ее Владимиру Николаевичу, тем более что в текущем году исполняется и 25-летие научной деятельности В. Н. Поэтому, если еще возможно, то я покорнейше просил бы, чтобы – хоть на выходном листе кроме заглавия (или на обороте листа) – было напечатано. “Посвящается В. Н. Перетцу”. Если бы это не удалось сделать для сборника, то, м[ожет] б[ыть], не было бы невыполнимо для отдельных оттисков – на особой страничке вслед за выходным листом, что я охотно принял бы в свой счет, как расход непредусмотренный»¹²².

С запланированным продолжением сдачи экзаменов Отроковского не сложилось, о чем он сообщал Перетцу 14 мая: «Экзамена магистерского, в мае – я не продолжаю: не готов. Думаю наверстать летом. Тут и работа не шла, да и библиотека слишком скудно доится. Из Киева – скоро (17-го) уезжаю – и жаль, что не увижусь с Вами (от А. М. Лободы знаю, что Вы собираетесь быть здесь)»¹²³. По-видимому, это сообщение не порадовало Перетца, и в письме от 2 июня Отроковский постарался оправдаться: «Сам я тоже был угнетен пред необходимостью отложить экзамен до осени. Но так мало было сделано за весенние месяцы, что отсрочка оказалась неизбежной. Вот и теперь я сижу в захолустном городишке на Днестре¹²⁴ (на меже с молдаванами) и усиленно глотаю немецкие страницы, которые похожи на сухую кашу. Сразу за двумя зайцами: натерелось в ц[ерковно]слав[янском] и беглое чтение немецкой лингвистической усидчивости. А язык

120 Там же. Л. 17 об.

121 Симони Павел Константинович (1859–1939) – филолог-славист, книговед. Член-корр. Академии наук (1921).

122 РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 1. Д. 172. Л. 1–1 об.

123 Там же. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 27 об.

124 Отроковский жил в г. Ямполь на берегу Днестра.

немецкий – позабыл я основательно. На досуге – уподобясь пресловутому Цинциннату¹²⁵ – взрыхляю, выпалываю грядки, сажаю редиску и ухаживаю за ней»¹²⁶.

Отроковскому не пришлось увидеть свой труд изданным. Он появился только в 1921 г.¹²⁷ с предисловием Перетца. «Эта работа о Тарасии Земке, – писал ученый, – вышедшая из моего филологического Семинария, принадлежит перу молодого талантливого автора, безвременно скончавшегося в Киеве во время эпидемии сыпного тифа, в 1918 г. Она была написана в 1915 г., а осенью 1917-го мною уже были подписаны к печати последние ее листы»¹²⁸.

В отличие от стипендиата Отроковского, готовившегося к сдаче магистерских экзаменов, Сушицкий в 1915 г. уже стал доцентом Киевского университета. Для дальнейшей работы над диссертацией и другими проектами, связанными с ее подготовкой, он нуждался в советах Перетца, которые особо ценил и на которые очень рассчитывал. Он прямо об этом писал 23 октября 1915 г.: «...я позволю себе обратиться к Вам с рядом накопившихся у меня вопросов, ответы на которые и просил бы у Вас, на прежних Ваших правах *magistri*¹²⁹». «Во-первых, – продолжал Сушицкий, – в целях выяснения для себя фона историко-литературного для моей работы о “Зап[адно] русских летописях и южнорусских хрониках”, т. е. на протяжении XIII–XVII вв., ввиду отсутствия под руками всех вывезенных из Киева книгохранилищ, как и унив[ерситетской] библиотеки, в качестве подготовительной для себя и две других работы я задумал составить “обзор зап[адно]рус[ских] и южнорус[ских] памятников др[евне]рус[ской] литературы” наподобие Владимирова¹³⁰, в дополнение к нему в его пределах, с XI–XVI+XVII (а м[ожет] б[ыть], и XVIII?, хотя

125 Луций Квинций Цинциннат (около 519 до н. э. – 430-е до н. э.) – римский патриций времен Республики, считался образцом простоты и добродетели, жил скромно, занимаясь земледелием на своей небольшой вилле.

126 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 29–29 об.

127 *Отроковский В. М.* Тарасий Земка. Южнорусский литературный деятель XVII века // Сборник ОРЯС. Т. XCVI. № 2. Пг., 1921. 122 с.

128 *Перетц В. Н.* Предисловие // Отроковский В. М. Тарасий Земка... С. III.

129 *Magistri* – учителя.

130 Владимирова Петр Владимирович (1854–1902) – специалист по восточнославянской книжности, профессор Киевского университета. Имеется в виду его книга: Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев, 1890.

бы более ценное, литературное из 18 в.?)». Просил Сушицкий и советов по теме диссертации и перечислял круг источников, которые собирался привлечь к работе над «обзором»: «Пользуюсь описаниями рукописей, своими, книгами проф. Ильинского и коллег по Семинарию. Обираю и Ваши “Новые труды по источниковедению”¹³¹, как Гоголь песни Максимовича¹³². Разрешите ли? Конечно, при каждом № ссылка на эти “Труды”¹³³.

В этом же письме Сушицкий с явной досадой отмечал: «У нас в Киеве полное затишье вообще и в Наук[овом] Тов[аристве]¹³⁴ в особенности. От председателя – Науменка¹³⁵ – поздно уже ждать чего-нибудь. Все секции без головы; т. к. лишились их: литературная – Вас (и все замерло), языковая – Михальчука¹³⁶ (такое безобразие – “Збірник”¹³⁷ вышел без портрета, я уже слегка ругался по этому поводу с “дядями”), история – М. Г[рушевского]¹³⁸. Ни одного события – дельного»¹³⁹.

Ответ Перетца не заставил себя ждать, и похоже, что, при общем одобрении проекта, он отмечал и его сложности. Уже 1 ноября Сушицкий вновь писал учителю: «Чрезвычайно благодарен Вам за столь скорый ответ и при том на все интересовавшие меня пункты. Особенно приятно было для меня узнать о принципиальном одобрении Вами моей затеи – “Обзора”. Признателен за указания и даже за скептические тезисы: я их чувствовал сам – теперь нахожу подтверждение своему сомнению, продолжая считать его лишь методическим, и задачу полезной даже при относительной полноте. Думаю, что подобные работы и по существу не могут быть абсолютно полными, и все же для данного

131 Под таким названием Перетцем публиковались работы практически ежегодно с 1905 по 1917 годы, см.: *Перетц В. Н.* Исследования по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1982. С. 240–246 (Список печатных трудов академика В. Н. Перетца).

132 Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – филолог, фольклорист, историк. Впервые опубликовал сборник «Малороссийские песни» в 1827 г.

133 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 2 об.–3.

134 «Українське наукове товариство у Києві» основано в 1906 г.

135 Науменко Владимир Павлович (1852–1919) – украинский филолог, педагог, общественный деятель.

136 Михальчук Константин Петрович (1840–1914) – украинский языковед и этнограф.

137 Фільольогічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915. 149 с.

138 М. С. Грушевский находился в ссылке.

139 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 3.

состояния истории украинской литературы не бесполезны. Увлёкся же я этим до странности по собственному самосознанию»¹⁴⁰.

Описывал Сушицкий и положение дел на курсах Жекулиной: «Пристраивая Ильинского на Педаг[огическом] фак[ультете], поручили ему на Совете читать ц[ерковно]слав[янский] с рус[ским] яз[ыком]. Предположено допускать к слушанию и зачету нужных им курсов и ист[орико]-филологичек (неофициально, т[ак] к[ак] разрешено военными властями открыть лишь Педаг[огическое] отделение – для приготовления учительниц высших начальных училищ, “столь необходимых для народного образования в России”...). Итак, теплится маленький огонек филологической науки на курсах Жекулиной, но, к сожалению, чисто теоретически, т[ак] к[ак] мы лишены практич[еских] занятий по филологии, “ненужных педагогичкам”»¹⁴¹.

Перетц позаботился и о снабжении Сушицкого научной литературой. Ученик, переполненный эмоциями, писал учителю: «Благодарю за поддержку моего ходатайства о высылке книг – изданий Ак[адемии] наук. Несказанно рад буду получить. Жду с нетерпением, наперед наслаждаюсь блаженством созерцания и просмотра “дома”, без беганья по библиотекам, столь скудным теперь в Киеве»¹⁴².

Прося в этом же письме о содействии в ходатайстве, Сушицкий писал не без самоиронии: «Безмерно признателен буду и за поддержку прошения моего пред 2 отд[елением] р[усского] яз[ыка] и слов[есности] о пособии; на днях пошлю. Вы хорошо знаете, сколь нужны для нас, украинцев, толчки для работы, а деньги обяыывают, тем более из Ак[адемии] наук»¹⁴³.

Перетц всегда помогал ученикам, поэтому он 3 декабря 1915 г. просил Шахматова поддержать в ОРЯС выделение для Сушицкого средств «на поездку в Москву для занятий (в ИПБ¹⁴⁴ невозможно – закрыта), так как «он кончает диссертацию, но в Киеве это трудно»¹⁴⁵. Положительное решение было принято сразу же, и уже 9 декабря Сушицкий писал Перетцу: «Не нахожу слов для выражения моей благодарности за пособие»¹⁴⁶. Молодому ученому удалось воспользоваться

140 Там же. Л. 4–4 об.

141 Там же. Л. 5.

142 Там же. Л. 5 об.

143 Там же.

144 Императорская Публичная библиотека в Петербурге.

145 *Шахматов А. А.* Избранная переписка... С. 616.

146 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 6.

предоставленным пособием. И 18 сентября 1916 г. он докладывал Перетцу: «Спешу к Вам своим сообщением, прежде всего, ближайшего отчета о научной поездке, самая возможность которой открылась для меня, конечно, благодаря Вашему содействию... За время с первых чисел июня и до половины августа мне удалось сделать сравнительно много»¹⁴⁷. Далее Сушицкий перечислял и найденные рукописи, и места их обнаружения. В частности, он указывал: «...10 из собр[аний] гр[афа] Уварова¹⁴⁸, к которому мне удалось забраться в августе в с[ело] Поречье¹⁴⁹, хотя и после продолжительной переписки с 12 июня по 27 июля»¹⁵⁰. Но не обошлось и без проблем. «К сожалению моему и даже прискорбию, – продолжал Сушицкий, – Ваше предостережение, Владимир Николаевич, относительно недоступности рукописей в Петрограде оправдалось и больно ударило по моим оглоблям: кроме Академии наук, почти не пришлось поработать. Лишь печатный отдел Публичной библиотеки дал мне материал на три недели работы запоем: с 10 ч[асов] у[тра] до 9 в[ечера] с перерывом в 1–1½ на обед. Там сделано мною очень много для диссертации; заполнил все пробелы в литературе вопроса». Далее Сушицкий делился с учителем своими дальнейшими планами, которые захватывали зимние месяцы 1916 – начало 1917 г.: «Но все же в рукописные отделы Петрограда мне еще раз забраться крайне необходимо и притом в ближайшее время, приблизительно на 3 недели в конце декабря – начале января, не позже Масляной и первой недели поста¹⁵¹. Буду копить деньги на эту поездку, если удастся сколотить...»¹⁵². При этом он сетовал на загруженность работой в гимназии, отмечая, что «все это задерживает окончательную редакцию моей диссертации...». «Позволяю себе, на правах Вашего ученика, – подчеркивал Сушицкий, – послать для предварительного осмотра мой Отчет Академии и очень прошу передать его по назначению»¹⁵³.

147 Там же. Л. 9.

148 Уваров Алексей Сергеевич (1824–1885) – археолог, коллекционер, первый директор Исторического музея, где в настоящее время и хранится коллекция собранных им рукописей.

149 Поречье было отдано как приданое дочери графа А. К. Разумовского, вышедшей замуж за графа С. С. Уварова, в роду которого имя оставалось вплоть до 1917 г.

150 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 9 об.

151 Великий пост начинался 13 февраля.

152 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 9 об.–10.

153 Там же. Л. 10 об.

В этом же письме он благодарил Перетца за помощь в решении жизненно важного для него организационного вопроса. «Досада берет, – сетовал Сушицкий, – что сейчас долги придется допустить из-за злосчастной гимназии, никак не переходящей окончательно к Обществу “Группы преподавателей” из-за длительной переписки Департамента с Округом... В этом Обществе я состою председателем Хозяйственного комитета, а Дорошкевич¹⁵⁴ – секретарем его. От меня, Дорошкевича и прочих членов О[бществ]а выражаю Вам, дорогой Владимир Николаевич, свое сердечное спасибо. Мы все очень признательны Вам за участие, искренно извиняясь за причиненное беспокойство. Лишь полуголодное существование не получавших два месяца жалованья вынудило нас к этому. Я лично сомневался в праве Вас беспокоить по этому делу, и лишь по совету помощника попечителя Округа С. В. Певницкого¹⁵⁵ решился отправить Вам телеграмму¹⁵⁶. Официальной бумаги еще не получено, и хотя мы не сомневаемся в передаче гимназии нам, но время убийственно тянется в тревожно-полуголодном ожидании»¹⁵⁷. Судя по тексту письма, участие Перетца помогло сдвинуть решение в бюрократических сферах Министерства народного просвещения.

Сообщал Сушицкий и о своей работе на Вечерних высших женских курсах: «У Жекулиной читаю др[евне]русскую литературу и веду прак[тические] занятия, Андрей Митрофанович [Лобода] – народн[ую] словесность». Далее, по-видимому по поручению руководства курсов он спрашивал учителя: «Вы избраны редактором “Летописи” курсов, Жекулиной “сроком на 2 года”. Позволите ли поставить вопрос о переизбрании Вас? Б[ыть] м[ожет], она не умрет, а возродится»¹⁵⁸.

По-видимому, Перетц захотел более подробно ознакомиться с содержанием лекций ученика и обдумать предложение о продолжении «Летописи»¹⁵⁹. И 6 октября Сушицкий отвечал на его запрос: «На курсах Жекулиной получил и высылаю для Вас Лекц[ионную]

154 Дорошкевич Александр Константинович (1889–1946) – литературовед, критик.

155 Певницкий Сергей Васильевич (1860–?) – действительный статский советник, помощник попечителя Киевского учебного округа в 1909–1916 гг.

156 Текст телеграммы не сохранился.

157 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 10–10 об.

158 Там же. Л. 10 об.

159 «Летопись» курсов так и осталась в двух выпусках.

книгу (1)¹⁶⁰ и I–II книги “Летописи”¹⁶¹, пока по одному экземпляру. Если нужно больше, сообщите, пришлю»¹⁶². В подстрочнике письма Сушицкий отмечал: «(1) Лекционная книга одного типа, второй тип еще не вошел в жизнь и не отпечатан»¹⁶³. Далее он делился своими планами о возможных перспективах трудоустройства: «Мечтаю о Чернигове¹⁶⁴, если удастся. Не забудьте, если подвернется случай, что, кроме известного Вам, Владимир Николаевич, обо мне, я второй год читаю литер[атурный] курс на педагогич[еских] курсах Жекулиной, что является репетицией к Чернигову»¹⁶⁵.

Практически в те же дни осени 1916 г., когда Отроковский успешно сдал свой первый магистерский экзамен, Сушицкий лекцией открыл в университете свой спецкурс. О том, что задача для желающих закрепиться в университете была непростой, Перетцу писал 31 октября Отроковский: «В университете сейчас – совсем на столичный лад: расписание филологов так и пестрит специальными курсами да именами “новоявленных” доцентов. Но мобилизация скашивает слушателей, а доценты в борьбе за существование цепко держатся за уроки в гимназии, м[ожет] б[ыть], тайком завидуя зем-гусарам¹⁶⁶»¹⁶⁷.

Перетца не могло не интересовать, как его ученики, входившие в число «новоявленных» доцентов, справляются с этой ситуацией. Сушицкий сообщал и о своих делах, и о коллегах по Семинарию 18 ноября: «Мои лекции пока удачны в Университете: удачей называю 1) то, что состоялись все лекции доселе, что не со всеми теперь бывает; 2) при количестве, в среднем большем, чем на многих

160 Сушицкий Ф. П. Из лекций по литературе Южной и Западной Руси XV–XVIII вв., читанных на Высших веч. женских курсах в г. Киеве, в весеннем семестре 1914/5 уч. г. Очерк 1: О западно-русских летописях. Киев, 1915.

161 Летопись Вечерних высших женских курсов, учрежденных в г. Киеве А. В. Жекулиной. Киев, 1914. Кн. 1; Летопись Вечерних высших женских курсов, учрежденных в г. Киеве А. В. Жекулиной. Киев, 1915. Кн. 2.

162 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 12–12 об.

163 Там же. Л. 12 об.

164 В Чернигове в 1916 г. был открыт Учительский институт.

165 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 12 об.

166 Земгусары – в просторечье так называли чиновников Земгора, организации, созданной в 1915 г. на базе земских и городских дум. Организация была посредником по распределению государственных оборонных заказов.

167 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 25 об.

обязательных курсах... Прочел пробные лекции Ив. Ив. Огиенко, мне довелось на одной побывать, “О русском ударении”. Вступительная лекция А. С. Грузинского (“О мистицизме Гоголя”), по сообщениям моих слушателей, на них произвела отрицат[ельное] впечатление; ни одного аплодисмента – вопреки традиции. Досадно... Грунский сух с нашими; я еще не знаком»¹⁶⁸. Сушицкий полагал, что учителю будет интересна следующая информация: «Киевские новости: кроме списков думских речей – злобы дня – и известий, слухов от 18 ноября о взятии немцами Бухареста, в учебном мире – Жекулина накануне получения прав для курсов; министр прислал к попечителю за отзывом»¹⁶⁹. Со своей стороны, Сушицкий спрашивал Перетца: «Что слышно там у Вас насчет Чернигова?»¹⁷⁰

Перетц попросил более подробной информации, выделив двух учеников, и уже 24 ноября Сушицкий ответил: «Спрашиваете про С. Ф. Шевченка и И. И. Огиенка. Первого я давно не видел, знаю лишь, приступив, как Вам известно, к магистер[скому] экзамену на 1-ой нед[еле] прошлого Великого поста, он еще не закончил всех испытаний»¹⁷¹. Сообщение о том, что дела у Шевченко идут неважно, только подтверждало то, что незадолго до этого Перетцу писал Лобода: «А вот что-то Савва Филиппович не продолжает начатых экзаменов. Этак у него может выйти большой скандал по срокам»¹⁷².

Сушицкий постарался изложить суть лекции Огиенко, оценив ее положительно, но при этом сделав ряд замечаний: «Ив. Ив. Огиенка я видел в Университете на его пробной лекции “О русском ударении”. Составлена и прочтена прилично, но поддержать внимание аудитории к подобной теме, им выбранной, очень трудно, конечно. Да и мало показательна эта тема для пробы самой эрудиции кандидата в приват-доценты от лингвистики по преимуществу, так как не широкой по объему, а здесь еще суженной до отдельной, б[ыть] м[ожет], одной-двух страниц курса...»¹⁷³

О своих же успехах он с гордостью сообщал учителю: «Вы спрашиваете о моей вступительной? Тема ее – “Пушкиноведение XX в.”, как вступление в специальный курс о Пушкине, объявленный мною

168 Там же. Д. 84. Л. 14 об.

169 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 13 об.

170 Там же. Л. 14 об.

171 Там же. Л. 16 об.

172 Там же. Д. 46. Л. 24.

173 Там же. Д. 84. Л. 16 об.–17.

в осеннем семестре. <...> Кроме усиленного освещения крупнейших работ в пушкиноведении 1900–1916 гг., я провел идею необходимости коллективных работ над Пушкиным, особенно в очередных отделах, при составлении словаря пушкинских рифм (ср. “Пушкин и его современники”. В. III¹⁷⁴), а также – Словаря эпитетов его, б[ыть] м[ожет], вообще стиля и т[ак] д[алее] в духе работ Пушкинского семинария проф. Венгерова¹⁷⁵. Вот эта-то идея особенно и понравилась А. М. Л[ободу], о том он мне лично сообщил даже впоследствии, на 2-й или 3-й день, признав в общем сейчас же, после лекции, ее и в целом “прекрасной”. Удастся ли такой Пушк[инский] семинарий у нас, в провинции, без обстановки и ресурсов Венгерова – трудно судить, особ[енно] теперь, но среди слушателей моих есть увлеченные этим, практически вовлеченные уже в дела. Да и на курсах Жек[улиной], где у меня идут с сент[ября] удачно прак[тические] занятия, есть отзвуки на это...»¹⁷⁶

В последних числах ноября Перетца подробно информировал о положении его учеников в университете Лобода, кстати, особенно отметивший Сушицкого: «Хуже всего, конечно, приходится приват-доцентам; у некоторых из них курсы, пожалуй, не состоятся. Прочнее других братья Масловы, Назаревский, Гудзий; по-видимому, наладится дело у Сушицкого, благодаря его ретивости и ловкости; он объявил курс о Пушкине и подготавливает что-то вроде Пушкинского семинария. Искренне жаль мне Сашу Грузинского: рвения у него много, но от бестолковости своей никак он не может избавиться и, например, даже к вступительной лекции не сумел он как следует подготовиться. Огиенко прочел пробные лекции в общем недурно»¹⁷⁷.

Таким образом, умеренно благожелательные отзывы ученика и коллеги давали Перетцу возможность составить представление о лекции Огиенко как успешной, но не без недостатков. Резко контрастирует с оценками Сушицкого и Лободы мнение еще одного свидетеля этой лекции, правда, высказанное через 30 лет после ее произнесения.

174 Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1905. Вып. 3.

175 Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) – литературный критик, историк литературы, основал в 1908 г. в Петербургском университете Пушкинский семинарий.

176 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 17–17 об.

177 Там же. Д. 46. Л. 13–13 об.

Оно принадлежит В. П. Петрову¹⁷⁸, личности неординарной, слушателю¹⁷⁹ лекций Перетца в Киевском университете, ученому, писателю, видному деятелю послевоенной украинской культурной эмиграции и одновременно сотруднику советских спецслужб. В мемуарном очерке «Болотная Лукроза»¹⁸⁰ он оставил обширное описание своих восторженных впечатлений и от лекции, и от ее автора. «Иван Иванович Огиенко, – писал Петров, – для своей вступительной лекции в Университете выбрал тему: “Правильно ли поставлено ударение в «Полтаве» Пушкина «Молчит музыка боевая»?” Он привел сотни примеров из бесчисленного множества авторов. Это был результат кропотливых изысканий. Достояние безупречной эрудиции. Поток имен, фейерверк самых неожиданных цитат. Аудитория была потрясена грандиозностью проведенной автором скрупулезной работы. <...> В моих ушах по сей день звучит эхо тех аплодисментов, гром их заполнил узкое пространство шестой аудитории, окно которой выходило на лужайку Ботанического сада, и я вижу худощавую фигуру оратора с продолговатой бородкой в форменном сюртуке гимназического ученого. С неистовым энтузиазмом мы, студенты, аплодировали тогда новому доценту Университета в знак искреннего своего удивления и признания». В заключение Петров был категоричен: «Среди всех доцентских лекций, произнесенных в те годы в Университете, эта, несомненно, была самой блестящей. Она стала для меня наглядным доказательством того, как настоящий ученый одним касанием волшебной палочки из мелкой темы способен выстроить сказочный дворец, простую гальку превратить, шлифуя, в драгоценный камень безупречной эрудиции. Исследователь спускался с кафедры победителем. Декан¹⁸¹ жал

178 Петров Виктор Платонович (1894–1969). См. подробнее о нем, например: *Барабаш Ю. Я.* Кто вы, Виктор Петров? В. Домонтович (Петров) и его повесть «Без почвы»: всё не то, чем кажется... // *Новый мир*. 2012. № 8. С. 156–174; *Булкина И. С.* «Тень неразгаданного сикофанта...» // *Гефтер*. Интернет-журнал. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19371> (дата обращения 16.04.2022).

179 В списке постоянных членов Семинария Перетца Петров не значится. См.: *Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца*. С. 33.

180 *Домонтович (Виктор Петров) В.* Болотная Лукроза (пер. с укр., предисл. и коммент. Инны Булкиной) // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 5. С. 241–267. Впервые очерк был опубликован в Мюнхене в 1948 г.

181 Бубнов Николай Михайлович (1858–1943) – историк-медиевист и филолог. В 1905–1919 гг. декан историко-филологического факультета Киевского университета.

ему руку. Студенты продолжали аплодировать»¹⁸². В данном случае можно лишь констатировать, что оценки одной и той же лекции сделаны с разного уровня подготовки оценивающих, профессора («в общем недурно»), кандидата в доценты («прочтена прилично», однако «мало показательна эта тема для пробы самой эрудиции кандидата в приват-доценты») и студента (лекция «была самой блестящей»).

Сушицкому с его постоянным обращением к средневековым рукописям хотелось привить подобный интерес и своим ученицам. Он писал Перетцу 4 декабря 1916 г.: «...так хотелось бы к весне дать работы по этим рукописям многим из руководимых мною курсисток...» Поэтому он считал, что у задуманного им семинария должна быть особая миссия: «Пушкинский семинарий для Киева, при недоступности большей части рукописей, – манна небесная; она особенно полезна для той массы курсисток, что готовы прыгать в стихи Бальмонта и К^о. Их и “палкой не пришьешь к соленому мясу”¹⁸³ рукописей. На фоне же их выделяются 2–3 более глубокие, обещающие не только опыта над рукописями, но и плодотворную работу»¹⁸⁴.

В этом же письме Сушицкий сообщал Перетцу о событиях, имевших к нему прямое отношение: «Вчера, 3 дек[абря], на курсах Жекулиной состоялось чествование окончившей с дипломом 1-й степени государственные экзамены г-жи Колтоновской. Собрались в массе курсистки за чашкой чая – от лица подруг ее – с участием преподавателей и учредительницы. В речах рвали во все стороны виновницу торжества. Завитневич¹⁸⁵ – как первую ласточку весны для курсов, Кудрявцев¹⁸⁶ – требуя “принципов” в ее жизни, Лубенец¹⁸⁷ приказывал остаться бедной народной учительницей, Лобода – шутя в своих речах»¹⁸⁸. Со своими

182 Домонтович (Виктор Петров) В. Болотная Лукроза. С. 245.

183 «Не пришьешь их палкою к соленому мясу» (Кантемир А. Д. Сатира I. На хулящих учения к уму своему // Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. 2-е изд. Л., 1956. С. 58 (Б-ка поэта. Большая серия).

184 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 19 об.

185 Завитневич Владимир Зенонович (1853–1927) – историк, археолог, действительный статский советник, преподаватель русской истории на Вечерних высших женских курсах А. В. Жекулиной (с 1910).

186 Кудрявцев Петр Павлович (1868–1940) – богослов, соучредитель, преподаватель истории древней философии (1905), директор (1910) и председатель педсовета (1911) Вечерних высших женских курсов А. В. Жекулиной.

187 Лубенец Тимофей Григорьевич (1855–1936) – педагог и деятель народного образования.

188 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 18–18 об.

поздравлениями выступил и Сушицкий: «Мне оставалось от Вашего имени и во имя витающей на курсах Вашей тени, поправляя речь Лубенца – “не пристегнуться к науке”, как он выразился, а создать первую славу себе и честь курсам своим первым печатным трудом, не ограничиться первенцем... По-видимому, это подействовало, т[ак] к[ак] она стала спрашивать затем меня, какую бы ей взять тему для работы...» Затем, отмечал он, «говорила Жекулина и курсистки – об ожидавшихся правах для курсов (был ревизором Н. М. Бубнов, благополучно), и в результате было предложено и принято послать Вам телеграмму, но, при бездействии телеграфа, предпочли “подписной” лист, т[о] е[сть] привет Вам от курсов подписали присутствовавшие на чаепитии...»¹⁸⁹

«Другая новость, – продолжал Сушицкий, – предприняты первые шаги к реализации замысла по части известного Вам юбилейного сборника. Задним числом, к моему сожалению, стало мне лишь на днях известно, что С. Ф. Шевченко собрал у себя часть Ваших учеников-киевлян и собравшиеся, как учредит[ельное] собрание, избрали себя членами редакц[ионного] комитета. Правда, все люди почтенные: Белецкий, Гудзий, Масловы, Назаревский, Огиенко и Шевченко. Выработано, отпечатано и рассылается соответствующее обращение с указанием срока к весне 1917. Дай Бог успеха им и делу!»¹⁹⁰ Заметно, что Сушицкого задело, что его не включили в состав редакционного комитета планировавшегося сборника, посвященного 25-летию научной деятельности Перетца. К сожалению, издание сборника не состоялось, и одной из причин этого, как отмечал приглашенный в него С. Ю. Кулаковский¹⁹¹, была невозможность собрать средства с учетом быстро растущей дороговизны издания¹⁹².

Еще в сентябре Сушицкий планировал время поездки в Петроград и Москву для занятий в библиотеках и архивах. Он получил 18 ноября запрашиваемые для этой цели 150 рублей от Академии наук, за что благодарил учителя¹⁹³. А 24 ноября он уже докладывал Перетцу: «Выехать надеюсь 17 дек[абря] и пробыть в Москве и Питере до числа 10–2 янв[аря]»¹⁹⁴.

189 Там же. Л. 18 об.–19.

190 Там же. Л. 19.

191 Кулаковский Сергей Юлианович (1892–1949) – литературовед.

192 См. подробнее: Робинсон М. А. Судьба русского киевлянина: письма С. Ю. Кулаковского А. И. Соболевскому (Революция, Гражданская война, первые годы эмиграции) // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 218–219.

193 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 13.

194 Там же. Л. 17 об.

Сушицкому удалось осуществить намеченную командировку, вначале он заехал в Москву. Так, 22 января 1917 г. он сообщил в письме Перетцу: «Особенно любезен В. Н. Щепкин¹⁹⁵, поминавший Вас...»¹⁹⁶ Далее Сушицкий описал очень важную для него встречу: «В Питере неожиданно попал к А. А. Шахматову, у которого по телефону спрашивали о летописн[ом] сборнике для меня (из Москвы в Археогр[афической] ком[иссии]). <...> Очень хвалил тему мою <...>. одобрил многие из моих предположений и даже любезно предложил издать приложения к диссертации в одном из изданий Археогр[афической] комиссии, о чем подать ему записку до февраля для включения в заседание Арх[еографической] ком[иссии]. Отсюда моя к Вам просьба – разрешить прислать Вам для предвар[ельного] просмотра и, если нужно, исправления»¹⁹⁷.

Писал Сушицкий Перетцу и о возможных перспективах публикации его диссертации: «А. М. Лобода в декабре предлагал мне иметь в виду возможность освобождения вскоре места в “Известиях Унив[ерситета]”. <...> Тем более жалко, что не довелось мне увидаться с Вами»¹⁹⁸. «Эх! – сетовал Сушицкий. – Дайте мне сейчас 3–4 месяца, без проклятых уроков (ежедневно около 5), и я бы написал, еще многое изменив и отделив, достойное себя и поставленной цели...»¹⁹⁹

По-видимому, Перетц призвал ученика в деле устройства диссертации в печать действовать решительнее. Сушицкий в письме от 5 февраля согласился с указаниями учителя, одновременно прося его проекции: «А. А. Шахматова, ободряемый Вами, буду просить издать, если окажется возможным, мою работу. Если удастся, подготовьте его к этому. На днях пишу ему об этом». Вообще перспектив скорой публикации явно не предвиделось. «В “Унив[ерситетских] известиях”, – сообщал он далее, – еще не начаты ни С. И. Маслова, ни С. А. Щ[егло]вой, даже Филипповича²⁰⁰ медальное²⁰¹ не закончено. Трудно решить, где

195 Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920) – славист, лингвист, палеограф, старший хранитель Исторического музея (Москва).

196 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 25.

197 Там же. Л. 25–25 об.

198 Там же. Л. 25 об.–26.

199 Там же. Л. 25–26 об.

200 Филиппович Павел Петрович (1891–1937) – украинский поэт, литературовед, участник Семинария Перетца.

201 Дипломная работа Филипповича «Жизнь и творчество Е. Баратынского» была удостоена золотой медали.

бы раньше напечатали. В “Лет[опи]си Арх[еографической] к[омиссии]”, б[ыть] м[ожет], не раньше 1918 г.?”²⁰²

* * *

Об одном из поручений, которое Перетц дал перед отъездом из Киева, Отроковский уже сообщал 19 августа 1915 г.: «Счастливого пути в Петроград, куда, судя по сообщениям Штаба за последние дни, Вы можете ехать с успокоенным духом. <...> Деньги за “Отчет”²⁰³ я немедленно передам»²⁰⁴. Вскоре от Перетца последовало новое задание, о выполнении которого Отроковский писал 11 октября: «Лишь получил я Вашу открытку – сейчас же написал Драй (он не склоняет своей фамилии – д[олжно] б[ыть], под влиянием славистики!), но доселе ни списка, ни ответа – не имею; Ларин же утверждает, что – по его памяти – Драй копии²⁰⁵ тогда не сделал»²⁰⁶.

В 1915 г. Перетц организовал две экспедиции своего Семинария. Первая состоялась в конце зимы 1915 г. с киевскими учениками в Петроград, а вторая в конце весны – начале лета 1915 г. в Киев уже с новыми петроградскими учениками. За основную техническую работу по подготовке издания «Отчета» с результатами летней экспедиции должен был отвечать С. Ф. Шевченко. Перетц решил привлечь к этому делу и Отроковского, который сообщал учителю 14 ноября: «Ваше письмо с поручением корректуры “Отчета” – я надеюсь отправить. На днях зайду к С. Ф. Шевченко за оттисками»²⁰⁷. Через неделю, 22 ноября, Отроковский вновь сообщал о ходе дела: «Думаю, что Вы уже получили мое письмо с согласием корректировать “Отчет”. С. Ф. Шевченко написал Вам также²⁰⁸ о тех затруднениях, что связаны с пересылкой 2-ой корректуры»²⁰⁹. Очевидно, что Перетц был в курсе упомянутых затруднений, потому что решил привлечь к работе и Сушицкого, который к этому времени уже выполнял его поручение по пересылке необходимых ему книг.

202 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 24 об.

203 Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петрограде 30 января – 7 февраля 1915 года. Киев, 1915.

204 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.

205 Перец поручал ученикам копировать нужные для его работы рукописи.

206 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

207 Там же. Л. 4.

208 Письма Шевченко в архиве Перетца не сохранились.

209 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 5.

Так, 1 ноября Сушицкий сообщал: «Завтра же, в понедельник, поймаю в Наук[овом] тов[аристве] с целью устроить посылку Вам “немедленно” 2 экз[емпляров] сборн[ика] Мих[альчу]ку и всех оттисков Вашей статьи. Там чаще бывает п. Романович, а Дорошенко²¹⁰, кажется, лишь на редакц[ионных] собраниях. Получили ли Вы экз[емпляр] 1-го в[ыпуска] Укр[аїнського] наук[ового] “збірника”²¹¹, выданного в Москві? Готов к изданию 2-й выпуск, подготавливается материал к 3-му, где, между прочим, пойдет начало библиографич[еского] Обзора укр[аїнської] лит[ерату]ры XIX в. Дорошенка. Собираются выпустить, наконец, Шевченковский сборник, хотя, б[ыть] м[ожет], и без статьи М. Груш[евско]го»²¹².

Сушицкий сразу дал согласие на новое поручение Перетца. Он писал учителю 21 ноября: «Охотно помогу С. Ф. в корректуре, чем заслужу и для себя экземпляр “Отчета”»²¹³. В этом же письме Сушицкий сообщал Перетцу и о выполнении другого поручения: «Согласно Вашему письму постараюсь нажать на Корчака²¹⁴ и по части “Записок”²¹⁵. Неполучение последних странно: заказ был дан мной на другой неделе по получении предыдущего Вашего письма; через день-два я снова наводил справки, и мне сказали, что послали. . .»²¹⁶

Через две с небольшим недели, в декабре 1915 г., Сушицкий подробнейшим образом описывал Перетцу проблемы с изданием книги. «Был снова в типографии, сегодня, 9-го, и узнал, если мне правду говорили там сам Корчак и его присные, – сообщал Сушицкий, – что будто виною в задержке не они, а Савва Филиппович [Шевченко]. Будто, вопреки договора с Вами относительно формата “Отчета”, он пожелал изменить его, чего они не могли сделать без Вашей санкции,

210 Дорошенко Дмитрий Иванович (1881–1951) – украинский историк, филолог, политический деятель.

211 Український науковий збірник / Українське наукове товариство у Києві. М., 1915. [Вип. I].

212 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 5–5 об.

213 Там же. Л. 20 об.

214 Корчак-Новицкий Георгий Трофимович – основатель типографии, преобразованной в 1901 г. в «Акционерное общество печатного и издательского дела Г. Т. Корчак-Новицкого». В этой типографии в основном печатались издания Киевского университета.

215 Речь идет о публикации одного из томов: «Записки Українського наукового товариства в Києві», в котором Перетц был одним из членов редколлегии.

216 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 20 об.

и предполагалось Вам посылать об этом»²¹⁷. Далее он повторил свое предложение оказать помощь в работе с корректурами. «С. Ф. предлагал, – отмечал Сушицкий, – для ускорения дела, посылать для второй корректуры не Вам, что было бы очень медленно, а мне, о чем он имел писать Вам»²¹⁸, прося на это согласие. Это и в самом деле ускорило бы работу, если Вы доверитесь мне, уже “искушенному” по части корректур»²¹⁹. Общение с издателем шло непросто. «Сначала Корчак принял было меня с опаской и подозрительным недоверием, – писал Сушицкий, – не питаю ли я зловредных замыслов к Вашей работе. . . Еле втолковал ему свою дружескую Вам миссию, на что он, раскусив меня, реагировал словами: “А! это подгонять нас” . . . Я пробовал было иными словами это заменить – “Нет, мол, просить, и очень – ускорить нужную, до зарезу, к сроку работу” . . . Гарантий не дает, вообще тяжелый человек, как Вам известно. Думаю, обходя его, нажимать на завещающего набором и других»²²⁰.

Далее Сушицкий остановился на технической стороне подготовки издания: «При первом моем свидании с С. Ф. последний сообщил мне, что “Отчет” набирают 3–4 наборщика, на деле же, как я узнал, всего лишь один». Такое положение дела дало возможность Сушицкому покритиковать работу Шевченко. «Странно, – писал он, – что С. Ф. мечтал об “Отчете” как чуть ли не о новогоднем подарке Вам. . .»²²¹

Проблемы с печатанием были не только у «Отчета», но и у других трудов Киевского университета, о чем Сушицкий также писал Перетцу: «Приостановилось издание Киев[ских] унив[ерситетских] известий, чему удивляется даже Корчак, не допуская подобной возможности, если бы редактором был Иконников²²². . .»²²³ Охарактеризовал Сушицкий и поведение издателя: «Корчак нагло подчеркивает свою “материальную, конечно, заинтересованность”, мечтая поднять расценку издания, прибавляя, что Иконников добрее и охотно согласился

217 Там же. Л. 6.

218 Как уже отмечено в настоящей статье, письма Шевченко в архиве Перетца не сохранились.

219 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 6.

220 Там же. Л. 6 об.

221 Там же. Л. 6 об.–7.

222 Иконников Владимир Степанович (1841–1923) – историк, профессор Киевского университета, редактор «Университетских известий» (1873–1913). В 1915 г. редактором журнала стал А. М. Лобода.

223 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.

бы, а вот “Перетц – педант”, с ним надо осторожнее, написать, предупредить и т. д. Словом, готов Лазаря петь, – ну да об этом подробнее С. Ф. ...»²²⁴ Но Сушицкий надеялся: «И все же, б[ыть] м[ожет], удастся перебить обух плетью и подогнать... Уже во вторую встречу Корчак был любезнее и предупредительнее...»²²⁵

Хлопоты Сушицкого дали определенные результаты. Об этом он сообщал Перетцу 23 декабря: «... у Корчака уже двое набирают Ваш “Отчет”, с 4-го янв[аря] (понед[ельник]), “наверное”, будет поставлен третий, а затем вскоре обещан четвертый, в чем мне клялся заведывающий набором, с тем, чтобы к началу февраля закончить»²²⁶. Но обещание выполнено не было, такое положение беспокоило Перетца. Можно предположить, что он не был удовлетворен работой Шевченко и поэтому попросил Отроковского подробнее информировать о ходе дела.

Отроковский сообщал учителю 2 февраля 1916 г.: «О положении Вашего печатающегося “Отчета” – я знаю очень мало, ибо С. Ф. Шевченко всего лишь два раза присылал мне по поллиста корректуры, несмотря на мои напоминания принять участие в дальнейшей»²²⁷. Отроковский взял на себя всю работу по работе с корректурами издания, о чем подробно информировал Перетца. В новом сообщении от 23 февраля он писал: «...к концу этой недели наборщик мне обещал: 4-ю корр[ектуру]»²²⁸. «Впрочем, – продолжал Отроковский, – я еще не знаю, насколько тверды его обещания; к тому же, относительно срока – 10-го марта, который я ему поставил для окончания работы, – он не дал утвердительного ответа. Все же я не теряю надежды действовать в ближайшие представленные мне полторы-две недели с полным дипломатическим напряжением, вплоть до ультиматумов»²²⁹.

Через неделю, 3 марта, Отроковский докладывал: «Все достигнутые дипломатические воздействия в типографии привели к следующему: на этой неделе я получил набор до статьи Фетисова²³⁰, т. е. – приблизительно до 152-й печатной страницы, а может быть, и дальше. <...> На этой неделе мне обещаны 2 корректуры – до 140 страницы, а также оттиски первых семи листов в чистом виде, которые я тотчас перешлю

224 Там же. Л. 7–7 об.

225 Там же. Л. 7 об.

226 Там же. Л. 22 об.

227 Там же. Д. 61. Л. 12 об.

228 Там же. Л. 14

229 Там же. Л. 14 об.

230 Фетисов И. И. – в Семинарии Перетца с 1915 г.

Вам»²³¹. Сроки возможного завершения печатания книги явно сдвинулись и оставались неопределенными: «К сожалению, трудно надеяться, что “Отчет” будет кончен вовремя: судя по ненабранному оригиналу, в книге будет 13–14 печатных листов (а не 10–11 лл., как Вы предполагали)»²³². Так, 7 марта он писал: «В типографию я сдал исправленной 1-ю корректуру до 155 стр. включительно, т[о] е[сть] до отчета Фетисова. О Савве Филипповиче никаких вестей не имею; думаю, он на днях зайвится в Киев»²³³.

Через два дня, 9 марта, новое письмо, с информацией: «Мною Вам отправлен новый набор – 21-го февраля, 4-го марта и 8-го марта. Вторую корректуру до 155 стр. я думаю получить сегодня, а также и набор статьи Фетисова²³⁴». В этом же письме Отроковский с нескрываемым раздражением отзывался и о работе типографии, и о манере общения ее руководства с заказчиками: «Сейчас иду в типографию. Я говорил и с самим Корчаком, но ведь Вы знаете, что все производители теперь говорят в снисходительном и покровительственном (!?) тоне: дескать – нет рабочих, хорошо, что хоть столько осталось, а с призывом белобилетников и этих не будет, и т[ак] д[алее]. А заказчики у них не переводятся»²³⁵. Желая быстрее выполнить поручение Перетца, его ученики зачастую мешали друг другу. Так, Отроковский отмечал в письме от 17 марта: «Сегодня я зашел в типографию; оказалось, что ведение дел взял на себя снова С. Ф. Шевченко, не предупредив меня, отчего у меня задержался оригинал статьи Фетисова, который и отсылаю Вам с настоящей открыткой». Тем не менее сроки окончания работы приближались. «На прошлой неделе, – писал Отроковский, – наборщик обещал окончить набор к концу этой текущей. Т[аким] о[бразом], я думаю, что Ваше желание видеть книгу к Пасхе – будет исполнено»²³⁶.

Через три дня, 21 марта, Отроковский докладывал учителю: «Следуя Вашей открытке, я передал С. Ф. просьбу заказать еще один экземпляр чистых листов <...> в типографии ведется точный учет каждой

231 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.

232 Там же.

233 Там же. Л. 7.

234 *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев 30 мая – 10 июня 1915 года: С прил. описания древ. рукописей и старопеч. книг Киево-Выдубицкого монастыря. Киев, 1916. VII (занятия И. И. Фетисова). С. 155–158.

235 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.

236 Там же. Л. 8.

страничке, т[о] е[сть], скажу Вам, невероятные скареды!» Были предприняты меры, которые должны были материально заинтересовать работников типографии. «С. Ф. посулил наборщику изрядную “толику”, и, судя по всем ауспциям²³⁷, книга к апрелю вылупится из скорлупы»²³⁸, – писал Отроковский. Точно ли к Пасхе, которая была в 1916 г. 10 апреля, успело издание, неизвестно, но в начале мая книга была напечатана.

С большим удовлетворением Отроковский 5 мая сообщал Перетцу: «Четыре экземпляра “Отчета”²³⁹ я получил и сердечно тронут ими, а в особенности печатной благодарностью... Книжка вышла очень солидной и содержательной, для меня, занимающегося жителями, в особенности... Должен признать, что это – кажется – лучший из “Отчетов”...»²⁴⁰

Другое важное для Перетца поручение полностью легло на плечи Сушицкого. Сложность в его исполнении была связана с транспортными проблемами. Дело в том, что подготовленные Перетцем к изданию тексты итальянских комедий при дворе Анны Иоанновны печатались в Киеве в «Типографии 2-й артели печатников», а предисловие Перетца и окончательное оформление издания предполагалось завершить в Петрограде.

Из письма Сушицкого следует, что бумага для петроградской типографии должна была быть отправлена из Киева. О том, какие аргументы были использованы для решения проблемы, он подробно описал в письме от 6 октября 1916 г. Служащий типографии, отмечал Сушицкий, «вначале сообщил мне о полной невозможности послать “Итальянские комедии” и бумагу по железнодорожным затруднениям, ввиду чего он не отвечал на Ваше письмо (полагая, что Вы понимаете эти затруднения), потом переменял тактику, когда я предложил ему сообщить мне, в случае облегчения транспорта, через сына его, ученика гимназии нашего Общества. Узнав, что я преподаватель его сына и председатель Хоз[яйственного] комитета Об[щест]ва, немедленно стал при мне звонить по телефону на город[скую] станцию, и оказалось, что грузы принимаются. Когда я добавил, – продолжал Сушицкий, – что Вы были

237 «По всем ауспциям» – по всем признакам. Ауспции (лат.) в узком смысле гадание по поведению птиц.

238 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.

239 Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев 30 мая – 10 июня 1915 года: С прил. описания древ. рукописей и старопеч. книг Киево-Выдубицкого монастыря. Киев, 1916.

240 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 22.

любезны помочь нашей гимназии, след[овательно], и мы, и они – родители – Вам многим обязаны и должны отблагодарить Вас, он стал соображать и в ответ на мой вопрос, когда же безотлагательно он вышлет Вам ящики, он назвал мне “около середины след[ующей] недели”, т[о] е[сть] около 12 октября, как я оговорил с ним. Итак, это дело будет завершено, а я прослежу, чтобы не застряло»²⁴¹.

Можно предположить, что Перетца не вполне удовлетворяла работа со 2-й артелью печатников, и он просил ученика узнать о перспективах сотрудничества с разными известными киевскими издательствами. Итак, Сушицкий сообщал: «У Кульженко²⁴² сказали, что печатать смогут “после войны”. Когда же я назвал “3 листа”, нашли это возможным даже к Рождеству исполнить, надеясь пустить “на затычку” в перерыве между заказами Юго-Зап[адных] жел[езных] дорог (их подряды по контракту)»²⁴³. Перетца заинтересовала следующая информация, в которой он подчеркнул особо важные для него места: «У Корчака могут печатать и большие работы, но дороже: около 75 р[ублей] за лист – типа “Отчетов”. <...> Скорость – по 5 листов в месяц»²⁴⁴.

Обещанные Сушицкому сроки отправки бумаги выдержаны не были. О сложностях с отправкой груза для Перетца узнал и другой его ученик. Если 29 августа Отроковский просто интересовался у Перетца – «Если имеете какие-либо поручения в Киеве, я охотно приму их на себя»²⁴⁵, – то 31 октября его вопрос звучал определенно: «Не могу ли я быть Вам как-нибудь полезен в деле со 2-ой артелью?»²⁴⁶ Наконец, 18 ноября Сушицкий с радостью сообщал учителю: «Сегодня счастливый день: удалось отправить в Петроград все девять ящиков для Вас»²⁴⁷. Пересылка прошла благополучно, и когда Сушицкий был в Петрограде, он сообщал Перетцу 22 января 1917 г., в частности, о визите к Шахматову и что тот «велел мне получить деньги за пересылку “Итал[ьянских] комедий” и зайти к нему»²⁴⁸.

241 Там же. Д. 84. Л. 11–11 об.

242 Кульженко Василий Степанович (1865–1934) – владелец «Типографии С. В. Кульженко». Основал типографию его отец Стефан Васильевич Кульженко (1837–1906).

243 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 11 об.–12.

244 Там же. Л. 12.

245 Там же. Д. 61. Л. 24.

246 Там же. Л. 26.

247 Там же. Д. 84. Л. 13.

248 Там же. Л. 25–25 об.

Мысль найти возможность печататься в Киеве не оставляла Перетца, но сведения, поступившие от Сушицкого, ничем порадовать его не могли. Тот сообщал 24 ноября: «В день получения Вашего последнего письма я побывал у Корчака, заявившего мне категорически, что до нового года они ничего не могут печатать сверх полученных доселе заказов. Отправился я к Кульженку – тот же ответ “стереотипный” – до нового года нет возможности»²⁴⁹. В начале нового, 1917 года ситуация не сильно изменилась. Перетц вновь направил Сушицкого провести переговоры в издательствах. О тех сложностях, которые ожидаются, Сушицкий сообщал Перетцу 5 февраля: «Первый (Корчак. – М. Р.) категорически заявил, что может начать печатание “Отчета” не раньше, как через два месяца, т[о] е[сть] в апреле, т[ак] к[ак] сейчас, ввиду приказа военных властей прекращать электрич[еское] освещение в 6 ч[асов] в[ечера], работы в типографии еще более сокращены, а набор 3 февр[аля] вырвал еще нескольких наборщиков. Отсюда взятые доселе заказы растянутся [нрзб.] на 2 месяца. Посторонних, мол, заказов, он уже не берет, и Ваш, надеясь и в будущем получать заказы, готов взять и, хотя начнет печатать в апреле, но предлагает выслать оригинал сейчас же, для определения стоимости печ[атного] листа, по соглашению с капризными рабочими, требующими осмотра ими оригинала»²⁵⁰.

Что касается упоминавшегося в письме «Отчета», то по сложившейся традиции он должен был включать материалы очередной экспедиции Семинария. Такая экспедиция упоминается в издании, посвященном 20-летию Семинария русской филологии. Там отмечено, что Семинарий в Петроградский дореволюционный «период сделал две экскурсии – одну в Киев в 1916 г. [Акад. В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев в 1916 г. Киев, 1916], другую в Новгород в 1917 г., где, между прочим, коллективно были описаны рукописи Новгородского древлехранилища при Софийском соборе и рукописи бывшей Духовной семинарии»²⁵¹. Действительно ли экскурсия в Новгород состоялась в 1917 г., неясно, возможно, что эта датировка связана с упоминанием экскурсии «в Киев в 1916 г.» с соответствующей ссылкой на публикацию «Отчета». Дело в том, что библиографическая ссылка ошибочна: «Отчет», опубликованный в 1916 г., был посвящен поездке в Киев летом 1915 г.

249 Там же. Л. 16.

250 Там же. Л. 23–23 об.

251 Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. С. 31.

Можно предположить, что экскурсия в Новгород состоялась в 1916 г., так как Перетц начал интересоваться публикацией «Отчета» уже в конце января 1917 г. Возможно, «Отчет» еще не был готов к печати, и Перетц просил провести предварительные переговоры, которые так ничем и не закончились. И вплоть до 1923 г. никаких работ Перетца на Украине опубликовано не было. К тому же, если бы «Отчет» уже был готов, то Перетц нашел бы в будущем возможность его публикации, но никаких следов подобной публикации нет.

* * *

Отроковский явно почувствовал тревожную атмосферу кануна революционных потрясений и хотел поделиться своими ощущениями с учителем, которому писал 24 февраля 1917 г.: «Пусть ничтожно это зерно гражданского чувства и глубоко промерзла кора над ним, но все же ему хочется, м[ожет] б[ыть] необходимо даже, дать свой росток. Тут нет даже мечты о почине, об активной работе – а так – хотя бы одного светлого сознания»²⁵².

Все, что стало происходить в общественной и политической жизни Украины, вселяло в душу Отроковского только тревогу. Чтобы яснее выразить свои чувства, он обращается к литературным образам древнерусской и латинской литературы. Объясняя свое долгое молчание, он писал Перетцу 14 мая: «Не часто писал я Вам в этом году: нечем было мне похвалиться перед Вами, а жаловаться – как можно, когда по всей стране расплескались лебединые крылья Девы-Обиды»²⁵³ (*Ultima caelestum Spes reliquit Russian...*²⁵⁴). В круге несогласованных раздумий, каких-то душевных пересечений – у зора нет ясности различать “сквозь магический кристалл” и жизнь, и науку, и многое повседневное и насущное»²⁵⁵. Отроковский пытался понять свое место в новой жизненной ситуации: «Здесь интеллигентская жизнь (особенно – М[инистерство] н[ародного] пр[освещения]), – писал он, – наматывается

252 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 17–17 об.

253 Дева-Обида – образ из «Слова о полку Игореве».

254 *Ultima caelestum Spes reliquit Russian... lat.* – Последняя надежда небес покинула русских... Отроковский перифразирует строки из «Метаморфоз» Овидия: «*Victa iacet pietas, et virgo caede madentis ultima caelestum terras Astraera reliquit*» («Пало, повержено в прах, благочестье, – и дева Астрея с влажной от крови земли ушла – из бессмертных последней...») – перевод С. В. Шервинского).

255 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 27–27 об.

на веретено украинства. И моя нить – незримая – есть среди многих. Если можно вообразить себе религиозного человека без “определенного” Бога, церкви, обряда и даже молитвы, – то я – так сознаю себя украинцем. Настолько, – что не могу войти в демократический союз друзей (деятели) русской культуры²⁵⁶... Слыхали про таковой?»²⁵⁷

Через полтора месяца, 2 июля, Отроковский попытался уже более определенно изложить Перетцу свое понимание украинизации и объяснить свои душевные метания. Он писал: «Здесь на Украине – украинский мотив – лейтмотив. Я никогда действительно не вел борьбы – ни политической, ни национальной. Да и национальная борьба для меня понятна и внутренне может быть оправдана только как самозащита. Национальный “империализм” – по-моему – самое гнусное дело. В подлинной украинизации здешнего края, бесспорно, нет ничего захватного, противонационального. Поэтому “Общество киевских деятелей...” я и мог понять лишь как “демократических” русификаторов и примкнуть к нему отказался, невзирая на сладкий соус программы “партии народной свободы”. Но и воинственный раж Винниченки²⁵⁸ и присных его, угрозы украинского оружия против неукраинства (огулом), в частности против русского народа – тоже не по сердцу мне. Ибо я понимаю будущее Украины – как буйное национальное развитие на основе общерусской политической жизни (в смысле догматов строя, а не административной централизации). Национальное в социализме для меня представляется как любовь к себе в христианской этике (“возлюби ближнего как самого себя”!)»²⁵⁹.

И в такой тревожной и запутанной ситуации Отроковский не очень ясно представлял свое место в ней: «И вот мне сейчас невозможно

256 «Организованный 3 мая при деятельном участии двух приват-доцентов университета Св. Владимира, П. П. Смирнова и малоросса Н. К. Гудзия, “Демократический союз деятелей русской культуры на Украине”, объявивший, что “русская культура, по количеству накопленных ею в крае ценностей, безусловно, является одной из главнейших краевых культур”» (*Спекторский Е. В.* Столетие Киевского университета св. Владимира // *Alma mater. Университет Св. Володимира...* С. 32).

257 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 28.

258 Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) – украинский политик, государственный деятель, писатель, один из основоположников национал-коммунизма.

259 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 29 об.–30.

и стыдно было бы сказать, что я “щирый українець”, ибо до революции я не был таким наяву, а теперь еще не чувствую себя таким и в душе. Я еще только блудный сын, ищущий родного порога. По правде сказать, это возвращение – самый острый момент одиночества»²⁶⁰.

Это было его последнее письмо Перетцу.

Сушицкому подобные колебания и сомнения были незнакомы. Так, Лобода в самом начале осени 1917 г., сообщая Перетцу о положении его учеников в Киевском университете, особо остановился на перспективах Сушицкого. Он отмечал: «Курсы по истории укр[аинской] нар[одной] слов[есности] и литературы выразил желание читать Сушицкий, и факультет уже санкционировал это; вначале Сушицкий будет читать их на правах пр[иват]-доц[ента], так как кафедры еще не установлены официально и штаты на них не проведены, но по установлению кафедр он же, вероятно, явится и первым кандидатом на каф[едру] литературы, с этой кандидатурой придется считаться тем серьезнее, что у Сушицкого почти готова диссертация и как раз из области укр[аинской] литературы». Кроме того, Лобода констатировал появление новых политических обстоятельств, которые, несомненно, поспособствуют получению искомого места в университете. «Наконец, – писал он, – в пользу Сушицкого и то, что его кандидатура наиболее желанна и с точки зрения местных укр[аинских] кругов»²⁶¹.

Пятого октября в Киеве открылся Украинский народный университет, в котором Сушицкий начал преподавать историю украинской литературы. После переворота П. Скоропадского Сушицкий возглавил департамент высшего и среднего образования в Министерстве народного просвещения. О его работе в этом качестве упоминал в своих дневниковых записях В. И. Вернадский. Так, ученый интересовался перспективами создания новых университетов на территории Украины, и 17 июня 1918 г. по этому поводу у него был разговор «с Феокт. Петр. Сушицким. У них полное незнание законодат[ельной] техники. С[ушицкий] не глуп. Удивительно, как Киев полон сплетен, и каждый шаг полон политиканства»²⁶². Летом 1918 г. Вернадский еще неоднократно встречался с Сушицким²⁶³. Критикуя украинское

260 Там же. Л. 30 об.

261 Там же. Д. 46. Л. 25–25 об.

262 *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев, 1994. С. 107.

263 Там же. С. 108, 113, 116, 121.

национальное движение и его сторонников, он поместил Сушицкого среди известных украинских ученых: «Багалея²⁶⁴, Крымский²⁶⁵, Грушевские, Корчак-Чепурковский²⁶⁶, Ганицкий²⁶⁷, Сушицкий и т. д., многие из которых лично порядочные люди – теряют эту порядочность, когда переходят в область национальных вожделений и национальной политики»²⁶⁸.

Сушицкий занимался непосредственно вопросами, связанными с преобразованием Киевского народного университета в Киевский государственный украинский университет. И 29 сентября 1918 г. он был утвержден гетманом Скоропадским ректором Киевского государственного украинского университета.

Перетца, в отличие от его ученика, не прельстила возможность воспользоваться лестными предложениями, поступавшими из Киева. Он писал Шахматову 6 августа из Самары: «Мне было предложение в Киев, о котором, говорят, печатали в петроградских газетах. Но обстановка морально там так тяжела, что я не решился туда ехать». Перетц особо отметил: «Было еще предложение – интимно пока – министра народного просвещения. Тоже отказался, ибо под немецкую шарманку плясать считаю непристойным. Лучше буду вести культурную работу с моими учениками»²⁶⁹.

Драматические события революции и гражданской войны оказали самое непосредственное влияние на судьбу научного наследия обоих учеников Перетца. В Предисловии к изданию исследования Отроковского о Тарасии Земке Перетц сообщал и о другой работе ученика: «Громадное исследование В. М. Отроковского о литературной судьбе повести XVII в. “О купце Басарге и сыне его Борзосмысле”, произведенное на основании всех известных ее списков, было награждено Киевским университетом золотой медалью. Оно находится пока в рукописи, вполне приготовленной к печати. Выражаем надежду, что со

264 Багалея Дмитрий Иванович (1857–1932) – историк, общественный и политический деятель.

265 Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) – украинский филолог, востоковед, писатель, переводчик.

266 Корчак-Чепурковский Авксентий Васильевич (1857–1947) – эпидемиолог, министр народного здоровья УНР.

267 Ганицкий Иван Михайлович (1879–1921) – государственный и политический деятель, зам. министра торговли УЦР.

268 *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. С. 158.

269 *Шахматов А. А.* Избранная переписка... С. 666.

временем и оно увидит свет и восполнит крупный пробел в изучении старинной русской повествовательной литературы»²⁷⁰.

В отзыве, который послужил основанием присуждения в 1913 г. упомянутой медали, Перетц подробно проанализировал работу, отметив и ее объем – 526 страниц «почтовой бумаги большого формата + таблица списков Повести»²⁷¹. Заключал свой отзыв Перетц очень лестными для молодого ученого оценками его труда. Учитель отдал должное и его упорству, и смелости в отстаивании своих научных выводов. «Встречаясь с необходимостью вступить в полемику с предшественниками, – писал Перетц, – касавшимися изучения Повести, автор обнаруживает находчивость и остроумие не верхогляда, а вдумчивого исследователя; он удачно и основательно полемизирует с ак. А. Веселовским, давая более правдоподобные выводы из изучения материала, чем этот знаменитый ученый»²⁷². По мнению Перетца, «работа автора могла бы быть представлена в качестве диссертации на степень магистра р. яз. и слов.»²⁷³.

Восторженное мнение об этой работе поместил в своем мемуарном очерке «Болотная Лукроза» Петров. Так, он писал, что работа, которая «принесла ему (Отроковскому. – М. Р.) золотую медаль», представляла собой «текстологическое исследование, анализ текста и согласование редакций нескольких литературных памятников XVI–XVII веков», и «работа эта достигала небывалого доселе объема – до трех тысяч страниц». Серьезно скорректировал Петров и мнение о ней Перетца, который «отрецензировал работу Отроковского в “Университетских известиях”; объявив ее образцовой, он ставил ее в пример “другим авторам магистерских диссертаций”»²⁷⁴. Все приведенные цитаты свидетельствуют, до какой степени мемуары полны не просто преувеличений, но и неточностей. Работа Отроковского была посвящена не нескольким памятникам XVI–XVII в., а одному и только XVII в., и она не столь «небывалого» объема, а приведенная Петровым «цитата», якобы из отзыва Перетца, в нем отсутствует. То, что Петров не привел в своем очерке название работы

270 *Перетц В. Н.* Предисловие // Отроковский В. М. Тарасий Земка... С. III–IV.

271 *Перетц В. Н.* Отзыв о сочинении на тему «Повесть о купце Басарге» // Университетские известия. Киев, 1914. № 9. С. 37.

272 Там же. С. 42–43.

273 Там же. С. 43.

274 *Домонтович (Виктор Петров) В.* Болотная Лукроза. С. 247.

Отроковского («О купце Басарге и сыне его Борзосмысле»), привело уже к ошибкам в комментариях к этому месту его очерка. Автор перевода и публикации очерка предположила, что Петров имеет в виду исследование Отроковского о Тарасии Земке²⁷⁵.

Высоко оценивая исследование Отроковского, Перетц, однако, отметил и «некоторые теневые стороны работы начинающего автора», в частности и то, что «автор очень любит выражаться кудряво и порою невразумительно, в стиле новейшей беллетристики»²⁷⁶. Возможно, Перетц таким образом отреагировал на увлечение своего ученика поэзией Иннокентия Анненского. В эти годы в Киеве «среди студентов университета, в семинаре В. Н. Перетца по древнерусской литературе, составилась круг почитателей автора “Кипарисового ларца”²⁷⁷,²⁷⁸. «В. М. Отроковского, рано умершего, особо выделяли в этом содружестве. Б. А. Ларин писал в некрологе: “Первенца молодой семьи поэтов – похоронили. И огляделись, что мало нас – его полюбивших сердцем щедрым двадцатилетним. <...> Науке – дар его – королевский. Без наследников. Был одинокий, идущий впереди”²⁷⁹.

На следующий год после публикации работы Отроковского о Тарасии Земке Перетц предпринял попытку реализовать высказанную

275 Там же. С. 265. Та же ошибка и в очерке: Булкина И. «Смутной жизни тень...». Забытый поэт: между филологией и поэзией // Гефтер. Интернет-журнал. 2017. URL: <http://gefeter.ru/archive/21582> (дата обращения 10.02. 2022). То же см.: Груздева Е. Н. Академик Борис Александрович Ларин (1893–1964). Годы учебы // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 3. С. 84.

276 Перетц В. Н. Отзыв о сочинении... С. 41.

277 «Кипарисовый ларец» – поэтический сборник Иннокентия Анненского, изданный посмертно в 1910 г.

278 Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев / ред. В. Нехотин. М., 2017. С. 92–93. Н. Я. Мандельштам вспоминала: «Мой учитель латыни и приятель Володя Отроковский уговорил меня, пятнадцатилетнюю девочку, отказаться от Блока, потому что существует Анненский. Он научил меня чувствовать прелесть Анненского, но загубил первое доверчивое чтение Блока» (Мандельштам Н. Я. Вторая книга / подгот. текста, предисл., примеч. М. К. Поливанова. М., 1990. С. 372–373).

279 Тименчик Р. Подземные классики... С. 95. См. также: Назаревский А. А. Из истории Семинария русской филологии проф. В. Н. Перетца (В. М. Отроковский. К 80-летию со дня рождения) // Писемність Київської Русі і становлення української літератури: Збірник наукових праць. Київ, 1988. С. 272–294.

надежду на опубликование труда о Басарге. 19 сентября 1922 г. он обратился за поддержкой в ОРЯС: «Было бы большим уроном для истории древнерусской повести, если бы исследование Отроковского осталось бы лежать где-нибудь в архиве. Только академическое издание может дать место на своих страницах такой работе, далекой от интересов современности и модных увлечений исключительно новейшей литературой»²⁸⁰. Надо отметить, что 1922 год для публикаторской деятельности ОРЯС являлся не просто трудным. Положение было катастрофическим, в отчете о деятельности ОРЯС за 1922–1923 гг. отмечалось: «В Отделении лежит до 40 работ, рассмотренных и определенных к печатанию и содержащих в себе более тысячи печатных листов. Новые работы продолжают поступать постоянно, но надежды на их опубликование в ближайшем будущем почти нет никакой»²⁸¹.

Шли годы, но Перетц от своей идеи не отказывался. Когда у М. Н. Сперанского возникли планы издания древнерусских повестей, Перетц сразу же напомнил и о работах своих учеников, и о том, кого можно было бы привлечь к этому делу. Так, 21 апреля 1928 г. он писал Сперанскому: «Я мог бы предложить полезных сотрудников по изданию повестей. В моем распоряж[ении] исследования: о Басарге по известным спискам, о беседе отца с сыном и, наконец, о Щиле (Еремина²⁸²)»²⁸³. В вышедшей в следующем году книге, посвященной 20-летию Семинария Перетца, в библиографии работ Отроковского указано: «Гот. к печ. Повесть о купце Басарге и сыне его Борзосмысле»²⁸⁴. Труд И. П. Еремина удалось устроить в печать²⁸⁵, о судьбе работы Отроковского Перетц продолжал хлопоты. Так, 8 сентября 1931 г. Сперанский писал Никольскому, что Перетц сообщил ему о том, что Отроковский успел подготовить рукопись к печати, но скончался, что в настоящее время рукопись хранится в Киеве, что ее объем 12 листов, и что хорошо было бы ее издать с некоторыми добавлениями²⁸⁶.

280 СПбФ АРАН. Ф. 9. О. 1. Д. 1124. Л. 31–31 об.

281 Там же. Д. 1131. Л. 3.

282 Еремин Игорь Петрович (1904–1963) – литературовед-славист. «Повесть о посаднике Щиле» – тема его диссертации.

283 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 197 об.

284 Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. С. 56.

285 Еремин И. П. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле: (Исследования и тексты) // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 59–151.

286 СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 662. Л. 46.

Возможно, что Перетцу в конце концов удалось бы добиться публикации труда Отроковского, но через два с небольшим года ученый был приговорен к ссылке по так называемому «Делу славистов».

Дальнейшая судьба этой рукописи Отроковского нам неизвестна.

Сушицкий сам предпринял попытку опубликовать свою диссертацию²⁸⁷, но, так же как и у Отроковского, подготовленная им часть работы вышла уже после смерти ученого. Издание было снабжено примечанием от редакции: «Из-за смерти автора и из-за неблагоприятных условий печати далее раздела (IV–VIII) рукописи <...> остаются недопечатанными»²⁸⁸.

В 1927 г. была создана Комиссия древней украинской литературы Всеукраинской академии наук, которую возглавил Перетц. В состав Комиссии вошли в основном его ученики, заместителем стал С. Маслов, а ученым секретарем – Назаревский. Под эгидой Комиссии начали выходить сборники «Памятники языка и письменности древней Украины». В 1929 г. Комиссия открыла новую издательскую серию «Труды по истории письменности древней Украины», и первый том ее составило продолжение работы Сушицкого²⁸⁹. Перетц приложил немало усилий, чтобы диссертация его ученика увидела свет в завершённом виде. В материале «От редакции» Перетц отметил, что Сушицкий был участником его Семинария с осени 1907 г. Еще в 1919 г. ученый «начал печатать свой труд, предполагая постепенно довершить и проработать последние разделы. Но во время Гражданской войны он погиб от возвратного тифа, и начатый печататься труд остался незаконченным. Кроме того, в рукописи, которую сохранила вдова покойного ученого, оказались заметны, иногда немалые, пробелы»²⁹⁰. Комиссия поручила подготовить труд к печати Назаревскому, с тем чтобы он «пересмотрел заново все исследование, а также заполнил пробелы, проверил и исправил многочисленные цитаты»²⁹¹.

287 Сушицкий Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. I // Збірник Історично-філологічного відділу Української Академії наук. Київ, 1921. Вип. 2.

288 Там же. С. III.

289 Сушицкий Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II // Праці з історії письменства давньої України. 1929. Т. 1. С. 137–404.

290 Перетц В. Від редакції // Сушицкий Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II. С. V.

291 Там же. С. VI.

Назаревский также снабдил книгу специальным предисловием, начав его с крылатой фразы «Habent sua fata li belli»²⁹². Он отметил, что Сушицкий над своей темой «пристально и преданно работал на протяжении многих лет»; так, один из разделов был готов еще в 1912 г. Упомянул Назаревский и о том, что Шахматов предлагал опубликовать работу в «Летописи занятий Археографической комиссии», при этом он ссылаясь на письмо Сушицкого 29 марта 1917 г. жене. «Но революция и связанное с ней национальное и политическое возрождение Украины, – отметил Назаревский, – развернули перед Т. П.²⁹³ другие возможности, в том числе – напечатать любимый труд на родном для него украинском языке». Со слов вдовы Сушицкого Назаревский писал, что печатание труда «началось в Киеве в 1919 г. – в двух параллельных изданиях – украинском и русском, потому что автор хотел, чтобы его опыт могли прочитать такие специалисты, знатоки западнорусских летописей, как акад. А. Шахматов, С. Пташицкий²⁹⁴ и другие»²⁹⁵. Но смерть автора и «резкое ухудшение издательских возможностей» прервали печатание книги, и в «1921 г. Украинская академия наук выпустила в свет лишь несколько отпечатанных листов незаконченного издания. <...> Даже сама судьба рукописного оригинала труда некоторое время вызывала опасения, но впоследствии рукопись нашлась, хоть и в поврежденном виде, и до последнего времени скрывалась у жены покойного». Назаревский утверждал, что видел свою задачу в том, чтобы «реставрировать эту работу в том виде, в каком она вышла из рук автора, не делая каких-либо изменений в ее содержании и ничего не добавляя от себя». На самом же деле из перечисленных в предисловии работ, которые выполнил Назаревский, видно, как много сил он вложил в подготовку издания. Кроме общего редактирования, это и проверка всех цитат по источникам, «подысканы и вставлены летописные цитаты к тексту в тех довольно многочисленных случаях, когда в оригинале для них остались пустые места; переведен на украинский язык целый VI раздел и конец VIII-го», «пришлось полностью заново написать конец и сформулировать выводы III-го раздела, поскольку соответствующие страницы оригинала погибли

292 «Habent sua fata li belli» (лат.) – «книги имеют свою судьбу».

293 Теоктист (Феоктист) Петрович Сушицкий.

294 Пташицкий Станислав Львович (1853–1933) – польский историк.

295 Назаревский О. Передне слово // Сушицкий Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II. С. VII.

(стр. 139–143 печатного текста)»²⁹⁶. Назаревский занимался и сопоставлением текстов. «На счастье, – писал он, – труд Т. П. Сушицкого сохранился хотя и в поврежденном виде, но в двух вариантах – на русском и украинском языке (кроме разд. VI и конца VIII, которые только на русском языке), и, таким образом, была возможность во многих случаях утраченные страницы одного текста пополнить параллельными страницами другого – и наоборот»²⁹⁷. Отметил Назаревский и еще одну особенность в передаче текста между частями издания: «Эволюция правописания в последние годы привела к определенному правописательному расхождению между первой (с. 1–136) и второй (с. 137–404) частями отпечатанного труда». В конце предисловия Назаревский особо подчеркнул моральный аспект в своей работе: «... на свой труд над упорядочением и приготовлением к печати опыта Т. П. Сушицкого смотрю как на естественную дань уважения к памяти безвременно умершего товарища по филологическому Семинарию акад. В. Н. Перетца, где мы когда-то вместе работали над вопросами истории древней украинской литературы»²⁹⁸.

Оба ученика Перетца проявили себя талантливыми учеными, которым многие жизненные и политические обстоятельства не позволили завершить начатые труды. Перетц, помогая им при жизни, не забыл их и после кончины. Он включил их в список учеников, которым посвятил свой «Краткий очерк методологии истории русской литературы»²⁹⁹. Перетц приложил немало усилий для публикации их трудов. К сожалению, издать работу Отроковского не удалось, и причиной тому, мы полагаем, было то, что она была написана целиком на русском языке. Опубликовать ее без перевода на Украине, где у Перетца были большие возможности, правила устава Всеукраинской АН не позволяли.

296 Там же. С. VIII.

297 Там же. С. IX.

298 Там же.

299 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг., 1922.

Источники и литература

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН).

Барабаш Ю. Я. Кто вы, Виктор Петров? В. Домонтович (Петров) и его повесть «Без почвы»: всё не то, чем кажется... // Новый мир. 2012. № 8. С. 156–174.

Булкина И. «Смутной жизни тень...» Забытый поэт: между филологией и поэзией // Гефтер. Интернет-журнал. 2017. URL: <http://gefter.ru/archive/21582> (дата обращения: 10.02.2022).

Булкина И. С. «Тень неразгаданного сикофанта...» // Гефтер. Интернет-журнал. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19371> (дата обращения: 16.04.2022).

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. Кн. 1. 271 с.

Владимиров П. В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев: тип. В. И. Завадского, 1890. [2], 42 с.

Груздева Е. Н. Академик Борис Александрович Ларин (1893–1964). Годы учебы // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 3. С. 80–88.

Груздева Е. Н. Избрание в ординарные академики В. Н. Перетца (Реконструкция событий по архивным материалам) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 253–264.

Домонтович (Виктор Петров) В. Болотная Лукроза (пер. с укр., предисл. и коммент. Инны Булкиной) // Новое литературное обозрение. 2017. № 5. С. 241–267.

Еремин И. П. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле: (Исследования и тексты) // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 59–151.

Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Тексты / сост. В. Н. Перетц. Пг.: Тип. имп. Российской академии, 1917 (Киев: Тип. 2-й Артели печатников). VIII, 489 с.

Кантемир А. Д. Сатира I. На хулящих учения к уму своему // *Кантемир Антиох.* Собрание стихотворений. 2-е изд. Советский писатель, Л., 1956. 545 с. (Б-ка поэта. Большая серия).

Летопись Вечерних высших женских курсов, учрежденных в г. Киеве А. В. Жекулиной. Киев: тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1914. Кн. 1. 89 с.; 1915. Кн. 2. 112 с.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга / подгот. текста, предисл., примеч. М. К. Поливанова. М.: Моск. рабочий, 1990. 559 с.

Назаревский А. А. Из истории Семинария русской филологии проф. В. Н. Перетца (В. М. Отроковский. К 80-летию со дня рождения) // Писемність Київської Русі і становлення української літератури: Збірник наукових праць. Київ: Наукова думка, 1988. С. 272–294.

Назаревський О. Передне слово // Сушицький Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II // Праці з історії письменства давньої України. 1929. Т. 1. С. VII–IX.

Отроковский В. М. Тарасий Земка. Южнорусский литературный деятель XVII века // Сборник ОРЯС. 1921. Т. ХСVI. № 2. 122 с.

Переводы кн. Курбского, и Цицерон / С. Д. Балухатый; (Из филол. семинария акад. В. Н. Перетца). Пг.: Тип. В. Д. Смирнова, 1916. 16 с.

Перетц В. Від редакції // Сушицький Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II // Праці з історії письменства давньої України. 1929. Т. 1. С. V–VI.

Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг.: Academia. 1922. 164 с.

Перетц В. Н. Исследования по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1982. 255 с.

Перетц В. Н. К истории текста «Повести об Акире Премудром» // ИОРЯС. 1916. Т. XXI. Кн. 1. С. 262–278.

Перетц В. Н. Отзыв о сочинении на тему «Повесть о купце Басарге // Университетские известия. Киев, 1914. № 9. С. 37–43.

Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев 30 мая – 10 июня 1915 года: С прил. описания древ. рукописей и старопеч. книг Киево-Выдубицкого монастыря. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1916. [2], 221, [3], 9, [2] с.

Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петрограде 30 января – 7 февраля 1915 года. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1915. [4], 44 с.

Перетц В. Н. Предисловие // Отроковский В. М. Тарасий Земка. Южнорусский литературный деятель XVII века // Сборник ОРЯС. Т. ХСVI. № 2. Пг., 1921. С. III–IV.

Попов Н. П. Иосифово Сказание об ереси жидовствующих по спискам Великих Миней // Известия ОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 1. С. 173–197.

Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1905. Вып. 3. 138 с.

Робинсон М. А. Научная карьера В. Н. Перетца в контексте общественно-политической жизни Киева (от первых лекций в Университете до избрания в Академию наук) // Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 287–328. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.2.01.

Робинсон М. А. Судьба русского киевлянина: письма С. Ю. Кулаковского А. И. Соболевскому (Революция, Гражданская война, первые годы эмиграции) // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 215–246. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.2.04.

Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария – своему руководителю. Л., 1929. 58 с.

Спекторский Е. В. Столетие Киевского университета св. Владимира // Alma mater. Университет Св. Володимира напередодні та в добу української революції 1917–1920. Матеріали, документи, спогади / упор. В. Ульяновський, В. Короткий: У 3-х кн. Київ., 2000. Кн. 1. С. 22–72.

Сушицкий Ф. П. Из лекций по литературе Южной и Западной Руси XV–XVIII вв., читанных на Высших веч. женских курсах в г. Киеве, в весеннем семестре 1914/5 уч. г. Очерк 1: О западно-русских летописях. Киев: тип. «С. В. Кульженко», 1915. 46 с.

Сушицький Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. I // Збірник Історично-філологічного відділу Української Академії наук. Київ. 1921. Вип. 2. I–IV, 136 с.

Сушицький Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II // Праці з історії письменства давньої України. 1929. Т. 1. С. 137–404.

Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев / ред. В. Нехотин. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. 772 с.

Український науковий збірник / Українське наукове товариство у Києві. М., 1915. [Вип. I]. 140 с.

Фільольогічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915. 149 с.

Шахматов А. А. Избранная переписка: в 3 т. / Алексей Александрович Шахматов. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / [отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева; авт.-сост. В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Н. Груздева, А. Е. Жуков]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018 (Studiorum slavicozum orbis; вып. 12). 943 с.

Alma mater. Университет Св. Володимира напередодні та в добу української революції 1917–1920. Матеріали, документи, спогади / упор. В. Ульяновський, В. Короткий: У 3-х кн. Київ, 2000. Кн. 1. 710 с.

References

Alma mater. Universytet Sv. Volodymyra naperedodni ta v dobu ukraïns'koi revoliutsii 1917–1920. Materialy, dokumenty, spohady, ed. by V. Ul'ianovs'kyi, V. Korotkyi, in 3 vols. Vol. 1. Kyïv, 2000, 710 p.

Barabash, Iu. Ia. “Kto vy, Viktor Petrov? V. Domontovich (Petrov) i ego povest' «Bez pochvy»: vse ne to, chem kazhetsia...” *Novyi mir*, 2012, No. 8, pp. 156–174.

Bulkina, I. “«Smutnoi zhizni ten'...» Zabytyi poet: mezhdru filologijei i poeziji.” *Gefter. Internet-zhurnal*, 2017. URL: <http://gefter.ru/archive/21582> (accessed: 10.02 2022).

Bulkina, I. S. “«Ten' nerazgadannogo sikofanta...»” *Gefter. Internet-zhurnal*, 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19371> (accessed: 16.04.2022).

Domontovich (Viktor Petrov), V. “Bolotnaia Lukroza (per. s ukr., predisl. i koment. Inny Bulkinoi).” *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2017, No. 5, pp. 241–267.

Eremin, I. P. “Iz istorii starinnoi russkoi povesti. Povest' o posadnike Shchile: (Issledovaniia i teksty).” *Trudy komissii po drevnerusskoi literature*. Leningrad, 1932, vol. 1, pp. 59–151.

Gruzdeva, E. N. “Akademik Boris Aleksandrovich Larin (1893–1964). Gody ucheby.” *Moskovskii zhurnal. Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*, 2019, No. 3, pp. 80–88.

Gruzdeva, E. N. “Izbraniye v ordinarnyye akademiki V. N. Perettsa (Rekonstruktsiia sobytii po arkhivnym materialam).” *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2018, No. 1, pp. 253–264.

Kantemir, A. D. “Satira I. Na khuliashchikh ucheniia k umu svoemu.” *Kantemir Antiokh. Sobranie stikhotvoreniï*. 2nd ed. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1956, 545 p.

Mandel'shtam, N. Ia. *Vtoraia kniga*, ed. by M. K. Polivanov. Moscow: Mosk. rabochii, 1990, 559 p.

Nazarevskii, A. A. “Iz istorii Seminarii russkoi filologii prof. V. N. Perettsa (V. M. Otrokovskii. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia).” *Pysemnist' Kyïvs'koi Rusi i stanovlennia ukraïns'koi literatury: Zbirnyk naukovykh prats'*. Kyïv: Naukova dumka, 1988, pp. 272–294.

Nazarevskii, O. “Perednie slovo.” *Sushyts'kyi T. P. Zakhidnorus'ki litopysy iak pam'iatky literatury. Part II. Pratsi z istorii pys'menstva davnoï Ukraïny*, 1929, vol. 1, pp. VII–IX.

Peretc, V. “Vid redakcii!” *Sushyts'kyi T. P. Zakhidnorus'ki litopysy iak pam'iatky literatury. Part II. Pratsi z istorii pys'menstva davnoï Ukraïny*, 1929, vol. 1, pp. V–VI.

Peretts, V. N. *Issledovaniia po istorii starinnoi ukraïnskoi literatury XVI–XVIII vekov*. Moscow; Leningrad, 1982, 255 p.

Robinson, M. A. “Nauchnaia kar'era V. N. Perettsa v kontekste obshchestvenno-politicheskoi zhizni Kieva (ot pervykh lektsii v Universitete do izbraniia v Akademiiu nauk).” *Slavianskii al'manakh*, 2019, No. 3–4, pp. 287–328. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.2.01.

Robinson, M. A. “Sud'ba russkogo kievliana: pis'ma S. Iu. Kulakovskogo A. I. Sobolevskomu (Revoliutsiia, Grazhdanskaia voïna, pervyye gody emigratsii).” *Slavianskii al'manakh*, 2018, No. 3–4, pp. 215–246.

Shakhmatov, A. A. *Izbrannaia perepiska: in 3 vols. Vol. 1: Perepiska s F. F. Fortunatovym, V. N. Perettsem, V. M. Istrinym*, ed. by V. G. Vovina-Lebedeva; comp. by V. G. Vovina-Lebedeva, E. N. Gruzdeva, A. E. Zhukov. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018, 943 p.

Sushyts'kyi, T. P. “Zakhidnorus'ki litopysy jak pam'iatky literatury. P. II.” *Praci z istorii' pys'menstva davnoï Ukraïny*, 1929, Vol. 1, pp. 137–404.

Timenchik, R. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev*, ed. by V. Nekhotin. Moscow: Mosty kul'tury; Ierusalim: Geshtarim, 2017, 772 p.

Vernadskii, V. I. *Dnevniky 1917–1921. Oktiabr' 1917 – ianvar' 1920*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 1994, 271 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

M. A. Robinson

**V. N. Peretz as an academic advisor
after moving to Petrograd and his students in Kiev**

Mikhail A. Robinson
Doctor of History, head of a centre
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: m.a.robinson@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3917-1360

Citation:

Robinson M. A. V. N. Peretz as an academic advisor after moving to Petrograd and his students in Kiev // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 279–334 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

Received: 10.08.2022.

Abstract

In the article, based on the letters to V. N. Peretz, stored in his archive, the nature of his relationship with students is revealed. The intrigues of

political ill-wishers did not allow Peretz to transfer part of the Kyiv students to Petrograd, where he was supposed to move after being elected to the Academy of Sciences. However, thanks to active correspondence with V. M. Otkrovsky and F. P. Sushitsky, he continued to be aware of their academic activities. Letters from students give an idea of how Peretz continued to direct their work, what he advised or criticized, how he helped organize through the Department of the Russian Language and Literature of the Academy of Sciences and the Member of the Academy A. A. Shakhmatov supply of academic literature and means for business trips. Letters from both students testify to how responsibly they treated the teacher's assignments, which were mainly related to monitoring the publication in Kyiv of "Reports" on the scientific expeditions of the Seminary. Peretz was also interested in the pedagogical work of the students, especially since it was associated with the women's gymnasium and the Higher Women's Evening Courses of A. V. Zhekulina, where he himself taught and organized the release of two issues of the "Chronicle" informing about the activities of Courses. Both of his students died during the Civil War, before they could finish their main academic research. Peretz managed to publish the end of Sushitsky's dissertation in Ukraine. The translation of Otkrovsky's work into Ukrainian was not made, and its publication in Ukraine turned out to be impossible. The fate of his extensive work on the 17th century novel "About the merchant Basarga and his son Borzosmysl" remains unknown until now.

Keywords

Correspondence, V. N. Peretz, V. M. Otkrovsky, F. P. Sushitsky, A. V. Zhekulina, Ukraine.

УДК 94(430).062
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.01

Г. С. Рагозин

«Средневековье на службе Империи»: образы чешской, венгерской и польской истории в сочинениях Франца Грильпарцера (1825–1830 гг.)

Рагозин Герман Сергеевич
Кандидат исторических наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова
163000, пр. Ломоносова, 2, Архангельск, Российская Федерация
E-mail: gragozin92@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8695-4096

Цитирование:

Рагозин Г. С. «Средневековье на службе Империи»: образы чешской, венгерской и польской истории в сочинениях Франца Грильпарцера (1825–1830 гг.) // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 335–355. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.01

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Аннотация

Статья посвящена образам негерманских народов Австрийской империи в художественной литературе эпохи романтизма. Автор анализирует некоторые сюжеты из творчества австрийского писателя и драматурга Франца Грильпарцера, который обращался к истории Чехии, Венгрии и Польши Средних веков и раннего Нового времени. В центре внимания – драмы «Величие и крах короля Оттокара» и «Верный слуга своего господина», а также рассказ «Сандомирский монастырь», которые сыграли большую роль в формировании картины прошлого негерманских владений династии для ее подданных. Особенности репрезентации чехов, венгров и поляков были обусловлены, как показывает автор, господством романтизма и медиевализма в общественной и политической жизни Европы и державы Габсбургов. Интерес к эпохе Средневековья был типичен и для национальных движений, и для официальной историографии. Грильпарцер продвигал ее тезисы с позиций австрийского консерватизма, и поэтому его сочинения работали на цементирование габсбургского мифа и «органического устройства» государства. Автор приходит к заключению, что обращение Ф. Грильпарцера к сюжетам

средневековой истории Чехии и Венгрии, а также Речи Посполитой восполняло пробел в официальной исторической памяти, где превалировал акцент на австрийских немцев и династию Габсбургов. Грильпарцер апеллировал к династическому патриотизму и легитимизму, так как Чехия, Венгрия и Польша представляли жертвами раскола элит. Мобилизация средневековых нарративов была призвана проиллюстрировать этот тезис, а также продвигать официальную концепцию истории империи Габсбургов.

Ключевые слова

Австрия, монархия Габсбургов, предмартовская эпоха, Бидермайер, Франц Грильпарцер, консерватизм, романтизм, историческая память, литература, медиевализм.

Проблематика исторической политики, в т. ч. в условиях полиэтничного государственного образования, остается злободневной в нынешнее время. Европейский союз испытывает постоянные сложности в отношении целого ряда стран Центрально-Восточной Европы и Балтии, чьи взгляды на отдельные события и процессы в прошлом считаются противоречащими ценностям ЕС. Действия этих стран, а также допущенные Брюсселем ошибки на этом направлении в очередной раз подчеркивают необходимость переосмысления того, как создавался нарратив общего прошлого. Наиболее частым является обращение к опыту монархии Габсбургов как политического и идеологического феномена консолидации различных по этноконфессиональному составу общностей. Для исследования такой модели важно реконструировать формировавшиеся образы разных этнических и конфессиональных общностей в контексте складывания общеимперской идентичности. Интерес к данной теме обусловлен и переосмыслением тезисов официальной историографии XX в. в ряде стран Центральной и Восточной Европы, а также вниманием к концепту «соседства» различных народов и регионов¹.

Одним из наиболее острых вопросов остается обращение к исторической памяти и сюжетам «общего прошлого». Для первой трети XIX в. таковым являлось Средневековье, поэтому изучение медиевализма и его идеологического преломления предстает актуальным

¹ *Зуптан А.* Тысяча лет соседства австрийцев и чехов: взгляд из Австрии. М.; СПб., 2021; *Obraz němců, Rakouska a Německa v české společnosti 19. a 20. století.* Praha, 1998.

и значимым. Повторное обращение к медиевализму, в т. ч. с политическим подтекстом в нынешнее время, подкрепляет актуальность исследования. В пользу этого говорит публикация в последние годы фундаментальных работ, где косвенно или прямо исследуется феномен «мобилизованного Средневековья», т. е. привлечения медиевализма на службу национальным или консервативным движениям XIX в. Тематика медиевализма связана также с исследованием исторической памяти, так как историки, писатели и общественные деятели апеллировали к образам прошлого, в т. ч. средневекового². В случае с империей Габсбургов поднималась проблема «совместных сюжетов», а также восприятия отношений государства и общества в Средние века. В целом остается нераскрытой проблема оформления «общего прошлого» с опорой на медиевализм, в т. ч. в художественной литературе консервативной ориентации, которая стремилась интегрировать столь разнородные в этнокультурном плане общности империи Габсбургов.

Исследование образов Средневековья, которые складываются в Центральной и Восточной Европе начиная с периода романтизма в процессе формирования национализмов в Европе, связано с конструированием «национальной» истории, национального пантеона памяти и демаркации «свой – чужой» средствами исторического знания³. Его сопровождало обширное патриотическое мифотворчество и продвижение в обществе, что оказывало влияние на ситуацию в поликонфессиональных и полиэтничных империях, нередко усугубляя в них кризисные явления. В то же время медиевализм был актуален и для официального патриотического дискурса, например Франца Грильпарцера, с позиций легитимизма и миссии монархии Габсбургов.

В истории Габсбургской империи, в целом слабо изученной, остается круг проблем, связанных с ролью и процессом инкорпорации образов негерманских общностей в историческую память Империи. Особенно остро эта проблема стояла в так называемую Предмартовскую эпоху (1815–1848), когда начали свою деятельность сторонники «национальных возрождений»⁴ – как ученые, так и деятели культуры.

² *Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М., 2017.

³ *Мобилизованное Средневековье. Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах.* СПб., 2021. Т. 1. С. 5–16.

⁴ *Алимов Д. Е.* Становление национализма в Центрально-Восточной Европе и медиевализм. Просвещение и открытие Средневековья // *Мобилизованное средневековье...* С. 125–129.

Продвижение официального представления об империи Габсбургов как «семье народов» требовало существенных усилий политического руководства и связанных с ним консервативных мыслителей, политиков, общественных активистов и художников⁵. Ситуация начала обостряться уже в 1819 г., когда в ответ на убийство связанного с консервативными кругами Германии Августа Коцебу были приняты Карлсбадские постановления, нацеленные на устранение несогласных с официальной позицией писателей, книгоиздателей и профессоров университетов. Однако канцлер Австрии Клеменс фон Меттерних осознавал, что чисто репрессивными мерами противодействие национальным движениям невозможно⁶. Поэтому значительный акцент делался на создании позитивного образа Империи, идеализации этнополитической ситуации в ней. Средствами решения такой задачи стали пресса, исторические сочинения и учебная литература, а также беллетристика и театр.

Одной из самых трудных проблем стало продвижение образов негерманских общностей в немецкоязычном пространстве империи. Несмотря на то, что немецкий язык доминировал в державе Габсбургов как язык делопроизводства, культуры, образования и двора, в первой половине XIX в. этот статус нуждался в поддержании. Причина этого – не только в стремлении негерманских народов к признанию равного статуса своих языков, но и в вопросе о месте австрийских немцев как в Империи, так и в Германском союзе. Для консервативного движения позиция немецкоязычного сообщества также была предметом долгой и болезненной дискуссии. Однако взгляды Фридриха фон Генца, Адама Мюллера и Йозефа фон Хормайра, которые стали

⁵ *Kronebitter G.* Friedrich von Gentz und Metternich // *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute.* Graz-Stuttgart, 1999. S. 71–88; *Buchmann B. M.* Das Dilemma des Konservatismus in der beginnenden Moderne // *Konservatismus in Österreich...* S. 89–108; *Almásy G.* Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the Early nineteenth century // *The Hungarian historical review.* 2016. Vol. 5. No 2. P. 225–249; *Řezník M.* The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Wladiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria // *Hungarian History Review.* 2016. Vol. 5. No 2. P. 250–276.

⁶ *Робин К.* Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин. М., 2013; *Siemann W.* Metternich. Strategie und Visionär. Eine Biographie. München, 2016.

опорой для императора Франца I и канцлера Меттерниха, базировались на идее сохранения державы Габсбургов как «семьи народов»⁷. В пользу этой интеграционной концепции собирались политические, философские и исторические аргументы, а также велась критика как в отношении национально-патриотических движений негерманских народов, так и либеральных оппонентов в среде австрийских немцев. Доказательства консервативного лагеря доносились до немецкоязычной общественности посредством официальных печатных изданий, эти задачи решало школьное образование, художественная литература и театральные постановки. Они также использовались и национальным лагерем для формирования образов своих общностей как имеющих право на существование и самоопределение.

Консервативные политические круги монархии в литературе и драматургии Империи представлял Франц Грильпарцер. Его роль во многом сопоставима с основоположниками австрийского консерватизма, особенно с Йозефом фон Хормайром. Грильпарцер, как и он, был юристом по образованию и имел значительный опыт государственной службы. Отличало его от Хормайра место учебы: Грильпарцер окончил столичный Венский университет, в то время как бывший советник Андреаса Хофера учился в Университете Инсбрука⁸. Как и Хормайр, Грильпарцер служил в государственных архивах империи в Вене.

К прошлому монархии Габсбургов и вошедших в нее общностей Грильпарцер обратился позднее Хормайра, а именно в 1820-е гг. До этого драматург ограничивался пьесами на сюжеты античной, в основном древнегреческой, истории и мифологии. Однако в середине 1820-х гг. Грильпарцер заявил о себе как о стороннике габсбургского мифа и исторической миссии этой династии, а также ее Империи. Позже его внимание привлекли история Чехии, Венгрии и Польши. Творчество Грильпарцера в большей степени предстает изученным литературоведами, театральными критиками и историками искусств,

⁷ *Gentz F. von.* An die Deutschen Fürsten und an die Deutschen. Leipzig, 1814; *Müller A.* Kaiser Franz I. von Österreich (1816). Цит. по: Adam von Müllers gesammelte Schriften. München, 1839. Bd. 1. S. 370–408.

⁸ *Рагозин Г. С.* Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр – идеолог и участник Тирольского восстания 1809 г. // *Французский ежегодник – 2020. Войны и революции в Новое время.* С. 121–136; *Рагозин Г. С.* Идея наднациональной идентичности в сочинении Й. фон Хормайра «Австрийский Плутарх» // *Известия Уральского федерального университета.* Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 3. С. 9–21.

чем исследователями интеллектуальной истории, общественной мысли и нациестроительства⁹.

Рассмотрим несколько произведений Франца Грильпарцера, опубликованных в период 1825–1830 гг.: «Величие и крах короля Оттокара», «Верный слуга своего господина» и «Сандомирский монастырь». Несмотря на то, что первые два из них являются пьесами, а последнее – рассказом, мотивы и идеи, которые автор вкладывает в уста героев, отличает определенная общая тенденция. Образы чешских, венгерских и польских исторических деятелей были нацелены на формирование необходимого общественного мнения по целому ряду злободневных для того времени вопросов. В частности, ясно прочитывалась установка автора на создание позитивного образа династии Габсбургов в Империи и утверждение ее легитимности в глазах как немецкоязычной общности, так и негерманских народов. Вторая идея также была прозрачна: лояльность народов в отношении Габсбургов и их Империи. Лейтмотивом стало также утверждение сопричастности разнородных групп общему благу Империи, а также прославление позитивного исторического опыта их взаимодействия.

Все три сочинения вышли в свет в тот период, когда австрийский консерватизм как идеология был политически состоятелен в своей первой редакции. До начала 1830-х гг. активно работали Фридрих фон Генц, Адам Мюллер, а также историограф Йозеф фон Хормайр. Однако в связи с эмиграцией последнего в Баварию, а также смертью Мюллера и уходом из политической жизни Генца консервативная «партия» начала сдавать позиции. Это было связано с отсутствием новых доктринальных ответов национальным движениям и ростом их активности. Смерть императора Франца I, бывшего «живым символом» этой идеологии для ее основателей, сделала положение консервативных сил крайне тяжелым¹⁰. После этого государственный аппарат державы Габсбургов, включая высшее

⁹ Беловодский С. А. Франц Грильпарцер. Ранний период творчества (психотип и проблемы творческой самореализации). Воронеж, 2003; Чавчанидзе Д. Л. Античное и средневековое в дневниках Франца Грильпарцера // Балтийский филологический курьер. 2004. № 4. С. 93–100; Pizer J. “Last Austrians” in “Turn of the Century” works by Franz Grillparzer, Joseph Roth, and Alfred Kolleritsch // German Quarterly. 2001. Vol. 74. No 1. P. 8–21.

¹⁰ Lindmayr-Brandl A. Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser // Die Repräsentation der Habsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918. Wien, 2017. S. 38–61.

руководство, столкнулся с идеологическим, а затем и политическим кризисом. В марте 1848 г. он перешел в острую фазу, и старая консервативная парадигма оказалась не в состоянии на него ответить.

Сначала в 1825 г. вышла из печати и сразу была поставлена драма «Величие и крах короля Оттокара». Т. е. первой негерманской общностью, на которую обратил внимание Грильпарцер, стала чешская. Постановка касалась Габсбургского мифа, а именно прихода этой династии к власти на позднем этапе войны за наследство Бабенбергов в 1246–1278 гг. Замысел драматурга состоял в акцентации легитимности и справедливости прихода династии к власти в Австрии и Империи. При этом история Чешского королевства представляла частью истории герцогства, а расцвет Чехии в XIII в. олицетворял образ короля Пржемысла II Оттокара – с его претензиями на лидерство в Священной Римской империи и обладание Австрией, Штирией, Каринтией и Крайной.

Король Пржемысл II Оттокар выступал как персонифицированный образ Чехии. При этом в самом начале драмы Грильпарцер противопоставил «чеха» и «немца»: последний, в представлении драматурга, будит находящегося «во сне» первого, что указывает на частое пребывание и короля, и его страны в плену иллюзий¹¹. Таковыми Грильпарцер посчитал претензии Оттокара на одну из главенствующих ролей Чехии в Европе и мире своего времени. Король в изображении писателя требовал признать за своей столицей то же значение, что и «Парижа, Кёльна, Лондона и Вены»¹². Претензии Оттокара на «величие», по мнению автора, заключались не только в стремлении обрести короны Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны, для чего он решил на брак с одной из немногих оставшихся женщин из рода Бабенбергов – Маргаритой, бывшей супругой Римского короля Генриха VII Гогенштауфена. Высшей точкой амбиций монарха-чеха виделась *Restauratio Imperii* Карла Великого¹³. Однако Оттокар в пьесе Грильпарцера демонстративно отказался лично брать корону в свои руки, апеллируя к сословиям, которые должны его пригласить и избрать. В этом можно усмотреть прямое проявление романтизма и медиевализма – образ «органического устройства» государства и монарха, признаваемых подданными.

Появление на сцене Рудольфа Габсбурга, в итоге избранного Римским королем, и становится «крахом короля Оттокара». Чешскому

¹¹ Grillparzer F. König Ottokars Glück und Ende. Trauerspiel in fünf Aufzügen. Wien, 1825. S. 15.

¹² Ibid. S. 16.

¹³ Ibid.

королю, как и многим другим германским князьям¹⁴, было предписано вернуть все лены, которые были получены во время «междоусобицы». Лишь при утверждении Рудольфом они могли быть вновь переданы обратно, на что Оттокар ответил отказом. Последующие события, в т. ч. битва при Дюрнкруте 1278 г., были изображены Грильпарцером как «восстановление справедливости» в отношении Австрии и наказание Оттокара за «гордыню»¹⁵. Однако король предстал жертвой как своей последней супруги Кунигунды Венгерской, на которую прямо возлагалась вина за подстрекательство, так и своих вассалов. Последних драматург и изобразил его убийцами¹⁶. Грильпарцер также подчеркнул уважение Рудольфа к рыцарской чести павшего противника, отдавшего в качестве савана для него свою мантию¹⁷.

Так был поставлен на службу официальному мифу правящей династии сразу целый набор идей, выраженный в литературно-художественной форме. Первой было «мобилизованное Средневековье», характерное для романтической литературной и историографической традиции первой трети XIX в. Эта пьеса Грильпарцера стала одним из главных проявлений медиевализма в консервативно ориентированной романтической литературной традиции. Вторая идеология – «органическая связь» монарха и сословий: именно с их согласия Оттокар, в представлении драматурга, был должен взойти на трон Римского короля, и именно так вышел на авансцену Рудольф Габсбург. Третья – мысль о легитимизме и восстановлении справедливости: финал Пржемысла II Оттокара глазами Грильпарцера виделся закономерным завершением неоправданных амбиций.

Действия и поведение короля представляли «гордыней», что в условиях неоконфессионализма и неойозефинизма первой половины XIX в. в их австрийском проявлении лишь узаконивало действия Рудольфа. Это в значительной мере перекликается с той концепцией прихода Габсбургов к власти, которую сформулировал в «Австрийском Плутархе» один из главных историографов империи первой трети XIX в. Йозеф фон Хормайр¹⁸. Оттокар изображался как несправедливо поступивший по отношению к Маргарите Бабенберг, сестре последнего герцога

¹⁴ Чехия входила в состав Священной Римской империи, хотя и была де-факто независима до битвы при Белой Горе 1620 г.

¹⁵ Grillparzer F. König Ottokars... S. 160–188.

¹⁶ Ibid. S. 188.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien, 1812. Bd. 19, 20.

Австрии из этой династии Фридриха II. Поэтому с позиции Грильпарцера и тогдашнего политического дискурса финал чешского короля оказывался справедливым.

Образ Чехии той эпохи в драме «Величие и крах короля Оттокара» представлял многоплановым. Грильпарцер сделал акцент на растущей роли королевства в Европе и мире своего времени, но при этом назвал планы его правителя следствием «пробывания в плену иллюзий». По мнению драматурга, именно поэтому Оттокар вмешался в дела Австрии, что и стало началом его краха. Стремление стать «вторым Карлом Великим», восстановителем имперского и европейского порядка лишь привело Оттокара к гибели, а Чехию – к последующему династическому кризису начала XIV в. В то же время готовность Оттокара противостоять новому вероятному нашествию монголов не отрицалась Грильпарцером, поэтому его «сопричастность» рыцарскому долгу и делу Империи не ставилась под сомнение. Тем не менее королевство с имперскими амбициями, как считал писатель, столкнулось с закономерным сопротивлением со стороны Римского короля Рудольфа Габсбурга и австрийской знати, поддержавшей его. Это был пример соседа – исторического противника, затем ставшего союзником по мере изменения обстановки в Европе во второй половине XV – начале XVI вв.

Изображение другой негерманской общности находим в рассказе Грильпарцера «Монастырь под Сандомиром». Он был заявлен как написанный «по мотивам реальной истории». Сюжет обращал читателя ко временам Великой турецкой войны 1683–1699 гг., и речь шла о поляках. Рассказ представлял собой путевые заметки двух посланников императора Леопольда I, направленных ко двору польского короля Яна Собеского¹⁹. Грильпарцер создавал образ поляков для немецкоязычного читателя в Империи, сделав особый акцент на двух польских сословиях: шляхте и духовенстве. Так что и этот текст носил отпечаток неойозефинизма 1820-х гг., особенно в свете «дела Больцано»²⁰: тогда трактовка теологических вопросов

¹⁹ Grillparzer F. Das Kloster bei Sandomir. Цит. по: Grillparzers sämtliche Werke. Stuttgart, 1872. Bd. 8. S. 1.

²⁰ Преследование профессора теологии Карлова университета в Праге Бернарда Больцано и его «рационалистической теологии» не только стало примером исполнения «Карлсбадских постановлений», на основании которых оппозиционные интеллектуалы отстранялись от работы в университетах Германского союза, но и объяснялось ростом вмешательства государства в дела Римско-католической церкви в Австрийской

в отличной от официальной позиции манере подверглась осуждению. Более того, польский вопрос для монархии Габсбургов в это время начал обостряться в той же мере, что и для Российской империи, и это поднимало проблему восприятия поляков как части «семьи народов». Возникало опасение крупного восстания, в случае которого ставилась под вопрос территориальная целостность империи. Для Грильпарцера и идеологов консерватизма в Австрии это, конечно же, не могло быть предметом обсуждения. Поэтому писатель и принялся за изображение поляков как равноценной части «семьи» под властью Габсбургов, хотя и не без критики тех порядков, которые господствовали в Речи Посполитой ранее.

Польские земли и польская общность глазами двух посланников Леопольда I представляли без акцента на их чуждости, отчуждения, но с критикой. Речь Посполитая выступала союзником в войне против Османской империи 1683–1699 гг., а польский король признавался «спасителем Вены». Наряду с этим создавался образ католической страны: на фоне соседних с ней протестантских государств Северной Германии Польша изображалась «благочестивой» страной, как и Австрия. Появление новых монастырей в Речи Посполитой на месте шляхетских владений Грильпарцер сравнил с аналогичным процессом в империи Габсбургов²¹. Т. е. «торжество Контрреформации» современником «Католического обновления» 1820-х гг. полагалось обоснованным и подлежащим распространению. К тому же оба посланника, будучи ветеранами войны, проецировали свой личный опыт на «поляка». Обилие монастырей, в которых можно было остановиться как путнику, так и паломнику, преподносилось Грильпарцером скорее как проекция образа Австрии – «монашеской страны»²² – на Речь Посполитую.

Однако описанное в рассказе знакомство двух посланников с польскими социальными реалиями демонстрировало контраст с образом «доброго» союзника. Польская шляхта глазами послов императора изображалась хоть и «спаянной» и «мужественной на поле боя», но «дикой»²³. Солидарность шляхтичей ужалась их

империи. Такая политика 1820-х гг. получила название «неойозефинизм», так как считалась подобной давлению на церковь, наступлению на ее функции и иерархию при императоре Иосифе II в 1780–1790 гг.

21 Grillparzer F. Das Kloster... S. 4.

22 В обиходе было и неофициальное название *Klösterreich*, т. е. «страна монастырей».

23 Grillparzer F. Das Kloster... S. 8.

«чрезмерной гордыней и уязвленным понятием чести». Общение посланников с монахами в монастыре у Сандомира показывало Варшаву «злым городом», где царили «хаос и несправедливости»²⁴. Польскую государственность герои произведения восприняли как «разрушаемую» по причине конфликтов шляхты между собой и созывов конфедераций несогласных. Для подданных Габсбургов подобное было уже невозможно, поэтому Грильпарцер трактовал это положение вещей как свидетельство упадка государства.

Понятие шляхетской «чести» Грильпарцер представил как оправдание жестокости. Его дополняло неверие поляков, как магнатов, так и менее знатных, в справедливость верховной власти – такие заключения должен был сделать читатель из слов настоятеля монастыря у Сандомира. Подозрение в «позоре» супруги шляхтича Старженского Эльги и его непростые отношения как с палатином Плоцка, так и с женой оттолкнули посланников Леопольда I от монастыря. Истории об убийстве Эльги, подозревавшейся в супружеской измене, а затем о принятии Старженским пострига и основании им обители на месте своих владений отражали амбивалентный образ Польши и поляков в Австрии²⁵. В рассказе настоятеля факты были изложены таким образом, что эмиссары разобрались в ситуации лишь после того, как покинули монастырь, и решили не проезжать через него на обратном пути в Вену.

Обитель в изложении Грильпарцера стала собирательным образом Польши и поляков для немецкоязычного читателя 1820-х гг. В этом произведении имели место такие позитивные характеристики «другого», как верность католицизму, богатство монастырских обителей и их готовность поддержать паломника или гостя, содействие созданию новых обителей в стране, а также мужество на поле боя. Все это вписывалось в рамки «мобилизации Средневековья» как инструмента официальной идеологии в Австрии. Однако в глазах Грильпарцера эти характеристики нивелировались жестокостью польской шляхты, беззаконием и анархией в Речи Посполитой. С позиции писателя, подобное поведение вело польское государство к гибели и обесценивало его позитивные черты. Так был сконструирован амбивалентный образ общности, которая проживала в одной Империи с австрийскими немцами.

Самой поздней по времени создания из выбранных произведений Грильпарцера является драма «Верный слуга своего господина», которая была поставлена в 1830 г. Ее сюжет связан с историей Венгерского

24 Ibid. S. 9–10.

25 Ibid. S. 36–39.

королевства начала XIII в. и посвящен отношениям королевской власти и аристократии в 1205–1213 гг. Главным героем выступает король Андраш II (1205–1235), а «антиподом» предстает его супруга, Гертруда Меранская, которая действует вместе со своим братом Оттоном. Таким образом, как и в случае с Чехией в «Величии и крахе короля Оттокара», Грильпарцер, конструируя образ Венгрии XIII в., вводит интересных зрителям своего времени персонажей из аристократической среды и королевской семьи.

Грильпарцер обращается к таким проблемам, как конфликты аристократии и их влияние на положение королевской власти в стране. Поход Андраша II в Галицко-Волынское княжество и фактическое правление вместо него его супруги Гертруды вместе с Оттоном Меранским – вот какой момент истории привлек Грильпарцера. Он переключался с противоречиями правительства в Вене и венгерских элит, а также канцлера Меттерниха и венгерского национального движения, что накладывало отпечаток на восприятие сюжета²⁶. То понимание австрийской идентичности, которое ранее, в 1804–1830 гг., предлагали консерваторы Фридрих фон Генц, Адам Мюллер и Йозеф фон Хормайр, уже не привлекало элиту разных этнических общностей. Поэтому Грильпарцер своей постановкой пытался привлечь внимание немецкоязычной аудитории к венгерской общности как «своей».

Отношения венгров и немцев в державе Габсбургов были в 1830 г. не новой проблемой, но в это время обнаружилась тенденция к их обострению. Детонатором послужило начало Июльской революции во Франции, ставшее поводом к активизации венгерского национального движения. Поэтому образ венгров, который тиражировал Грильпарцер, был неразрывно связан с осмыслением немецко-венгерского соседства как сложного и многогранного феномена начиная со Средних веков. Драматург опирался на стереотип о Венгрии как стране с элементом анархии²⁷, что сближало ее образ с восприятием Польши. Такой историограф Габсбургов, как Йозеф фон Хормайр, изображал власть короля в Венгрии слабой, зависимой от противостояния магнатских группировок²⁸.

26 *Kann R. A.* Das Nationalitätenproblem der Haabsburgermonarchie. Graz; Köln, 1964. Bd. 1. Das Reich und die Völker. S. 164; *Siemann W.* Metternich... S. 630–638.

27 *Grillparzer F.* Ein treuer Diener seines Herrn. Trauerspiel in fünf Aufzügen. Wien, 1830. S. 5.

28 *Hormayr J. von.* Österreichischer Plutarch... Bd. 18. S. 110–199.

Андраш II предстает у Грильпарцера в архетипическом образе «слабого короля», зависимого от знати, в т. ч. привлеченной супругой – Гертрудой Меранской. Его уход на войну в Галицко-Волынское княжество привел к усилению роли Гертруды в венгерской политике. Грильпарцер опирался на стереотип, который появился еще в XIII в., о том, что женщина в отсутствие супруга правила подобно ему, «как мужчина»²⁹. В вину ей также ставили нарушение местных обычаев и законов. Это вызвало в среде венгерской аристократии протесты против королевы-«немки», выразителем которых стал Банк Бар-Калан³⁰. Поводом для недовольства стало привлечение Гертрудой к управлению страной невенгерской знати и раздача ей владений, где та правила, не соблюдая венгерских обычаев и законов. Т. е. Банкбан выступал здесь как поборник сильной королевской власти в противовес феодальной децентрализации, что, как представляется, было прямым отражением консервативных идей первой трети XIX в.

Венгрия в этой ситуации изображалась страной, где писаное право не имеет такой силы, как обычай. Поэтому апелляция к «верности своему господину» здесь играла доминирующую роль³¹. Законность в Венгрии Грильпарцер понимал как сохранение верности правящему монарху. Это тоже было осмыслением идеологии австрийского консерватизма его времени. Противостоящим «лояльности монарху» изображается при этом «немец» – Оттон Меранский, брат Гертруды. Таким образом, Грильпарцер, оперируя наднациональной природой консервативной идеологии в Австрии, ставит лояльность правящему дому превыше всего.

Однако, несмотря на это, писатель конструировал образ Венгрии как страны, в которой правила «необузданного нрава» аристократия, где интриги, беззаконие, апелляции к силе считались обычным явлением³². Венгерская общность империи предстала заложником своих национальных особенностей, например допустимости внесудебной расправы над «нарушителем чести». Именно таковой и являлась месть Банкбана Гертруде за убийство жены Оттоном Меранским. Месть стала и поводом к восстанию против «немцев, творящих беззаконие»³³. Несмотря на то, что Грильпарцер осуждал идею восстания против

29 *Grillparzer F.* Ein treuer Diener... S. 34–35.

30 Также известен как Банкбан в венгерской исторической традиции.

31 *Grillparzer F.* Ein treuer Diener... S. 35–36.

32 *Ibid.* S. 5.

33 *Ibid.* S. 94–96.

законной власти в принципе, он подводил читателя и зрителя к тому, чтобы принять сторону «бунтовщика» – «верного слуги своего господина», так как это был бунт за «восстановление законной власти короля». Так писатель продемонстрировал знакомство с «тирольским мифом» в официальном прочтении³⁴ и спроецировал его на Венгрию.

Стремление Банкбана «восстановить законность», т. е. привлечь Оттона Меранского к ответу за убийство жены, стало проявлением «верности господину», хотя фактически оно изображалось как элемент борьбы магнатских группировок за влияние на Андраша II. Апелляция к королю как воплощению законности изображалась как действие, направленное на укрепление государства и устранение в нем «чуждого» влияния, в основном «немецкого»³⁵. Однако здесь этого не удалось достичь, так как знать Венгрии раскололась и увязла в череде усобиц. Убийство Гертруды заговорщиками, среди которых был и Банкбан, показано как «неудивительное» для Венгрии применение силы. Этот сюжет требовал переосмысления проблемы насилия и подстрекательства к нему в политике. Ранее та же проблема была затронута в «Величии и крахе короля Оттокара», где последняя супруга чешского монарха Кунигуда была представлена как подстрекательница к конфликту против Рудольфа Габсбурга. «Патриотизм» в таких условиях в Венгрии, как его изобразил Грильпарцер, был возможен только «снизу», т. е. вне деструктивного поведения аристократии, в пользу чего говорил девиз одного из солдат «Венгрия и сила»³⁶. Король Андраш II в конце пьесы предстает хотя и «слабым правителем», но «не узнавшим свою страну» по возвращении из похода³⁷. Грильпарцер изобразил монарха как не имевшего представления о том, каково положение дел в среде аристократии, в его отсутствие дравшейся за власть в королевстве. Здесь обнаруживается апелляция писателя как идеолога консерватизма к «органическому устройству», на фоне идеализации которого политическая ситуация в Венгрии представляла «анархией». «Мятеж Банкбана», как его показал Грильпарцер, оказался «восстановлением законности». Однако последующие события, в т. ч. террор Андраша II и его сына Белы IV в стране, драматург оставил за пределами сюжета.

34 Оно неразрывно связано с именем Йозефа фон Хормайра, идеолога Тирольского восстания 1809–1810 гг. под руководством Андреаса Хофера против Наполеона и баварских властей.

35 Grillparzer F. Ein treuer Diener... S. 94.

36 Ibid. S. 124.

37 Ibid. S. 133.

Обращение Франца Грильпарцера к истории Чехии, Польши и Венгрии в 1820-е гг. не было новым явлением в общественной мысли эпохи романтизма. Историки также обращались к подобным сюжетам, имеющим отношение к странам, полностью или частично находившимся в составе державы Габсбургов. Особое внимание уделялось проблемам средневековой истории Чехии, Польши и Венгрии. Однако продвижение официального взгляда требовало использования специфических приемов, и драматургия вкупе с литературой принимали активное участие в решении этой задачи, в т. ч. усилиями Франца Грильпарцера.

Таким образом, на примере творчества консервативного писателя мы можем увидеть основные особенности медиализма в его австрийском понимании: прямо или косвенно затрагивались проблемы и сюжеты времен Средних веков, или их переосмысление в обществе более поздних эпох. Средневековая история всех трех, чешской, польской и венгерской, общностей изображалась как «сопричастная» истории Австрии: делались акценты либо на соседство народов, как это было с Венгрией и Чехией, либо на борьбу с общей угрозой, как в случае с Польшей. Так создавалось «общее прошлое» наций, а их пребывание в одном государстве изображалось закономерным и необходимым. При этом как прямо, так и подспудно тиражировались идеи династического легитимизма: монархия, особенно в лице Габсбургов, представляла гарантом сохранения государства, порядка и общества в целом. Аристократия в венгерской и польской общностях изображалась Грильпарцером с долей критики, при этом интриги, междоусобицы и кровная месть осуждались писателем как главные черты и последствия слабой королевской власти.

Все три сочинения также акцентировали миссию Австрии по сохранению чехов, венгров и поляков как этнических общностей в условиях нестабильной обстановки в Европе. В них показывалось, что с приходом Габсбургов междоусобицы постепенно сходили на нет, и это воспринималось как позитивное явление. Габсбурги выступали гарантами мира в Центральной и Восточной Европе, спасителями от взаимного уничтожения в ходе войн. Грильпарцер как сторонник консервативной идеологии прямо апеллировал к историографическому контексту своего времени, развиваемому Йозефом фон Хормайром: объединение ряда стран Центральной, Восточной и Южной Европы под властью австрийской династии представляло торжеством легитимизма, способствовало установлению мира и законности в этих землях. При этом консерваторы формировали представление о континуитете

от династий, правивших там ранее, к Габсбургам. И эта преемственность должна была восприниматься как благо по отношению ко всем общностям империи.

Однако, помимо сходств, были и различия в конструируемых образах трех стран. Например, особый акцент на верности католицизму делался при описании Польши и поляков в рассказе «Монастырь у Сандомира». Роль церкви в сюжетах остальных двух произведений почти не была отражена. Обращение к борьбе Пржемысла II Оттокара и Рудольфа Габсбурга за Австрию позволяло обосновать легитимность прихода потомков последнего к власти сначала в Чехии, а затем и в Империи. Но при этом подчеркивалась важность чешской общности для сохранения баланса сил в Центральной Европе. Венгерская общность предстает как раздираемая беззаконием и анархией из-за усобиц аристократии, и потому автократическое правление монарха Грильпарцер полагал там необходимым. То же самое писатель доказывал и в отношении Польши.

Художественные произведения Франца Грильпарцера, утверждая консервативную идеологию и будучи составляющей «системы Меттерниха», несомненно, выполняли свою функцию консолидации этнических общностей империи под властью Габсбургов. Выбранные писателем и драматургом сюжетные линии из средневековой истории монархий – предшественниц державы Габсбургов обосновывали необходимость наличия над национальными общностями монарха – «главы семьи народов», лояльность которому ценилась выше, чем верность устоям своей общности. Так Грильпарцер продвигал идею династического патриотизма в качестве гарантии сохранения Империи, в рамках которой сосуществовали и немцы, и негерманские народы. Подобная лояльность была также условием сохранения от внутренних и внешних угроз. Однако с уходом австрийских идеологов консерватизма – Фридриха фон Генца, Адама Мюллера и Йозефа фон Хормайра – поддержание такой системы взглядов требовало либо более активного ее продвижения, либо переосмысления. Но этого не произошло, и сочинения Грильпарцера не смогли предотвратить кризис консервативной идеологии в Австрии, апогеем которого стали революции 1848–1849 гг.

Источники и литература

Алимов Д. Е. Становление национализма в Центрально-Восточной Европе и медиевализм. Просвещение и открытие Средневековья // Мобилизованное средневековье. Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д. Е. Алимова, А. И. Филюшкина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2021. Т. 1. С. 125–129.

Беловодский С. А. Франц Грильпарцер. Ранний период творчества (психотип и проблемы творческой самореализации). Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2003. 186 с.

Езерник Б. Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. 358 с.

Зуппан А. Тысяча лет соседства австрийцев и чехов: взгляд из Австрии / пер. с нем. А. А. Ждановской; отв. ред. Н. Н. Станков, О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 416 с.

Мобилизованное Средневековье. Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д. Е. Алимова, А. И. Филюшкина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2021. Т. 1. 476 с.

Рагозин Г. С. Идея наднациональной идентичности в сочинении Й. фон Хормайра «Австрийский Плутарх» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 3. С. 9–21. DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.042.

Рагозин Г. С. Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр – идеолог и участник Тирольского восстания 1809 г. // Французский ежегодник – 2020. Войны и революции в Новое время. С. 121–136. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-121-136.

Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 312 с.

Чавчанизде Д. Л. Античное и средневековое в дневниках Франца Грильпарцера // Балтийский филологический курьер. 2004. № 4. С. 93–100.

Almási G. Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the Early nineteenth century // The Hungarian historical review. 2016. Vol. 5. No 2. P. 225–249.

Buchmann B. M. Das Dilemma des Konservatismus in der beginnenden Moderne // Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999. S. 89–108.

Gentz F. von. An die Deutschen Fürsten und an die Deutschen. Leipzig: o.V., 1814. 22 s.

Grillparzer F. Das Kloster bei Sandomir. Цит. по: Grillparzers sämtliche Werke. Stuttgart: Cotta, 1872. Bd. 8. S. 1–39.

Grillparzer F. Ein treuer Diener seines Herrn. Trauerspiel in fünf Aufzügen. Wien: Bei Wallishausser, 1830. 149 s.

Grillparzer F. König Ottokars Glück und Ende. Trauerspiel in fünf Aufzügen. Wien: Wallishausser, 1825. 190 s.

Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien, 1812. In 20 Bde.

Kann R. A. Das Nationalitätenproblem der Haabsburgermonarchie. Graz; Köln, 1964. In 2 Bde.

Kronebitter G. Friedrich von Gentz und Metternich // Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999. S. 71–88.

Lindmayr-Brandl A. Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser // Die Repräsentation der Habsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918 / Hg.: W. Telesko. Wien: Böhlau, 2017. S. 38–61.

Müller A. Kaiser Franz I. von Österreich (1816). Цит. по: Adam von Müllers gesammelte Schriften. München: Franz, 1839. Bd. 1. S. 370–408.

Obraz němců, Rakouska a Německa v české společnosti 19. a 20. století / Eds.: J. Křen, E. Broklová. Praha: Karolinum, 1998. 314 s.

Pizer J. “Last Austrians” in “Turn of the Century” works by Franz Grillparzer, Joseph Roth, and Alfred Kolleritsch // German Quarterly. 2001. Vol. 74. No 1. P. 8–21.

Řezník M. The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Władiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria // Hungarian History Review. 2016. Vol. 5. No 2. P. 250–276.

Siemann W. Metternich. Stratege und Visionär. Eine Biographie. München: C.H. Beck, 2016. 983 s.

References

Almási, G. “Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the Early nineteenth century.” *The Hungarian historical review*, 2016, Vol. 5, No. 2, pp. 225–249.

Belovodskii, S. A. *Frants Gril'partser. Rannii period tvorchestva (psikhotip i problemy tvorcheskoi samorealizatsii)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2003, 186 p.

Buchmann, B. M. “Das Dilemma des Konservatismus in der beginnenden Moderne.” *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999, pp. 89–108.

Chavchanizde, D. L. “Antichnoje i srednevekovoje v dnevnikakh Frantsa Gril'partsera.” *Baltiiskii filologičeskii kur'jer*, 2004, No. 4, pp. 93–100.

Ježernik, B. *Dikaia Jevropa: Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov*. Moscow: Lingvistika publishing, 2017, 358 p.

Kann, R. A. *Das Nationalitätenproblem der Haabsburgermonarchie*, Graz – Köln: Böhlau, 1964, in 2 Bde.

Kronebitter, G. “Friedrich von Gentz und Metternich“, *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*, Graz-Stuttgart: Stockler, 1999, pp. 71–88.

Lindmayr-Brandl, A. “Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser.” *Die Repräsentation der Habsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918*, Hg von W. Telesko, Wien: Böhlau, 2017, pp. 38–61.

Mobilizovannoje Srednevekov'je. Medijevalizm i natsional'naia ideologija v Tsentral'no-Vostočnoj Jevrope i na Balkanakh, ed. by D. Je. Alimov, A. I. Filiushkin. St Petersburg: St Petersburg Publishing House, 2021, Vol. 1, 476 p.

Obraz němců, Rakouska a Německa v české společnosti 19. a 20. století, ed. by J. Křen, E. Broklová. Praha: Karolinum, 1998, 314 p.

Pizer, J. “Last Austrians” in “Turn of the Century” works by Franz Grillparzer, Joseph Roth, and Alfred Kolleritsch.” *German Quarterly*, 2001, Vol. 74, No. 1, pp. 8–21.

Ragozin, G. S. “Ideia nadnatsional'noi identičnosti v sochinenii J. fon Khormaira «Avstriiskii Plutarkh»”, *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2021, Vol. 23, No. 3, pp. 9–21. DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.042.

Ragozin, G. S. “Mezhdū istorijej i politikoi: Iozef fon Khormair – ideolog i uchastnik Tiroł'skogo vosstaniia 1809 g.” *Frantsuzskii jezhegodnik*, 2020, Voiny i revoliutsii Novogo vremeni, pp. 121–136. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-121-136.

Robin, K. *Reakcionnyi dukh. Konservatizm ot Edmunda Berka do Sary Peilin*. Moscow: Gaidar Institute Publishing, 2013, 312 p.

Řezník, M. “The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Władiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria.” *Hungarian History Review*, 2016, Vol. 5, No. 2, pp. 250–276.

Siemann, W. *Metternich. Stratege und Visionär. Eine Biographie*. München: C.H. Beck, 2016, 983 p.

Zuppan, A. *Tysiacha let sosedstva avstriitsev i chekhov: vzgliad iz Avstrii*, ed. by N. N. Stankov, O. V. Khavanova. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2021, 416 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.01

G. S. Ragozin

**“The Middle Ages on Imperial service”:
Czech, Hungarian and Polish historical images
in works by Franz Grillparzer, 1825–1830**

German S. Ragozin

Candidate of History, Associate Professor

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

163000, Prospekt Lomonosova, 2, Arkhangelsk, Russian Federation

E-mail: ragozin92@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8695-4096

Citation

Ragozin G. S. “The Middle Ages on Imperial service”: Czech, Hungarian and Polish historical images in works by Franz Grillparzer, 1825–1830 // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 335–355 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.01

Received: 30.06.2022.

Abstract

The paper deals with historical images of non-Germanic peoples living in the Austrian empire and presented in romanticist fiction. The author analyzed several narratives from the heritage of Franz Grillparzer, the Austrian writer and dramatist. He referred to images of Czech, Hungarian and Polish medieval and early modern history. The chosen dramas are “Fortune and Fall of the king Ottokar” and “A Faithful servant to his Lord”, and the novella “A monastery in Sandomir”. They had a significant role in forming the image of non-Germanic Habsburg realms medieval history for subjects of the Empire. Romanticism and medievalism dominating in the European and Austrian public opinion and politics have put an impact on perception of Czechs, Hungarians and Poles by the German community of Austria. Despite the fact, that medieval narratives got the attention from national movements, Grillparzer referred to them basing on the Austrian conservatism. In this way his works enforced the Habsburg myth and “organic constitution” for the state. The author came to a conclusion that images of Czech, Hungarian and Polish medieval and early modern history presented in works by Grillparzer have filled the gap in official historical memory. It became possible due to overweighting Austro-German and Habsburg emphasis in official discourse, what gave a certain ground for national move-

ments and became a disadvantage for official historiography. Appeal to dynastic patriotism and legitimism has got a certain enforcement with reflections on disunity of Hungarian, Czech and Polish elites. According to the author, the mobilization of the elites was to illustrate the thesis and to promote the official version of the Habsburg empire history.

Keywords

Austria, the Habsburg Monarchy, Vormärz, Biedermeier, Franz Grillparzer, conservatism, romanticism, historical memory, literature, medievalism.

УДК 821.162.3; 821.161.1
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

Э. Г. Задорожнюк

Н. С. Лесков, чехи и славянский мир

Задорожнюк Элла Григорьевна
Доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32А, Москва, Российская Федерация
E-mail: elzador46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2328-810X

Цитирование

Задорожнюк Э. Г. Н. С. Лесков, чехи и славянский мир // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 356–380. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

Статья поступила в редакцию 20.02.2022.

Аннотация

В статье характеризуются взгляды и суждения Н. С. Лескова о народах восточного, западного и южного славянства, особенно чехов. Дан обзор составляющих всего наследия Лескова, позволяющих показать, почему именно этот народ считался им носителем общеславянских начал. Особо выделены тексты, посвященные исключительно чешской проблематике: раздел «Парижские чехи» в письме-очерке Лескова «Русское общество в Париже» и рассказ «Александрит»; рассмотрены также письма и мемуарные свидетельства о его пребывании в Чехии и знакомстве с чехами в 1862, 1875 и 1884 гг. Отмечено, что интенсивно начали издавать произведения Лескова и труды по их интерпретации лишь в 1920–1930-е гг. Несмотря на симпатии Лескова к чехам, его произведения так и остались недооцененными; это побуждает вернуться к интересу писателя к ментальности западнославянского народа, всегда вызывавшего глубокий интерес у своего соседа – народа восточнославянского. Характеризуются взвешенные оценки Лесковым творчества чешских писателей, в частности Б. Немцовой и И. Фрича.

Ключевые слова

Н. С. Лесков, славянский мир, ментальность, восточнославянские народы, южные славяне, чехи, польская эмиграция, художественные приемы, славянская взаимность.

Наследие выдающегося русского писателя Николая Семеновича Лескова (125-летие со дня его смерти отмечалось в 2020 г., а в 2021 г. – 190-летие со дня рождения) все в большей мере привлекает внимание исследователей – не только литературоведов, но также историков, и не в последнюю очередь историков-славистов. Важным и постоянным мотивом его творчества является внимание к славянскому миру и составляющим его восточно-, западно- и южнославянским народам; именно эту тему можно считать принципиально неисчерпаемой.

Наблюдения и суждения Лескова об отношениях трех народов восточного славянства, особенно русских и украинцев, отличаются редкой пронизательностью в плане соотношения ментальностей и национальных характеров; только Н. Гоголю удавалось столь же глубоко и объемно выявить их соотносительность. При этом Лесков не только проникся, можно сказать, трепетной любовью к художественному наследию Т. Шевченко, но и способствовал тому, что творчество поэта привлекло к себе внимание самых разных слоев культурного общества в России¹. Что касается художественных произведений, то образы украинцев даны в них в самых различных ракурсах и предстают весьма яркими: Лесков и подолгу жил на Украине, и тесно общался с ее обитателями.

В творчестве писателя обнаруживаются и меткие характеристики белорусов в описании первого его путешествия в Европу. Лесков отметил встречи с «пинчуками», которые не считали себя ни поляками, ни украинцами (русинами), но не считали и белорусами. Пожалуй, это единственное упоминание о пока не осознавших своей национальной идентичности представителях этого восточнославянского народа, разделенного рекой Пинной (так у Лескова) и живших близ города Пинска («польского Ливерпул», по его же слову), фиксация острого противостояния местного населения и поляков-землевладельцев. Между теми и другими тогда находились казаки, присланные из Петербурга – для усмирения вторых – все-таки готовилось известное восстание 1863–1864 гг. Собеседник-кучер Лескова заверил его: «Мы бы сами всех сих панов наших в мешки бы поупаковали, да прямо в Москву або в Питер живых и представили»².

Не менее художественно объемны, глубоко осмыслены и эмоционально выражены суждения Лескова, причем не в одни отрицательные тона окрашенные, по отношению к полякам (ряд из этих

¹ Зарва В. А. Творчество Н. С. Лескова и Украина. Киев, 1990.

² Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М., 1996. Т. 3. С. 277.

суждений Лескова будет приведен ниже). В Польше выпущены десятки работ по Лескову. Цельная характеристика польской лесковианы, включая пронизывающий все его творчество интерес к польскости, дана, в частности, в работе литературоведа Ф. Листвана³. В творчестве писателя можно обнаружить также пронизательные суждения о национальных особенностях южнославянских народов.

Во второй половине 1870-х гг., когда многие писатели давали свои оценки вовлеченности России в решение славянского вопроса, Лесков подчеркивал, что он всегда со славянофилами держался на дистанции, и считал, что у них сила уходит в «декорации». А в письме А. Суворину от 4 марта 1887 г. уточнял: «Это были величайшие спорщики, и спорам их не было бы конца, если бы они просто не перевелись на свете»⁴. Эти общие оценки славянофильства характеризовали и его внимание к южным славянам. Лесков, следуя Л. Толстому, не без иронии относился к побуждаемому славянофилами освобождению болгар и сербов; позже его сдержанность относительно дружбы с первыми подтвердилась: после войны за их национальное освобождение в Болгарском царстве правили властители прозападной ориентации. Поэтому в письме А. Суворину от 8 октября 1886 г. Лесков замечал: «Болгаре меня утешают»⁵, подразумевая под этим одобрение ими устранения с престола Александра Батенбергского, который проводил антирусскую политику.

Упоминалась и непоследовательность русской политики относительно Герцеговины: в письме А. Милюкову от 27 сентября 1875 г. писатель выражал недовольство решением возникших там проблем в «противуречии лучшим инстинктам страны», в данном случае Российской империи⁶. Лесков, отмечая сдержанное отношение к этим «инстинктам», совпадал в своих оценках со своим оппонентом Достоевским, который в «Дневнике писателя» утверждал, что России-освободительнице особой благодарности от славян ждать не стоит.

Куда более ярко проявилась ирония Лескова в художественных произведениях относительно сверхстрастной и вызывающей подозрения своей «искренностью» вовлеченности в балканские дела некоторых россиян, в первую очередь тех, которые «славянский вопрос» превращали в ширму для своих неблагоприятных дел. Так, в рассказе «Старый гений» (1884) сложнейшая ситуация с возвратом долга была

разрешена с помощью «сербского сражателя», находящегося в какой-то ямке возле бани. Он дал пощечину мошеннику, ограбившему старуху, и получил за это денежное вознаграждение, включая компенсацию за свое пребывание в тюрьме.

В рассказе «Отборное зерно» (1884) именно дворянин-мошенник громогласно выражает фальшивую приязнь «славянским братьям», видя в этом «хорошее средство к исправлению своих денежных обстоятельств и еще более дрянной репутации». В столице его принимали как подлинного представителя «земли русской», и вот в силу каких причин, замечает опять-таки не сам Лесков, а его собеседник (при этом писатель использует присущий его творческой манере взгляд сбоку и на дистанции): «Только всей и мудрости, что надо прислушаться, что у вас в данную минуту в голове бурчит и какая глупость на дежурство назначается. Открываете ли вы славянских братии, или пленяете умом заатлантических друзей, или собираетесь звонить вместо колокола в мужичьи лапти»⁷. Как видно, в этой самокритике (которая, кстати, содержится и в разделе «Парижские чехи» в письме-очерке «Русское общество в Париже», рассмотренном ниже) достается всем: и славянофилам с их любовью к дальним братьям и слабым вниманием к своим; и западникам, стремящимся потрафить «заатлантическим друзьям»; и, по всей видимости; народникам, заменившим звон в (герценовский) колокол стуком в мужичьи лапти. Указанным и другим творениям Лескова, таким образом, присущ глубокий интерес к славянскому миру – в сочетании состояния дел в нем с делами российскими в разрешении многих, как тогда говорили, «проклятых вопросов».

На этом широчайшем фоне поражает весьма деликатное его отношение к чехам (пожалуй, лишь еще один народ удостоился такого с его стороны отношения – англичане). Цель настоящей статьи – показать, почему именно чехи считались писателем носителями общеславянских начал. Особо выделены тексты, посвященные исключительно чешской проблематике: раздел «Парижские чехи» в письме-очерке Лескова «Русское общество в Париже» и рассказ «Александрит»; рассмотрены также письма и мемуарные свидетельства о его пребывании в Чехии и знакомстве с чехами в 1862, 1875 и 1884 гг. (достаточно полно обстоятельства этих пребываний описаны в биографии писателя, написанной его сыном). Работа в этом направлении не проводилась ни отечественными, ни зарубежными исследователями.

³ Listwan F. Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa. Kraków, 1988.

⁴ Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1958. Т. XI. С. 333.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Там же. 1958. Т. X. С. 424.

⁷ Там же. 1958. Т. VII. С. 289.

Чешская тема была первоначально затронута в очерках-письмах Лескова (1862–1863 гг.). Как раз в это время он, подвергшись остракизму, в первую очередь со стороны носителей революционно-демократических начал, отправился в путешествие в Европу в качестве корреспондента газеты «Северная пчела». Его путь можно проследить по письмам 1862 г., в которых Лесков почти не заметил белорусов (за исключением упомянутых выше «пинчуков»); яростно высказывался в адрес поляков (причем именно за то, за что сам подвергался остракизму с их стороны: его особо возмущала связь поляков с нигилистами); защищал угнетаемых ими русин.

Общим тоном разговоров Лескова и его письменных свидетельств того времени являлось вожделенное желание посетить Париж (для рассмотрения на дистанции той ситуации, в которой гонение на писателя оказывалось принципиально недопустимым), а по возможности и Лондон (чтобы встретиться с А. Герценом и объяснить хотя бы ему свое горе от несправедливых обвинений); отсюда же Лесков имел намерение бросить «взгляд сбоку и на дистанции» на западных и южных славян. Но в Праге он встретился с таким сердечным отношением, которое ему оказали чехи, что именно она стала одним из наиболее притягательных для него европейских мест; более того, комфортно он ощущал себя в Париже, общаясь как раз с чехами.

Прибыв в Прагу, по свидетельствам биографов, Лесков встречался там с Ю. Грегром, редактором газеты «Народни листы», ставшей позже органом младочехов, неким Шульцем, возглавлявшим печатный орган ультракатолицизма, а также Ф. Палацким – «будителем» чешского национального самосознания и видным деятелем всеславянского движения. Не менее важным было участие Лескова в похоронах классика чешской литературы Божены Немцовой; позже он перевел ее произведение «Двенадцать месяцев» и написал о ней статью для «Северной пчелы» (28 июля 1863 г.). Затем – уже в Париже – Лесков тесно сблизился с Й. Фричем, который писал под псевдонимом Мартин Бродский. Его «арабеску» под названием «От тебя не больно» тоже в переводе Лескова напечатала «Северная пчела» (остается заметить, что чешского языка – в отличие от польского – Лесков практически не знал, но дух обоих произведений передал достаточно ярко).

В статье о классике чешской литературы Лесков писал, что Божена (именно так) Немцова (чешка по матери, немка по отцу) приехала в 1855 г. в словацкий город Тренчин, чтобы больше узнать о жизни местного населения. «Австрийское правительство, – писал он, – заподозрило ее в каких-то таинственных и вредных для политики

намерениях и приказало ей немедленно оставить землю словаков»⁸. Правда, отсюда она смогла вывезти и опубликовать ряд легенд и сказок этого угнетаемого мадьярами западнославянского народа (а сказку о двенадцати месяцах издал в переложении сам Лесков). Писатель в статье одобрительно отозвался и о других писательницах-чешках, защищавших свои национальные традиции от преследований уже со стороны немцев. Что касается пересказа арабски, то ее сюжет особого интереса не представляет, зато в примечании к ней Лесков указал на тяжелое положение чешских учителей и их детей.

В письме-очерке «Русское общество в Париже» (раздел «Парижские чехи») больше говорится как раз об эмигрантах-поляках, но характеризуется и специфика их отношений с немногочисленными чехами, а тех и других – с русскими. Эти отношения можно обозначить как несовпадение умов (в современном научном дискурсе принят термин «конфликт ментальностей», гораздо более жесткий для описываемых Лесковым характеристик). Он констатирует: «Провозгласив себя “славянской интеллигенцией”, поляки не могут дать равного с собою права на разум не только русскому, но и сербу, и болгару, и даже чеху. А между тем чехи, этот едва ли не самый милый и самый грамотный (здесь и далее курсив в оригинале. – Э. З.) во всем славянстве народ, эти честные и работающие чехи во всем стоят выше польской цивилизации. По характерам своим чехи очень просты, внимательны и приветливы ко всем славянам. Воспитанные в духе неустанной оппозиции немецкому элементу и изведавшие тяжелым опытом свою несостоятельность собственными силами сбросить ненавистное для них австрийское иго, они постоянно мечтают о свободной славянской федерации и никогда не сомневаются в ее возможности. Поэтому чехи ласкают не одних русских, но и поляков, и сербов, и болгар, – словом, всю славянщину. Поляки же не любят идеи свободной, равноправной федерации, называют чешские надежды “наивными мечтами” и никогда не упускают случая посмеяться над их стремлениями к достижению смешной и, по мнению поляков, несбыточной “slawianskiej wzajemnosci”»⁹. Этим начальным (а в чем-то изначальным, то есть основополагающим) тезисом Лесков и начинает письмо, постоянно обращаясь к указанному несовпадению умов.

Итак, между парижскими поляками и чехами не может образоваться близких взаимных отношений, поскольку чехи не боятся дружить

⁸ Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. С. 382.

⁹ Там же. С. 314.

с русскими, а полякам это не нравится. Первые признают: «моска-ли» только один самостоятельный славянский народ в мире, хотят идти с ними, а вторые упрекают их в каком-то подхалимстве России. Но чехи, как и «галицийские русские» (русины Галиции), полны федеративных стремлений и всегда обращают взгляды на единственный самостоятельный славянский народ, даже расходясь с русскими (славянофилом М. Погодиным или западником А. Герценом) во взглядах на планы федеративного устройства славянства во главе с Россией.

В условиях меньшего давления цензуры на российскую печать Лесков не побоялся выразить симпатию именно к этой устремленности чехов к федеративности славянских народов (не адресуясь почему-то к высказанным по этому поводу идеям знаменитых словаков Я. Коллара и П. Шафарика, а также их последователей-чехов). На наш взгляд, обсуждение данной темы предполагалось и на встрече с «революционером» Герценом в Лондоне, которую замыслил «постепеновец» Лесков и от которой затем отказался. И все же есть основания утверждать, что под словами о федерации народов могли бы подписаться ранее демократически ориентированные панслависты Герцен и Бакунин (а позже и М. Драгоманов), а справедливость ряда антипольских утверждений поддержали бы и славянофилы. Такая промежуточность позиции прослеживается и во всем тексте письма-очерка Лескова.

Подчеркнув упомянутую выше враждебность интересов «галицийских русских» и чехов с поляками на уровне эмиграции, Лесков, ссылаясь на свое участие в полемике в ходе встречи с эмигрантами – представителями славянских народов, продолжает: «Вся уклончивость, вся ловкость блестящей диалектики, которою счастливо обла-дают поляки, не дают средств сохранить в этих беседах безобидного тона. Все это не сдерживает прямого, горячего, обличительного слова галичанина, и хозяину остается всего лучше молчать и не вмешиваться. Чехи, будучи гораздо благовоспитаннее русских, обыкновенно ведут себя гораздо терпимее «галицких русских». Встречаясь с русскими и поляками, чехи всегда стараются избегать вопросов, щекотливых для той или другой стороны, и умилительно твердят своим мягким птичьим языком: “Kochajcie sie, bratujcie sie, nie klótcie sie, aby žyła nasza mater swiata Slowianszyna”¹⁰. Чехи в своих политических воззрениях всегда резко разграничивают народы с правительствами <...>»¹¹.

10 Любитесь, братайтесь, не ссорьтесь, чтобы жила наша мать святая Славянщина.

11 Там же. С. 315.

Надо сказать, что последнего афористического тезиса не всегда придерживался сам Лесков. Конечно, чехи сходились и с поляками, тем более вследствие близости языков; между ними были родственные связи, много торговых дел. «Но, – читаем у Лескова, – несмотря на все это, между поляками и чехами нет того сближения, которое могло бы и должно бы быть. Чехи такие же горячие патриоты, как и поляки, но они еще более горячие и искренние демократы, чем патриоты, тогда как демократия и поляки – это два слова, которые неловко и писать рядом! Врожденный аристократизм поляков – друзей демократии Герцена и русских социалистов – не нравится демократическим чехам; но они смалчивают им “aby žyła slowianszczyna”»¹². Конечно, среди поляков были свои «демократы», а среди чехов – свои «аристократы», но и тех, и других Лесков не замечал.

В дальнейшем, описывая различия, писатель вступает на стезю искусственного очеркиста и обладателя уникального стиля изложения, особо тактично характеризуя деликатную чешскую скромность. «Они ласкают поляков и сочувствуют их несчастьям, а те посмеиваются над чешским птичьим язычком и чешской “славянской взаимностью”. Обе эти насмешки столь же мало справедливы, сколь неостроумны. Во-первых, мягкий и мелодический язык чехов ничуть не хуже и не беднее шипящего и брянчащего языка польского, а во-вторых, он и гораздо менее польского пересыпан чужими словами (латинскими, немецкими и французскими) <...> У чехов если что волею или неволею и вкралось где-нибудь немецкое, то все это они стараются выполоть вон и берегут славянское слово во всей чистоте. Язык их только очень мягок для нашего уха»¹³, – констатирует он.

Расходятся и привычки двух западнославянских народов. Чехи в Париже принимают к себе всякого польского гостя, продолжает Лесков, а поляки только одного – Йозефа Фрича. «Чех этот – самоотверженный славянский страдалец, бившийся за свободу с горстью парижских студентов против цезарских войск австрийского императора и прошедший в сыром каземате Йозефштата лучшие годы своей юности <...>. Он нужен полякам, чтобы удерживать на их стороне общественное мнение, так как его здесь очень уважают, и притом же он корреспондент многих чешских газет; но как Фрич тоже в душе своей чистый чех и федералист, то поляки, куртизаня с ним

12 Там же. С. 316.

13 Там же. С. 320.

в глаза, за глаза называют его “смешным славянским фанатиком”. Будь он поляк, а не чех, он был бы герой, а теперь он шут»¹⁴.

Конечно, это преувеличение в оценке, тем более что обо всем, происходившем на польских сходках, Фрич не рассказывал. Но вот к Лескову зашли два поляка и начали говорить о том, что русские, как и негры, от самой природы обречены на холопство; что русины в Галиции должны служить Польше, а не домогаться самостоятельности; что либеральные венгерцы правы, лишая славян (по всей видимости, как раз словаков) своей народности; что поляки с венгерцами это понимают и с венгерцами согласны. Фрич, отметил Лесков, это выслушал и после их ухода заметил: «Это что еще! Это хоть на давности основывается. А вот я тебе новое расскажу: говорят, что и чехам, и тем никакой самостоятельности не нужно! говорят, что *мы* даже не имеем права быть особым народом, а только можем иметь свое провинциальное управление. Всеславянские паны эти поляки, да и все тут! <...>. Да о вас, монголах, уж и речи нет; куда вас, уральчиков! Вас за Урал! – продолжая смеяться, отвечал чех»¹⁵.

Большинство чехов, которых узнал Лесков, необыкновенно мягки. И далее он постулирует нечто вроде чехофильства, отмечая: «Лежащие на них следы несомненной благовоспитанности смягчают их страсти, сглаживают их речь и освобождают ее от нашей резкости и от польской кичливости или сменяющего ее унижения. Чех, о котором я говорю, неумоимо хлопочет о своих народных делах: ни австрийская тюрьма, ни парижский голод, геройски разделяемый с женою и двумя детьми, не останавливают его твердой воли: он переводит, пишет, издает исторические и политические вещи, направленные к возбуждению народного духа. Преследуя идею “славянской взаимности”, он не останавливается на словах и еще делится чем может с бедными соплеменниками. В мое время у него жили два поляка и один бедный чех. Поэт Фрич – это настоящий, урожденный революционер, преданный душою и телом делу восстания против Австрии и забывающий себя для этого дела»¹⁶.

При этом, подмечает Лесков, Фрич, трудясь над драмой «Мазепа», критически отнесся к одноименной поэме А. Пушкина. Читал он и польскую брошюру, в которой говорилось (скорее всего, в интерпретации поощряемого в свое время К. Марксом поляка, ранее

14 Там же. С. 321.

15 Там же. С. 321–322.

16 Там же. С. 322.

проживавшего на Украине, Ф. Духиньского) о монгольском (туранском) происхождении русских, о «собачьих браках» между ними, о невежестве и непризнании прав собственности, о гибельности дружбы некоторых поляков с «учтивыми москалями» (к которым причислялся и Герцен). Фрич бросил брошюру в камин, демонстрируя в то время свое русофильство.

Позже Лесков статье «Русские общественные заметки», напечатанной в «Биржевых ведомостях» (14 декабря 1869 г., без подписи), не без горького чувства вспомнил старого чешского друга, который «в последнее время нажил себе своим русофобством очень много врагов между чехами»¹⁷. Написано хлестко, но с забвением того, что сам Лесков подчеркивал необходимость разделять позиции народа и правительства. Он исходил в своей новой оценке Фрича из того, что старочехи устремились к союзу с царской Россией, как это выразилось в их поездке в Россию в 1867 г. Ее одобрил даже Герцен, Лесков же со свойственной ему пристрастностью погрешил против истины, прибегнув к введенному знакомым ему Ф. Тютчевым термину «русофобия»¹⁸. Взвешенная оценка отношений Фрича к России дана в статье Г. И. Еремеева, которая не обнаруживает признаков русофобии во его взглядах¹⁹.

Вернемся к разделу о парижских чехах. Еще в конце 1850-х гг., отмечает Лесков, в Париже учредился славянский клуб, инициатива создания которого принадлежала демократическому славянскому кружку. Чехи принимали в этом живое участие, но поляки уклонились. По убеждению Лескова, причина в том, «что им, как славянской аристократии, не резон мешаться с чехами, болгарчиками, хорватчиками и всяким “славянским сором”, так и потому, что здесь допускалось участие русских. А наши милые соотечественники не поддержали этого, потому что они, кажется, вовсе не чувствуют сколько-нибудь серьезной потребности не только в “славянской взаимности”, но даже

17 Там же. 2004. Т. 8. С. 187.

18 Слово «русофобия» было введено в оборот поэтами и социальными мыслителями П. Вяземским и Ф. Тютчевым примерно за 20 лет до его упоминания Лесковым. См.: *Апрышко П. П. Русофобия // Философский словарь. Издание девятое, доработанное и дополненное / под ред. А. А. Гусейнова и Ю. Н. Солодухина. М., 2021. С. 649–650.*

19 *Еремеева Г. И. Из истории идеологии чешского буржуазного радикализма второй половины XIX в. (Журнал Й. В. Фрича «Бланик») // Советское славяноведение. 1976. № 5. С. 25–36.*

не нуждаются и в “русской взаимности”²⁰. Постоянно сходились в нем одни чехи, эпизодически – другие славяне. Клуб стал пунктом взаимопомощи, но в общеславянский не превратился; что касается русских, то с чехами водились человек пять, хотя сам Лесков пере-знакомил с Фричем гораздо большее их число.

Красочно описал Лесков встречу Нового года вместе с чехами, которые старались, чтобы она произошла с поляками, русскими и другими славянами. Ключевым моментом на встрече было символическое припадение к вину из братской чаши чешского хрустала. На страницах «Северной пчелы» Лесков признавался, что увлекся общим настроением встречи. «Пели песни, – вспоминал он, – патриотические, застольные и сатирические. Припевы чешских песен очень удобны тем, что можно, вовсе не зная песни, совершенно верно выполнять эти припевы»²¹. Лесков – по очереди – спел крайне острополитическую песню о кузнеце, который был готов сковать нож для самого царя (песня на слова К. Рылеева и А. Бестужева) и не побоялся признаться в этом. Музыкальные чехи подхватывали ее припев: «slawa! slawa!», в песне они услышали русский отклик на их призыв к славянской взаимности.

Чехи не исчезли и в следующих очерках «Русского общества в Париже». Лесков отмечает, что именно чешки и польки горячо преданы национальным интересам²². Хотя поляк считает молдава (именно так), серба, хорвата и даже чеха «пигмеями»²³, те все же организовали национальные общины в Париже (чего, сокрушается Лесков, нет у русских). Там же Лесков отмечает, что «чех-новичок» в Париже попадает под опеку «чеху старому». Элегично звучат в тексте воспоминания русского писателя о «тихой Праге и молочном Оломоуце»²⁴.

Оценки Лесковым чехов в Париже не прошли мимо внимания критиков и в 1863 г., и особенно в 1869 г., когда они были включены в первый том издания «Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого». В рецензии на издание М. Салтыков-Щедрин писал: «Заговорил он о том, что чехи вообще очень деликатны и никого не обижают, – и вдруг вспомнил о людях, которые рвут носы; это воспоминание рассердило его, и вот ему сейчас же захотелось их за это обругать

20 Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. С. 324.

21 Там же. С. 327.

22 Там же. С. 346.

23 Там же. С. 369.

24 Там же. С. 344.

и пригрозить хорошо затрециной, которой они дождутся когда-нибудь за свою наглость и невежество. И при этом ему не пришло даже в голову, что читатель непременно должен спросить, какие же такие “наши революционеры” и где мог их видеть г. Стебницкий?»²⁵ Наблюдение справедливое: Салтыков-Щедрин ругал Лескова за антинигилизм постоянно (в одном этом томе его имя упоминается почти 30 раз). Но суждение о самой по себе «милой черте» чехов сатириком под сомнение не ставилось.

Еще одно обращение в разделе о парижских чехах весьма рельефно характеризует то, что выше было названо несопадением умов. Лесков подмечает, что имеющиеся у чехов идеи «славянской взаимности» ядовито и бестактно осмеиваются поляками. «Что худого, что вредного видят поляки в этом племенном тяготении? Выйдет ли из него хоть в далеком будущем что-нибудь пригодное для славянской федерации, о которой мечтают чехи, или вся эта *wzajemnosć* так и ограничится одними симпатиями, которые будут охлаждать или разгораться, смотря по тому, как наша политика будет утешать или огорчать славян, глядящих на нас очами упования, — не все ли равно это полякам? Обманом мы великие и напряженные надежды уповающих на нас славян, эти славяне всегда еще не потеряют возможности обратиться к политике поляков, заключающейся в том, что они, по сравнению их поэта, “*jak waz kijem przytiosnenty*” (как прижатый палкою уж), поднимают свои головы то туда, то сюда, и все лишь только затем, чтобы чувствовать, что хребет их пригнетен и что в великом свете всем для них “несть избавляй”. Чехи все-таки могут о чем-нибудь мечтать, глядя на наш цельный народ, который верует еще в свои *авось* и *небось*, не знает ни карты своего племенного родства, ни своего исторического прошедшего ранее 12-го года и не имеет понятий о международном праве. Самое невежество этого народа дает право мечтать о значении его симпатий, когда он снимет с себя свое невежество, и есть много причин думать, что в тех симпатиях будет очень много с общеславянскими симпатиями»²⁶.

Данная обширнейшая цитата характеризует отношение Лескова и к чехам, и к славянскому миру в целом, отношение, многие моменты которого актуально звучат даже сегодня. К примеру, упования Польши на Францию. Что могут принести Польше симпатии к этой

25 Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. М., 1970. Т. 9. С. 340–341.

26 Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. С. 319–320.

стране, которая, по убеждению русского писателя, засвидетельствовала неспособность ни к совершению внешних дел, ни к ограничению внутреннего произвола чиновников? «И во имя чего будут жить и какие бы то ни было симпатии французов к Польше, как только свободолюбивые французы поймут наконец, что переворот, совершенный в Польше в пользу угнетенного и задавленного польским дворянством народа, совершен не революционной Польшею, а консервативною Россиею; что Россия никогда не была в Польше враждебна польской демократии, польскому народу, а ограничила только произвол потомков польской олигархии, т. е. сделала там именно то, во имя чего поднимались честнейшие из народных революций, но избежала при этом большинства увлечений, неразлучных сопутников освобождения посредством революций? Где найдутся чьи бы то ни было симпатии для Польши, когда Европа поймет, что каждый поляк хочет быть поляком 1772 года и что он не разнится с поляком того времени ни в нравах, ни в понимании?»²⁷ Этот обширный ряд вопросов звучит во многом риторически, однако все же слышится что-то, вызывающее к ним интерес. Особенно если заменить Францию на нынешнюю Америку – преклонение перед которой столь же яростно демонстрируют правящие круги Польши.

В конце раздела о парижских чехах Лесков подчеркнул: «Чехи вообще предполагают в русских любви к славянству несравненно более, чем мы ее имеем. Из наших современных литераторов чехи почти все знают одного И. С. Аксакова. В его стремлениях они видят стремления целой России и очень сожалеют, что такой хороший и разумный человек, как г. Аксаков, не умеет воздержаться нас от *централизации*, преобладающего в нашем славянском чувстве. О наших писателях-космополитах (по всей видимости, имелись в виду Герцен, с которым вскоре тесно сблизился Фрич, и Чернышевский. – Э. З.) чехи здешние, разумеется, не знают ничего, да, вероятно, и не подозревают <...>. Чехи не могут вообразить народа-космополита и, как очень жаркие патриоты, иногда уже делаются довольно странны с своим пуризмом»²⁸.

Примечательно, что примерно десять лет спустя после первой публикации очерков в одном из своих антиингилистических романов «Некуда» (1864) Лесков особое внимание уделил тому феномену, который можно назвать несовпадением умов поляков и русских,

27 Там же. С. 320.

28 Там же. С. 328–329.

своеобразным фоном при этом выступает отношение к чехам. В частности, указано, что один из героев романа в Гейдельберге «ближе всех держался славянского кружка и преимущественно сходил с русскими и поляками. Чехов здесь было немного, но зато из среды их Вайнер вызвал себе крепкого друга. Это был Иосиф Коляр, поэт, энтузиаст и славянский федералист»²⁹. Действительно, Йозеф Иржи Колар (1812–1896) заслуживает внимания и Лескова, и его героя, но почему-то писатель почти не заметил идей его практически однофамильца словака Яна Коллара (1793–1852).

Наиболее полно в эпистолярном наследии писателя получило отражение пребывание в Чехии в 1875 г. Еще до отъезда в письме И. Аксакову от 23 апреля 1875 г. он писал, что в 1862 г. «Прага и Париж помогли мне забыть домашние невзгоды. Я вылечился. <...> Около 15 мая хочу уехать за границу»³⁰. На сей раз дорога в столичный град чехов шла через Париж – с остановкой в Мариенбаде (Марианске Лазни), где Лесков предполагал пройти курс лечения. В письме сыну (А. Лескову) от 11 июня 1875 г. он признался, что отравлен Парижем, особенно его духовной атмосферой: «Я совсем было разболелся и хотел было уехать из невыносимо шумного Парижа к чехам, в тихую Прагу, а оттуда в Мариенбад»³¹. В письме от 12 июня он известил детей, что отбывает в Мариенбад, хотя и циркулировала информация, что из-за дождей там не работают нужные источники. В письме от все того же 12 июня А. Милюкову он отмечает, что едет в «скучный Marienbad» – скучный как раз вследствие этого известия, пущенного врачами Карлсбада (Карловых Вар) и оказавшегося ложным³².

Все же ровно месяц спустя он благословляет этот курорт (письмо А. Милюкову от 12 июля) и пишет: «Нервические муки мои, по-видимому, утихают». Особо он отмечает, что ложные слухи о прекращении работы лучшего источника Крейцбрун распустили карлсбадские врачи. Лесков взял на себя миссию опровержения этих слухов в журнале «Русский мир»: «Этим Вы дадите мне случай услужить очень ласкающим меня мариенбадским врачам, из коих трое говорят по-русски, а один (Добшевич), как видите, может и писать». Как видно, Лесков принял участие в защите репутации курорта в немалой

29 Там же. М., 1997. Т. 4. С. 273.

30 Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. 1958. Т. X. С. 395.

31 Там же. С. 402.

32 Там же. С. 405.

степени исходя из симпатий к врачам-чехам, правда, в этом же письме он отметил: «Жизнь здесь дороже Парижа втрое»³³.

В письме П. Щебальскому от 29 июля он менее восторженно писал: «Я лечусь, хандрю и не работаю ничего от хандры»³⁴. Он особо отмечает благотворность лечения и сообщает, что намерен остаться в Праге на месяц. В обстоятельном письме тоже от 29 июля И. Аксакову Лесков уточняет, что «телом оздоровел <...>, но вообще духовные силы еще далеко не в авантаже»³⁵ и что его мучит мысль о родине. В Праге он намеревался провести уже всего неделю, а не месяц. В Мариенбаде же ему наскучили и аристократические земляки, и «немецкий графинь хищного типа». В то же время Лесков с приятностью приметил наличие на курорте русских книг, включая труды славянофилов Хомякова и Самарина, правда, обитатели курорта предпочитают покупать переводы Ренана (французского писателя, написавшего книгу «Жизнь Иисуса»).

В письме тому же Аксакову от 1 сентября³⁶ Лесков допускал возможность поработать в Варшаве. Он присматривался (и приценивался – литературных заработков ему не хватало) к месту чиновника, хотя и обнаружил здесь «со стороны русских косность, со стороны поляков косину». После теплых встреч в Праге это беспокоило его особенно. В других письмах и трудах Лесков неоднократно объяснял причины того и другого, хотя в более позднем письме В. Гольцеву (от 14 ноября 1888 г.) правомерно и нелюбезно утверждал, что не повержен тому, что было им названо «узкое ненавистничество, которого нет в душе моей ни к какой национальности»³⁷. В первую очередь это касалось как раз поляков; что касается русского народа, то он постоянно подчеркивал, что избегал всякой лести по отношению к нему. Остается добавить, что в одном из главных «полонофобских» рассказов «Антука» (правда, не без других «полонофильских» портретов поляков, даже антироссийски настроенных) Лесков не избегает взгляда сбоку и на дистанции. Поэтому и начинается рассказ с констатации его появления по дороге из Праги в Вену, что символично – это были на то время места поспокойнее.

Третий – и последний – раз Лесков был за границей летом 1884 г. и на сей раз посетил лишь Австро-Венгрию (с заездом в Дрезден).

Его перипетии описаны в воспоминаниях А. Лескова по письмам, ему адресованным. Он выбрал Мариенбад, куда прибыл 16 июня. Лечение проходило достаточно успешно, а вот контакты и с приезжими, и с местными утомляли, хотя его и сделали по статусу писателя (не только русского – любого) «почетным гостем» и предоставили некоторые привилегии. Врачей Лесков аттестует как «немцев», русские для него – «отвратительные пустельги», сблизился он только со священником. Лескова узнавали, а библиотекарь чех Шигай оказал ему особое внимание. 16 июля он не без сожаления покинул Мариенбад. Насыщенное событиями и дружескими встречами с чехами пребывание на курорте Лескова было описано в статье известного слависта А. Флоровского³⁸.

30 июля Лесков в первые же часы пребывания в Праге был обворован. Начались хлопоты по восстановлению документов – сначала через чешскую газету, которая описала «неучтивый случай» с ним, а затем через начальника чешской полиции, который предложил ему денежную помощь.

На основе как раз этих ярких впечатлений о крае и людях им был создан рассказ «Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении». Д. Лихачев в своих работах о Лескове отметил характерные и присущие, пожалуй, только ему особенности изложения³⁹. Писатель часто и едва ли не обязательно ссылается на какого-то другого повествователя, чтобы кто-то третий (читатель) самостоятельно вынес свое моральное суждение о рассказываемом предмете. Лихачев объяснил это на примере интерпретации рассказа «Бесстыдник» (1877), в котором вор-интендант убеждает своих собеседников, что он стал бы героем в Севастополе, если бы ему приходилось находиться на боевых позициях в окопах. А герой стал бы вором на его месте. При этом Лесков даже собственные взгляды и оценки переадресовывает героям своих произведений, не избегая выставлять события в намеренно запутанном и даже мистическом свете – при нарочитой простоте изложения.

В рассказе «Александрит» Лесков выступил с оправданием общеславянства и особой роли в нем чехов – с противопоставлением швабам (полупрезрительное наименование немцев) и с надеждами на Россию. Данную идею в духе парадоксальности его подходов высказывает

33 Там же. С. 409–410.

34 Там же. С. 410.

35 Там же. С. 415.

36 Там же. С. 420.

37 Там же. 1958. Т. XI. С. 399.

38 *Florovskij A. V. N. S. Leskov v mariánolázeňských pramenů // Československá rusistika. 1969. XIV. № 4.*

39 *Лихачев Д. С. «Ложная» этическая оценка у Н. С. Лескова // Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х томах. М, 1987. Т. 3.*

старый еврей-ювелир Венцель. Рассказ опубликован в 1884 г., однако, согласно тому же художественному приему Лескова, в нем содержится контаминация впечатлений о разных сроках и местах пребывания. Так, в этом же 1884 г. он находился в Праге всего один день, а фабула рассказа охватывает довольно длительный период. То же можно сказать и о разности пространственных впечатлений.

В целом рассказ крайне примечателен для характеристики того, что мы назвали столкновением ментальностей, хотя и представленным весьма идеализированно. Но не исключено, что Лесков намеренно выбрал фигурой главного героя не чеха, чтобы убедительнее звучали его завышенные оценки указанной ментальности.

В письме к М. Пыляеву от 9 августа 1884 г. он отмечает, что наблюдал летом гранатовых торговцев, и пишет, что адресата письма в Праге вспоминали довольно часто. В этом же письме он упоминает об одном из первых названий рассказа – «Огненный гранат» и говорит о стремлении уподобить его одному из лучших своих творений, «Запечатленному ангелу»⁴⁰. Особенно интересовали его сведения о пиропах – разновидности гранатов. А в письме И. С. Аксакову от 10 ноября 1884 г. он пишет, касаясь поиска сведений о камнях: «Истолкователем выведен старый гранильщик, чех с “сухих гор Мереница”»⁴¹. Тот же прием взгляда сбоку обнаруживается и в данном рассказе: мысли указанного в письме гранильщика чеха приписаны ювелиру-еврею. В этом же письме обсуждается еще один вариант названия рассказа – «Подземный вешун». Сам рассматриваемый рассказ Лескова можно уподобить описываемому им же камню – по уровню его насыщенности смыслами, призванному осветить отношение и к чехам, и к славянству.

Комментируя рассказ, А. Лесков отмечает, подчеркивая нелюбовь его героев к «швабской ступе»: «Здесь чех и русский сочетались в захватнических вожделениях юнкерской Германии, в ее отношении ко всему славянству однородной оказалась и любовь каждого из собеседников к своей родине, готовность служить ей сколько хватит сил»⁴². Конечно, Лесков не отрицал силовых воздействий юнкерской – в основном Прусской – Германии на славянство. Но в данном рассказе он ставит акцент на том, что сейчас именуется «мягкой силой». Проживавшие в основном в южной Германии швабы были тем

этническим элементом, который давал наибольшее число эмигрантов-колонистов. И они, будучи неплохими ремесленниками, жестко конкурировали с местными мастерами.

В принципе рассказ, как и описанный в нем драгоценный камень, бросает дополнительный свет и на более поздние политические теории. Кроме этого, нельзя забывать, что ко времени написания рассказа Лесков выступал с резкой критикой славянофилов и, сближаясь со взглядами Л. Толстого, осуждал выпященный патриотизм.

«Александрит» (были забракованы названия «Огненный гранат» и «Подземный вешун», по-своему, можно сказать, промыслительные) отнесен Лесковым к специфическому жанру «Рассказ кстати». Вот его сюжет. В 1834 г. – году совершеннолетия будущего императора Александра II – был найден на Урале драгоценный камень, названный «александритом»: при разном освещении он меняет окраску – с зеленой на малиновую. Если обратиться к началу четвертой главы, в которой указывалось: «Летом 1884 года мне привелось бывать в Чехах» (с большой буквы – так у Лескова), получается, что у него действительно имелся перстень с таким камнем. Он заинтересовался еще одним редким камнем – чешским пиропом, или «огненным гранатом». По поручению петербургского товарища он приобрел камень при посредничестве приятеля-чеха и решил огранить его, что мог сделать старый Венцель, кабалистик и мистик, а также отчасти восторженный поэт и большой суевер. «Мы с ним давно знакомы и вместе пьем пиво у Едличка»⁴³, – заверил безымянный чех. К слову, чешское пиво любил и сам Лесков.

Гранильщик жил недалеко от известной исторической синагоги. Далее идет рассказ о камне, стилистика которого прекрасно передана Лесковым: о том, как старый еврей-ювелир, считавший себя чехом, искал тайну камня из Мероницких гор в причудливых районах Праги. «Мы с ним знакомы давно... Я видел его еще на его родине, на сухих полях Мереница. Он тогда был в своей первозданной простоте, но я его чувствовал... И кто мог мне сказать, что его постигнет его ужасная участь? О, вы можете видеть по нем, как духи гор предусмотрительны и зорки! Его купил разбойник-шваб и швабу дал его гранить. Шваб может хорошо продавать камень, потому что он имеет каменное сердце; но гранить шваб не может. Шваб – насильник, он все хочет по-своему. Он не советуется с камнем – чем тот может быть, да чешский пироп и горд для того, чтобы отвечать швабу. Нет,

40 Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. Т. XI. С. 291.

41 Там же. С. 297.

42 Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. М., 1984. Т. 2. С. 283.

43 Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1989. Т. 7. С. 400.

он разговаривать с швабом не станет. Нет, в нем и в чехе один дух. Шваб из него не сделает того, что ему вздумается. Вот они захотели сделать его крейц-розетою, вы это видите (я ничего не видел), но он им на это не дался. О да, – он пироп! он схитрил, он лучше позволил им, чтобы швабы ему отрезали голову, и они ему ее отрезали»⁴⁴.

Голова отрезана – значит, камень погиб? Нет, отвечает Венцель. «Голова! Да, голова – важная штука, господин, но дух... дух еще важнее головы. Мало ли голов отрезали чехам, а они все живы. Он сделал все, что мог сделать, когда попал варвару в руки. Поступи шваб таким подлым образом с каким-нибудь животным, с каким-нибудь жемчужом или с каким-нибудь “кошачьим глазом”, который нынче пошел в моду, – и от них не осталось бы ничего. Из них вышла бы какая-нибудь пошлая пуговица, которую осталось бы только выбросить. Но чех не таков, его не скоро столчешь в швабской ступе! У пиропов закаленная кровь... Он знал, что ему надо делать. Он притворился, как чех под швабом, он отдал свою голову, а свой огонь спрятал в сердце... Да, господин, да! Вы огня не видите? Нет! А я его вижу: вон он густой, неугасимый огонь чешской горы... Он жив и... – вы его извините, господин, – он над вами смеется»⁴⁵.

В конце старый Венцель сам засмеялся, закачав головою. Смех не только амбивалентный, но, можно сказать, поливалентный, если учесть, что к идее славянской всеобщности во время написания рассказа русский писатель относился с большими подозрениями.

Не без многоцветного лукавства Лесков отмечает, что Венцель мог бы стать собеседником такого великого любителя самоцветов, как Иван Грозный: «Вот бы с кем он всласть поговорил и, может быть, сам бы затравил его самым лучшим медведем». Судьба не лучшая, чем быть истолченным в швабской ступе. Рассказчик, презрев невзрачность полуобработанного камня, видит его «принцем» во сне, причем он мог находиться в обмазке стен, пока не был продан матерью-чешкой швабу «за горсть гороховых зерен». Камень стал «трубочистом», но все же после обработки он превратился в «огненного принца»⁴⁶.

При его передаче Венцель на руке рассказчика увидел кольцо с александритом – в сумерках светившим красным цветом. И вот окончание рассказа:

44 Там же. С. 401.

45 Там же. С. 402.

46 Там же. С. 403.

Сыны мои! чехи! Скорей! Смотрите, вот-вот тот вещей русский камень, о котором я вам говорил! Коварный сибиряк! он все был зелен, как надежда, а к вечеру облился кровью. От перевозанья он таков, но он все прятался, лежал в земле и позволил найти себя только в день совершеннолетия царя Александра, когда пошел его искать в Сибирь большой колдун, волшебник, ведьмелота...

– Вы говорите пустяки, – перебил я. – Этот камень нашел не волшебник, а ученый – Норденшильд!

– Колдун! Я говорю вам – колдун, – закричал громко Венцель. – Смотрите, что это за камень! в нем зеленое утро и кровавый вечер... Это судьба, это судьба благородного царя Александра!

И старый Венцель отвернулся к стене, опер голову на локоть и... заплакал.

Сыновья его стояли молча. Не только для них, но и для меня, который так давно видал постоянно на своей руке «камень Александра Второго», камень этот будто вдруг исполнился глубокою вещей тайной, и сердце сжалось тоскою.

Как хотите – старик увидал и прочел в камне что-то такое, что в нем как будто и было, но что прежде до него никому в глаза не бросалось.

Вот что иногда значит посмотреть на вещь под необыкновенным настроением фантазии!»⁴⁷,

– завершает Лесков свой мистический рассказ.

Остается добавить, что «старый Венцель» мог вспомнить о всеславянских съездах, не без содействия русского императора проходивших в 1867 г. в Москве. В том же 1867 г. он устроил прием гостей съезда в Санкт-Петербурге⁴⁸.

В позднем творчестве Лескова упоминания о Чехии и чехах, а также других западно- и южнославянских народах (кроме, естественно, поляков) встречаются крайне редко. Так, в некрологе М. Каткову он не преминул заметить, что тот, вводя классическую систему образования, призвал «из-за Карпат бездушных шульмейстеров», «чешско-русинских иродов»⁴⁹. Острая критика антипольской политики умершего способна создать впечатление о Лескове едва ли не как о полонофиле. Таковым он, конечно же, не был и во времена гонений, и даже во времена написания некролога. Резкая публицистика была снята с гранок журнала «Новое время» и увидела свет лишь в 1934 г.

В заключение надо особо подчеркнуть, что и сам Лесков оставил по себе добрую память у чехов. Так, в журнале «Кветы» (1867, № 2) автор заметки В. Вавра одобрил поставленную в Праге пьесу

47 Там же. С. 407–408.

48 *Лантева Л. П.* Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // *Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 19.*

49 *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 11 томах. Т. XI. С. 160–161.

«Расточитель» и назвал ее автора талантливейшим русским писателем. Внимание привлекли и рассказы Лескова, повествующие об угрозе ползучего онемечивания славян, в частности «Колыванский муж».

С 1880-х гг. Лескова переводили не только на чешский, но и на словацкий язык⁵⁰. Позже на творчество Лескова обратил внимание Т. Г. Масарик в своем труде «Россия и Европа». Уже в первом томе он упоминает Лескова в числе авторов так называемых антинигилистических романов⁵¹. О том же говорится и во втором томе, причем в их оценке Масарик опирается на суждение критика Н. Михайловского о том, что у Лескова отсутствует чувство меры, а в связи с этим и художественные способности⁵².

Наибольшее внимание уделено творчеству Лескова в третьем томе. Масарик в нем также критически оценивает творчество Лескова, относя его к «писателям второго и даже третьего ряда»⁵³. В разделе о Достоевском он подчеркивает общность взглядов Лескова и Достоевского⁵⁴, вместе выступавших с осуждением католиков и терпимо относившихся к протестантам⁵⁵.

Примечательна цитата, свидетельствующая о взаимном интересе этих двух писателей и о том, что они оба, опираясь в борьбе с нигилизмом на позиции лиц духовного звания (отец Зосима из «Братьев Карамазовых» и Туберозов из «Соборян»), все же «не могут изгнать призрак социализма»⁵⁶. Но лишь через несколько страниц Масарик признает, что Лесков – писатель достаточно интересный⁵⁷; его осуждали и все еще осуждают как реакционера, однако несправедливо. Такая коррекция оценки писателя вызвана, по признанию Масарика, знакомством с работой критика А. Волынского о нем, который пристрастился сначала к творчеству Достоевского, а затем Лескова⁵⁸. Судя по всему, произведения Лескова, крайне доброжелательно описывающие ментальность чехов в противопоставлении ментальности швабов (немцев) с опорой на Россию, в поле зрения Масарика так и не попали.

50 История словацкой литературы. М., 1970. С. 173.

51 Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2000. Т. I. С. 143; 2004. Т. 2. С. 103; 2003. Т. 3. С. 285.

52 Там же. Т. 2. С. 223.

53 Там же. Т. 3. С. 16.

54 Там же. Т. 3. С. 57.

55 Там же. Т. 3. С. 57–58.

56 Там же. Т. 3. С. 173.

57 Там же. С. 185.

58 Там же.

Как считают чешские авторы И. Поспишил и В. Костржица, внимание на творчество этого великого русского писателя обратили лишь в 1920–1930-е гг.⁵⁹ Тогда активно стали издавать произведения Лескова, а также труды по их интерпретации. Все же, несмотря на горячие симпатии Лескова к чехам, его произведения так и остались, можно сказать, недопрочитанными. Это побуждает вернуться к выявлению в его творчестве того феномена, который допустимо назвать чехофилией – трогательным вниманием к ментальности западнославянского народа, всегда вызывавшего глубокий интерес у своего соседа – народа восточнославянского. Несмотря на все ухабы в процессе их взаимопонимания в XX и особенно начале XXI века.

В заключение – самый последний сюжет из раздела «Парижские чехи». В пражском кружке оказалась некая дама, которая сначала довела его членов до столбняка, а потом – до ярости чешку Ф. Моурек. «Сблизившись до известной степени с Моурек, она сказала ей в одном разговоре: “Как вы счастливы, что у вас два родных языка! Это удивительно приятно, что каждый чех в колыбели уже по необходимости говорит по-чешски и по-немецки!”»⁶⁰ Глупее нельзя было сказать чеху или чешке, комментирует Лесков: то, что они, поработанные немцами, считают несчастьем, русская барыня посчитала счастьем. Разделяя недоуменное возмущение в диапазоне от столбняка до ярости, писатель взял на себя миссию самокритичного разъяснения его причин, не посчитавшись с русскими в той же почти мере, что и, скажем, с поляками. Прибегая к отечественным пословицам, он сказал: «Наш край, друзья, дубровен: у нас дураков не орут и не сеют, а они сами роятся. Мы нынче космополиты, завтра патриоты, послезавтра нигилисты – и все это как ветер подует»⁶¹. Здесь выражена великим русским писателем национальная самокритика высшей пробы. Заметим в скобках, что указанная «ветреность» была иронично упомянута для характеристики русского ума и в вышеупомянутом рассказе «Отборное зерно».

Как показывает история отношений крупнейшего восточнославянского и одного из западнославянских народов, они не всегда характеризовались, по словам Лескова, пуризмом и деликатностью. Остается добавить, что эти отношения носят весьма избирательный характер как раз и сегодня, если учесть отношение некоторых чехов к памятнику освободителю

59 *Pospišil I. Labyrint kroniky: pokus o teoretické vymezení žánru*. Brno, 1986; *Kostržica V. Proza N. S. Leskova*. Olomouc, 1980.

60 Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. С. 329.

61 Там же. С. 329–330.

Праги маршалу Ивану Коневу: при этом «самокритика» данной кощунственной акции обнаруживается у современных чехов не без труда.

Источники и литература

Апрышко П. П. Русофобия // *Философский словарь*. Издание девятое, доработанное и дополненное / под ред. А. А. Гусейнова и Ю. Н. Солодухина. М.: Мир философии. Алгоритм, 2021. С. 649–650.

Еремеева Г. И. Из истории идеологии чешского буржуазного радикализма второй половины XIX в. (Журнал Й. В. Фрича «Бланик») // *Советское славяноведение*. 1976. № 5. С. 25–36.

Зарва В. А. Творчество Н. С. Лескова и Украина. Киев: Лыбидь, 1990. 139 с. История словацкой литературы. М.: Наука, 1970. 469 с.

Лантева Л. П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // *Славянские съезды XIX–XX вв.* М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 5–20.

Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. М.: Художественная литература, 1984. Т. 2. 607 с.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М.: Терра, 1996. Т. 3. 880 с.; 1997. Т. 4. 776 с.; 2004. Т. 8. 944 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: Художественная литература, 1956–1958.

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 томах. М.: Правда, 1989.

Лихачев Д. С. «Ложная» этическая оценка у Н. С. Лескова // *Лихачев Д. С.* Избранные работы в 3-х томах. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. С. 322–327.

Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб.: РХГИ, 2000. Т. I. 448 с.; 2004. Т. II. 720 с.; 2003. Т. III. 576 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература, 1970. Т. 9. 651 с.

Florovskij A. V. N. S. Leskov v mariánolázeňských pramenů // *Československá rusistika*. 1969. XIV. № 4.

Kostřica V. Proza N. S. Leskova. Olomouc: Výstavba ostravsko-karvinských dolů ke IV. Olomouckým dnům rusistů, 1980. 92 s.

Listwan F. Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1988. 252 s.

Pospíšil I. Labyrint kroniky: pokus o teoretické vymezení žánru. Brno: Blok, 1986. 193 s.

References

Apryshko, P. P. “Rusofobia.” *Filosofskii slovar'*, ed. by A. A. Guseinova i Yu. N. Solodukhina. Moscow: Mir filosofii. Algoritm, 2021, pp. 649–650.

Eremeeva, G. I. “Iz istorii ideologii cheshskogo burzhuaznogo radikalizma vtoroi poloviny XIX v. (Zhurnal I. V. Fricha «Blanik».)” *Sovetskoje slavianovedenie*, 1976, No. 5, pp. 25–36.

Florovskii, A. V. N. S. “Leskov v mariánolázeňských pramenů.” *Československá rusistika*. 1969. XIV. No. 4.

Istoriia slovatskoi literatury. Moscow: Nauka, 1970, 469 p.

Kostřica, V. *Proza N. S. Leskova*. Olomouc: Výstavba ostravsko-karvinských dolů ke IV. Olomouckým dnům rusistů, 1980. 92 p.

Lapteva, L. P. “Ideia slavianskoi vzaimnosti i slavianskie s"ezdy XIX v.” *Slavianskie s"ezdy XIX–XX vv.* Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1994, pp. 5–20.

Likhachev, D. S. “«Lozhnaia» èticheskaia otsenka u N. S. Leskova.” *Izbrannye raboty*, in 3 vols. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1987, pp. 322–327.

Listwan, F. *Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1988. 252 s.

Masarik, T. G. *Rossia i Evropa. Èsse o dukhovnykh techeniakh v Rossii*. St Petersburg: RKhGI, 2000. Vol. I. 448 p.; 2004. Vol. II. 720 p.; 2003. Vol. III. 576 p.

Pospíšil, I. *Labyrint kroniky: pokus o teoretické vymezení žánru*. Brno: Blok, 1986. 193 s.

Zarva, V. A. *Tvorchestvo N. S. Leskova i Ukraina*. Kiev: Lybid', 1990, 139 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

E. G. Zadorozhnyuk

N. S. Leskov, Czechs and the Slavic world

Ella G. Zadorozhnyuk

Doctor of History, head of a department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: elzador46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2328-810X

Citation

Zadorozhnyuk E. G. N. S. Leskov, Czechs and the Slavic world // Slavic Almanac. 2022. № 3–4. P. 356–380 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

Received: 20.02.2022.

Abstract

The article provides an outline of views and opinions of N. S. Leskov about the Eastern, Western, and Southern Slavs, especially the Czechs. An overview of the whole oeuvre of Leskov allows to show why he considered the Czechs bearers of the pan-Slavic principles. Especially highlighted are texts devoted exclusively to Czech issues: the section “The Czechs of Paris” in Leskov’s essay letters “The Russian Society in Paris” and the story “The Alexandrite”. Letters and memoirs about his stay in the Czech lands and acquaintance with the Czechs in 1862, 1875 and 1884 are also considered. It is noted that intensive publishing of Leskov’s works and studies dedicated to their interpretation started only in the 1920–1930s. Despite Leskov’s sympathy for the Czechs, his works remained undervalued; this prompts us to return to the writer’s interest in the mentality of the West Slavic people, who have always aroused deep interest in the East Slavic neighbour. Leskov’s balanced assessments of the work of Czech writers, in particular B. Němcová and J. Frič, are characterized.

Keywords

N. S. Leskov, Slavic world, mentality, East Slavic peoples, southern Slavs, Czechs, Polish emigration, artistic techniques, Slavic reciprocity.

УДК 9 (94)

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

Т. Р. Семакина

**Непонятая литература, подозрительные пьесы
и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических
противоречиях в польско-советских культурных
контактах на рубеже 1920–1930-х гг.**

Семакина Татьяна Рудольфовна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: semakinaaa@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8200-021X

Цитирование:

Семакина Т. Р. Непонятая литература, подозрительные пьесы и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических противоречиях в польско-советских культурных контактах на рубеже 1920–1930-х гг. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 381–393. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

Статья поступила в редакцию 01.07.2022.

Аннотация

В межвоенный период в межгосударственных отношениях возросла роль политики мягкой силы, предусматривающей расширение культурного влияния и пропаганду культурных достижений за границей. В СССР в рамках данной политики в 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Незадолго до того получившее независимость польское государство входило в число стран, с которыми требовалось расширять культурные контакты, однако существовало множество факторов, мешавших развитию этого процесса. В частности, между стремящимся к коммунизму Советским Союзом, где в 1930-е гг. активно развивался социалистический реализм как новый метод в культуре и искусстве, и санационной второй Речью Посполитой, где были довольно сильны антисоветские настроения, не могло не возникнуть определенных идеологических противоречий. Они проявлялись практически во всех сферах культурного сотрудничества: в области кинематографа, театрального искусства, литературы и т. д. Несмотря на все

усилия ВОКС, многие из них так и остались неразрешенными. В данной статье на материале архивных и публицистических источников рассматривается вопрос о роли идеологических разногласий в развитии двусторонних польско-советских контактов в сфере культуры на рубеже 1920–1930-х гг.

Ключевые слова

Польско-советские отношения, культурные контакты, ВОКС, культурная дипломатия, политика мягкой силы.

В 1927 г. читатели СССР получили возможность взглянуть на Польшу и ее столицу глазами живого классика советской литературы Владимира Маяковского, первого советского поэта, посетившего Вторую Речь Посполитую. Польша, в которой только-только складывался санационный режим Юзефа Пилсудского, сразу погрузила Маяковского в атмосферу всеобщего недоверия и подозрительности. Поэт, чутко улавливавший тончайшие нюансы действительности, точно подметил поворот страны к военной диктатуре, повышение роли армии в общественно-политической жизни. Маяковский, в свое время написавший хлесткое обличительное стихотворение «Пилсудский»¹, увидел в происходящем в Польше угрозу для своей родины, о чем тут же счел нужным предупредить своих сограждан:

А мы, товарищ? Какого рожна
глазем с прохладцей с этакой?
До самых зубов вооружена
у нас под боком соседка...²

Мы не случайно начали статью с этого примера: он, учитывая популярность Маяковского в СССР, дает представление о воздействии творцов культуры на зрителей, читателей, слушателей. Особенно тех творцов, кто побывал за границей, своими глазами увидел и рассказал языком своего вида искусства о том, чего не дано было увидеть большинству их сограждан из-за закрытости границ Советского Союза. Причем это в равной мере было характерно для жителей и Польши, и Страны Советов.

¹ *Маяковский В. В.* Пилсудский // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М., 1957. Т. 5. С. 122.

² *Маяковский В. В.* Польша // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М., 1958. Т. 8. С. 346.

Завершение советско-польской войны не привело к складыванию добрососедской атмосферы в сфере политических контактов между двумя государствами. Не оправдались надежды Кремля на улучшение отношений, связывавшиеся с визитом в Варшаву в 1925 г. главы НКВД СССР Г. В. Чичерина, так и не был подписан предусмотренный мирным трактатом торговый договор, Варшава не торопилась заключать предложенный СССР пакт о ненападении. Тяжелым испытанием для двусторонних отношений стало убийство в июне 1927 г. полпреда СССР в Варшаве П. Л. Войкова, совершенное 19-летним Б. Ковердой. Все это едва ли могло способствовать созданию положительного имиджа польского государства в СССР. В свою очередь, публикации в польской прессе о жизни в Советском Союзе и его «империалистической политике» в отношении соседей, в том числе Польши, представлявшие собой смесь правды, полуправды и лжи, также формировали у поляков искаженное представление о советской действительности³.

Советское руководство, имевшее богатый опыт революционной пропаганды, в том числе и зарубежной, после спада революционной волны в Европе пришло к выводу, что СССР вступает в эпоху длительного сосуществования с капиталистическим окружением. И теперь его пропагандистским оружием должны были стать не призывы к пролетарской революции, а формирование у общественности зарубежных стран положительного образа Советского Союза. В связи с этим, оставив задачу пропаганды социалистической революции Коминтерну, Кремль взял на вооружение политику «мягкой силы», сутью которой было ознакомление зарубежной общественности с культурной сферой жизни советских людей и формирование у нее симпатий к СССР. Именно для этих целей в 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), перед сотрудниками которого ставилась задача расширять советское культурное влияние в странах Запада и формировать благоприятное отношение к СССР, прежде всего среди интеллигенции. Безусловно, среди стран, в которых следовало активизировать эту деятельность, была и Польша.

Но было ли это стремление к укреплению культурных связей взаимным? Польские политические элиты, планомерно утверждавшие собственную позицию в обществе с помощью пропаганды, цензуры, развития широкой сети патриотических общественных организаций,

³ Подробнее о состоянии польско-советских политических отношений в межвоенный период см.: *Rak K.* Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021; Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012.

не могли, да и не пытались избавляться от старого, глубоко укоренившегося в сознании поляков антирусского синдрома. XX век дополнил его антисоветизмом. В результате сфера культуры испытала на себе сильное влияние политики. Именно она явилась самым ярким и самым четким отражением взаимного непонимания, неприятия, разногласий и, в конце концов, противоположных по своей сути целей режимов, которые и развели их по разные стороны политической, идеологической и культурной границы.

В данной статье на материале архивных и публицистических источников сделана попытка проанализировать воздействие идеологических противоречий на состояние культурных контактов Польши и Советского Союза на рубеже 1920–1930-х гг.

В этот период в культуре СССР происходил фундаментальный процесс выработки нового метода в литературе и искусстве, получившего впоследствии название социалистического реализма. Этот метод представлял собой эстетическое выражение социалистически осознанной концепции мира и человека, обусловленной эпохой борьбы за установление и созидание социалистического общества. Польский зритель мог познакомиться с лучшими, по мнению советских функционеров, образцами нового искусства: в 1930 г. в прокате шел «Турксиб» В. Турина, в 1931 г. в полпредстве СССР в Варшаве показывали «Старое и новое» С. Эйзенштейна и «Обломок империи» Ф. Эрмлера. Эти фильмы воспринимались как пропагандистский продукт, а их сюжеты не находили особенного отклика у польской публики, в отличие от технической стороны, о которой положительно высказывались даже авторитетные «Вядомосьци литератце»⁴. Изображение незнакомых социалистических реалий вызывало интерес и будоражило воображение, но вместе с тем казалось чем-то бесконечно чуждым сознанию поляков, еще хранящих воспоминания о старорежимных имперских временах.

Впрочем, даже само руководство Второй Речи Посполитой не особенно разделяло интенции функционеров ВОКС: по многочисленным архивным свидетельствам можно сделать вывод о серьезной цензуре, которой подвергались советские кинокартины в Польше. Кассово успешный «Броненосец “Потемкин”» С. Эйзенштейна оказался беспощадно порезан на этапе цензуры⁵, и даже в далеких от политики

4 *Zahorska S.* “Turksib” // *Wiadomości Literackie*. 01.06.1930. № 22.

5 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 188. Оп. 7. Д. 28. Л. 40. Письмо 1-го секретаря полпредства СССР в Польше М. П. Аркадьева в ВОКС 18.01.1927.

картинах цензоры охотно выискивали способную, как им казалось, встревожить общественное сознание большевистскую пропаганду. Так случилось, например, с хроникой, закупленной агентством «Полония-фильм», в которой были сняты в основном усадьбы и природные явления⁶. Пресса тоже угодливо вносила свою лепту в цензурную политику и с удовольствием рисовала образ насквозь агитационного советского киноискусства⁷.

В конце концов в ВОКС были вынуждены сделать не внушающие особого оптимизма выводы: «Систематически практикуемое польской цензурой выхолащивание и извращение картин советской продукции вводит в заблуждение заграничную общественность и приносит этим большой политический вред, который вряд ли может быть оправдан теми незначительными выгодами, которые мы имеем от продажи 2–3 картин на польском рынке»⁸. Последовательное стремление оградить поляков от социалистического влияния, сознательная перестановка акцентов вплоть до изменения авторского замысла на прямо противоположный и всяческое подчеркивание агитационного характера советского киноискусства, пожалуй, довольно ярко иллюстрируют боязнь польских политических элит потерять господство над умами своих граждан, что было тем более актуально в условиях складывавшегося авторитарного режима Ю. Пилсудского.

Если же говорить о советской стороне, то контакты в области кинематографа оставались односторонними на протяжении всего межвоенного периода⁹. Аудиовизуальный контент, предлагаемый к импорту польской индустрией развлечений, по мнению ВОКС, совершенно не подходил для нового поколения советских зрителей, взращиваемых на массовом искусстве соцреализма¹⁰. Причина все та же – глубокий конфликт идеологий.

6 АВП РФ. Ф. 188. Оп. 8. Д. 11. Л. 20. Письмо и. о. торгового представителя Копылова в Полномочное представительство СССР в Польше 02.04.1928.

7 См., например: *Tonecki Z.* Film sowiecki // *Wiadomości Literackie*. 07.09.1930. № 36.

8 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 174. Л. 26. Письмо зав. сектором ВОКС Райвида 14.06.1931.

9 См.: *Falkowicz S., Czernych M.* Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym // *Dzieje najnowsze*. 1970. № 2. S. 119.

10 ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 174. Л. 39. Из личного дневника уполномоченного ВОКС в Польше М. В. Юшкевича 01.04.1931.

Кино – не исключение, а лишь частное проявление общей тенденции, дававшей о себе знать и в других областях культуры. Театральное искусство не в меньшей степени подвергалось идеологическому давлению, а потому договариваться о каком-либо сотрудничестве в этой сфере оказалось делом весьма затруднительным. Социальная функция театра понималась по разные стороны советско-польской границы по-разному. Если во Второй Речи Посполитой в обществе еще сохранилось классическое представление о драматургии как эмоциональном осмыслении творцом действительности, то в Стране Советов театральные подмостки стали ареной транслирования линии партии. Все это, как и в случае с кинематографом, тонко подмечала польская пресса, в которой, по свидетельству сотрудников ВОКС, нередко появлялись нелестные критические заметки о советском театре¹¹.

Польские элиты определенно предпочитали театральное наследие Российской империи – оно не несло в себе такой угрозы, да и самого этого государства уже не существовало на карте мира, так что его пропаганды можно было не бояться. Пьесы А. П. Чехова, А. Н. Островского и других классиков продолжали радовать польскую публику и в 1920-е, и в 1930-е гг. Развитие же социалистического театра, хоть и вызывавшее неподдельный интерес, все-таки рождало некоторые опасения и все сильнее укреплявшееся с годами чувство тревоги. Из статей, публиковавшихся на страницах популярных газет и журналов, польский зритель узнавал, что театр в СССР принимает непосредственное и активное участие в большевистской агитации масс, художественная цель его состоит исключительно в побуждении политической активности, а все это, вместе взятое, крайне отрицательно влияет на уровень постановок¹². Показательной в этом отношении является, например, точка зрения известного публициста Антония Слонимского¹³, писавшего прямо во время своего путешествия по Стране Советов: «Пьесы современных авторов отличаются примитивизмом и докучают постоянным прославлением советского режима»¹⁴.

11 ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 133. Хроника культурной связи с Польшей за первое полугодие 1931 г.

12 См., например: *Tonecki Z. Teatr Meyerholda // Wiadomości Literackie*. 13.03.1932. № 11.

13 Слонимский Антоний (1895–1976) – польский поэт, драматург, литературный критик.

14 *Słonimski A. Moja podróż do Rosji. Sztuka // Wiadomości Literackie*. 17.07.1932. № 30.

Тщетно мечтало ВОКС о продвижении новых, написанных уже в Советской России, сценариев на польские сцены – в основном такие произведения были востребованы у владельцев небольших частных театров (например, Еврейского театра в Варшаве и др.), сочувствовавших советской власти. «Сложно найти хоть один театр, который хотя бы относительно был бы нам социально близок», – с грустью констатировал уполномоченный ВОКС в Польше¹⁵. Исходя из этих же соображений Польшу не стали приглашать на Международную театральную олимпиаду в Москву в 1932 г. Таким образом, если польская публика могла пусть частично, отрывочно, но все же узнавать о театральной жизни в соседнем государстве, то советский зритель был практически лишен такой возможности, тщательно оберегаемый собственной властью от деструктивных «буржуазных» веяний с Запада, а тем более из «фашистской» Речи Посполитой, где поднимал свою голову польский национализм, вольготно чувствовавший себя в условиях объявленной Пилсудским санации.

Наиболее политизированной отраслью культурной деятельности стала литература. Советские произведения социалистического реализма показывали новую реальность в исключительно положительном ключе, приукрашивали ее, делая в разы привлекательнее, чем она была на самом деле. Набор тем и сюжетов тоже претерпел серьезные изменения: на первый план стали выходить проблемы государственного строительства, борьбы с антисоветчиками, устройства нового быта и поиска героем своего места в этом рождающемся на глазах обществе. Все это, разумеется, представляло довольно малую привлекательность для идеологов Второй Речи Посполитой. Эти факторы обуславливали не слишком активное сотрудничество двух государств в области литературы. Если русская классическая литература стабильно переводилась и покупалась в Польше, то о литературе социалистической вряд ли можно было сказать то же самое – она пользовалась далеко не такой большой популярностью у польских импортеров. Более того, сотрудники ВОКС с горечью отмечали разворачивавшиеся в прессе антисоветские кампании, когда в ряде статей литературная жизнь в СССР преподносилась в крайне негативном ключе¹⁶.

15 ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 146. Письмо уполномоченного ВОКС в Польше Б. Николаева в правление ВОКС 28.06.1932.

16 См., например: ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 133. Хроника культурной связи с Польшей...

В самом Советском Союзе польская литература и польская пресса не вызывали особенного интереса. Что касается периодических изданий, советская цензура не считала возможным распространение в стране многих польских журналов как представлявших идеологическую опасность, и это касалось изданий не только общественно-политических, но и освещавших вопросы культуры. Среди польских писателей преимущественно выделялись близкие по идеологическим взглядам авторы, например живший в СССР Бруно Ясенский¹⁷, написавший знаменитую «Галицийскую жакерию» и «Я жгу Париж». Именно Ясенский оказался единственным поляком на Международном съезде пролетарских писателей, проходившем в 1930 г. в Харькове. Изначально организаторами предполагалось присутствие польской делегации, возглавлять ее должен был также сочувствующий СССР Владислав Броневский¹⁸, однако по политическим причинам осуществить приезд поляков не удалось, в чем Ясенский не преминул обвинить «польский фашизм». Статья в газете «Вядомосьци литератке», посвященная съезду, опять-таки рисовала читателям образ грозного социалистического государства, в котором писатели собирались на съезд, подгоняемые страхом увольнения с работы и давлением со стороны властей, а вовсе не искренним творческим порывом¹⁹.

Серьезные обвинения в адрес советской цензуры выдвигал и автор обличительной «Мысли в клещах», видный представитель виленских консерваторов Станислав Цат-Мацкевич²⁰. Он видел глубокий трагизм в том, что в огромной стране сознание ее многомиллионного населения насильно загоняется в рамки коммунистических категорий и представлений, так что учение К. Маркса и В. И. Ленина становится единственным мериллом добра и зла. Резкие выпады посетившего СССР в 1931 г. Цата-Мацкевича в адрес искусства соцреализма (чего только стоит его определение пролетарской литературы

17 Ясенский Бруно (Зисман Виктор, 1901–1938) – польский и советский писатель, поэт, драматург, с 1934 г. член правления Союза писателей СССР.

18 Броневский Владислав (1897–1962) – польский поэт, переводчик и редактор. Один из авторов поэтического бюллетеня «Три залпа» 1925 г., ставшего манифестом революционной поэзии.

19 *Baryka P.* Międzynarodowy zjazd pisarzy proletariackich // *Wiadomości Literackie*. 14.12.1930. № 50.

20 Цат-Мацкевич Станислав (1896–1966) – польский писатель и публицист, редактор консервативной виленской газеты «Слово», премьер-министр правительства в изгнании в 1954–1955 гг.

как «примитивных текстов, которые полуграмотные накарябали каракулями на бумаге»²¹) явились отражением точки зрения определенной части польского общества, с которой советским функционерам тоже приходилось считаться.

Пожалуй, единственной сферой культурного сотрудничества, в которой идеологический гнет ощущался слабее, чем где-либо, на протяжении всего межвоенного двадцатилетия оставалась академическая музыка. Музыкальные контакты Польши и СССР традиционно были богатыми, о чем свидетельствовали постоянные гастроли советских музыкантов в Польше и польских – в Советском Союзе, обмен изданиями нот, участие в музыкальных конкурсах и т. д. Но даже здесь не обходилось без скандальных эпизодов и взаимных обвинений, уходивших корнями в неразрешимое идеологическое противостояние. Так, Второй конкурс пианистов им. Шопена, прошедший в 1932 г. в Варшаве, стал настоящей ареной идеологической борьбы: сотрудники ВОКС из всех сил стремились доказать польской общественности, что исполнительское искусство развивается в СССР даже успешнее, чем в Российской империи. Любая неудача закономерно объяснялась «антисоветским» жюри и критиками, способными пойти на любую подлость, лишь бы дискредитировать советских конкурсантов²².

Гастроли польских музыкантов в Советском Союзе, в отличие от советских гастролей во Второй Речи Посполитой, зачастую, несмотря на относительно теплый прием публики, еще сильнее обнажали идеологический раскол между двумя соседними странами. Скандальным оказалось, например, интервью А. Венявского²³, данное им нескольким польским газетам по возвращении из СССР, в котором советская действительность изображалась в негативном ключе²⁴. В ВОКС интервью

21 *Цат-Мацкевич С.* Мысль в клещах // *Цат-Мацкевич С.* Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М., 2019. С. 204.

22 См., например: ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 193. Отчет уполномоченного ВОКС в Польше М. В. Юшкевича о Втором конкурсе им. Шопена 25.04.1932.

23 Венявский Адам Тадеуш (1876–1950) – польский композитор, музыкальный педагог и организатор. С 1928 г. руководитель Варшавского музыкального общества и Высшей школы музыки им. Ф. Шопена, с 1932 г. председатель Союза польских композиторов. Активно сотрудничал с ВОКС в 1930-е гг.

24 ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 174. Л. 2. Письмо уполномоченного ВОКС в Польше М. В. Юшкевича в правление ВОКС по вопросу обмена лауреатами, январь 1931 г.

сочли вопиющим проявлением антибольшевизма, даже не став прислушиваться к оправданиям самого Венявского, ссылавшегося на искажение его слов журналистами. Такого рода высказывания, по мнению слушателей советской пропаганды, сводили на нет весь вклад гастролей в дело развития культурного сотрудничества.

Впрочем, примечательно и то, что хотя в Москве и с теплотой принимали польских артистов, но все же не обходилось без некоторой доли лицемерия. Заблаговременно проводилась соответствующая идеологическая подготовка советского зрителя: объяснялось, в частности, что современная музыкальная культура Польши не имеет ничего общего с соцреализмом и во многом остается лишь интерпретацией западноевропейских тенденций в искусстве²⁵. Таким образом, и мелодии, изначально не имевшие слов, идеологи по обе стороны границы заставили говорить языком пропаганды.

Представленные идеологические разногласия и противоречия между Польшей и Советским Союзом, имевшие место на рубеже 1920–1930-х гг., были, однако, только одной частью широкого процесса развития культурного сотрудничества – далеко не всегда оно складывалось столь драматично, гораздо больше было в нем и светлых моментов. На счету ВОКС в конечном итоге оказалось множество организованных мероприятий и успешных переговоров как с польскими организациями, так и с частными лицами, интересовавшимися советской культурой и действительностью. Расширение культурного влияния и пропаганда достижений советского искусства в Польше Пилсудского изначально являлись делом неблагодарным, представители ВОКС в своей работе постоянно встречались с многочисленными препятствиями, из которых медлительность бюрократического аппарата была наиболее безобидным. Но все же стремлений своих они не оставляли.

В этих попытках 1920–1930-х гг. расшевелить советско-польское культурное взаимодействие на государственном уровне прослеживается некоторая обреченность, словно заранее заложенная в них самой сутью столкнувшихся друг с другом миров. История, поставив СССР и Польшу по разные стороны этого разлома, так и не дала им возможности оказаться на одной стороне, да и времени у них было слишком мало: все более явно ощущалась неотвратимость мировой войны, нависшая над государствами в конце 1930-х гг. Вопрос, в какой мере две страны смогли понять друг друга, и по сей день остается

²⁵ См., например: *Пишбышевский Б.* Плеяда мастеров. Музыка современной Польши // Советское искусство. 14.11.1933. № 52.

открытым. На протяжении межвоенного периода отношения Второй Речи Посполитой и Советского Союза переживали периоды как подъема (что в основном было связано с пактом о ненападении 1932 г.), так и упадка, когда только общая государственная граница оставалась единственным связующим элементом между ними. Область культуры чутко реагировала на каждое малейшее потепление политического курса – это отражалось в многочисленных мероприятиях ВОКС, организуемых в Польше, в перемене тональности статей в прессе, во все более частых поездках деятелей культуры. Однако огромная, фундаментальная пропасть между двумя идеологиями не могла исчезнуть, несмотря на все усилия функционеров по обе стороны. Она проявлялась – может быть, даже особенно остро – и в мелочах, будь то вырезанные цензурой пара предложений, едкие замечания, брошенные в газетном интервью как бы между делом, или, наконец, бесконечные подозрения, высказываемые сотрудниками ВОКС в кулуарах и служебной переписке. Все это было, к сожалению, свидетельством того, что боязливое опасение политических элит, что их идеологическое господство, добытое столь высокой ценой, может пошатнуться, оказалось сильнее желания расширить культурное сотрудничество.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Маяковский В. В. Пилсудский // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 5. 481 с.

Маяковский В. В. Польша // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 8. 460 с.

Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Пишбышевский Б. Плеяда мастеров. Музыка современной Польши // Советское искусство. 14.11.1933. № 52.

Цат-Мацкевич С. Мысль в клещах // Цат-Мацкевич С. Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М.: Издатель Степаненко, 2019. 468 с.

Baryka P. Międzynarodowy zjazd pisarzy proletariackich // Wiadomości Literackie. 14.12.1930. № 50.

Falkowicz S., Czernych M. Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym // Dzieje najnowsze. 1970. № 2. P. 105–123.

- Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem / red. B. Kubisz. Warszawa: Bellona, 2021. 1040 s.
- Słonimski A. Moja podróż do Rosji. Sztuka // Wiadomości Literackie. 17.07.1932. № 30.
- Tonecki Z. Film sowiecki // Wiadomości Literackie. 07.09.1930. № 36.
- Tonecki Z. Teatr Meyerholda // Wiadomości Literackie. 13.03.1932. № 11.
- Zahorska S. "Turksib" // Wiadomości Literackie. 01.06.1930. № 22.

References

- Baryka, P. "Międzynarodowy zjazd pisarzy proletariackich." *Wiadomości Literackie*, 1930, No. 50 (14.12).
- Falkowicz, S., Czernych, M. "Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym." *Dzieje najnowsze*, 1970, No. 2.
- Pol'sha v XX veke: Oчерki politicheskoj istorii*, ed. by A. F. Noskova. Moscow: Indrik, 2012. 952 p.
- Pshibyshevskii, B. "Pleiada masterov. Muzyka sovremennoi Pol'shi." *Sovetskoje iskusstvo*, 1933, No. 52 (14.11).
- Rak, K. *Piłsudski między Stalinem a Hitlerem*, ed. by B. Kubisz. Warszawa: Bellona, 2021, 1040 p.
- Słonimski, A. "Moja podróż do Rosji. Sztuka." *Wiadomości Literackie*, 1932, No. 30 (17.07).
- Tonecki, Z. "Film sowiecki." *Wiadomości Literackie*, 1930, No. 36 (7.09).
- Tonecki, Z. "Teatr Meyerholda." *Wiadomości Literackie*, 1932, No. 11 (13.03).
- Tsat-Matskevich, S. "Mysl' v kleshchakh." Tsat-Matskevich, S. *Pol'skaia katastrofa 1939 goda i jeje prichiny*. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2019, 468 p.
- Zahorska, S. "Turksib." *Wiadomości Literackie*, 1930, No. 22 (1.06).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

T. R. Semakina

Incomprehensible literature, suspicious plays, and omnipotent censorship: On the issue of ideological contradictions in Polish-Soviet cultural contacts at the turn of the 1920s–1930s

Tatiana R. Semakina
PhD student
Lomonosov Moscow State University
119192, Lomonosovsky Prospect, 27-4, Moscow, Russian Federation
E-mail: semakinaaa@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8200-021X

Citation

Semakina T. R. Incomprehensible literature, suspicious plays, and omnipotent censorship: On the issue of ideological contradictions in Polish-Soviet cultural contacts at the turn of the 1920s–1930s // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 381–393 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

Received: 01.07.2022.

Abstract

During the interwar period, the role of soft power politics in interstate relations increased, it included the expansion of cultural influence and the promotion of cultural achievements abroad. In the USSR, within the framework of this policy, in 1925, the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries was established. The newly independent Polish state was among the countries with which it was necessary to expand cultural contacts, but there were many factors that hindered the development of this process, although there are many examples of successful interaction. In particular, there were many ideological contradictions between the Soviet Union, which aspired to communism, and where socialist realism was actively developing as a new method in culture and art in the 1930s, and the Second Polish Republic, where J. Piłsudski established an authoritarian regime and where anti-Soviet sentiments were strong. These contradictions manifested themselves in almost all spheres of cultural cooperation: in the field of cinematography, theatrical art, literature, etc. Despite best efforts of All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries, many of them remained unresolved. Based on archival and journalistic sources, this article examines the role of ideological differences in the development of bilateral Polish-Soviet contacts in the field of culture.

Keywords

Polish-Soviet relations, cultural contacts, All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries, cultural diplomacy, soft power policy.

УДК 94
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.01

М. Ю. Дронов

Штрихи к портрету участника Венгерского похода 1849 г. А. Л. Верниковского

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
199991 Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Цитирование

Дронов М. Ю. Штрихи к портрету участника Венгерского похода 1849 г. А. Л. Верниковского // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 394–402. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.01

Текст поступил в редакцию 01.09.2022.

Аннотация

Исследователям истории Венгерского восстания (Венгерской революции) 1848–1849 гг. хорошо знакомы мемуары Александра Львовича Верниковского «Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера» (1885). Публикуемое письмо Верниковского, направленное им в 1880 г. в Главный штаб, проливает свет на биографию этого офицера.

Ключевые слова

Венгерский поход 1849 г., А. Л. Верниковский.

В 2020 г. нами была выпущена книга «Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 года»¹. В ней были собраны фрагменты из текстов десяти военных, оставивших свидетельства о восточнославянском населении Галиции и Угорской Руси. При этом, если о большинстве авторов удалось найти дополнительные биографические

¹ Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. М., 2020.

сведения, некоторые персоналии остались даже с неразгаданными инициалами. В частности, это относится к А. Л. Верниковскому – автору мемуаров «Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера», впервые опубликованных в 1885 г. на страницах журнала «Русский архив»². При подготовке книги в печать мы дали этому автору следующую характеристику: «русский офицер, в 1849 г. служил в Галицком егерском полку (название дано по г. Галичу Костромской губернии). К сожалению, не удалось выяснить никаких биографических подробностей. Как следует из воспоминаний Верниковского, в этническом отношении он отчетливо относил себя к русским. При этом любопытно, что Верниковский также владел польским языком, что может говорить в пользу его возможного белорусского происхождения. В настоящее время известны белорусские, польские и еврейские носители данной фамилии»³.

Как оказалось, мы не ошиблись в направлении наших предположений. Хочется выразить искреннюю благодарность нашему коллеге, известному белорусисту И. И. Баринову, который обратил наше внимание на дело А. Л. Верниковского, хранящееся в Российском государственном военно-историческом архиве⁴. Оказывается, Александр Львович Верниковский – как мы и предполагали, из православных дворян Минской губернии – после окончания военной службы стал жандармом и увольнялся уже в Москве. Материалы дела являются результатом борьбы (в результате почти безуспешной) за увеличение пенсии или хотя бы выдачу единовременного пособия. Так, здесь мы находим сразу несколько похожих писем Верниковского, в которых он кроме прочего проливает свет на свою биографию с особым вниманием к событиям 1849 г. Ниже мы публикуем первое из этих писем, написанное офицером 20 ноября 1880 г. (здесь и далее – по старому стилю). К слову, знакомство с данным делом в РГВИА проливает свет на возможную цель публикации воспоминаний Верниковского в «Русском архиве». Вероятно, не добившись своих целей, офицер решил ознакомить со своей судьбой, и в частности собственными действиями во время Венгерского похода, широкую читательскую аудиторию. Хотя архивное дело оканчивается 1884 годом, можно заключить, что в 1885 г., когда вышли мемуары, их автор еще был жив.

² *Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. 1885. № 12.

³ Русины Австрийской империи... С. 120.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 8012.

Благодаря послужному списку, находящемуся в деле⁵, главные вехи жизни А. Л. Верниковского представляются нам теперь следующим образом. Будущий офицер-мемуарист родился 1 января 1817 г. Воспитывался в Минской губернской гимназии. Службу начал рядовым в 1837 г. в Галицком егерском полку. В 1840 г. стал унтер-офицером, в 1844 – прапорщиком. Тогда же перешел в Симбирский егерский полк, однако уже летом 1845 г. был «уволен со службы, для определения к светским делам». Через три года был вновь принят на службу прапорщиком в старый Галицкий егерский полк. В 1849 г. дослужился до подпоручика, в 1850 г. – до полкового адъютанта, в 1852 г. – до поручика, в 1854 г. – до штабс-капитана. В 1855 г. по собственному желанию был прикомандирован к 3-му округу Корпуса жандармов, на краткое время став адъютантом 3-го отделения этого округа в Царстве Польском. В том же году офицер был «выключен из полка в резервные войска 2-го пехотного корпуса». В 1861 г. Верниковский перебрался из Польши в Москву – в штаб московской полиции «с зачислением по армейской кавалерии и с переименованием в штаб-ротмистры высочайшим приказом». Начав службу на новом месте помощником квартального надзирателя, вскоре он был назначен квартальным надзирателем (1862), исправляющим должность частного пристава (1868), после чего был утвержден в должности частного пристава (1869). Кроме того, в 1868 г. за отличную службу он был произведен в ротмистры. Правда, в 1870 г. Верниковского временно отстранили от службы на время суда над ним «за неправильное задержание и высылку на родину по этапу крестьянина Ивана Брашка». Впрочем, в начале 1871 г. следствие и суд были прекращены, а Верниковский вновь был назначен частным приставом и вскоре произведен в майоры. В 1880 г. он был уволен «по домашним обстоятельствам подполковником с мундиром и с пенсионом».

За годы службы А. Л. Верниковский был удостоен орденов Св. Анны III и IV степеней, Св. Станислава III степени, серебряной медали за усмирение Венгрии и Трансильвании в 1849 г. и бронзовой в память войны 1853–1856 гг. Интересно, что многие годы офицер был в отпусках лишь пять раз, отлучаясь на срок от 3 до 15 дней (в общей сложности 35 дней).

Имеются сведения и о личной жизни. А. Л. Верниковский был женат дважды. Вторая жена, Марциана Викентьевна, урожденная Свенцицкая, была полькой римско-католического вероисповедания – «дочерью варшавского гражданина». Поэтому, несмотря на русский

патриотизм с антипольскими нотками, характерный для текстов Верниковского, в действительности офицер был теснее связан с поляками, чем можно было бы подумать. Имел детей: Марию (1856 г. р.), Константина (1857 г. р.), Ольгу (1859 г. р.) и Владимира (1861 г. р.), крещенных в православии. Некоторые подробности о них представлены в публикуемом письме.

Текст документа мы приводим в соответствии с современными русскими правилами орфографии и пунктуации. При этом сохранены некоторые авторские особенности написания имен и географических названий. Некоторые из них снабжены подстрочными комментариями.

В Главный штаб отставного подполковника Александра Львова сына Верниковского прошение

Предложение Главного штаба от 24 числа сентября сего года за № 19380-м, на имя московского обер-полицеймейстера о назначении мне пенсии в размере полного оклада по должности частного пристава, по 214 рублей 50 копеек в год, мне объявлено. Пенсия эта не соответствует моему военному чину, и кроме того, обер-полицеймейстером было сделано представление в Главный штаб 8 марта сего года за № 5075-м о производстве меня при увольнении от службы в чин подполковника, осталось не уваженным. Прослужив в военных чинах с лишком сорок лет, я остался лишенным и военного пенсионера, и производства в чин. Невзгода эта постигла меня, как я полагаю, вследствие того, что я, находясь на службе, хотя и был в 1849 году в походе против Венгрии, но не участвовал в действительном сражении. Обстоятельство это заставляет меня разъяснить ход моей службы.

В военной службе я прослужил с 30 июля 1837 года по 1 октября 1861 года, то есть по день выбытия моего из последнего места служения в штат московской полиции. Всей военной службы 23 года и 4 месяца, считая в том числе и три месяца Венгерской кампании. Остальную службу до выхода в отставку продолжал я в полиции.

В Венгерскую войну 1849 года был я с полком в походе, но в делах не участвовал по следующим причинам. Когда в войсках, находившихся в походе, сильно развилась холера, то в Мишкольце Главкомандующий остановил движение войск, чтобы дать армии отдых и чтобы холерных больных отправить из Мишкольца в Кашау⁶. Для этой надобности по приказанию Главкомандующего были собраны

⁵ Там же. Л. 67–75.

⁶ Кашау – г. Кошице, ныне в Словацкой Республике.

подводы, вызваны из полков несколько офицеров для сопровождения транспорта. В транспорт поступило 1500 человек больных, медицинский персонал, назначенный к больным, состоял из одного врача и трех фельдшеров, санитары нижние чины из полков. Во время следования транспорта наши санитары многие переболели, и на останках некому было оказывать пособие больным, офицерам приходилось исполнять должность санитаров, медиков и хоронить умерших, а сих последних было много, по 40 и 50 человек приходилось зарывать в могилу, всю дорогу мы усеяли могилами. Офицеры находились в самом близком соприкосновении с холерными, и от забот некогда было думать о своей безопасности, а поселилось апатичное равнодушие к смерти. Наконец мы прибыли в Кашау и привезли остатки больных и тех умерших, которых не успели дорогою похоронить. В этом городе мы застали поражающую картину, временный госпиталь был приготовлен на 2000 человек, а больных оказалось с лишком 8000 человек. Постелей для больных не было, под госпитальные помещения были заняты в городе обывательские дома, куда мы уложили больных или на голые полы, или на соломенную берлогу, бывшую уже под больными. Хаос во всем был ужасный, поражающая картина; страшно было все это видеть, а виденное трудно позабыть. Смерть делала свое дело, холера, как говорят, вырвала из рядов русской армии 17 000 человек.

После сдачи больных мы собирались отправиться обратно в армию, но в это время Главнокомандующий с курьером дал знать губернатору г. Кашау, что венгерский генерал Гергей⁷ идет с своим отрядом на Кашау и прервал сообщение с армиею, почему приказано было офицеров в армию не посылать. Губернатору, коим был командир Камчатского егерского полка, приказано было отступить в г. Епериес⁸, забрав с собою все оружие, находившееся в г. Кашау, убрать по мере возможности магазины, больных же с медиками и офицерами, назначенными для присмотра за больными и порядком, предать великодушию венгерских войск и на попечение жителей города, с предварением, что если последует какое-либо насилие русским, то город будет подвергнут страшной военной каре; о чем и была издана прокламация к жителям. Командир Камчатского полка, издав прокламацию к жителям, прибывавшим офицерам

⁷ *Генерал Гергей* – Артур Гёргей (1818–1916), венгерский военачальник и революционер.

⁸ *Епериес* – г. Прешов, ныне в Словацкой Республике.

из армии с больными приказал остаться при Камчатском госпитале, сам выступил с войсками в Епериес.

Томление наше по выступлению войск и неизвестность, что нас постигнет, если венгерцы займут город, продолжалось семь дней. Наконец Гергей в 7 верстах прошел мимо Кашау, минуя город. Наши войска возвратились из Епериеса, и мы вздохнули свободно. Недолго после этого события Гергей положил оружие, наступил конец войны, и войска двинулись обратно в Россию, а я, по окончании моих служебных занятий в Венгрии, в 1850 году возвратился в полк, квартировавший в то время в Царстве Польском. Итак, в венгерскую войну, по не зависевшим от меня причинам, я не участвовал в сражениях, выдержал бой с холерою, а этот бой был страшнее всех сражений. В госпитале я заведовал отделением оною, и кроме этого заведовал еще и вещевою частью. Вещи для наших больных были приняты от австрийцев, и им же мною сданы полностью и удовлетворительно. За отличную службу в Венгрии, засвидетельствованную Главнокомандующим, я награжден орденом Св. Анны 4 степени.

В кампанию восточной войны в 1854 году я находился с полком в отряде, бывшем на границе Австрии в Царстве Польском. Австрийцы делали нам тревогу, мы передвигались из места на место, будучи в готовности отразить их, если бы последовало нападение. В 1855 году я был по распоряжению Главного командующего прикомандирован в III округ Корпуса жандармов, в который впоследствии и переведен.

В Польше все время шло брожение умов и глухая подготовка к бунту. После тихая агитация превратилась в явную, пошли крестные ходы, траур, пение революционных гимнов. По костелам польские святые были украшены революционными эмблемами. Священники явно и гласно в костелах из амвонов возбуждали народ к уничтожению всего русского. На улицах поляки при встречах с русскими плевали на них, ругали, в городах из окон швыряли камнями в проходивших русских или обдавали помоями и разными нечистотами. Начались ночные демонстрации, приготовленные жожаками в кабаках с выдачею денег за участие в уличных демонстрациях. Нападали на дома, в которых проживали личности, не сочувствовавшие польскому делу, били окна и забрасывали камнями. В числе сих последних попал и я как русский жандармский офицер. В феврале месяце 1861 года в г. Радоме, где я находился на службе, толпа поляков ночью произвела нападение и на мою квартиру, перебили все окна, уничтожили все и переломали в квартирах, перепугали все семейство, и едва уцелело от несчастья, а старшего сына, который был тогда ребенком,

чуть не убили, едва успел я выхватить его из кровати испуганного, как туда попал камень в несколько фунтов. Об этом вандальском нападении был составлен акт, который по распоряжению начальства был передан на рассмотрение в польский суд, то есть на решение тех же панов, которые участвовали в этом, по их мнению, патриотическом разбое. О происшествии этом известно штабу Корпуса жандармов. Самое дело это осталось в суде без последствий, виновных не оказалось. Польская полиция, которой все личности были известны, участвовала в демонстрациях, но, боясь вожаков, всегда не знала виновных в беспорядках. Все полякам проходило безнаказанно. Для усмирения их выводились в город русские батальоны с оружием в руках, толпы народа ругали солдат, плевали на них, бросали грязью, солдаты не смели ничего делать, и их оплеванных уводили в казармы. В это же время приповедывалось русским все оскорбления, наносимые поляками, переносить терпеливо. Зная к себе нерасположение поляков, то эта польская неурядица заставила меня, чтобы обеспечить жизнь моего семейства, выдержавши уже ночное нападение на мою квартиру, уехать в Россию и поступить на службу в штат московской полиции. Переход этот состоялся до объявления Польши на военном положении.

Состоя на службе в полиции во время последней Турецкой войны, я оказывал услуги военному ведомству: при передвижении войск, при мобилизации армии, при перевозке больных и раненых и при следовании пленных турок.

Семейство мое – жена да четверо детей. Сыновья, воспитанные на мой счет и кончившие курс в Александровском юнкерском училище и выпущенные офицерами – старший, спасенный мною в малолетстве от польского погрома, служит в 3 стрелковой бригаде, был в последней войне в Турции и находился в деле против турок под Плевною, перешел Балканы и был под Шейновым, получил три награды. Младший сын служит в артиллерии, две дочери, из них старшая болезненная, нуждающаяся в постоянном лечении. Средства к жизни мои плохие, состояния я не нажил, помощи от сыновей ждать трудно, они сами должны жить только казенным содержанием. По последней моей службе пенсия, назначенная мне, слишком мала, московская полиция, не будучи переформирована на образец петербургской, в которой оклады пенсии значительные, пользуется до сих пор древними окладами пенсии. Я льстил себя надеждою получить с производством в чин подполковника полный пенсион по военному чину, но и тут последовала неудача.

Всю службу прошел путем тяжелых испытаний, а выйдя из службы – жить нечем, в перспективе тяжелая нужда.

Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение Главного штаба и прилагая у сего в доказательство, что я находился в кашауском госпитале, предписание майора Гулевича за № 222, с приложенною к оному инструкциею, свидетельство смотрителя госпиталя за № 369 и копию приказа за № 29, имею честь просить ходатайства оного Штаба о назначении мне полного пенсионна по военному чину, и чтобы назначение как пенсионна, так равно и эмеритуры было мне разрешено со дня подачи в отставку, так как с этого времени я не нес уже полицейской службы и не пользовался содержанием.

Отставной подполковник Верниковский
20 ноября 1880 года.

Жительство в Москве Басманной части 3 квартала Денисовский переулок дом Аносовой.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 8012. Л. 32–37 об.

Источники и литература

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. 1885. № 12. С. 510–538.

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. М.: Граница, 2020. 160 с. DOI: 10.31168/9933-0289-8.

References

Rusiny Avstrijskoj imperii v dnevnikh i vospominaniakh russkikh ofitserov – uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda, comp. by M. Ju. Dronov. Moscow: Granica, 2020, 160 p. DOI: 10.31168/9933-0289-8.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.01

М. Ю. Дронов

**Touches to the portrait of the participant
of the Hungarian campaign of 1849 A. L. Vernikovsky**

Mikhail Yu. Dronov
Candidate of History, research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
199991 Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Citation

Dronov M. Yu. Touches to the portrait of the participant of the Hungarian campaign of 1849 A. L. Vernikovsky // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 394–402 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.01

Received: 01.09.2022.

Abstract

The memoirs of Alexander Lvovich Vernikovsky “The Hungarian campaign of 1849. Memoirs of an Army Officer” (1885) are well known among the researchers of the history of the Hungarian uprising (Hungarian revolution) in 1848–1849. The published letter of Vernikovsky, sent in 1880 to the General Staff, sheds light on the biography of this officer.

Keywords

Hungarian campaign of 1849, A. L. Vernikovsky.

УДК 94(47).084.3

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

А. В. Ганин

**«Менял ориентацию в зависимости
от политической обстановки».
Деникинская разведка о генштабистах,
служивших в украинских войсках.
1919 г.**

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки». Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 403–429. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

Статья поступила в редакцию 15.05.2022.

Аннотация

Материал представляет первую публикацию документов белой разведки с характеристиками генштабистов, служивших в украинских войсках (гетманских, петлюровских и советских) в 1918–1919 гг. Особый интерес вызывают оценки политических взглядов офицеров. Публикуемые документы выявлены в фондах Российского государственного военного архива.

Ключевые слова

Украина, РККА, Вооруженные силы на Юге России, Гражданская война, Украинская народная республика, офицерский корпус, разведка.

В фонде «Военного управления Особого совещания» в Российском государственном военном архиве (далее – РГВА) среди документов разведки Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) удалось обнаружить три списка Генерального штаба украинских формирований эпохи Гражданской войны 1917–1922 гг. – гетманских, петлюровских

и советских – с развернутыми персональными характеристиками, которые представляют самую ценную часть этих документов.

Известно, что белая разведка внимательно следила за состоянием украинских вооруженных формирований, как в составе Украинской народной республики, так и в Украинской ССР. Разумеется, отслеживались и политические настроения. В архивах сохранились различные доклады и донесения на этот счет¹.

Из публикуемых документов следует, что изучались и командные кадры. До революции, когда вовлечение офицеров в политическую борьбу считалось предосудительным, подобные списки с обозначением убеждений того или иного офицера не составлялись и представить их невозможно. Однако в условиях Гражданской войны вопрос политических взглядов представителей военной элиты (а генштабисты, безусловно, к таковым относились) приобрел первостепенное значение. Интересно, что в характеристиках офицеры разделены на сторонников русской ориентации, тех, кто украинизировался, но не принадлежал к самостийникам, на «щирых» (подлинных) и беспринципных, менявших убеждения в зависимости от ситуации или служивших за деньги любым режимам. В списке отмечены факты содействия белым со стороны украинских офицеров (включая как открытую помощь, так и нелегальное сотрудничество). Указаны и противоположные факты преследований, например, за употребление русского языка.

Точную дату документов установить затруднительно. Очевидно, речь идет о 1919 г. Так, в списках упоминается о смерти некоторых офицеров весной 1919 г. Насколько можно судить по последующим материалам дела, а также по данным самих списков, документы были составлены после взятия белыми Киева 31 августа 1919 г. (в третьем, советском, списке не раз упоминается эвакуация красных). Документы подписаны руководителем Киевского центра Добровольческой армии полковником Н. В. Еرارским.

¹ См., напр.: Ганин А. В. «Петлюровская армия... представляется достаточно боеспособной». Украина 1919 года глазами денкинских генштабистов // Славяноведение. 2015. № 5. С. 98–115; Ганин А. В. «Идея большевизма обгоняет красную украинскую армию»: донесение белого разведчика о состоянии украинских советских войск. 1919 год // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 484–492; Гражданская война на Украине в документах «Архива Врангеля» (декабрь 1918 г. – декабрь 1919 г.) / публ. Г. Н. Ланского // Исторический вестник (Москва). 2021. Т. 37. С. 14–89; Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

Николай Владимирович Еرارский родился в 1887 г. Окончил Московский императрицы Екатерины II кадетский корпус, Павловское военное училище и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду в 1913 г. Служил в Лейб-гвардии Московском полку. Участвовал в Первой мировой войне. Служил старшим адъютантом штаба 2-й Туркестанской стрелковой бригады (с 02.02.1915), исполнял должность штаб-офицера для поручений при штабе XXV армейского корпуса (с 26.11.1916), исполнял должность начальника штаба 2-й Туркестанской стрелковой дивизии (с 27.06.1917). Дослужился до полковника. В Гражданскую войну с 1 июня 1918 г. состоял в белом подполье в Киеве и был руководителем Киевского центра белых.

Подполковник (позднее – полковник) С. Н. Ряснянский вспоминал о своей поездке в Киев по линии белой разведки в 1918 г.: «Встретив в Киеве нескольких знакомых офицеров, среди которых были и оф[ицеры] Генерального штаба, я попросил их помогать мне, они согласились. Особенно был полезен по части доставления сведений пол[ковник] Г[енерального] ш[таба] Еرارский, который вообще выказал себя во все время войны и с большевиками выдающимся работником по агентурной разведке и доставил большевикам много хлопот, организовав в Киеве во время их господства там разведывательный пункт Д[обровольческой] ар[мии], который давал мне много ценных сведений о большевиках...»²

В период существования Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского в 1918 г. отношение властей к белым было относительно спокойным и в какой-то степени даже благожелательным. В этой связи белым разведчикам в Киеве тогда работать было проще, чем позднее, когда город заняли петлюровцы, а затем красные. Тем не менее Еرارский продолжал работу и в более опасной обстановке. Агентом Еرارского был подполковник Н. В. Соколовский, поступивший в 1919 г. по заданию подполья в Киевский губвоенкомат, а затем ставший помощником начальника отдела обороны организационного управления штаба наркомата по военным делам Украинской ССР³.

Публиковавшиеся в советское время данные о раскрытии организации Еرارского⁴ не соответствуют действительности, хотя бы потому, что руководители организации (полковники Еرارский

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 28–29.

³ Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии.

⁴ См., напр.: Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Стаиш В. В. Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990. С. 183–184.

и Н. З. Неймирок) благополучно попали к белым, тогда как по официальной чекистской версии были расстреляны. Белый подпольщик вспоминал: «Полковник Еرارский, несмотря на свой большой рост и странное пристрастие к бурке (на улицах Киева он издали бросался в глаза), все же избежал ареста и ушел пешком в Польшу»⁵.

Затем Еرارский поступил на службу во ВСЮР и в Русскую армию. У белых служил помощником начальника отделения Генерального штаба отдела Генерального штаба Военного управления ВСЮР. В белом Крыму входил в суд чести офицеров Генерального штаба. Эмигрировал в Турцию, а затем в США. Руководил отделом Русского общевойскового союза в Лейквуде, штат Нью-Джерси. Умер он в 1966 г.

Иногда составитель списков допускал неточности в чинах упоминаемых лиц. Нередко не знал, какие они занимали должности, даже если речь шла о генералитете. Все это отражает степень информированности белой разведки.

У нас нет возможности оценить обоснованность характеристик в отношении всех персоналий. Однако в отношении офицеров, чьи биографии детально изучены, определенные выводы сделать можно. Например, подробно известна биография начальника украинского Генерального штаба при гетмане П. П. Скоропадском полковника А. В. Сливинского. За годы Гражданской войны этот офицер успел послужить в украинских войсках (причем придерживался в разное время то проукраинской позиции, то русской патриотической), был зарегистрирован в РККА и служил у деникинцев. Есть все основания согласиться с той характеристикой, которая дана ему в документе («карьерист, применившийся к условиям времени»).

Нашли ли собранные данные какое-либо практическое применение у белых, неизвестно. Характерно, что компрометирующая некоторых офицеров информация не помешала их последующей службе у белых. Так, о начальнике инструкторской школы старшин генерале А. М. Максимове в документе прямо говорилось, что тот преследовал подчиненных за употребление русского языка. Тем не менее с конца 1918 г. Максимов благополучно служил в Донской армии, затем во ВСЮР и в Русской армии. На момент составления публикуемых документов он также находился на службе у белых.

Публикуемые списки неполны. Всего в них указаны 130 персоналий. Ряд персоналий в разных списках повторялись. Без повторов

⁵ Лодыженский Ю. И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М., 2007. С. 383.

в списках 107 человек, в том числе один не относившийся к генштабистам. Между тем полный список генштабистов, которые служили в различных украинских формированиях периода Гражданской войны 1917–1922 гг., насчитывает не менее 426 офицеров (в это число не входят служившие в украинских советских формированиях)⁶. Тем не менее собранные материалы представляют несомненный интерес для исследователей истории Гражданской войны.

Документы публикуются по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. В комментариях мы постарались идентифицировать всех упоминаемых в списках лиц, а также пояснить те моменты, которые могут вызвать вопросы читателей.

Список № 1
офицеров Генерального штаба,
состоявших на украинской службе при гетмане⁷

Чин и фамилия	Должность	Примечание
1) Генерал от инфантерии Рагоза ⁸	Военный министр	Расстрелян большевиками
2) Генерал-майор Щуцкой ⁹	Военный министр	Был назначен в ноябре 1918 г., когда гетман сформировал новый кабинет русской ориентации
3) Генерал-майор Лигнау ¹⁰	Тов[арищ] военного министра	Германофил и украинофил. При формировании русского кабинета был назначен командиром 7-го корпуса в Харькове

⁶ Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

⁷ Речь идет о службе при гетмане П. П. Скоропадском в 1918 г. Скоропадский Павел Петрович (03.05.1873–26.04.1945) – гетман Украины (29.04–14.12.1918).

⁸ Рагоза (Рогоза) Александр Францевич (08.06.1858–29.06.1919) – генерал от инфантерии. В украинской армии. Расстрелян красными в Одессе.

⁹ Щуцкой (Щуцкий, Плакса) Борис Иосифович (11.04.1870–09.04.1954) – генерал-майор. В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. Умер в эмиграции.

¹⁰ Лигнау Александр Георгиевич (28.02.1875–05.02.1938) – генерал-майор. В украинской армии, ВСЮР, на Восточном фронте белых, в РККА. Расстрелян.

4) Полковник Ковалевский ¹¹	Начальник канцелярии военного министерства	Играл в украинство, пользовался доверием широких украинцев
5) Генерал-майор Запольский ¹²	Помощник начальника канцелярии военного министерства	Русской ориентации
6) Полковник Фетисов ¹³	Штаб-офицер для поручений при начальнике канцелярии	То же. Служил и Петлюре ¹⁴ и большевикам
7) Генерал-майор Ревиншин ¹⁵	Н[ачальни]к административного отдела	Русской ориентации. Удалял со службы широких. При формировании Южной армии ¹⁶ перешел в нее
8) Полковник Загнєв ¹⁷	То же	Прибыл из германского плена, принял должность после ген. Ревиншина. Украинствовал. После прихода войск Петлюры просился к последнему на службу, но принят не был
9) Подполковник Стадлер ¹⁸	Пом[ощник] н[ачальни]ка административного отдела	Русской ориентации

11 Ковалевский Михаил Владимирович (21.07.1874–?) – генерал-майор. В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. В эмиграции.

12 Запольский Николай Владимирович (09.11.1875–?) – генерал-майор. В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. В эмиграции.

13 Фетисов Петр Емельянович (26.06.1882 – не ранее 1937) – полковник. В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. В эмиграции.

14 Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879–25.05.1926) – украинский военно-политический деятель, глава Директории Украинской народной республики (УНР).

15 Ревиншин Александр Петрович (11.12.1870 – не ранее 08.1920) – генерал-майор. В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. Попал в плен. Возможно, расстрелян.

16 Южная армия – монархическое вооруженное формирование, создававшееся на Дону летом – осенью 1918 г.

17 Загнєв (Загнєв) Николай Григорьевич (18.12.1864–28.09.1931) – полковник. В украинской армии, ВСЮР. Умер в эмиграции.

18 Стадлер Борис Клавдиевич (Карлович) (18.08.1879–?) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. Остался в Севастополе. Позднее на службе в РККА.

10) Генерал-майор Шестаков ¹⁹	Н[ачальни]к общего отдела канцелярии военного министра	Русской ориентации. В декабре 1918 г. был назначен н[ачальником] штаба Киевской добр[овольческой] дружины. Был арестован петлюровцами и сидел в тюрьме. По просьбе Порша ²⁰ , назначенного правительством Директории послом в Берлине, был выпущен из тюрьмы и уехал в составе миссии в Берлин
11) Полковник Басков ²¹	Начальник общего отдела канцелярии военного министерства	Русской ориентации. Расстрелян большевиками
12) Подполковник Сливинский (Слива) ²²	Н[ачальни]к Генерального штаба	Организатор украинского Генерального штаба. Карьерист, применившийся к условиям времени. Был самостийником и германофилом; по мере изменения политической обстановки не в пользу немцев, постепенно менял ориентацию на русскую. Тем не менее при перемене курса правительства был смещен с должности, после чего состоял при генерале графе Келлере ²³ . При вступлении в Киев войск Петлюры скрылся

19 Шостаков (Шестаков) Алексей Николаевич (01.07.1877 – не ранее 1922) – генерал-хорунжий (генерал-майор). В украинской армии, в Русской армии. В эмиграции.

20 Порш Николай Владимирович (19.10.1879–16.04.1944) – посол УНР в Германии.

21 Басков Михаил Владимирович (13.01.1875–1919) – генерал-майор. В украинской армии, в РККА.

22 Сливинский (Слива) Александр Владимирович (29.08.1886–21.12.1953) – полковник. В украинской армии, в РККА, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции. Подробнее см.: Ганин А. В. Александр Владимирович Сливинский // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 19–45; Он же. Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 82–98.

23 Келлер Федор Артурович (12.10.1857–21.12.1918) – генерал от кавалерии, граф. Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины. Убит петлюровцами в Киеве.

13) Генерал-майор Андрианов ²⁴	То же	Был назначен после падения украинского кабинета
14) Полковник Какурин ²⁵	Помощник н[ачальни]ка Генерального штаба	Карьерист, сменявший ориентацию в зависимости от политической обстановки. Офицер без всяких принципов. Начал службу при Центральной Раде
15) Генерал-майор Прокопенко ²⁶	1-й генерал-квартирмейстер ГУГШ	
16) Генерал-майор Дроздовский ²⁷	То же, а впоследствии военный агент в Швейцарии	
17) Генерал-майор Синклер ²⁸	1-й генерал-квартирмейстер ГУГШ	При гетмане держался русской ориентации, впоследствии был назначен ген[ерал]-квартирмейстером штаба главнокомандующего (гр[афа] Келлера). После петлюровского переворота поступил на службу к Петлюре
18) Полковник Прохорович ²⁹	2-й генерал-квартирмейстер ГУГШ	Русской ориентации. После ухода генерала Лигнау был назначен тов[арищем] военного министра. Природный малоросс, но украинцем не был. Несмотря на усиленные приглашения Петлюры, отказался ему служить

24 Возможно, Андрианов Павел Маркович (16.02.1877–?) – генерал-майор. В украинской армии, в РККА.

25 Какурин Николай Евгеньевич (04.09.1883–27.07.1936) – полковник. В украинской армии, в РККА. Умер в тюрьме. Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922 гг. М., 2022. С. 566–589; Тинченко Я. Ю. Ландскнехт без страха і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какуріна // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ (Київ). 1999. № 1–2 (10–11). С. 5–60.

26 Вероятно, Прокопенко Юлиан Васильевич (20.06.1857–?) – генерал-майор. Однако Ю. В. Прокопенко не имел высшего военного образования и не относился к генштабистам.

27 Дроздовский Лев Антонович (15.02.1869–19.10.1951) – генерал-майор. В украинской армии. Умер в эмиграции.

28 Синклер Владимир Александрович (12.01.1879–16.03.1946) – генерал-майор. В украинской армии. В эмиграции. Вывезен в СССР. Умер в тюрьме.

29 Прохорович Антон Ильич (09.01.1878–?) – полковник (впоследствии – генерал-майор). В украинской армии, во ВСЮР. В эмиграции.

19) Генерал-майор Пулевич ³⁰	То же	Служил и Петлюре
20) Подполковник Юрьев ³¹	Штаб-офицер для поручений при н[ачальни]ке Генерального штаба	Русской ориентации.
21) Подполковник Кавернинский ³²	Штаб-офицер для поручений при помощнике н[ачальни]ка Генерального штаба	Служил гетману и Петлюре, от которого впоследствии сбежал
22) Подполковник Мешковский ³³	Н[ачальни]к оперативного отдела ГУГШ и штаб-офицер для связи с немецким командованием	Природный малоросс, украинец, но не самостийник. Пользовался доверием немцев. Неоднократно предупреждал о готовившихся арестах офицеров Генштаба, работавших на Д[обровольческую] а[рмию]. При начале петлюровского восстания был командирован в Одессу, по дороге был арестован петлюровцами и под угрозой расстрела согласился принять у них должность н[ачальни]ка штаба группы войск, действовавших против поляков в Галиции. Состоит на петлюровской службе и теперь
23) Подполковник Колоссовский ³⁴	Н[ачальни]к разведывательного отдела ГУГШ	Русской ориентации. При Директории остался на службе и был назначен в состав миссии в Париж

30 Пулевич Вениамин Михайлович (09.10.1878–01.04.1954) – генерал-майор. В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. Умер в эмиграции.

31 Юрьев Борис Александрович (25.08.1886–?) – подполковник. В украинской армии. Попал в плен на Восточном фронте. В Советской России.

32 Кавернинский Владимир Исмаилович (29.09.1885 – не ранее 1951) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. Умер в эмиграции.

33 Мешковский Евгений Васильевич (09.02.1882–09.07.1920) – подполковник (впоследствии – генерал-хорунжий). В украинской армии. Умер от ран.

34 Колоссовский (Колосовский) Владимир Васильевич (06.03.1884–1944) – подполковник. В украинской армии. Умер в эмиграции.

24) Подполковник Матвеевко ³⁵	Пом[ощник] н[ачальни]ка разведывательного отделения	Служил всем: гетману, Петлюре и большевикам
25) Капитан Мазур-Ляховский ³⁶	То же	С некоторым оттенком широты
26) Полковник Савельев ³⁷	Пом[ощник] 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ	Русской ориентации. В октябре 1918 года уехал в Донскую арм[ию]
27) Генерал-майор Шайбле ³⁸	То же	Русской ориентации
28) Полковник Попелло ³⁹	Н[ачальни]к отдела службы Генерального штаба	Украинец. Поступил на службу к Петлюре
29) Капитан Безручко ⁴⁰	Его помощник	Самостийник. Поступил на службу к Петлюре
30) Подполковник Радзин ⁴¹	Н[ачальни]к отдела по устройству службы войск	Русской ориентации
31) Подполковник Пюль ⁴²	Н[ачальни]к организационного отделения	Русской ориентации. Скончался в ноябре 1918 года
32) Капитан Салимон ⁴³	Его помощник	Беспринципный. Нанимался к Петлюре, но принят не был

35 Матвиенко (Матвеевко) Александр Александрович (28.09.1888–?) – подполковник. В украинской армии, затем – в РККА.

36 Мазур-Ляховский Василий Емельянович (1889–05.03.1949) – капитан (впоследствии – полковник). В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. Умер в эмиграции.

37 Савельев Николай Петрович (14.11.1870–21.10.1961) – генерал-майор. В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

38 Шайбле Александр Яковлевич (18.01.1878–23.12.1919) – генерал-майор. В украинской армии. Умер от тифа.

39 Попелло Хрисанф Лаврентьевич (18.03.1878–после 1922) – полковник. В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

40 Безручко Марк Данилович (31.10.1883–10.02.1944) – капитан (впоследствии – генерал-хорунжий). В украинской армии. Умер в эмиграции.

41 Радзин Петр Карлович (19.04.1880–07/08.10.1930) – полковник (впоследствии – генерал). В украинской армии, в латвийской армии. Умер в эмиграции.

42 Пюль (Пюльль, Пюлле) Яков Иванович (Бернгард-Яков Гансович) (31.05.1880–11.1918) – подполковник. В украинской армии.

43 Салимон (Салимон-Светебный) Степан Митрофанович (03.08.1876–14.01.1944) – капитан (впоследствии – полковник). В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

33) Полковник Петровский ⁴⁴	Н[ачальни]к отделения по устройству службы войск	Русской ориентации
34) Подполковник Мержанов ⁴⁵	Его помощник	Русской ориентации. Служил и Петлюре
35) Полковник Кушелевский ⁴⁶	Н[ачальни]к отделения по образованию войск	Уехал в армию ген. Юденича ⁴⁷
36) Подполковник Красицкий ⁴⁸	Его помощник	Русской ориентации
37) Подполковник Сулковский ⁴⁹	Должность неизвестна	Русской ориентации. Поступил на службу к Петлюре на должность пом[ощника] генерал-квартирмейстера. Давал сведения для Д[обровольческой] а[рмии]
38) Подполковник Харитонов ⁵⁰	Н[ачальни]к дислокационного отделения ГУГШ	Русской ориентации (находится на службе в Д[обровольческой] а[рмии])
39) Подполковник Думский ⁵¹	Его помощник	То же

44 Петровский Николай Алексеевич (01.12.1882 – после 1922) – полковник. В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

45 Мержанов Борис Анатольевич (04.03.1888–15.07.1962) – капитан (впоследствии – полковник). В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

46 Кушелевский Александр Валерьянович (28.09.1883–01.06.1950) – полковник. В украинской армии, в Северо-Западной армии, в эстонской армии. Умер в эмиграции.

47 Юденич Николай Николаевич (18.07.1862–05.10.1933) – генерал от инфантерии. Руководил Белым движением на северо-западе России (05.1919–01.1920). Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе (с 05.06.1919). Командующий Северо-Западной армией (02.10–28.11.1919). Умер в эмиграции.

48 Красицкий Николай Федорович (11.12.1885–?) – капитан (впоследствии – подполковник). В украинской армии, ВСЮР, РККА.

49 Сулковский Борис Иосифович (30.04.1881–1942) – подполковник (впоследствии – генерал-хорунжий). В украинской армии. Умер в эмиграции.

50 Харитонов Николай Александрович (27.10.1883–01.03.1966) – подполковник. В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

51 Думский Федор Анатольевич (25.12.1881–16.10.1944) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Убит в эмиграции.

40) Подполковник Румянцев ⁵²	Н[ачальни]к мобилизационного отделения	Русской ориентации (скончался).
41) Подполковник Бошнятов ⁵³	Его помощник	То же
42) Подполковник Шкеленко ⁵⁴	Н[ачальни]к 1-го мобил[изационного] отделения	Русской ориентации (служит в Д[обровольческой] а[рмии]).
43) Подполковник Фартушный ⁵⁵	Его помощник	То же
44) Подполковник Дидковский ⁵⁶	Н[ачальни]к 2-го мобил[изационного] отделения	Украинец, но не самостийник. Поступил на службу к Петлюре
45) Подполковник Баумгартен ⁵⁷	Н[ачальни]к демобилизационного отделения	Русской ориентации. С 1-го января (н[ового] ст[ил]я) 1919 г. служит в Киевском Центре Д[обровольческой] а[рмии]
46) Генерал-майор Бронский ⁵⁸	Председатель военно-научного комитета	С украинской окраской. Служил и Петлюре. Скончался
47) Генерал-майор Кислов ⁵⁹	Член комитета	

52 Румянцев Андрей Васильевич (01.07.1886–27.04.1919) – подполковник. В украинской армии, во ВСЮР. Умер в Ростове-на-Дону.

53 Бошнятов Владимир Григорьевич (29.08.1885 – не позднее 04.1919) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, во ВСЮР. Умер.

54 Шкеленко (Шкеленок) Антон (Антип) Максимович (20.01.1889–1946) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. В эмиграции. Арестован и погиб в тюрьме.

55 Фартушный (Фортушный) Авраам Кузьмич (1888–?) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. В эмиграции.

56 Лазаренко-Дедковский (Дидковский) Максим Мечиславович (14.03.1887–1954) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии. В эмиграции. Вывезен в СССР и умер в лагере.

57 Баумгартен, фон Роман Карлович (28.05.1887–28.10.1963) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, в Добровольческой армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

58 Бронский Вячеслав Михайлович (24.03.1876 – кон. 02.1919 (до 26.02.1919)) – генерал-майор. В украинской армии. Умер от тифа.

59 Кислов Александр Ильич (18.10.1875–23.08.1937) – подполковник (генерал-хорунжий украинской армии, впоследствии – генерал-майор у

48) Генерал-майор Приходькин ⁶⁰	Член комитета. Впоследствии генерал для поручений при Сливинском	Русской ориентации. Состоял на службе в Д[обровольческой] а[рмии]
49) Полковник Гернграсс ⁶¹	Член комитета. Впоследствии н[ачальни]к отдела заграничной связи ГУГШ	Русской ориентации
50) Подполковник Величковский ⁶²	Должность неизвестна	Служил и большевикам
51) Подполковник Ещенко ⁶³	Н[ачальни]к управления военных сообщений	Украинец
52) Полковник Забелин ⁶⁴	Служил в управлении военных сообщений	Русской ориентации. Служил и большевикам
53) Полковник Исаев ⁶⁵	Служил в управлении военных сообщений	В июле 1918 года перешел в Южную армию
54) Генерал-майор Давыдов ⁶⁶	Должность неизвестна	Был н[ачальни]ком штаба Киевской добровольческой дружины; петлюровцами был посажен в тюрьму, после освобождения уехал в Берлин, где служит в белорусской организации

белых). В украинской армии, в Добровольческой армии, во ВСЮР. Умер в эмиграции.

60 Приходькин (Приходькин) Дмитрий Дмитриевич (31.10.1870–1944) – генерал-майор. В украинской армии, во ВСЮР.

61 Гернграсс Борис Владимирович (29.04.1878–04.07.1943) – генерал-майор. В украинской армии, в Добровольческой армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

62 Величковский Яков Васильевич (20.03.1874–?) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, в РККА, во ВСЮР, в Русской армии. Умер в эмиграции.

63 Ещенко Николай Дмитриевич (26.10.1876–?) – подполковник (впоследствии – генерал-хорунжий). В украинской армии. В эмиграции.

64 Забелин Петр Федорович (30.09.1880–02.01.1953) – полковник. В украинской армии, в РККА. Перешел к белым. Умер в эмиграции.

65 Исаев Владимир Константинович (13.07.1875–?) – полковник. В РККА, в украинской армии, во ВСЮР.

66 Давыдов Лев Георгиевич (03.09.1875–?) – генерал-майор. В украинской армии. На осень 1919 – в Западной армии. В эмиграции.

55) Генерал-майор Бобровский ⁶⁷	Военный агент в Болгарии	
56) Генерал-майор Юнаков ⁶⁸	Н[ачальник] управления военных сообщений	Поступил на службу к Петлюре, где командует армией. Украинец не по убеждению, а из личных выгод
57) Генерал-майор Буняковский ⁶⁹	Служил в военно-учебном ведомстве	Служил всем, кто платил деньги
58) Генерал-майор Максимов ⁷⁰	Н[ачальник] инструкторской школы старшин	Преследовал подчиненных за употребление русского языка
59) Подполковник Чернявский ⁷¹	Инспектор инструкторской школы старшин	
60) Подполковник Абакумов ⁷²	В Главном геодезическом управлении	Русской ориентации. Служил гетману, Петлюре и большевикам
61) Подполковник Скляревич ⁷³	Должность неизвестна	
62) Подполковник Цеплит ⁷⁴	В штабе I-го корпуса	Беспринципный. Менял ориентацию в зависимости от обстановки
63) Подполковник Капустянский ⁷⁵	Н[ачальник] штаба 1-й дивизии	Украинец, но не самостийник. Поступил на службу к Петлюре

67 Бобровский Борис Павлович (07.01.1868 – после 1933) – генерал-лейтенант. В украинской армии, в Русской армии. Умер в эмиграции.

68 Юнаков Николай Леонтьевич (06.12.1871–01.08.1931) – генерал-лейтенант. В украинской армии. Умер в эмиграции.

69 Буняковский Всеволод Викторович (05.04.1875 – после 1935) – генерал-майор. В украинской армии, в РККА, во ВСЮР. В эмиграции.

70 Максимов Алексей Михайлович (16.03.1876–22.02.1924) – генерал-майор. В украинской армии, в Донской армии, ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

71 Чернявский Иван Александрович – капитан. В украинской армии, в РККА.

72 Абакумов Николай Павлович (20.02.1882–09.06.1965) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в СССР.

73 Скляревич Александр Николаевич (27.11.1884–?) – подполковник. В армянской армии, в украинской армии, во ВСЮР, в Русской армии. В эмиграции.

74 Цеплит Иван Яковлевич (Цеплитис Янис Августович) (16.02.1881–03.10.1956) – капитан (впоследствии – полковник). В украинской армии, в латвийской армии. Умер в эмиграции.

75 Капустянский Николай Александрович (05.02.1879 (31.03.1881) – 19.02.1969) – подполковник (впоследствии – генерал-хорунжий). В украинской армии. Умер в эмиграции.

64) Подполковник Левчук ⁷⁶	В штабе Сердюцкой дивизии	Служил и Петлюре
65) Капитан Образцов ⁷⁷	В штабе 4-го корпуса	Принимал участие в обороне Киева против Петлюры. Служил у большевиков
66) Подполковник Карпинский ⁷⁸	Н[ачальник] штаба кавал[ерийской] дивизии	Состоит на службе в Д[обровольческой] а[рмии]
67) Подполковник Кобылецкий ⁷⁹	Должность неизвестна	Служил гетману, Петлюре и большевикам и полякам
68) Генерал-майор Дашкевич-Горбацкий ⁸⁰	Н[ачальник] штаба гетмана	Служил из побуждений карьеризма
69) Подполковник Змиенко ⁸¹	Должность неизвестна	
70) Генерал-майор Рябинин ⁸²	Начальник[ик] военно-исторического отдела ГУГШ	Русской ориентации

Генерального штаба полковник Ерап[ский]⁸³

РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–3. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

76 Левчук Петр Михайлович (30.06.1889–27.04.1931) – капитан (впоследствии – полковник). В украинской армии, во ВСЮР. Умер в эмиграции.

77 Образцов Андрей Андреевич (1883–?) – капитан. В украинской армии, в РККА.

78 Карпинский Николай Викторович (03.04.1883–24.05.1938) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, в Добровольческой армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

79 Кобылецкий (Кобилецкий) Юлиан Иосифович (01.10.1881–?) – подполковник (впоследствии – генерал-майор). В украинской армии, в РККА, во ВСЮР и в 3-й Русской армии. Позднее – в эмиграции.

80 Дашкевич-Горбатский Владислав Владиславович (16.08.1879–07.06.1952) – полковник (впоследствии – генерал-майор). В украинской армии, у белых на Восточном фронте. В эмиграции.

81 Змиенко Всеволод Ефимович (16.10.1886–30.10.1938) – подполковник (впоследствии – генерал-хорунжий). В украинской армии. Умер в эмиграции.

82 Рябинин (Рябинин-Скляревич) Александр Александрович (11.05.1878–1938?) – полковник (впоследствии – генерал-майор). В РККА, в украинской армии, в РККА. Умер в заключении.

83 Ерапский Николай Владимирович (30.10.1887–05.04.1966) – полковник. В белом подполье, ВСЮР, Русской армии. Умер в эмиграции.

Список № 2
офицеров Генерального штаба,
служивших в Украинской армии при Петлюре

Чин и фамилия	Должность	Примечание
1) Генерал-майор Греков ⁸⁴	Военный министр	При Центральной Раде был тов[арищем] военного министра. Самостийник. Организатор петлюровской армии во время восстания против гетмана
2) генерал-майор Бронский ⁸⁵	Помощник н[ачальни]ка Генерального штаба	Скончался
3) Полковник Какурин	Н[ачальни]к штаба группы войск	См. № 14 в списке № 1
4) Генерал Агапеев ⁸⁶ (не тот, что в Константинополе ⁸⁷)	Н[ачальни]к штаба корпуса атамана Оскилко ⁸⁸	Сдался полякам вместе с атаманом Оскилко
5) Генерал-майор Синклер	Должность неизвестна ⁸⁹	См. № 17 в списке № 1
6) Подполковник Мешковский	Н[ачальни]к штаба группы войск в Галиции	См. № 22 в списке № 1
7) Подполковник Колосовский	В Украинской миссии в Париже	См. № 23 в списке № 1
8) Подполковник Дидковский	Н[ачальни]к мобилизационного отдела ГУГШ	См. № 44 в списке № 1
9) Полковник Попелло	Генерал-квартирмейстер ГУГШ	См. № 28 в списке № 1

84 Греков Александр Петрович (21.11.1875–02.12.1959) – генерал-майор. В украинской армии. Умер в эмиграции.

85 См. комментарий 58.

86 Агапеев Всеволод Николаевич (20.04.1877–22.02.1948) – генерал-майор. В украинской армии, во ВСЮР и в Русской армии. Умер в эмиграции.

87 Агапеев Владимир Петрович (09.06.1876–06.05.1956) – генерал-лейтенант. Военный представитель ВСЮР при союзном командовании в Константинополе.

88 Оскилко Владимир Пантелеймонович (16.07.1892–19.06.1926) – генерал-хорунжий. Командующий Северной группой войск армии УНР.

89 Генерал В. А. Синклер занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера штаба армии УНР, а затем временно командующего армией.

10) Капитан Безручко	Н[ачальни]к отдела службы Генштаба ГУГШ	См. № 29 в списке № 1
11) Полковник Петровский	Должности неизвестны	См. № 33 в списке № 1
12) Подполковник Мержанов		См. № 34 в списке № 1
13) Подполковник Кавернинский ⁹⁰		Ездил в Одессу с Грековым для переговоров с французами
14) Капитан Мазур-Ляховский	Должность неизвестна	См. № 25 в списке № 1
15) Подполковник Матвеев ⁹¹	Н[ачальни]к разведыват[ельного] отдела	Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки
16) Генерал-майор Юнаков	Командующий армией	См. № 56 в списке № 1
17) Генерал-майор Буняковский	Служил в военно-учебном ведомстве	Беспринципный. См. № 57 в списке № 1
18) Подполковник Абакумов	Н[ачальни]к геодезического отдела	См. № 60 в списке № 1
19) Подполковник Капустянский	Н[ачальни]к оперативного отдела ГУГШ	См. № 63 в списке № 1
20) Подполковник Сулковский ⁹²	Пом[ощник] 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ	Давал сведения для Д[обровольческой] а[рмии]. Русской ориентации
21) Генерал-майор Пулевич ⁹³	Должность неизвестна	
22) Генерал-майор Протазанов ⁹⁴	То же	Бежал из армии Петлюры
23) Генерал-майор Сенча ⁹⁵	То же	Служил при Центральной Раде, был уволен от службы после гетманского переворота

РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 37. Л. 4–4 об. Подлинник. Машинопись.

90 См. комментарий 32.

91 См. комментарий 35.

92 См. комментарий 49.

93 См. комментарий 30.

94 В документе ошибочно – Протозанов. Протазанов (Протозанов) Тарас Михайлович (25.02.1872 – после 1937) – генерал-майор. В украинской армии, ВСЮР, Русской армии. Умер в эмиграции.

95 Сенча Владимир Иванович (09.07.1868–01.12.1954) – генерал-майор. Во ВСЮР. Умер в эмиграции.

Список № 3
офицеров Генерального штаба,
состоявших на службе в украинской Красной армии

Чин и фамилия	Должность	Примечание
1) Генерал-майор Соковнин ⁹⁶	Н[ачальни]к штаба наркомвоена Украины	В начале августа 1919 года уехал в Москву в Высшую военную инспекцию. Служит большевикам из боязни репрессий, уехал в Москву по той причине. Оперативных дел против Добрармии ⁹⁸ старался избегать. Работал большевикам ⁹⁹ по 16 часов в сутки. На советской службе с 1918 года
2) Полковник Шапошников ¹⁰⁰	1-й помощник н[ачальни]ка штаба наркомвоена Украины	Служит большевикам с 1918 года. Служит по принципу, считая, что советская власть, хотя плохая, есть законная власть. Работал большевикам много и честно. Оперативных дел против Добрармии старался избегать. Уехал добровольно в Москву
3) Генерал-майор Подгурский ¹⁰¹	2-й помощник н[ачальни]ка штаба наркомвоена [Украины]	Работал много и честно в пользу большевиков. По-видимому уехал в Москву

96 Соковнин Михаил Алексеевич (18.10.1863–21.01.1943) – генерал-лейтенант. В РККА. Умер в СССР.

97 Здесь и далее – Народный комиссариат по военным делам.

98 Т. е. Добровольческой армии.

99 Так в документе.

100 Шапошников Борис Михайлович (20.09.1882–26.03.1945) – полковник (впоследствии – Маршал Советского Союза). В РККА. Умер в СССР. Подробнее см.: *Баландин Р. К.* Маршал Шапошников. Военный советник вождя. М., 2005; *Горелик Я. М.* Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. М., 1961; *Захаров М. В.* Ученый и воин (О Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове). Изд. 2-е. М., 1978.

101 Подгурский Федор Александрович (02.12.1860–29.11.1929) – генерал-лейтенант. В РККА. Умер в СССР.

4) Генерал-майор Буняковский ¹⁰²	3-й помощник н[ачальни]ка штаба наркомвоена [Украины]	Большевики считали его своим лучшим организатором военно-учебных заведений и курсов. Сотрудничал в советской печати
5) Полковник Якимович ¹⁰³	Н[ачальни]к организационного управления штаба наркомвоена [Украины]	Служил только в Киеве. Взят по мобилизации. К своим служебным обязанностям относился крайне невнимательно; все время старался избавиться от службы. Уехал в Смоленск, где был арестован за саботаж
6) Полковник Буймистров ¹⁰⁴	Н[ачальни]к мобилизационного управления штаба наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Хорошо работал в пользу большевиков из-за боязни репрессий. По той же причине уехал в Москву
7) Генерал-майор Михалькович ¹⁰⁵	В мобилизационном управлении штаба наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Работал лишь столько, чтобы не быть арестованным. К большевикам относился отрицательно
8) Генерал-майор Соколов ¹⁰⁶	Н[ачальни]к отдела службы и подготовки войск штаба наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Служил из-за боязни репрессий. Пользы большевикам не приносил
9) Полковник Скворцов ¹⁰⁷	Н[ачальни]к отдела обороны штаба наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Работал из боязни репрессий. К работе относился безразлично. Пользы большевикам приносил мало

102 Буняковский Всеволод Викторович (05.04.1875 – после 1935) – генерал-майор. В украинской армии, в РККА, во ВСЮР. В эмиграции.

103 Якимович Александр Александрович (25.05.1873 – не ранее 1931) – генерал-майор. В РККА.

104 Буймистров Владимир Иванович (11.12.1868 – не ранее 1931) – генерал-майор. В РККА.

105 В документе ошибочно – Махалькович. Михалькович (Михалькевич) Максим Степанович (20.01.1875–?) – полковник. В украинской армии, в РККА.

106 Соколов Лев Корнилиевич (09.10.1879–04.03.1937) – генерал-майор. Служил в украинском министерстве продовольствия (1918). В РККА. Выехал из Советской России. В Русской армии. Умер в эмиграции.

107 Возможно, Скворцов Юрий Всеволодович (23.12.1882–?) – подполковник. В РККА.

10) Генерал-лейтенант Глинский ¹⁰⁸	Н[ачальни]к отдела службы Генштаба наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Работал из страха репрессий. Много помогал офицерам устроиться и избегать службы у большевиков
11) Генерал-лейтенант Свешников ¹⁰⁹	В организационном управлении штаба наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Все время болел
12) Подполковник Величковский ¹¹⁰	В штабе наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации в июне 1919 года. В июле был командирован на фронт против Петлюры в роли н[ачальни]ка штаба Жмеринской группы. Помогал оттягивать силы с добровольческого фронта на петлюровский. К большевизму относился отрицательно
13) Подполковник Бугай ¹¹¹	Помощ[ник] н[ачальни]ка отдела подготовки войск штаба наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Служил из-за страха репрессий
14) Капитан Бугай ¹¹²	В штабе наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Служил из-за страха репрессий
15) Капитан Батрук ¹¹³	В информационном управлении штаба наркомвоена [Украины]	Взят по мобилизации. Отрицательно относился к большевизму. Все секретные сведения передавал подполковнику Соколовскому для Киевского центра Д[обровольческой] а[рмии]

108 Глинский Николай Сергеевич (14.11.1858 – не позднее 1937) – генерал-лейтенант. В украинской армии, в РККА.

109 Свешников Николай Львович (19.07.1864–23.11.1934) – генерал-лейтенант. В отставке. В РККА и ВСЮР. Умер в эмиграции.

110 Величковский Яков Васильевич (20.03.1874–?) – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, в РККА, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

111 Бугай Пантелеймон Яковлевич (30.07.1886–?) – подполковник. В украинской армии, в РККА, во ВСЮР и Русской армии.

112 Бугай Константин Яковлевич (1888–?) – капитан. В украинской армии, в РККА, в Русской армии.

113 Батрук Александр Иванович (30.08.1884–12.04.1931) – капитан. В украинской армии, в РККА (сотрудничал с белым подпольем), остался в Киеве, взят в плен белыми, во ВСЮР, вновь в РККА. Расстрелян.

16) Капитан Образцов ¹¹⁴	В штабе наркомвоена [Украины]	Поступил на службу добровольно, будучи вынужденным к тому материальной нуждой. Работал усердно. С целью увеличения заработка набирал работы и читал лекции на курсах
17) Подполковник Новицкий ¹¹⁵	Заведывал курсами подготовки комиссаров	Подозрительная личность. Занимаемая должность показывает, что пользовался доверием коммунистов
18) Генерал-майор А[н]дрианов ¹¹⁶	Н[ачальни]к артиллерийских курсов	Взят по мобилизации. Отрицательно относился к большевизму. Служил из-за страха репрессий. Заискивал перед коммунистами
19) Генерал-майор Кадомский ¹¹⁷	Н[ачальни]к административного управления штаба Киевского окрвоенкома	Взят по мобилизации.
20) Полковник Жагун-Линник ¹¹⁸	Н[ачальни]к штаба Киевского окрвоенкома	Взят по мобилизации. Усердно служил большевикам. Подозрительная личность
21) Капитан Шиловский ¹¹⁹	Н[ачальни]к отдела обороны штаба наркомвоена [Украины]	Усердно служил большевикам. Уехал в Москву
22) Подполковник Кобылецкий ¹²⁰	В Высшей военной инспекции Киева	Взят по мобилизации.
23) Полковник Малютин ¹²¹	Под чужой фамилией (Добрышин) служил у большевиков в починочной мастерской, скрываясь как офицер Генштаба	

114 См. комментарий 77.

115 Возможно, Новицкий Марк Парфенович (27.12.1878–?) – подполковник. В РККА, позднее, по некоторым данным, во ВСЮР.

116 См. комментарий 24.

117 Кадомский Дмитрий Петрович (21.10.1868–?) – генерал-майор. В украинской армии, в РККА.

118 В документе ошибочно – Жилун-Ланник. Жагунлинник (Жагун-Линник) Степан Никифорович (27.12.1881–21.12.1937) – подполковник. Состоял в белом подполье в Киеве. В РККА. Расстрелян. Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г.

119 Шиловский Евгений Александрович (21.11.1889–27.05.1952) – капитан. В РККА. Умер в СССР.

120 См. комментарий 79.

121 Малютин Борис Владимирович (13.03.1880–20.01.1938) – полковник. В РККА, в украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

24) Подполковник Михайлов ¹²²	Н[ачальни]к штаба Винницкого отряда (против Петлюры)	Взят на службу по мобилизации с июля 1919 года
25) Генерал-майор Фастыковский ¹²³	В Высшей военной инспекции Киева	Взят по мобилизации. Уехал в Москву
26) Генерал-майор Седачев ¹²⁴	Н[ачальни]к оперативного отделения штаба 12-й армии	
27) Генерал-майор Одинцов ¹²⁵	Руководитель Одесского окрвоенкома	Служил усердно. Старался сделать карьеру
28) Капитан Железнов ¹²⁶	В штабе Одесского окрвоенкома	Служит большевикам с 25 октября 1917 г.
29) Генерал-майор Языков ¹²⁷	Н[ачальни]к управления военных сообщений	Взят по мобилизации. Враг большевизма. Работал во вред большевикам, расстраивая транспорт. При эвакуации управления в Москву скрылся во главе всего своего управления
30) Подполковник Матвеев ¹²⁸	Должность неизвестна	Был переведен на службу в Советскую Россию. Служил также гетману и Петлюре

122 Возможно, Михайлов Владимир Яковлевич – подполковник (впоследствии – полковник). В украинской армии, в РККА, вновь в украинской армии, во ВСЮР и Русской армии. Позднее – в эмиграции.

123 Фастыковский Михаил Владиславович (06.03.1875–13.09.1938) – генерал-майор. В украинской армии, позднее – в РККА. Бежал в Польшу, позднее вернулся. Расстрелян. Подробнее см.: *Голдин В. И.* Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.

124 Седачев (Сидачев) Владимир Константинович (16.10.1872 – до 1928) – генерал-майор. В украинской армии, позднее – в РККА. Умер в СССР.

125 Одинцов Сергей Иванович (02.07.1874–08.09.1920) – генерал-майор. В РККА.

126 Железнов Николай Васильевич (1883 – до 15.07.1938) – капитан. В РККА (состоял в белом подполье). Перешел на сторону белых. На службе во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции.

127 Языков Сергей Михайлович (10.03.1872–?) – генерал-майор. В РККА. Пропал без вести при оставлении красными Украины. Перешел на сторону белых. На службе во ВСЮР и Русской армии. В эмиграции. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // *Вестник архивиста.* 2012. № 4 (120). С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

128 См. комментарий 35.

31) Капитан Хрыпов ¹²⁹	Н[ачальни]к Киевских кавалер[ийских] командных курсов, впоследствии н[ачальни]к штаба маневренной бригады (из курсантов)	Саботировал
32) Полковник Глаголев ¹³⁰	Н[ачальни]к штаба Украинского фронта ¹³¹	Организатор Красной армии советской Украины в Курске ¹³² . В мае 1919 года назначен командармом 6 (в Вологду) ¹³³ , в июле командармом в Могилев ¹³⁴ . Служил большевикам не за страх, а за совесть. Пользовался громадным доверием и влиянием. Приносил много пользы большевикам
33) Генерал-майор Жданов ¹³⁵	Н[ачальни]к Сводной дивизии в Нежине	Бывший командарм на царичинском фронте. Хвастался своим умелым командованием на этом фронте
34) Генерал-майор Моравицкий ¹³⁶	Поступил на службу по предложению н[ачальни]ка Киевского центра Добровольческой армии	

129 Хрыпов Иван Антонович (26.06.1889–?) – капитан. В РККА. Пропал без вести при оставлении красными Украины.

130 Глаголев Василий Павлович (23.05.1883–14.03.1938) – полковник. В РККА. Расстрелян.

131 В должности с 4 января по 2 мая 1919 г.

132 Военный руководитель Курского губернского военного комиссариата (с 13.05.1918).

133 В. П. Глаголев командовал 6-й армией с 6 по 29 мая 1919 г.

134 В. П. Глаголев командовал 16-й армией с 22 июля по 14 августа 1919 г.

135 Жданов Николай Александрович (21.12.1867–1928?) – генерал-майор. На службе в РККА. Пропал без вести при отходе частей РККА из Киева. На службе во ВСЮР и Русской армии. Умер в эмиграции. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 671–760.

136 Моравицкий Константин Александрович (07.04.1877–?) – генерал-майор. В Гражданскую войну служил в РККА (состоял в белом подполье). Пропал без вести при оставлении Украины, перешел на сторону белых. На службе во ВСЮР и Русской армии. В эмиграции.

35) Подполковник Соколовский ¹³⁷	Поступили на службу по предложению [начальника] Киевского центра Д[обровольческой] а[рмии]. Своей работой приносили большую пользу Д[обровольческой] а[рмии] ¹³⁸	
36) Подполковник Парв ¹³⁹		
37) Капитан Федоров (курсист) ¹⁴⁰	Должность неизвестна	На службе у большевиков проявлял много энергии и активности

РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 37. Л. 5–6 об. Подлинник. Машинопись.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Российский государственный военный архив (РГВА).

Баландин Р. К. Маршал Шапошников. Военный советник вождя. М.: Вече, 2005. 409 с.

Ганин А. В. Александр Владимирович Сливинский // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 19–45.

Ганин А. В. «Идея большевизма обгоняет красную украинскую армию»: донесение белого разведчика о состоянии украинских советских войск. 1919 год // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 484–492. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.7.01.

Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. 800 с.

¹³⁷ Соколовский Николай Федорович (26.02.1884–?) – подполковник. Служил в РККА (состоял в белом подполье). Перешел на сторону белых. На службе во ВСЮР и Русской армии. В эмиграции. Вернулся в Россию (1922), арестован.

¹³⁸ Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г.

¹³⁹ Парв Александр Иванович (Альберт-Эдуард Янович) (08.03.1878–26.04.1949) – подполковник. Служил в РККА (состоял в белом подполье). Перешел на сторону белых. На службе во ВСЮР и Русской армии. В эмиграции. Арестован после присоединения Эстонии к СССР, умер в Верхнеуральске.

¹⁴⁰ Возможно, Федоров Николай Леонидович (?–16.08.1929) – капитан. В РККА, позднее – в Русской армии. Умер в эмиграции.

Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с.

Ганин А. В. Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 82–98.

Ганин А. В. «Петлюровская армия... представляется достаточно боеспособной». Украина 1919 года глазами деникинских генштабистов // Славяноведение. 2015. № 5. С. 98–115.

Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922 гг. М.: Кучково поле Музеон; издательский центр «Воевода», 2022. 704 с. DOI: 10.31168/907174-80-1.

*Ганин А. В.*хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4 (120). С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск: СОЛТИ, 2006. 308 с.

Горелик Я. М. Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. М.: Воениздат, 1961. 108 с.

Гражданская война на Украине в документах «Архива Врангеля» (декабрь 1918 г. – декабрь 1919 г.) / публ. Г. Н. Ланского // Исторический вестник (Москва). 2021. Т. 37. С. 14–89.

Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

Захаров М. В. Ученый и воин (О Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове). Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1978. 110 с.

Лодыженский Ю. И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М.: Айрис-пресс, 2007. 575 с.

Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташиш В. В. Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков: Основа, 1990. 344 с.

Тинченко Я. Ю. Ландскнехт без страху і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какуріна // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ (Київ). 1999. № 1–2 (10–11). С. 5–60.

References

Balandin, R. K. *Marshal Shaposhnikov. Voennyi sovetnik vozhdia*. Moscow: Vechе, 2005, 409 p.

“Doneseniia belykh agentov v Krasnoi armii. 1919 g.”, publ. by A. V. Ganin. *Voprosy istorii*, 2012, No. 6, p. 3–20.

Ganin, A. V. "Aleksandr Vladimirovich Slivinskii." *Voprosy istorii*, 2015, No. 12, pp. 19–45.

Ganin, A. V. "«Ideia bolshevizma obgoniaet krasnuiu ukrainskuiu armiiu»: done-senije belogo razvedchika o sostoianii ukrainskikh sovetskikh voisk. 1919 god." *Slavianskii al'manakh*, 2019, No. 1–2, pp. 484–492. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.701.

Ganin, A. V. *Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoi armii, pereshedshije na storonu protivnika v gody Grazhdanskoj voiny v Rossii 1917–1922 gg.* Moscow: Izdatel'stvo "Piatyi Rim" (OOO "Best-seller"), 2020, 800 p.

Ganin, A. V. *Korpus ofitserov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj voiny v Rossii 1917–1922 gg.: Spravochnyie materialy.* Moscow: Russkii put', 2009, 895 p.

Ganin, A. V. "Nachal'nik ukrainskogo General'nogo shtaba A. V. Slivinskii." *Slavianskii al'manakh*, 2016, No. 1–2, pp. 82–98.

Ganin, A. V. "«Petliurovskaia armiiia... predstavliajetsia dostatochno bojesposobnoi». Ukraina 1919 goda glazami denikinskikh genshtabistov." *Slavianovedenje*, 2015, No. 5, p. 98–115.

Ganin, A. V. *50 ofitserov. Geroi, antigeroy i zhertvy na istoricheskom pere-lome. 1917–1922 gg.* Moscow: Kuchkovo pole Muzeon; izdatel'skii tsentr «Vojevoda», 2022, 704 p. DOI: 10.31168/907174-80-1.

Ganin, A. V. "Khlopoty narkomvojenmora L. D. Trotskogo ob osvobozhdenii byvshikh generalov M. M. Zagiu i S. M. Iazykova. 1919 g." *Vestnik arkhivista*, 2012, No. 4 (120), pp. 217–230; 2013, No. 1, pp. 247–258.

Goldin, V. I. *Likholet'je. Sud'ba generala M. V. Fastykovskogo: russkii ofitser, sekretnyi agent, uznik NKVD.* Arkhangel'sk: SOLTI, 2006, 308 p.

Gorelik, Ia. M. *Marshal Sovetskogo Soiuzna B. M. Shaposhnikov.* Moscow: Vojenizdat, 1961, 108 p.

"Grazhdanskaia voina na Ukraine v dokumentakh «Arkhiva Vrangelia» (dekabr' 1918 g. – dekabr' 1919 g.)", publ. by G. N. Lanskoj. *Istoricheskii vestnik (Moscow)*, 2021, vol. 37, pp. 14–89.

Lodyzhenskii, Iu. I. *Ot Krasnogo Kresta k bor'be s kommunisticheskim In-ternatsionalom.* Moscow: Airis-press, 2007, 575 p.

Maimeskulov, L. N., Rogozhin, A. I., Stashis, V. V. *Vseukrainskaia Chrezvychainaia komissiia (1918–1922).* Khar'kov: Osnova, 1990, 344 p.

Tynchenko, Ia. Iu. "Landsknekht bez strakhu i dokoru: viis'kova kar'iera ta dolia Mykoly Kakurina." *Z arkhiviv VUChK–HPU–NKVD–KHB (Kyiv)*, 1999, No. 1–2 (10–11), pp. 5–60.

Zakharov, M. V. *Uchenyi i voin (O Marshale Sovetskogo Soiuzna B. M. Sha-poshnikove).* 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1978, 110 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

A. V. Ganin

**“He changed his orientation depending on the political situation.”
Denikin intelligence about the General staff officers
who served in the Ukrainian troops. 1919**

Andrey V. Ganin

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8602-1990

Citation

Ganin A. V. “He changed his orientation depending on the political situa-tion.” Denikin intelligence about the General staff officers who served in the Ukrainian troops. 1919 // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 403–429 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

Received: 15.05.2022.

Abstract

The material represents the first publication of White intelligence doc-uments with the characteristics of General staff officers who served in the Ukrainian armies (headed by the Hetman, by Petliura, and by the Soviets) in 1918–1919. Of particular interest are the assessments of the political views of the officers. The published documents have been iden-tified in the collections of the Russian State Military Archive.

Keywords

Ukraine, Red Army, Armed Forces in the South of Russia, Civil War, Ukrainian People's Republic, officer corps, intelligence.

УДК 94(41/99)
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.03

А. С. Стыкалин

Чехословакия весны 1970 г. глазами советской писательской делегации

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Чехословакия весны 1970 г. глазами советской писательской делегации // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 430–447. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.03

Статья поступила в редакцию 01.06.2022.

Аннотация

Вторжение войск пяти стран – участниц Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 г. нанесло громадной силы удар по советско-чехословацким культурным связям. Лишь незначительная часть литераторов и деятелей культуры, приняв политику так называемой «нормализации», проявила готовность поддерживать и дальше официальные контакты с советской стороной. Делегация советских писателей, прибывшая в марте 1970 г., была официально принята только в Словакии. Власти не решались провести какие-либо официальные мероприятия в Праге, где бойкот творческой интеллигенцией всего, что исходило с советской стороны, был почти всеобщим. Кратковременный выезд двух советских писателей в Прагу для ознакомления с ситуацией в литературной жизни совершенно не афишировался. Вниманию читателей предлагается отчет советской делегации в Иностранную комиссию Союза писателей СССР по итогам ее пребывания в Чехословакии.

Ключевые слова

Пражская весна, интервенция в Чехословакию 21 августа 1968 г., режим нормализации в Чехословакии, советско-чехословацкие культурные связи.

21 августа 1968 г., после растянувшихся на несколько месяцев колебаний брежневского руководства СССР, совместная военная акция пяти стран – участниц Варшавского договора пресекла попытку чехословацких реформаторов сделать более привлекательным лицо реального социализма. Пражская весна 1968 г. явилась не просто конкретно-историческим феноменом, она приобрела глубокий метафорический смысл, символизируя запоздалое возникновение в коммунистическом движении 1960-х гг. некоего творческого начала, пытавшегося (как оказалось, тщетно) придать ему новый импульс на основе симбиоза социалистических ценностей с рациональной экономикой и механизмами современной развитой демократии. Подавление Пражской весны стало по грандиозности последствий одним из ключевых событий всемирной истории второй половины XX в., во многом предопределившим необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения и дискредитировавшим в глазах многих современников, до тех пор сохранявших приверженность социалистическим идеалам, позитивное содержание самой идеи социализма в марксистском понимании.

Вниманию читателей предлагается источник (документ Иностранной комиссии Союза писателей СССР из фондов РГАЛИ), отражающий восприятие советскими литераторами Чехословакии, вступавшей после подавления Пражской весны в растянувшийся на целых два десятилетия период так называемой послеавгустовской «нормализации». Речь идет об отчете делегации Союза писателей СССР о посещении ею Братиславы, а затем (неформально) и Праги в марте 1970 г. – к этому времени в общественно-политической жизни страны уже явно наступил перелом в соотношении сил в пользу противников любых реформ, происходили массовые исключения из партии и увольнения с работы в системе образования, науки и культуры всех, кто хотя бы робко поддержал в 1968 г. Пражскую весну. Не сотни, а тысячи чешских интеллигентов либо покидали страну, либо превращались в дворников, чернорабочих и истопников, что привело к настоящему геноциду всего свежего, талантливого и нестандартного в духовной жизни нации. В Словакии установившийся политический режим был чуть более щадящим, но также начисто исключал любые проявления политического инакомыслия.

Когда готовилась поездка, немалое значение имел вопрос, кто возглавит советскую писательскую делегацию. Ильи Григорьевича Эренбурга, с его большим международным авторитетом, связями и огромным политическим опытом, человека, лучше других

умевшего разруливать конфликты в отношениях между писателями разных стран, возникавшие на почве политических разногласий, уже три года не было в живых¹. Возглавить делегацию поручили известному поэту Евгению Ароновичу Долматовскому (1915–1994). Сделав выбор в пользу этого умеренно-либерального (при всей однозначной политической лояльности) литератора, в свое время, в самый канун венгерских событий осени 1956 г., вызвавшего гнев Н. С. Хрущева прямой причастностью к шумной дискуссии вокруг скандального романа В. Дудинцева «Не хлебом единым»², руководство Союза писателей СССР, очевидно, рассчитывало, что ему после всего случившегося будет легче найти общий язык с чешскими и словацкими писателями, чем более жестким партийным ортодоксам из писательской среды. Не менее важно и то, что Долматовский имел непосредственный опыт пребывания в Венгрии в апреле 1957 г., через несколько месяцев после подавления восстания 1956 г., о чем оставил не только записки, предназначенные для публикации³, но и отчет с более глубоким анализом настроений творческой интеллигенции, персланный Иностранной комиссией Союза писателей в аппарат ЦК КПСС⁴.

Официальная часть визита советской делегации касалась лишь Словакии, выезд в Прагу двух ее членов (Е. Долматовского и В. Беляева) был неформальным, ибо обстановка в столице оставалась слишком накаленной для организации официальной поездки и нельзя было исключать каких-либо эксцессов. Приехав в Братиславу в период начавшегося ужесточения культурно-идеологической политики, когда в Праге уже велась подготовка программных документов об «уроках кризисного развития», заложивших идейные основы взятого курса послеавгустовской «нормализации», советская делегация стала свидетельницей запретительных мер в культурной жизни (кое-что из подляжавших запрету фильмов ей все же удалось посмотреть).

1 Стыкалин А. С. Илья Эренбург и осень 1956 года. К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада // Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016. С. 359–402.

2 Долматовский Е. «Я из-за тебя ночь не спал...» // Родина. 1992. № 3. С. 18–21.

3 Долматовский Е. В Венгрии весной 1957 г. Из дневника. М., 1957.

4 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 1214.

В Словакии градус сопротивления интеллигенции режиму «нормализации» был ниже и советские делегации принимались более сдержанно, чем в Чехии. К весне 1970 г. властям уже удалось поставить под контроль руководство местного Союза писателей, которое проявило больше готовности к восстановлению культурных связей с СССР. При том, что в словацких землях к вторжению иностранных войск отнеслись ненамного лучше, чем в чешских⁵, публикуемый ниже отчет все же фиксирует и различия в настроениях, вполне объяснимые удовлетворенностью большинства словаков полученной после августа 1968 г. федерализацией чехословацкого государства, к которой они так долго стремились. Вместе с тем, кроме тех функционеров творческого союза, которые на это были уполномочены, словацкие писатели (как и чешские) уклонялись от непротокольных, неформальных встреч с гостями из СССР, резонно опасаясь обвинений в коллаборационизме со стороны своих соотечественников. В свою очередь и сами функционеры не прилагали усилий, чтобы такие встречи состоялись, а если все-таки и удавалось поговорить о положении дел в неформальной обстановке, словацкие собеседники не скрывали своего негативного отношения к интервенции, особенно сильно, по их мнению, травмировавшей именно молодое поколение.

Впрочем, сопротивление послеавгустовским веяниям не могло быть, конечно же, всеобщим. Вторжение 1968 г. стало моментом выбора и самоопределения для целой генерации чехов и словаков. Одни избрали путь протестов, другие больше думали о возможностях продолжения собственной карьеры. Не только среди словацких, но и среди чешских интеллигентов, деятелей культуры и науки были и крайние леваки-ортодоксы, и попросту конъюнктурщики, сделавшие со временем ставку на новый режим – кто из идейных соображений, а кто попросту из естественного стремления удержаться на плаву, не лишиться привычных источников доходов и даже занять в культурной жизни более видные позиции. Писатели, готовые сотрудничать с режимом, выступали инструментом политики «нормализации», все более жесткой. Е. Долматовский приехал в Прагу в момент, когда в политической повестке дня стояла, как узнаем из его отчета, задача

5 Поскольку в 1968 г. еще живо было поколение, пережившее Мюнхенский сговор 1938 г. и последовавшие за ним события, в Словакии в силу особенностей исторической памяти нации с особой враждебностью был встречен новый приход венгерских войск, выступивших союзником Советской Армии в осуществлении «интернационалистской акции».

подорвать материальную базу Союза писателей как одного из идейных центров сопротивления «политике нормализации». Фактически союз был ликвидирован, а в мае 1972 г. восстановлен во главе с новыми людьми, готовыми беспрекословно выполнять волю правящей партийной верхушки, при этом вне реформированного союза оказалось большинство видных чешских писателей⁶. Духовное потрясение, вызванное августовской интервенцией, не могло быть длительным, как и последующее состояние шока, объяснимое неудачами сопротивления⁷. Оно постепенно сменялось некоей «стабильностью нормализации», люди привыкали к новым реалиям, установившимся политическим практикам и к своим новым ролям. На смену эйфории приходила апатия, господствовавшая в обществе вплоть до возникновения Хартии-77, новой формы противостояния существующему режиму, способной сплотить оппозиционно настроенную чешскую интеллигенцию.

Бойкот всего советского в среде чешских литераторов (и – шире – деятелей культуры) был после августа 1968 г. гораздо более жестким, нежели среди словацких. Любые контакты с представителями Москвы сильно компрометировали всех, кто на это шел. Неприятие интервенционистского режима формировало писательскую солидарность, опиравшуюся на более широкое общественное мнение, осуждавшее августовское вторжение. Все это произвело на советских гостей впечатление некоей «круговой поруки». Причем и те писатели, которые вроде бы уже и были готовы пойти на компромисс и вписаться в литературную жизнь в ее официально разрешенных рамках, отталкивались культурной политикой и крайне левыми литераторами, составлявшими главную опору новой власти в творческой среде. Подобные явления Долматовский наблюдал и фиксировал и в Венгрии весны 1957 г. – правда, потом, к началу 1960-х гг., культурная политика кадаровского режима претерпела изменения в направлении большей либерализации, была заметно скорректирована на основе лозунга «кто не против нас – тот с нами». Гусаковская Чехословакия ничего подобного не знала фактически вплоть до последних месяцев режима «нормализации».

⁶ О ситуации в чешской литературной жизни того времени см.: *Шерлаимова С. А.* Литература «Пражской весны»: до и после. М., 2002.

⁷ Отчаянным жестом человека, стремившегося пробудить чешское общество от летаргии, стало публичное самоожжение студента Яна Палаха в январе 1969 г.

События 1968 г. (а еще более – некоторые их последствия) осложнили и без того очень непростые отношения двух титульных наций Чехословакии, усилили словацкий сепаратизм и, с другой стороны, неприязнь чешского общественного мнения к «близким родственникам», не то чтобы ударившим в спину, но, как показалось многим в Чехии, выигравшим за счет чешской национальной трагедии, а значит, по сути нажившимся на ней – именно так было воспринято получение словаками широкой автономии. Советские гости обратили внимание на раздражение своих словацких собеседников, когда разговор заходил о чехах, на их явное стремление дистанцироваться от чехов, по мнению немалой части словаков, накликавших вторжение – наверное, чрезмерным радикализмом устремлений. Общегосударственный чехословацкий патриотизм, базировавшийся на масариковской идее единства двух близких народов, не в первый и не в последний раз в их общей истории XX в. дал трещину. Интересно, что эта неприязнь к политически активным чехам проецировалась даже на занявшего первый пост в Праге словака Густава Гусака, еще недавно довольно популярного в словацком обществе. И это несмотря на его несомненную роль в том, что словаками был получен статус субъекта федерации. Противоречия усугублялись и в силу более жестких преследований интеллигенции именно в Чехии – осуществлявшихся с санкции словаков-«нормализаторов» Г. Гусака и В. Биляка. В их действиях многим в Праге виделась целенаправленная месть в адрес чехов.

Обращает на себя внимание и другое: как показалось советским гостям, те, кто вершил в Чехословакии культурную политику, т. е. сами «нормализаторы», при всей серьезности своих намерений плохо контролировали реальную ситуацию в литературной, культурной жизни – не знали, кто из писателей убежал за границу и кто где находится в самой Чехословакии.

Что же касается традиционно развитых русско-чешских и русско-словацких культурных, духовных, интеллектуальных связей, то, вопреки оптимизму некоторых функционеров, по ним был нанесен вторжением сокрушительной силы удар. Советская интеллигенция проявляла огромный интерес к чехословацкой культуре 1960-х гг., но отнюдь не периода «нормализации». Прервались ранее интенсивные неформальные связи ученых-гуманитариев. Чешская, чуть в меньшей степени словацкая интеллигенция отвернулась от русской культуры едва ли не во всех ее проявлениях, не исправили положения даже устроенные в 1970-е гг. выставки корифеев искусства русского модернизма и авангарда (материалы об этом

также содержатся в РГАЛИ). Мало интереса друг к другу проявляли и творцы культуры андерграунда двух стран. Чешский самиздат зачастую обходил вниманием даже крупных русских писателей, имевших проблемы с советской властью, – их произведения, как правило, переводились на чешский с опозданием, только тогда, когда получали всемирную известность (это касалось и нобелевских лауреатов А. Солженицына и И. Бродского). Произошел, по сути, коллапс культурных связей сверх запротоколированного официоза. Нарушение естественного диалога культур привело к той ситуации, которую имеем сегодня. «Мы хотим видеть Россию в самых черных тонах – и нам это удастся», – заметил видный публицист и политик Петр Питгарт⁸. Опыт 1968 г. и последующих лет позволяет лучше понять, почему стремление к отмежеванию от России стало в странах бывшей советской сферы влияния доминирующим сразу же после распада системы социализма.

Сегодня очевидно, что уроки из прошлого извлекла не преобладающая часть российского общества, ведь, судя по материалам социологических опросов⁹, до сих пор для огромного количества россиян величие государства ассоциируется со способностью сильной державы, не особо считаясь с нормами международного права, держать под контролем целые страны вопреки воле их народов. Настроения, в соответствии с которыми уважать Россию можно заставить только силой, особенно живучи, когда культивируются сверху теми, кто склонен прибегать к насаждению комплексов враждебного окружения и осажденной крепости.

При всей привязанности программы пражских реформаторов 1968 г. к конкретно-историческому моменту, события тех лет способны сегодня представить интерес не только для профессионалов-историков. Ведь требование создания общества с «более человеческим лицом» не утрачивает актуальности ни для одной генерации.

Встает вопрос об источниковой ценности писательских донесений и отчетов по итогам поездок за границу, в частности в социалистические страны. Несомненно, их авторы почти всегда находились

⁸ Вторжение. Взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / сост. Й. Паздерка. М., 2016. С. 130.

⁹ *Владимиров В.* Лев Гудков: «Интеллектуальное состояние российского общества – удручающее» // *Голос Америки*. 22.08.2022. URL: <https://www.golosameriki.com/a/lev-gudkov-on-russian-public-consciousness/6712130.html> (дата обращения: 04.09.2022).

в плену доминирующих идеологических представлений и, более того, во избежание недовольства нередко писали именно то, что от них хотели услышать в вышестоящих инстанциях¹⁰. Как правило, чем более высокий пост занимал человек в партийно-государственной иерархии или чем более видным являлось его положение в культурной жизни, тем в большей мере он был свободен в выражении собственного мнения. Господство идеологических стереотипов о превосходстве советской модели и советского опыта формировало «стратегию наблюдения», предполагавшую предвзятость подхода к увиденному, оно создавало определенный фильтр, искажавший воспринимаемую картину, однако и в этом случае внимательный, заинтересованный, знающий соответствующую культурную среду наблюдатель мог подмечать существенные тенденции. Таким образом, при всей неизбежности искажений в отчетах писательских делегаций, речь идет об источнике, который может быть принят во внимание в ряду других при попытках исторической реконструкции общественных настроений в той или иной стране в тот или иной исторический период. Особенно когда (как в случае с пребыванием в ЧССР в марте 1970 г. Е. Долматовского) исследователь имеет дело с записками литераторов, имевших определенный политический опыт, и в том числе опыт пребывания в социалистических странах в кризисные моменты их развития.

¹⁰ Г. М. Гусев, в 1960-е гг. работник аппарата ЦК ВСКСМ, вспоминает, как в 1964 г. по итогам посещения Чехословакии составил записку, в которой указал на довольно сильные прозападные настроения в среде чешской молодежи, неприязнательность советского опыта, равнодушие к коммунистической идеологии и т. д. Его записка была воспринята в штыки некоторыми вышестоящими работниками, будучи расцененной как попытка вбить клин в дружеские отношения молодежи двух стран. Карьера молодого функционера оказалась под угрозой. Лишь через некоторое время, когда аналогичные свидетельства поступили в центр и по другим каналам получения информации, к словам Гусева отнеслись всерьез и его перестали преследовать за «клевету» в адрес дружественной страны. См.: На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 4. С. 154–158. Писать правду об увиденном было, таким образом, более рискованно, нежели подлаживаться под доминирующие стереотипы.

**Отчет о пребывании делегации Союза писателей СССР
в Чехословакии (12–24 марта 1970 г.)**

Делегация Союза писателей СССР в составе Е. Долматовского (руководитель), В. Беляева, А. Осипенко, Н. Доризо и Л. Метцара¹¹ была направлена для участия в месячнике книги («Книжная жатва») в Словакии. Согласно плану поездки, два члена делегации – Долматовский и Беляев – на обратном пути остановились в Праге для выяснения обстановки.

В Братиславе делегация была принята Союзом писателей Словакии радушно и гостеприимно. Мы участвовали в открытии «Книжной жатвы» (выступил руководитель делегации), а также в нескольких «днях издательств» в зале, где происходили регулярно такие дни.

Руководители 4 главных издательств во главе с начальником управления издательств Словакии Я. Принцем устроили в честь делегации обед, на котором Я. Принц официально принял наше предложение об установлении между СССР и Словакией конвенции об охране авторских прав. По мнению словацких издателей, это был бы важный акт, так как западные буржуазные издательства, пользуясь Женевской конвенцией, стараются подкупить писателей Словакии.

Министр культуры Мирослав Валек¹², принимая делегацию, подчеркнул, что Словакия крайне заинтересована в установлении контакта и заключении соглашения об авторских правах с социалистическими странами, в первую очередь – с СССР, и просил, чтобы этот вопрос был в ближайшее время специально обсужден и решен.

Делегация была принята в ЦК Партии Словакии – заведующим отделом культуры, но в «Руде право» была напечатана официальная информация о том, что делегацию принимал Секретариат ЦК.

Делегация была принята руководством Союза писателей во главе с Андреем Плавкой¹³. В речах подчеркивалось, что словацкие писа-

11 Наряду с прозаиком Владимиром Беляевым (1909–1990), известным прежде всего как автор повести «Старая крепость», и поэтом Николаем Доризо (1923–2011), в делегацию, возглавляемую Е. Долматовским, входили также литераторы из Белоруссии и Эстонии.

12 Мирослав Валек (1927–1991) – министр культуры Словакии в 1969–1988 гг., был известен также как поэт и публицист. Зять известного советского дипломата В. А. Зорина (1902–1986), первого посла СССР в послевоенной Чехословакии, а позже заместителя министра иностранных дел СССР. В 1967–1968 гг. возглавлял Союз словацких писателей.

13 Андрей Плавка (1907–1982) – словацкий поэт и прозаик.

тели хотят тесных связей с Союзом писателей СССР и социалистических стран, будут делать все для укрепления этих связей. Вечером того же дня Плавка провел с нами несколько часов за неофициальным ужином, был крайне любезен и дружелюбен. Делегация была принята генеральным секретарем ЦК Союза дружбы Словакии¹⁴, участвовала в двух массовых мероприятиях Союза – «Пушкинском памятнике» (школьники пригородного района Братиславы соревновались в декламации стихов советских и русских поэтов; Доризо и Долматовский выступили на этом вечере со стихами) и дала творческий вечер в зале Союза дружбы. В вечере участвовали все члены делегации, он прошел тепло, при переполненном зале.

Делегация совершила 3-дневную поездку по Словакии: была в Банской Быстрице, где ее принимали в горкоме партии и городском совете; в городе Мартин посетила культурный центр «Матица Словенская»¹⁵, в городе Нитра состоялась встреча делегации со студентами-славистами Педагогического института. Встреча прошла хорошо, вопросы были дружественные. Присутствовало человек пятьдесят.

В Братиславе, кроме вышеуказанных встреч, было несколько встреч с писателями, поэтами, издателями. На киностудии нам показали новый неплохой фильм «Медная башня»¹⁶ и 2 антисоветских фильма, ныне запрещенных новым руководством студии. Фильмы злые и страшные. Нам сказали, что таких фильмов запрещено 11. Один из фильмов, «Дезертир», создан по сценарию писателя Тяжкого, который очень лез к нам в друзья во время нашего пребывания в Братиславе¹⁷. С этим фильмом большой скандал: оказалось, что он создавался на деньги западногерманской фирмы, вскрыта уголовная история с финансами и с демонстрацией этого фильма на Западе. Как нам сказали, дело передано в суд.

Трудно дать глубокий анализ положения в Словакии на основе столь короткого пребывания в стране. Внешне все выглядит пристойно.

14 Здесь и далее речь может идти об Обществе словацко-советской (чехословацко-советской) дружбы.

15 Обычно переводится на русский язык как Матица словацкая. Старейшее словацкое культурное общество, основано в г. Мартине в 1863 г. В эпоху австро-венгерского дуализма подвергалось преследованию венгерских властей. Сыграло видную роль в развитии национальной культуры.

16 «Медная башня» (1970) – фильм словацкого режиссера Мартина Голлы (1931–2004).

17 Речь идет о словацком писателе Ладиславе Тяжком (1924–2011).

Никаких выпадов (публичных) не было. Но беседея один на один, многие наши новые знакомцы говорили, что ввод войск Варшавского пакта – удар, от которого нынешнее поколение уже не оправится, что молодежь травмирована и неизвестно, что с ней делать.

Но самое тяжелое впечатление произвел на нас откровенный сепаратизм, главенствующий во всей общественной жизни Словакии. В ЦК партии, в ЦК Общества дружбы, в Союзе писателей, в горкомах, в издательствах – всюду, где нас принимали, в адрес Праги, чехов неслись ругательства. Мы почти не слышали слова «Чехословакия». Даже Плавка на вопрос о чехах-писателях ответил, что чехи – свиньи и он ничего о них не знает. Чехи – виновники всех бед, контрреволюции, ввода войск, а словаки – близкая русским нация, готовая в семье социалистических стран строить социализм. Наши слова о Чехословакии, о чехословацкой культуре вежливо, а подчас и не очень вежливо пропускались мимо ушей. Так было и в Братиславе, и в Мартине, и в Банской Быстрице. Были случаи, когда в адрес Г. Гусака в нашем присутствии отпускались неслестные шутки, хотя, как известно, Гусак – словак.

В Братиславе наша делегация дала пресс-конференцию, отраженную газетами, интервью с нами были переданы по радио и по телевидению.

А. Плавка, принимая нас в Союзе писателей, выразил готовность участвовать вместе с советскими писателями во всех международных делах, в том числе – в конференции писателей стран Африки и Азии в Дели.

Нам рассказали, что небезызвестный Мнячко прислал в Братиславу письмо (связанное с положением своих родственников), в котором признается, что живет ему на Западе плохо и тяжело¹⁸.

Интересно отметить, что в Союзе писателей Словакии не знают точно, кто из писателей убежал за границу, кто где находится.

18 Ладислав Мнячко (1919–1994) – видный словацкий писатель и публицист. В годы Второй мировой войны участник антифашистского сопротивления, узник германского концлагеря, из которого сумел бежать. На волне разочарования в коммунистическом режиме осенью 1967 г. эмигрировал, поводом послужило несогласие с позицией Чехословакии в условиях Шестидневной арабо-израильской войны. Осудил вторжение в Чехословакию 21 августа 1968 г. Жил в Австрии, был исключен из Союза словацких писателей и лишен чехословацкого гражданства. В 1989 г. вернулся на родину. До конца жизни был решительным противником распада Чехословакии.

Мы выразили пожелание встретиться с Л. Новомеским¹⁹, но нам было сказано, что его сердечная болезнь не допускает такой встречи. Вообще для зав. международным отделом В. Жабкай наши конкретные просьбы о встречах были как бы сигналом, чтобы эти встречи не состоялись. Делалось это очень мягко, но последовательно.

Проводили делегацию очень радушно, благодарили. Тот же Жабкай рассыпался в комплиментах и просил присылать еще такие делегации, активно содействующие нормализации и укреплению наших отношений. Как уже сказано выше, Е. Долматовский и В. Беляев провели три дня в Праге. К сожалению, это были пятница, суббота и воскресенье, но кое-что удалось сделать и выяснить.

Делегация эта была гостем ЦК Союза дружбы и издательства, которым руководит Иржи Плахетка.

Делегация была принята в ЦК КПЧ зав. отделом науки и культуры тов. Бояром.

В беседе Бояр отметил, что Союз писателей остается незарегистрированной оппозиционной организацией. Решено отнять у него Литфонд, дом, издательство, т. е. лишить его материальной базы. Запрещение Союза вызвало бы новые крики о зажиме демократии, поэтому решено взять Союз писателей осадой.

Создание Совета по писателям при министерстве культуры – на повестке дня, но пока не получается: люди, согласившиеся быть в Совете, – Завада, Секера, Грубин²⁰ – теперь молчат, уходя от конкретных разговоров. Секера в тесной дружбе с руководителем Союза

19 Лацо Новомеский (1904–1976) – поэт, классик словацкой национальной литературы. С 1920-х гг. участвовал в деятельности чехословацкой компартии. В годы Второй мировой войны участник коммунистического подполья и Словацкого национального восстания 1944 г. В 1945–1950 гг. член ЦК КПЧ. В 1951 г. арестован и в 1954 г. приговорен к десяти годам тюрьмы по судебному делу так называемых словацких «буржуазных националистов» (вместе с Г. Гусаком). После досрочного освобождения в 1956 г. жил под домашним арестом, был полностью реабилитирован и восстановлен в Союзе писателей в 1963 г., сразу же заняв видное место не только в словацкой, но и в чехословацкой литературной жизни.

20 Вилем Завада (1905–1982) – чешский поэт и переводчик. Йозеф Секера (1897–1972) – чешский прозаик. Его роман «Чешская рапсодия», посвященный участию чехов и словаков, бывших военнопленных австро-венгерской армии, в событиях гражданской войны в Сибири, был опубликован в СССР в 1972 г. Франтишек Грубин (1910–1971) – чешский поэт, драматург, детский писатель.

Сейфертом²¹. Бояр считал, что наше посещение Секеры опасно, так как можно встретиться у него с Сейфертом. В плане блокады Союза писателей предусматривается, что он лишится аппарата (не будет средств на зарплату) и, например, зав. международным отделом Пуйман не сможет продолжать свою вредную деятельность. Если определить духовную атмосферу среди писателей, то она может быть названа круговой порукой, связанной с ложным понятием чести интеллигента. Многие и хотели бы вырваться из этого круга. По мнению Ивана Скалы²² (о беседе с ним – ниже), и сам Сейферт зажат Когоутом²³, Прохазкой²⁴ и Шотолой²⁵, уже рад был бы занять иную позицию, но эта тройка крепко его держит.

Бояр отметил, что в Бухаресте вошел в контакт с советскими писателями и ЦК хочет всячески поддерживать и развивать этот контакт.

21 Ярослав Сейферт (1901–1986) – выдающийся чешский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1984 г. В 1920-е гг. участвовал в деятельности чехословацкой компартии, позже покинул ее в знак несогласия с внедрением сталинских методов. Участник Пражского восстания в мае 1945 г. В мае 1956 г. в контексте разоблачения «культы личности» выступил на съезде чехословацких писателей с яркой речью, призвав коллег говорить правду. В 1968 г. был избран руководителем Союза чехословацких писателей на волне событий Пражской весны. В 1977 г. подписал диссидентскую Хартию-77.

22 Иван Скала (1922–1997) – поэт. В целом поддерживал линию гусакской «нормализации». Один из руководителей Союза чехословацких писателей, возобновившего свою деятельность в 1972 г.

23 Павел Когоут (1928 г. р.) – поэт, драматург, прозаик, публицист. Эволюционировал от приверженности сталинизму в начале 1950-х к реформкоммунизму 1960-х гг. и позже к либерализму. Одна из самых ярких фигур чехословацкой литературной жизни 1960-х гг., после интервенции 21 августа находился в оппозиции режиму «нормализации». Один из инициаторов Хартии-77. Политэмигрант. В СССР имя Когоута было на слуху после постановки в советских театрах пьесы «Такая любовь» (1957).

24 Ян Прохазка (1929–1971) – писатель, сценарист, видная фигура литературной жизни 1960-х гг. Преждевременная кончина застала его в период активной деятельности по сплочению творческой интеллигенции на основе противостояния режиму «нормализации».

25 Иржи Шотола (1924–1989) – видный чешский поэт, прозаик, драматург, театральный режиссер. Осудив августовское вторжение, в середине 1970-х гг. все-таки сумел вернуться в официальную литературную жизнь после выступления с самокритикой.

На обеде, устроенном ЦК Союза дружбы, присутствовал Иван Скала. Мы дружески беседовали с ним. Он полностью поддерживает нынешний курс ЦК КПЧ, готов к активным действиям. Но положение его тоже сложное. Он – один из пяти депутатов, выступивших (или проголосовавших) в Национальном собрании против ввода войск. Бояр в ЦК заявил нам, что статья Скалы в «Правде» причинила вред и спутала карты²⁶. Здесь возникает один сложный вопрос. У нас создалось впечатление, что в ЦК КПЧ нет ясной установки – как быть с теми писателями, которые хотят встать на правильные позиции. По мнению Бояра, так или иначе **все** писатели допустили ошибки. Есть и крайние левые элементы, считающие, что те писатели, которые хотят найти правильный путь, – лживо перекрашиваются, что нельзя им верить. Такая позиция имеет влияние. Таким образом, писатели, ищущие способ загладить свои ошибки, поставлены в трудное положение. Это мешает и другим пересмотреть свои взгляды. И образуется заколдованный круг.

Иван Скала, Иржи Гаек²⁷ и Виллем Завада пришли к нам в гостиницу (вместе), у нас состоялась 3-часовая беседа. Все они считают, что Союз писателей, его руководство забрели в тупик. Мягче относясь к Сейферту, они считают законченными и неисправимыми контрреволюционерами фактически всех руководящих – Когоута, Шотолу и Прохазку. Скала и Завада показались нам растерянными. В Союзе писателей они преданы анафеме, но не уверены, что им поверят и здоровые силы. Несколько тверже держится Иржи Гаек, считает, что на страницах «Творбы»²⁸ сумеет много сделать для консолидации сил. Завада производит впечатление человека печального и беспомощного.

Композитор Лидл, писавший песни с Грубиным, возил нас к последнему²⁹. Мы Грубина не застали. Лидл два дня потом звонил Грубину, но к телефону никто не подходил. Интересно, что Лидл, пригласив Беляева к себе, просил его не говорить по-русски около дома и на лестнице.

Бояр называет несколько имен молодых писателей, на которых можно опираться, – Влад. Пршибский, Милослав Фабера, Ян Козак,

26 Из контекста не совсем ясно, идет ли речь о публикации в главном печатном органе КПСС или же в братиславской «Правде».

27 Речь идет не о министре иностранных дел в 1968 г., а позже одном из инициаторов Хартии-77 Иржи Гаеке (1913–1993), а о его полном тезке и однофамильце, видном литературном критике (даты жизни: 1919–1994).

28 Чешский литературный журнал.

29 Вацлав Лидл (1922–2004) был известен прежде всего как кинокомпозитор.

Алексей Плудек. Но это – начинающие³⁰. Встречу с ними Бояр старался, но не смог организовать, так как были два выходных дня.

Все вопросы наших связей очень хочет взять на себя Иржи Плахетка³¹. Он сказал нам, что говорил в ЦК, получил средства и может принять авторитетные делегации советских писателей для выступлений в Праге. По мнению Плахетки, было бы хорошо прислать в связи с ленинскими днями и 25-летием Победы две делегации, примерно в таком составе: Андроников – Щипачев – Айтматов и Рождественский – Гранин – Гамзатов (или Луконин). Он обещает устроить серию публичных выступлений, в частности в среде молодежи³².

Известно также, что президент Свобода собирается пригласить на 25-летие ряд писателей как своих гостей (Полевой и другие участники освобождения Чехословакии³³).

30 Ошибка, поскольку в этом списке мы видим не начинающих писателей, что свидетельствует о слабом знании советскими гостями чехословацкой литературной жизни. Ян Козак (1921–1995), возглавив Союз чехословацких писателей в 1972 г., вел жесткую борьбу против любых проявлений инакомыслия. В силу этого относился к числу писателей, признанных в СССР, где неоднократно публиковались его произведения. Посетил СССР вскоре после пребывания в ЧССР делегации во главе с Е. Долматовским (см. отчет о его пребывании в мае – июне 1970 г.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 941). Милослав Фабера (1912–1988) известен прежде всего как кинодраматург. Алексей Плудек (1923–2002) являлся автором скандально известного романа «Ва-банк» (1974), в котором была предпринята попытка разоблачить реформаторски настроенную интеллигенцию 1968 г. Влад. Пршибский – неустановленное лицо.

31 Был известен и как писатель, прежде всего детский. Его стихи для детей переводил и С. Михалков.

32 План приезда столь представительных делегаций из СССР не мог быть реализован. Об обмене делегациями в 1970 г. и – шире – о выполнении плана сотрудничества между писателями двух стран см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 944. См. также отчет сопровождающих лиц об ответном посещении в мае 1970 г. СССР словацкой писательской делегацией (Там же. Д. 942). Она приняла участие в Декаде книги ЧССР, прошедшей в рамках Дней чехословацкой культуры. В составе делегации ЧССР на Днях чехословацкой культуры было несколько лиц, с которыми в марте контактировали члены советской писательской делегации, – М. Валек, А. Плавка, П. Бояр.

33 Писатель Борис Полевой был свидетелем освобождения Чехословакии в качестве корреспондента «Правды» на 1-м Украинском фронте. В мае 1970 г. на торжествах по случаю 25-летия освобождения

В Праге ЦК Союза дружбы устроил пресс-конференцию для нас. Представитель радио, молодой поэт (имеет две книги стихов) Р. Матыш взял интервью и обещал провести передачу стихов Долматовского по радио.

Делегация выступила с творческими вечерами у советских воинов – в танковом полку на территории Словакии и в группе войск под Прагой. Были проведены также выступления для советских колоний в консульстве СССР в Братиславе и в посольстве СССР в Праге.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 943. Л. 1–8.

Источники и литература

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Владимиров В. Лев Гудков: «Интеллектуальное состояние российского общества – удручающее» // *Голос Америки*. 22.08.2022. URL: <https://www.golosameriki.com/a/lev-gudkov-on-russian-public-consciousness/6712130.html> (дата обращения: 04.09.2022).

Вторжение. Взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / сост. Й. Паздерка. М.: НЛЮ, 2016. 304 с.

Долматовский Е. В Венгрии весной 1957 г. Из дневника. М.: Советский писатель, 1957. 98 с.

Долматовский Е. «Я из-за тебя ночь не спал...» // *Родина*. 1992. № 3. С. 18–21.

На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 4. С. 154–158.

Стыкалин А. С. Илья Эренбург и осень 1956 года. К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада // *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 359–402.

Шерлаимова С. А. Литература «Пражской весны»: до и после. М.: ИСл РАН, 2002. 196 с.

Чехословакии присутствовала советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК компартии Украины П. Е. Шелестом. Участие в составе этой делегации писателей не нашло отражения в прессе.

References

- Dolmatovskii, E. *V Vengrii vesnoi 1957 g. Iz dnevnika pisatel'ia*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1957, 98 p.
- Dolmatovskii, E. "Ia iz-za tebia noch' ne spal..." *Rodina*, 1992, No. 3, pp. 18–21.
- "Na ideologicheskom postu: 1960-je. Vospominaniia sotrudnikov TsK KPSS." *Neprikosnovennyi zapas*, 2008, No. 4, pp. 154–158.
- Sherlaimova, S. A. *Literatura "Prazhskoi vesny": do i posle*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 196 p.
- Stykalin, A. S. "Ilya Ehrenburg i osen' 1956 goda. K istorii vzaimootnoshenii pisatel'ia s khrushchiovskoi partiinoi elitoi i levoi intelligentsiei Zapada." Stykalin, A. S. *Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospective*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2016, pp. 359–402.
- Vladimirov, V. "Lev Gudkov: «Intellektual'noje sostoiianije rossiiskogo obshchestva – udruchaiushcheje»." *Golos Ameriki*. 22.08.2022. URL: <https://www.golosameriki.com/a/lev-gudkov-on-russian-public-consciousness/6712130.html> (accessed: 04.09.2022).
- Vtorzhenie. Vzgliad iz Rossii. Czekhoslovakiia, avgust 1968*, comp. by Josef Pazderka. Moscow: NLO, 2016, 304 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.03

A. S. Stykalin

Czechoslovakia in the spring of 1970 viewed by the Soviet writers' delegation

Alexander S. Stykalin
Candidate of History, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. Czechoslovakia in the spring of 1970 viewed by the Soviet writers' delegation // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 430–447 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.03

Received: 01.06.2022.

Abstract

The invasion of Czechoslovakia by the troops of the five Warsaw Pact countries on August 21, 1968 dealt a tremendous blow to Soviet-Czechoslovak cultural ties. Only a small minority of writers and masters of arts, supporting the policy of the so-called "normalization", showed their readiness to continue to maintain official contacts with the Soviet side. The delegation of Soviet writers, which arrived in March, 1970, was officially received only in Slovakia. The authorities did not dare to hold any official events in Prague, where the boycott by the creative intelligentsia of everything that came from the Soviet side was dominating. The short trip of two Soviet writers to Prague to get acquainted with the situation in literary life was not advertised at all. Readers are provided with the report of the Soviet delegation to the Foreign Commission of the Union of Writers of the USSR on the results of their stay in Czechoslovakia.

Keywords

Prague Spring, intervention in Czechoslovakia on August 21, 1968, normalization regime in Czechoslovakia, Soviet-Czechoslovak cultural ties.

УДК 94

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.01

К. В. Никифоров**Сербия на пути к полной независимости**

Леовац Д. Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860–1868). – Београд: Службени гласник, 2015. – 338 с.

Никифоров Константин Владимирович
Доктор исторических наук, директор
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nikiforov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Цитирование

Никифоров К. В. Сербия на пути к полной независимости // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 448–454. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.01

Рецензия поступила в редакцию 22.08.2022.

Аннотация

Сербская историография обогатилась книгой о важном периоде новой сербской истории, предшествовавшем обретению полной независимости. В то время Сербия получила внутреннюю свободу и начала создавать так называемый первый Балканский союз. Этот период уже привлекал к себе внимание историков. Книга Леоваца оказалась в одном ряду с такими известными и крупными работами сербской историографии, как книга С. Йовановича и монография Г. Якшича и В. Вучковича. В отличие от предыдущих работ, особенностью книги Д. Леоваца является то, что она базируется прежде всего на русских источниках. Автор делает обоснованный вывод, что именно Россия в тот период оказывала основную поддержку сербским интересам, а не Франция, как это часто отмечается в историографии.

Ключевые слова

Михаил Обренович, Илия Гарашанин, Балканский союз, русские консулы на Балканах, вывод турецких гарнизонов и выселение турок из княжества.

Несколько лет назад в Белграде в издательстве «Службени гласник» («Служебный вестник») вышла монография профессора Белградского университета Данко Леоваца «Сербия и Россия во время второго правления князя Михаила (1860–1868)». Эта книга интересна по многим причинам. Она освещает весьма важный период в истории Сербии, после которого автономное княжество приобрело внутреннюю независимость. В это время продолжилась начатая еще в 1840-е годы борьба княжества за соби́рание сербских земель и подготовку всеобщего восстания балканских народов против турок.

Нельзя сказать, что этот период не привлекал к себе интереса в предыдущей историографии. Более того, в каждую предшествующую эпоху сербской истории появлялось по крайней мере по одной значительной работе по указанной теме.

В период между двумя мировыми войнами, в 1923 г., в королевской Югославии (тогда еще Королевстве СХС) вышла книга известного сербского историка, правоведа и государственного деятеля Слободана Йовановича «Второе правление Милоша и Мнхаила», охватывающая период с 1858 по 1868 гг.¹ В этой большой работе основное внимание автор уделил внутренней политике князя Михаила.

В социалистической Югославии крупнейшим трудом стала книга сербских историков Гргура Якшича и Войислава Вучковича «Внешняя политика Сербии во время правления князя Михаила. Первый балканский союз»². Вторая часть книги прямо посвящена интересующей нас теме. Авторы детально разбирают все мероприятия сербского правительства по созданию Балканского союза, приводят тексты подписанных документов. Это не столько аналитическая, сколько фактологическая работа, что, впрочем, тоже важно. Монография написана на основе большого документального материала, проведена кропотливая работа в сербских архивах и в архивах ряда европейских стран, преимущественно Франции.

В СССР и постсоветской России главной работой до сих пор остается кандидатская диссертация Александра Викторовича Карасева «Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века», защищенная им в Московском государственном университете в 1984 г. К сожалению, диссертация не напечатана отдельной книгой, опубликован лишь ее

¹ *Јовановић С.* Друга влада Милоша и Михаила (1858–1868). Београд, 1923.

² *Јакшић Г., Вучковић В. Ј.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први балкански савез. Београд, 1963.

автореферат³. А эта работа, на наш взгляд, в свое время вполне заслуживала публикации. Нельзя сказать, что диссертация А. В. Карасева сейчас полностью устарела, хотя, конечно, в ней чувствуется бытовавший тогда классовый подход ко всем историческим событиям. Необоснованно порой отмечаются якобы великосербские устремления сербского правительства.

И вот теперь появилась книга Данко Леоваца, которая в современной сербской историографии стала основной работой по второму правлению князя Михаила и первому Балканскому союзу. В основе книги Леоваца лежала защищенная им диссертация в Белградском университете. Причем, в отличие от своих предшественников Якшича и Вучковича, Леовац написал свое исследование главным образом на основании российских источников, преимущественно документов Архива внешней политики Российской империи, и прежде всего на донесениях русских консулов в Сербии – А. Г. Влангали и Н. П. Шишкина. В какой-то степени Леовац тем самым не только продолжил и дополнил исследования своих сербских предшественников, но и выполнил даже в какой-то мере работу за российских коллег.

Период, который освещает автор в своей монографии, является прямым продолжением периода 1840-х и начала 1850-х годов. Хотя династия поменялась, но цели внешней политики оказались сходными: закрепление у власти правящей династии (на этот раз династии Обреновичей) и выселение турок из княжества и их военных гарнизонов из крепостей (принцип: чем меньше турок, тем свободнее Сербия). Последняя задача была выполнена после бомбардировки турками сербских городов.

Однако, так же как и в 1840-е, в 1860-е годы наряду с официальной политикой существовала закулисная внутрибалканская политика. Ее возглавляли выдающийся сербский государственный деятель, главная фигура в истории автономной Сербии И. Гарашанин и его ближайший соратник Й. Маринович. Однако, если тогда князь Александр Карагеоргиевич мало вмешивался в деятельность по реализации программы «Начертание», теперь князь Михаил Обренович был непосредственным участником и одним из организаторов создаваемого в то время первого Балканского союза. Этот процесс больше связывается в историографии уже с его именем, а не с именем И. Гарашанина.

³ Карасев А. В. Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: (07.00.02). М., 1984.

Главным же отличием от предыдущего периода стала ориентация внешней политики Сербии на Россию, хотя ранее она скорее противостояла ее влиянию. Причем если о «Начертании» в России лишь догадывались, получая сведения о нем главным образом от австрийцев⁴, то о Балканском союзе знали с самого начала и, в отличие от упомянутой программы, в целом поддерживали его идеи. Особенно важными посредниками при создании Балканского союза были русские дипломатические представители на Балканах – Н. П. Игнатъев в Константинополе, Н. П. Шишкин в Белграде и А. С. Ионин в Янине (с. 210).

Все это хорошо отражено в книге Д. Леоваца. Он делает важный вывод, что «Россия в 60-е годы была главной силой, которая поддерживала сербские интересы, а отнюдь не Франция, как это подчас утверждается в историографии» (с. 299).

В книге Леоваца получило отражение и то, что Сербия, как и раньше, была зажата между двумя самыми взрывоопасными регионами европейской Турции, Боснией и Болгарией, и часто давала приют бежавшим отсюда повстанцам. Для ведения в соседних регионах просербской пропаганды был в 1862 г. создан комитет с агентствами в Боснии, Герцеговине, Далмации, Хорватии, Славонии, Венгрии и Болгарии (с. 162). Все это опять очень напоминало деятельность по реализации «Начертания» И. Гарашанина и «Уставов политической пропаганды» на 1849/1850 и на 1850/1851 гг. В конечном итоге вся эта пропаганда и в начале 50-х, и в 60-е годы была направлена на подготовку общепалканского анти-турецкого восстания.

Кстати, о самом Балканском союзе, вопреки историографической традиции, у Леоваца сказано не так много. Фактически этому событию посвящена одна, с натяжкой – две главы. Как известно, задачи Балканского союза, как и программы «Начертания», не были осуществлены. Тем не менее деятельность по созданию Балканского союза не была напрасной. Данко Леовац считает, что «успех князя Михаила был, возможно, бóльшим в том, что у него получилось оживить дух балканского сотрудничества, а не в самом акте создания союза» (с. 210). Со времени Михаила Обреновича и его Балканского союза начал вырисовываться и принцип «Балканы балканским народам» (с. 301).

Это – важные наблюдения. Созданный через полвека новый Балканский союз сыграл уже большую роль в переустройстве

⁴ Подробнее см.: Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

Юго-Восточной Европы. Речь идет о Балканских войнах, особенно первой из них, которая оказалась своего рода восточноевропейской Реконкистой, выдавливанием Турции и турецкого населения обратно в Азию. Малые балканские государства впервые в истории выступили вместе и самостоятельно, а не для поддержки тех или иных действий великих держав. Балканских союзников стали называть даже с известным преувеличением «седьмой великой державой».

Как уже упоминалось, отражена в книге и важнейшая веха сербской истории и главное достижение второго правления князя Михаила – вывод турецких гарнизонов из сербских городов и передача их властям княжества (с. 252–265). 6 мая 1867 г. последний турецкий военный покинул Сербию. Причем все это происходило мирным путем. После этого Сербия стала внутренне свободной страной. До полной независимости оставалось совсем немного – девять лет.

Получив фактически внутреннюю независимость, князь Михаил уже не хотел далее рисковать своими достижениями, связывать судьбу Сербии с другими балканскими народами. В конце своей жизни он размышлял больше о Боснии, на которую уже открыто нацелилась Австрия. Князь, по мнению Леоваца, изменил свой курс с южнославянского на сербский (с. 276). Так или иначе, но сербская ориентация (вопреки неясной южнославянской) отчетливо проявлялась и в 1840-е годы в программе «Начертание». Кстати, Леовац полагает, что в историографии преувеличено расхождение Михаила с Россией в последние два года своего правления (с. 302). Именно активность князя Михаила в Боснии, попытки ограничить свою балканскую политику сербским движением в этой провинции, «вероятно, стоили ему жизни» (с. 301).

Источники и литература

Карасев А. В. Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). М., 1984. 22 с.

Леовац Д. Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860–1868). Београд: Службени гласник, 2015. 338 с.

Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашианина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: Индрик, 2015. 256 с.

Јакшић Г., Вучковић В. Ј. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први балкански савез. Београд: Историјски институт, 1963. Т. 2. 576 с.

Јовановић С. Друга влада Милоша и Михаила (1858–1868). Београд: Издавачка књиџара Геце Кона, 1923. 287 с.

References

Jakšić, G., Vučković, V. G. *Spoljna politika Srbije za vlade kneza Mihaila. Prvi balkanski savez*. Beograd: Istorijски институт, 1963, vol. 2, 576 p.

Jovanović, S. *Druga vlada Miloša i Mihaila (1858–1868)*. Beograd: Izdavačka knjižara Gece Kona, 1923, 287 p.

Karasev, A. V. *Rossija i Balkanskii soiuz 60-kh godov XIX veka*. Abstract PhD thesis. Moscow, 1984, 22 p.

Leovac, D. *Srbija i Rusija za vreme druge vladavine kneza Mihaila (1860–1868)*. Beograd: Službeni glasnik, 2015, 338 p.

Nikiforov, K. V. *«Nachertanije» Ilii Garashanina i vneshniaia politika Serbii v 1842–1853 gg*. Moscow: Indrik, 2015, 256 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.01

К. В. Никифоров

Serbia on its way towards full independence

Konstantin V. Nikiforov

Doctor of History, director

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nikiforov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4436-5074

Citation

Nikiforov K. V. Serbia on its way towards full independence // Slavic Almanac. 2022. No 3–4. P. 448–454 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.01

Received: 22.08.2022.

Abstract

The Serbian historiography has been enriched by a book about an important period in the new Serbian history before achieving full independence. During this period, Serbia gained internal freedom and started creating the so-called first Balkan Union. This period has already been in the scope of

the professional interest of several historians. The book by D. Leovac was on a par with such well-known and major works of Serbian historiography as the monographs of S. Jovanović, G. Jakšić and V. Vučković. Unlike previous works, a feature of Leovac's book is that it is based primarily on Russian sources. The author makes a reasonable conclusion that at that time the main support to Serbian interests was coming from Russia, and not from France, as is often noted in historiography.

Keywords

Mihailo Obrenović, Ilija Garašanin, Balkan Union, Russian consuls in the Balkans, withdrawal of Turkish garrisons and expulsion of Turks from the principality.

УДК 82.091

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.02

В. В. Старкова

Иван Цанкар сто лет спустя: сборник статей, посвященный 100-летию со смерти «рыцаря словенского слова»

V sanjah preleti človek stoletje: mednarodni zbornik ob stoletnici smrti Ivana Cankarja / uredil M. Kocijančič. – Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani, 2021. – 184 s.

Старкова Вероника Викторовна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119001, Ленинские горы, 1, Москва, Российская Федерация

E-mail: starkova.veronika2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4922-0971

Цитирование

Старкова В. В. Иван Цанкар сто лет спустя: сборник статей, посвященный 100-летию со смерти «рыцаря словенского слова» // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 455–462. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.02

Рецензия поступила в редакцию 01.08.2022.

Аннотация

В рецензии представлен международный сборник статей, опубликованный в Словении, который посвящен столетию со дня смерти словенского писателя Ивана Цанкара. Сборник отражает состояние современного цанкароведения в некоторых странах Европы (Словения, Австрия, Хорватия, Венгрия, Россия), поднимает актуальные вопросы изучения поэтики писателя и намечает пути дальнейшего развития данного направления. Тематически статьи можно разделить на исследование философско-эстетических основ творчества Цанкара и изучение литературных связей и рецепции его творчества. Сборник снабжен оглавлением, введением и именованным указателем, каждая статья в отдельности – аннотацией и ключевыми словами на словенском и английском языке, а также списком литературы.

Ключевые слова

Иван Цанкар, юбилей, международный сборник, рецепция, теория литературы.

Рецензируемый международный сборник, вышедший пятнадцатым номером в серии «Acta comparativistica Slovenica», посвящен столетию со дня смерти выдающегося словенского прозаика, драматурга, эссеиста, поэта Ивана Цанкара (1876–1918). Данное издание 2021 г., подготовленное кафедрой сравнительного литературоведения и теории литературы Люблянского университета, стало результатом международного симпозиума, который прошел 11 декабря 2018 г. в культурном центре «Цанкаръев дом» в Любляне – ровно через сто лет после смерти писателя. В сборнике по-новому раскрывается художественный мир, философско-эстетическая и мировоззренческая основы творчества писателя, а также представлена рецепция творчества Ивана Цанкара в широком межнациональном контексте.

После оглавления и введения, в котором доцент М. Коциянчич (Любляна) рассказывает о широком праздновании юбилея со дня смерти писателя и о самом симпозиуме, а также дает краткое описание каждого исследования, следуют двенадцать статей литературоведческого и историко-культурологического характера. Их авторами выступили как словенские литературоведы (Я. Кос, В. Сной, Д. Кос, Н. Коциянчич-Покорн, И. Авсеник-Набергой, К. Я. Козак), так и исследователи из России (Т. И. Чепелевская, А. Г. Бодрова), Австрии (Э. Кёстлер, А. Лебен), Хорватии (И. Латкович) и Венгрии (И. Лукач). Завершает книгу именной указатель.

Первая статья «Иван Цанкар и Европа – открытые вопросы» (Ivan Sankar in Evropa – odprta vprašanja) принадлежит перу выдающегося словенского литературоведа, академика Я. Коса (Любляна). В ней, ссылаясь на выставку «Иван Цанкар и Европа», прошедшую с 18 июня 2018 г. по 28 февраля 2019 г. в «Цанкаръевом доме» в Любляне, исследователь говорит о двух уровнях взаимосвязи творчества писателя с культурой и философией античности и Европы – о влиянии на него философии Платона, св. Августина, Б. Спинозы, Э. Канта, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, М. Штирнера, Р. У. Эмерсона, К. Маркса и Ф. Ницше, литературного творчества У. Шекспира, М. де Сервантеса, Г. Ибсена, П. Верлена, О. Уайльда, Й. П. Якобсена, М. Метерлинка и Э. Золя, а также русских классиков Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского; в статье речь идет и об эстетических параллелях с творчеством Г. Манна, Р. Музиля, П. Клоделя, Дж. Джойса, Г. Гессе, Д. Г. Лоуренса, К. Гамсуна. Особый

контекст понятия «hgrepenje»¹ стал, по мнению Коса, синтезом понимания этого слова предшественниками Цанкара – Й. Стритаром и Ф. Прешерном. Словенский литературовед намечает возможные будущие направления исследований: связь художественных поисков Цанкара с творчеством известных писателей-современников (К. Гамсуна, М. Горького, А. Стриндберга) и вопрос о соотношения христианства и свободомыслия.

В следующей статье «Концепты дороги и дома в литературном творчестве Ивана Цанкара» (Koncepta poti in doma v literarnem delu Ivana Sankarja) Т. И. Чепелевской (Москва) автор исследует особенности словенской «модели мира» (понятие, разработанное В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым, Т. В. Цивьян) через призму творчества Цанкара. Оба эти концепта (дома и дороги), по мнению автора статьи, являются неотъемлемыми константами так наз. словенской модели мира, одновременно оставаясь центральными концептами словенской национальной традиции. Чепелевская утверждает, что эти концепты не находятся в противоречии, но переплетаются и дополняют друг друга, при этом в концепте дороги заключен тезис «<...> о возможных направлениях развития общественной и духовной жизни словенцев на рубеже веков, а также идеи о том, каким будет их будущее» (s. 27), в концепте же дома – о «<...> чужом, враждебном пространстве <...>, которое бесконечно побуждает к движению, к поиску собственного пути» (s. 31).

В. Сной (Любляна) в следующей статье – «Исповедь Цанкара о его вероисповедании» (Sankarjeva izpoved o njegovi veroizpovedi) – продолжает развивать тематику философско-религиозной основы творчества Цанкара. Автор статьи задается насущным вопросом канкароведения: понимать ли слова, переданные через несколько лет после смерти писателя его братом Изидором: «Если бы я был русским, я бы был православным; если бы был пруссом – был бы протестантом; так как я словенец, я католик» буквально, т. е. как преимущество национальности над религией, или в них заложен более глубокий смысл – выбор невыбираемого.

Статья венгерского исследователя И. Лукача (Будапешт) «Архаическо-материальная поэтика “Курента”». Кризис начертанного слова» (Arhaično-materialna poetika Kurenta. Kriza pisane besede) посвящена поэтике творчества писателя на примере «древнего сказа» – повести «Курент». С одной стороны, автор утверждает, что подобный способ

¹ Hgrepenje – сильное желание, тоска по чему-то.

поэтического выражения приближает творчество Цанкара к аутентичному народному словенскому творчеству и одновременно позволяет ярче и глубже раскрыть социальные и философские проблемы, а с другой стороны, используя модернистский поэтический язык с фольклорными элементами, Цанкар передает свое понимание идеи «кризиса языка» Ницше и Гофмансталя, что во многом коррелирует с идеей самих авторов концепции: «<...> у Гофмансталя “размышление сердцем” – единственная возможность понимания мира, у Цанкара единственная возможность – понимание читателем модернистского художественного текста» (s. 51).

Исследование словенского литературоведа Д. Коса (Марибор) «Метафизика в “Видениях”» (*Metafizika v Podobah iz sanj*) обращает внимание на онтологию творчества Цанкара, в которой словенский писатель стирает дихотомию между сном и действительностью, бытием и небытием. Духовное завещание Цанкара – это «истина пасхальной мечты»: «Ее логика спасения сообщает нам, что никакая логика не принесет нам спасения. Спасет нас лишь сердце, разделенное в Логосе» (s. 59).

Работа еще одной российской исследовательницы, А. Г. Бодровой (Санкт-Петербург), «Рецепция Ивана Цанкара в России» (*Resercija Ivana Sankarja v Rusiji*) открывает тематический блок, в котором зарубежные исследователи представляют восприятие творчества «рыцаря словенского слова» за границами Словении. Автор в диахроническом ключе представила развитие цанкароведения в России и его состояние на сегодняшний момент. Кроме того, исследовательница предприняла попытку представить причины популярности словенского писателя в среде советских и российских ученых. Бодрова выделяет три главные причины этого явления: почетное место, которое Цанкар занимает в словенском литературном каноне; социальная направленность его творчества; отсутствие дискурсивного единства в творчестве словенского писателя, что позволило выйти за идеологические рамки, вдохнуть «глоток свободы», что было важно для советского человека, и в особенности – для советского исследователя. А. Лебен (Грац) в статье «Иван Цанкар и австрийское литературное пространство» (*Ivan Sankar in avstrijski literarni prostor*) исследует переводы и критику произведений словенского классика в Австрии, не упуская из виду факта, что писатель значительную часть своих произведений написал в Вене. Ученый признает, что Цанкар недостаточно известен в Австрии, хотя на фоне поднимающегося в австрийском литературоведении интереса к литературе, написанной не на немецком языке,

предполагает, что он все же займет достойное место в литературном пространстве и его родины.

Хорватская исследовательница И. Латкович (Загреб) в статье «“Вразованье”² по Ивану (Цанкар в южнославянских культурных параллелях)» (*Vrazovanje po Ivanu (Cankar v južnoslavanskih kulturnih paralelah)*) включает словенского писателя в контекст южнославянского модерна и проводит параллели между его романом «Госпожа Юдит», романами Янко Лесковара «Разоренные усадьбы» и Бориса Станковича «Дурная кровь». Исследовательница приходит к выводу, что в этом треугольнике «Цанкар был тем, кто ее (поэтику модерна. – В. С.) утвердил» (s. 93). Влиянию Цанкара, произведения которого в оригинале и переводах печатались в США в межвоенный период в периодических изданиях «Просвета» и «Нова доба», на формирование национальной идентичности словенских переселенцев в Америке посвящено исследование литературоведа Н. Коциянчич-Покорн (Любляна) «Иван Цанкар как основа самопроекции культурной идентичности словенских американцев» (*Ivan Sankar kot temelj samoizrisa kulturne identitete slovenskih Američanov*). Автор приходит к выводу: несмотря на то, что словенские переселенцы в Америке постепенно теряли связь с языком, связь со словенской культурой продолжала формировать национальное самосознание переселенцев, и творчество писателя занимало важную роль в этом процессе: «<...> переводы Ивана Цанкара на английский язык представляли собой фундамент самоидентификации словенской диаспоры в США» (s. 113). Статья «Иван Цанкар в комиксах» (*Ivan Sankar v stripih*) Э. Кёстлера (Вена) посвящена «выходу» произведений Цанкара не только за границы Словении, но и за границы классического восприятия его творчества: посредством субкультуры писатель становится ближе и понятнее современной молодежи. Автор также обращает внимание на то, что комиксы – это возможность по-новому взглянуть на творчество классиков.

В двух последних статьях литературоведы И. Авсеник-Наберггой (Любляна) и К. Я. Козак (Копер) возвращаются к исследованию вопросов эстетики и философии произведений Цанкара. Автор первой статьи, «Эсхатологические размеры и апокалиптические мотивы в сборнике рассказов Цанкара “Видения”» (*Eshatološke razsežnosti in*

² Слово произошло от имени Станко Врза (1810–1851), словенского и хорватского поэта-романтика, просветителя, общественного деятеля, автора проектов общеславянской грамматики.

apokaliptični motivi v Cankarjevi zbirki črtic *Podobe iz sanj*), И. Авсеник-Набергой рассматривает сборник «Видения» в контексте ужасов Первой мировой войны, во время которой он был написан. Исследовательница останавливается на библейских мотивах апокалипсиса и страдания, смерти и любви как пути к спасению – мотивах, широко распространенных в современной Цанкару литературе. По ее мнению, в «Видениях» Цанкар показал свой путь победы над смертью: «Картины ужаса перед смертью и страхом перед немилосердным последним судом пересиливает его вера в любовь, которая побеждает смерть» (s. 156). Последняя статья сборника, «Этическая дуга драм Цанкара» (Etični lok Cankarjevih dram), посвящена ценностной полярности мировоззрения Цанкара, которая ярко представлена в драматургии писателя. Эту полярность – индивидуального и общественного – автор исследует в диахроническом ключе и приходит к выводу, что если в первых драмах («Романтические души», «Якоб руда», «На благо народа») Цанкар с оптимизмом смотрит на победу личности в борьбе с обществом, то в последних («Король Бетайновы», «Соблазн в долине Святого Флориана», «Холопы», «Красавица Вида») – у героев остается лишь желание жить с мечтой о воплощении их идеалов и при этом им приходится, вопреки своим представлениям, подстраиваться под правила общества, в котором они существуют.

Сборник раскрывает глубину и масштаб современного европейского цанкароведения, доказывает, что изучение творчества словенского классика Ивана Цанкара актуально не только с точки зрения эстетики и историографии, но и с точки зрения значения его творчества как для словенской, так и в целом для европейской культуры. В то же время явным недостатком издания является отсутствие тематического группирования статей, что затрудняет восприятие всего сборника и каждой статьи в отдельности.

Источники и литература

Бодрова А. Г. Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010. 158 с.

Чепелевская Т. И. Иван Цанкар // Лексикон южнославянских литератур. М.: Индрик, 2012. С. 499–502.

Чепелевская Т. И. Концепты дома и дороги / пути у И. Цанкара // Чепелевская Т. И. Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 122–230.

V sanjah preleti človek stoletje: mednarodni zbornik ob stoletnici smrti Ivana Cankarja / uredil M. Kocijančič. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani, 2021. 184 s.

References

Bodrova, A. G. *Avtobiografska proza Ivana Tsankara*. St Petersburg: St Petersburg State University Publishing House, 2010, 158 p.

Chepelevskaia, T. I. "Ivan Tsankar." *Leksikon iuznoslavjanskikh literatur*. Moscow: Indrik, 2012, pp. 499–502.

Chepelevskaya, T. I. "Kontsepty doma i dorogi / puti u I. Tsankara." *Chepelevskaya, T. I. Oчерки slovenskoi literatury v istoriko-kul'turnom osveshchenii*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013, pp. 122–230.

V sanjah preleti človek stoletje: mednarodni zbornik ob stoletnici smrti Ivana Cankarja, uredil M. Kocijančič. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani, 2021, 184 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.02

V. V. Starkova

Ivan Cankar one hundred years later: A collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the death of the "knight of the Slovenian word"

Veronika V. Starkova
PhD student
Lomonosov Moscow State University
119991, Leninskie Gory 1, Moscow, Russian Federation
E-mail: starkova.veronika2014@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4922-0971

Citation

Starkova V. V. Ivan Cankar one hundred years later: A collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the death of the "knight of the Slovenian word" // Slavic Almanac. 2022. № 3–4. P. 455–462 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.02

Received: 01.08.2022.

Abstract

The review presents an international collection of articles published in Slovenia, which is dedicated to the centenary of the death of the Slovenian writer Ivan Cankar. The collection reflects the state of modern studies of Cankar's oeuvre in some European countries (Slovenia, Austria, Croatia, Hungary, Russia), raises topical issues in the study of the writer's poetics, and outlines ways for their further development. Thematically, the articles can be divided into the study of the philosophical and aesthetic foundations of Cankar's work and the study of his literary connections and the reception of his work. The collection is provided with a table of contents, an introduction and a name index, each article separately has an annotation and keywords in Slovenian and English, as well as a list of references.

Key words

Ivan Cankar, anniversary, international collection of articles, reception, literary theory.

УДК 94(438).081

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Ю. А. Борисёнок**Смоленский вариант белорусизации 1920-х гг.**

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы: монография. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. – 165 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич

Кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Смоленский вариант белорусизации 1920-х гг. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 463–478. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Рецензия поступила в редакцию 25.08.2022.

Аннотация

В 2021 г. смоленские историки Евгений Кодин и Ольга Кобец опубликовали первую в российской историографии монографию о процессах белорусизации в РСФСР в межвоенный период. В книге на примере Смоленского региона затронут крайне актуальный для национальной политики первых лет советской власти вопрос о распространении решений XII съезда партии большевиков (1923) о коренизации на пограничные с Белорусской ССР области Российской Федерации. Авторы привлекли значительный и ценный материал местных архивов и попытались выяснить, соответствуют ли реалиям эпохи взгляды современных историков на проблему содержания и итогов политики белорусизации. Монография существенно корректирует существующие представления о практической реализации курса на белорусизацию, в частности, убедительно показывает тактику смоленских властей по приданию указаниям из Москвы о внедрении белорусского языка в школьную систему второстепенного и временного характера.

Ключевые слова

Смоленский регион, история Беларуси, белорусские земли, белорусизация, российская историография, Е. В. Козин, О. В. Кобец.

Процессы белорусизации, ставшие официальной основой советской национальной политики в БССР с июля 1923 г., как известно, вплоть до конца 1932 г. осуществлялись, пусть и со значительно меньшей интенсивностью, в сопредельных с белорусской территорией регионах РСФСР. Эта тематика по ряду причин политического и социального характера долгие десятилетия не попадала в фокус активного внимания историков. Даже когда в постсоветский период эта группа проблем перестала быть нежелательной, белорусизация 1920-х гг. в Российской Федерации долгое время не разрабатывалась на монографическом уровне, в отличие от сходной по целям и задачам советской украинизации, обстоятельно исследованной, к примеру, в 2016 г. в книге научного сотрудника Института российской истории РАН К. С. Дроздова об особенностях этой политики в Центральном Черноземье¹. Тем ценнее обращение к этой неизменно актуальной и вызывающей острые научные дискуссии теме смоленских историков Евгения Козина и Ольги Кобец, выпустивших в самом конце 2021 г. небольшую, но основательную с точки зрения использованных источников и их интерпретации монографию «Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы»².

Изложение в книге, опубликованной в популярном ныне электронном формате, логично и прагматично разделено на пять небольших глав, лишь последняя из которых, озаглавленная «Белорусизация: как это было на Смоленщине», обращена к практической реализации этого курса на пространстве тогдашней Смоленской губернии. Начинается же монография с любопытных авторских оценок современных историографических дискуссий о характере и результатах белорусизации в БССР. Авторы особо интересуются позицией шведского специалиста Пера Андерса Рудлинга, сформулированная в изданной в 2015 г. в Питтсбурге его монографии «Подъем и падение белорусского национализма. 1906–1931 гг.»³.

¹ Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М., 2016.

² Козин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы: монография. Смоленск, 2021.

³ Rudling P. A. The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931. Pittsburgh, 2015.

Козин и Кобец совершенно верно отмечают главный недостаток этой работы: «В работе Рудлинга достаточно слабая источниковая база <...> в исследовании нет того местного архивного материала, который бы становился изначальной документальной базой для подтверждения зачастую крайне резких выводов и заключений автора»⁴. Далее же эти резкие выводы приводятся в своей главной части, весьма напоминая критику белорусских национальных проектов как в крайне правом сегменте политического спектра Российской империи начала XX в., так и современных трансляторов подобных взглядов: «Однако, исходя из отсутствия у населения потребности в белорусской самоидентификации, считает Рудлинг, белорусская национальность “приписывалась” местному населению “сверху” усилиями чиновников, которые руководствовались соображениями политическими в гораздо большей степени, нежели реальными потребностями коренного населения. Базируясь на экспертных данных этнографов, без учета самоидентификации местного населения, целые регионы записали в белорусские. Именно поэтому белорусизация вызывала в обществе оправданное сопротивление, пишет Рудлинг»⁵. Противодействие это именуется шведским автором «сильным сопротивлением широких слоев белорусского населения»⁶.

Здесь появляется оправданное любопытство посмотреть, как это сопротивление должно будет выглядеть в книге на смоленском материале, раз уж в БССР, если поверить Рудлингу, творились подобные ужасы. Правда, ни в национальной политике большевиков, ни в практике национально-территориального размежевания постверсальской Европы «самоидентификация местного населения» в качестве основного принципа практически не применялась, а вот «экспертные данные этнографов» часто играли весьма существенную роль.

Балансируя на подобных шатких конструкциях, шведский историк смело идет еще дальше: «Особенно ярко насильственный характер белорусизации проявился в ходе территориального укрупнения БССР в 1924 и 1926 гг. за счет российских территорий, где совсем незначительная часть населения владела белорусским языком, а власти заставляли население “менять язык” против их воли. В этих регионах, в оценке автора, население оказывало массовое сопротивление проводимой властями политике белорусизации. Одновременно

⁴ Козин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 10.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же.

неприятие такой насильственной белорусизации объяснялось и тем, что она существенно ограничивала мобильность населения, особенно белорусской молодежи, в условиях резко набиравшей темпы экономической модернизации, поскольку навязываемый ей белорусский язык не соответствовал языку повседневного общения. Такие методы осуществления национальной политики Рудлинг называет деспотичными, а само проведение белорусизации не имело ничего общего с интересами населения республики. Выгодно это было только части белорусских националистов, в том числе на высоком государственном уровне, главной целью которых стало конструирование белорусского национального самосознания⁷.

В реальной БССР 1920-х гг. всё было совсем иначе. Не было ни «насильственной белорусизации», ни националистов у власти (большевики таковыми никогда не являлись), ни «навязываемого» белорусского языка, а было говорившее в быту сплошь по-белорусски крестьянство, составлявшее свыше 80% населения. Распространение же среди белорусских крестьян грамотности на их родном языке было важнейшей частью процессов модернизации общества. Российские же территории, присоединенные в ходе укрупнений 1924 и 1926 гг., таковыми, как известно, стали 16 января 1919 г. путем передачи из первой в истории белорусской советской республики, провозглашенной 1 января того же года. Их белорусский этнографический характер ни в 1919-м, ни в 1924–1926 гг. сомнений на серьезном научном и политическом уровне не вызывал.

Итоговая оценка концепции Рудлинга авторами такова: «Высокая степень искусственности политики белорусизации и ее неприятие значительной частью населения российско-белорусского порубежья более чем очевидны. И, скорее всего, Рудлинг в своей общей констатации наличия сопротивления белорусизации прав. Хотя говорить о том, что белорусское население республики в большинстве своем не было заинтересовано в национальной политике, основания вряд ли имеются»⁸. Здесь интересна отсылка к «населению российско-белорусского порубежья», к которому несомненно принадлежала и Смоленщина. Выявленные к настоящему времени источники, разумеется, фиксируют сопротивление белорусизации, но исключительно на уровне «писем во власть», отправлявшихся учителями и иными представителями грамотной части общества БССР. Вполне вероятно,

7 Там же. С. 13.

8 Там же.

что на порубежье уровень недовольства мог быть и выше, особенно там, в том числе и в Смоленской губернии, где в последние десятилетия существования Российской империи появились земства и были открыты земские школы, дававшие более качественное начальное образование по сравнению с церковно-приходскими школами. Отсылка же к «искусственности политики белорусизации» не слишком корректна, ведь искусственной во многом была вся политика межвоенной советской власти, достаточно упомянуть массовую коллективизацию сельского хозяйства.

Важная глава монографии «Белорусизация в свете решений партийных и государственных органов власти» содержит интересный вариант речи наркома по делам национальностей РСФСР И. В. Сталина на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. В стенограмме съезда отложилась такая версия: «Деревня – это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы. Верно, что белорусские массы, пока что не очень живо, так сказать, не с очень большим интересом, относятся к вопросу развития их национальной культуры, но несомненно, что через несколько лет, по мере того как мы апеллируем к низам белорусским, будем говорить с ними на том языке, который им понятен прежде всего, – естественно, что через год-два-три вопрос о развитии национальной культуры на родном языке примет характер первостепенной важности, и поэтому я не согласен с автором записки, который говорит, что мы искусственно насаждаем белорусскую национальность»⁹.

Позже, в сборнике речей Сталина по национально-колониальному вопросу, а затем и в собрании его сочинений, этот текст был изменен с изъятием размышлений о недостатках белорусских масс¹⁰. Изъятию подвергся и прогноз о сроках созревания белорусского вопроса, оказавшийся в свете решений XII съезда РКП(б) в 1923 г. совершенно верным.

Авторы книги адекватно воспроизводят точку зрения смоленских властей на попытки центральных партийных и советских структур, в первую очередь Наркомпроса РСФСР, начать, а затем и активизировать в бюрократическом плане процессы белорусизации в регионе. На взгляд местных руководителей различного звена, «так

9 Там же. С. 26; Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 213.

10 Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 48-49.

называемого “белорусского вопроса” как отдельной национальной проблемы ни в Российской империи, ни в советской России никогда не существовало. На Смоленщине, к примеру, белорусы воспринимались местным населением в значительной степени как часть русского народа, говорящая на особом русском языке»¹¹.

Такой взгляд достаточно нейтрально воспринимался в московских структурах в первые годы советской власти, в том числе и более полутора лет после объявленного в апреле 1923 г. XII съездом РКП(б) курса на коренизацию. Смоленские власти, впрочем, тщетно надеялись спустить на бюрократических тормозах новую национальную политику партии и государства.

В главах «Российско-белорусская Смоленщина» и «Школы Смоленщины в эпоху нэпа: не до белорусизации» Козин и Кобец наглядно показывают, что тактика партийного и советского начальства Смоленщины была двуединой и сводилась, с одной стороны, к отрицанию наличия сколько-нибудь многочисленного белорусского населения в регионе, а с другой стороны, к акцентированию действительно объективных трудностей местной школьной системы 1920-х гг.: «Если встать на позиции смоленских руководителей всех уровней власти – от губернской до уездной и волостной, перед которыми стояли десятки первостепенных задач социально-экономического развития региона, и вопросы образования были далеко не на последнем месте, то следует признать, что им было не до белорусизации»¹².

Авторы монографии метко подметили важную при характеристике результативности образовательной политики деталь. Если крайне острая для смоленских школ ситуация с зарплатами учителей и учебниками к 1927 г. выправилась, то уход по социальным причинам из начальной школы детей бедняков, мешавший усвоению грамотности и в императорской России, по-прежнему создавал большую проблему: «По итогам 1927 г. отсея детей батрачества и бедноты все еще оставался значительным. Не завершив учебный год, покидали школу 1-й ступени 23,65 % от общего числа обучающихся в первой группе (то есть в первом классе), 29,5 % – во второй группе, 38,7 % – в третьей»¹³. Этот фактор, на наш взгляд, стоит учитывать и при оценке итогов периода интенсивной белорусизации в БССР, где крестьянское население похожим образом относилось к необходимости обучения своих детей в начальной школе.

11 Козин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 28–29.

12 Там же. С. 70.

13 Там же. С. 66.

В 1926 г. смоленское начальство достигло серьезного успеха в своем отрицании наличия белорусов в регионе: по данным всесоюзной переписи, в Смоленской губернии из общего количества населения в 1 292 712 человек было зафиксировано всего 20 408 белорусов, из них в деревне 15 201 человек¹⁴. Местные власти и до этого называли достаточно скромные цифры белорусского населения, авторы монографии на архивном материале кропотливо фиксируют расхождения в статистических данных 1925–1926 гг., направлявшихся в центральные органы власти. Так, в докладе Смоленского губисполкома о работе с национальными меньшинствами в Президиум ВЦИК в январе 1925 г. сообщалось о наличии в губернии 53 037 белорусов, или 2,62 % от всего населения Смоленщины. В отчете же Смоленского губоно о работе среди национальных меньшинств с октября 1925 по июнь 1926 г., направленном в Наркомпрос РСФСР, белорусов оказалось уже 80 276 человек, из которых 62 041 проживал в сельской местности и 18 235 в городах. И в том же отчете в разделе о работе совета по национальным меньшинствам при губоно писали о том, что белорусского населения «около 84 000»¹⁵.

Эти данные в любом случае никогда не превышали 100 тыс. человек и 3 % всего населения губернии и явно шли вразрез не только с исследованиями начала XX в. известных белорусских специалистов Е. Ф. Карского и М. В. Довнар-Запольского, но и с несомненными в своей достоверности работами видного смоленского этнографа, выпускника историко-филологического факультета Московского университета Владимира Николаевича Добровольского (1856–1920)¹⁶. Более чем 1000-страничный «Смоленский областной словарь» Добровольского, увидевший свет в 1914 г., категорически убеждает в преобладании в языке смоленского крестьянства белорусских элементов: из 16 560 словарных статей около 80 % содержат слова и выражения, однозначно присущие белорусскому языку.

Представляется, что именно это обстоятельство имела в виду профессор Смоленского государственного университета Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938), выступая 2 июля 1923 г. на межведомственном губернском совещании комиссий по вопросу белорусов.

14 Там же. С. 46.

15 Там же. С. 44–45.

16 Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1–4. СПб.; М., 1891–1903; Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

В резолюции совещания значился такой ответ на вопрос: «Какой процент, в каких уездах имеется белорусское население в Смоленской губ.?» «Белорусского сельского населения во всей Смоленской губ. за исключением Гжатского, Сычевского и части Вяземского уездов находится до 90 %»¹⁷. Авторы монографии выражают недоумение по поводу такой оценки, однако оговорка о «части Вяземского уезда» показывает, что цифра точно не взята с потолка. Клетнова была не только этнографом и археологом, но и дочерью вяземского уездного предводителя дворянства и реальную ситуацию в родном уезде знала досконально, равно как и труды Добровольского и других современных ей специалистов.

Не случаен и сам факт проведения такого совещания в Смоленске в начале июля 1923 г., когда еще продолжала свою работу комиссия ЦК РКП(б) по работе среди белорусов Польши (31 мая – 7 июля 1923 г.), которую сначала возглавил Я. Э. Рудзутак, а затем В. М. Молотов. Именно эта комиссия фактически дала старт процессу реальной белорусизации в БССР, уже на ее первом заседании в протоколе № 1 от 5 июня 1923 г. заключительный пункт гласил: «Запросить Наркомнац о национальном составе населения (в % отношении) пограничных районов, прилегающих к Белоруссии»¹⁸. Смоленское совещание, проходившее под председательством представителя губкома «тов. Хеноха», и сформулировало ответ на этот вопрос, с которым отправился на заключительное заседание комиссии 7 июля 1923 г. секретарь Смоленского губкома РКП(б), латышский революционер П. М. Викман (1890–1958).

Однако озвученные Е. Н. Клетновой данные, судя по всему, оказались тогда неостребованными, хотя в итоговом протоколе комиссии неоднократно упоминалась Смоленская губерния, и Викман не возражал против принятых решений. Губернские руководители имели основание опасаться того, что комиссия примет решение о немедленном расширении БССР за счет белорусских территорий Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. В этом процессе могло найтись место и Смоленску, где в конце декабря 1918 г. была провозглашена белорусская советская государственность и где располагались органы управления Западного военного округа, с 1926 г. ставшего Белорусским военным округом. Но вопрос о расширении БССР в итоговом протоколе был отложен во времени и при его решении предполагался учет мнения губернских парторганизаций.

¹⁷ Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 44.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 60. Л. 76 об.

Начинать же немедленно комиссия велела именно процессы белорусизации образовательных структур. Первый пункт итогового протокола комиссии от 7 июля 1923 г. назывался «О школах» и гласил: «а) Признать необходимым, чтобы местные партийные организации Витебской, Гомельской и Смоленской губерний немедленно приступили, согласно постановлений XII съезда, к практическому осуществлению удовлетворения потребностей местного населения в постановке школьного дела на родных языках, в частности на белорусском языке»¹⁹.

Правда, в том же июле 1923 г. Наркомпрос РСФСР значительно облегчил Смоленскому губоно задачу для начального этапа белорусизации, выделив в циркуляре замнаркома И. И. Ходоровского в качестве пилотного региона Горецкий уезд²⁰, вскоре, в марте 1924 г., вместе с Мстиславским уездом переданный БССР. В Горецком уезде мероприятия по белорусизации школьной системы действительно начались с 1923/1924 учебного года, но уже по ходу его смоленские власти перестали за это отвечать. В Смоленске получили важную для себя временную передышку и могли теперь благополучно забыть о совещании с докладом Е. Н. Клетновой, тем более что профессор в 1924 г. осталась в Чехословакии, получив от Смоленского университета разрешение поехать туда для участия в антропологическом конгрессе²¹.

Отныне смоленские власти могли осознанно ориентироваться на как можно более скромные цифры проживающих в губернии белорусов, а в качестве образца честности подобной статистики выставлять следующий аргумент: «Труднее всего поддается учету белорусское население». Вслед за этими строками официального документа середины 1920-х гг. следовало упоминание о некоторых волостях всего двух уездов, где белорусское население точно имеется и «живет в волостях Смоленского и Рославльского уездов, граничащих с Белорусской республикой: Любавичской, Руднянской, Монастырщинской, Петровичской, Шумячской и Хиславичской Рославльского уезда»²².

Данные переписи 1926 г. порой подвергались сомнению самими смоленскими властями в официальных бумагах, но при этом небольшая численность «белорусского национального меньшинства»

¹⁹ Там же. Л. 136.

²⁰ Там же. Л. 154.

²¹ Белозёрова И. В. «И болит моё сердце, болит!»: 1917 г. в судьбе и научной деятельности Е. Н. Клетновой // 1917 год: российская археология на переломе эпох. М., 2017. С. 8.

²² Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 46.

никогда не подвергалась сомнению. В одном из отчетов губоно указывалось, что «по предположениям белкультработников эта цифра не соответствует действительности. Имеются факты, указывающие на то, что при последней переписи населения Смоленской губ. зачастую белорусы механически относились к великороссам (Монастырщинская вол.) или когда население двух соседних деревень по национальным обликам, похожих одна на другую, относились к двум национальностям (Любавичская вол.). Это явление объясняется тем, что местные работники, в частности, переписчики не учли и не учитывают политической важности данного вопроса и само население уже настолько обрусело, что оно не придает белорусизации никакого значения»²³.

Осторожный тон документа с подстраховкой на мнение немногочисленных и лишенных всяческого политического авторитета «белкультработников» дополняется здесь важной ремаркой об ускоренном обрусении сельского населения. Авторы монографии дают интересное объяснение этому феномену: «Более существенным основанием к наметившемуся снижению численности смоленских белорусов в середине 1920-х гг. стало стремление последних более активно включаться в начавшиеся индустриально- и социально-модернизационные процессы, которые гораздо значительнее проявлялись как раз в российских, а не в белорусских регионах и предоставляли существенно больше возможностей белорусскому крестьянству для социального лифта. Все это не могло не сказываться и на численности белорусского населения губернии. Оно будет сокращаться на всем протяжении двадцатых годов XX столетия. При этом речь будет идти не о физическом сокращении численности белорусов, а об их самозачислении в состав российского этноса путем саморусификации и предпочтения родного белорусского языка общесоюзному языку – русскому»²⁴. К этому стоит добавить, что на выбор смоленского крестьянства влияло также подспудное понимание как близости ставшей с марта 1918 г. столицей советского государства Москвы, так и вполне естественного отсутствия значимых проектов индустриализации в пограничной БССР.

Дальнейшее, как хорошо показано в заключительной и весьма информативной главе монографии Кодина и Кобец, было уже делом советской бюрократической техники. Белорусизационные процессы затронули лишь малую часть региона и касались, в отличие от проведения украинизации в РСФСР, лишь части системы образования,

но не структуры советской и тем более партийной власти: «Основной формой практической белорусизации на Смоленщине, как, впрочем, и на других приграничных территориях, станет не перевод на белорусский язык органов государственной власти, а создание белорусских школ с обучением на белорусском языке»²⁵. При таком раскладе обычный и для ранней советской действительности формализм проведения белорусизации органично сочетался с факультативностью ее бытования.

Важно отметить, что монография ярко демонстрирует существенные и принципиальные отличия вроде бы сходных по характеру процессов белорусизации и украинизации в РСФСР. Последняя проводилась в куда более значительном масштабе: перепись 1926 г. зафиксировала в Российской Федерации 6 948 381 украинца. Только в приграничном Центральном Черноземье их насчитали более полутора миллионов, в Воронежской губернии – 1 009 211 украинцев, или 33,2 % от всего населения, а в Курской губернии – 513 540 украинцев, или 19,4 % от всех жителей²⁶. И хотя в реализации этой политики всегда наблюдалась изрядная концентрация формализма и показухи, метко названная при обследовании Грайворонского педтехникума в декабре 1929 г. «комедией с украинизацией»²⁷, важное отличие от ситуации с белорусизацией заключалось в более значительном финансировании образовательных проектов. Помимо Наркомпроса РСФСР, в украинизации в российских регионах активно участвовали власти УССР, что позволяло присылать сотни украинских учителей не только в Центральное Черноземье и на Кубань, но и на Дальний Восток и в Казахстан, входивший тогда в качестве автономии в состав РСФСР.

Ничем подобным власти БССР не обладали, их помощь белорусизации в РСФСР сводилась к организации краткосрочных курсов для переподготовки учителей в Минске, финансировавшихся Центральным белорусским бюро Наркомпроса РСФСР, присылкой учебной и методической литературы и эпизодическим проведением фольклорно-этнографических экспедиций сотрудниками Инбелкульта, прообраза созданной в 1929 г. Белорусской академии наук. В результате дело белорусизации на Смоленщине было практически целиком отдано на усмотрение местных властей, вынужденных, впрочем, считаться с постоянным контролем Наркомпроса РСФСР.

23 Там же. С. 47.

24 Там же. С. 47–48.

25 Там же. С. 49.

26 Дроздов К. С. Политика украинизации... С. 9, 84, 456.

27 Там же. С. 312.

В таких условиях весьма интересен вопрос о массовом сопротивлении белорусизации. Материалы монографии опровергают категоричные выводы П. А. Рудлинга и свидетельствуют о скромности бытования подобного явления в Смоленском регионе. Это совсем не удивительно, ведь смоленские власти, руководствуясь выгодами для них данными переписи 1926 г., уже тщательно минимизировали масштаб явления, после чего формально поддерживали белорусизацию «по малому кругу». Губернская газета «Рабочий путь» даже регулярно критиковала недостатки проведения данной политики, а выделенные на нее деньги в большинстве случаев тратились по назначению. К примеру, на губернских трехнедельных курсах по переподготовке учителей-белорусов летом 1926 г. «учителя-курсанты обеспечивались вполне приличным по тем временам бесплатным питанием. Так, по договору на питание курсантов белорусской секции Смоленского губоно летом 1926 г. стоимость суточного питания одного человека составляла 1 руб. 15 коп. Сюда входили завтраки (2 стакана молока и 2 французские булки к ним), обеды – 2 мясных блюда, ежедневно меняемых, ужин – 2 стакана чая, 2 французские булки и к ним 1/4 фунта чайной колбасы, или 1/6 фунта сыра, или 1/6 фунта сливочного масла»²⁸.

Впрочем, финансировать белорусизацию в самом Смоленске городские власти отказывались. Ответственный работник Отдела национальностей ВЦИК З. С. Островский в своей книге 1931 г. приводил такой красноречивый факт: «Смоленский горсовет и в 1928 г. продолжал считать, что “белорусов в Смоленске нет и о них не нужно говорить”. И своим решением передал средства, запланированные по бюджету губернского отдела народного образования на культурно-просветительскую работу среди белорусского населения в городе, на жилищное строительство»²⁹.

Но и такой протест против белорусизации едва ли можно назвать массовым явлением. Архивные и газетные материалы, приводимые в монографии, убеждают, что и в смоленской глубинке массового недовольства белорусизацией не было, против высказывались отдельные представители местного начальства и интеллигенции. Так, 23 августа 1927 г. «Рабочий путь» раскритиковал председателя волостного исполкома Демидовского уезда, бывшего

рабочего одного из ленинградских заводов, с которым во время экспедиции встречался сотрудник Инбелкульта историк и этнограф А. А. Шлюбский. «Когда Шлюбский говорил по-белорусски, председатель <...> спросил его, на таком ли языке читают лекции в Белорусском университете, потом сказал: “Удивительно, какой некультурный и необразованный народ – белорусы. Ведь у вас говорят в университете точно так, как говорят неграмотные и неразвитые крестьяне в моей волости”»³⁰.

Стоит заметить, белорусским словом владели и самые грамотные и развитые представители тогдашнего смоленского крестьянства, к которым относились и выдающиеся русские поэты Михаил Исаковский и Александр Твардовский. Родившийся в Ельнинском уезде Исаковский в одном из своих последних стихотворений «У новогодней елки» (декабрь 1972 г.) писал:

*Никто мне в детстве не дарил игрушек,
Ни разу я на елке не бывал.
В лесу я слушал, но не птиц, а птушек,
Как мой отец пернатых называл.*

Актер Зиновий Гердт вспоминал о появившемся на свет в Смоленском уезде Твардовском: «Этот крестьянский человек, в жизни говоривший чуть-чуть с белорусским речением, был непогрешим в прозе и стихах, был аристократичен, будто дворянин двенадцатого колена»³¹. Народный артист СССР Гердт хорошо разбирался в «белорусском наречии»: он родился в 1916 г. в уездном Себеже Витебской губернии, при советской власти отошедшем к РСФСР. В 1989 г. Гердт так высказался о своей родине: «Я не совсем из Белоруссии, но около. Я родом из Себежа»³². Белорусские особенности речи местного населения, среди которого будущий артист провел первые 16 лет жизни, были Гердту хорошо известны; в совместных с Твардовским походах в лес за грибами друзья порой разговаривали на этом «речении».

В БССР 1920-х гг. зафиксированы негативные отзывы и протесты против белорусизации со стороны школьных учителей. Монография Кодина и Кобеца затрагивает и эту проблему, но и на Смоленщине учительский протест так и не стал массовым. Так, в июле – августе 1925 г.

²⁸ Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 86.

²⁹ Островский З. Проблемы украинизации и белорусизации в РСФСР. М., 1931. С. 61.

³⁰ Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 86.

³¹ Цит. по: Гейзер М. М. Зиновий Гердт. М., 2012. С. 145.

³² Там же. С. 161.

в Минске на базе Белорусского педтехникума проходили переподготовку учителя из Гомельской и Смоленской губерний. «Один из смолян был освобожден от курсов сразу после их начала, поскольку отказался изучать белорусский язык»³³. Но при этом 30 оставшихся после его отъезда смоленских педагогов успешно прошли обучение на курсах и протестов не заявляли.

Характерен и вывод, который сделал в марте 1929 г. в приводимой в приложениях к монографии справке «Белорусские школы и проблема белорусизации» нацменинспектор из Смоленска З. Шефтер: «Учащиеся охотно занимаются на белорусском языке, и, по заявлению белорусских учителей на конференции, успеваемость учащихся 1-х групп в чтении и письме значительно выше, чем это было до белорусизации школ. Вообще же нужно отметить, что в процессе работы белорусские школы завоевывают себе авторитет и население относится к хорошо работающим белорусским школам удовлетворительно»³⁴. Это мнение стоит считать вполне достоверным: в условиях, когда белорусизация на Смоленщине вплоть до своего прекращения в декабре 1932 г. так и не приняла массового характера, немногие белорусские школы постепенно наладили свою работу, а учащиеся и родители привыкли к этому формату обучения.

Таким образом, новаторская монография Е. В. Кодина и О. В. Кобеца представляет собой важный шаг к углубленному изучению процессов коренизации в РСФСР, отличается углубленной проработкой архивного материала и ставит немало интересных вопросов, нуждающихся в дальнейшей исследовательской разработке.

Источники и литература

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Белозёрова И. В. «И болит моё сердце, болит!»: 1917 г. в судьбе и научной деятельности Е. Н. Клетновой // 1917 год: российская археология на переломе эпох. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 7–9.

Гейзер М. М. Зиновий Гердт. М.: Молодая гвардия, 2012. 270 с.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. 915 с.

33 Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине.... С. 79.

34 Там же. С. 154.

Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891. 743 с.; Ч. 2. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1893. 720 с.; Ч. 3. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1891. 137 с.; Ч. 4. М.: Тип. А. В. Васильева, 1903. 720 с.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914. 1022 с.

Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016. 487 с.

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с.

Островский З. Проблемы украинизации и белорусизации в РСФСР. М.: Власть Советам, 1931. 87 с.

Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. 454 с.

Rudling P. A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. 448 p.

References

Belozërova, I. V. “«I bolit moje serdtse, bolit!»: 1917 g. v sud'be i nauchnoi deiatel'nosti Je. N. Kletnovoi.” *1917 god: rossiiskaia arkheologiiia na perelome epoch*. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2017, pp. 7–9.

Desiatyi s' jezd RKP(b). *Mart 1921 goda. Stenograficheski otchet*. Moscow: Gosudarstvennoje izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1963, 915 p.

Drozdov, K. S. *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'je, 1923–1933 gg*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, 487 p.

Geizer, M. M. *Zinovii Gerdt*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012, 270 p.

Kodin, Je. V., Kobets, O. V. *Belorusizatsiia na Smolenshchine, 1920-je gody: monografiia*. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2021, 165 p.

Ostrovskii, Z. *Problemy ukrainizatsii i belorusizatsii v RSFSR*. Moscow: Vlast' Sovetam, 1931, 87 p.

Rudling, P. A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015, 448 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Yu. A. Borisenok

The Smolensk variant of Belarusianization in the 1920s

Yuri A. Borisenok
Lomonosov Moscow State University
119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisenok Yu. A. The Smolensk variant of Belarusianization in the 1920s // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 463–478 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Received: 25.08.2022.

Abstract

In 2021, the Smolensk historians Yevgeny Kodin and Olga Kobets published the first monograph in Russian historiography on the processes of Belarusianization in the RSFSR in the interwar period. In the book, on the example of the Smolensk region, the issue of extending the decisions of the 12th Congress of the Bolshevik Party (1923) on the korenization to the border regions of the Russian Federation with the Byelorussian SSR is touched upon, which is extremely relevant for the national policy of the first years of Soviet power. The authors drew on significant and valuable material from local archives and tried to find out whether the views of modern historians on the problem of the content and results of the Belarusianization policy correspond to the realities of the era. The monograph significantly corrects existing ideas about the practical implementation of the Belarusianization course and in particular, convincingly shows the tactics of the Smolensk authorities to interpret the instructions from Moscow on the introduction of the Belarusian language into the school system as secondary and temporary.

Keywords

Smolensk region, history of Belarus, Belarusian lands, Belarusianization, Russian historiography, E. V. Kodin, O. V. Kobets.

УДК 80/81

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Чжэн Янтун

**Концептуальная лексика
сербской народной культуры**

Якушкина Е. И. Сербская народная культура в зеркале языка. — Белград; Москва; Тюмень; Воронеж: Белпак, 2018. — 192 с.

Чжэн Янтун
Аспирант
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: Alexsasha1995@163.com
ORCID: 0000-0003-0400-4677

Цитирование

Чжэн Янтун. Концептуальная лексика сербской народной культуры // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 479–487.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.01

Рецензия поступила в редакцию 05.04.2022.

Аннотация

В рецензии представлена книга Е. И. Якушкиной, посвященная языку и сербской народной культуре. В монографии исследуется доминантная для понимания сербской традиционной культуры лексика вместе с ее дериватами: формирование значений, семантика и семантическая реконструкция некоторых сербских лексем и лексических групп, выражающих сербские культурные концепты.

Ключевые слова

Язык и культура, семантика, сербская лексика, лексические группы, культурный концепт.

Е. И. Якушкина, автор монографий по сербской лексикографии и культуре¹, использует в своей работе этнолингвистические и сравнительные методы изучения славянской этнолингвистики. В 2018 г.

¹ *Якушкина Е. И.* Сербская лексика в южнославянском и общеславянском контексте. М., 2017. 296 с.

вышла ее книга «Сербская народная культура в зеркале языка»², которая является продолжением ее предыдущего исследования. Она представляет собой итог многолетней работы автора в сфере славянской этнолингвистики, особенно сербской.

В данной книге выделены основные (ядерные) компоненты в славянской этнокультурной системе и представлен семантический и сопоставительный анализ соответствующей лексики. Целью исследования является изучение семантики слов, путей ее формирования и описания устойчивых моделей семантического развития на материале литературного языка и языка элитарной культуры.

Как известно, язык и культура взаимосвязаны и взаимодействуют как формы существования смыслов, ценностей и средств общения. Язык имеет тесную связь с культурой и является ее составной частью, и, наоборот, культура воплощается в языке. Язык является не только конкретной формой выражения культуры, но и ее носителем, инструментом развития и хранения. Язык и культура составляют ядро этнолингвистики. Н. И. Толстой, основатель московской этнолингвистической школы, в своей статье «Язык и культура» пишет: «Язык как зеркало народной культуры, народной психологии и философии, во многих случаях как единственный источник истории народа и его духа давно воспринимался таковым и использовался культурологами, мифологами в их разысканиях»³. Как видим, язык и культура неразрывно связаны. Таким образом, исследование Е. И. Якушкиной актуально в свете того, что сербский язык (народный и литературный) отражает ряд важных концептов сербской народной культуры. Их изучение опирается не только на методы московской этнолингвистической школы, но и на сопоставительные методы славянской лексикологии и семасиологии. В монографии автор, используя различные методы анализа лексики, семантически реконструирует слова, гнезда или группы слов. Большое внимание уделяется также истории формирования значений и описанию устойчивых моделей.

Книга состоит из предисловия и описания 18 сербских лексем и лексических групп, отражающих мировоззрение сербов и национальный характер народа. При этом большинство из них относится к области народной этики, религиозной и секулярной. Автор выбирает

² Якушкина Е. И. Сербская народная культура в зеркале языка. Белград; Москва; Тюмень; Воронеж, 2018. 192 с.

³ Толстой Н. И. Язык и культура // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 7.

и перечисляет следующие лексемы и лексические группы: *добро дело* 'доброе дело', *грех* 'грех', *мрс и пост* 'скоромная и постная пища', *крив и прав* 'кривой и прямой', *безобразан* 'внешне изуродованный, не имеющий настоящего обличия', 'бесстыдный', *образ и част* 'честь и совесть', *чојство и јунаштво* 'честь и совесть, мужество', *инат* 'упорство', *мерак и ђеф* 'влечение и страстное желание', *уживати* 'получать удовольствие', *срећа* 'счастье', *благо* 'благо, добро', *празник* 'праздник'. Все эти лексемы и лексические группы принадлежат славянской этической системе и занимают в ней важное место.

Добро дело и грех. Рассматриваемая семантическая оппозиция принадлежит к основным концептам в нравственной системе народа. Этой паре в книге посвящены две отдельные главы. В первой автор отмечает, что «концепт *добро дело* сформировался во взаимодействии славянской и ориентальной культуры и имеет балканославянский языковой образ»⁴. Е. И. Якушкина приводит лексику со значением 'доброе дело': *задужбина* (ю.-сл.), *севан* (из турецкого), *аир* или *айрат* (из турецкого). Автор не только дает подробную информацию об этимологии этих лексем, но и показывает ряд их семантических дериватов и разницу в оттенках смыслов между ними. Анализируются, обобщаются и сопоставляются их семантические особенности в разных контекстах с использованием материалов литературного языка и диалектов.

Во второй главе автор представляет этимологию, семантику и ряд семантических дериватов для значения *грех*. В этой части автор не только указывает лексемы, обозначающие концепт «грех», но и то, какие действия считаются грехом (например, работа в праздник в южных сербских говорах получила обозначение с помощью корня *грех-*)⁵, также обобщает представления о понятии *первородный грех* и о вторичном значении лексемы *грех*, когда она используется для оценки действий в контексте фольклора.

Мрс и пост. В этой части автор сначала знакомит читателя с этимологией и значениями корней *мрс-* и *пост-* по данным «Этимологического словаря славянских языков», «Этимологического словаря хорватского или сербского языка» П. Скока и др. Е. И. Якушкина выявляет не только первоначальную семантику *мрс-* и *пост-*, связанную с пищей, но и их семантическое развитие в сфере значений, относящихся к нравственности, а также анализирует дериваты от корней *мрс-* и *пост-*, широко используя данные говоров и текстов

⁴ Якушкина Е. И. Сербская народная культура... С. 11.

⁵ Там же. С. 36.

разного характера. Автор детально показывает, как конкретное значение постепенно трансформируется в абстрактное. При этом указывается, что семантика этих корней актуализируется не только при обозначении многих аспектов жизни (таких, например, как обозначение отрезков времени, обозначение богатства и т. д.), но и для выражения противоречий человеческих мыслей и эмоций: они используются для выражения смыслов 'обильный / скудный', 'богатый / бедный', 'праведный / грешный' и т. д.⁶ Нам представляется особо ценным тот факт, что Е. И. Якушкина приводит семантические различия в использовании данных значений в разных балканских регионах.

Крив и прав. В этой части исследовательница обращает внимание на универсальность данной оппозиции: различные картины мира (по данным славянских и центральноевропейских языков) демонстрируют сходство и даже единство набора ассоциаций, связанных с этой бинарной корреляцией. Автор исследует и анализирует пространственную семантику симметрии, вторичную семантику асимметрии в разных языках и семантику, относящуюся к области нравственности. В монографии перечисляется ряд дериватов от рассматриваемых корней и подробно описывается развитие их семантики в различных контекстах, при этом выделяется несколько «областей приложения» этих слов (телесные недостатки, ботаническая терминология, понятие вреда, выражение истинностной оценки, правовой нормы, этической оценки). По словам автора, через признаки прямизны и кривизны находят выражение оппозиции «хороший – плохой», «здоровый – больной», «полезный – вредный», «добрый – злой», «ложный – истинный», а прослеживание регулярных смысловых связей в развитии значений данной оппозиции помогает решить некоторые спорные вопросы в понимании этимологии или семантики ряда лексем.

Безобразан. Это сложный культурный концепт, связанный с телесным кодом, для которого характерно внимание к оппозиции тела и души. Исследовательница в данной главе приводит многочисленные примеры выражения значения чести, достоинства, позора и стыда с помощью лексем, обозначающих лицо и глаза, в том числе с использованием префикса **bez-*, особое внимание также уделено лексике, образованной от слова *образ* 'лицо', в том числе со значением отрицания наличия лица, его уродства, малого размера и др., используемой для выражения негативных нравственных оценок. Е. И. Якушкина пишет, что оппозиция души и лица в сербской культуре связана «с

двумя родами этических реакций человека, возникающих вследствие оценки Высшим судьей и наружным наблюдателем»⁷.

Надо отметить, что все вышеупомянутые лексемы и лексические группы также связаны с культурными концептами «добро» и «зло». А следующие лексемы связаны с секулярной этикой: *образ и част, чојство и јунаштво, инат, мерак и ђеф, уживати*. По мнению автора, эти лексемы разрабатывают понятия, связанные с кодексом чести.

Образ и част. Данная пара выражает значение 'честь'. Автор объясняет их этимологию и уточняет значение: *образ* 'честь' производно от семантики 'лицо' и возникло первоначально в языке крестьян, а *част* образовано от общеслав. *чьсть в рамках литературного языка. Приводя примеры из современных диалектов, литературных произведений, политических текстов и фрагментов текстов на сербском литературном языке и др., автор подробно исследует и анализирует развитие семантики этой пары, их дериватов, соотношение между двумя лексемами и их использование в сербской традиционной и современной культуре.

Чојство и јунаштво. Данная пара в сербском языке уникальна и ярко выражает сербскую народную культуру, картину мира и сербский национальный характер. Автор приводит происхождение лексем *чојство и јунаштво*: от *човек* 'человек' и *јунак* 'герой'. Автор перечисляет и другие лексемы, образованные от слова *човек* с помощью разных суффиксов в ряде диалектов сербского языка. Вместе с тем в монографии указываются разные значения лексемы *чојство* и семантические особенности в литературном языке и диалектах. Затем автор представляет историю формирования семантики лексемы *јунаштво*, ее значение в современном сербском языке, семантику, закрепленную в фольклоре (легендах, эпических песен и др.) и диалектных текстах, а также переносное значение и семантические функции, проявляющиеся в разных контекстах.

Инат. Приводится этимология *инат и пркос*: лексема *инат* происходит от турецкого, а лексема *пркос* – от славянского корня. Затем отмечается, что *инат и пркос* с точки зрения семантики представляют собой соединение «отрицательно и положительно оцениваемого сопротивления человека жизненным обстоятельствам»⁸. При этом автор приводит примеры из словарей, фольклора, современных текстов и др., чтобы показать развитие значения слов в диахронии с упором на семантику отрицательной и положительной оценки.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же. С. 118.

⁶ Там же. С. 61.

Мерак и ђеф. В этой части монографии автор указывает, что обе эти лексемы имеют турецкое происхождение и выражают значение сильного желания. Затем автор перечисляет их дериваты и подробно анализирует значение каждого в разных контекстах.

Уживати. Приводится этимология, а затем указываются две главные области значений лексемы: 1) использование имущества, обладание и распоряжение им (в таком значении слово сочетается с абстрактными лексемами); 2) прием чего-либо внутрь (пищи, напитков, лекарств и пр.) в контекстах буквального потребления чего-либо. Исследовательница предлагает структуру: *уживати* + *объект X*. Автор исследует семантику этой лексемы в разных контекстах и формах существования языка, а также приводит сопоставительный анализ сербского *уживати* и русского *наслаждаться*, последовательно описывая их семантические особенности.

Исследовательница делит вышеуказанные лексемы на две группы со значением достоинства и своеволия: «1) *образ, част, чојство, јунаштво*; 2) *инат, пркос, мерак, ђеф*»⁹. На этой основе она делает вывод о том, что в сербском языке выделяются два устойчивых поведенческих сценария: «1) следование кодексу чести, который подразумевает самопожертвование, великодушие, верность, патриотизм; 2) следование принципу “я так хочу”, жизни в свое удовольствие»¹⁰.

Срећа. Автор отмечает, что эта лексема является продолжением праслав. **strětja* ‘встреча’¹¹. При этом исследовательница перечисляет многочисленные заимствованные лексемы, обозначающие судьбу и счастье, образованные от турецкого или под влиянием турецкого, и представляет их территориальное распространение. Затем приводится семантический анализ собственно славянской лексемы *срећа* и турецких заимствований с тремя значениями: 1) ‘судьба, то, что человеку суждено’; 2) ‘счастливая доля и счастливый случай’; 3) ‘успех в деле, благополучие, прибыль’, чтобы проанализировать их сходства и различия и описать их собственные семантические особенности.

Благо. Автор указывает, что эта лексема является продолжением праслав. **bolg-*, и подробно анализирует ее исходную семантику и производное семантическое поле. Перечисляются многочисленные лексемы и фразы, образованные от корня *благ-* в сербских говорах. Анализируя их значение, автор обобщает, что корень *благ-* обозначает

счастливую жизнь, материальный достаток, имеет значение ‘праздничный’, а также несет положительную сенсорную оценку (например, осязание, вкус, слух и т. д.) и имеет значение пищевого признака ‘жирный и скромный’. Кроме того, автор показывает, что этическая семантика корня *благ-* в сербском языке включает значение ‘добрый’.

Празник. Исследовательница перечисляет три гнезда: **svet*, **porzd* и **bolg*, разрабатывающие у славян семантику празднования, и их дериваты, используя примеры из говоров и диалектов разных регионов Сербии. Кроме того, приводятся лексемы, отражающие запрет на работу в праздник, показывается отражение этого запрета в сербских говорах, народных поверьях, фольклоре и др.

В книге автор приводит многочисленные и разнообразные примеры, в которых ярко проявляется специфика сербской народной культуры. Данная монография включает в себя описание важных культурных концептов славянской этической системы. Можно сказать, что Е. И. Якушкина вносит большой вклад в описание сербской этической системы. В работе в качестве лингвистического материала приводятся данные литературного языка и диалектов. Структура и порядок разделов монографии организованы четко, логично и последовательно. Автор проводит исчерпывающий, систематический и развернутый этимологический и семантический анализ каждой рассматриваемой лексемы или лексической группы.

Стоит также отметить, что книга Е. И. Якушкиной уникальна тем, что в ней наряду с данными диалектов и фольклора используется и литературный язык для изучения сербской народной культуры. Книга имеет большую ценность и вносит огромный вклад в изучение сербской народной культуры, представляет большой интерес для других исследователей, интересующихся сербской народной культурой и славянской культурой вообще.

Источники и литература

Толстой Н. И. Язык и культура // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 7–18.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 420 с.

Плотникова А. А. Встреча // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 452–455.

9 Там же. С. 8.

10 Там же.

11 Ср. Плотникова А. А. Встреча // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 452–455.

Якушкина Е. И. Сербская лексика в южнославянском и общеславянском контексте. М.: Издательство Московского университета, 2017. 296 с.

Якушкина Е. И. Сербская народная культура в зеркале языка. Белград; Москва; Тюмень; Воронеж; Белпак, 2018. 192 с.

References

Iakushkina, Je. I. Serbskaia leksika v iuzhnoslavianskom i obshcheslavianskom kontekste. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2017, 296 p.

Iakushkina, Je. I. *Serbskaia narodnaia kul'tura v zerkale iazyka*. Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh: Belpak, 2018, 192 p.

Plotnikova, A. A. "Vstrecha." *Slavianskije drevnosti: etnolingvističeskii slovar'*. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, pp. 452–455.

Tolstoi, N. I. "Iazyk i kul'tura," Tolstoi, N. I., Tolstaia, S. M. *Slavianskaia etnolingvistika: voprosy teorii*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2013, pp. 7–18.

Tolstoi, N. I., Tolstaia, S. M. *Slavianskaia etnolingvistika: voprosy teorii*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2013, 420 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.01

Zheng Yangtong

A conceptual vocabulary of Serbian folk culture

Zheng Yangtong

PhD student

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: Alexsasha1995@163.com

ORCID: 0000-0003-0400-4677

Citation:

Zheng Yangtong. A conceptual vocabulary of Serbian folk culture // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 479–487 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Received: 05.04.2022.

Abstract

The review presents the book by E. I. Yakushkina about Serbian folk culture and its relationships with the Serbian language. The monograph studies the dominant vocabulary relevant for understanding the traditional Serbian culture with its derivatives: the formation of meaning, semantics and semantic reconstruction of some Serbian lexemes and lexical groups which express Serbian cultural concepts.

Keywords

Language and culture, semantics, Serbian vocabulary, vocabulary groups, cultural concept.

УДК 94
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.7.01

М. Ю. Дронов

Международная научно-практическая конференция «Христианские ценности и межкультурное взаимодействие»

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
199991 Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Цитирование

Дронов М. Ю. Международная научно-практическая конференция «Христианские ценности и межкультурное взаимодействие» // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 488–491. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.7.01

Текст поступил в редакцию 01.07.2022.

17–18 июня 2022 г. в Бресте состоялась конференция, посвященная Году исторической памяти в Беларуси. Организаторами научно-практической встречи «Христианские ценности и межкультурное взаимодействие» выступили кафедра гуманитарных наук машиностроительного факультета Брестского государственного технического университета (БрГТУ), Первичная профсоюзная организация работников БрГТУ и Синодальная историческая комиссия (СИК) Белорусской православной церкви (БПЦ).

С приветственным словом к присутствовавшим на открытии конференции обратились проректор по научной работе БрГТУ к. т. н. Н. Н. Шалобыта, декан машиностроительного факультета к. т. н. С. Р. Онысько и председатель Отдела религиозного образования и катехизации Брестской епархии БПЦ протоиерей Е. И. Лихота.

С первым научным докладом выступил профессор Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске, заместитель председателя СИК БПЦ д. и. н. *К. В. Шевченко*. В частности, он поделился видением места православия в истории Карпатской Руси, подробно рассказав о судьбе православного святого Максима Сандовича (1886–1914) как «символа карпато-русской идентичности». Белорусско-российский исследователь, в. н. с. Национального исследовательского института мировой экономики и международных

отношений им. Е. М. Примакова, заместитель председателя СИК БПЦ к. и. н. *А. Д. Гронский* представил доклад «Неоязычество и деконструкция традиционной идентичности» об актуальной ситуации в Белоруссии. Участвовавшая в конференции по видео с. н. с. Института этнологии и антропологии РАН, к. и. н. *А. В. Фролова* посвятила свое выступление возрождению традиционных праздников православного месяцеслова. Источниками ей послужили полевые материалы, собранные в Архангельской области. Затем выступил еще один дистанционный участник – м. н. с. Института славяноведения (ИСл) РАН *С. М. Слоистов*. Московский исследователь сосредоточил внимание на процессах воссоединения грекокатоликов с Православной церковью на Пряшевщине (на северо-востоке Словакии) в начале 1950-х гг. В заключение первого конференционного блока прозвучало сообщение к. филос. н. *В. Н. Варич* (БрГТУ) на широко сформулированную тему «О значении символов в межкультурной коммуникации».

После обеда конференция продолжила свою работу. К. и. н. *А. Н. Свирид* (Брестский государственный университет (БрГУ) им. А. С. Пушкина) представил обзор «Православие в Бресте в контексте общественных и конфессиональных процессов в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой». Н. с. Института российской истории РАН *А. Р. Дюков* выступил с докладом «Атеист, униат или католик? Религиозная самоидентификация К. Калиновского в свете новых архивных документов». Н. с. ИСл РАН, к. и. н. *М. Ю. Дронов* продолжил русинистическую тематику, освещавшуюся в дообеденных докладах *К. В. Шевченко* и *С. М. Слоистова*, поведав о жизненном пути о. Алексия Товта (1854–1909) – русинского священника, перешедшего из унии в православие и позднее канонизированного Православной церковью Америки. Доцент БрГУ им. А. С. Пушкина, к. филос. н. *Е. А. Лагуновская* поделилась размышлениями на тему: «Ценность семьи в вероучении и социальной практике христианства». Архивист 1-й категории отдела научного использования документов и информации Государственного архива Могилевской области *А. В. Петухов* рассказал о Могилевском церковно-археологическом музее и его роли в т. н. «белорусском национально-культурном строительстве». К. и. н. *А. А. Загорнов* (БрГУ им. А. С. Пушкина) озаглавил свой доклад «Конфессиональный фактор и судебные преобразования на белорусских землях во второй половине XIX в.». К. и. н. *Л. Ю. Малыхина* (БрГТУ) поделилась результатами исследования, проведенного совместно со студенткой экономического факультета того же университета *М. А. Ровнейко*, о роли гарнизонного храма

святителя Николая Чудотворца в Брестской крепости в сохранении исторической памяти. В заключение первого конференционного дня гости Бреста под руководством гостеприимных организаторов к. и. н. С. В. Грибовой и к. и. н. В. В. Сушко осмотрели достопримечательности города.

18 июня участники конференции приняли участие в выездном научно-методическом семинаре «Роль христианских ценностей в сохранении исторической памяти. Культовые объекты Брестчины». В рамках этого семинара ученые посетили целый ряд православных и римскокатолических достопримечательностей в Брестском и Каменецком районах области. Кульминацией стало посещение агрофермы «Польский маёнтак», расположенной на территории Беловежской пуши.

По результатам научно-практической встречи планируется издание сборника докладов. Следует отметить, что в официальной программе было заявлено в несколько раз больше участников, чем прозвучало в итоге (по нашим наблюдениям, в белорусских вузах, в отличие, например, от институтов РАН, еще не началась борьба с подобным явлением). Остается надеяться, что многие из «мертвых душ», по разным причинам отсутствовавшие на заседаниях, найдут силы подготовить свои тексты для публикации в сборнике.

К сожалению, «международность» прошедшей конференции придали лишь участвовавшие в ней очно и дистанционно россияне. Некогда частые гости Бреста, украинские и польские коллеги, вследствие напряженной международной обстановки отсутствовали. Вероятно, уместным было бы присутствие на мероприятии официальных представителей Римскокатолической церкви – второй по численности верующих конфессии в республике и конкретно Брестской области.

Справедливости ради нужно отметить и то, что, хотя БрГТУ – в первую очередь технический вуз, высокому уровню организации прошедшей конференции могут позавидовать гуманитарные университеты. От имени гостей хочется выразить искреннюю благодарность оргкомитету, в современных непростых условиях предпринявшему всё возможное для реализации поставленных задач.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.7.01

М. Ю. Дронов

**The International scientific and practical conference
“Christian values and intercultural interaction”**

Mikhail Yu. Dronov
Candidate of History, research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
199991 Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Citation

Dronov M. Yu. The International scientific and practical conference “Christian values and intercultural interaction” // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 488–491 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.7.01

Received: 01.07.2022.

УДК [811.162.3+811.162.1]’282.4(045)
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.7.02

**Г. П. Пилипенко,
Е. С. Узенева,
Т. В. Шалаева**

**V Международная конференция
«Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»,**

Пилипенко Глеб Петрович
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Узенева Елена Семеновна
Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный
сотрудник, заместитель директора
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lenuzen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Шалаева Татьяна Владимировна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: koukuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Цитирование

Пилипенко Г. П., Узенева Е. С., Шалаева Т. В. V Международная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 492–509.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.7.01

Текст поступил в редакцию 18.10.2022.

Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» состоялась 8–10 сентября 2022 г. в г. Екатеринбурге и стала пятой в ряду регулярных встреч ученых, работающих в актуальных современных областях языкознания. Конференция традиционно проходит в Екатеринбурге раз в два года уже 13 лет, начиная с 2009 г., ее организаторами выступают

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. В 2022 г. научный форум работал под эгидой Комиссии по лексикологии и лексикографии при Отделении историко-филологических наук РАН и при участии комиссий по этнолингвистике, этимологии и ономастике при Международном комитете славистов.

В конференции приняли участие ученые из 8 стран ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджана, Белоруссии, Бельгии, Венгрии, Канады, Латвии, Польши, Сербии) и 18 городов России, было прочитано 94 доклада (в том числе 12 – сотрудниками Института славяноведения РАН), работал проходила в смешанном формате (оффлайн и в zoom). В выступлениях анализировался широкий спектр актуальных проблем лингвистики общего и частного порядка, обсуждались вопросы из трех указанных направлений лингвистической науки, рассматривались темы, связанные с историей языка и народной языковой традицией, а также темы теоретико-методического характера.

Особое внимание уделялось вопросам взаимодействия заявленных в названии конференции областей языкознания, в частности лингвокультурологическим аспектам ономастики, диалектологии и контактологии, этимологизации и семантической реконструкции нарицательных и собственных имен с опорой на этнолингвистическую информацию и др. Базой для докладов стали факты различных языков – русского и других славянских, а также романских, германских, финно-угорских, тюркских и пр. По количеству и географической широте участников, масштабу анализируемых проблем и научной значимости данная конференция по праву занимает одно из ведущих мест в современном научном мире и многими выступающими была приравнена к Международному съезду славистов.

Представленные на конференции доклады тематически были разделены на несколько блоков, всего было 9 секций, которые три дня работали параллельно по две, три и четыре, согласно программе конференции: 1) «Этнолингвистика», 2) «Ономастика и этимология», 3) «Русская и славянская этимология», 4) «Этнолингвистика и лингвофольклористика», 5) «Ономастика и нейминг», 6) «Этимология и этническая история», 7) «Лексикология и лексическая типология», 8) «Историко-культурный аспект ономастических исследований», 9) «Региональная и контрастная лексикология».

Конференцию открыла член-корр. РАН, профессор, зав. кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, д. ф. н. Е. Л. Березович, рассказав об истории конференции, особенностях данного форума и отдав дань памяти ушедшим за последние три года российским и зарубежным коллегам, участникам предыдущих конференций. Вечер первого дня был посвящен академику Ежи Бартминьскому, выдающемуся польскому слависту, основателю Люблинской этнолингвистической школы, председателю комиссии по этнолингвистике при Международном комитете славистов, скоропостижно скончавшемуся в феврале 2022 г.

Пленарное заседание началось выступлением М. Э. Рут (Екатеринбург), прочитавшей доклад «Ежи Бартминьский. In memoriam», в котором освещался научный путь и личная судьба ученого с мировым именем, автора концепции «открытой науки» и десятков книг, создавшего польскую научную этнолингвистическую школу, воспитавшего несколько поколений ученых, внесшего весомый вклад в развитие не только польской, но и зарубежной этнолингвистики и славистики. Продолжил конференцию совместный доклад Е. Л. Березович (Екатеринбург) и И. И. Муллонен (Петрозаводск), посвященный семантико-этимологической реконструкции заимствованных «культурных слов»: поморскому слову *гурий* ‘знак-ориентир из камня’. Ж. Ж. Варбот (Москва) предложила вниманию слушателей версии этимологии праслав. **rana*, отмечая высокую степень вероятности семантической связи **roniti* и **rana* и указывая на то, что семантика продолжений праслав. **rana* во всех славянских языках тождественна в значении ‘повреждение кожного покрова’, со считающимися переносными ‘вред, ущерб’.

В. М. Мокшенин (Санкт-Петербург) провел сопоставительное исследование лексем *стыд* и *срам* в восточнославянской паремииологии, рассмотрев их семантическое и структурное развитие и придя к выводу, что эта парная конструкция первоначально обозначала не нравственные понятия, а простое ощущение – озноб от холода. В своем докладе «К реконструкции праенисейского названия мамонта» В. В. Напольских (Ижевск) утверждал, что надежно реконструируется ПЕН **čer* (С. А. Старостин) / **ičkār* (Г. Вернер) ‘мамонт (гигантская рогатая рыба)’. Енисейское название мамонта имеет интересные внешние параллели, что позволяет говорить о древнейших, прасинокавказских истоках имени и образа мамонта – рогатой рыбы у енисейских народов.

Завершил пленарное заседание доклад С. М. Толстой (Москва) о фольклорном тексте как лингвистическом источнике. На примере

сборника севернорусских причитаний Е. В. Барсова автор показала, что фольклорный текст наряду с памятниками письменности может быть полноценным источником для изучения истории русского языка, поскольку в причитаниях отражены особенности фонетики, грамматики и лексики, характеризующие олонечские говоры русского языка.

В первый день конференции, 8 сентября, в секции «Этнолингвистика» было прочитано 8 докладов. Первые два доклада были посвящены болезни *перелог* и рассмотрению этой лексемы в этнолингвистическом аспекте. Т. А. Агапкина (Москва) в докладе «Украинские и белорусские заговоры от перелогов – слово, текст, ритуал» и Т. В. Володина (Минск) в докладе «*Ідзіце, пералогі, чорту пад ногі*: этимология и мифопоэтика этномедицинского наименования» рассмотрели восточнославянские представления, связанные с анализируемой лексемой, отдельное внимание было уделено этимологии слова, а также анализу сопутствующих верований, магических практик и многочисленных заговоров, применяемых для лечения животных. М. М. Валенцова (Москва) представила доклад «Славянская демонология: типология и ареалогия», в котором был дан подробный анализ славянских и заимствованных лексем в этой сфере народной культуры. Славянские демононимиконы рассматривались с точки зрения их состава, структуры, генезиса. Они демонстрировали значительное единство, обогащенное заимствованиями из соседних инославянских традиций и вариативными номинациями в соответствии с развитием отдельных славянских языковых систем.

М. Л. Лурье (Санкт-Петербург) и М. В. Ахметова (Москва) прочитали доклад «Птичий, девичий, бабий, мужичий, конский, македонский: детский фольклор, магический язык и телесное воображение». Авторы в русле антропологических исследований охарактеризовали детские рифмованные выражения и представили данные из интервью с информантами, в которых показали вариативность высказываний. О. А. Пашина (Москва) в докладе «Народные названия песенной мелодии и ее характеристики» проанализировала модели наименований мелодий и термины для обозначения песенного напева, отметив, что само слово *напев* употребляется крайне редко, хотя встречаются другие термины, производные от глагола *петь*, – *запев*, *пропев*, *распев*, а для обозначения песенной мелодии самыми распространенными и известными являются термины *голос* и *мотив*.

А. А. Плотникова (Москва) в докладе «Одно из сербских наименований волка и куриная жертва» говорила о лексеме *курјак*. Автор

отметила, что ритуал куриного жертвоприношения волку имеет древнюю природу (и его ареал совпадает с рядом других «звериных» праздников на сербско-болгарском пограничье), при этом на сербской территории он достаточно полно сохраняется, возможно, как мотивированный вторым, заимствованным и переосмысленным, названием волка.

Е. С. Узенева (Москва) прочитала доклад «Архаические элементы в терминологии народной культуры островного славянского говора в Албании». Автор представила языковую ситуацию в изучаемом славянском говоре Малой Преспы, были проанализированы термины народной культуры, связанные с родовыми и общинными праздниками, а также выдвинута версия возникновения амбивалентного имени *Марена*, связанного с днем чествования местного монастыря св. Марины (30.07). Закрывал секцию доклад А. В. Юдина (Гент) «Жанр литературного заговора в современной русской поэзии», в котором автор старался показать, каким образом жанр литературного (поэтического) заговора, хорошо известный в русской словесности и описанный, в частности, в работах А. Л. Топоркова, А. В. Коровашко, И. В. Кукулина, продолжает функционировать и развиваться в современной русской поэзии.

Во второй день конференции, 9 сентября, работала секция «Этнолингвистика и лингвофольклористика», в которой приняли участие 9 докладчиков. Открыла заседание Т. Н. Бунчук (Сыктывкар) докладом «Диалектное выражение *кур нестрить* в этнолингвистическом контексте», в котором были представлены данные русских диалектов, в особенности северной зоны. Н. А. Власкина (Ростов-на-Дону) в докладе «*Ильин день* в донской традиции: народные представления и фольклорные тексты» рассказала о восприятии Ильина дня в южнорусских диалектах, а также о влиянии климатических условий на традиционные народные представления, связанные с этим днем. Э. Л. Гептинг (Великий Новгород) прочитала доклад «“Мы говорим неправильно”». О восприятии собственного говора жителями Ильменского Поозерья». Автор проанализировала собственные полевые записи и метаязыковые комментарии жителей изучаемого региона, а также представила фонетические и грамматические особенности говора. В. Е. Добровольская (Москва) в докладе «*Хам и Каленые зубы*: имена персонажей сказки сюжетного типа СУС-480В*» отметила особенности сказок, в которых речь идет о людоедстве. К. А. Климова (Москва) и И. О. Никитина (Санкт-Петербург) выступили с докладом «Похоронная обрядность греков России в этнолингвистическом аспекте (по

экспедиционным материалам 2022 г.)». Докладчики рассказали о лексике, связанной с похоронной обрядностью, записанной у греков Краснодарского края, а также представили некоторые этнолингвистические данные, собранные у греков в Грузии. С. Ю. Королева (Пермь) в докладе «Антропонимы в фольклорных преданиях о первопоселенцах (на материале Северного Прикамья)» рассмотрела зафиксированные у язвинских пермяков предания о состязании между основателями деревень. Привлеченные ею исторические документы показали, что и в этом, и в ряде других случаев фольклорные антропонимы оказываются реальными именами первопоселенцев и/или лежат в основе фамилий местных жителей.

И. Лазич-Коник и С. Ристич (Белград) в докладе на сербском языке «Анализа анкетне листе вредносних концепата према старосној доби испитаника» (Анализ анкетного листа ценностных концептов в зависимости от возраста информантов) рассказали о результатах собственного исследования ценностей у носителей сербского языка. О. Д. Сурикова (Екатеринбург) выступила с докладом «Убойная служба Государева: образ войны и государства в “Причитаниях Северного края” Е. В. Барсова», в котором на материале рекрутских и свадебных причитаний из сборника Е. В. Барсова проанализировала состав и наполнение концептуальных сфер «материальный и обстоятельный контекст рекрута и невесты», указав, что в основании их противопоставления лежит гендерная и прагматическая специфика фольклорной проекции мира. Закрывал секцию доклад Г. П. Филипенко (Москва) «Некоторые карпато-балканские этнолингвистические параллели в украинском переселенческом говоре Боснии и Герцеговины», в котором докладчик проанализировал лексему *šutka* ‘освященные веточки вербы в Вербное воскресенье’ и представил типологические параллели с корнем *šut* в языках региона.

В последний день проведения конференции, 10 сентября, проходила секция «Региональная и контрастная лексикология», в которой приняли участие 10 докладчиков. Открыла заседание М. В. Ахметова (Москва) докладом «(Тамбовский) (волк) (тебе) (товарищ): об известном фразеологизме и его контексте», где на материале художественной литературы и публицистики XIX–XX вв. была рассмотрена модель, по которой образован широко известный фразеологизм *Тамбовский (брянский) волк тебе товарищ*. Автор обобщила наблюдения над использованием данного фразеологизма в речи и представила разные варианты его употребления. Е. О. Борисова (Екатеринбург) выступила с докладом

«Оттопонимическая номинативная модель в ювелирной терминологии (на примере наименования огранок)». Автор представила и проанализировала российские и зарубежные топонимы, которые встречаются при номинации огранок. *Е. В. Верижникова* и *А. И. Чиварзина* (Москва) в докладе «Македонские демонимы на фоне неславянских балканских языков» уделили внимание разграничению славянской и заимствованной лексики в македонском языке, а также ее типологическому сопоставлению, в частности с румынской лексикой изучаемой сферы. *М. М. Кондратенко* (Ярославль) в докладе «Особенности номинации времени в белорусских говорах» говорил о сочетаниях, выражающих значение времени (например, *кавалак часу*), особое внимание было уделено северо-западным белорусским диалектам. *Н. А. Красовская* (Тула) выступила с докладом «Некоторые особенности языка региональной периодики военного времени», в котором проанализировала периодические издания Тульской области, выходявшие во время Великой Отечественной войны. Докладчик отметила, что особое внимание уделялось освещению сельскохозяйственных работ в изучаемом регионе.

М. О. Леонтьева (Екатеринбург) представила доклад «К реконструкции системной метафоры в соматической лексике говоров Русского Севера». На материале соматизмов, отобранных из диалектных словарей севернорусской зоны, автор проанализировала их метафорические функции. *А. А. Парфенова* (Белгород) выступила с докладом «Синие и голубые голуби в славянских, финно-угорских и тюркских языках». На обширном материале указанных языков автор попыталась реконструировать название голубя и определить, какой цвет лежит в основе номинации. Доклад *И. И. Русиновой* (Пермь) был посвящен колоративам в мифологических рассказах о духах – помощниках колдуна на основе материалов из Пермского края. Автор отметила, что колористическая нетипичность, пестроцветность духов – помощников колдуна, принявших тот или иной облик, является маркером их принадлежности к «другому» миру – миру нечистой силы.

Е. С. Рябцева (Екатеринбург) прочитала доклад «Наивная эстетика: представления о красоте в дискурсе диалектоносителей» и представила лексемы с семантикой «красота» в речи носителей диалектов (например, *баский*). Закрыла заседание *М. В. Ясинская* (Москва), выступив с докладом «Обрядовая пища на пограничье (на материале этнолингвистических экспедиций к словенцам в Италии)». Были проанализированы данные собственных полевых записей, а также

имеющиеся лексикографические источники. Особое внимание уделялось заимствованной лексике, которая используется для номинации обрядовой пасхальной пищи.

Параллельно с этнолингвистическими секциями работали ономастико-этимологические. В первый день конференции, 8 сентября, в секции «Ономастика и этимология» было прослушано 10 докладов, посвященных происхождению апеллятивов и онимов. *Н. П. Антропов* (Минск, Белоруссия) выступил с докладом «Таинственный гапак берестяной грамоты № 330». Рассматривались значение и этимология лексемы *сологаа*, засвидетельствованной в новгородской берестяной грамоте № 330 в синтаксически неделимом словосочетании *гуска сологаа*. Показано, что основа этой лексемы является продолжением праслав. **selz-* ‘селезень’. *В. Л. Васильев* (Великий Новгород) прочитал доклад «О способах локализации и реконструкции форм средневековой топонимии», посвященный реконструкции древнего топонимикона на материале памятников письменности и современных диалектов. *Л. Г. Гулиева* (Баку, Азербайджан) сделала доклад «Русский островной говор Азербайджана и его антропонимия (современное состояние)», где отметила особенности русских переселенческих говоров данного региона, в том числе в лексике. *Ю. А. Дзиццойты* (Цхинвал, Южная Осетия) представил доклад «К этимологии эпического имени *ZERASS.E*» о происхождении имени одной из центральных героинь осетинской мифологии. *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург) в докладе «Существовала ли реально древняя финно-угорская топонимическая основа *Анд-* на территории Европейского Севера России?» высказала новую гипотезу об источнике севернорусских топонимов с элементом *Анд-*. *И. И. Муллонен* (Петрозаводск) в докладе «Карельская ойконимическая система в исторической динамике» познакомила слушателей с основными результатами научного проекта, нацеленного на исследование истории и происхождения топонимов карельского Прионежья. *К. В. Осипова* (Екатеринбург) в докладе «К вопросу о финно-угорских заимствованиях в севернорусской лексике пищи» предложила новые этимологии нескольких севернорусских названий блюд (например сев.-рус. *луда* ‘похлебка, каша из толокна’).

Доклад *И. А. Подюкова* (Пермь) «Отыменные профессионализмы в промышленной речи Прикамья» был посвящен профессиональной лексике, мотивированной антропонимами. *В. И. Супрун* (Волгоград) в докладе «*Рдяный, русый и рыжий*: этимологическое родство колоронимов» обобщил этимологические сведения об указанных прилагательных. *Ф. Г. Хисамитдинова* (Уфа) в докладе «Личные имена

мифологических персонажей в тюркской мифологии» очертила круг общетюркских мифологических имен.

Во второй день конференции, 9 сентября, в секции «Русская и славянская этимология» прозвучало 6 докладов. Заседание открыла Е. Р. Гусева (Петрозаводск) с докладом «Система указательных местоимений в севернорусских говорах», где перечислила основные модели образования указанных частей речи в севернорусском наречии и основные тенденции изменения их системы. И. Н. Дьячкова (Петрозаводск) в докладе «К проблеме этимологизации лексического компонента *варь / варя* в составе севернорусских диалектных выражений (*в первую варь, всей варью, во всю варь*)» выдвинула новую гипотезу о происхождении данных слов. Автор сделала предположение о семантическом развитии лексемы *варь* в этих оборотах из одного источника, восходящего к значению балто-славянского корня *var-* ‘количество / множество / большинство’ и его производных в русских говорах с семантикой ‘толпа’ (ряз., тамб.), ‘вес’, ‘тяжесть’ (арх., олон.). К. А. Кузнецов (Екатеринбург) в докладе «Роль фокусных частиц в реинтерпретации вопросительных местоимений как относительных в истории русского языка» проанализировал использование частицы *-то* в древнерусском и современном русском языках и высказал предположение о ее первоначальных функциях. Т. А. Макшакова и Е. Л. Березович (Екатеринбург) в докладе «К этимологии рус. *малахольный*» привели новую этимологическую версию относительно этого прилагательного. И. В. Садыкова (Томск) в докладе «Русский глагол *блюсти*: история семантического развития и словообразовательных отношений» представила диахронический обзор дериватов и значений указанного глагола. Т. В. Шалаева (Москва) в докладе «К этимологии русской диалектной лексемы *посак* ‘вор, мошенник’» обосновала новую этимологию данного диалектизма, предполагая его родство с глаголами с корнем *сак-/сач-/соч-* ‘выпрашивать, выманивать что-либо’.

Секция «Ономастика и нейминг» продолжила работу предыдущей секции и была посвящена различным аспектам ономастики в синхронии и диахронии. Открыл работу доклад Н. В. Васильевой (Москва) о метаязыке литературной ономастики в лексикографическом представлении, в котором обсуждалась метаязыковая особенность литературной ономастики, обозначаемая как мультифилологизм, и предлагалась модель терминографического описания этой дисциплины, основанная на выделении отдельных тематических кластеров. И. Т. Венрева (Екатеринбург) на материале названий сортов

и гибридов помидоров и огурцов анализировала нейминг в огородном пространстве России, М. В. Голомидова (Екатеринбург) – нейминг спортивных сооружений, его традиции и новации. И. А. Дамбуева (Улан-Удэ) занимала телескопия во французской топонимии. А. А. Иванова (Москва) изучала индивидуальные и коллективные прозвища жителей пинежской деревни как систему. И. А. Кюриунова (Петрозаводск) посвятила свой доклад «Историческая антропонимика – ключевое слово научных изысканий» обзору проблем, находящихся в ведении исторической антропонимики, среди которых: традиционные и новые подходы к исследованию антропонимического материала, способы представления научному сообществу фактологической базы, определение временных периодов, подлежащих исследованию, к которым может быть применен термин *исторический*; возможные перспективы изучения региональных антропонимиконов, их потенциал в изучении как узкоспециализированных, так и междисциплинарных антропонимических тем.

А. А. Макарова (Екатеринбург) исследовала роль солеварен и мест добычи соли в топонимии Русского Севера и Урала. О. В. Морзунова (Екатеринбург) говорила о возможности создания научно-популярного словаря русской народной хрононимии для иностранцев, обосновав необходимость подготовки такого словаря, описав его макро- и микроструктуру, проанализировав возникающие трудности. Р. В. Разумов (Ярославль) рассмотрел урбанонимы-меморативы – названия внутригородских объектов, увековечивающих память о человеке, группе людей, событии, празднике, месте, организации. Автор проследил эволюцию типов меморативов на протяжении XIX–XXI вв. Т. П. Романова (Самара) проанализировала ценностные маркеры идентичности города Самара, распределяемые по трем приоритетным линиям: «город-курорт», «запасная столица» и «авиационно-космическая столица». Каждая из этих линий представлена ключевыми визуально-вербальными комплексами, сочетающими в себе оригинальные природные объекты, архитектурные сооружения и памятники.

В третий день конференции, 10 сентября, в секции «Этимология и этническая история» выступило 9 докладчиков. В. В. Аллатов (Москва) в докладе «О формальных (не)связях ряда индоевропейских корней с семантикой зрения, света, восприятия и речи» продемонстрировал перечень индоевропейских корней, близких по фонетической структуре и семантике. Объяснение некоторых из этих связей дают естественные основания и культурные параллели, в том числе

архаичное представление о зрении как об излиянии света, а также связь нарушений зрения с нарушениями речи.

Т. Н. Дмитриева (Екатеринбург) в докладе «Полевые диалектологические исследования А. К. Матвеева на Северном Урале в 1950-е гг.» сопоставила содержащиеся в неопубликованных полевых записях А. К. Матвеева лексические заимствования с материалами словарей. Г. Дьёни (Будапешт, Венгрия) выступил с докладом «Ловушки языкознания: тюркология, история и идеология в исследовании ранней истории мадьяр» о различиях в трактовке венгерской истории в зависимости от идеологических взглядов исследователей. Автор отметил особую роль тюркизмов в венгерском языке, поскольку они могут свидетельствовать о времени и месте тюркско-венгерских языковых контактов. Тюркские заимствования, принадлежащие сфере земледелия, животноводства, общественной жизни, показывают, какое огромное влияние тюркоязычные группы оказывали на жизнь древних мадьяр. Интересно предположение автора о том, что часть этих слов имеет ареальное распространение не только в тюркских, но и в других языках Волжско-Уральского региона.

Доклад Л. П. Дроновой (Томск) «Заметки на полях этимологии» был посвящен происхождению отдельных славянских лексем, в нем на материале русского и других славянских языков приводился ряд примеров, показывающих возможность пересмотра прежних решений, нового подхода и аргументов к старым вопросам в этимологии благодаря новому, обобщающему уровню знания по истории языков, их контактам, междисциплинарным данным (слав. *kvarь; западнославянско-украинско-прикарпатская изоглосса *gazda / gazda*; рус. диал. *хизь*, *хинарный* и др.; русин., бойк., укр. *ялó* 'прилично, как следует', гуцул. *єло* (*си*)).

Н. В. Лабунец (Тюмень) в докладе «Обско-угорское наследие в топонимии по нижнему течению р. Тавды» рассказала о гидронимах на исторических картах указанного региона. Я. В. Малькова (Екатеринбург) в докладе «К этимологии рус. диал. *хармовать* 'брезговать'» проанализировала связь между названиями метеорологических явлений и эмоционального состояния человека в русских говорах. О. В. Мищенко (Екатеринбург) прочитала доклад «К этимологии рус. *цинга*» о происхождении данного названия болезни. С. В. Панченко (Екатеринбург) сделала доклад «Освоение хантыйских заимствований религиозной тематики в русских письменных источниках 1870–1930 гг.» об особенностях функционирования заимствований в лексике традиционной культуры хантов, отмеченной в текстах русских

авторов указанного периода. С. А. Толстик (Томск) в докладе «Русский национальный образ внешности: к истории и этимологии диалектного прилагательного *гойный*» представила перечень значений данного прилагательного и высказала гипотезу о логике его семантического развития. В семантической структуре *gojnъ (*jbъ*) происходит переход от семантики выращивания, выкармливания к положительной эстетической оценке человека: 'такой, которого бережно выращивают' → 'хорошо откормленный' → 'упитанный, полный, толстый' → 'красивый, видный'.

Секцию «Лексикология и лексическая типология» (10 сентября) открыл доклад Р. В. Гайдамашко (Санкт-Петербург) о названиях жимолости в русских говорах Верхнего Прикамья и коми языках (ареально-этимологический, структурно-семантический, этнолингвистический аспекты). Приводились примеры номинаций с внутренней формой «овечий сосок», а также – на более широком языковом материале – примеры модели, включающей название животного в сочетании с лексемами «грудь», «вымя», «соски (*mamma, papilla*)», «яйца (*testiculae*)». Е. Г. Галицына (Екатеринбург) говорила о народных фитонимах манжетки обыкновенной (*Alchemilla vulgaris* L.) в народной номенклатуре германских и финно-пермских языков: в английском, немецком; финском (включая ингерманландские говоры) и коми. Доклад А. Б. Инполитовой (Москва) был посвящен ономастике в русских травниках XVII–XIX веков. Автор проанализировала корпус имен собственных, выявила, что большая часть имен собственных представлена здесь антропонимами. Обычно они включаются в фитонимы: это могут быть имена персонажей христианского предания (*адамова глава, аронова борода, моисеев жезл*), разнообразные имена трав-царей (*царь Симан, царь Иван, царь Мурат*). Особую группу имен собственных в травниках составляют топонимы, которые, как правило, связаны с местностью бытования той или иной рукописи или ее протографа. В травниках упоминаются реки Двина и Волга, топонимика окрестностей Ярославля и Углича.

Е. Э. Иванова (Екатеринбург) анализировала наименования людей, добывающих самоцветные и цветные камни, в уральских говорах. Были представлены как наименования отдельных лиц (*горщик, каменщик, старатель*), так и наименования коллективов (*кумпанство, артель, складаыня*). Выделены основные номинативные модели: наименования по процессу труда (*копач, копальщик*), по характеру труда (*хитник, безбилетник*), по продукту труда (*слядянец, хризолитчик*), по конкретному месту работы (*горщик, поддериновщик*). Решался

вопрос о социолингвистической принадлежности слов: диалектное / региональное / профессиональное. В. С. Кучко (Екатеринбург) выступила с докладом о редком для ономазиологии мотиве номинации, отражающем обстоятельства обнаружения и освоения реалии, рассмотрев его на материале минералогической лексики. Проект толкового словаря нестандартных геммонимов был темой выступления С. В. Жужгова (Екатеринбург). Доклад был посвящен вопросам систематизации «каменных» номинаций, одной из основных форм которой является создание толкового словаря. Однако автор отметил, что специфика рассматриваемой лексики на данном этапе ее изучения не позволяет работать с ней в «привычных» рамках толкового словаря. Речь идет о словаре нового типа, в котором будет сочетаться опыт создания толковых и энциклопедических компендиумов. Особенностью предлагаемого «каменного» словаря будет отсутствие социолингвистического комментирования, но наличие этнографической и этнолингвистической информации.

Доклад М. В. Бобровой (Санкт-Петербург) «Отражение родственных связей людей в современных прозвищах коми-пермяков» вскрыл интересные закономерности наименований по имени / прозвищу / отличительным чертам отца, матери или бабушки / деда. С целью трансляции сведений о семейных отношениях в социальной микрогруппе коми-пермяки пользуются средствами родного и русского языков, лингвистическими средствами различных языковых уровней: лексическими (родственные отношения могут манифестироваться терминами родства, омонимами, когипонимами), словообразовательными (чаще всего наличие родственных связей передается через микроантропонимы, включающие морфемы со значением 'жена лица, названного производящей основой' (-ик(а), -их(а), -иц(а), -иин(а), -евн(а)), 'младший', 'младшие' (-онок/-ёнок, -ат(а)/-ят(а)) и пр.); грамматические: модель с образованием композитных форм, которые включают именованного номинируемого лица и его отца либо (обычно в случае внебрачного рождения) матери, редко деда; семантические: родственные связи могут обыгрываться при помощи названий взрослых и невзрослых представителей животного мира, прецедентных имен и др.

И. Б. Качинская (Москва) в докладе «Имена родства: мена терминов» на примере архангельских говоров рассмотрела смещения смыслов, зафиксированные для терминов родства. Автор отметила, что при видимой строгости соответствия термина определенному месту в структуре родства для большинства терминов отмечена

многозначность. Семантические сдвиги имеют тенденцию к односторонности: термины кровного родства распространяются на термины свойства, приемного и духовного родства, выходят за пределы родства. Семантические сдвиги, происходящие в различных группах терминов родства, не являются окказиональными, но представляют собой языковую универсалию. В докладе А. А. Смирнитской (Москва) рассматривались этнолингвистические паттерны семантических переходов в дравидийских терминах родства, а именно семантические переходы термина *мать* в языках дравидской группы, такие как обозначенные этим термином богини, болезни и др. Видимо, эти тенденции надо считать типологическими единичными для разных групп языков мира. С. В. Лесников (Санкт-Петербург) анализировал метаязык этимологического словаря русского языка М. Фасмера. Ю. А. Шкураток (Пермь) в докладе «Словарь коми-пермяцких названий мифологических персонажей: лексикографические проблемы и способы их решения» обозначила проблемы, с которыми столкнулись составители словаря коми-пермяцких демонов, в частности проблемы полноты фиксации, правильности передачи термина, надежности семантических трактовок. С подобными проблемами встречаются составители демононимиконов разных традиций, что делает доклад методологически значимым.

Секция «Историко-культурный аспект ономастических исследований» завершала рабочие заседания 10 сентября по вопросам ономастики, в ней было заслушано 11 докладов. В. Н. Калуцков (Москва) выделил основные тенденции переименования городов на постсоветском пространстве. Доклад Н. В. Комлевой (Вологда) «Текстообразующая роль имени в рассказах В. И. Белова “Вовка-Сатюк” и “Тёзки”» был посвящен изучению роли имен персонажей из двух рассказов цикла «Произведения для детей» В. И. Белова в построении таких категорий, как информативность и субъектная организация текста. Анализ всех компонентов номинативного ряда персонажа, их взаимодействия с фрагментами текста позволил выявить некоторые авторские приемы по введению в текст имени собственного: прием проприально-апеллятивной неоднозначности («Вовка-сатюк») и «семантического перевертыша» («Тёзки»). В совместном докладе Лань Лиин и М. В. Голомидовой (Екатеринбург) говорилось о специфике семантического ореола ойконима Чэнду по данным текстов китайской художественной литературы. С. А. Попов (Воронеж) сосредоточил свое внимание на ойконимах с космическими названиями в постсоветском топонимическом

пространстве, которые появились в 1920-е гг. на фоне мечты советского человека о покорении космоса и развития космической науки. Отмечалось, что среди них преобладает название красной планеты Марс, поскольку данный космоним ассоциировался с цветом революции.

О. С. Смирнова (Сухой Лог) анализировала метаморфозы имени во времени. В докладе исследовалось, как в региональном антропонимиконе г. Сухой Лог Свердловской области в течение 80 лет, с 1935 по 2015 г., менялась популярность имени *Владимир* (в том числе под влиянием авторитета личности Ленина), какие неологизмы вызвало к жизни именованье *Владимир Ильич Ленин* (*Владлен, Виль, Нинель* и др.) и прижились ли они в узусе. О. А. Теуш (Екатеринбург) рассмотрела региональные микротопонимы лальского региона Кировской области, употребленные М. С. Прянишниковым в отчете 1915 г., посвященном исследованию территорий, прилегающих к г. Лальску. Исконные топонимы интерпретировались ею ономазиологически, а заимствованные географические имена собственные этимологизировались: выявлялись источники заимствования, комментировалась внутренняя форма онимов.

Заключительное пленарное заседание открылось докладом «Из истории русских омонимов: *жупан*» А. Е. Аникина (Новосибирск), в котором с этимологических позиций рассматривались диалектные омонимы, отмеченные в русском языке для слова *жупан*. Главное внимание уделялось лексемам, засвидетельствованным в говорах Камчатки и Колымы, где рус. *жупан* 'мужчина, отождествляющий себя с женщиной' может быть заимствованием из ительм. *shoponach* 'входная дверь зимней хижины камчадалов'. Однако автор считал более вероятным, что *жупан* возникло еще до прихода русских в Сибирь – как исконно русское прозвище человека с большим или иначе «отмеченным» задом.

А. В. Гура (Москва) представил вниманию слушателей анализ названий щекотки в славянских языках и диалектах. Автор подчеркнул, что основную долю наименований щекотки составляет архаическая звуко-символическая лексика, характерная для детской речи и игрового общения с детьми. Благодаря своему примитивизму она носит универсальный характер, подчиняясь прежде всего законам нейропсихологии, а не языкового родства, что необходимо учитывать в процессе этимологизации. В записи прозвучал доклад С. Е. Никитиной (Москва) «Как душа с телом расставалась» об особенностях духовного стиха.

М. Э. Рут (Екатеринбург) поделилась опытом работы в ономастической комиссии администрации Екатеринбурга в поиске наименований новых улиц, что особенно актуально для стремительно растущих современных городов. На материале данных деловой игры в ходе проведения учебного семинара по ономазиологии были рассмотрены проблемы выбора уместного варианта названия улицы в метаязыковом сознании горожан. И. А. Седякова (Москва) проанализировала русскую и болгарскую лексику расставания в сопоставительном (этно)лингвистическом освещении, рассмотрев словообразование от **děl-*, **lǫč-* и **sta-* с префиксом **orz-* в русском и болгарском языках, с особым вниманием к их семантике и прагматике, а также к их культурным значениям в словарях фольклора и обрядности. Автор подчеркнула важность сопоставительных исследований лексики близкородственных славянских языков, которые позволяют выявить тенденции в семантическом развитии общеславянских корней и увидеть стилистические и прочие нюансы дериватов в двух языках.

Совместный доклад А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского (Москва) был посвящен изучению языка светской христианской двуименности на Руси и в России. Наличие двух имен в миру у христиан Руси как явление возникает не позднее конца XIII в. и представляет собой еще живую традицию в XIX в., тогда как у старообрядцев сохраняется дольше. В докладе авторы рассмотрели несколько общих положений и специфических тенденций, связанных со структурой и функционированием этого феномена.

Завершил работу конференции доклад А. В. Черных (Пермь) «Святочное ряжение в народной терминологии русских Урала». Автор отметил, что лексика ряжения отражает сложность и полифункциональность соответствующего обрядового комплекса. Уральский материал составляют как термины, широко распространенные в русской традиции в целом, так и характерные только для изучаемого региона (*íòðòáðéèè, íòðòáðé, íòðòáðí*). Термины ряжения отражают разные стороны обрядового феномена: соотносятся с календарным периодом, мифологическими представлениями, конкретными приемами и способами ряжения.

Организаторы конференции подготовили и издали к началу форума одноименный сборник с материалами конференции: «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Международной научной конференции. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.» / Уральский федеральный университет, Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН; [редкол.: Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 292 с. – ISBN 978-5-7996-3508-4. – Текст: электронный.

Запись докладов, прочитанных на конференции, доступна по ссылке: https://www.youtube.com/playlist?list=PLR-1lkKrRnI5Ab_12yaAr7xXmThe9xC1w

Источники и литература

Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Международной научной конференции. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. / Уральский федеральный университет, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН; [редкол.: Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 292 с. – Текст: электронный.

References

Ėtnolingvistika. Onomastika. Ėtimologija: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 7–11 sentiabria 2022 g. / Ural'skii federal'nyi universitet, Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN, Institut slaviano-vedenia RAN; [redkol.: E. L. Berezovich, O. D. Surikova (otv. red.) et al.]. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2022. – 292 p. – ISBN 978-5-7996-3508-4 – Tekst: elektronnyi.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.7.01

**G. P. Pilipenko,
E. S. Uzeneva,
T. V. Shalaeva**

The 5th International Conference “Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology”

Gleb P. Pilipenko
Candidate of Letters, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Elena S. Uzeneva
Candidate of Letters, associate professor, leading research fellow, deputy director
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: lenuzen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Tatyana V. Shalaeva
Candidate of Letters, research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: koukuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Citation

Pilipenko G. P., Uzeneva E. S., Shalaeva T. V. The 5th International Conference “Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology”, Ekaterinburg, September 8–10, 2022 // *Slavic Almanac. 2022. No 3–4. P. 492–509* (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.7.02

Received: 18.10.2022.

Научное издание

Славянский альманах

3-4 2022

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
32,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87